Борис Ковалев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Zur Autobahn
Gusino — Orscha — Smolew
Witebsk — Or — Wjasma
SMOLENSK

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Борис Ковалев

МОСКВА

ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622,6
К 56

Scan By Vitaudas & Kali

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Своим учителям: Н. Д. Козлову, Г. Л. Соболеву, Т. Е. Новицкой и незабвенному А. Я. Лейкину — посвящает автор эту книгу.

ISBN 978-5-235-03451-8

© Ковалев Б. Н., 2011
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2011

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек в оккупации. Кто он? Мужчина или женщина, старик или ребенок — что у них общего? Не покидая родного дома, они все оказались в чужом мире. В этом мире другой язык и законы. В нем не живут, а выживают. Эта книга именно об этом.

Конечно, подвиг выделяет человека из обыденности. Люди, его совершившие, стоят выше других. Говорить и писать о них в общем-то легко. За последние десятилетия написано огромное количество книг о героях антигитлеровского сопротивления и партизанах. В них есть и правда, и мифы. И уже нужно приложить немало усилий, чтобы отделить одно от другого.

Можно писать также и о предательстве, о сотрудничестве с врагом, о коллаборационизме. Причин этого сотрудничества можно найти много. Кто-то люто ненавидел советскую власть и мечтал «отплатить большевикам».

Были люди, которые мечтали всегда быть «наверху». И необязательно, какой в стране режим: красный или коричневый, коммунистический или демократический. «Власть ради власти» — вот к чему они стремились и поэтому готовы были служить любому режиму.

Многие аспекты участия граждан СССР в войне на стороне нацистской Германии советской стороной замалчивались. Для начального периода войны это было вполне объяснимо: нельзя было подрывать боевой дух советских людей. Так, газета «Пролетар-

ская правда» 19 июля 1941 года писала: «При помощи угроз, шантажа и "пятой колонны", при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребреников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...» Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев»[1].

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется следующим образом: «(от фр. *collaboration* — сотрудничество) — изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939—1945)»[2].

Но уже в годы Первой мировой войны этот термин стал приобретать подобную трактовку и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену. Никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаях и т. д. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

В нашей стране термин «коллаборационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стал употребляться лишь в последнее время. В советской ис-

торической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник родины», «пособник».

Степень ответственности людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советского сопротивления еще в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Однако вряд ли можно называть изменой размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т. д.). Трудно обвинить в чем-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог.

В талантливом фильме Леонида Быкова «Аты-баты, шли солдаты...» один из героев, рядовой Глебов, говорит лейтенанту о том, что во время оккупации он пахал. Между ними происходит следующий диалог:

— На немцев, значит, трудились?

— Да, у немцев пайки получали.

— Странно, странно. И много там у вас пахарей таких было?

— Да было уж...

Для вчерашнего советского школьника лейтенанта Суслина это почти преступление. Но Глебов, рассказывая об этом, не боится: «Вы под немцами не были. А я был. И не просто был. Я пахал под ними. Я злой и мне ничего не страшно».

Пережив оккупацию, они вступали в Красную армию, помогали своим трудом добивать нацизм. Потом эти люди вынуждены были писать в анкетах: «Да, я был на оккупированной территории».

Вторая мировая война была трагическим испытанием для многих миллионов людей. Смерть и разрушения, голод и нужда стали элементами повседневной жизни. Особенно тяжело переживалось все это на захваченных врагом территориях.

Любой человек хочет жить. Любой человек хочет, чтобы жили его родные и близкие. Но существовать

можно по-разному. Есть определенная свобода выбора: можно стать участником движения сопротивления, а кто-то предложит свои услуги иноземному захватчику.

В условиях оккупации западных районов нашей страны деятельность людей, взявших в свои руки оружие или предложивших оккупантам свой интеллектуальный потенциал, должна быть охарактеризована как измена родине, как в уголовно-правовом, так и в нравственном смысле этого понятия.

Однако, осуждая тех лиц, кто реально сотрудничал с врагом, мы должны осознавать всю сложность положения миллионов наших сограждан, оказавшихся на захваченной территории. Ведь здесь было всё: и шок от молниеносного наступления гитлеровских войск, и изощренность и качество нацистской пропаганды, и память о советских репрессиях предвоенного десятилетия. Кроме этого, оккупационная политика Германии по отношению к населению России была в первую очередь политикой «кнута», а сама территория рассматривалась как аграрно-сырьевая база для нужд рейха.

В этой книге автор попытался показать стороны повседневной жизни людей в условиях нацистской оккупации. Кто-то смог ее пережить, а кто-то нет. Кто-то уходил в леса с оружием в руках или помогал партизанам, помогал не за страх, а за совесть, а кто-то сотрудничал с гитлеровцами. Но, несмотря ни на что, в этой войне мы победили.

ОТ РЕЙНА ДО ЕНИСЕЯ...

Планы руководства Третьего рейха относительно будущего России. — «Союзное население». — Новая русская администрация. — Бургомистры и старосты

В тысячелетней истории нашего отечества события Великой Отечественной войны стали для него одними из наиболее суровых испытаний. Перед народами, населяющими страну, реально встала угроза не только лишения государственности, но и полного физического уничтожения.

Победу, за которую пришлось заплатить миллионами человеческих жизней, удалось завоевать только благодаря нерушимому союзу всех наций и народностей СССР. В ходе боевых действий большую роль играли не только военная техника и талант полководцев, но и патриотизм, интернационализм, честь и достоинство каждого человека.

В борьбе с нацистской Германией Советскому Союзу противостояло одно из самых милитаризованных государств, руководители которого стремились к мировому господству. От исхода этой схватки зависели судьбы многих народов и стран. Решался вопрос: идти им по пути социального прогресса или быть на долгое время порабощенными, отброшенными назад, к мрачным временам мракобесия и тирании.

Нацистское руководство рассчитывало на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, кон-

фликта государства с Церковью. Их планам не суждено было сбыться.

В победе, одержанной Советским Союзом над гитлеровскими захватчиками в Великой Отечественной войне, важную роль сыграло подлинное единение всего народа, находящегося на фронте, в тылу и на территории, временно занятой захватчиками.

Агрессия и террор всегда идут рядом. Они неизбежные спутники. Армия нацистского Третьего рейха, завоевывая для германского населения «жизненное пространство» на Востоке, несла смерть и разрушения. Во Второй мировой войне, жестокой и кровопролитной, Советский Союз понес самые тяжелые потери. В огне войны погибло 27 миллионов советских людей, гитлеровцы превратили в руины около 1700 советских городов и поселков, 70 тысяч деревень и сел, лишили крова около 25 миллионов советских граждан.

С первых же шагов на временно оккупированной территории завоеватели показали себя не только убийцами, грабителями и не знающими пощады террористами, но и изощренными демагогами.

Еще 15 мая 1940 года Г. Гиммлер составил и представил А. Гитлеру меморандум под названием «Некоторые мысли по поводу обращения с инородцами на Востоке». Был создан специальный институт «континентально-европейской политики». А. Розенбергу поручалось в будущем управление континентом, насчитывающим около 180 миллионов человек.

Важная роль в планах агрессии и колонизации захватываемых вермахтом территорий отводилась карательным органам и в первую очередь СС. Их руководители Гейдрих и Гиммлер активно участвовали в разработке этих планов и осуществлении экспансии. Важнейшей целью будущего похода на Восток объявлялась его немецкая колонизация.

Высшим органом Третьего рейха по управлению захваченной советской территорией являлось Министерство по делам оккупированных областей на Востоке (Восточное министерство), учрежденное указом Гитлера 18 ноября 1941 года. Во главе министерства стоял бывший подданный Российской империи, один из ве-

теранов нацистского движения Альфред Розенберг, его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории являлся Альфред Мейер.

На совещании в штаб-квартире 16 июля 1941 года Гитлер следующим образом обосновал необходимость нового административно-территориального деления на оккупированной советской территории: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем чтобы суметь, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать ее»[1].

Заигрывание со славянами, осуществление на практике пропагандистского лозунга «создание новой России — государства, свободного от большевиков» в условиях успешного осуществления плана молниеносной войны казалось руководству Третьего рейха не только непозволительной роскошью, но и ошибкой. Но подготовленные кадры из числа эмигрантов затем стали активно использоваться в пропагандистских службах, полиции, в спецслужбах и в различных подразделениях коллаборационистской «новой русской администрации» на второстепенных постах.

19 октября 1941 года обер-квартирмейстер при командовании 16-й армии вермахта выпустил циркулярное письмо «О списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии». В нем говорилось, что «новое политическое деление русского населения наталкивается на этой стадии оккупации на особенные трудности. На политических основаниях в новом строительстве не могут быть использованы ни эмигранты, ни их потомки, несмотря на их однозначно антибольшевистские настроения»[2].

Изменившееся отношение нацистов к антибольшевистской эмиграции во многом объясняется рекомендациями, которые исходили от ведомства Геббельса. Советская пропаганда в начале войны заявляла о стремлении гитлеровцев вернуть в Россию «помещиков и капиталистов, сбежавших после революции на Запад». Ставка на антисоветские элементы из числа граждан СССР должна была показать русскому населению обратное. Также оккупанты отлично понимали, что лю-

ди, почти 20 лет прожившие за границей и не знающие реалий советского общества, вряд ли смогут стать их действенными помощниками.

Оккупационные власти применяли дифференцированный подход к населению (не в последнюю очередь по критерию «расовой полноценности»): определенная часть привлекалась к сотрудничеству. Все это было направлено на достижение единственной цели — установление в России долговременного господства Германии.

25 января 1942 года Альфред Розенберг дал интервью газете «Кракауэр цайтунг», в котором шла речь «о будущем Восточных земель».

Имперский министр высказал в этой беседе свои мысли о современном и будущем положении европейского Востока и в первую очередь Имперского комиссариата Восточных земель. По его мнению, союз СССР, Великобритании и США в случае победы над Германией привел бы народы Европы к прямому физическому уничтожению, упадку культуры и установлению кровавого режима[3].

Следовательно, как писала пронацистская пресса, все жители «Новой Европы» должны объединяться в борьбе с «англо-американо-советской опасностью».

Но что касается будущего России (причем это слово ни разу в его интервью не прозвучало), Розенберг отделался весьма расплывчатым заявлением: «До окончания военных действий невозможно окончательно установить политическую форму. Тут играют роль различные факторы, которые должны быть приняты во внимание: история отдельных областей, традиции различных обществ, образ поведения краев и народов, которые находятся ныне под германским управлением, а также множество других моментов. Наша задача, а тем более задача всех других состоит только в том, чтобы упорным трудом примениться к общему положению, мобилизовать всевозможные силы, чтобы обеспечить защиту Восточных областей, а германским вооруженным силам доставить все необходимое. Готовность к честной работе и результаты ее будут решающим моментом в подготовке будущего правопорядка».

Территория Советского Союза, захваченная вермах-

том, подчинялась как военной (оперативная область), так и гражданской (области гражданского управления) администрации. Особые права получили уполномоченный по четырехлетнему плану Герман Геринг и рейхсфюрер СС, начальник немецкой полиции Генрих Гиммлер. Руководство экономикой в оккупированных областях осуществлялось штабом по управлению экономикой Ост. Службы СС и полиции не ограничивались выполнением своих непосредственных функций, их влияние на захваченных территориях в ходе войны постоянно возрастало[4].

Во главе военной администрации стоял генеральный квартирмейстер Верховного командования сухопутных войск. Общая ответственность за гражданское управление возлагалась на Имперское министерство по делам оккупированных Восточных областей.

Занятые немецкими войсками советские районы указом Гитлера от 17 июля 1941 года были разделены на рейхскомиссариаты, генеральные округа, области и округа, районы (уезды), во главе которых были поставлены рейхскомиссары, генеральные комиссары, гебитскомиссары и районные комиссары.

Имперский комиссариат «Московия» особенно беспокоил гитлеровцев. Он должен был, по их расчетам, состоять из семи генеральных комиссариатов: в Москве, Туле, Горьком, Казани, Уфе, Свердловске и Кирове. Для того чтобы «Московия» занимала как можно меньшую территорию, ряд областей с русским населением гитлеровцы собирались присоединить к соседним комиссариатам. Так, к «Остланду» (то есть к Прибалтике) должны были относиться Новгород и Смоленск; к комиссариату «Украина» — Брянск, Курск, Воронеж, Краснодар, Ставрополь и Астрахань.

Захватчики хотели, чтобы исчезло само понятие «Россия». Гитлер неоднократно заявлял, что слова «Россия», «русский», «русское» необходимо навсегда уничтожить и запретить их употребление, заменив терминами «Московия», «московское»[5].

По мере наступления германских вооруженных сил в 1941 году вся оккупированная территория России была разделена немецкими властями на три зоны.

В первой, так называемой «эвакуированной зоне», глубиной в 30—50 километров, непосредственно примыкавшей к району боевых действий, административный режим был наиболее строг и жесток. Все мирное население из этих районов принудительно отселялось в немецкий тыл. Переселенцы размещались в домах местных жителей или в лагерях, в нежилых помещениях, свинарниках, сараях. Питания в большинстве случаев они никакого не получали или получали самый минимум. Так, в Чудовском лагере Ленинградской области в 1942 году переселенцам давали только один раз в сутки жидкую баланду. Из-за голода и болезней в лагерях была очень большая смертность.

Из второй зоны жители не выселялись, но появление вне своих домов им разрешалось только в светлое время суток. Выход в поле по хозяйственным надобностям допускался лишь под конвоем немецких солдат. Такие зоны оккупанты часто создавали в районах активных действий партизанских отрядов и соединений.

В третьей зоне сохранялся общий режим, установленный нацистами на оккупированной территории.

Начиная с первых дней боевых действий, в прифронтовой полосе административные функции выполнялись непосредственно германскими военными комендатурами при помощи коллаборационистов: сельских старост и волостных старшин.

В тыловых районах создавались более усовершенствованные и разветвленные административные учреждения, но не объединенные, однако, в единую систему. Даже в условиях оккупации западных областей России нацисты не хотели создавать на этой территории какое-либо подобие государства-сателлита.

Но при этом, стремясь максимально подчинить себе население, нацисты создавали органы так называемой «новой русской администрации», к работе в которой они привлекали лиц, готовых сотрудничать с ними. Немецко-фашистские захватчики отлично осознавали, что только при действенной работе органов местного самоуправления можно успешно использовать потенциал оккупированных территорий.

С лета — осени 1941 года на оккупированных терри-

ториях России начался процесс создания пронацистских структур управления. Уже в первые недели оккупации немцы в обязательном порядке организовывали «съезды волостных и уездных бургомистров». На них проверялась укомплектованность органов «новой русской администрации». Официально в средствах массовой информации объявлялось, что целью подобных совещаний является «выработка порядка регулярного снабжения населения продуктами питания, топливом, организация судебной и административной власти, работа школ, больниц, ветеринарного и пожарного дела»[6].

На практике же присутствующие на этих собраниях немецкие офицеры ориентировали в первую очередь «новых хозяев русских городов и деревень» на активное содействие в сборе продовольствия для германской армии и борьбу с силами советского сопротивления.

Наибольшее доверие оккупанты испытывали к людям, репрессированным при советской власти. Чекистские группы, действовавшие зимой 1941/42 года на территории Ленинградской области, докладывали в Центр о следующем: «Старосты подбираются из антисоветского элемента: бывших купцов, лиц духовного звания, предателей из числа финнов и эстонцев.

В городе Любань старостами назначены:

1. Словцов М. А. — бывший певчий клироса (староста города).

2. Арсентьев Н. — родственники служили в жандармерии, староста участка.

3. Егоров В. Н. — состоял в церковной двадцатке.

В деревнях Красногвардейского района старостами стали бывший торговец, бывший белогвардеец, эстонец, финн»[7].

Параллельно с этим в ряде районов (в первую очередь на Псковщине, Новгородчине и Брянщине) силами партизан и подпольщиков в конце 1941 года удалось восстановить и сохранить органы советской власти.

Наиболее крупной территориальной единицей, созданной оккупантами, являлся административный округ. Так, были организованы Орловский и Брянский округа. Аналогичное значение имел и Псковский уезд.

В Орле, Брянске, Новгороде и Смоленске существовали городские управы, а в Пскове — уездная управа. Эти учреждения подчинялись местным германским военным комендатурам. Управы действовали под руководством «городского головы», или «обер-бургомистра». Иногда оккупантами организовывались «выборы главами хозяйств» бургомистров (обычно из нескольких кандидатов, которые могли доказать, что будут верно служить «новому порядку»), но гораздо чаще их просто назначали немецкие власти.

Начальник окружного управления непосредственно подчинялся представителю немецкого командования и получал от него указания, приказы и распоряжения. Он обязывался сообщать нацистам о настроении и положении населения. На проведение любых окружных и городских мероприятий им должно было быть получено разрешение немецких властей. Этот чиновник являлся административным начальником всех подчиненных ему районных бургомистров и старост. Аппарат окружного управления делился на девять отделов. Главным отделом считался общий. Он ведал вопросами суда, нотариата, подданства, загса, снабжения населения продуктами питания. К функции полицейского отдела относились организация полиции и ее структура, противопожарная охрана и охрана зрелищных предприятий, адресно-паспортный стол, контроль за собраниями граждан. Третий отдел ведал финансами и налогами, их сбором и начислением. Остальные подразделения считались второстепенными. Реальной власти они не имели, и работа в них велась в основном на бумаге. К ним относились отделы, имевшие названия: «Воспитание, культура, культ», «Здравоохранение, ветеринарное состояние», «Шоссейное, мостовое и дорожное строительство», «Промышленность и торговля», «Сельское хозяйство», «Лесное и дровяное хозяйство»[8].

В административном отношении крупные города делились на районы, как правило, в старых границах. В каждом городском районе создавались районные управы со старшинами во главе. В районных управах имелись следующие отделы: а) административный; б) жилищный; в) технический; г) финансовый.

Начальники отделов городской управы подбирались городским головой и с его характеристикой представлялись на утверждение германскому военному коменданту. В большинстве своем это были люди, в большей или меньшей степени обиженные советской властью. Например, новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарев, репрессированный в начале 1930-х годов. Но были и люди, которые занимали определенное положение и при советской власти. Так, городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП(б) Грузинов.

Инициатива создания местной русской администрации обычно исходила от немецко-фашистских военных комендатур, которые крайне нуждались в институте гражданской власти. Именно с этой целью в городах создавались управы. Они находились в непосредственном ведении нацистских военных властей. Однако были и исключения: в Феодосии органы местного самоуправления создала так называемая «инициативная группа» бывших работников горсовета[9]. Но в любом случае все чиновники в обязательном порядке утверждались немецкими комендантами. В аппарате городского управления могло работать от 20 до 60 человек. В городах и деревнях представители коллаборационистской администрации занимали лучшие дома (естественно, из тех, где не обосновались какие-либо германские учреждения). Так, в Пскове управа находилась в не пострадавшем от бомбардировок двухэтажном особняке в центре города. В нем были 30 просторных кабинетов для чиновников, а также поликлиника, зубоврачебный кабинет, столовая, склад, мастерская и хозяйственные кладовые[10].

Достаточно типичной для оккупированной территории России была история создания и функционирования Новгородской городской управы. На ее примере можно рассмотреть не только основные направления деятельности этого административного органа, но и дать объективную характеристику людям, там работавшим.

В августе 1941 года Новгород подвергся ожесточенной бомбардировке люфтваффе. Жители пытались

спастись от фашистских бомб в подвалах своих домов или в пригородах — Колмове и Панковке. Последние практически не пострадали, чего нельзя сказать о центре. Получил повреждения и древний Софийский собор, построенный в 1050 году. Командованию Красной армии не удалось организовать сколь-нибудь серьезной обороны города, и 19 августа 1941 года советские части отошли за реку Малый Волховец. Линия фронта стабилизировалась в двух километрах от города. Она была неизменной до января 1944 года. На Торговой стороне, непосредственно примыкавшей к линии фронта, находились только немецкие военнослужащие. На Софийской стороне, располагавшейся на другом берегу реки Волхов, продолжало жить местное население.

Первой в занятом немцами городе была создана городская управа. Ее организаторами в августе 1941 года явились Борис Андреевич Филистинский, Василий Сергеевич Пономарев, Александр Николаевич Егунов и Федор Иванович Морозов. Все они в 1930-х годах подвергались различным репрессиям со стороны советской власти[11]. Собравшись на квартире Филистинского, они узнали от хозяина, что по поводу создания «русской администрации» им получено предварительное согласие, так как он с немцами уже говорил и те поручили подобрать ему надежных людей, желающих помогать новым властям. Для них была организована встреча с немецким военным комендантом Новгорода (офицер в чине майора), тот расспросил пришедших о их биографиях, времени проживания в Новгороде, наличии образования и о репрессиях против них со стороны советской власти.

Немецкий комендант приказал наладить порядок в городском хозяйстве и назначил городским головой Пономарева, так как он был единственным из пришедших жителем Новгорода. Остальные обязанности члены вновь созданной управы распределили сами между собой. Перед уходом от немецкого коменданта все члены образованной городской управы получили специальные удостоверения на русском и немецком языках, где говорилось, что «предъявитель сего является русским администратором, утвержденным немецкой властью, и все обязаны оказывать ему содействие».

В первые недели существования Новгородской городской управы Пономарев и его помощники занялись подбором и наймом служащих, самостоятельно изыскивали средства для их содержания. Эта проблема была решена путем установления квартплаты и открытия столовой[12]. С осени 1941 года были введены новые налоги — подоходный, с двора и за содержание домашних животных. Так, например, каждый владелец коровы должен был сдать в месяц 30 литров молока.

Располагалась управа в бывшем железнодорожном клубе им. В. И. Ленина. В конце 1941 года, накануне первой немецкой эвакуации, она перебралась в подвальные помещения, так как город подвергался сильным обстрелам и бомбежкам советских войск[13].

Каждое утро городской голова был обязан приходить к немецкому коменданту с докладом о всех городских делах, о настроениях среди населения. Полученные от немецких властей распоряжения затем доводились Пономаревым до остальных членов управы.

Бургомистром Новгорода Пономарев пробыл до октября 1941 года. Можно предположить, что в условиях стабилизации линии фронта оккупанты решили с большей пользой для себя использовать его знания — профессионального историка и музейного работника.

В ноябре 1941 года бургомистром стал Федор Иванович Морозов. Практически весь первый состав управы был уволен. Новый руководитель формировал свою «команду» по принципу личной преданности ему. Оставшиеся не у дел коллаборационисты, недовольные своей отставкой, написали на имя немецкого военного коменданта заявление, в котором обвиняли Морозова и его окружение в злоупотреблении служебным положением, незаконном обогащении и разложении в быту.

После этого «сигнала» все зачинщики, пять человек, были вызваны к коменданту. Последний, вначале поругав их за склоку, согласился вновь принять на работу кого-либо из бывшего состава управы для негласного контроля за Морозовым и его окружением. Эти функции были возложены на А. Н. Егунова, который совмещал их с руководством отделом народного образования.

Примерно дней через десять после этого, 17 декабря 1941 года, Морозова убил испанский солдат. Произошло это при следующих обстоятельствах. В городской управе была организована выдача молока служащим управы, детям и беременным женщинам — по литру на человека. За молоком стали приходить и испанские солдаты, но так как его было мало, отпускалось оно им с большим неудовольствием. На почве этого случались частые недоразумения. В один из дней, когда испанские солдаты вновь пришли за молоком, Морозов находился в нетрезвом состоянии. Недовольный тем, что из-за испанцев сотрудникам управы остается мало молока, бургомистр начал с ними скандалить. Морозов кричал по-русски, а испанцы — на своем родном языке. В ходе этой перепалки бургомистр стал толкаться и спустил солдата «Голубой дивизии» с лестницы. Оскорбленный испанец выхватил пистолет и двумя выстрелами убил Морозова[14].

Третьим бургомистром Новгорода стал Дионисий Джиованни, бывший директор опытной станции в Болотной, по национальности итальянец. На этой должности он пробыл до апреля 1943 года. Джиованни, как и Пономарев, подписывался под документами как «профессор»[15].

Новгородская городская управа с декабря 1941 года располагалась на станции Болотной и стала называться Новгородской районной управой. Большинство жителей Новгорода тогда же были эвакуированы из города, так как ожидалось наступление Красной армии. Летом 1942 года часть горожан вернулась. Немцы не препятствовали возвращению тех, чьи дома находились на Софийской стороне.

Последним бургомистром Новгорода стал Николай Павлович Иванов. За свою работу от немецкого командования он получал 68 марок и рабочий паек. Согласно инструкции, полученной им от немцев, он был обязан: взять под жесткий контроль все население города; по приказам немецкой комендатуры выгонять население на работы для германской армии и произвести паспортизацию всего взрослого населения города[16]. Летом 1943 года все новгородцы получили немецкие

паспорта. Одной из первоочередных задач, поставленных оккупантами перед городской управой, было поддержание в порядке автомобильной дороги Новгород — Ленинград. Были составлены списки жителей, которые постоянно направлялись на дорожные работы. Люди разбивались на бригады, и бригадиры отчитывались о проделанной работе непосредственно перед немцами. Тех же, кто уклонялся от работ, бургомистр имел право отводить в комендатуру и сажать под арест.

При Иванове все население города в ноябре 1943 года было выселено за линию немецкой обороны «Пантера» — в Прибалтику. Н. П. Иванов оказался единственным из бургомистров Новгорода, кого удалось привлечь к уголовной ответственности. В августе 1945 года он был арестован советскими органами государственной безопасности и осужден на десять лет лагерей[17].

Все вышеперечисленные бургомистры встали на путь предательства, преследуя свои узкокорыстные цели. В условиях войны, голода и разрухи они надеялись получить за службу оккупантам значительный продовольственный паек и относительную безопасность для себя и своих близких. Ни о какой любви к родине, «стонущей под игом большевиков», естественно, говорить не приходится. Рассказы об этом появятся позднее, на Западе, когда бывшие коллаборационисты начнут сочинять мемуары о своей жизни в годы Второй мировой войны.

В Смоленске на протяжении почти всего периода оккупации (июль 1941-го — сентябрь 1943-го) бургомистром являлся бывший адвокат В. Г. Меньшагин. (Арестованный после войны советскими органами государственной безопасности, он был осужден на 25 лет тюремного заключения. Наказание отбывал во Владимире. Во второй половине 1950-х годов находился в одной камере с известным чекистом, генералом Павлом Судоплатовым. После освобождения проживал в доме престарелых в Кировске Мурманской области. Скончался в 1984 году. Оставил после себя воспоминания, опубликованные на Западе, где в основном писал о своей «борьбе за правду» во время работы защитником в суде в предвоенном Смоленске.)

Немцы ворвались в Смоленск утром 16 июля 1941 года. 17 и 18 июля они взяли под контроль население города. Под конвоем жандармов мужчин собрали в здании бывшего универмага и проверили документы. Оккупантов интересовало, не являются ли задержанные коммунистами, евреями и где они работали до начала войны.

Несмотря на то, что город все еще подвергался обстрелу со стороны частей отступающей Красной армии, его заполонили крестьяне из близлежащих деревень. Они стали грабить оставленные квартиры горожан, грузили имущество на подводы и вывозили его. Немцы никоим образом не мешали грабителям, более того, они со смехом фотографировали происходящее. Мародеры хозяйничали не только в частных домах, но и во многих государственных учреждениях. Оттуда выносились столы, стулья. Из театра тащили костюмы и декорации. Именно в таких условиях создавалась Смоленская городская управа[18].

20 июля представители смоленской интеллигенции были собраны в комендатуре, где немецкий комендант заявил им следующее: «Вы должны вместе со всеми оставшимися интеллигентными людьми работать по организации жизни оставшегося в Смоленске населения». Бургомистром (или начальником города) согласился стать В. Г. Меньшагин. Ему назначили двух помощников — профессора Б. В. Базилевского и приехавшего вместе с немцами Г. Я. Гандзюка.

В ведении Базилевского находились отдел просвещения (во главе его стоял профессор В. Е. Ефимов), отдел искусства (во главе — художник В. М. Мускатов), отдел городского врача (во главе — доцент К. Е. Ефимов), городского ветеринара (во главе — врач К. И. Семенов) и жилищный отдел (руководитель — профессор В. А. Меланьев).

Последний отдел на то время являлся самым важным для жителей Смоленска, так как в город постепенно возвращалось население из окрестных деревень и из разбомбленных в пути эвакуационных эшелонов. Все это население нуждалось в жилье. Ситуация осложнялась тем, что германское командование запрещало выдавать

ордера на комнаты евреям, а также семьям коммунистов и советских работников. По требованию оккупантов сотрудники жилищного отдела в первую очередь «очищали» от русских граждан дома, в которых должны были разместиться немцы или немецкие учреждения.

Задачи Смоленского отдела просвещения сводились к сбору сведений по запросам германского командования. Немецкие службы интересовало наличие в городе школ и вузов, регистрация находящихся в Смоленске работников образования и детей школьного возраста. С лета 1942 года в отделе началась работа по составлению учебных планов и программ для средних школ.

Отдел просвещения занимался и укомплектованием преподавателями открывающихся школ. Все учителя через бургомистра подлежали утверждению в немецкой комендатуре.

После начала функционирования школ в сентябре 1942 года немецкий отдел пропаганды в Смоленске создал новую штатную единицу — «ответственный за русское просвещение». Им стал доктор Цигаст. Поскольку он не владел русским языком, никакого реального руководства школьным делом с его стороны, естественно, не осуществлялось. Единственно, на что обращала пристальное внимание немецкая сторона, — это оформление школ (наличие портретов Гитлера и нацистской символики в классах и уровень преподавания немецкого языка).

Задачи отдела искусств состояли в сохранении музейных фондов, не эвакуированных перед оставлением Смоленска Красной армией: картины, вышивки, скульптура и посуда — все это требовало сохранения от порчи и расхищения как со стороны русских граждан, так и со стороны немецких солдат. Предполагалось, что все ценности должны быть соответствующим образом оценены немецкими специалистами, которые и определят их дальнейшую судьбу. Руководство и контроль за отделом искусств осуществлял отдел пропаганды в лице доктора Кайзера. В 1942 году все наиболее ценные экспонаты были вывезены на территорию Германии.

К обязанностям Г. Я. Гандзюка относились контроль за деятельностью полиции, тюрем, связь с немецкими разведывательными органами.

Относительно деятельности смоленского городского и окружного управлений Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений»[19].

Основным рупором нацистской пропаганды в Смоленской области была газета «Новый путь», первый номер которой вышел 15 октября 1941 года, последний — 12 сентября 1943 года. На ее страницах публиковались сообщения из Германии, о событиях на фронте и в тылу, статьи о преимуществах «нового порядка», репортажи о различных сторонах жизни Смоленска и его окрестностей. В ней же размещались распоряжения начальника города, а под рубрикой «Розыск» помещались объявления смолян о розыске родных. Бессменным редактором газеты был Константин Акимович Долгоненков (1895—1980) — в прошлом комсомольский поэт, член Союза советских писателей с 1934 года. После войны он активно публиковался в эмигрантской прессе. Скончался в Мюнхене.

Из газеты «Новый путь»:

«Интересные журналы

Каково оно? Что станет после окончательного поражения большевизма? По какому пути пойдет она? Эти вопросы, бесспорно, интересуют жителей освобожденных областей, смогут ли они получить на них полный ответ? И не случайно, что такой волнующей теме посвящена передовая статья в недавно вышедшем в свет литературно-публицистическом журнале "На переломе" № 3.

В статье "О нашем будущем" говорится о хозяйственных перспективах, принципах новой экономики, всеевропейском сотрудничестве, о национальном вопросе, культуре, искусстве. Как отмечает передовая, "мандат на возрождение России не может свалиться нам с неба и не может быть передан нам Германией в виде 'милостивого подарка', если мы сами будем сидеть, сложа руки в 'нейтральной' позе, ожидая окончания войны и награды в виде мандата на устроение

России по нашему вкусу. Нет, за этот мандат надо бороться, и лишь тогда он будет твердо признан историей.

И чем скорее будет уничтожено еврейско-большевистское господство, тем скорее придет то счастливое будущее, которое мы уже начали создавать собственными руками".

Обращает на себя внимание помещенная в журнале "На переломе" статья В. Лужского "Три года войны". Написанная простым популярным языком, она убедительно показывает истинные причины настоящей мировой войны, дает анализ ведущейся борьбы и рассказывает о ее перспективах.

Очень интересный вопрос осветил К. А. Долговенков в заметках о судьбах русского крестьянства. Сколько горя и страданий перенесло оно за свои века! Кто только не выжимал соки из многострадального русского земледельца! Тьма, беспросветная тьма и изнурительная работа всегда была на его несчастном пути. Но большевики превзошли всех и всё. Они превратили русское крестьянство в своих рабов, разорили их и заставили безропотно гнуть спину на государство.

Германская армия раскрепостила крестьян от колхозов. Во всех освобожденных областях установлен новый порядок землепользования, который является такой великой реформой, какой еще не знала история. Русский крестьянин становится самостоятельным хозяином. Произошло подлинное рождение хозяина, перед ним раскрылись широкие перспективы к богатой жизни.

"Стошестидесятый пикет" Сергея Широкова рассказывает нам об ужасах концентрационных лагерей НКВД, этих мостах живых трупов, узником которых был, наряду с миллионами других, и автор очерка. Читая "Стошестидесятый пикет", являющийся документальным материалом, мы проникаемся глубоким чувством отвращения и ненависти к сталинскому режиму, столь варварски расправлявшемуся с русским народом.

Отдел "Возрождение Родины" состоит из статей "Сила жизни" С. Георгиевского, "Культурная жизнь в ос-

вобожденных областях" Николая Володина и "Рожденные в огне" А. Муравьева и П. Иванова. Факты, которые здесь описываются, красноречиво говорят о той большой сознательной работе, которую развернуло раскрепощенное население России.

Журнал "На переломе" учит, волнует читателя, расширяет его кругозор, тревожит мысли, зовет на активную борьбу за Новую Россию, против большевизма. Живой и простой литературный язык журнала доходчив и понятен самым широким слоям населения. Нет сомнения в том, что нынешний третий номер, содержательный и интересный, найдет самый широкий спрос.

Конст. Антин».

В экстремальных условиях нацистского оккупационного режима были люди, которые шли работать в коллаборационистские органы для того, чтобы профессионально выполнять свой долг перед мирным населением. К ним относились в первую очередь работники отделов социального обеспечения и здравоохранения.

Хотя практически во всех городских управах существовали отделы социального призрения, данная категория вопросов мало интересовала как оккупантов, так и их пособников.

Отдел социального обеспечения в Смоленске возник не сразу, а лишь в начале 1942 года. В его ведении находились дом инвалидов и детский дом.

Когда в начале налаживания жизни русского населения в оккупированном немцами городе в местное управление стали приходить инвалиды и немощные старики, то возник вопрос о снабжении их хлебом. Эта задача была временно возложена на отдел просвещения, у которого во втором полугодии 1941 года не было работы, за исключением регистрации учителей и детей школьного возраста. Лишь постепенно, с ростом числа нуждающихся в социальной помощи, возник вопрос об организации самостоятельного отдела[20].

Дома престарелых часто существовали на одном энтузиазме их сотрудников. Так, в Смоленске хозяйство дома инвалидов было полностью разорено немцами — скот и запасы продовольствия изъяты. Однако директор

дома В. М. Соколов, состоявший в этой должности семь лет, сумел получить для всех больных продовольственные карточки, хотя они очень часто и не отоваривались. Поэтому реально дом существовал только на добровольные пожертвования смолян, которые в это страшное время смогли, отнимая от себя самое необходимое, спасти от голодной смерти больных людей.

Из газеты «Новый путь»:

«Городской отдел общественного призрения

Обширный пожарный двор. К зданию бывшей школы медленно идут инвалиды, старики и старухи. Это идут пенсионеры в отдел общественного призрения Смоленского городского управления получить пенсию или пособие на покупку хлеба, на лечение, на покупку лекарств и т. д.

Всех обращающихся за той или иной помощью внимательно выслушивает начальник отдела, известный смолянин профессор Базилевский. Беженцам выдаются хлеб, талоны на бесплатные обеды, их направляют в специальные общежития.

В декабре 1942 года помощь инвалидам выразилась в сумме 17.307 р. 930 инвалидам оплачена стоимость хлеба за месяц, 191 инвалид получил карточки в столовую, 122 из них обеды выдавались бесплатно. Выданы пособия семьям завербованных на работы в Германию. Через общежития отдела общественного призрения в декабре прошло 417 беженцев. Все они получали бесплатно хлеб и бесплатный обед при общежитии.

За 1942 год помощь инвалидам выразилась в следующем: оплачена стоимость хлеба по карточкам в сумме 68.712 руб. 50 коп.

Выдано 2.282 карточки на получение обедов. Оплачено 475 обедов. Выдано беженцам 13.492 руб.».

<Без автора>

Из газеты «Новый путь»:

«Городские столовые

Первая.

За июнь, июль и август первой столовой отпущено 105 тысяч обедов. Обеды давались из двух блюд, на пер-

вое блюдо были супы: ячневые, картофельные, борщ и свежая капуста; на второе давали ячневую кашу, картофельное пюре, тушеную капусту, картофельные котлеты и ржаные пироги с кашей, морковью, были и мясные котлеты и гуляш. Супы изготовлялись со сбоем, на бульоне от костей и с маргарином.

Столовая имеет супоросную свиноматку и 4 поросят.

Своими силами делается ремонт овощехранилищ, свинарника и сарая.

Столовой нужны клеенки для столов.

Восьмая.

В 8-й столовой столующимся дают почти то же, что и в первой, но супы гуще. За те же месяцы в 8-й столовой прошло обедов 90 тысяч.

Имеется супоросная свинья с 7-ю поросятами 2-месячного возраста и 4 поросенка большого возраста, всего 12 штук.

Идет ремонт столовой и двух овощехранилищ.

Вторая.

Во второй столовой обед из двух блюд. Меню почти то же, как в 1-й и 8-й столовых.

За те же месяцы прошло обедов: первого блюда около 113 тысяч и второго блюда около 80 тысяч. Столовая имеет 8 поросят.

На днях столовая закрывается на несколько дней для ремонта плиты и печи и для полуды котлов.

В июне и июле в лаборатории производился анализ взятых обедов из трех столовых, высшая калорийность в обоих случаях была во второй столовой.

Заведующему 2-й столовой вынесена благодарность.

Васильев».

Задача Смоленского отдела здравоохранения состояла в создании условий для оказания медицинской помощи русскому населению города и прилегающих районов. Уже осенью 1941 года были открыты аптека и больница. Стала функционировать и хирургическая лечебница, необходимость в которой была крайне велика. Контроль со стороны немцев за деятельностью

больниц осуществлялся гарнизонным врачом. Некоторые немецкие врачи помогали русским больницам медикаментами[21].

Таким образом, городская управа являлась исполнительным и распорядительным органом местного самоуправления, действовавшим под постоянным жестким контролем оккупантов.

К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочих, уехавших в Германию, загс и т. п., то есть все те области деятельности, которые выходили за пределы интересов города и имели общее окружное значение.

К распорядительным функциям горуправы относились области работы чисто местного характера, не представлявшие общеокружного значения.

В частности, структура Орловской городской управы (она была типична для большинства городов, находившихся в зоне действия группы армий «Центр») представляла из себя следующее.

Во главе горуправы стоял бургомистр, являвшийся должностным и административным руководителем всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений.

Главным отделом городского управления считался общий. В его компетенции находились следующие вопросы: право, суд, адвокатура, нотариат, подданство, загс, снабжение населения продуктами питания, распланировка городской территории, городское строительство, озеленение, новое жилищное строительство, распределение жилой площади, сохранение и ремонт жилищ, обеспечение населения жилой площадью, право застройки, социальное страхование, общее страхование и обеспечение.

Финансовый отдел с подотделами решал вопросы бюджета, кассового и финансового контроля, обложения налогами, начисления налогов и сбора их, рассматривал жалобы и протесты.

Далее шли:

отдел госстрахования и обеспечения с подотделами;

отдел здравоохранения с подотделами;

отдел полиции с подотделами;

транспортный отдел;

отдел заготовок и снабжения с подотделами;

отдел просвещения с подотделами (согласно положению о горуправе в его функции входило следующее: культура, культ, воспитание молодежи, благосостояние юношества, школы, религиозное воспитание детей, церковные дела, спорт, театры, кино, концерты, музеи, архивы, библиотеки, газеты и печать);

отдел права и гражданства;

отдел городского хозяйства[22].

Как видно, некоторые отделы фактически дублировали работу друг друга.

Такая форма городского управления просуществовала до весны 1943 года. Германское командование, недовольное, с одной стороны, низкой эффективностью работы этого учреждения, а с другой — непомерно раздутыми штатами чиновников, приняло решение упростить эту систему.

20 марта вышло распоряжение немецкой военной комендатуры «О новой структуре городской управы». Теперь она, согласно этому приказу, должна была выглядеть следующим образом:

1. Бургомистр города, заместитель бургомистра, чиновник особых поручений при бургомистре, ревизионная группа.

2. Общий отдел с подотделами: а) личный стол; б) канцелярия; в) хозяйственная часть; г) подотдел связи.

3. Финансовый отдел с подотделами: а) бюджетно-налоговый; б) центральная бухгалтерия; в) приходно-расходная касса.

4. Отдел государственного страхования и обеспечения с подотделами: а) социальное страхование; б) социальное обеспечение; в) страховой.

5. Отдел здравоохранения с подотделами: а) санитарный надзор; б) фармацевтический.

6. Отдел полиции с подотделами: а) паспортный; б) пожарный.

7. Транспортный отдел[23].

Практическая деятельность городской управы направлялась в основном на обеспечение немецких войск. В их распоряжение передавались больницы, жилые до-

ма. Мебель и белье при этом насильственно изымались у гражданского населения. Кроме того, горуправа в обязательном порядке обеспечивала немецкое командование гужевым транспортом, топливом и сеном.

В большинстве оккупированных районов России работа управ не устраивала оккупантов. К наиболее болезненным проблемам, имеющимся у «новой русской администрации», нацистские спецслужбы относили деятельность советской агентуры, некомпетентность сотрудников, а также массовую коррупцию и взяточничество[24].

Согласно немецким инструкциям к наиболее важным служебным обязанностям чиновников коллаборационистской администрации относилось:

1. Повиновение.
2. Сохранение служебной тайны.
3. Запрещение посторонних занятий.
4. Запрещение принимать какие-либо дары[25].

Во многом для борьбы с «приемом даров» весной 1942 года стали создаваться инспекции по гражданскому управлению. Предполагалось, что «они должны содействовать выполнению важных и ответственных задач для возвращения русского народа к нормальной человеческой жизни и для создания организационно-административных предпосылок и условий, закрепляющих это возвращение»[26].

При этом к задачам отдела инспекции относились следующие: всеобщий надзор и организация районных, городских и волостных управлений; контроль по финансовому и налоговому делу, по бюджету, кассовому делу и счетоводству района, городов и волостей; содействие при организации гражданского продовольственного, транспортного и курьерского дела, а также связи, надзор и содействие в области школьного дела и точно установленных культурных задач (то есть различных пропагандистских пронацистских акций. — *Б. К.*), здравоохранение и землеустройство, организация охраны на местах, надзор за ценами, содействие подъему торговли и сельского хозяйства.

Но в целом немцы всячески заигрывали с коллаборационистами. Кроме денежных премий и значительных

продовольственных пайков их регулярно награждали специальными орденами. Обычно это происходило ко дню рождения Адольфа Гитлера или к годовщине «освобождения данной местности от ига жидо-большевизма». Наиболее отличившиеся чиновники за время оккупации успели получить по нескольку знаков отличия. Так, главный редактор орловской газеты «Речь» Михаил Октан к лету 1943 года имел девять немецких орденов[27].

Очень часто бургомистры числились на нескольких постах одновременно. Так, псковский градоначальник Черепенькин получал жалованье сразу в трех местах, будучи бургомистром, начальником отдела пропаганды и директором музея. Еще более разноплановыми работниками показали себя бургомистр Орла Старов и его заместитель Алафузов. Согласно приказу № 103 по Орловской городской управе от 25 мая 1943 года они занимали не только вышеуказанные посты, но и являлись руководителями (естественно, за отдельную заработную плату) общего отдела, отдела просвещения и полиции. На другие должности активно назначались их родственники и друзья. Так, например, вопросами распределения продовольствия «среди малоимущих» занималась госпожа Старова — супруга бургомистра.

Пытаясь с немецкой пунктуальностью строго регламентировать деятельность руководителей городских управ, нацистские оккупационные службы подготовили специальное «Наставление бургомистрам» (*Anweisung an die Burgermeister*). Оно состояло из 12 разделов на двух языках — русском и немецком, отражающих все стороны деятельности «руководителя города».

Этот документ убедительно показывает полную зависимость «новой русской администрации» от вышеуказанных служб.

В первом пункте наставления, который назывался «Выдача разрешений на поездки», говорилось о том, что «все разрешения на передвижение выдаются местной или полевой комендатурой и должны быть подписаны германским офицером или чиновником в офицерском чине». Получить их было можно «только в особо сроч-

ных обоснованных единичных случаях, когда поездка совершается в интересах Германской Армии»[28].

В полномочия же бургомистра входило всего лишь вывешивание на вверенной ему территории объявления следующего содержания: «До особого распоряжения запрещается частным лицам:

а) ездить по железной дороге;

б) находиться на железнодорожных путях;

в) впрыгивать в поезд на ходу;

г) влезать в поезд во время стоянки.

В случае нарушения этого запрета Германской охране дано распоряжение пользоваться огнестрельным оружием».

Особенно подробно «Наставление бургомистрам» освещало вопрос о борьбе с партизанским движением. Все бургомистры и деревенские старшины несли ответственность за «безопасность и спокойствие в пределах своих волостей и деревень». Коллаборационистам грозили репрессии, вплоть до смертной казни, «за случаи набегов партизан в пределах порученной им сторожевой службы».

Поскольку партизанское движение представляло собой реальную силу, а в некоторых районах и реальную власть, бургомистрам рекомендовалось бороться с ним следующими методами: при помощи местных сил самообороны (или, как они назывались по-немецки, *Hilfspersonal* — дополнительный обслуживающий персонал); привлекая на помощь полицейские и карательные отряды; извещая ближайшую немецкую воинскую часть. Но если это было невозможно, рекомендовалось «выставлять в районах предполагаемых действий красных бандитов посты для предостережения проезжающих германских военнослужащих».

Вся служебная переписка «новой русской администрации» в обязательном порядке велась согласно распоряжению на двух языках — русском и немецком. Причем немецкий текст должен был помещаться по отношению к читателю на левой, а русский — на правой стороне листа, разделенного на две одинаковые части[29].

Из газеты «Новый путь»:

«Немецкий язык как международный язык

До сих пор немецкий язык стоял на третьем месте среди языков, употреблявшихся при международных отношениях. Кроме 105 миллионов немцев, проживающих в Германии и за границей, на земном шаре говорило на немецком языке, кроме своего родного, еще приблизительно 30 миллионов человек. Кроме того, с культурной точки зрения крайне важно, что большая часть книг общемирового значения печаталась на немецком языке.

Уже за последние годы немецкий язык получил большое значение как международный торговый язык. В ближайшие годы нужно считаться с еще большим ростом значения немецкого языка для международного общения.

Немецкий народ создал самые значительные культурные и хозяйственные ценности, и поэтому немецкий язык с полным правом играл выдающуюся роль в прошедшие столетия. На многих международных съездах, особенно технических, именно немецкий язык являлся языком специалистов-инженеров. На последней мировой конференции по силовым установкам, незадолго перед возникновением нынешней войны, 188 докладов было сделано на немецком языке, 149 — на английском и 34 — на французском.

В заключение нужно указать еще на то, что как раз в последние два десятилетия движение путешественников из-за границы в Германию, вопреки всяким ожиданиям, сильно возросло, и, таким образом, немецкий язык получил еще большее распространение.

Особенно быстро происходит увеличение числа людей, говорящих на немецком языке, сейчас, когда национал-социалистическая Германия возглавила борьбу европейских народов против мирового еврейства и большевизма.

Число людей, изучающих немецкий язык, возрастает с каждым месяцем. В ряды людей, умеющих говорить на немецком языке, должны, естественно, включиться и жители освобожденных восточных областей».

<Без автора>

На низшей ступени коллаборационистской администрации в городах и крупных населенных пунктах находились коменданты улиц и домов. В их функции входила обязанность следить за освобождающейся жилплощадью и предоставлять об этом данные жилищному отделу городской управы. По ордерам этого же отдела расселялись вновь прибывшие жильцы, а также обмерялись квартиры для начисления квартирной платы. Комендант улицы собирал квартплату, надзирал за санитарным состоянием улиц и дворов. Одной из первоочередных задач комендантов домов являлось информирование немецких властей о всех посторонних или подозрительных лицах, а также о появлении коммунистов или евреев. На коменданта и дворников возлагалась обязанность немедленного задержания этих людей и передача их в руки оккупантов[30].

При наименовании территориально-административных единиц оккупанты использовали как советские (области, районы), так и дореволюционные названия (волости, уезды). Так, территория Орловского и Брянского округов была разделена на уезды, а Псковского уезда — на районы. Административное управление в уезде (районе) осуществлялось уездной или земской управой.

Следующей административно-территориальной ступенью являлись волости. Административное управление в них поручалось волостному старшине, назначенному немцами.

Новая система управления районов, по мнению оккупационной администрации, должна была способствовать более успешному сбору сельскохозяйственной продукции. С весны 1942 года стали организовываться так называемые «агрономические участки», каждый из которых составлялся из двух-трех экономически однотипных волостей. Во главе агрономического участка ставился специалист по сельскому хозяйству, обычно в его роли выступал агроном, освобожденный от всяких административных обязанностей. Он нес ответственность за состояние и развитие своего участка. Выполнение распоряжений участкового агронома было строго обязательным для деревенских старост.

За волостным старшиной сохранялись присущие ему как «начальнику волости» административные функции. Он не мог вмешиваться в дела участкового агронома, но был обязан в необходимых случаях помогать ему в осуществлении агрономических мероприятий и в проведении в жизнь распоряжений германского командования.

Волостные старшины назначались начальниками районов и утверждались полевой комендатурой, участковые же агрономы назначались старшими агрономами района и утверждались местной сельскохозяйственной комендатурой.

Во всех распоряжениях оккупационных властей всячески подчеркивалось, что «волостные старшины, участковые агрономы обязаны работать в контакте между собой вполне самостоятельно, т. е. без административного подчинения друг другу».

Таким образом, нацисты стремились создать два конкурирующих и контролирующих друг друга административных органа. Они надеялись, что постоянные доносы друг на друга лиц, работающих там, не позволят представителям советского сопротивления организовать сколь-либо действенную работу. Также они рассчитывали на своего рода конкуренцию среди коллаборационистов в стремлении выслужиться перед оккупационными властями.

Низовым представителем власти являлся староста. Как правило, его ведению была подведомственна территория бывшего колхоза или совхоза. В августе 1941 года оккупантами было заявлено, что кроме выполнения чисто административных функций (сбора налогов, контроля за порядком, донесения в нацистские службы о всех проявлениях антинемецких настроений) старосты обязаны доводить до населения все распоряжения нацистской администрации, способствовать распространению среди односельчан идей «Великой Германии и национал-социализма»[31].

На юге России в оккупированном нацистами Краснодаре 26 сентября 1942 года под девизом «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь в борьбе против большевизма!» вышел первый номер газеты «Кубань» (выпускалась

до января 1943 года). Газета должна была содействовать нацистскому оккупационному режиму и русской коллаборационистской администрации. Это издание являлось органом управления бургомистра города С. Н. Ляшевского. Редакция располагалась по адресу: Краснодар, ул. Шаумяна, дом 50. Газета продавалась за 1 рубль 50 копеек.

Из газеты «Кубань»:

«Хороший староста

Перед приходом немецких военных частей, когда большевики в смятении отступали, в ауле Псейтук Тахтамукаевского района появились написанные от руки листовки с призывом к колхозникам не давать большевикам эвакуировать молодежь. Как потом выяснилось, листовки писал председатель колхоза Абадзе Биболетов.

Призыв достиг цели: ни один юноша из аула Псейтук не эвакуировался.

Вскоре Абадзе Биболетова мобилизовали, но храбрый и честный человек не захотел воевать за неправое дело. Он убежал из красной армии, установил связь с группой таких же дезертиров и снабжал их продуктами.

Встретив на дороге эвакуирующийся скот, он сумел повернуть его обратно и доставить целиком в колхоз "Заем" аула Панахес.

После прихода немецких военных частей жители аула Афипсис Тахтамукаевского района единодушно избрали Абадзе Биболетова своим старостой.

Зимча».

Уездные и волостные управы периодически собирали совещания волостных старшин, на которых обязательно присутствовали представители от немцев. Полученные на этих совещаниях задания волостные старшины доводили до сведения сельских старост, точно так же созывая их на совещания. В некоторых уездах Смоленского округа они проводились еженедельно.

Старосты давали письменное обязательство исполнять все распоряжения германских властей, всячески

препятствовать каким бы то ни было антинемецким выступлениям и сообщать немецким органам о подготовке таких выступлений. Политическая благонадежность и преданность старосты проверялась жандармерией, тайной полевой полицией или непосредственно комендатурой, и в дальнейшем он находился под постоянным негласным наблюдением этих органов.

Согласно немецким инструкциям 1941—1942 годов, в функции старост входили:

1) организация облав и розыски скрывающихся военнослужащих РККА, парашютистов, партизан, членов ВКП(б), советских активистов и выявление лиц, дающих им убежище и пищу;

2) изъятие у населения оружия, боеприпасов, подрывных средств, советского военного обмундирования, радио- и фотоаппаратов, почтовых голубей;

3) розыски продовольственных и военных складов, реквизиции сельскохозяйственных продуктов у населения;

4) организация сельхозработ;

5) организация вспомогательной полиции из местных жителей, поддержание внешнего порядка; наблюдение за прекращением уличного движения после установленного часа;

6) обеспечение светомаскировки, уборка улиц, погребение трупов и ликвидация других следов военных действий;

7) учет местного населения и выявление всех пришлых и подозрительных элементов;

8) привлечение населения на военно-строительные и дорожные работы;

9) проведение различных репрессий, в частности против евреев и коммунистов.

Староста был обязан доводить до населения распоряжения немецких властей. Все просьбы и ходатайства на имя германских властей могли подаваться мирными жителями только через старосту. Им предоставлялось право наказывать жителей, но только за маловажные проступки, которые не носили характера антинемецких выступлений. Старосты могли налагать денежные штрафы до тысячи рублей, сажать провинившихся под

арест и отправлять на принудительные работы сроком до 14 дней. В случае каких-либо проступков против немцев наказание определялось немцами[32].

В районах действий партизан старосты получали пистолет, винтовку или охотничье ружье и снабжались удостоверением сроком на один—три месяца, по истечении которого удостоверение продлевалось или менялось. Это делалось для того, чтобы предотвратить возможность их подделки представителями антигитлеровского сопротивления.

Староста обычно назначался из местных жителей. За свою работу он получал жалованье. Оно собиралось за счет самих односельчан.

Иногда немцы проводили «выборы» старост. К ним допускались только взрослые мужчины, являвшиеся «главами семей». Кандидатура в данном случае рекомендовалась немецким офицером, а сами выборы происходили в его присутствии открытым голосованием.

За неподчинение старостам, жалобы и тем более покушение на них виновники подвергались жестоким наказаниям, вплоть до расстрела или повешения.

К важной задаче, которую должны были выполнять сельские жители под руководством старост, относилось поддержание в порядке дорог, в особенности зимой. Так, на совещании 31 января 1942 года в Смоленске представитель немецкой полевой комендатуры особое внимание уделил вопросу об обязательной очистке от снежных заносов дорог, имеющих стратегическое значение, и подъездных путей к ним. Волости, на территории которых проходили трассы, большаки, шоссе, имевшие военное значение и являвшиеся путями передвижения воинских частей, должны были систематически очищаться населением от снега[33].

С целью максимального изъятия продуктов питания в управах появились так называемые «заготовители». Официально они занимались закупкой в деревнях продовольствия для городского населения. Расплачивались «заготовители» не деньгами, а специальными бонами на определенные суммы. Предполагалось, что лица, сдавшие продукты, смогут по этим бонам приобрести в городских магазинах военно-хозяйственной инспекции

необходимые товары народного потребления: одежду, махорку, спички, стекло, женское и детское белье. На практике это вылилось в очередной обман. Сельскохозяйственные продукты отправлялись в Германию, а в магазинах цены были выше рыночных. Затем товары в них вообще перестали продаваться русскому населению.

Такое положение сохранялось в сельских местностях оккупированных территорий до лета 1943 года, когда в результате коренного перелома в Великой Отечественной войне оккупанты были вынуждены пойти на ряд уступок. В деревнях стали создаваться так называемые «Русские управления». Немецкая пропаганда теперь всячески внушала русскому населению мысль, что главная функция старосты как «хозяина» деревни заключается в заботе о вверенном ему населении. Теперь он официально должен был заниматься «заботой о привлечении всех трудоспособных к работам по хозяйству и отвечать за его исправность». Оговаривалось, что староста несет особую ответственность за своевременную уборку всего урожая и целесообразную охрану запасов. Также он был ответствен за «справедливое» распределение продовольствия среди граждан, выполняющих различные виды работ.

В условиях прямого ограбления крестьянства, которое в преддверии эвакуации никаким образом представителями немецкой армии не сдерживалось, от имени «Русского управления» нацисты издали указ «О воспрещении самочинства и самосудства отдельными солдатами и офицерами над мирным населением»[34].

«Русские управления» на словах ведали всеми хозяйственными и социальными вопросами, но на практике их работа, широко разрекламированная на страницах коллаборационистской печати, делалась лишь на бумаге.

Однако оккупанты и их пособники могли хозяйничать далеко не на всей территории России, оказавшейся в тылу германских войск. После быстрого продвижения линии фронта в 1941 году некоторые районы, особенно лежащие в стороне от железных и шоссейных дорог, оказались вне контроля вермахта. В этих условиях

антифашистское сопротивление смогло восстановить органы советской власти в тылу врага. Так, в Первый партизанский край на Северо-Западе РСФСР, образовавшийся осенью 1941 года, входили территории Белебёлковского и большей части Дедовичского районов Ленинградской области.

Перед партизанами встала задача создания органа, который смог бы взять на себя ответственность за боевую, политическую и административную деятельность в освобожденных деревнях. Эти функции осенью 1941 года были возложены на оргтройки — своеобразные органы советской власти, в силу специфики своей деятельности исполнявшие партийно-политические функции. Как правило, в нее входили партийный работник, работник райисполкома и военно-административный работник. Руководство Партизанского края в лице комиссара 2-й партизанской бригады С. А. Орлова рекомендовало оргтройкам «больше проявлять своей собственной инициативы»[35].

С учетом обстановки в тылу врага создавались также межрайонные партийные центры и окружные комитеты, которые координировали работу партизан и подпольщиков в той или иной группе районов области. В их функции, кроме разведывательной, входили налаживание устной и печатной пропаганды и агитации среди населения и военнопленных, разъяснение правды о Советском Союзе, о борьбе Красной армии и всего советского народа против захватчиков, срыв политических и экономических мероприятий оккупационных властей[36].

В условиях вражеской оккупации на территории России часто действовали параллельно как советские, так и коллаборационистские органы власти. Несмотря на активную поддержку нацистов, так называемая «новая русская администрация» не смогла взять под жесткий контроль значительную часть населения оккупированных районов России.

Оккупированные области Российской Федерации не получили единой системы управления. Нацисты изначально отвергали любые идеи о создании какого-либо подобия марионеточного русского государственного

образования, пусть даже целиком зависящего от Третьего рейха.

В каждом районе захватчики действовали в зависимости от их потребностей. Они сводились к максимальной эксплуатации местных человеческих и материальных ресурсов.

Немецкая оккупационная политика варьировалась в разных районах в зависимости от возможности осуществления за ними тотального контроля. Там, где была высокая концентрация войск, в прифронтовых районах, она в основном проводилась репрессивными методами. В тех местах, где сил у захватчиков было меньше, широко использовалась ширма «новой русской администрации». За ее декларативными заявлениями заботы о нуждах мирного населения скрывалась та же задача: максимальное содействие гитлеровцам в их войне против Советского Союза.

Глава вторая

ПОВСЕДНЕВНАЯ НЕПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Антифашистское сопротивление на оккупированной территории

Героизм — явление неповседневное. Про партизан и подпольщиков написаны тысячи книг и статей. И тем не менее без упоминания об антифашистском сопротивлении книга о повседневной жизни наших соотечественников в условиях нацистской оккупации не может быть полной и всесторонней.

В начальный период войны партизанское движение испытало на себе все трудности и невзгоды, обусловленные неподготовленностью советских людей к ведению такого способа сопротивления врагу.

До начала боевых действий тезис о том, что будущая война (о неизбежности которой так часто говорило советское руководство) будет проходить на «чужой территории» и «малой кровью — могучим ударом» являлся официальным. Таким образом, даже мысль о партизан-

ской войне на *своей* территории представлялась враждебной и вредительской. Печальный опыт «зимней войны» с Финляндией (1939—1940 годы) практически ничему советское руководство не научил.

В условиях отступления Красной армии летом — осенью 1941 года отсутствие подготовленных кадров, разработанной системы руководства, потайных баз с оружием и продовольствием обрекли первые партизанские формирования на длительные и мучительные поиски всего того, что было необходимо для осуществления эффективных боевых действий. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начинать практически с нуля.

В первые месяцы войны основной массе населения оккупированной территории было неизвестно содержание директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года и постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск», изданных под грифом «секретно» и доведенных до узкого круга руководящих партийных работников в советском тылу[1].

Каждому району была дана разверстка по количественному составу партизанских отрядов, их вооружению и экипировке. Подобная практика формирования сил сопротивления, проходившая в условиях наступления вермахта, способствовала вовлечению в ряды партизан и подпольщиков случайных лиц.

Возникали сложности и с организацией пропагандистской работы. Поскольку издавать листовки в тылу врага было сложно, в Ленинграде и Москве заранее отпечатали и отправили в районы, оказавшиеся под угрозой оккупации, более трех миллионов листовок[2].

Для этой цели были израсходованы значительные запасы бумаги. Большинство прокламаций, посвященных разоблачению агрессивных устремлений фашизма, писались партийными работниками примитивным, грубым языком. В условиях многочисленных пропагандистских демаршей нацистов они не только не достигли поставленной цели, но и во многом способствовали недоверию к советской пропаганде со стороны мирного населения в первые недели оккупации[3].

Главную цель своей работы среди населения оккупированных районов советские политические органы видели в том, чтобы поднять народные массы на всенародную борьбу против фашистских захватчиков. Для этого предполагалось постоянно и своевременно информировать население о ходе Великой Отечественной войны, о действиях РККА, о героизме бойцов и командиров, партизан, тружеников советского тыла, укреплять у людей веру в неизбежность полного разгрома фашистской Германии.

Однако на первом этапе войны значительно недооценивалась такая форма борьбы с противником, как контрпропаганда. Так, в ноябре 1941 года начальник Политического управления Северо-Западного фронта писал в Главное политическое управление РККА: «В провокационном и авантюристическом характере, в лживости враждебной пропаганды ее главная слабость... Поэтому-то фашистская пропаганда и не доходит до населения, на которое рассчитана. Поэтому-то в нашей пропаганде нет необходимости даже опровергать содержание вражеских газет и листовок, ибо их опровергают сами фашисты своими делами: убийствами, грабежами, насилием, которые они чинят в оккупированных районах»[4].

К этому времени гитлеровцам удалось полностью развернуть свои пропагандистские подразделения на оккупированной территории. Недооценка их деятельности негативно отражалась на всем комплексе советских пропагандистских акций: распространении советских газет и листовок, прокламаций, обращенных к солдатам противника, беседах и встречах с мирным населением.

В большинстве своем приемники, способные принимать радиопередачи с большого расстояния, были изъяты у населения советскими органами еще в конце июня 1941 года. В условиях начавшейся вражеской оккупации возможность активизировать сопротивление врагу путем радиопередач из Москвы и Ленинграда сократилась до минимума. Находясь в информационной блокаде, народные мстители опасались самостоятельно начинать пропагандистскую работу, так как изначально

предполагалось, что все материалы будут доставляться из Центра.

Так, на Северо-Западе России в 1941 году партизаны смогли подготовить лишь одну подпольную типографию. В лес, около деревни Блятская Мельница Полновского района, удалось заблаговременно вывезти из районного центра печатный станок, шрифт, краску и бумагу. С ее помощью антигитлеровское сопротивление наладило выпуск листовок и газет для жителей Полновского и Гдовского районов. Прокламации излагали краткое содержание (из-за дефицита бумаги) сводок Совинформбюро.

Народные мстители не всегда имели оперативную и объективную информацию из-за линии фронта, а их самостоятельная работа сковывалась боязнью допустить политическую ошибку. Первые месяцы войны вскрыли важнейшие недостатки советской пропаганды: ее абстрактность и неоперативность. Они были связаны с отсутствием у пропагандистов практического опыта ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником в предвоенные годы, а также опасением допустить при самостоятельной работе политическую ошибку.

В самом начале Великой Отечественной войны в районы, находившиеся под угрозой захвата врагом, были направлены руководящие партийные и советские работники, которые провели организацию партизанских отрядов, диверсионных групп, подпольных ячеек и истребительных батальонов. Одновременно в районах были созданы скрытые базы оружия, боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Но небольшое количество времени, хаос начала войны, слабая подготовка будущих партизанских кадров крайне негативно отразились на этой важной и ответственной работе.

Многие из подготовленных баз с продовольствием и вооружением оказались разграбленными местным населением, о многих из них очень быстро становилось известно гитлеровцам и их пособникам — первые партизаны очень плохо осознавали важность конспирации.

Партизанские отряды и подпольные группы создавались в спешке, поэтому и не удавалось сформировать

в нужном количестве тайники с продовольствием и вооружением для создававшихся партизанских отрядов. Так, в Залучском районе Ленинградской области, где в партизанский отряд некоторые коммунисты вовлекались под угрозами исключения из партии, продовольственные базы были ликвидированы за несколько августовских дней. Причем только центральную базу уничтожили немцы, а остальные были растащены местным населением. Они были выданы односельчанам партизаном Яковлевым, который должен был их охранять[5].

Но бороться с врагом можно самыми различными способами. Одной из первых, наиболее доступных форм сопротивления стала забота о военнослужащих, оказавшихся в окружении или бежавших из плена. Несмотря на то, что за кусок хлеба, кружку воды, поданных незнакомому человеку, нередко грозило суровое наказание, многие жители тайком кормили их, укрывали, лечили раненых и больных, переодевали в гражданское платье, сопровождали в качестве проводников к линии фронта[6].

Однако далеко не все жители даже в одной и той же деревне были настроены столь патриотично. Источники рисуют довольно пеструю картину настроения и поведения людей, внезапно оказавшихся в оккупации.

В этом отношении показательно наблюдение немецкого солдата, оставившего в дневнике, найденном в начале 1942 года, следующую запись: «В Лозовой имели контакт с русским населением. Очень многих нельзя было разуверить в том, что большевизм, в конце концов, одержит победу. Другие не знали, в какую краску перекраситься. И, наконец, некоторые настроены были очень дружелюбно к немцам и желали, чтобы большевики были подальше. Происходило ли это от убеждений или от страха, я не знаю».

Разнородность поведения жителей по отношению к оккупантам крайне затрудняла установление и поддержание связи первых партизан с теми людьми, которые были готовы оказывать им какую-либо помощь. Эта работа требовала большой осторожности, времени, знания правил конспирации, умения вести агитацию и пропаганду.

До сих пор существует немало сложных дискуссионных вопросов, связанных с партизанским движением в тылу вермахта. Высокая степень идеологизации и героизации движения сопротивления гитлеровцам привела к тому, что на протяжении десятилетий в большинстве книг и статей формировался весьма однобокий образ партизана. О партизанской борьбе говорилось только как о «ярчайшем проявлении беззаветной преданности советского народа своей социалистической Родине, его несгибаемой воли во имя победы над фашизмом и упрочения нового общественного строя»[7].

Следует отметить, что в те страшные годы партизанами себя называли не только представители народного сопротивления гитлеровцам. Красную ленточку на головной убор могли нацепить и дезертиры, пытающиеся пересидеть в лесу войну, и лжепартизаны, выполнявшие задания немецких спецслужб.

Был неоднороден и сам состав партизанских отрядов. По принципу формирования их можно разделить на три основные группы, отличающиеся друг от друга.

Первоначальная деятельность партизанских отрядов была направлена на расчистку близлежащих населенных пунктов от немецких ставленников в оккупационной администрации, полицейских и осведомителей. Такие меры диктовались сложившейся обстановкой в тылу врага. Они создавали благоприятные условия для расширения и укрепления связи с местным населением, включения его в борьбу с захватчиками[8].

Самые первые из этих отрядов были сформированы еще до захвата гитлеровцами западных областей России, летом — осенью 1941 года. В них вошли бойцы истребительных батальонов. С оккупацией районов созданные отряды и группы оставались для борьбы с противником в его тылу. Основное ядро этих подразделений составляли местные коммунисты и комсомольцы, в качестве командиров, комиссаров и начальников штабов — руководящие партийные и советские работники в лице секретарей райкомов и горкомов ВКП(б), заведующих отделами и инструкторов, а также председателей и работников исполкомов районных Советов

депутатов трудящихся, руководителей хозяйственных организаций и предприятий.

Эти отряды изначально были вооружены и имели возможность создавать в лесу продовольственные базы. Впоследствии, с уходом партизан в леса, базы пополнялись за счет бойцов и командиров Красной армии, попавших в окружение, а также других советских граждан, продолжавших с оружием в руках вести борьбу против немецких захватчиков.

Следует отметить, что далеко не всегда работа по созданию этих отрядов проходила успешно. Так, в докладе политуправления Северного фронта «Об организации и действиях истребительных батальонов по Ленинградской области» от 18 июля 1941 года указывалось, что руководство Солецкого и Гдовского районов само эвакуировалось и ничего не сделало для организации истребительных батальонов, партизанских отрядов и групп самообороны. В Батецком, Мстинском, Валдайском районах руководство в связи с наступлением немцев растерялось. Так что до приезда представителей политуправления и обкома партии партизанские отряды не были созданы[9].

Из-за голода осенью 1941 года значительная часть сформированных партизанских отрядов распалась. Как уже отмечалось, на настроение советского сопротивления негативное влияние оказывало отсутствие информации о положении на фронтах, о судьбе Москвы и Ленинграда. Все это обусловило разброд и шатания внутри самих партизан.

Однако 1941 год принес и определенные позитивные результаты: Советский Союз сорвал планы молниеносной войны, и поэтому оккупанты были вынуждены перестраивать свою пропагандистскую работу. Партизаны и подпольщики получили первоначальный опыт в проведении идеологических акций.

Вторую группу составляли наиболее крупные и боеспособные отряды, организованные в декабре 1941-го — феврале 1942 года из бойцов и командиров регулярной армии, попавших в окружение или бежавших из плена. Эти отряды обычно начинали свою деятельность с небольших групп военнослужащих, которые сами вы-

бирали командиров и объявляли себя партизанскими отрядами.

Очень часто в избрании руководства решающую роль играли не звания и регалии, полученные до войны. Ведь многие офицеры, выходя из окружения, снимали с себя знаки отличия, уничтожали документы. Таким образом они уравнивали себя с простыми красноармейцами. Лишь самые хорошие организаторы, смелые и ответственные люди, заслуживали доверие со стороны своих товарищей.

В течение нескольких недель такая группа разрасталась и обретала большую силу. Основным требованием при вступлении в такой отряд было наличие оружия. Требовалось также согласие всего отряда. Независимо от военного звания каждый вновь прибывший становился рядовым бойцом[10].

Приток окруженцев в образовавшиеся партизанские отряды придавал этим подразделениям четкую организованность, военную мобильность, боевую активность. Для большинства партизан, впервые взявшихся за оружие, бойцы Красной армии были первыми наставниками и командирами, примером поведения в бою.

Таким образом, можно отметить, что военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена, сыграли значительную роль в организации и становлении первых партизанских отрядов. Их численность в отрядах в этот период доходила до 50 и более процентов всего личного состава. Так, летом 1942 года доля бывших окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской области составляла 28 процентов, в Калининской — 50, в Смоленской и Орловской областях — 40—60 процентов.

На основе данных военной статистики и материалов Центрального штаба партизанского движения можно установить, что в партизанском движении в годы войны участвовало около 500 тысяч военнослужащих.

Значительную группу партизанских отрядов составили отряды, организованные зимой 1941/42 года из групп местной самообороны. Эти группы изначально создавались для защиты от мародеров. Они не имели большого боевого опыта и были гораздо менее обеспе-

чены, чем первые две группы партизан. В их рядах находились в основном женщины, подростки и пожилые мужчины. С оружием больших проблем не было, ведь в ходе советского отступления 1941 года немалое количество его оказалось у местного населения. Но владеть им могли единицы. Еще хуже силы «самообороны» были обучены военному делу.

Характерная особенность развития партизанского движения осенью и зимой 1941/42 года состояла в том, что наряду со сложившимися отрядами во многих населенных пунктах образовались и действовали подпольные партизанские группы. Они накапливали оружие и боеприпасы, вели среди населения антифашистскую пропаганду, выявляли единомышленников, проводили различные диверсионные акты. Переход к открытой вооруженной борьбе сдерживался, как правило, отсутствием оборудованных лесных лагерей, запасов продовольствия, суровыми условиями зимы.

Подполье играло существенную роль в сопротивлении оккупантам. По сути своей оно было партийным, так как создавалось партийными комитетами и руководилось в основном партийными работниками, хотя в него вовлекались также комсомольцы и беспартийные граждане. Уже к концу 1941 года на оккупированной территории действовало 18 подпольных обкомов и более 260 городских и районных комитетов партии. Подпольщики вели разведку, изготовляли и распространяли листовки, газеты, прокламации, доводили до населения наиболее важные постановления и воззвания коммунистической партии и советского правительства, совершали диверсионные и террористические акты, организовывали саботаж, помогали партизанам, боролись с гитлеровской пропагандой. Они внедрялись в военные и административные учреждения противника с целью добывания информации, предупреждения населения о готовившихся облавах, а партизан — о карательных экспедициях против них[11].

Постепенно сеть подпольных организаций ширилась. С приобретением опыта конспирации росла их живучесть, а деятельность становилась все заметнее и эффективнее. Они распространили свою работу и на

немецких солдат. Умело компрометировали в глазах оккупационных властей сотрудничавших с ними коллаборационистов, чтобы устранить их, уничтожали их физически.

Не только партизаны и подпольщики выполняли задания советского командования. Начиная с конца 1941 года на оккупированную территорию из советского тыла стали засылаться партийные группы, состоявшие из коммунистов. Эти группы формировались зимой 1941/42 года в оперативной полосе Северо-Западного фронта, но носили они рейдовый характер, возвращались после проведения операций в советский тыл. Во время выполнения операций рейдовые группы распространяли советские газеты и листовки, встречались с населением. Одна из их задач заключалась в сборе материалов разведывательного характера.

Вследствие жестокого характера оккупационного режима, слабого знания обстановки на местах большинство партийных групп понесло значительные потери. Некоторые из них не смогли пробраться через линию фронта в свои районы или же прекратили свою деятельность в первые дни и недели.

Нельзя однозначно оценить эффективность этих боевых подразделений. В первые месяцы войны они часто создавались по формальным признакам, то есть в них включали активных членов партии, не имевших необходимого опыта обращения с оружием и достаточной физической подготовки. Задания они получали самые широкие и часто взаимоисключающие друг друга: распространение листовок среди местного населения и немецких солдат, сбор разведывательной информации, диверсионно-террористические акты.

Слабое знание оперативной обстановки, положения на местах, вера в классовую солидарность «немецких рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели», привели к тому, что большинство этих партийных групп было уничтожено. Лишь единицам удалось выйти в советский тыл.

Эта трагедия во многом связана с деятельностью Л. Мехлиса, который в первые месяцы войны возглавлял Главное политуправление РККА. Ю. Басистов в сво-

ей работе «Особый театр военных действий» отмечает, что «в начале войны сработали старые представления о "пролетарской солидарности", "классовых симпатиях немецких трудящихся к первому государству рабочих и крестьян". В листовках солдат вермахта призывали повернуть оружие против "общего врага", свергать гитлеровский режим. Не учитывали реалий и предложения создавать в немецких частях антифашистские комитеты».

До апреля 1942 года эпиграфом на всех наших листовках был малопонятный призыв: «Прощай, Москва, долой Гитлера». Именно руководство Главполитуправления настояло на его использовании.

Война быстро развеивала иллюзии, учила менять формы работы. Если в 1941 году партийные группы, заброшенные в немецкий тыл, распространяли листовки, полученные в Центре, обычно написанные в Москве и Ленинграде, то уже к 1942 году ситуация начинает меняться. Руководство партизанского движения начинает понимать, что только оперативная информация и местный материал дают наибольший пропагандистский эффект.

Очень важным для руководства партизанских отрядов и подполья был вопрос о доверии людям. Малейшая неосторожность и благодушие, излишняя подозрительность и поспешность приводили к тяжелым и непоправимым последствиям. В этой обстановке положение партизан было сложным. Наиболее уверенно и защищенно чувствовали себя те отряды, бойцы которых являлись выходцами из местных деревень и сел. Большинство из них знали друг друга по довоенной жизни и работе, а некоторые были связаны родственными отношениями[12].

Живая и непрерывная связь с населением делала эти отряды почти неуловимыми для врага, так как местные жители своевременно информировали их о карательных мероприятиях противника. Не испытывали такие отряды, как правило, серьезных затруднений в продуктах питания, одежде, обуви, а также в вооружении благодаря активной помощи односельчан в сборе его на полях сражений[13].

Намного сложнее было наладить прочные связи с населением отрядам и группам, прибывавшим из-за линии фронта. Несмотря на неплохую военную подготовку и экипировку, многим из них не удавалось закрепиться и развернуть боевую деятельность на оккупированной территории. Израсходовав взятые с собой запасы продуктов и боеприпасов, не сумев наладить прочных и устойчивых связей с местным населением, они оказывались в исключительно трудном положении. Рано наступившая холодная и снежная зима, отсутствие теплой одежды и продовольствия вынуждали их выходить обратно в советский тыл.

На первом этапе партизанского движения в начале Великой Отечественной войны боевая деятельность партизан ограничивалась небольшими операциями против войск противника путем устройства засад, минирования шоссейных и грунтовых дорог, подрыва небольших мостов, разрушения линий связи, а также нападения на отдельно следующие отряды противника.

Однако, быстро разрастаясь и принимая всё более широкий размах, партизанское движение в тылу противника по мере приобретения опыта и боевой закалки партизан к началу 1942 года приняло формы крупных и организованных, хорошо подготовленных и проверенных боевых операций по разгрому гарнизонов и других объектов неприятеля. Значительно активизируется взаимодействие большинства партизанских отрядов и соединений с командованием Красной армии. Весной 1942 года военный совет Северо-Западного фронта создал партизанский отдел. На него были возложены следующие задачи:

а) организация партизанских отрядов в полосе фронта, их вооружение, подготовка к боевым действиям и руководство их оперативной деятельностью;

б) разработка боевых заданий для партизанских отрядов и посылка своих представителей в отряды для контроля и помощи им;

в) изучение и обобщение опыта партизанской борьбы;

г) учет личного состава военнослужащих, находящихся в партизанских отрядах[14].

Основной задачей партизанского движения в тылу вермахта весной—летом 1942 года руководство партизанским движением считало дезорганизацию сил противника мелкими диверсионными группами в составе трех—пяти человек методом разрушения коммуникационных линий (организация крушений поездов, подрыв мостов, железнодорожных путей и повреждения линий связи), уничтожения складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия. Необходимо было также регулярно сообщать командованию Красной армии о расположении, численности и передвижении войск противника. Идеологическая борьба против различных мероприятий оккупантов и их пособников являлась одним из важных вопросов сил советского сопротивления[15].

Основная тяжесть пропагандистской работы в 1942 году на оккупированной территории Ленинградской области легла на стационарные партизанские отряды. Действуя в районе своей дислокации, они наладили тесный контакт с местным населением. Народные мстители широко практиковали различные формы устной агитации и пропаганды. Во время партизанских рейдов проводились индивидуальные и групповые беседы. В районах, насыщенных вражескими гарнизонами, советские пропагандисты и агитаторы проявляли большую изобретательность, чтобы скрытно от врага провести беседы с населением.

Беседы проводились в домах отдельных жителей, заранее проверенных партизанами. Если была возможность, в том или ином доме собирали на беседу группу односельчан. Часто под видом нищих, бродячих портных, сапожников, спекулянтов агитаторы переходили из дома в дом, рассказывали правду о Советском Союзе, о положении на фронтах, раскрывали сущность фашистского режима.

Беседы с крестьянами устраивались также в домах, где останавливались на ночлег партизаны. Они проводились за столом во время ужина или завтрака. Тем самым создавалась непринужденная обстановка, располагавшая к тому, чтобы высказывать самые затаенные мысли и чувства.

Устная агитация и пропаганда, исходившая от представителей партизанских отрядов, стала важнейшей формой работы сил сопротивления среди населения оккупированной территории Северо-Запада РСФСР. Политотделы бригад и отрядов отправляли в Ленинград по пять экземпляров всех своих газет, листовок, плакатов.

Противодействие оккупационной политике немцев происходило в очень сложных условиях: военные успехи немцев и антисоветские настроения определенной части населения дополнялись просчетами местного руководства в организации партизанского движения.

По признанию секретаря ОК ВКП(б) и начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Никитина, «мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области. Вследствие этого в первые месяцы войны, когда еще на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не приняли мер к перестройке подпольной работы. Быстрое течение военных действий на территории области не позволило оснастить подпольные организации средствами связи (радио), специальными типографиями и множительными аппаратами, на оккупированной территории ощущался большой недостаток советских газет, листовок. Не были также предусмотрены все особенности подпольных организаций и групп в населенных пунктах, что нередко приводило к разрушению подпольных организаций и групп»[16].

Особенно наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 года в тылу врага осталось 20 городских (397 человек) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов. Судьба остальных сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число партизан погибло в боях с карательными войсками[17].

Эти проблемы сохранились и в 1942 году. Так, бюро Сталинградского обкома ВКП(б) 28 июня 1942 года

было вынуждено констатировать следующее: «Наспех созданные партизанские отряды в Перелазовском и Серафимовичском, Чернышевском районах при приближении фашистских войск позорно разбежались»[18].

Партизанское движение в различных районах развивалось неравномерно. Это зависело от многих причин: успехов Красной армии, природных географических условий, наличия у партизан оружия и боеприпасов, помощи со стороны советского тыла и условий оккупационного режима. Но самым главным фактором было отношение к партизанам населения. Опыт показал, что без поддержки населения партизанское движение было обречено на затухание и даже полное поражение.

Из практики партизанского движения 1941 года явствует, что действие групп в тылу противника носило преимущественно разведывательно-диверсионный характер. Крупных операций партизаны не вели и вести не могли из-за малочисленности состава. Группы занимались организацией и развертыванием партизанского движения, охватывали районы, создавали базы будущих крупных формирований.

Но далеко не все отряды, сформированные в первые недели войны, сразу же начали свою боевую деятельность. Некоторая часть советских и партийных чиновников, напуганная быстрым наступлением германских войск, бежала в тыл. Так, Г. С. Амиров, бывший комиссар Отдельного партизанского полка им. XXIV годовщины РККА, вспоминал о начале партизанского движения на территории Смоленской области: «...Как же повели себя руководители Ельнинского района?

Председатель райисполкома А. С. Аниськов... так поспешно бежал из района, что остановился только в Мордовии и на станции Рузаевка устроился помощником директора МТС по расчетам с колхозами. А по плану Смоленского обкома партии он был назначен командиром будущего партизанского отряда. Будущий комиссар отряда Я. П. Валуев также очутился в глубоком советском тылу — в городе Гусь-Хрустальный (Владимирская область)».

У первых партизанских отрядов было очень мало опыта. Отсутствие настоящей конспирации и развед-

ки, слабая координация действий, излишняя доверчивость, а иногда и ненужная подозрительность мешали становлению и развитию движения сопротивления. Некоторые партизанские руководители пытались делать не то, что нужно, а то, что было легче осуществить. Некоторые смоленские партизаны, искренне веря, что уничтожают пособников врага, ликвидировали тех старост, которые были поставлены с ведома подпольных парторганизаций.

Большое количество бывших окруженцев, оказавшихся в лесах и влившихся в партизанские отряды, не хотели никому подчиняться. Как отмечало руководство смоленского партизанского движения, зимой 1941/42 года «росло...количество отрядов, все еще никому не подчинявшихся. Начались самосуды и анархия. Стали расправляться с теми старостами и полицаями, которых назначала подпольная парторганизация; начались самовольные реквизиции и т. п. Иногда "политработа" партизан проводилась при помощи шомполов»[19]. Крестьян нередко избивали за то, что они отказывались отдавать продукты людям, которые вышли из леса.

Нужны были экстренные меры по наведению порядка. Однако на совещании командиров отрядов некоторые из них стали заявлять следующее: «Довольно! Нас предали под Вязьмой комиссары и коммунисты! Больше не удастся! Разве вы не знаете о том, что Сталин договорился с союзниками о роспуске колхозов, об открытии церквей? Больше нами коммунисты не будут командовать!»[20]

Командиры партизанских отрядов были вынуждены занимать жесткую позицию. Примечательный эпизод привел в своих воспоминаниях В. И. Силачев. 25—26 октября 1941 года в лесу близ деревни Фатьяново Новоржевского района на собрании отряда обсуждался вопрос о плане дальнейших действий с целью подъема населения на борьбу с немцами. Председатель колхоза деревни Савино Кузнецов заявил, что «все равно после войны Сталин не будет занимать свое старое место», что в районе немцы не зверствуют, никого не повесили и т. д. В ответ на это Силачев пригрозил расстрелом тем военнообязанным, кто захочет выйти из отряда.

Коммунисты поддержали его и пошли в отряд. Однако к числу продолжавших борьбу осенью и зимой 1941/42 года относились главным образом партийный и советский актив, а также работники НКВД[21].

Толчком к воссозданию партизанского движения стало сообщение о победе Красной армии под Москвой. По указанию подпольных парторганизаций к весне 1942 года активизировалась деятельность всех групп и отрядов. В деревнях проходили собрания, производилась открытая запись в партизанские отряды. Небольшие группы народных мстителей вышли из подполья и приступили к открытой борьбе с оккупантами. Они быстро перерастали в крупные отряды за счет притока окруженцев, а также добровольцев из числа городского и сельского населения. На их вооружении помимо винтовок и автоматов появились минометы и даже пушки.

Отходящие из-под Москвы немецкие части значительно увеличили концентрацию немецких войск на центральном участке фронта, в частности в Смоленской и Орловской областях. Несмотря на это, партизанские отряды росли так быстро, что не хватало оружия[22].

Перед партизанскими отрядами возникли новые сложные проблемы. Главными среди них были взаимоотношения партизан с населением, партийное руководство партизанским движением и освобожденным населением, проживающим в партизанских краях, борьба с прислужниками врага и предателями. Для их решения 22 февраля 1942 года смоленские партизаны собрались на свою первую партийную конференцию в тылу врага. Она прошла в селе Замошье, в здании восьмилетней школы, которая охранялась усиленным нарядом партизан. Были избраны почетный президиум во главе с И. В. Сталиным, рабочий президиум, секретариат и мандатная комиссия. С докладом на тему «Международное и внутреннее положение СССР и задачи коммунистов по дальнейшему развертыванию партизанского движения» выступил Г. С. Амиров.

В выступлениях партийных руководителей низового звена анализировалась партийно-политическая работа, рассказывалось о ее формах и методах. Командиры рот говорили об успехах и промахах проведенных боевых

операций, об организации антифашистской пропаганды, о необходимости изучения вражеского оружия, о бдительности, о постоянной разведке и готовности к бою в любое время суток.

Особое внимание было уделено недостаткам в организации борьбы с гитлеровцами и их пособниками. Не хватало оружия, обмундирования и медикаментов. В партизанских соединениях оказались всякие люди. Они были самых различных возрастов, национальностей, с разных мест и частей. Их требовалось сколотить в единый коллектив. Многие партизаны боялись танков и авиации противника. Очень остро стоял вопрос о доверии друг к другу, командирам и политработникам[23].

Все эти проблемы были характерны и для других оккупированных районов нашей страны. В результате больших понесенных потерь в ожесточенной борьбе с врагом и присоединения ряда отрядов и специальных партизанских полков из ополченцев к действующим частям Красной армии в составе отрядов произошли изменения.

Так, на Северо-Западе России на 1 января 1942 года в тылу противника насчитывалось только 60 действующих отрядов, объединяющих 1965 партизан, в том числе 45 отрядов местных и 15 — сформированных в Ленинграде.

Организованным к тому времени штабом партизанского движения при Ленинградском обкоме ВКП(б) (в дальнейшем — Ленинградским штабом) были приняты меры к исправлению положения. Большое количество партизан, переданных в части Красной армии, было отозвано, сформирован ряд отрядов за счет населения неоккупированных районов области, а также города Ленинграда. Всего за 1942 год здесь было создано и заброшено в тыл немецких войск 107 отрядов и 27 диверсионных и специальных групп общей численностью 2953 человека.

Кроме того, действующие партизанские отряды и бригады в 1942 году пополнялись за счет бежавших из плена бойцов Красной армии, а также местного населения оккупированных районов. Так, только одна 2-я партизанская бригада за 1942 год приняла в свои ряды около трехсот человек[24].

С первой половины 1942 года Ленинградским штабом партизанского движения основное внимание в руководстве боевой деятельностью партизан было направлено на развертывание диверсий на железнодорожных коммуникациях противника. С этой целью партизанским отрядам и бригадам было приказано выделять из своего состава специальные небольшие (численностью в пять—десять человек) диверсионные группы и закреплять их за определенными участками железных дорог для совершения диверсий. Таким образом, в результате этих мер диверсионная деятельность стала занимать основное и решающее место в боевых операциях партизан на весь последующий период партизанского движения в области.

Партизаны стали наносить всё более ощутимые удары по железным дорогам противника, парализуя движение на них, срывая тем самым регулярные переброски войск, боеприпасов, вооружения, техники противника к Волховскому, Северо-Западному и особенно к Ленинградскому фронтам.

По размаху, массовости и эффективности боевых действий народная борьба в тылу врага приобрела такой характер, что Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР Сталин 1 сентября 1942 года на совещании в Кремле с командирами партизанских отрядов назвал ее «нашим вторым фронтом»[25].

Осенью 1942 года партизанское движение имело вполне сложившуюся систему органов централизованного руководства как в центре, так и на местах. Это позволило в обособленные и разрозненные выступления партизанских отрядов внести единое организующее и целенаправленное содержание. Проведенные мероприятия по совершенствованию этой системы были направлены на приближение органов партизанского руководства к фронтовому командованию в целях организации более тесного взаимодействия партизан с действующей армией[26].

Командование отрядов, сформированных до оккупации, назначалось советскими и партийными органами. В отрядах военнослужащих командование избиралось, а в отрядах, выросших из групп местной самообороны,

назначалось вышестоящим командованием партизанских отрядов. Назначение должностных лиц внутри партизанского отряда производилось командиром и комиссаром отряда, о чем отдавался приказ по отряду. Характерно, что все военнослужащие независимо от звания в отряд принимались на командные должности. Если в отрядах на командные должности выдвигались рядовые бойцы, то сначала они должны были проявить себя в бою и доказать свою смелость и находчивость[27].

Как писал в своих воспоминаниях «Давали клятву партизаны» Герой Советского Союза И. И. Сергунин, воинское звание, которое носил человек, не являлось для руководства отряда приоритетом при его назначении на ту или иную должность. В первую очередь на руководящую работу выдвигали тех, кто смог себя положительно зарекомендовать в экстремальных условиях войны в тылу противника.

Рост и активность партизанских сил приобрели такой размах, что оккупанты были изгнаны из многих сотен населенных пунктов. Освобожденные в тылу противника территории получили название партизанских краев. Их насчитывалось одиннадцать: в Ленинградской области — 1, Смоленской — 4, Орловской — 2, Белоруссии — 4. Занимаемая ими площадь равнялась 50 тысячам квадратных километров и значительно превышала земельные пространства таких государств, как Дания и Люксембург вместе взятые. В партизанских краях находились более сорока тысяч партизан и десятки тысяч бойцов групп самообороны населенных пунктов[28].

В научной литературе, посвященной Великой Отечественной войне, дано определение понятий «партизанский край» и «партизанская зона». Партизанский край — это значительная территория (несколько административных районов), освобожденная от немецких оккупантов и их ставленников, обороняемая и продолжительное время удерживаемая партизанскими отрядами, где восстанавливалась советская власть, ее законы и органы власти.

Партизанская зона — это значительная территория, население которой в большинстве своем длительное время находилось под контролем и влиянием парти-

занских отрядов и активно помогало партизанам в их вооруженной борьбе.

В отличие от партизанских краев, из которых оккупанты были изгнаны полностью, в некоторых населенных пунктах зон имелись вражеские гарнизоны. Нередко эти гарнизоны были изолированы друг от друга, так как под ударами народных мстителей находились коммуникации. Когда такие зоны примыкали к партизанским краям или соединяли между собой несколько партизанских краев, то создавались очень благоприятные условия для относительно свободного маневрирования партизанских отрядов и соединений, для тесного общения партизан с самыми широкими слоями населения[29].

Для управления хозяйственными и административными делами на территории партизанского края создавались комендантские участки, которые возглавляли коменданты-партизаны из местных жителей. Во всех деревнях по представлению комендантов назначались партизанские старосты. Коменданты решали вопросы землепользования, распределения сенокосных угодий, заготовки продовольствия для партизанских отрядов, организовывали спасение гражданского населения во время карательных операций оккупантов, оказывали помощь семьям, пострадавшим от карателей.

Первый партизанский край возник еще в самом начале войны, в сентябре — ноябре 1941 года в тылу 16-й немецкой армии. Самым же крупным партизанским краем, просуществовавшим вплоть до полного изгнания немцев с оккупированной территории (сентябрь 1943 года), стал Южный Брянский партизанский край. Его протяженность с севера на юг достигала 140 километров, с запада на восток — 100 километров, площадь составляла 12 тысяч квадратных километров. К весне 1942 года враг был изгнан полностью из трех районов — Навлинского, Суземского, Трубчевского и частично — из семи районов: Ерасовского, Брянского, Выгоничского, Комаричского, Погарского, Почепского и Севского. В 500 населенных пунктах, освобожденных партизанами, проживало 200 тысяч жителей[30].

О Южном Брянском партизанском крае командир

украинского соединения, дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак вспоминал: «По воле партии и советского народа возник огромный партизанский край... в брянских лесах, где целые районы стали недоступными для врага. Десятки партизанских соединений, сотни отрядов и групп брянских, орловских, курских партизан вместе со многими украинскими отрядами стояли на охране этой советской земли».

На освобожденных территориях партизаны накапливали и обучали резервы, лечили раненых и больных, строили аэродромы для приема самолетов с Большой земли. Отсюда разведывательно-диверсионные группы, отряды и соединения уходили в длительные рейды и на задания по разгрому вражеских гарнизонов, для подрыва воинских эшелонов, разрушения железнодорожных и шоссейных мостов. Сюда они возвращались после выполнения задания для отдыха и пополнения. В партизанских краях находили укрытие тысячи советских граждан, спасавшихся от уничтожения и угона в Германию. Здесь легально действовали органы советской власти и партийные комитеты, работали школы, больницы и промышленные предприятия. Процесс расширения существующих и образования новых партизанских краев проходил на протяжении всей войны. Естественно, что границы освобожденных от оккупантов территорий и численность партизан, стоящих на их защите, менялись в зависимости от складывавшейся обстановки.

С образованием партизанских краев и зон на значительных территориях в тылу врага встал вопрос об организации здесь советской власти. Необходимо было решать вопросы о создании администрации, которая на освобожденной территории наладила бы более или менее нормальную жизнь, регулировала бы взаимоотношения между населением и партизанскими формированиями, помогала бы подпольным организациям и партизанам в их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Насущной потребностью стало воссоздание в этих районах советских органов управления. Ленинградский штаб партизанского движения предложил исполь-

зовать опыт Гражданской войны, когда на занятой большевиками территории создавались ревкомы — органы революционной власти. Роль таких ревкомов в тылу нацистских захватчиков сыграли «организационные тройки по восстановлению советской власти».

Перед партизанами стояла задача создания органа, который смог бы взять на себя ответственность за боевую, политическую и административную деятельность в освобожденных деревнях. Эти функции осенью 1941 года были возложены на оргтройки — своеобразные органы советской власти, в силу специфики своей деятельности исполнявшие партийно-политические функции. Как правило, в нее входили партийный работник, работник райисполкома и военно-административный работник. Руководство партизанского края в лице комиссара 2-й партизанской бригады С. А. Орлова рекомендовало оргтройкам «больше проявлять своей собственной инициативы».

Перед оргтройками были поставлены следующие задачи: восстановление органов советской власти, воссоздание в полном объеме колхозов, проведение широкой массовой разъяснительной и агитационно-пропагандистской работы среди мирного населения, организация помощи партизанам, срыв всех мероприятий немецко-фашистских оккупационных властей, борьба с предателями. В селах и деревнях повсеместно создавались вооруженные группы народного ополчения. В распоряжение оргтроек были направлены партизаны, ранее работавшие председателями местных сельсоветов.

Восстановление сельсоветов осуществлялось одновременно с очищением края от фашистских гарнизонов и органов оккупационной власти. На первом этапе эта работа шла нелегально, под охраной партизан, так как границы партизанского края были еще «прозрачными» и на его территорию регулярно попадали различные немецкие тыловые и карательные подразделения. Так продолжалось до весны 1942 года, пока край не был полностью очищен от врага и партизаны не закрыли доступ фашистам в населенные пункты.

Под руководством сельсоветов во многих селах и де-

ревнях организовывались мастерские по ремонту оружия. В мастерских, как правило, работали умельцы-патриоты из мирных жителей. Многие из них проявляли изумительную смекалку и изобретательность. Кузнец Иван Андреевич Чиков из села Гнилёво Трубчевского района из комбайновых колес и частей сконструировал тележку к крупнокалиберному пулемету, пристроил к нему щиток из броневой плиты[31].

Существование и сохранение партизанских краев Ставка Верховного главнокомандования расценивала не только как своеобразный тыл партизан, но и как фактор большого военного значения, способный сыграть значительную роль в проведении наступательных операций советских войск.

Опыт длительной борьбы партизанских отрядов показал, что наиболее лучшими являлись соединения численностью не менее 150—200 бойцов, имеющие на вооружении достаточное количество автоматического оружия. В такой отряд входили подразделения из двадцати-тридцати человек: разведчики, минеры и стрелки. При этом предполагалось, что они в состоянии выполнить любую диверсионную задачу самостоятельно.

Небольшие отряды, в которые входило несколько десятков человек, чаще всего не вели активной вооруженной борьбы. Несмотря на это, они быстро уничтожались всевозможными полицейскими и карательными отрядами, которые использовались гитлеровцами для борьбы с партизанами[32].

Во всех отрядах, имевших связь с Центром, в основу отношений и внутреннего распорядка был положен устав РККА, который в некоторых отрядах, особенно из военнослужащих, выполнялся так же, как в регулярных частях Красной армии. Нужно отметить, что основным цементирующим элементом в партизанском отряде являлись боевые традиции отряда и авторитет командиров и политработников, которые в большинстве своем непосредственно участвовали в самых опасных операциях и поэтому пользовались большим уважением у рядовых бойцов.

Большинство кадрового командного состава носило военную форму и знаки различия. Это приближало мно-

гие партизанские формирования к регулярным частям Красной армии. При этом официальное обращение к представителям командного состава в большинстве своем шло по должности или по званию, а иногда просто по имени и отчеству[33].

Очень остро стоял вопрос снабжения партизанских отрядов продовольствием. Содержимое баз, созданных в первые дни войны, быстро закончилось, а у отрядов, созданных из окруженцев, никаких запасов не было изначально. Часть отрядов первое время использовала продовольственные базы, созданные до войны. Зимой 1941/42 года снабжение продовольствием осуществлялось частично за счет этих баз, а частично за счет местных жителей.

Отряды, не имевшие баз, использовали продукты, захваченные у немцев. Они забирали на мельницах зерно, которое должно было пойти для немецкой армии. При захвате населенных пунктов конфисковывали хлеб и скот у всех изменников родины, перешедших на службу к немцам. Благодаря этому партизанские отряды обеспечивали хлебом и другими продуктами питания не только себя, но и помогали семьям красноармейцев. Значительную помощь партизанам в решении этой жизненно важной проблемы оказывало мирное население, сочувственно относившееся к ним. Однако следует признать, что иногда партизаны были вынуждены заниматься и насильственными реквизициями продовольствия у сельских жителей.

С весны 1942 года многие партизанские отряды уделяли особое внимание выращиванию урожаю и подготовке к его уборке — не только на территории, занятой партизанами, но и на территории противника. Хлеб и скот, отобранные у немцев, шли на пропитание не только партизан, но и мирного населения.

Оккупированные районы Северо-Запада России, в которых действовали партизанские бригады и отряды, почти все являлись ближайшими тылами противника, где с самого начала оккупации огромное количество немецких войск в значительной мере снабжалось продуктами за счет поголовного ограбления местного населения. Следует учесть, что основные запасы про-

довольственных ресурсов были эвакуированы или уничтожены при отходе частей Красной армии. При этом огромные земельные площади в 1942 и 1943 годах в значительной своей части остались незасеянными (из-за отсутствия тягловой силы, семян, а также рабочих рук). В этих условиях сложилось чрезвычайно тяжелое продовольственное положение абсолютного большинства населения этих районов.

Несколько лучшие условия снабжения партизан продовольствием до осени 1942 года были в ряде районов партизанского края. Но после проведения здесь так называемой 4-й карательной экспедиции край этот был разорен и разграблен немецкими войсками. Были сожжены деревни, а урожай 1942 года или уничтожен огнем на полях, или полностью конфискован[34].

При отсутствии возможности получать продовольствие за счет местного населения большинство отрядов и групп, особенно действующих севернее Пскова, Порхова и до линии Ленинградского и Волховского фронтов, переносили лишения, часто неделями голодали, умирали от голода и вынужденно уходили в советский тыл[35].

Самыми сложными со снабжением продовольствием были для партизан весенние месяцы. Так, весной 1943 года в опытных и обстрелянных отрядах Смоленской и Орловской областей сложилась катастрофическая ситуация. Представитель Красной армии в партизанской бригаде Орлова капитан Борисов докладывал командованию 21 апреля следующее: «Первое, что меня поразило, это чрезвычайно тяжелое продовольственное положение всех отрядов бригады. Не будет преувеличением, если сказать, что партизаны сейчас голодают. В конце апреля и в начале мая врачами отмечено свыше 20 случаев крайнего истощения бойцов-партизан. От систематического недоедания люди стали пухнуть»[36].

Подобное положение не могло не отразиться на активности партизанских соединений: «Чрезвычайно тяжелое положение с питанием сковывает боевую деятельность бригады. Любая операция, будь то разведка, диверсионный акт на железной дороге, засада, налет на гарнизон — требуют затраты времени 2—5 дней, т. к. от-

ряды партизан расположены сейчас от населенных пунктов и железных дорог в 20—40 километрах минимум.

Соблюдая все меры предосторожности, необходимую выдержку и учитывая непредвиденные обстоятельства, партизаны, идя на задание, должны иметь с собой запас продуктов на трое — пятеро суток. Командование бригады и командование отрядов были не в состоянии обеспечить их таким запасом. Больше того, за последние дни, провожая партизан в разведку или на диверсионную работу, не могут дать даже сухаря».

Поиск продовольствия занимал у партизанских отрядов бригады большую часть времени. «Основным питанием в отрядах в апреле и в начале мая был суп-кисель из гнилой прошлогодней картошки, которую партизаны ежедневно ходят собирать на полях выжженных деревень, в 10—15-ти километрах от лагеря. Последнее время партизаны стали употреблять в питание листы от подорожников и молодую крапиву.

В апреле и в начале мая партизаны получили всего-навсего по 600 граммов сухарей и 800 граммов концентратов. Кроме этого, три раза в месяц было выдано по 400 граммов на бойца конины»[37].

Тяжелое и совершенно нетерпимое положение с питанием в бригаде Орлова объяснялось тем, что отряды жили в лесах больше года. За это время они забрали из окрестных деревень почти всех коров. Достаточно сказать, что за год бригадой было съедено свыше трех тысяч голов рогатого скота и лошадей. Большое употребление мяса объясняется, в частности, тем, что у партизан, кроме мяса, других продуктов было очень мало.

Немецкое командование всячески способствовало усилению продовольственной блокады. Партизанское командование с тревогой констатировало следующие факты: «За последние месяцы немец выжег все окружающие партизанские лагеря — деревни, оставив только наиболее благонадежные населенные пункты, где удалось ему завербовать большое количество полицейских и усилить их своими воинскими гарнизонами. Кроме этого, в этих населенных пунктах в последнее время немцы понастроили дзоты и огневые точки и стали широко применять на дорогах засады.

Вполне понятно, нападение на эти укрепленные пункты с целью добычи там питания было связано для партизан с тяжелыми боями и с большими потерями. Нападение же на немецкие обозы и эшелоны с продовольствием, как правило, не удается. Немцы за последнее время сильно укрепили охраной все большаки и железные дороги, по которым идет движение транспорта.

Например, на лесных участках Дарновского большака они расположили сейчас через каждые 200—300 метров дзоты и усилили количество патрулей с собаками-ищейками. Кроме того, любой транспорт немцы сопровождают механизированной охраной из танкеток и бронемашин».

Все эти обстоятельства резко сократили для партизан возможность добывать себе питание за счет врага. А несогласованность и нерасторопность в действиях советского командования порой наносили партизанской борьбе серьезный ущерб. Забывались насущные потребности живых людей, и из-за линии фронта направлялись в первую очередь обмундирование и боеприпасы. Капитан Борисов с возмущением писал об этом: «Почти ежедневно штаб бригады получает радиограммы от своего командования с "Большой земли" — "ждите самолет на сброс и посадку".

Но за месяц моего пребывания было только лишь 6 самолетов У-2 и 12 самолетовылетов Р-5. Из всего груза, который они доставили и сбросили партизанам, больше половины пришли на долю боеприпасов, тола, зимних курток и брюк, различной одежды для разведчиков. Сухарей и концентратов было доставлено совсем мало. За весь этот месяц стояла хорошая погода, и каждую ночь командование выделяло по 70—80 бойцов для охраны аэродрома с надеждой, что прилетят самолеты, но самолетов не было.

А в начале мая, как бы в насмешку, с "Большой земли" прилетело три У-2 и вместо того, чтобы сесть и захватить от партизан раненых, самолеты стали производить выброску парашютистов, радистов, разведчиков. Между тем, командованию этих У-2 известно о наличии подготовленной посадочной площадки и известно

там же, что в бригаде имеется 40 человек тяжелораненых и больных, требующих скорой медицинской помощи».

Выводы Борисова о сложившейся ситуации с продовольствием в брянских партизанских отрядах были очень жесткими: «У меня лично создалось твердое убеждение, что на "Большой земле" или не знают о критическом положении с питанием в бригаде, или кто-то сознательно ставит палки в колеса партизанскому делу и тем самым способствует осуществлению коварных замыслов немцев — блокировать партизанские отряды и заморить их голодом. По данным разведки установлено, что немцы хорошо знают о тяжелом продовольственном положении бригады Орлова и хотят закрыть все выходы партизан из леса.

На "Большой земле" не хотят считаться с доводами командования бригады о невозможности в создавшейся обстановке обеспечить партизанские отряды продовольствием путем налетов на населенные пункты и транспорт противника и тем ставят бригаду в отчаянное положение. За последнее время наблюдается упадок морального духа бойцов и есть случаи перебежки неустойчивых бойцов в лагерь врага.

Видеть создавшееся положение тяжело. В бригаде находится отборный состав преданных патриотов Родины из числа рабочих, служащих, крестьян, бойцов и командиров Красной Армии. Больше половины личного состава награждены орденами и медалями Союза ССР. Ядро отряда составляют бойцы и командиры регулярных частей Красной Армии, находящиеся в тылу почти полтора года. Это до мозга костей преданные Родине воины, неоднократно уже доказавшие свое мужество и отвагу в тяжелой борьбе с врагом и готовые биться с немцами до последней капли крови.

Эти слова я пишу с полной ответственностью и гордостью за бесстрашных партизан бригады Орлова, зная их подвиги и всю тяжесть борьбы, которую им приходилось и приходится вести с врагом в суровой обстановке брянских лесов.

Если бы они были обеспечены хотя бы минимальными нормами питания, то я уверен, что они не дали бы

житья немцам, парализовали бы все движение на железных дорогах и большаках.

Осознавать все эти, на мой взгляд, бесполезные и ненужные трудности с питанием тяжело, тем более сейчас, в период подготовки всей Красной Армии к решающим сражениям. Сейчас бригада должна быть обеспечена питанием не только на сегодняшний день, но в отрядах должны быть созданы запасы на случаи активных действий в период наступления Красной Армии, когда партизанам придется много маневрировать и быть оторванными от своих лагерей».

Командование партизанских бригад, через представителей особых отделов, вынуждено было обратиться за помощью к Л. П. Берии. После его вмешательства ситуация со снабжением продовольствием несколько улучшилась[38].

Люди, проживающее на территории партизанских краев, оказывали всяческую поддержку силам советского сопротивления, особенно тем подразделениям, которые располагались в колхозах и совхозах. Кроме службы в отрядах самообороны, население участвовало в сборе оружия и боеприпасов, в перевозке их на место боев, лечении раненых, в ремонте оружия и техники, в разведке.

Огромной проблемой для партизанского движения являлось обмундирование. Многие люди оказались в лесах в летней одежде. Партизаны в этих условиях широко практиковали изъятие у местного населения военного обмундирования, которое появилось у жителей при отходе Красной армии.

Полностью использовалось трофейное обмундирование, для чего с убитых немцев и их союзников снимались одежда и обувь. Кроме того, некоторые отряды смогли захватить большие склады с немецким обмундированием. Большинство отрядов организовывало мастерские по выделке кожи, из которой для бойцов шили сапоги. Многие отряды были вынуждены организовать плетение лаптей. К этой работе привлекались старики из семей партизан. Но, несмотря на все эти мероприятия, вопрос снабжения партизан обувью на протяжении всей войны стоял очень остро[39].

Гитлеровцы делали все, чтобы дискредитировать партизанское движение в глазах мирного населения. Немецкая пропаганда изображала их как «сталинско-еврейских выродков», воюющих против собственного народа и его настоящих освободителей — немцев. Оккупантами создавались лжепартизанские отряды. Они грабили и убивали, а вину за эти преступления нацисты возлагали на советскую сторону. Кроме этого, как отмечали партизаны в своих донесениях, в борьбе с ними противником применялись следующие методы:

«а) устраивают засады в лесу и нападают на небольшие партизанские группы;

б) надевают партизанскую одежду, к головному убору прикалывают красную звездочку с красной лентой;

в) засылают фальшивки (немецкие листовки и всякого рода обращения к партизанам и их семьям — делают попытки разложить и запугать партизанские отряды);

г) засылают отравленный хлеб через население под видом "святого хлеба" с письмами»[40].

В условиях перелома в Великой Отечественной войне, несмотря на все трудности, партизанские отряды значительно активизировали свою деятельность. Анализируя причины успехов и неудач боевых действий сопротивления в тылу врага, подпольные партийные комитеты и командование отрядов пришли к выводу о необходимости объединения небольших разрозненных отрядов. Организационные формы слияния партизанских сил первоначально были самыми разнообразными: объединенные отряды, батальоны, полки, бригады, дивизии. Каждое из этих формирований проверялось жесткой практикой борьбы с оккупантами, в арсенале народного движения оставались самые эффективные, совершенные и жизнестойкие.

В 1941—1942 годах часть населения относилась к партизанам достаточно настороженно. В 1943 году наступил перелом в настроениях, который был связан прежде всего с успехами Красной армии на советско-германском фронте и ужесточением оккупационной политики. «Тут помогла и наша агитация, — отмечал впоследствии активный участник партизанского движения А. Г. Гри-

горьев. — Народ тут увидел, что немцы будут изгнаны из этих районов, а в 1941—1942 г.г. они думали, что победа будет за немцами, что они там останутся навсегда. Кроме того, в 1941—1942 г.г. немец население не трогал. Он начал расправляться с населением, когда развернули свою деятельность партизаны... В 1941—1942 г.г. население нам не помогало в смысле продовольствия, приходилось самим действовать. Приходилось ходить по деревням и уже силой забирать скот, продовольствие. А в 1943 г. население уже само приносило нам добровольно. Немцы стали забирать скот у населения, тогда народ стал прятать и отдавать партизанам».

Летом и осенью 1943 года партизаны стали полными хозяевами шестой части всей оккупированной территории, составлявшей свыше 200 тысяч квадратных километров. По неполным данным, в партизанских краях и зонах Брянщины, Смоленской, Курской, Ленинградской, Калининской областей и Белоруссии скрывались от захватчиков и помогали партизанам около четырех миллионов граждан нашей страны[41].

Так, в районе поселка Идрица (Калининская область) проживало большое количество беженцев из Ленинградской области. В мае 1943 года немцы провели перепись населения и отобрали 500 человек для отправки на работу в Германию. Партизаны приняли активные меры для спасения этих людей. Ими было распространено свыше двухсот листовок, а советские агитаторы дали квалифицированные советы, где можно найти безопасное укрытие от немецких властей.

Результаты этих действий были налицо: отправка железнодорожного эшелона с русскими гражданами в Германию оказалась сорванной, а более ста семей переехало на новое местожительство в указанные партизанами места[42].

Командование партизанских отрядов вело суровую борьбу с мародерами. Особо строго наказывались незаконные реквизиции у семей красноармейцев и партизан. К виновным применялись все меры воздействия, вплоть до расстрела[43].

Борясь за чистоту собственных рядов, силы антифашистского сопротивления уделяли особое внима-

ние активизации работы по разоблачению и разложению различных коллаборационистских формирований. Так, партизаны 1-й Калининской партизанской бригады обратились к солдатам РОА с обращением «О переходе на сторону партизан с оружием в руках». Среди власовцев было распространено 180 экземпляров этой прокламации. Благодаря этой работе более ста человек — русские, украинцы и армяне — группами и поодиночке с оружием в руках перешли на сторону народных мстителей.

Завершающий этап борьбы в тылу врага показателен еще более тесным взаимодействием партизанских сил с войсками Красной армии. Этому способствовали приближение линии фронта к основным группировкам партизан, накопленный опыт совместных действий, а также предоставление республиканским и областным штабам партизанского движения большей самостоятельности.

Несмотря на расформирование партизанских отрядов, сражавшихся на освобожденных Красной армией территориях Смоленской, Курской, Орловской, части Калининской областей, а также восточных районов Северного Кавказа, Белоруссии и Украины, численность партизан в тылу противника к началу 1944 года не уменьшилась, а продолжала расти и составляла более 250 тысяч человек[44].

События на Курской дуге, завершившие коренной перелом в Великой Отечественной войне, и подготовка крупномасштабного наступления Красной армии под Ленинградом поставили перед партизанами и подпольщиками задачу срыва немецких планов по угону населения в Германию и вывозу материальных ценностей из центральных и западных районов области.

Стремясь затормозить рост партизанского движения, изолировать его от народа, обезопасить свои коммуникации, гитлеровское командование приняло решение выселить всех жителей с территории от линии фронта до позиций «Пантера», которые являлись северным участком «Восточного вала» и проходили по западной границе Ленинградской области. Фашистам не удалось полностью осуществить задуманное. Парти-

занское движение в Ленинградской области вступило в новый этап — этап подготовки к совместным с РККА боевым действиям по полному изгнанию оккупантов с территории Северо-Запада РСФСР.

Зимой 1944 года, накануне крупномасштабного наступления Красной армии под Ленинградом, силами партизанских отрядов удалось освободить от захватчиков новые территории, важные районы в тылу врага.

В соответствии с указаниями Центрального штаба партизанского движения Ленинградский штаб перебросил в действующие и вновь сформированные бригады и отряды 625 командиров, политработников, специалистов. Это плодотворно отразилось на боевой деятельности бригад и отрядов, позволило более или менее полно обеспечить командным составом вновь созданные партизанские формирования.

В Ленинградской области партизанское движение особенно заметно пополнилось за счет местного населения в 1943 году. Это явилось результатом успехов Красной армии, усиления гнета немецко-фашистских захватчиков над населением оккупированных районов, массового угона людей на рабский труд в Германию. Сказалась и большая политическая работа, проводимая партизанами и подпольными партийными организациями. Помимо пополнения действующих отрядов из числа новых бойцов в тылу противника были сформированы также несколько новых партизанских отрядов, которые активно боролись с врагом.

Наряду с этим Ленинградским штабом партизанского движения формировались и забрасывались новые партизанские отряды и группы из советского тыла. В 1944 году ни одна крупная наступательная операция Красной армии не планировалась без привлечения партизанских сил[45].

Партизанские отряды сражались с немецкими оккупантами в тесном сотрудничестве с командованием Красной армии. По сути своей они стали регулярными частями РККА, выполняющими задания советского командования в особых условиях.

Партизанское движение отражало справедливость освободительного характера войны, подлинную заин-

тересованность советских людей в изгнании иноземного врага. Только в партизанских отрядах и соединениях сражалось свыше 1,1 миллиона человек. В вооруженные формирования патриотов вливались новые силы за счет партизанских резервов, численность которых превысила 1,5 миллиона человек. Совместно с партизанами боролись сотни тысяч подпольщиков. Миллионы жителей захваченных территорий участвовали в актах саботажа по срыву военных, политических, экономических мероприятий врага[46].

Победы патриотов достигались дорогой ценой. За годы Великой Отечественной войны погиб каждый седьмой партизан и подпольщик. Подвиг героев антифашистского сопротивления навсегда останется в памяти потомков.

Глава третья
ПРИСЯГАЯ ГИТЛЕРУ

Формирование воинских частей из местного населения и военнопленных. — Национальные части. — Мирное население и «добровольцы»

Перед нападением на Советский Союз Гитлер скептически отнесся к предложению Геббельса (хотя оно и было принято) объявить войну против СССР «походом народов Новой Европы против ига большевизма». Фюрер Третьего рейха считал, что это до какой-то степени принизит славу Германии в ее неизбежной победе. Участие в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, выглядело в свете объявленных нацистским руководством целей просто немыслимым. «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев, — заявлял Гитлер. — Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, покоренные народы к вооруженной помощи, это было бы не-

правильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец»[1].

Но уже с первых недель войны вместе с вермахтом сражались против Красной армии солдаты Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии. Генерал Франко послал на северный участок советско-германского фронта испанскую «Голубую дивизию». В частях СС воевали добровольцы из Норвегии, Дании, Франции, Бельгии. Во многом это было связано с большими потерями вермахта в живой силе, которые он понес в первые месяцы войны.

Рассчитывая использовать в своих целях национальную вражду между народами СССР, немецкие власти уже в первые месяцы оккупации начали формировать различные антисоветские националистические отряды. В этом отношении наибольшую силу представляли украинские и прибалтийские вооруженные формирования.

25 августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, латышей и эстонцев и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы. Зимой 1941/42 года были сформированы балтийские охранные батальоны — первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на фронте, однако начиная с июля 1942 года эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии[2].

С привлечением русских дело обстояло несколько сложнее. И проблема здесь заключалась не только в том, что арийская теория считала славян «недочеловеками». Изначально руководство Третьего рейха не хотело давать им в руки оружие даже в пропагандистских целях. Однако срыв «блицкрига» заставил нацистов по-другому оценить потенциал русских, готовых сотрудничать с ними. Так что силам советского сопротивления противостояли не только войска немецко-фашистской Германии и ее союзников, но и различные коллаборационистские подразделения из числа местных жите-

лей, часто создаваемые при участии сотрудников нацистских спецслужб. Таким образом комплектовались полицейские и карательные отряды, разведывательные и пропагандистские школы, Русская освободительная армия, Русская освободительная народная армия и другие формирования.

Еще в ходе Великой Отечественной войны историографы власовского движения предприняли ряд попыток начинать отсчет его деятельности с октября 1941 года. На страницах газеты «Доброволец» и журнала «Блокнот солдата РОА» приводились якобы имевшие место факты совместных боевых действий вермахта и «русских добровольческих ударных отрядов». С этого времени, по их утверждению, началось «возрождение русских боевых национальных противобольшевистских сил».

Газета «Голос народа», печатный орган Локотьского окружного управления (территории Орловской и Курской областей), посвятила процессу становления «Русского освободительного движения» несколько своих номеров. Она писала: «Уже к осени 1941 года можно было встретить немало народных героев, плечом к плечу с германскими солдатами штурмующих жидовскую крепость. Со временем эти подразделения выросли в крупные боевые единицы, пользующиеся большим доверием у германского командования и не раз отличившиеся в боях с большевиками.

Так росла, крепла, завоевывала себе авторитет Русская народная армия, которая сейчас представляет собой грозную силу для сталинской банды»[3].

Эти заявления не соответствуют действительности. В условиях успешного продвижения германских войск командование ставило перед ними задачу повсеместного разоружения населения. Офицеры вермахта, кроме права казнить или миловать, могли отпустить пленного красноармейца домой, если он производил впечатление «честного хлебороба», но при этом им строго указывалось, что «оружие в любом случае должно быть изъято или уничтожено».

О том, что тысячи русских людей уже летом 1941 года изъявили желание помогать нацистам, пишет в своей книге В. Штрик-Штрикфельд: «В первые несколько ме-

сяцев войны офицеры и солдаты Красной армии, а также горожане и крестьяне в большом количестве присоединялись к германским воинским частям...

Сперва в частях добровольцев называли "наши Иваны", а затем за ними закрепилось обозначение "хиви" (Hilfswillige (Hiwis) — "желающие помогать", или добровольные помощники»[4].

Но этот же автор признает, что использовались «добровольные помощники» на самых тяжелых работах: на постройке дорог, мостов и других объектов обеспечения тыла гитлеровцев.

К концу 1942 года «хиви» имелись во многих подразделениях вермахта. Только в службе снабжения пехотной дивизии штатами было предусмотрено 700 должностей для «добровольных помощников». В соответствии с приказом командира 79-й пехотной дивизии бывшие военнопленные должны были замещать половину личного состава ездовых и шоферов грузовых машин, все должности сапожников, портных, шорников и вторых поваров, половину должностей кузнецов. Кроме того, каждый пехотный полк формировал из военнопленных одну саперную роту численностью в 100 человек, включая десять человек немецкого кадрового состава[5].

В первые месяцы войны эти люди партизанам и подпольщикам казались врагами гораздо более ненавистными и опасными, чем немцы. В 1941 году они провели ряд успешных операций по физическому уничтожению пособников врага. Никаких пропагандистских акций, кроме извещения населения о том, что смерть ждет каждого сотрудничающего с врагом, предпринято не было[6].

Для начального этапа Великой Отечественной войны не слишком характерно использование оккупантами местного населения в военных целях, даже для борьбы с партизанами. Но были и исключения. Так, в ноябре 1941 года немцы создали в Поддорском районе Ленинградской области из местного населения и лиц, дезертировавших из Красной армии, три вооруженных отряда общей численностью более пятидесяти человек. Участники этих отрядов были вооружены винтовками и ручными

пулеметами, вели борьбу с партизанами, осуществляли охрану немецких тылов в прифронтовой зоне[7].

Но в начальный период войны оккупанты делали основную ставку на карательные отряды, сформированные на территории Прибалтики. В них входили в первую очередь эстонцы, латыши и финны.

Победа Красной армии под Москвой и, как следствие этого, срыв плана молниеносной войны против СССР заставили оккупантов пересмотреть свои взгляды на использование представителей народов Советского Союза в боевых действиях.

Весной 1942 года в оккупированных нацистами районах нашей страны появилось значительное количество различных «вспомогательных подразделений», не имевших, как правило, ни четкой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецкие войска, необходимые на фронте. В группе армий «Север» они назывались «местные боевые соединения» (*Einwohnerkampfver-bande*), в группе армий «Центр» — «служба порядка» (*Ordnungs-dienst*), а в группе армий «Юг» — «вспомогательные охранные части» (*Hilfswachmannschaften*).

Формирование восточных войск на начальном этапе гитлеровцы пытались осуществлять на основе добровольного волеизъявления граждан. Когда же таковых оказалось крайне мало, были предприняты иные меры: истязания голодом и побоями, дезинформация, шантаж, провокации и т. д. Как свидетельствуют многочисленные источники, комплектование восточных формирований производилось примерно по такой схеме. В лагерь военнопленных прибывали вербовщики из представителей немецкого командования, белоэмигрантов, различных эмиссаров и приступали к выявлению лиц, по различным причинам согласившихся вступить на службу в германскую армию. Из них создавалось ядро будущего подразделения. По количеству добровольцев оно, как правило, значительно недотягивало до уста-

новленной штатной численности. Недостающих новобранцев отбирали уже по принципу физической годности к несению строевой службы. Они оказывались перед ограниченным выбором: либо принудительная служба в германской армии, либо голодная смерть. От безысходности многие соглашались надеть фашистский мундир, надеясь при удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной армии. У молодых парней и мужчин призывного возраста, загнанных в гражданские лагеря, также не было выхода: или служба в восточных войсках, или каторжные работы в Германии.

Таким способом, в частности, формировались летом 1942 года три батальона на оккупированной территории Орловской области: 1-й батальон — в Орджоникидзеграде (район Брянска), 2-й — в районе Трубчевска, 3-й батальон — в районе Плюсково (20 километров севернее Трубчевска). Во главе батальонов, рот и взводов находились бывшие советские офицеры. При командирах батальонов состояли немецкие офицеры не ниже лейтенантов; в ротах, взводах и отделениях — немецкие унтер-офицеры и солдаты. Они выступали в качестве контролеров-надзирателей за правильным и своевременным выполнением приказов немецкого командования, и их указания были обязательны для каждого бывшего русского военнослужащего, какую бы должность в данном воинском формировании он ни занимал[8].

К концу лета 1942 года по мере значительного роста потребностей в охранных войсках германское командование наряду с набором добровольцев приступило к насильственной мобилизации годных к военной службе мужчин от 18 до 50 лет. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных районов ставилась альтернатива: быть завербованными в «добровольческие» отряды или угнанными на принудительные работы в Германию.

На смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклоняющихся санкций — вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессий.

Под Брянском осенью 1942 года к охране железных дорог привлекались местные жители. Они охраняли пути под виселицами, на которых их должны были повесить в случае успешной партизанской акции[9].

Из газеты «Новый путь»:

«Карательные меры за гнусное нападение бандитов на дер. Славное, Оршанского района

Население освобожденных областей знает, что оно обязано извещать германские власти о всех известных ему преступных действиях бандитов, именующих себя "партизанами", об их притонах и их возможных пособниках. Несмотря на это, ряд жителей деревни Славное и окрестных селений не только не выполняли эти свои обязанности, но, наоборот, оказывали активную помощь бандитам. Вследствие этого бандитская шайка, находящаяся в этом районе, могла осуществить на названную деревню нападение, которое вызвало большие жертвы среди мирного населения, причем бандиты сожгли всю деревню.

Чтобы гарантировать защиту благонадежных жителей и чтобы предупредить повторение подобных злодеяний со стороны преступных элементов, подстрекаемых большевиками, Германское командование в качестве кары приказало расстрелять 100 лиц, которые — по результатам следствия — были связаны с бандитами. В числе расстрелянных оказались и родственники бандитов, которые были наказаны потому, что бандиты зверски расправляются с родственниками старост и других работников гражданского управления.

В связи с этим событием население всех освобожденных областей еще раз предупреждается, что оно обязано помогать германским властям в их восстановительной работе и в борьбе против бандитизма всеми средствами и извещать германские власти обо всем подозрительном, что они наблюдают.

В будущем в подобных случаях будут приниматься еще более суровые карательные меры».

<Без автора>

В начале 1942 года под Брянском началось формирование полка «Десна». Предполагалось, что в него вступят пленные украинцы-красноармейцы. Решение использовать именно украинцев было основано на издавна существующей, как считали немцы, вражде между ними и русскими.

Солдаты и офицеры этого подразделения носили немецкое обмундирование, а принадлежность к русскому полку обозначалась белой повязкой на рукаве[10].

Отношения между немецкими офицерами полка и солдатами были плохими. Офицерам разрешалось бить солдат. До наступления Красной армии немцы часто собирали солдат для агитационных бесед, при этом они не скупились на слова, рассказывая об успехах германской армии. После того как инициатива на фронте перешла к советской стороне, подобные мероприятия перестали практиковаться, а на вопросы солдат о положении на фронтах офицеры предпочитали отнекиваться или отмалчиваться[11].

Батальоны полка «Десна» действовали на Брянщине до конца августа 1943 года, после этого они были выведены в Белоруссию, а затем, в конце года, переброшены в Западную Европу — Францию и Италию.

Никем не контролируемый рост числа «туземных» воинских частей весной 1942 года вызвал негативную реакцию у Гитлера, который 24 марта 1942 года запретил их дальнейшее формирование на том основании, что это могло оказаться, с военной точки зрения, невыгодным при последующем «окончательном решении русского вопроса», то есть физическом уничтожении значительной части славянских народов. В то же время было приказано сохранить уже существующие части в необходимом количестве.

Но положение дел на советско-германском фронте внесло коррективы в эти планы. И уже в мае 1942 года главным командованием гитлеровской сухопутной армии и командованием армий запаса на оккупированной территории Советского Союза были учреждены четыре националистических легиона: туркестанский, кавказско-магометанский, грузинский и армянский. Они использовались руководством вермахта для борьбы с сопротивлением фашистскому режиму[12].

С июня 1942 года на страницах оккупационной печати появились воззвания, призывающие «всех честных русских граждан вступать в добровольческие отряды»[13].

Эти формирования по своему составу были крайне неоднородными. Кроме предателей, добровольно идущих на службу к оккупантам, там находились бывшие военнопленные и мирные жители. Их принудили надеть вражескую форму при помощи системы террора, шантажа, подкупа, обмана и насильственной мобилизации. Пленным красноармейцам были обещаны хорошее питание и возможность в скором будущем отбыть на родину.

В некоторых случаях обращалось внимание на социальное происхождение вербуемых. В докладе штаба 5-й танковой дивизии об использовании «добровольческой роты» рекомендовалось отбирать в первую очередь крестьян и сельскохозяйственных рабочих, «поскольку в них таится непримиримая ненависть к коммунизму». О промышленных рабочих говорилось, что они «в большей степени заражены коммунизмом и их вступление и согласие служить чаще всего объясняется желанием на какое-то время получить хорошее содержание, чтобы потом при первой возможности исчезнуть». Что же касается офицеров Красной армии, то их предложения рекомендовалось отклонять в связи с тем, что «они находятся под коммунистическим влиянием и в большинстве являются шпионами». В подтверждение этому приводился факт, когда двое принятых в роту офицеров в первом же бою перебежали на сторону Красной армии, прихватив с собой еще трех человек из числа «добровольцев»[14].

Нацистские вербовщики не учли тот факт, что для многих пленных форма добровольцев была единственной возможностью вырваться из лагеря. Всё это изначально делало невыполнимым немецкий план полного вывода на фронт тех частей, которые использовались в тылу для борьбы с партизанами и охраны коммуникаций.

Немецкое наступление на партизан на Северо-Западе России осенью 1942 года несколько потеснило

силы сопротивления, но не смогло его уничтожить. Напряженное положение на фронтах не позволяло командованию вермахта постоянно держать у себя в тылу значительные воинские подразделения немецких войск. Было принято решение о переброске на оккупированную территорию Ленинградской области «национальных легионов». Все они комплектовались за счет вербовки военнопленных. «Легионеры» носили красноармейскую форму, советские знаки отличия. Нацистские тайные агенты, используя это, получили задание распространять среди населения слухи о том, что все легионы состоят из бойцов РККА, добровольно перешедших на сторону германских вооруженных сил. Эта акция провалилась. Сразу же по прибытии на место дислокации несколько бывших военнопленных бежали к партизанам, разоблачив этим инсинуации противника[15].

При подготовке очередного наступления на партизанские соединения оккупанты были вынуждены отозвать легионеров с линии их соприкосновения с народными мстителями и использовать в дальнейшем только на хозяйственных работах. Национальный состав карательных отрядов, пришедших им на смену, был представлен в основном немцами, латышами и эстонцами, а также русскими, уже совершившими различные преступления против своего народа.

Некоторые из этих отрядов, созданных нацистами в 1942 году, скрывали свою связь с германским командованием. Но зато они открыто говорили о своей враждебности к советскому строю и партизанам, объявляя своей целью «борьбу за Новую Россию». На Брянщине и Смоленщине распространялись антисоветские брошюры и листовки от лица организации «русских фашистов»[16].

Особое внимание со стороны руководства силами сопротивления и НКВД уделялось тем подразделениям, которые предназначались фашистами для разведывательно-диверсионной работы в советском тылу. 22 января 1942 года вышли указания НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с "добровольческими" отрядами». В них все коллаборационистские формирования назы-

вались бандами. Предполагалось «по получении проверенных сведений о формировании банды подбирать и направлять через линию фронта в пункты формирования банды надежную агентуру с задачей внедрения в состав банды». Чекисты должны были «вести разложенческую работу среди рядовых участников, склонять их к переходу в Красную армию, насильно уводить с собой руководителей банд; осуществлять ликвидацию отдельных руководителей банд, вербовщиков в эти отряды и отдельных активных рядовых участников; вербовать старост с целью получения возможности вливать через них в банды нашу агентуру».

В августе 1942 года начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин отправил начальнику опергруппы Северо-Западного фронта и командирам партизанских отрядов «Указания о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупируемой территории» (аналогичные документы были направлены из Москвы брянским и смоленским партизанам)[17].

Впервые с начала войны в этом документе прямо писалось о том, что не все лица, служащие захватчикам, являются потенциальными врагами советской власти. Кроме вооруженной борьбы с полицейскими и карателями партизанам предлагалось использовать все возможности для разложения этих формирований.

В соответствии с указаниями из Центра сопротивление организовало свою работу с коллаборационистскими подразделениями следующим образом: выявлялись дислокация, организация, численность и порядок комплектования тех антисоветских «добровольческих отрядов», которые действовали в районах, контролируемых народными мстителями. В подразделения «добровольцев» засылалась партизанская агентура, которая путем распространения листовок и устных бесед с «добровольными помощниками» склоняла их к переходу с оружием на сторону партизан. Там, где сочувствующих силам сопротивления было несколько, создавались подпольные группы для разложения отрядов изнутри.

Подобные акции значительно ослабляли вражеский тыл и делали весьма затруднительным активное ис-

пользование добровольческих соединений, набранных из местных жителей. Но работа по разложению этих формирований не всегда была успешной для советской стороны. В ее практике имелись случаи, показывающие наши упущения. Так, 1 июля 1942 года Навлинским оперативным чекистским объединением (Орловская область) был завербован начальник штаба полицейского отряда Р. Его вербовкой преследовалась цель добиться через него проведения агентурных мероприятий по разложению полицейского отряда. Связь с Р. систематически поддерживалась через агента-связника Н., контактировавшего с группой навлинских девушек, распространявших советские листовки и в результате этого арестованных гестапо. Вместе с ними был схвачен и агент Н. В результате этого все мероприятия по вербовке Р. и разложению полицейского отряда были провалены[18].

Поскольку немецкие пропагандистские службы поместили в печати ряд статей о зверской расправе, учиненной партизанами над перешедшими на их сторону коллаборационистами, стали практиковаться персональные письменные обращения групп и одиночек-перебежчиков к личному составу тех антисоветских формирований, где их знали лично. Если отряды «добровольцев» переходили на сторону партизан в полном составе, то им выделялись специальные районы действий и ставились самостоятельные боевые задачи.

В тех местах, где деятельность советских агитаторов и пропагандистов была затруднена из-за большой концентрации вражеских войск, особыми отделами партизанских бригад и отрядов проводились операции по дискредитации отдельных коллаборационистов[19].

Кроме всего прочего, оккупанты формировали «вспомогательные подразделения» путем насильственной мобилизации мирного населения. С этой целью предварительно проводилась обязательная регистрация мужчин в возрасте 14—60 лет. За уклонение от регистрации виновные подвергались репрессиям. В первый период оккупации прошедшим регистрацию предлагалось подавать заявления о добровольном желании служить в антисоветских формированиях. «Добровольцев» соб-

лазняли высоким жалованьем, хорошим питанием и обмундированием, обещали выдачу продовольственного пайка семьям, а после войны — предоставление больших земельных наделов, льгот при поступлении в учебные заведения и уравнение во всех правах с немцами[20].

18 декабря 1942 года состоялась конференция, организованная Альфредом Розенбергом. В ней приняли участие представители центральных военных управлений, ответственные за проведение оккупационной политики и осуществление хозяйственной деятельности на захваченной территории Советского Союза. Обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству, немецкие военные представители высказывали мнение, что вермахт нуждается в непосредственном использовании жителей оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава войск, а также успешной борьбы с усиливающимся партизанским движением. Поэтому было решено пойти на определенные уступки в обращении с населением. Вместе с тем открыто говорилось, что речь идет лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после окончания войны могут и будут подвергнуты любой ревизии[21].

Несмотря на свое согласие с некоторыми предложениями Розенберга, Гитлер отказался до окончания войны вносить в проводимую политику какие-либо изменения.

Единственным официальным документом, получившим поддержку со стороны руководства Третьего рейха, стала инструкция министерства пропаганды, подписанная Геббельсом 15 февраля 1943 года. В этом документе требовалось избегать в пропаганде, рассчитанной на народы Советского Союза, всех дискриминирующих их высказываний и ни в коем случае не упоминать о колонизаторских планах Германии[22].

В специальные лагеря военнопленных, где содержались политработники Красной армии, были направлены немецкие вербовщики. Так, в сентябре 1942 года в лагерь под Борисовом прибыл немецкий офицер фон Рам, в совершенстве владевший русским языком. Целью

его командировки являлся подбор из числа советских политработников пропагандистов идей национал-социализма.

На общем собрании он заявил следующее: «Мы, немцы, совершили много ошибок, не зная характера русского народа. Сами, без вашей помощи, мы никогда ничего не сможем сделать. Вы должны нам помочь. Мы не имеем никаких территориальных или иных претензий к России. Мы только против советской системы. У нас нет противоречий. Вы за социализм, и мы за социализм. Только мы за национальный социализм для своей страны, а в России интернациональный социализм. В интернационализме в России заинтересованы евреи, их господство нужно уничтожить»[23].

Усиление антигитлеровского сопротивления и коренной перелом в Великой Отечественной войне заставили нацистские оккупационные и пропагандистские службы разработать новый план по активному вовлечению в коллаборационистские подразделения русских граждан. В 1941 году немцы требовали от населения в основном экономической поддержки, с 1942 года командование вермахта пошло на создание вспомогательных отрядов из местных жителей. 1943 год был характерен «союзной инициативой» ведомства Геббельса. Согласно ей, эта война велась самим русским народом против поработившего его большевизма, Германия же выступала в качестве «союзника России».

По мере роста людских потерь вермахта и особенно после Сталинградской битвы 1942—1943 годов мобилизация местного населения приобрела еще более широкие масштабы. В прифронтовой полосе немцы стали мобилизовывать поголовно все мужское население, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезенных на работу в Германию. К скрывающимся от мобилизации применялись всяческие репрессии, вплоть до расстрела. В этих условиях многие русские мирные жители бежали в леса и пополнили ряды партизан.

В 1943 году мелкие команды вспомогательной русской полиции в некоторых районах стали оформляться немецким командованием в роты и батальоны,

которые получали армейское вооружение, проходили военную подготовку и переименовывались в подразделения РОА.

Как правило, «добровольческие части» независимо от их национального состава получали форму немецкого военного образца с различительными шевронами на рукавах. Использовались они преимущественно для борьбы против партизан, для охраны железных дорог и военных объектов, в качестве различных вспомогательных и тыловых подразделений. Во время битвы на Курской дуге было отмечено участие РОА в операциях непосредственно на фронте, хотя оно было предпринято в основном в пропагандистских целях. Иногда немецкое командование использовало «добровольческие части» в качестве прикрытия отступающих немецких войск[24].

Зимой 1942/43 года в глубине оккупированной территории России происходила замена некоторых немецких гарнизонов «добровольческими частями». Личный состав, помимо обмундирования и питания, получал денежное довольствие. Официально оно делилось на три разряда: по первому разряду получали 375 рублей, по второму — 450 и по третьему — 525 рублей. Фактически выдаваемые суммы были меньше. Так, в одной из «русско-германских» частей солдатам платили по 240 рублей в месяц, а младшим командирам — по 465 рублей. В казачьих частях холостые солдаты получали по 250 рублей, а женатые — по 300 рублей. Питание, квартиры и медицинское обслуживание, как и для немецких военнослужащих, были бесплатными, причем они должны были проживать отдельно от немецких солдат и офицеров.

Для награждения «добровольцев», полицейских, старост и прочих коллаборационистов немцами был учрежден специальный знак «За храбрость и заслуги». Отличие имело два класса, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд ступеней. Награжденный получал грамоту, дающую ему ряд привилегий. Награжденные отличием 1-го класса могли рассчитывать на значительную денежную сумму или участок земли. Отдельные командиры «добровольческих» частей за участие в боевых действиях против партизан награждались «железным крестом».

Из газеты «Новый путь»:

«Высокая награда

Большевизм — гнуснейшая из диктатур, какие когда-либо знала история человечества. Теперь каждый русский человек всё больше и больше убеждается, что спасти ему свою родину от окончательной гибели под сапогом жидо-большевизма можно только путем полного уничтожения этой мерзкой диктатуры. Никаких компромиссов быть не может. Это все начинают понимать. Поток добровольцев в Народную армию как нельзя красноречиво говорит о желании русского народа поскорее покончить с чудовищем нашей эпохи — большевизмом. Не только Народная армия пополняется добровольцами, но и стража — наша местная защитница от бандитов, именуемых себя "партизанами".

Стража плечом к плечу с германскими солдатами борется с "партизанщиной".

2-го февраля Германское командование отметило высокой наградой русских борцов за родину, отличившихся в боях с бандитами. Оно наградило 20 человек рядовых и офицеров Смоленской окружной стражи орденами "За храбрость" 2-й степени с мечами. Выстроившихся около здания Смоленского городского управления бойцов стражи в краткой речи приветствовал генерал, командующий охранными войсками и областью. Он поблагодарил борцов за родину, героически борющихся с "партизанами", и поздравил их с наградой.

Проходя по рядам награждаемых, он, пожимая каждому стражнику руку, вручал бронзовый орден, зеленую шелковую ленту и свидетельство о награждении.

Особенно были отмечены начальник Окружной стражи, его заместитель и волостной старшина.

От русского управления выступал с приветственной речью начальник Смоленского округа.

Стройными колоннами направились бойцы и офицеры городской, районной и окружной стражи на кладбище почтить память своих друзей, павших в борьбе с большевистскими бандитами.

Генерал, командующий охранными войсками и об-

ластью, лично возложил венок на одну из могил героя-стражника, убитого бандитами.

Награждение орденами стражников — большое событие на освобожденной земле. Германское командование умеет ценить всех, кто борется против общего врага всего человечества — большевизма.

Сергей Широков».

Морально-политическое состояние «добровольческих частей» было весьма неустойчивым. Имели место выступления против немцев и их пособников. Отдельные группы и подразделения после перехода на сторону партизан выполняли вместе с ними различные боевые задания. Поэтому оружие им выдавалось только для участия в операциях. «Русских добровольцев» запрещалось ставить на охрану складов оружия и боеприпасов. Чтобы затруднить побеги, утром и вечером устраивались переклички. Перебежчики из Красной армии должны были подвергаться проверке на протяжении двух месяцев. Широко практиковалась засылка в подразделения тайных агентов, чтобы препятствовать появлению там антифашистских организаций и установлению военнослужащими связей с партизанами и подпольщиками.

Под влиянием поражений вермахта и его союзников, а также в связи с пополнением коллаборационистских вооруженных формирований принудительно мобилизованными лицами антинемецкие настроения стали проявляться еще активнее. Участились случаи отказа от выполнения боевых приказов и перехода на сторону партизан. Особенное возмущение вызывало требование немцев о принесении присяги «на верность фюреру Великой Германии — Адольфу Гитлеру».

Наибольшие надежды фашисты возлагали на полицейских и карателей, которые в свое время были репрессированы советской властью. В работе с ними партизанские агенты признавали незаконность вынесенных им приговоров, но отмечали, что обида на конкретных представителей советской власти и НКВД — еще не повод к активному сотрудничеству со злейшими врагами русского народа[25].

В условиях нестабильности своего тыла германское командование издало ряд постановлений, приказов, распоряжений, из которых следовало, что «каждый честный русский гражданин должен доносить в ближайшую воинскую часть и учреждение всё, что он знает о большевистских агентах, которые грабят русских крестьян». Любая форма сотрудничества с немцами и их союзниками поощрялась выплатой денег, выдачей табачных изделий, водки, сельхозинвентаря и скота. При этом утайка подобных сведений каралась смертной казнью.

Из газеты «Новый путь»:

«Ускорить уничтожение сталинских бандитов

Наши крестьяне свой первый весенний сев на освобожденной земле проводят с особым подъемом. Им в полевых работах по приказу Германского командования помогают личным трудом немецкие солдаты.

Всё это, понятно, очень печалит Сталина. Но его стараются порадовать бандиты — "партизаны". Они в деревнях, удаленных от германских войск, пытаются в первую очередь уничтожить лошадей, сельскохозяйственный инвентарь и семена. Они даже за устройство грядок грозят крестьянам расстрелом.

Германская армия занята сейчас окончательным разгромом большевистских полчищ. Однако германские военные части всегда охотно готовы помочь нашему крестьянству в борьбе против его злейших врагов — сталинских бандитов. Укрепляется волостная полиция. Создаются специальные отряды по уничтожению сталинского зверья.

Всё это дело будет идти тем успешнее, чем больше в нем будут принимать участие сами крестьяне.

Наше крестьянство получило землю в свое полное личное распоряжение. Крестьянин должен дорожить своим хозяйством и зорко стоять на его защите.

Каждая деревня даже при внезапном налете "партизан" сумеет дать им отпор, если крестьяне при опасности дружно бросятся на защиту своей родной деревни. Даже топоры и колья в смелых руках будут страшным оружием против бандитов.

Но лучше, конечно, не допускать до таких внезапностей, а быть заранее начеку, следить за всякими проходимцами — разведчиками от бандитов и за шатунами по лесам. Их нужно без лишних разговоров задерживать и сдавать на проверку начальству в волость.

Если в лесу заводится бандитское логовище, надо немедленно поставить об этом в известность волостное или германское начальство. Не дать бандитам укорениться в лесу — значит сохранить свое хозяйство и будущий урожай от гибели.

Нужно смотреть не только в лес, но и вокруг своего двора. Если даже близкий сосед спутался с "партизанами" — это уже не сосед, а враг. Отдать его волостной полиции или германским властям — значит сделать благое дело для всей деревни.

Хозяин, который знает что-либо о партизанах, но помалкивает — враг и самому себе и всему крестьянству. Нельзя за таким крестьянином оставлять право на землю. Он должен считаться укрывателем "партизан" и отвечать за это по всей строгости военных законов.

Но каждый крестьянин, который любит свое хозяйство и который словом и делом ведет борьбу против сталинских бандитов — каждый такой хозяин достоин особого уважения и особой благодарности. Такому хозяину будет уделено особое внимание.

Взаимная помощь деревень, смелая защита своих хозяйств, зоркость и осторожность по отношению к подозрительным типам и, наконец, помощь волостной полиции, специальным отрядам и германским воинским частям — всё это ведет к беспощадному уничтожению сталинских бандитов.

От самих крестьян зависит ускорить это уничтожение!»

<Без автора>

Особое место среди вооруженных коллаборационистских формирований занимали ложные партизанские отряды. Наибольшую опасность представляли лжепартизанские отряды, сформированные из агентов нацистских спецслужб. Так, зимой 1943 года в западных

районах Курской области гитлеровцами была проведена специальная операция отрядом, состоящим из 11 немецких полицейских и 40 полицейских местной полиции, сформированным из бывших советских граждан, во главе с гауптштурмфюрером СС.

В отчете о результатах предпринятой операции указывалось, что при вступлении в деревню переодетого отряда наблюдалась необычная картина: на улицах царило оживление. Женщины и девушки стояли в дверях и приветствовали отряд возгласами: «Наши!» «Партизан» встречали, как братьев, хлебом, молоком и самогоном, предлагали продукты и лучших лошадей.

Двадцатитрехлетняя девушка завербовалась в партизаны и с винтовкой в руках ходила по домам, собирая вещи для «партизанского отряда». Пожилые женщины сетовали на то, что партизаны принимают в отряд только молодых и красивых женщин, и выражали готовность идти с партизанами хотя бы в качестве кухарок. Один 58-летний житель готов был назвать всех сочувствующих немцам жителей и выдать местных полицаев, спрятавшихся при появлении «партизан». Спустя два часа после их ухода в деревню нагрянули каратели, арестовавшие 43 человека[26].

В ноябре 1941 года полицией безопасности и СД в городе Луге Ленинградской области из уголовных элементов была создана разведывательно-карательная группа, которая в первый период насчитывала восемь человек. Руководителем этой группы немцами был назначен Николай Александрович Мартыновский, 1920 года рождения, уроженец города Омска, бывший студент 2-го курса Ленинградского медицинского института.

Группа с декабря 1941 года до весны 1942 года выходила в населенные пункты Лужского района, выдавая себя за участников советского сопротивления. Общаясь с населением, она выявляла места расположения партизан, подпольных организаций, советских разведчиков и лиц, оказывавших помощь партизанам.

Таким провокационным методом было вскрыто и уничтожено несколько советских разведывательно-диверсионных групп, а также много партизан и лиц, оказывавших им помощь.

К апрелю 1942 года группа «СД» была реорганизована в отряд, который насчитывал к тому времени около семидесяти человек. С апреля по май 1942 года отряд действовал в Лужском районе Ленинградской области, с мая по сентябрь — в Новоржевском, в сентябре и октябре — в Островском, с октября 1943 года по февраль 1944 года — в Себежском, с февраля по март 1944 года — в Островском и Пыталовском районах Псковской области.

Участники этого отряда, который к этому времени именовался «Ягд-командой», применяли исключительно коварные методы борьбы с советскими патриотами. Все они были одеты в гражданскую форму, а Мартыновский носил форму капитана Красной армии и золотую звезду Героя Советского Союза.

Каратели, выдавая себя за партизан, при выявлении лиц, оказывавших помощь партизанам, производили расстрелы, подвергали сожжению населенные пункты, грабили имущество советских граждан. Некоторых захваченных партизан вовлекали в «Ягд-команду», а для закрепления их дальнейшей службы у карателей заставляли расстреливать перед строем своих же товарищей.

За пассивные действия во время операций, трусость, малейшее недовольство, попытки перейти на сторону партизан Мартыновский или его заместитель Решетников расстреливали участников отряда перед строем.

В отряде процветали пьянство, массовое изнасилование женщин в местах расположения «Ягд-команды», а захваченные в плен партизанки после изнасилования расстреливались.

За время нахождения «Ягд-команды» на территории Псковской области ее участниками было расстреляно свыше ста человек, в том числе старики, женщины, дети, сожжено и разграблено несколько населенных пунктов.

В марте 1944 года «Ягд-команда» была переброшена в Белорусскую ССР, где в районе города Полоцка и Дрисском районе чинила массовые зверства над мирными советскими гражданами. Так, 1 мая 1944 года в местечке Крышборок карателями на почве мести за убитого партизанами командира взвода Пшика было расстреляно 30 ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. А

всего в этом районе было расстреляно около шестидесяти человек мирных граждан и партизан.

Из Белоруссии «Ягд-команда» была переброшена в Польшу, а затем в Югославию для борьбы с партизанским движением. На территории Югославии каратели также чинили массовые зверства, насилия, грабежи.

В сентябре 1944 года Мартыновский из-за личных счетов был убит своим заместителем Решетниковым, который с этого времени и возглавил «Ягд-команду».

В январе 1945 года под городом Иноврацлав (Польша) «Ягд-команда» была разбита войсками Красной армии. 39 карателей взяты в плен, арестованы и осуждены военным трибуналом. Десять человек из них были расстреляны.

Командира «Ягд-команды» Решетникова в 1947 году удалось арестовать, и он был осужден на 25 лет лишения свободы. Во время следствия он скрыл свое участие в массовых расстрелах и зверствах, но в 1963 году было проведено новое расследование, и этот военный преступник 4 декабря 1963 года Псковским областным судом был осужден по ст. 64 п. «а» УК РСФСР к расстрелу[27].

Так закончилась история этого лжепартизанского отряда, повинного в гибели сотен ни в чем не повинных людей.

Ленинградские партизаны регулярно сообщали в ЛШПД: «Оккупанты стремятся всеми средствами расколоть связь населения с партизанами. Они организовывают шайки бандитов из числа эвакуированных жителей или "отрядчиков" (полиция, отряды самообороны и т. д.) по 10—15 человек, задачей которых является грабить мирное население под видом партизан и тем самым оправдывать название "партизаны—грабители", чтобы восстанавливать таким образом население против советского сопротивления»[28].

Определенную поддержку нацисты смогли получить во время своего наступления на Северном Кавказе. В 1920—1930-е годы Сталин проводил там политику расказачивания, что вызывало сопротивление местного населения.

По политическому, экономическому состоянию и по географическому положению казаки делились на

две группы: одну из них составляли солдаты и офицеры белой армии и эмигранты 1920-х годов, проживавшие в разных странах Европы; другую — солдаты и офицеры Красной армии, оказавшиеся в немецком плену, а также те, кто проживал на родине в период оккупации и, предложив свои услуги противнику, стал коллаборационистом. Они приветствовали немецкие войска как своих освободителей, создавали вооруженные легионы в рамках вермахта, сотрудничали с оккупационными властями.

К сентябрю 1942 года практически вся территория проживания казаков на Северном Кавказе оказалась захвачена вермахтом. В этих условиях командование группы армий «Юг» стало формировать казачьи воинские части. На протяжении сентября этой акцией занимался полковник фон Панквиц. Через месяц его назначили командующим всеми казачьими частями. Атаманами казачьих войск были избраны полковник Духопельников (донское казачество), полковник Белый (кубанское казачество) и есаул Кулаков (терское казачество)[29]. Для идеологического обоснования своих действий нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших Причерноморским краем во II—IV веках н. э. и, следовательно, были не славянами, а народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной».

Эта теория, нелепая и фантастическая, очень понравилась Гитлеру[30].

К сентябрю 1942 года в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной армии. Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо значительная часть казаков вступила в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 рублей, некоторым из них предоставлялись дополнительные земельные наделы в один гектар на человека и по две лошади на хозяйство. Налоги им уменьшались в два раза.

На помощь немецким властям в формировании коллаборационистских казачьих войск на Северный

Кавказ прибыли атаманы времен Гражданской войны П. Краснов и А. Шкуро и представитель «Казачьего национального движения» Р. Алидзаев.

Генерал Краснов обратился к «родным казакам и братьям иногородним и пришлым из советчины русским, с кем довелось прожить казакам вместе и перестрадать 23 года тяжелой неволи под жидовской советской пятой на кровью залитом Тихом Дону, на вольнолюбивой Кубани и бурном Тереке» с призывом вступать в германскую армию.

На Кубани формированием воинской казачьей части «Свободная Кубань» занимался бывший полковник Красной армии М. М. Шаповалов. В Адыгею прибыл бывший командир Дикой дивизии генерал Султан-Гирей Клыч.

Казачьи роты, эскадроны и батальоны были обеспечены конским составом и насчитывали в своих рядах соответственно по 145, 300 и 900 всадников. Помимо оказавшихся в плену советских граждан, в казачьих войсках было значительное число белоэмигрантов. Эти формирования отличались особой жестокостью в борьбе с собственным народом. Так, например, 448-й немецкий казачий отряд был сформирован в марте — мае 1942 года на территории Смоленской области из изменников родины и военнопленных Красной армии. Отряд состоял из четырех эскадронов и насчитывал около пятисот человек.

С мая 1942 года до июля 1944 года казачий карательный отряд на территории Смоленской, Калужской, Брянской и Псковской областей активно участвовал в операциях по борьбе с партизанами. В июне 1942 года из отряда были отобраны наиболее враждебно настроенные казаки и направлены в Берлин, где из них сформировали «Казачью сотню СС». После формирования из числа личного состава сотни 30 человек в качестве делегатов посетили белоэмигранта генерала Краснова[31]. Каратели этого отряда отличались исключительной жестокостью по отношению к мирному населению, проводили массовые аресты, расстрелы, истязания, сжигали населенные пункты.

Как свидетельствуют немецкие источники, гитле-

ровское руководство было удовлетворено деятельностью добровольческих формирований. В донесении командования 4-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 18 декабря 1942 года отмечалось: «Большинство восточных и казачьих частей несет службу охраны в тыловом районе армии, в тылу корпусов, дивизий, а также они используются для охраны железных дорог. Часть из них ведет борьбу с партизанами... Во всех вышеперечисленных мероприятиях подразделения показали себя с хорошей стороны. Командные инстанции, которым подчинены восточные и казачьи части, особо отмечают, что личный состав подразделений охотно принимает участие в акциях против партизан. Все поставленные перед ними задачи были выполнены».

Альфред Розенберг, как было вскрыто на Нюрнбергском процессе, предлагал энергичнее использовать «исторически закоренелую ненависть между кавказскими народностями, развивая ее, идя навстречу гордости и тщеславию тех или других», обострять национальные противоречия с целью господства в районе[32].

В дополнение к этому рейхсминистр Восточных областей «позаботился» и о послевоенной судьбе кавказских национальных формирований, которые, по его мнению, необходимо было использовать в дальнейшем как особые охранные части, «так как этого потребует местная сложная обстановка». Определять места дислокации национальных частей следовало с расчетом на углубление противоречий между разными народами. По циничному замыслу Розенберга, «формирования кубанцев будут дислоцироваться в Азербайджане, или азербайджанские — на Тереке, или грузинские — среди горных народностей». Для достижения целей нацистской оккупационной политики он считал необходимым соблюдение следующих требований: «...Во-первых, чтобы офицерские должности во всех воинских частях занимали только немцы, во-вторых, чтобы воинские подразделения путем вербовки на 10—20 лет могли бы обеспечить себе замену выбывающих, в-третьих, численность формирований должна быть такой, чтобы они ни в коем случае не смогли оказывать давление на немецкие оккупационные власти»[33].

Для осуществления своих политических устремлений оккупационные власти создавали батальоны легионеров-добровольцев. Во второй половине 1942 года в составе немецкой группировки, наступавшей на Кавказе, насчитывалось 25 таких батальонов, а к 5 мая 1943 года было сформировано уже 90, в том числе 9 северокавказских. Как считает историк Р. Г. Трахо, на стороне вермахта воевало 28 тысяч представителей народов Северного Кавказа[34].

Таким образом, немецкое командование выделяло следующие категории советских граждан, использовавшихся вермахтом в своих целях:

1. Представители тюркских народностей и казаки, которые рассматривались как равноправные союзники, сражающиеся вместе с германскими солдатами против большевизма в составе особых боевых частей, таких как туркестанские батальоны, казачьи части и крымско-татарские формирования.

2. Местные охранные части из добровольцев, включая освобожденных военнопленных из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов и этнических немцев, используемых для обеспечения порядка и борьбы с окруженными группами Красной армии и партизанами.

3. Части из местных добровольцев и освобожденных военнопленных, привлеченные для несения полицейской службы.

4. Добровольцы из гражданского населения и освобожденных военнопленных, действующие при германских частях в качестве вспомогательного персонала.

5. Советские граждане, помогающие германской армии на дорожно-строительных, фортификационных и других работах.

6. Советские военнопленные, использовавшиеся для нужд германской армии на хозяйственных работах[35].

По инициативе немецких разведывательных служб и министерства пропаганды рейха в середине 1943 года была создана Русская освободительная армия (РОА), во главе которой был поставлен бывший генерал-лейтенант РККА А. А. Власов.

Первыми частями, являвшимися прообразом буду-

щей Русской освободительной армии, стали бригада под командованием Бронислава Каминского (район Брянск — Локоть) и бригада полковника Гиль-Родионова (Белоруссия). Вместе с немецкими карателями они воевали против советского сопротивления. Но в 1943 году бригада Гиль-Родионова почти в полном составе перешла на сторону партизан, а ее командир через некоторое время погиб в бою с карателями.

В районах, переданных немцами в состав «самоуправляющегося округа» с центром в поселке Локоть (западные районы Орловской области), отряды местной самообороны были объединены в бригаду во главе с локотьским обер-бургомистром Б. В. Каминским. К концу 1942 года в составе бригады, которая стала именоваться Русской освободительной народной армией (РОНА), имелись 14 стрелковых батальонов, бронедивизион и моторизированная истребительная рота общей численностью около десяти тысяч человек. В их распоряжение немецкие власти передали трофейное советское вооружение, включая артиллерию, бронемашины и танки.

Личный состав был представлен перебежчиками из партизанских отрядов, окруженцами, а также местными жителями (в основном молодежью 17—20 лет), набиравшимися в порядке общей мобилизации. Командование бригады было русским (за исключением Каминского, поляка по национальности), уровень его был весьма низким, на командные должности часто назначались бывшие сержанты и старшины, а то и рядовые красноармейцы. Соответствовали уровню комсостава военная подготовка личного состава и его дисциплина[36]. По своему поведению «каминцы» напоминали банду уголовников. Немцы использовали их для выполнения самой грязной работы. Грабежи и насилие над мирным населением — таков был почерк этих «борцов за Новую Россию».

Несколько иначе процесс формирования РОНА освещался на страницах прессы. Так, в статье «Место русских — в Народной армии», опубликованной в локотьской газете «Голос народа», писалось: «Мы — сыны русского народа, наша мать — Россия, мы любим ее, как может любить свою Родину истинный патриот. Ради этой

любви, ради спасения наших отцов, матерей, жен, детей от варварства большевиков мы взяли в руки оружие и пошли в бой плечо к плечу с германским солдатом...

Мы были рабами большевиков и евреев. Больше не бывать этому! Германия доверила нам оружие, которое мы не выпустим из рук до окончательной победы. Мы будем храбро биться до последней капли крови, храбро и мужественно — как боролись наши предки».

Автор статьи с пафосом восклицал: «Сегодня в наших рядах борются тысячи — завтра будут миллионы»[37].

Но этого, конечно, не произошло. В результате успешного наступления частей Красной армии летом 1943 года Локотьский район был освобожден. Бригаду Каминского немцы перебросили в Витебскую область Белоруссии. Здесь сотни солдат РОНА перешли на сторону партизан. Оставались те, кто совершил военные преступления и не мог рассчитывать на снисхождение со стороны советского сопротивления. В августе 1944 года каминцы приняли участие в подавлении Варшавского восстания. Грабежи перемежались с убийствами. По утверждению польского историка А. Пшигоньского, они только за один день — 5 августа — уничтожили более пятнадцати тысяч мирных жителей польской столицы[38].

Эта кровавая вакханалия возмутила даже нацистов. Каминский был вызван в Лодзь, где располагался штаб обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевского, ответственного за подавление восстания. Там командующего РОНА предали суду военного трибунала, на котором в качестве доказательства фигурировал конфискованный немцами грузовик, доверху набитый ценностями. Вынесенный трибуналом смертный приговор был приведен в исполнение 19 августа в обстановке полной секретности. Солдатам же РОНА объявили, что их командир погиб в стычке с партизанами. После этого их влили в состав РОА.

С весны 1943 года деятельность РОА, характеристика ее целей и задач широко освещались в коллаборационистской печати. Пропагандистская акция «Русские воюют против русских» охватывала, по подсчетам генерала Гелена, до восьмидесяти миллионов человек[39]. Населению объявлялось, что в частях РОА для солдат

и офицеров вводится документ единого образца — «книжка военнослужащего». В нем рядом с графами, удостоверяющими личность, были вписаны слова из военной присяги: «Я вступил в ряды "Русской Освободительной Армии" для борьбы против Сталина и его клики, за светлое будущее русского народа.

Русский народ в союзе с Германией свергнет ненавистный большевизм и установит на своей Родине справедливый порядок»[40].

Появление этого нового документа преподносилось как факт окончательной организации разрозненных групп антибольшевистских добровольцев в «единые сплоченные вооруженные силы русского народа».

Для подготовки квалифицированных кадров, занятых работой в коллаборационистских подразделениях, была создана сеть специальных школ. Наиболее известной из них была школа пропагандистов и подготовки офицерского состава в Дабендорфе (под Берлином). К преподаванию в этих школах привлекались эмигранты и политработники РККА из военнопленных, согласившиеся сотрудничать с врагом. Курсантам читались лекции по истории России и Советского Союза. На занятиях анализировалась внутрипартийная борьба в ВКП(б) с 1903 года, жизнь в СССР противопоставлялась системе власти в фашистской Германии. Слушателей знакомили с основными аспектами нацистского национального социализма и темпами роста промышленности и сельского хозяйства рейха за десять лет, с 1933 по 1943 год.

К основной задаче РОА преподаватели школ относили совместную с германской армией борьбу против большевизма и построение после войны «Новой России без евреев и коммунистов».

Интересна в связи с этим статья под названием «Воин Русской Освободительной Армии», опубликованная в газете «Заря», которая издавалась в Берлине с 1942 года «Русским комитетом». В ней говорилось: «Германская армия не борется против русского народа. Война русского народа против большевизма священна, борьба русского народа против Германии бессмысленна. Германские вооруженные силы, освобождая русский на-

род на территории России, не посягают на суверенные права русского народа...

Разгром большевизма создает основу заключения почетного мира с Германией, причем это будет не мир в обычном представлении этого слова, а договор о нерушимой дружбе между германским и русским народами, связавшими свою судьбу в боях против общего врага и смешавшими свою кровь в борьбе против жидо-большевизма».

Активизация деятельности немецко-фашистских оккупационных и разведывательных служб, направленная на вовлечение в коллаборационистские формирования русского населения, создание в Смоленске так называемого Русского национального комитета не могли быть проигнорированы советскими органами государственной безопасности. 1 мая 1943 года начальник управления НКВД СССР по Ленинградской области, комиссар госбезопасности 3-го ранга Кубаткин утвердил план агентурно-оперативных мероприятий 4-го отдела УНКВД ЛО по разработке Русского национального комитета и разложенческой работы в частях Русской национальной армии[41].

Согласно данным советской разведки, нацисты предполагали через смоленский комитет консолидировать все профашистские силы на временно оккупированной территории, активизировать подготовку кадров шпионов, диверсантов и террористов для организации в советском тылу терактов, создать военную организацию для борьбы с антифашистским подпольем и партизанским движением, а также для участия в военных действиях против частей Красной армии.

Среди населения оккупированных районов стала проводиться большая агитационно-пропагандистская работа как силами самих немцев, так и представителями коллаборационистской «новой русской администрации».

Помимо этого, распространялось большое количество литературы, листовок и различного рода плакатов, призывающих население поддерживать генерала Власова и его движение.

Ежедневная (кроме понедельника) газета «За Роди-

ну» выходила с 10 сентября 1942 года до лета 1944 года. Издательство и редакция находились в Пскове на улице Башенной, дом 46. Первым главным редактором был Анатолий Петров (Ф. Т. Лебедев). Затем газету возглавил бывший сотрудник советской газеты «Псковский колхозник» Григорий Денисович Хроменко (1901—1952). С 1944 года газету редактировал Анатолий Стенрос (Макриди). Это издание заменило ряд небольших городских газет — таких как «Псковский вестник», «Лужский вестник», «Мировое эхо». Позднее газета печаталась в Риге, а в начале 1944 года редакция переехала в Ревель (Таллин).

Цена отдельного номера была 50 копеек, подписка на месяц — 12 рублей. Как заявлялось в первом номере, «газета дает обзор политического, экономического и культурного положения всего света, уделяя особое внимание освободительной войне новой Европы против большевизма и союзных с ним жидов и плутократов».

Из газеты «За Родину»:

«Наш долг — бороться с большевизмом

В тот момент, когда многие нации решают вопрос: быть или не быть им свободными и независимыми, мы, русские националисты, объединились и открыто выступили против большевизма.

Большевики надругались над нашей национальной культурой, они сделали всё возможное, чтобы русский забыл, к какой нации он принадлежит. Национальные и духовные ценности русского народа втаптывались в грязь и заливались кровью. Всё, что напоминало русскому человеку о его прошлом, о его славной истории старательно исторгалось из жизни народа. Это относится ко всему укладу русской жизни, начиная от искусства и науки и кончая народным деревенским обрядом. Большевизм, являясь порождением иудейства, борется против национальных начал, ибо народ, сознающий свою национальную самобытность и обособленность, никогда не согласится быть рабом интернационала. Потому-то большевики так безжалостно уничтожают памятники нашей родной национальной культуры и истории.

Сегодняшние союзники Сталина по своему духу чрезвычайно близки к большевизму. Недаром Америку называют "страной без сердца". Там всё подчинено материальным интересам — золотому тельцу, а крупнейшими обладателями золота являются евреи. В Англии, где евреи могут покупать ценою золота титулы лордов, тоже фактически правит иудо-плутократическая клика, думающая только о власти и наживе.

Гонения на культуру всех народов со стороны сталинско-рузвельтовского-черчиллевского блока являются следствием антинациональной сущности той идеологии, которой руководствуются эти правители. Чтобы лишить народы их национального самосознания, чтобы стереть грани между разными народами и превратить их в послушных и безвольных рабов мирового еврейства, иудо-большевики и ожидовевшиеся англо-американские плутократы уничтожают культуры и истории, предполагая, что народы, утратив свои культурные и национальные ценности, не смогут сопротивляться порабощению и станут жертвой иудейских захватнических планов. С той же целью, где это возможно, уничтожаются интеллигентные и образованные слои населения, так как только они могут разоблачить ложь еврейской пропаганды и предостеречь своих соплеменников от грядущих бедствий. Вспомните трагическую судьбу нашей русской интеллигенции, которая под видом буржуев, капиталистов, контрреволюционеров и вредителей массами уничтожалась тем или иным способом.

Большевики у нас на родине, англо-американцы в Европе творят одно и то же гнусное дело, варварски уничтожая духовные, национальные и культурные ценности народов.

Теперь мы все хорошо знаем, для чего это делается, и поэтому вступили в решительную борьбу с разрушителями национальной государственности и культуры. Взорванный большевиками храм Христа Спасителя в Москве, пострадавший от англо-американских бомб Кельнский собор в Германии и разрушенный монастырь Монте-Кассино в Италии — всё это звенья одной цепи.

Но опустошительный ураган, готовый пронестись

по Европе, встретит сопротивление, которое он не сможет сломить. Народы, борющиеся сейчас за свою национальную целостность, неприкосновенность и свободу, сумеют нанести уничтожающий удар иудейской клике и большевизму, так как они поняли, что значит еврейское порабощение. И лучше всего знаем это мы, русские люди. Поэтому роль русских в борьбе особенно велика. Мы раньше других народов Европы испытали на себе ужасы большевистского владычества и теперь, борясь за возрождение России, защищаем, вместе с тем, европейскую культуру, частью которой является и культура нашего народа.

Долг каждого русского человека — до последней капли крови, всеми возможными средствами бороться против иудо-большевизма и его союзников ради освобождения и защиты нашей Родины и всей Европы от позорного иудейского рабства.

Александр Громов».

Несмотря на крупномасштабную пропагандистскую работу, оккупанты и их пособники не смогли достичь поставленной цели. В этих условиях они вынуждены были перейти от политики вербовки добровольцев к насильственной мобилизации молодежи и широкому привлечению в РОА военнопленных.

Советской агентурой были зарегистрированы отряды коллаборационистов численностью от 200 до 600 человек в ряде районов Ленинградской и Смоленской областей.

Первоочередной задачей советских органов государственной безопасности стало проведение ряда агентурно-оперативных мероприятий, парализующих деятельность «Русского национального комитета», а именно:

1. Внедрение квалифицированной агентуры в Русский национальный комитет с целью перехвата линий связи РНК с антисоветскими формированиями на нашей территории и использование их в наших интересах.

2. Уничтожение активных деятелей РНК.

3. Разложение частей и отрядов Русской освободительной армии.

4. Разработка командного состава РОА, родственных и иных связей, находящихся на нашей территории.

Руководством НКВД было принято решение о подготовке специальных групп для проведения терактов. Предполагалось заслать в тыл противника в лагеря военнопленных агентуру с целью внедрения в РОА и вербовки агентов для ведения разложенческой работы, а также:

1. Использовать партизанские отряды и бригады для внедрения нашей агентуры в РОА под видом сдавшихся в плен немцам партизан.

2. Направить имеющуюся проверенную агентуру на оккупированной территории для внедрения в отряды РОА с целью разложения и разработки связей командного состава.

3. Сформировать ряд групп с разработанной легендой для сдачи в плен и проникновения в места формирований отрядов РОА.

4. Организовать работу среди пленных солдат РОА с целью отбора и перевербовки для внедрения в националистические организации и отряды РОА.

Не все из этих задач были решены органами государственной безопасности, но в целом задание советского командования было выполнено. Большинство коллаборационистских формирований, созданных немецко-фашистскими захватчиками, в 1943—1944 годах являлись небоеспособными.

Успешное наступление Красной армии, подъем всенародной борьбы в тылу врага, явная подчиненность всех структур РОА гитлеровцам не позволили нацистам осуществить свой план тотальной шпионской войны. Практически во все разведывательные школы советская разведка смогла внедрить своих агентов, которые не только информировали наше командование о ситуации в них, но и успешно занимались разложением слушателей. Всё это привело к срыву далекоидущих планов немецко-фашистских оккупантов.

Работу, направленную на разложение коллаборационистских формирований, сотрудники органов государственной безопасности вели в тесном контакте с политработниками партизанских соединений.

Чекисты проводили беседы практически с каждым полицейским и солдатом РОА, оказавшимся в рядах партизан. Кроме дислокации и степени вооруженности тех районов, из которых они бежали, узнавались имена, место рождения, деятельность перед войной, привычки их бывших сослуживцев. Эта информация использовалась, в том числе, и при написании листовок, адресованных конкретным лицам и подписанных бывшими власовцами[42].

Мероприятия, направленные на подрыв боеспособности вражеских формирований, осуществлялись партизанскими разведчиками и пропагандистами, а также добровольцами из мирного населения. Силам сопротивления в процессе подготовки вооруженного восстания в тылу врага летом—осенью 1943 года на оккупированной территории Ленинградской области удалось внедрить своих агентов практически во все сферы деятельности коллаборационистов. Только в сентябре 1943 года ими успешно была проведена пропагандистская работа более чем в десяти крупных власовских гарнизонах. С оружием в руках к партизанам перешло около 1300 человек.

Ввиду усиления боевой и политической деятельности партизан противник предпринял против них несколько больших карательных экспедиций летом и осенью 1943 года. В них участвовали регулярные и жандармские войска, а также части РОА с приданными им танками, артиллерией и авиацией. В ходе этих операций Русская освободительная армия показала свою низкую боеспособность, несколько десятков человек перешло на сторону антигитлеровского сопротивления. Это заставило нацистов воздерживаться от активного использования коллаборационистских частей[43].

13 сентября 1943 года из-за неустойчивости частей РОА и национальных формирований сорвалась попытка немцев воспрепятствовать выходу советских войск к Днепру в районе Оболони, а действовавший на этом участке фронта туркестанский батальон перебил немецких офицеров и в составе трех рот с оружием в руках перешел на сторону Красной армии. Узнав об этом, Гитлер собирался разоружить восточные части, а их

личный состав отправить на работу в угольные шахты. Однако представители командования сумели убедить его отказаться от столь жестких мер, указав на их возможные катастрофические последствия для немецкой стороны. Вместо этого они предложили перебросить «восточные формирования» на второстепенные театры военных действий, что дало бы возможность использовать на советско-германском фронте освободившиеся немецкие войска, и ограничиться разоружением лишь тех частей, надежность и верность которых действительно вызывают сомнение. Решение о замене немецких батальонов на Западе (во Франции, Италии и на Балканах) «восточными частями» было принято 23 сентября 1943 года[44].

Пронацистская пропаганда внушала мысль, что настоящий честный русский патриот должен одинаково бороться как с большевизмом, так и с его союзниками на Западе.

Из газеты «За Родину»:

«За будущее русского народа

Боевая доблесть русских добровольцев на Западе

Германские военные корреспонденты Антон Клесс и Алекс Шмальфус описывают свои встречи с добровольцами Русской Освободительной Армии на западном фронте.

Серые походные мундиры. Мужественные загорелые лица. Это — бойцы РОА, только что принявшие свое огневое крещение в борьбе за Новую Европу.

Давно прошло время, когда они, по приказу Сталина, были оторваны от своих семей на Тереке, на Украине, в Крыму и в Белоруссии. Их заставили сражаться за чуждую, подчас ненавистную им власть. Под страхом террора и энкавэдистской пули шли они в бой против немцев с ожесточением человека, которому нечего терять.

Лишь в Германии они познали новый мир. Они познакомились с немецким солдатом не под искаженным углом зрения большевиков, а увидали в нем человека в лучшем смысле этого слова. Они поняли, что Германия ведет борьбу против эксплуататоров, к которым от-

носятся также и большевики, заключившие союз с капиталистическими державами Запада.

Свое новое убеждение эти люди превратили в дело и с гордостью надели серые мундиры с эмблемой своей Родины на рукаве.

Долгие месяцы прошли в тщательном и упорном обучении на германских укреплениях, у берегов Франции. И, наконец, когда в ночь на шестое июня началось вторжение англо-американцев, батальоны РОА приняли свое боевое крещение.

Вместе с немцами добровольцы бросились в бой на противника, высаживавшегося с воздуха и моря, и нанесли ему тяжелые удары. Даже будучи окруженными подавляющими силами противника, добровольцы продолжали ожесточенно сражаться и связывали крупные силы врага. Так это произошло у устья реки Ори, где в боях с воздушными десантными войсками отличился батальон РОА. Так это произошло у устья реки Вир, где другой батальон РОА вступил в тяжелый бой с неприятельским десантом. Даже после того, как неприятель вывел из строя двух офицеров, добровольцы продолжали яростно атаковать врага.

Северо-восточнее Карантана грузинский батальон проявил необычайную храбрость. После тяжелых потерь остатки этого батальона присоединились к двум немецким полкам, занявшим новые заградительные позиции.

Все командиры германских частей единогласно подтверждают, что русские добровольцы сражались отменно и полностью оправдали все возлагавшиеся на них надежды. Наилучшим признанием доблести добровольцев были слова павшего на передовых линиях командира германского армейского корпуса генерала Маркса, сказанные начальнику штаба: "Все батальоны русских добровольцев, сражавшихся на участке моего корпуса, бились действительно очень храбро". Эта похвала генерала наполнила справедливой гордостью сердца добровольцев.

Добровольцы Русской Освободительной Армии уже увенчали свои знамена победными лаврами. Павшие же

добровольцы войдут в историю русского народа как провозвестники новой эпохи, отдавшие свою жизнь за лучшее будущее своего народа.

Антон Клесс и Алекс Шмальфус».

Как видно из этого материала, Третий рейх предоставлял возможность посмотреть «Новую Европу» жителям оккупированных областей России не только в качестве «восточных рабочих». Германии так же требовались солдаты, воюющие против югославских партизан и войск англо-американских союзников СССР.

Ниже приводятся статьи из коллаборационистской прессы, лишний раз подтверждающие, что РОА никогда не была самостоятельной военной или политической силой. Она использовалась руководством Третьего рейха там, где это было необходимо нацистам. В начале 1944 года это был Западный фронт.

Из газеты «За Родину»:
«РОА на Западе

"РОА на Атлантическом валу" — под таким заголовком крупнейший иллюстрированный журнал германской армии "Ди Вермахт" в номере от 19 апреля текущего года поместил фоторепортажи о жизни русских добровольцев на западных рубежах Европы. Указанный фоторепортаж сопровождается следующим комментарием:

"Англо-американские капиталисты в качестве союзников Сталина и соучастников в его кровавых преступлениях ставят под непосредственную угрозу не только свободу народов Западной Европы, но, поддерживая губительную и преступную политику советского правительства, являются в то же время смертельными врагами всех свободолюбивых народов, населяющих восточную часть нашего континента. Живым примером этого служит тот факт, что соединения Русской Освободительной Армии занимают в настоящее время оборону в укрепленных районах Атлантического вала, где они вместе с частями германских войск ожидают англо-американского втор-

жения, чтобы победой над ними обеспечить свободу и счастье своей далекой Родине".

Может, многих заинтересует, отчего русские добровольческие части расположены на западе Европы и почему основная масса их не принимает участия в боях на Восточном фронте?

Ответ на этот вопрос прост. Как известно, подразделения РОА формировались почти исключительно из людей, перешедших на германскую сторону из Красной армии. Последние, после длительной жизни в условиях большевистского террора и после перенесенных ими до и во время перехода на германскую сторону потрясений, в первую очередь нуждались в отдыхе, и было бы психологически неправильным направлять их сразу же снова на фронт. С другой стороны, как известно, с самых же первых дней войны советское командование бросило в бой недостаточно обученные или совсем не обученные части. Ввиду этого, за немногими исключениями, вновь сформированные подразделения РОА нужно было обучить военному делу, так как на стороне Германии солдат ни в коем случае не является пушечным мясом, а наоборот, квалифицированным и тщательно обученным знатоком своего дела. Кроме того, большевистские агенты и провокаторы всеми силами пытались развить взаимное недоверие среди бойцов и командиров формирующейся Русской Освободительной Армии. Не брезгуя ничем, они вели самую гнусную пропаганду, возводя клевету как на германское правительство, так и на представителей Русского Освободительного Движения. Пропаганда эта, правда, никакого успеха не имела, так как вторично обмануть людей, раз разоблачивших уже ложь большевизма, невозможно, но все-таки для борьбы с этой пропагандой бойцы РОА нуждались в известной политической подготовке.

Германское командование, ввиду того, что решительные бои на Восточном фронте еще не наступили, решило отвести части Русской Освободительной Армии в Западную Европу. Там им была вверена гарнизонная служба, и они могли в спокойных условиях пройти как военную, так и политическую подготовку, посте-

пенно осваивая современное оружие и тактику воспитания в духе благородных и справедливых идей Новой Европы, полноправным членом которой будет и наша Родина после освобождения ее от позорного ига иудо-большевистского рабства.

Расчет германского командования вполне оправдался. Части Русской Освободительной Армии, попав в Западную Европу и увидев другую, незнакомую еще в большинстве случаев, жизнь, поняли многое, о чем знали раньше только понаслышке, и в первую очередь разоблачили наглую ложь советской пропаганды.

Под руководством опытных офицеров-инструкторов подразделения РОА проходят военную подготовку, причем каждый боец специализируется в какой-нибудь особой военной отрасли. Таким образом, путем упорной работы создаются опытные и надежные кадры хорошо обученных, дисциплинированных, политически развитых и спаянных между собой бойцов и командиров. Этим кадрам предназначено в нужный момент развернуться в боеспособные и многочисленные соединения крупного масштаба. Так, спокойно подготавливаясь и обучаясь и, кроме того, неся ответственную боевую службу, части Русской Освободительной Армии ожидают момента решительных боев за освобождение нашей Родины, когда настанет их черед нанести сокрушительный и последний удар большевистским поработителям русского народа.

Тот факт, что некоторые русские добровольческие подразделения уже сражаются в Италии с англо-американцами или на Балканах с коммунистическими бандами, что многим отдельным частям РОА вверены ответственные участки обороны на западных подступах к Европе, в частности, на Атлантическом валу, доказывает, что процесс обучения и перевоспитания во многих случаях почти закончен.

Н. Громов».

Из газеты «За Родину»:

«Отвага и боевая доблесть

Укрепления, занимаемые русским добровольческим батальоном, расположены в 500 метрах от берега.

6-го июня с 12 ночи до 6 часов утра позиции батальона были обстреляны с близко подошедших судов противника. В море показались десантные баркасы. Несмотря на то, что укрепления были частично разрушены, взвод под командой унтер-офицера Гональ не покинул позиции и вел непрерывный огонь по высаживающимся англо-американцам. Берег покрылся вражескими трупами. Англо-американцы бросились в атаку, которая была встречена огнем батальонной артиллерии. Командир орудия, обслуживаемого русскими добровольцами, был убит, и его заместил наводчик.

Обстреливаемый непрерывным огнем противника, перебежками, тяжело дыша, с окровавленным лицом, во взвод прибежал связной и передал приказание занять оборону перед бункерами.

Добровольцы залегли в окопы и продолжали вести огонь.

Орудие раскалилось, окраска на нем потрескалась, щит измят вражескими пулями, но доблестные бойцы старательно целятся в десантные суда противника, количество которых нарастает.

Меткий выстрел — один баркас потоплен. Солдат Семен Бондарев наблюдает в бинокль барахтающихся в воде англичан. Еще два попадания, и еще два затонувших судна. Гордостью заполняются сердца горсти русских людей, ведущих неравную борьбу с противником. Слева и справа строчат его пулеметы, отказало раскаленное орудие. Открыли огонь вражеские, установленные прямо в воде, в десяти метрах от берега, орудия. Неся потери, батальон мужественно держался до тех пор, пока не был получен приказ об отступлении.

Отряд добровольцев заметил, что навстречу им спускаются цепи людей в зеленых мундирах и красных беретах. Это были канадцы. Их было около сотни. Старший из них знаками предложил добровольцам бросить оружие, но русские знали, что плен означает нечеловеческие пытки и расстрел в большевистских застенках. Бондарев первым открыл огонь по врагу. Его примеру последовали остальные семь добровольцев. Ведя огонь, вся восьмерка бросилась в атаку. Никак не ожидавшие такой "дерзости", противники расте-

рялись и только некоторые открыли огонь из автоматов. Но было уже поздно. Нанеся врагу удар, добровольцы-герои достигли укрепленного пункта второго взвода, откуда американцам ответили три русских же пулемета.

Добровольцы удержали позиции против численно превосходящего врага до наступления темноты, после чего, выполняя приказ, отошли в лес.

Наутро они все снова были на позициях, по-прежнему показывая примеры доблести и героического поведения в бою.

Взвод добровольцев, которым командует поручик Тарсенко, оказался отрезанным от главных сил в укрепленном пункте.

Враги, бомбардировавшие ДОТ с утра предыдущего дня, полагали, по-видимому, что команда ДОТа ликвидирована. По дороге от моря на юг, прямо перед ДОТом, протянулась цепочкой пехота, загрохотали танки. В бойницы были отчетливо видны зеленые фигурки солдат, плоские каски, автомашины. В середине дня на дороге показалось несколько штабных автомобилей. Тогда поручик скомандовал: "Огонь!"

И четыре русских пулемета внезапно ударили по штабу. Врассыпную бросились англичане, но многие навсегда были пригвождены пулями к европейской земле.

Враги залегли вокруг ДОТа и повели сосредоточенное наступление. Поручик решил идти на прорыв. Воспользовавшись тем, что уже стемнело, он вывел людей из ДОТа, ползком добрался до опушки леса и гранатами и пулеметным огнем пробил дорогу. Взвод благополучно добрался до расположения немецких частей и влился во вновь сформированный батальон. Сам поручик Тарасенко был ранен в этом бою и отвезен в госпиталь».

<Без автора>

Среди тысяч коллаборационистов, переходивших на сторону партизан, были как бывшие уголовники, так и вражеские агенты. Их деятельность могла нанести ущерб и дискредитировать партизанское движение. Для того чтобы это предотвратить, на всех бывших полицейских, армейцев РОА и военнопленных особые отделы парти-

занских бригад заводили досье для наблюдения. В районах, взятых партизанами под контроль, еще до прихода Красной армии прошли открытые народные суды над изменниками и активными пособниками фашистов.

Успехи СССР на фронтах Великой Отечественной войны, крупномасштабные наступления РККА, немецкая оккупационная политика, направленная на ограбление мирного населения, изменили настроение народа в пользу партизан. К концу 1943 года фашистская система по привлечению русского населения на службу Третьему рейху была полностью дискредитирована.

Вот уже на протяжении многих лет идет дискуссия о том, как правильно рассматривать создание «власовской армии»: в качестве детища германского руководства в условиях близкого поражения Германии, пропагандистского трюка ведомства Геббельса или же как автономную акцию Власова и его сподвижников при поддержке некоторой части антифашистски настроенных германских офицеров? Любому непредвзятому исследователю совершенно ясно, что без заинтересованности германских военных властей (неважно, Верховного командования или фронтовых командиров) любые иностранные воинские формирования были бы немыслимы. Другое дело, что в 1941—1942 годах Гитлер был в этих формированиях менее заинтересован, чем в последний период войны. Недаром боевое столкновение собственно частей РОА и Красной армии произошло только 13 апреля 1945 года на подступах к Берлину[45].

Антисоветские воинские формирования, с оружием в руках оказывающие содействие вермахту, никогда не были массовым движением. Оккупанты использовали их на начальном периоде войны в качестве карателей, воюющих против партизан и мирного населения. Позднее сам факт их существования стал крупномасштабной пропагандистской акцией ведомства Геббельса.

На оккупированной территории России действовали многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти немецкие органы активно использовали местную «русскую вспомогатель-

ную полицию». Формально вспомогательная полиция подчинялась сельскому старосте или бургомистру, а в городах и крупных населенных пунктах — городской управе. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под контролем германских комендатур, гестапо и т. д. Вспомогательная полиция в некоторых областях носила названия «стража порядка», «служба порядка» или «организация самозащиты». Она занималась наведением внешнего порядка, надзором за выполнением различных запрещений, ограничений и приказов, слежкой за антинемецкими элементами, участвовала в борьбе против партизан, в проведении репрессий и погромов. Немецко-фашистские захватчики отлично осознавали, что только при активном взаимодействии с людьми, вставшими на путь измены родине, можно максимально использовать потенциал оккупированных территорий.

Развязав войну против Советского Союза, Германия не планировала использовать его население в качестве военного союзника. Отработанная система пропагандистских мероприятий под общим лозунгом «Гитлер — освободитель» изначально носила декларативный характер.

Однако полностью отказаться от привлечения мирного населения и некоторых военнопленных к полицейским функциям оккупанты были не в состоянии. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным знанием немцами местных условий, а с другой — относительной слабостью тыловых гарнизонов, их удаленностью друг от друга.

Глава четвертая
ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО НЕЗРИМОГО ФРОНТА

Деятельность немецких разведывательных и контрразведывательных служб. — Вербовка местной агентуры. — Разведшколы и их учебные программы

С первых дней оккупации нацисты стали активно насаждать свою секретную агентуру среди русского населения. Так, например, начальник тылового района

группы армий «Север» генерал Роквес предписал в директиве № 1198/41 от 14 сентября 1941 года «создать широкую сеть секретных агентов, хорошо проинструктированных и знающих ближайшие пункты явки», указав, что «создание этой организации является совместной задачей дивизий охраны и тайной полевой полиции»[1].

Для вербовки агентов немцы использовали в первую очередь следующий контингент:

1) антисоветски настроенных лиц из местного населения, бывших репрессированных советской властью;

2) дезертиров из Красной армии;

3) подростков;

4) финнов, немцев, эстонцев, украинцев, проживающих на данной территории.

Вербуемый нацистскими спецслужбами подвергался «политической обработке». Ему доказывались непобедимость немецкой армии и неизбежное падение советской власти. Методы вербовки были весьма разнообразны: от угроз, пыток, подкупа продуктами до игры на национальных чувствах, внушения мысли о том, что только сотрудничая с немецкими спецслужбами, человек действительно сможет помочь своей родине. В случае колебаний вербуемому угрожали, что его отправят в концентрационный лагерь и он понесет там тяжелое наказание.

Секретной агентуре предписывалось устанавливать связи с населением, чтобы выявлять партизан и их союзников, убежища партизан и источники их снабжения продовольствием. Тайная полевая полиция должна была вести списки всех секретных агентов с их характеристиками, для того чтобы в случае перемены дислокации вновь прибывающие германские органы автоматически перенимали оправдавшую себя агентуру.

При вербовке с тайных осведомителей бралась подписка о том, что они обязуются давать сведения о всех действиях, направленных «против германского командования и русского самоуправления, хранить в строжайшем секрете военную тайну, нести ответственность по законам военного времени».

В отношении практического использования лиц,

завербованных нацистскими спецслужбами, специальная инструкция «Тактика борьбы с партизанами» давала следующие рекомендации: «Наша разведка (агенты) должна выдавать себя населению или партизанам лучше всего за военнопленных, пробирающихся к своему пункту из лагеря или фронта; или в крайнем случае, если это выгодно, представляться десантниками. При этом должна быть соответственно подобрана форма одежды...

Вид должны иметь разведчики запущенный (небритые, нестриженые и до некоторой степени грязные). Сигарет, сигар, табаку немецкого быть не может в употреблении на период работы. На глазах населения создавать вид постоянного опасения регулярных немецких частей или карательных отрядов...»[2]

Провокация была одним из наиболее распространенных методов агентурной работы нацистских спецслужб. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных в тыл немецких войск командованием Красной армии со спецзаданиями, поселялись у советских граждан, входили в их доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на сторону советских войск. Затем все эти люди подвергались аресту.

С этой же целью, как мы уже говорили, из немецких агентов создавались лжепартизанские отряды, в которые вовлекались люди, искренне желавшие вести борьбу с захватчиками. Впоследствии их арестовывали.

Для проведения карательных акций против советских партизан создавались специальные подразделения. Так, в районе Пскова действовал специальный антипартизанский орган «Референт-Н». Завербованные им агенты должны были выявлять коммунистов и комсомольцев, оставшихся в городе, лиц, поддерживающих связь с партизанами и подпольщиками или проявляющих недовольство оккупационным режимом[3].

Отмечено много случаев, когда бывшие репрессированные, вернувшиеся в свои деревни после прихода туда немцев, выдавали оккупантам активных участников раскулачивания и коллективизации. В сентябре 1942 года ими были задержаны скрывавшийся от оккупантов

председатель колхоза «Новый труд» из деревни Бойково Ашевского района Ленинградской области Е. Алексеев и его жена. Немцы отрубили им обоим сначала руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли.

Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало вербовать секретную агентуру из числа «жителей пограничных районов или лиц, семьи которых пострадали от большевиков». Секретные агенты должны были контролироваться тайной полевой полицией[4].

Помимо использования добровольных осведомителей немцы вербовали свою агентуру, действуя угрозой и подкупом. В приказе по 26-й пехотной дивизии № 575/41 от 11 сентября 1941 года разрешалось оплачивать доносы деньгами в размере до 25 марок в каждом отдельном случае. Вместо денежной оплаты выдавались иногда продовольствие, спирт, табак, а также скот и имущество, принадлежавшее колхозам. Наиболее активных помощников в борьбе с партизанами оккупанты наделяли земельными участками.

Кроме вновь создаваемой агентурной сети «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало использовать германскую резидентуру, существовавшую на советской территории до войны. Командование частей и комендатуры устанавливало связь с резидентами при посредстве тайной полевой полиции. Таким образом, резиденты и с приходом немецких войск оставались засекреченными.

Органы гестапо, прибывавшие в оккупированные города, привозили с собой агентов, которые носили штатскую одежду и хорошо знали русский язык. Обычно это были русские эмигранты и жители прибалтийских государств. Агентам поручалось подслушивание разговоров на улицах, на рынках, то есть в местах скопления населения.

Гестапо вело среди местных жителей вербовку агентов для заброски в советский тыл. Немцы стремились завербовать таких агентов из числа арестованных членов ВКП(б), ВЛКСМ, бывшего советского актива, а также среди военнопленных. С той же целью вербовались мо-

лодежь и подростки 14—19 лет. Обучение завербованных проходило в специальных школах и продолжалось около месяца. Так, в одной из таких школ, которая функционировала около Пскова, курсанты разбивались на группы по три-четыре человека. Каждую группу обучал немецкий офицер, который затем перебрасывал ее в тыл Красной армии по заранее определенному маршруту.

В спецшколах преподавались техника сбора сведений о советских вооруженных силах, распознавание советского вооружения, обмундирования и знаков различия Красной армии. Кроме того, учащиеся подвергались усиленной пропагандистской обработке. В частности, им показывали кинокартину «Разгром и отступление Красной армии». Общение курсантов с внешним миром было категорически запрещено. Здания школ имели наружную и внутреннюю охрану[5].

С первого дня оккупации немцы требовали от мирного населения выдавать коммунистов, комсомольцев, партизан, всех сочувствующих советской власти. Во всех населенных пунктах были вывешены приказы немецкого командования, в которых указывалось, что лица, укрывающие партизан или содействующие им и частям Красной армии, а равно противодействующие немецким оккупантам, будут расстреляны. За содействие в поимке просоветски и антифашистски настроенных граждан обещалась награда. Выявленных участников сопротивления немедленно вешали. Их трупы не разрешалось убирать по несколько недель. Так, почти на всех перекрестках города Пушкина Ленинградской области осенью 1941 года висели казненные с надписями: «Повешен как шпион», «За содействие партизанам», «Он был коммунист», «Это жид»[6].

Весной 1943 года немецкая разведка подготовила план операции «Акция "Просвет"». Согласно ему красноармейцев должны были убеждать в том, что с ними воюют не только немцы, но и их «борющиеся за свободную Россию бывшие товарищи», а «при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах Русской национальной армии»[7]. В немецких пропагандистских радиопередачах и листовках всячески подчер-

кивалось, что «если раньше германское командование не придавало значения формированию русских добровольческих отрядов и смотрело на них, скорей, как на средство использования рабочей силы в прифронтовой полосе на предмет работ по укреплению позиций и полицейской службы, то теперь, когда численность добровольцев настолько возросла, возможность их использования на линии фронта стала напрашиваться сама по себе»[8].

Эту акцию нацисты собирались провести под Ленинградом, между Ораниенбаумом и Петергофом. Ставка делалась на личное участие в ней генерала Власова. Но при выступлениях перед мирным населением на оккупированных территориях России и военнопленными последний допустил ряд вольностей. Его заявления о будущей независимой России вызвали неудовольствие со стороны нацистской партийной верхушки. 17 апреля 1943 года вышел приказ фельдмаршала Кейтеля, адресованный командующим группами армий. В нем говорилось о том, что «ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного генерала Власова... фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при которых может понадобиться имя Власова»[9].

Это изменение в содержании фашистской пропаганды сразу же отметили советские спецслужбы. В обзоре «О структуре и деятельности "Русского комитета" и "Русской освободительной армии", возглавляемой Власовым», составленном ленинградскими чекистами в конце августа 1943 года, отмечалось: «В течение июля — августа пропаганда "власовского движения" в антисоветских радиопередачах на русском языке сведена почти на нет. За исключением переданной 7 августа "программной речи" Власова перед представителями частей "Русской освободительной армии" о нем больше ничего не сообщалось»[10].

Параллельно со всеми пропагандистскими службами Третьего рейха сотрудники абвера активно распространяли информацию, порочащую советские органы государственной безопасности. Сотрудники НКГБ про-

тивопоставлялись всему остальному населению СССР. Так, в листовке «Большевистская действительность» говорилось о том, что до начала этой войны «партийный актив и работники НКВД никаких лишений не чувствовали, получая всё из закрытых распределителей. В противоположность рядовому служащему, крестьянину и рабочему, обнищавшему и полуголодному, они одевались хорошо и жили сытно»[11].

История советских органов государственной безопасности преподносилась как цепь преступлений против своего же собственного народа. В статье «Московские палачи» (из истории ВЧК — ГПУ), помещенной 22 ноября 1942 года в орловской коллаборационистской газете «Речь», говорилось о том, что «с момента возникновения ВЧК в лоно ее стекались все преступные элементы большевистской революции. Всё это были люди, примкнувшие к большевизму исключительно в силу своих преступных наклонностей. Под личиной священных революционных идей трусам и палачам предоставлена была возможность безнаказанно пытать и убивать. Число жертв ВЧК достигло многих миллионов». Причина образования ВЧК объяснялась просто: «...В силу того, что и в среде самих самых отъявленных преступников проявляется стремление к известной организованности, у собравшейся своры растлителей, убийц и осквернителей даже появилась потребность в организации, узаконяющей их преступную деятельность».

Давая убийственные характеристики Дзержинскому («личность его представляет как бы ступень, отделяющую преступника от психически больного. Подлинная находка для такого жидовского ученого, как Фрейд») и Менжинскому (слабохарактерный, болезненный субъект), немецкая пропаганда основной удар критики все же наносила по Генриху Ягоде: «Куда больше подходящим руководителем ГПУ, с точки зрения большевиков, был жид Гершиль Ягода. По приказу Сталина провел ликвидацию "кулаков", ссылая их массами в лагеря. Это был единственный слой населения, который еще мог проявить серьезную оппозицию. В конце концов Ягода прибрал к рукам такую власть, что само ГПУ грозило стать государством в государстве. Ягоду арестовали и

после фиктивного процесса в марте 1938 года он был устранен выстрелом в затылок»[12].

Что касается Ежова, то он описывался как «человек, рабски исполнявший все приказания Сталина и Кагановича. Этот насквозь пропитанный злобой палач отличался невероятной жестокостью. Первый и до сих пор единственный руководитель ГПУ, не являвшийся жидом и всё же женатый на жидовке».

Ежову пришлось тоже исчезнуть и уступить место старому школьному товарищу Сталина, чекисту еврею Берии, тесно связанному с мировым кагалом.

Гласная работа немецких служб шла в тесной связи с негласной. Создавая на оккупированной территории России агентурную сеть, немцы ставили перед ней задачу как активной борьбы с партизанами и подпольщиками, так и распространения компрометирующих слухов о формах, методах и задачах деятельности советских спецслужб.

В целом немецкая пропаганда была направлена на формирование в обществе представления о советских органах государственной безопасности, об антигитлеровском сопротивлении, как о некой силе, оторванной от своего народа, привилегированной и пользующейся благами жизни за счет всего трудового народа. Постоянно подчеркивалось, что руководство ВЧК — ОГПУ — НКВД всегда состояло из инородцев, в первую очередь из евреев. Следовательно, те задачи, которые оно решает, являются воплощением в жизнь планов мирового еврейства, что полностью противоречит национальным интересам России и русского народа.

Тысячи партизан и подпольщиков погибли, выполняя задания командования на оккупированной врагом территории. Причиной провала многих из них были доносы местных жителей. После освобождения Красной армией этих районов некоторые из предателей были арестованы. На допросах они показали, что причиной их действий было не только желание выслужиться перед захватчиками, получить от них награду, но и воздействие немецких средств массовой пропаганды.

Из газеты «Новый путь»:

«Думы партизан

Июльским солнечным днем, проходя калининскими лесами, я неожиданно услышал окрик:

— Стой! Руки вверх!

Ко мне подходят два вооруженных карабинами человека в гражданской одежде.

— Ваши документы! — спрашивают они.

— А вы кто? — в свою очередь интересуюсь я.

— Это потом узнаете. А сейчас нас интересует ваша персона. Документы!

— Разве не видите, кто я?

— А может, ты шпион в красноармейской форме!

Показываю документы. Знакомимся. Оказывается, они "партизаны", бывшие красные командиры, когда-то попавшие в окружение и теперь скрывающиеся в лесах. Один из них житель Украины, другой — из Смоленщины. Состоят они в отряде, где командиром какой-то жид — то ли Подгорецкий, то ли Вишневецкий.

Партизаны решили угостить меня картошкой. С удовольствием принимаю приглашение "отведать за компанию".

— Колхозная, — спрашиваю, — картошка-то?

— А кто ее знает! Сегодня ночью наши в деревню ходили, пудов шесть принесли. У крестьян взяли.

— То есть как взяли?

— Ну, отобрали.

— Это же грабеж!

— Как хотите расценивайте.

— Что же вы намерены делать дальше?

"Партизаны" молчат. Они, собственно, сами не знают, что они намерены делать и за что бороться. Затем, после некоторого раздумья, украинец отвечает:

— Будем понемножку постреливать немцев и ждать прихода Красной Армии.

— Едва ли дождетесь, — говорю. — На Калининском фронте на днях три армии разбиты и взяты в плен, только небольшие группы бродят, ищут выхода. Да и они сложили оружие.

— Так, значит, неважны наши дела?

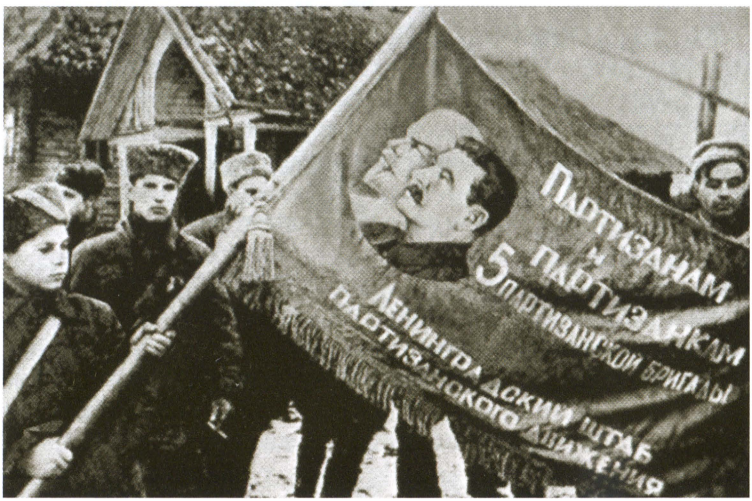
— Выходит, да.

Области военного и гражданского управления
на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории

Где-то
под Старой Руссой

Уходили в поход
партизаны

У тебя одна дорога—в ряды партизан!

Если ты не хочешь быть угнанным в рабство — ИДИ В ПАРТИЗАНЫ!

Если ты хочешь сохранить свою жизнь и защитить свою семью—ИДИ В ПАРТИЗАНЫ!

Если ты хочешь свободного труда и мирной жизни— ИДИ В ПАРТИЗАНЫ!

РУССКИЙ НАРОД НИКОГДА НЕ ГНУЛ СПИНУ ПЕРЕД ЧУЖЕЗЕМНЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, НИКОГДА НЕ СТОЯЛ НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД ВРАГОМ. И НЕ БУДЕТ СТОЯТЬ!

ТОВАРИЩ! Бери в руки оружие и мсти немцам за расстрелянного отца, за обесчещенную сестру, за сожженное село, за все. И тогда твое имя, как имя честного борца за родину, будет с любовью произносить русский народ.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

ВАС ждут партизаны! Вступайте в их непобедимые ряды!

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ.

Идет война народная

Рейхсминистр
Восточных
территорий
Альфред Розенберг

«Новая власть»
за работой

«Избрание» старосты

«Дружеское» напутствие

Первый бургомистр Новгорода
В. Пономарев

Бургомистр Новгорода в 1942 году
Д. Джиованни

Бургомистр Краснодара
С. Ляшевский

Бургомистр Смоленска
Б. Меньшагин

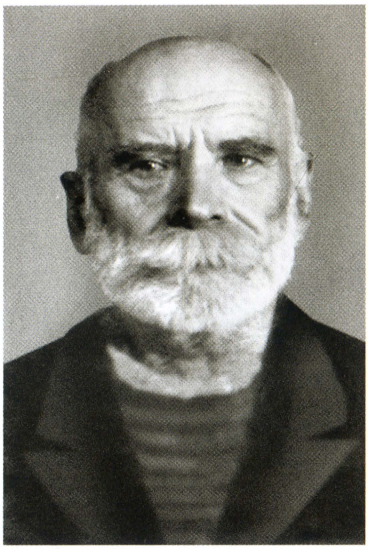
Первый бургомистр «Локотьского самоуправления» К. Воскобойник

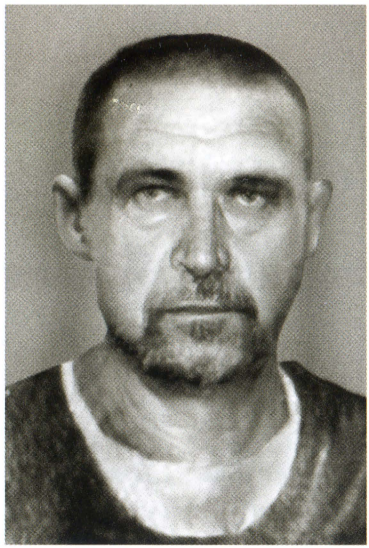
Обер-бургомистр «Локотьского самоуправления» Б. Каминский

Вооруженное коллаборационистское формирование

Бургомистр Старой Руссы
В. Быков

Начальник полиции Старой Руссы
А. Кютт

Полицейские задерживали воришек...

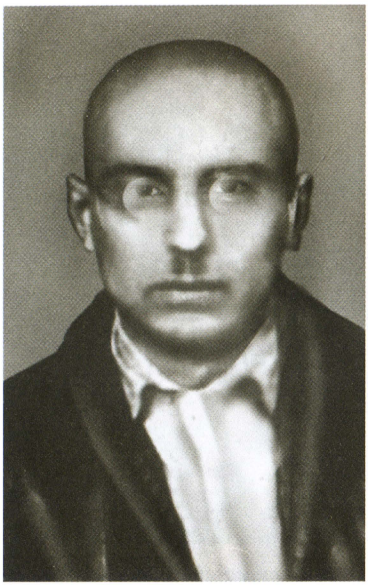

...помогали бабушкам на улицах... (кадры из нацистского фильма)

...и вешали (снимок из реальной жизни)

«Шеф Новгородского гестапо»
Б. Филистинский

Начальник полиции в Новгороде
Н. Расторгуев

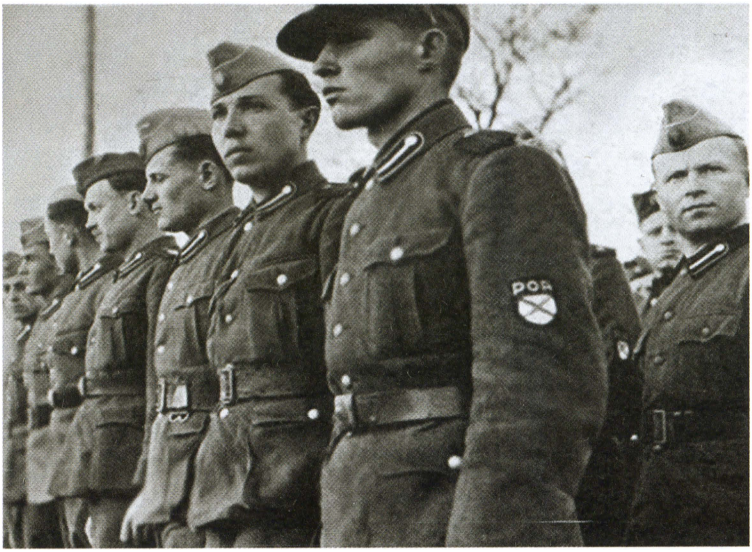
«Отряд самообороны» выезжает на задание

Командующий «Русской освободительной армией» А. Власов (в центре)

Власовцы на построении

Власов (справа) у редакции газеты «За Родину»

Власовцы с газетой «Новое слово», издававшейся в Берлине

С псковской коллаборационистской газетой «За Родину»

Крестьянки с пропагандистскими материалами нацистов

Нацистский информационный стенд в Смоленске

На улицах русских городов

«Стержень» нацистской пропаганды

Захваченный в плен партизан

Нацистский
монумент
в Гатчине

Сельский пейзаж:
виселица
рядом с храмом

— Мы, понимаете, давно бы бросили партизанить, видим, что толку от этого никакого нет, да боимся, что не жить нам после этого: поймают свои — убьют, а семьи пострадают. А крестьяне на нас больно злы, ведь последнее забираем. Все против нас.

— Мы воюем за родину, — продолжают откровенничать "партизаны", — выполняем приказ Сталина, — внушает нам наш командир. — А на самом деле это просто пустая болтовня. Мы лишь только и заняты тем, что добываем себе пищу и живем, как звери в берлоге. Разве мы приносим пользу родине? И сами не видим жизни, и людям жить не даем. А в отряде об этом не говори, если скажешь, — сейчас, как труса и паникера, поставят к сосенке, и отдашь Богу душу.

После беседы с этими "партизанами" мне стало ясно, что "дело" их, действительно, в тупике, что их "борьба" бессмысленна и даже вредна русскому народу. Но попав в сети фанатичных комиссаров и трусливых жидов, честные русские люди продолжают выполнять волю сталинских карьеристов и занимаются бесчестными делами.

Впрочем, многие все-таки выбираются из этого омута. Они бросают оружие и сдаются в плен, получают работу и начинают заниматься полезным для родины делом. Так, например, поступил Иван Андросов, который, сдавшись в плен, обратился ко всем партизанам с призывом:

Одумайтесь, — пишет он, — как одумался я. Германия воюет не с русским народом. Она дала крестьянину землю. Она восстанавливает разрушенные большевиками фабрики, заводы, открывает школы, клубы, театры, библиотеки. Она сняла кандалы с русского народа. Сталин закрепостил крестьянина и рабочего. Гитлер снимает кандалы с русского человека. Тот, кто поддерживает Сталина, — величайший преступник.

Германия ведет решительное наступление на всех фронтах. Скоро большевизму конец. Скоро наступит праздник мира. Неужели вы не хотите участвовать в этом торжестве? Складывайте оружие, как это сделал я. Вас не ждет никакая кара. Вы получите работу и свободу. Не медлите. Промедление смерти подобно!

Это — голос прозревшего русского человека, освободившегося от иудейско-коммунистического дурмана. Он, бесспорно, будет услышан партизанами, и они скажут: "Мы бросаем оружие. Мы будем отныне плодотворно работать на благо победы над большевизмом, на благо своей семьи и новой России, за которую борется Германия и миллионы наших русских товарищей — бывших красноармейцев, командиров и партизан, а также мирных жителей, освобожденных от 'советского строя' областей"».

<Без автора>

Немецкие оккупационные власти пытались обеспечить себе влияние и поддержку среди населения в захваченных ими районах. Они создавали различные общества: Русское общество помощи немецкой армии, Русский комитет, Комитет народной помощи и другие. Деятельностью этих обществ и комитетов руководили органы СД, где вырабатывались уставы и программы данных организаций. Созданные немецким командованием организации, под каким бы названием они ни маскировались, ставили перед собой задачу распространения фашистской пропаганды и антисоветской литературы, призывая население к борьбе против СССР[13].

Большой интерес проявляли оккупанты к тем ценностям российских музеев, которые удалось эвакуировать до их прихода. Не зная о том, что знаменитые Магдебургские врата из Софийского собора в Новгороде были вывезены в советский тыл, абвер образовал специальную группу под командованием своего опытного агента Зинина. Одной из основных задач, поставленных перед ним германским руководством, был поиск этого выдающегося средневекового произведения искусства[14].

В ходе боевых действий в России фашистские разведывательные службы несколько раз меняли свои приоритетные направления в кадровой политике. После Сталинградской битвы основной упор стал делаться на тотальный шпионаж. Предполагалось, что не профессионалы высокого класса будут играть первую скрипку,

а тысячи и тысячи агентов, прошедших лишь базовую подготовку. «Я требую массовой засылки агентуры. Я создал вам столько школ, сколько нужно», — заявил адмирал Канарис на совещании руководства абвера в Риге в 1943 году. На нем обсуждались вопросы расширения шпионско-диверсионных действий в советском тылу и контрразведывательной и антипартизанской работы на занятой немцами территории России.

Так, на Северо-Западе России разведывательные школы функционировали во многих населенных пунктах: Сольцах, Луге, Пскове, Дно. Изначально их основой являлись те подразделения немецких спецслужб, которые занимались выявлением неблагонадежных и депортацией их в глубокий тыл, сбором информации о политических настроениях населения, допросом военнопленных и партизан. После реорганизации данные структуры несколько видоизменились: руководящий, преподавательский и инструкторский состав подбирался главным образом из официальных сотрудников военно-разведывательных органов. Методы вербовки агентуры, так же как и программа обучения, легендирование агентов и экипировка, снаряжение и обеспечение фиктивными документами, являлись идентичными для всех школ.

Практически во всех местах, где находились советские солдаты и офицеры, оказавшиеся во вражеском плену, действовали работники нацистских спецслужб. Обычно на первом этапе вербовки отслеживалась реакция объекта на лекции власовских пропагандистов. Далее через внутрилагерную агентуру его подводили к мысли о необходимости подать заявление на имя коменданта лагеря о своем желании бороться с оружием в руках против советской власти.

После получения согласия вступить в РОА всеми добровольцами занимался специальный офицер из немецкой разведки. Он собирал показания о их политических убеждениях, известных им данных военного характера, а также по биографиям и связям в Советском Союзе. Все отобранные лица отделялись от общей массы военнопленных, причем их обычно сразу же переправляли в другой лагерь.

После того как оккупанты убеждались в лояльности кандидата, начиналась проверка его интеллектуальных способностей. В ходе ее принималось решение о наиболее оптимальном варианте использования завербованного: в качестве пропагандиста РОА, осведомителя в лагере, агента непосредственно на оккупированной территории или как зафронтового разведчика. С помощью различных тестов определялись развитие, сообразительность, способность запоминания, находчивость. Если выявлялась относительная пригодность к разведывательной работе, обычно предлагалось заполнить специальную анкету, состоящую из 30—50 разнообразных вопросов по автобиографии, наклонностям, политическим убеждениям агента, о том, какие области СССР он хорошо знает, с кем лично знаком из руководящих работников партийных и советских органов СССР, национальных республик, областных и районных структур. Вместе с этим в анкетах встречались и такие вопросы: любит ли агент музыку и литературу, танцы, спорт, вино, женщин, какие у него взаимоотношения с женой, любит ли мать, владеет ли иностранными языками, любит ли вступать в споры и дискуссии?

На первых этапах вовлечения в германские разведывательные службы нацисты всячески подчеркивали, что они являются лишь помощниками нарождающихся структур Русской освободительной армии. Некоторая часть работы велась руками русских коллаборационистов. Они занимались выяснением следующих вопросов: почему вербуемый не вступал в коммунистическую партию, в чем он не согласен с мероприятиями советской власти, участвовал ли он в каких-либо антисоветских организациях, считает ли себя достойным вступить в армию Власова, верит ли в правоту дела РОА? После идеологической обработки вербуемых переводили на усиленное питание, им предоставлялись различные льготы.

Любой разведчик, даже если он работает из-за денег, должен верить в какие-либо идеалы. Спецслужбы оккупантов отлично понимали это, и параллельно с созданием школ происходил процесс оформления их как подразделений «Северного крыла Русской освобо-

дительной армии», а все курсанты становились членами Союза борьбы за освобождение России. Перед началом занятий все слушатели давали присягу на верность «новому русскому правительству». Принимал ее обычно человек, называвший себя представителем генерала Власова. Агентам внушалась мысль, что они являются не простыми разведчиками, а русскими патриотами, ведущими борьбу в союзе с Германией и Финляндией за освобождение России от большевизма.

В период обучения среди курсантов распространялись различные антисоветские газеты и журналы. В обязательном порядке они знакомились со всеми материалами «Добровольца», печатного органа РОА. Практически все школы получали коллаборационистские издания — «Правда» и «За Родину». Вместе с тем разведчиков держали в курсе событий, происходящих в СССР. Это делалось для облегчения их работы при переброске на советскую сторону. В этих же целях им давалась возможность слушать радиопередачи из Советского Союза[15]. Проверка знаний слушателей периодически проводилась кадровыми немецкими разведчиками. Если устанавливалось, что кто-либо плохо усвоил тот или иной предмет, к нему прикрепляли преподавателя и заставляли снова повторить курс обучения. При подозрении на неблагонадежность заподозренных сразу передавали гестапо. Однако нацистам не удалось выявить всю советскую агентуру.

В 1942 году на советско-германском фронте были созданы специальные разведывательно-диверсионные пункты немецких войск «Цеппелин» (или «Цет»). В их задачу входили военно-экономическая разведка тыла противника, совершение диверсий в промышленности и на железнодорожном транспорте, организация террористических актов, разложение тыла противника путем пропаганды, организация повстанческого движения. Основной функцией «Цет» являлось содействие в создании различных антисоветских союзов, партий, организаций из числа военнопленных, гражданского населения оккупированных областей и белоэмигрантов и руководство их деятельностью. К ним относились: РОА, Боевой союз русских националистов, Русская на-

родная трудовая партия, Политический центр борьбы с большевиками, Союз русских активистов, Российская народная партия реалистов и другие пронацистские коллаборационистские организации[16].

В подчинении «Цеппелина» находились и так называемые «ягд-команды» («охотничьи команды»), специализировавшиеся на борьбе с подпольем и партизанским движением. «Ягд-команды» совершали массовые аресты и расстрелы мирных жителей, уничтожали в районах своей «деятельности» не только взрослых мужчин, которые были в состоянии оказать им хоть какое-то сопротивление, но и женщин, детей и стариков.

Вся агентура предварительно проходила обучение в деревне Печки Печерского района. В этом населенном пункте, который находился на берегу Псковского озера, была расположена диверсионно-разведывательная школа абвера. Она готовила агентов и диверсантов для последующей массовой заброски в советский тыл. Руководство школы считало явно недостаточным лишь идеологическую обработку слушателей в антисоветском духе. Для обеспечения тотального контроля действовал штат агентов-осведомителей из числа курсантов. Сотрудники абвера называли их внутренней агентурой, созданной для выявления благонадежности и действительных намерений курсантов после их заброски в советский тыл. Секретных доносчиков вербовали, как правило, из тех, кому все пути назад были отрезаны. Это были люди, совершившие различные тяжкие преступления против мирного населения и советского сопротивления. «Внутренняя информация» собиралась достаточно простыми и традиционными способами — через подпаивание, «ночную подругу», слежку и подслушивание, «задушевную беседу», затеянную провокатором[17].

Однако режим жесточайшего контроля в разведывательно-диверсионной школе не принес желаемого результата. В последнюю ночь 1943 года она подверглась дерзкому нападению партизан. Были похищены секретные документы, захвачен немецкий офицер, исполнявший обязанности начальника. Эту операцию удалось осуществить благодаря внедрению в структуру

данного заведения советского разведчика Александра Лазарева.

В тех местах, где деятельность советских патриотов была затруднена из-за большой концентрации вражеских войск, особыми отделами партизанских бригад проводились «агентурные комбинации». В ходе них в целях компрометации антисоветских формирований оккупантам подбрасывались материалы, из которых следовало, что наиболее верно служащие немцам люди являются партизанами и советскими агентами. Каждый факт ареста или уничтожения фашистами руководителей-«добровольцев» использовался народными мстителями в пропагандистских целях[18].

Неудачи заставляли немецкие спецслужбы по-иному использовать завербованных советских граждан. Так как многие агенты, заброшенные в тыл Красной армии с заданием совершить террористический акт, добровольно сдавались чекистам, было решено перепрофилировать некоторые из немецких разведывательных подразделений. Так, при абвергруппе 211 с начала 1943 года начали работать пропагандистские курсы со сроком обучения один месяц, готовившие кадры для проведения нацистской пропаганды в советском тылу и среди населения оккупированных районов. В конце сентября 1943 года вторая рота этого подразделения во главе с командиром Автуховым почти полностью перешла на сторону партизан в Порховском районе Ленинградской области. В связи с этим руководство группы было предано военно-полевому суду. Оставшийся личный состав направили во Францию, а абвергруппу переформировали[19].

Партизанская агентура в это же время совершила ряд террористических актов против сотрудников коллаборационистской печати. Наиболее известный журналист, печатавшийся не только на оккупированной территории Ленинградской области, но и в Риге, Берлине, Игорь Свободин был выкраден из редакции в Пскове и повешен на шоссе Ленинград — Киев[20].

Летом 1943 года немецким военным командованием совместно с немецкими разведывательными службами была предпринята попытка разгрома партизанского

движения на территории Смоленской и Витебской областей. На южной окраине Смоленска, в усадьбе бывшей МТС, абверкоманда 202 создала школу диверсантов, где обучались лица, доказавшие свою преданность гитлеровцам. В июне 1943 года в этой школе был сформирован спецотряд РОА для осуществления операции по разгрому партизанских бригад. По замыслу немецкого командования, спецотряд, изображая из себя остатки партизанской бригады из Литвы, понесшей значительные потери в боях с немцами и литовскими националистами, под Смоленском должен был попытаться влиться в одно из действующих партизанских соединений на правах самостоятельного отряда. Для поднятия авторитета предполагалось провести несколько успешных стычек с полицейскими и напасть на немецкий обоз.

Отряд в количестве семидесяти шести человек прошел специальное обучение. Официально командовал им капитан РОА Цамлай, но фактическое руководство осуществлял немецкий офицер-разведчик, прекрасно говоривший по-русски и имевший опыт службы в 1941 году в спецподразделении «Бранденбург». О том, что он немец, знал лишь командный состав псевдопартизанского отряда. Подразделение полностью имитировало боевую группу народных мстителей. Роль комиссара исполнял бывший командир Красной армии Петр Голиков, ставший убежденным власовцем. Отряд был обмундирован в рваные шинели, отобранные у военнопленных, вооружен разномастным оружием. Однако несмотря на всю тщательность, с которой нацисты формировали данное подразделение, советской разведке удалось завербовать нескольких человек, изъявивших желание порвать с власовцами и перейти на сторону партизан.

Первый этап операции абвера прошел успешно. Псевдопартизанам удалось внедриться в расположение отрядов народных мстителей, но во время одной из встреч советский агент сумел предупредить партизан о готовящейся провокации. Те оперативно сформировали группу из двадцати пяти человек, которая захватила немецких разведчиков во время очередной встречи белорусских и «литовских» партизан. Центр получил

подробную информацию о Смоленской диверсионной школе и ее выпускниках, многие из которых уже выполняли задания абвера в советском тылу[21].

Немецкие спецслужбы действовали против Советского Союза агрессивно и с размахом. Разведка, контрразведка и пропаганда — таковы были основные направления их деятельности. Практиковались все методы борьбы с противником: от дезинформации до террористических актов. В школах, находившихся в ведении абвера, готовились агенты на все случаи жизни. В основном их вербовали из местных жителей и военнопленных. При этом ставка делалась на лиц, так или иначе пострадавших от советской власти. Именно они, по замыслу немцев, должны были выполнять самые тяжелые и опасные задания, направленные на подрыв военной мощи СССР, разложение его граждан.

Глава пятая

ИДЕЙНЫЕ ПРОТИВНИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Деятельность антикоммунистических и пронацистских движений на территории России

Приход Гитлера к власти в Германии в начале 1930-х годов вызвал положительную реакцию среди представителей правого лагеря русской эмиграции. Они восприняли происходящие политические перемены как победу антикоммунистических сил: «Целый ряд народов добился победы своей Белой Идеи — Италия, Португалия, Германия, Венгрия»[1].

Один из руководителей Российского национального и социального движения (РНСД), возникшего в 1935 году в Германии, барон А. В. Меллер-Закомельский говорил: «Мы преклоняемся перед личностью вождя германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем... духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма».

Однако в Третьем рейхе русское профашистское

движение не сформировалось, так как Гитлер презирал как русские национальные устремления, так и русских, представляющих «неполноценную нацию».

Отрицательное отношение к русской государственности и русскому национальному движению высказывали практически все руководители Германии. Так, Геббельс писал в своем дневнике о том, что «одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда прекратить всеми возможными средствами любое развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам необходимость не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их»[2].

Однако подготовка нападения на Советский Союз заставила нацистское руководство максимально использовать все антикоммунистические силы.

Еще в начале 1930-х годов начал активно действовать «Антикоминтерн», созданный Эберхартом Таубертом, одним из помощников Геббельса. Заметную роль в нем играли «русские немцы» (то есть бывшие подданные Российской империи) Адольф Эрт и Эвальд Амменде.

Издаваемый организацией журнал «Антикоминтерн» наряду с антисоветскими и антисемитскими статьями публиковал свидетельства «новых» эмигрантов и перебежчиков. В основном они касались «жестокости и произвола», царящих в СССР.

Мероприятия, проводившиеся этой организацией, ориентировались на европейскую аудиторию. При этом она была всегда готова к началу боевых действий против СССР. До 1936 года «Антикоминтерну» была подконтрольна русскоязычная газета в Германии «Новое слово».

В годы Второй мировой войны «Антикоминтерн» преобразовался в движение, работающее исключительно в целях пропаганды. В министерстве пропаганды специалисты по Советскому Союзу определили группы населения, которые могли быть оппозиционны Сталину. К ним относились лица, так или иначе пострадавшие от советской власти, жители областей, присоединенных в конце 1930-х — начале 1940-х годов (Прибалтика, Бессарабия, Западная Украина и Западная Белоруссия),

националисты, великорусские шовинисты, троцкисты и ленинцы, считающие, что Сталин предал идеи Октябрьской революции. В качестве экспертов привлекались как русские эмигранты и невозвращенцы, так и бывшие члены Германской коммунистической партии, вставшие на путь сотрудничества с нацистами.

Кроме министерства пропаганды идеологическое воздействие на Советский Союз осуществлял и отдел пропаганды Верховного командования вермахта. Им была организована специальная испытательная лаборатория. Из числа военнопленных отбирались люди разных профессий, специальностей, возрастов, интеллектуального уровня и национальностей. Тексты радиопередач и листовок давались им на просмотр и критику[3].

После поражения немецких войск под Москвой, особенно с весны 1942 года, руководство частей вермахта, а также немецких разведывательных служб стало активно выступать за то, чтобы изменить представление о войне против Советского Союза исключительно как об акте насилия. Они предлагали максимально политизировать и идеологизировать ее цели, дабы способствовать переходу народов России на сторону Германии. Однако руководство Третьего рейха и сам Гитлер выступили категорически против таких идей.

Но командование вермахта, особенно в тех районах, где активно развивалось партизанское движение, сквозь пальцы смотрело на различные политические потуги русских антикоммунистов.

25—26 ноября 1941 года в поселке Локоть К. П. Воскобойник опубликовал «Воззвание к населению Локотской волости о начале новой жизни в освобожденной России» и «Манифест Народной социалистической партии — Викинг (Витязь)»[4]. Автор манифеста заявлял, что это движение возникло «в подполье, в сибирских концлагерях». «Народная социалистическая партия» брала на себя «ответственность за судьбы России, а также обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России». Кроме многочисленных обещаний русскому населению и объявления

амнистии для «комсомольцев, рядовых членов Коммунистической партии, Героев Советского Союза» в качестве одного из пунктов программы было заявлено «беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами».

Воскобойник и его ближайшее окружение (Каминский и Мосин) с апломбом заявляли о том, что создающееся движение является всероссийским. Манифест распространялся в пределах Орловской, Курской, Смоленской и Черниговской областей. Провожая в рекламные поездки по этим регионам своих последователей, Воскобойник, никогда не страдавший от излишней скромности, напутствовал их: «Не забудьте, мы работаем уже не для одного Брасовского района, а в масштабах всей России. История нас не забудет»[5].

Однако абсолютное большинство жителей оккупированных областей отнеслось к факту «наступления новой эпохи» и к призывам вступать в новую партию весьма равнодушно. Никакого значительного роста рядов НСПР не произошло.

В ночь на 8 января 1942 года сводный партизанский отряд на 120 подводах без выстрелов въехал в Локоть и атаковал казарму и дом бургомистра. Было уничтожено свыше пятидесяти коллаборационистов и немецких солдат. Тяжело раненный партизанами «организатор новой власти» Воскобойник скончался на операционном столе. Его так и не удалось спасти, несмотря на то что из Орла прилетели немецкие врачи. Если верить партизанскому источнику, последними словами Воскобойника были: «А я-то собирался играть роль в истории».

После Воскобойника в Локотьском районе роль безусловного лидера новой партии стала принадлежать Б. Каминскому. Последнему очень льстило, когда его сравнивали с Адольфом Гитлером.

В апреле 1942 года в газете «Голос народа» была опубликована программа Русской народной национал-социалистической партии. Коллаборационистам очень хотелось, чтобы их движение стало равновеликим НСДАП. Во введении говорилось: «Наша партия уверена в дальнейшей помощи великого германского народа и ее испытанной в боях дружественной нам по

духу и идеям германской Народной национал-социалистической партии с ее бессмертным руководителем Адольфом Гитлером»[6].

К любым политическим объединениям на оккупированной территории России, естественно, если они не появлялись при непосредственном участии нацистских разведывательных или пропагандистских органов, немецкое руководство относилось с большим недоверием и подозрением. Попытки Каминского и его соратников активизировать деятельность НСПР всячески тормозились. Лишь 22 марта 1943 года в приказе по Локотскому окружному самоуправлению обер-бургомистр объявил о необходимости практического разрешения «вполне справедливого и давно назревшего вопроса» — об образовании Национал-социалистической партии России (в некоторых документах Национал-социалистическая трудовая партия России. — *Б. К.*).

Манифест национал-социалистов России подписали Мосин, Бакшанский, Васюков, Вощило и Хомутов. В нем говорилось, что спасение родины возможно только при объединении всех честных людей России в единую мощную организацию — партию. Вождем этой партии будет «руководитель Новой Власти Б. В. Каминский»[7].

В качестве программных установок НСПР провозгласила следующее.

1. Свержение кровавого сталинского строя в России.

2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России.

3. Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному государственному существованию, права на самоопределение.

4. Путем создания в «Новой России» справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классово-сословную рознь.

В одном из пунктов программы говорилось, что «все имущественные права бывших помещиков и капиталистов (русских, а также иностранных) считать утерянными». На вопрос русских граждан: «Кто подразумевается под иностранцами?» — активисты НСПР отвечали, что это немцы. Однако когда немецкое руководство за-

давало аналогичный вопрос, то ответ был другой: «Это англо-американские еврейские капиталисты, которым Сталин продал Россию».

Заканчивались прокламации обычно лозунгом «Да здравствует свободная Россия без жидов и коммунистов!».

Существование Национал-социалистической партии России оставалось вне округа совершенно неизвестным фактом, и местные немецкие власти всячески умалчивали о нем в своих отчетах. В саму партию оказался вовлечен весьма узкий круг лиц — чиновники административного аппарата самоуправления и некоторые бойцы и командиры бригады Каминского.

Летом 1944 года, когда бригада Каминского находилась на территории Белоруссии, Гиммлер лично выразил ее командиру свою благодарность за участие в боях против партизан. Каминскому был присвоен чин бригаденфюрера СС и генерал-майора войск СС, а его подчиненные составили 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (русская № 1)[8].

В это время газета «Боевой путь» в статье «Наш комбриг», посвященной 45-летию Каминского, писала, что «Б. В. Каминский подхватил и довел до конца идею К. П. Воскобойника о создании Российской национальной партии... Дружными усилиями разработаны Манифест, Программа и устав партии, отражающие чаяния широчайших масс русского народа как по эту, так и по ту сторону фронта»[9].

Интерес к детищу Воскобойника и Каминского проявили активисты Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП). Члены этой организации стали играть заметную роль в «партийном строительстве» НСПР. В их числе был, в частности, Г. Е. Хомутов, создавший в Локотьском округе молодежную организацию. НТСНП считал себя той политической силой, которая сможет в условиях этой войны играть роль некой «третьей силы» в борьбе между нацизмом и коммунизмом. Эта политическая организация возникла в 1929 году в результате объединения Национального союза русской молодежи в Болгарии и Союза русской национальной молодежи в Югославии. За предвоенные годы она не-

сколько раз меняла свое название, пока, с 1936 года, не стала именоваться НТСНП.

Союз в своей деятельности изначально ориентировался на эмигрантскую молодежь, его отделения появились в тех городах Европы, где концентрировалась эмиграция.

В качестве альтернативы коммунистической идеологии России предлагалась новая идея — национально-трудовой солидаризм, в котором нация определялась как корпоративная общность с единой культурой, единым государством и экономическими интересами. НТС отвергал любые формы федерализма и политического либерализма. Фактически солидаристы пытались создать русский вариант германского национал-социализма. Их симпатии к Гитлеру оттолкнули от союза значительную часть русской эмиграции. Членов НТС за желание всячески подражать нацистам даже называли «нацмальчиками»[10].

Многие члены НТС занимали ответственные должности в различных немецких учреждениях: в министерстве пропаганды, в министерстве Восточных территорий и в учебных лагерях, где готовились антисоветские воинские формирования. Так, например, известный солидарист А. С. Казанцев работал в отделе пропаганды Верховного командования вермахта[11].

Немало активистов этой организации уже осенью 1941 года оказалось в оккупированных районах России. Практически все они стремились занять какие-либо посты в «новой русской администрации», а также в разведывательных, контрразведывательных и карательных органах немецких оккупационных служб. Так, в Смоленске эмигранты играли заметную роль в жизни города и округа. На территории области к концу 1941 года находилось более ста активных членов этой партии, прибывших из-за рубежа[12]. Николай Алферчик работал начальником 2-го (секретно-политического) отдела окружной полиции. В его функции входила координация действий карательных отрядов. Также в полиции служили Дмитрий Каменецкий и Кирилл Калякин. Владимир Гацкевич являлся одним из создателей газеты «Новый путь», а Вячеслав Пелипец работал

здесь переводчиком. Некоторые члены НТС устроились в различные нацистские оккупационные органы. Так, Юрий Герцог был личным секретарем руководителя зрелищных предприятий Смоленска при отделе немецкой пропаганды. Георгий Гандзюк являлся заместителем начальника города Меньшагина.

Прибытие в Смоленск руководства НТС — Околовича, Гандзюка, Брандта и других сделало его центром деятельности этого союза на всей территории центрального направления армейской группы немецких войск, куда входили Белоруссия, Смоленская, Воронежская, Орловская и Курская области. Конечной целью своей деятельности НТС провозгласил ликвидацию советской власти путем вооруженной борьбы и установления на территории СССР так называемой «национальной власти». Все они занимались активной пропагандой своих идей. Для этого организовывались встречи по обсуждению энтээсовской литературы. На них эмиссары НТС проводили активную работу по вовлечению в партию новых членов. Эти собрания вызывали большой скепсис и подозрение как со стороны русского населения, так и немецких специальных служб. Большинство мирных жителей воспринимали их как провокацию, а немцы не могли допустить того, что хоть что-то проходит без их ведома.

По окончании собраний присутствовавшие пели гимн, в котором были слова: «Города вдали и огни вдали, дивный город вдали — Москва. Светлый час уж бьет, красный враг падет. Будет снова Россия жива».

В Пскове представителем НТС являлся К. А. Кирий. Он стремился вовлечь в организацию в первую очередь представителей интеллигенции. Им активно распространялась различная программная литература. К деятельности НТС проявило большой интерес немалое количество сотрудников «новой русской администрации», в том числе и бывший «шеф Новгородского гестапо» Б. А. Филистинский[13].

Зная, что члены НТС являются убежденными противниками советской власти, нацисты активно привлекали их к работе в своих спецслужбах. Так, около двухсот членов этой организации служили в зондеркоманде «Р»

под командованием известного немецкого разведчика Б. Смысловского[14].

В специальном лагере «Сантйехен» проходила подготовка руководителей-диверсантов повстанческого движения для борьбы с советской властью в тыловых районах Советского Союза. Там изучались партизанское дело, оружие, организация террористических актов[15].

В мае 1945 года были перечеркнуты все надежды энтэсовцев на изменение политического режима в России при помощи иностранного военного вмешательства. Но в отличие от других организаций, боровшихся с советским строем в годы Второй мировой войны, Народно-трудовой союз (так он стал называться после войны) нашел свое место в новых условиях. Переориентировавшись на бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции и в первую очередь на США, НТС сумел сохранить свои кадры и организационные структуры и продолжил политическую деятельность.

В целом, все антикоммунистические и националистические движения на оккупированной территории России находились под жестким контролем немецких спецслужб. Так, в Смоленске информацию о всех сторонах общественной жизни города и района собирала «Абверкоманда—303». Некоторые «партии» изначально создавались по инициативе различных германских служб.

Русская трудовая народная партия (РТНП) была создана в сентябре 1941 года в лагере для военнопленных офицеров Красной армии в Хаммельбурге. С немецкой стороны «партия» курировалась офицером абвера капитаном фон Зиверсом и зондерфюрером Кохом.

В ноябре 1941 года начальником военного отдела РТНП генерал-майором Ф. И. Трухиным было подготовлено «Положение о военном отделе РТНП». В нем говорилось, что основной целью данной организации являются борьба с остатками коммунизма и скорейший военный разгром СССР для того, чтобы начать «строительство Новой России».

Трухин понимал полную зависимость РТНП от нацистов, поэтому в документе специально оговарива-

лось: «План работы военного отдела поквартально составляется его начальником и утверждается немецким командованием через президиум партии...»[16]

Авторитет РТНП в глазах германского командования ее активисты предлагали повышать следующими способами:

«1. По ускорению разложения Красной армии и ее разгрома целесообразно выбросить в ее тыл отдельные группы из военнопленных для проведения политработы, диверсионных актов на железных дорогах, складах, нападений на штабы и пр. с целью нарушения подвоза и управления.

2. Необходимо всеми мерами усилить воинские части германской армии, ведущие войну на Восточном фронте; для этого целесообразно было бы приступить к формированию частей и соединений всех родов войск из военнопленных. Эти формирования использовать для смены германских соединений, находящихся во Франции, Бельгии, Голландии или на Балканах. Сменные соединения усилят Восточный фронт. Получив закалку и проведя курс боевой подготовки параллельно с несением службы, русские части и соединения с апреля 1942 года могут быть использованы по решению германского командования или для борьбы с англичанами в Африке и Азии, или для ведения боевых действий против Красной армии, если к этому времени она не будет разбита»[17].

Эти предложения убедительно свидетельствуют о полном контроле над этой «партией» со стороны лагерного начальства, в первую очередь разведотдела и гестапо. К середине 1942 года в ней значилось 120 человек. Некоторые ее члены впоследствии заняли ответственные посты в Комитете освобождения народов России генерала Власова.

Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦБ) был создан в июле 1942 года в городе Веймар под контролем VI управления РСХА (служба внешней разведки Главного управления имперской безопасности). Костяк этой организации составили пленные советские офицеры. Официально ее основателем выступил бывший командир 102-й стрелковой дивизии И. Г. Бессонов.

Еще в апреле 1942 года он вступил в переговоры с представителями нацистских спецслужб, предложив начать формирование из числа военнопленных специальных подразделений для борьбы с партизанами. Однако немцы предложили несколько другое: проведение борьбы с советской властью путем подготовки вооруженных групп и заброски их в тыловые районы Советского Союза для организации там повстанческих отрядов.

Антисоветское вооруженное восстание планировалось поднять в районе от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали. Отряды ПЦБ должны были захватывать лагеря, освобождать и вооружать отряды заключенных и ссыльных и двигаться в южном направлении, расширяя район действий.

Одновременно разрабатывалась политическая программа центра. В ней отмечалось, что в будущей России тяжелая промышленность, транспорт, почта и телеграф будут находиться в руках государства. Колхозы предполагалось ликвидировать при введении частной собственности на землю. После свержения советской власти до окончания всех боевых действий планировалось введение военной диктатуры, осуществляемой руководителями «Освободительных сил», а затем проведение всеобщих выборов[18].

В июне 1943 года Бессонов и ряд его ближайших соратников были арестованы гестапо якобы за антинемецкую деятельность. Некоторые из них были вскоре освобождены. Сам Бессонов находился в качестве привилегированного заключенного в концлагере «Заксенхаузен», где занимался разработкой различных планов борьбы с партизанами. 15 мая 1945 года из американской зоны оккупации Германии он был передан советским властям[19].

Боевой союз русских националистов (БСРН) был создан осенью 1941 года из числа военнопленных солдат и офицеров РККА. Программные положения союза были следующими:

1. Будущая Россия должна стать мононациональным государством. Украине, Белоруссии, Прибалтике и Закавказью будет предоставлено право на самоопределение под протекторатом Великой Германии.

2. Власть в России должна принадлежать правителю, назначенному Гитлером.

3. Для законодательной власти будет избираться государственный совет, который должен утверждаться правителем. Он же назначает министров.

4. Колхозы упраздняются, а вся земля, им принадлежащая, передается в частную собственность.

5. В области торговли поощряется частная инициатива. Мелкая промышленность передается частному капиталу, средняя — будет находиться в руках акционеров, а крупная подлежит ликвидации, поскольку Россия должна быть аграрной страной.

6. Религия отделяется от государства и от школы, но поддерживается правительством.

7. Образование в стране сохраняется только начальное.

Членами Союза могли быть только мужчины, достигшие 18 лет, всех национальностей, за исключением евреев.

БСРН под руководством германского командования проводил работу по формированию специальных воинских подразделений для борьбы с партизанами, для несения охранной службы в тылу немецких войск, а также принял активное участие в работе немецких разведывательных школ по подготовке и заброске разведывательно-диверсионных групп на территорию Советского Союза.

В 1942 году в Берлине была создана Национальная организация русской молодежи. Ее координатором стал сын белого эмигранта, проживавший до этого в Югославии, Георгий Львович Лукин. Подросткам из числа детей эмигрантов объявлялось, что они в будущем займут различные руководящие посты в «Новой России»[20].

28 февраля 1943 года радиостанция «Лахти» сообщила об образовании в Смоленске Русского комитета и передала за подписью председателя комитета генерал-лейтенанта Власова и секретаря комитета генерал-майора Малышкина обращение «К бойцам, командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза».

Это воззвание во многих миллионах экземпляров

очень быстро было распространено по оккупированным районам, разбросано с самолетов над передовыми частями РККА и в советском тылу.

Русский комитет изложил свою программу в тринадцати пунктах. Из них основными являлись следующие:

ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

восстановление торговли, ремесла, кустарного производства;

предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям[21].

В конце своего обращения Русский комитет призвал всех бойцов и командиров Красной армии и всех русских людей переходить на сторону действующей на стороне Германии Русской освободительной армии. При этом каждому перешедшему на сторону «борцов против большевизма» гарантировалась жизнь «вне зависимости от его прошлой деятельности и занимаемой должности».

Характерно, что до опубликования «обращения» от лица Русского комитета, то есть до 28 февраля 1943 года, ни одной из радиостанций противника, проводящих антисоветские передачи на русском языке, ориентированных на тыловые районы Советского Союза («Висла» — Варшава, «Голос народа», «Старая гвардия Ленина» — Германия, «Лахти» — Финляндия, «Бухарест» — Румыния, «Метрополь» — Югославия и др.), ни-

чего не сообщалось об организованном «русском освободительном движении» и о том, что генерал Власов находится в немецком плену.

Из того же обращения следовало, что Русский комитет в Смоленске состоит главным образом из бывших офицеров РККА.

Анализируя воззвание Русского комитета, смоленская газета «Новый путь» писала в своей передовой статье 6 мая 1943 года: «Сейчас мы, мирное население освобожденных областей, ведем беспощадную борьбу против большевизма, засевая поля, открывая магазины, приступая к ремеслам, службе в учреждениях. Мы таким образом включаемся в тотальную борьбу против иудо-большевистской банды и тем создаем новую жизнь».

Но появившиеся на страницах коллаборационистской прессы рассуждения о «славном будущем Новой России, свободной и сильной» вызвали резкое неприятие со стороны нацистского руководства. Появился приказ: «Воззвание Смоленского Комитета предназначено только для сбрасывания на территории противника! Распространение его по эту сторону фронта строжайше воспрещено!»

Практически одновременно со Смоленским в начале 1943 года в Пскове начал свою работу так называемый Русский национальный комитет (в некоторых документах — Русский комитет. — *Б. К.*). В него вошли все наиболее заметные коллаборационисты и «новые предприниматели» (то есть торговцы. — *Б. К.*) города и района. Свою деятельность они попытались развернуть на всей оккупированной территории Северо-Запада РСФСР. Ее возглавлял журналист выходившей в Пскове газеты «За Родину» Г. Я. Хроменко. От призывов к содействию всем мероприятиям немцев «комитетчики» перешли к попыткам создания «русских антибольшевистских сил». Было заявлено, что основными задачами РНК являются:

1) оказание помощи немецким войскам в разгроме Красной армии;

2) вовлечение в состав комитета молодежи и интеллигенции как основного резерва РОА;

3) подготовка местных административных кадров будущего русского правительства, которое придет к власти после победы над большевиками;

4) выявление лиц, тормозящих деятельность Русского комитета, и изоляция их при помощи германского командования.

С целью вовлечения в комитет новых участников инициативная группа опубликовала в коллаборационистской газете «За Родину» воззвание «Вечевой колокол зовет», в котором содержался призыв к населению вступать в ряды Русского национального комитета и оказывать всемерную помощь, как моральную, так и материальную, немецким захватчикам в построении «Новой России»[22].

Эта организация (как, впрочем, и все подобные) возникла по инициативе нацистов. Как показал на допросе в НКГБ бывший бургомистр Пскова Черепенькин, его пригласили в отдел немецкой пропаганды, где немецкий чиновник приказал ему выделить из аппарата Псковского городского управления десять человек, которые должны были периодически, раз в неделю, посещать особые собрания, обсуждающие вопросы политического характера[23].

По возвращении из отдела пропаганды бургомистр выбрал десять человек, включая и самого себя, для создания «инициативной группы по организации русского национального движения». На первом собрании, на котором присутствовало около пятидесяти человек, Хроменко объявил: «Сейчас обсуждается вопрос о создании русского правительства. В Смоленске уже создан такой комитет во главе с генералом Власовым. Мы должны создать такой же для решения в Пскове различных государственных дел». Все записавшиеся в РНК сразу же прикреплялись к различным учреждениям и мастерским для проведения там пропагандистской работы. В течение следующих двух недель немецким отделом пропаганды было проведено пять аналогичных собраний.

Особых требований к людям, изъявившим желание стать членами этой организации, не предъявлялось. Вся процедура приема ограничивалась записью у Хроменко

кратких биографических данных. Официально членские взносы не собирались, но, как уже указывалось, все «комитетчики» активно участвовали в различных мероприятиях оккупационных властей, в том числе и по сбору пожертвований на различные нужды.

Весной 1943 года члены РНК обратились к германскому правительству и лично Адольфу Гитлеру с просьбой о создании на оккупированной территории России единого русского правительства с одновременной мобилизацией в РОА всех совершеннолетних мужчин, способных нести военную службу. Одновременно с этим Черепенькин через русскоязычную газету «Новое слово», выходившую в Берлине, обратился с призывом к русским эмигрантам, проживающим в Европе, возвращаться на родину и помогать создавать здесь новое государство «без советов и коммунистов».

В мае 1943 года активисты РНК выехали в трехнедельную экскурсию по территории Германии. Они посетили следующие города: Берлин, Галле, Герлиц, Зальцбург и Дрезден. В них проходили встречи с ответственными работниками отделов пропаганды, бургомистрами городов и гауляйтерами. В своих приветственных речах псковские коллаборационисты говорили о своей преданности Третьему рейху, идеям национал-социализма и лично фюреру «Великой Германии» Адольфу Гитлеру. Кроме этого, в этих выступлениях раздавались призывы к представителям немецких властей как можно быстрее признать Русский национальный комитет как организующий фактор борьбы против большевизма[24]. На обратном пути участники экскурсии пожелали встретиться с генералом Власовым. Такая встреча для них была организована. Власов призвал членов РНК к активной борьбе против большевизма и всесторонней помощи немцам[25].

До конца лета 1943 года немецким отделом пропаганды было организовано еще несколько собраний РНК. На них в основном заслушивались доклады о положении дел на фронтах и объяснялись причины «временных» неудач германской армии. Идея создания «антибольшевистского правительства» в Пскове, видимо, не нашла сочувствия в Германии и поэтому больше на

этих собраниях не обсуждалась. В августе 1943 года по приказу германского командования Черепенькин был снят с должности городского головы и после этого работа РНК замерла.

Такое положение в «партийном строительстве» сохранялось до конца 1944 года, когда войска СССР и его союзников вплотную подошли к границам Германии. В условиях надвигающегося краха Третьего рейха все средства были хороши. Значительное количество лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами на временно оккупированной территории России, к этому времени перебрались на территорию рейха. В ноябре 1944 года в Прагу (как в последний крупный славянский город, находившийся под контролем нацистов) из Берлина был перевезен так называемый «Комитет освобождения народов России», призвавший граждан СССР бороться с «плутократами Англии и США и кликой Сталина».

1 марта 1945 года с Власовым встретился Геббельс. Власов заявил ему, что «Россия может быть спасена, только если она освободится от большевистской идеологии и усвоит себе идеологию подобную той, которую имеет немецкий народ при национал-социализме». За два месяца до окончания войны руководитель немецкой пропагандистской машины с огорчением отметил в своем дневнике: «Мы бы достигли очень многого в своей восточной политике, если бы мы уже в 1941 и 1942 годах действовали на тех основаниях, которые отстаивал Власов»[26].

Готовность Геббельса согласиться с утверждением Власова проявилась только тогда, когда дни нацизма в Германии были уже сочтены.

Никакая конструктивная оппозиция сталинскому режиму, даже национал-социалистическая, как этого хотел Власов, нацистскому руководству не требовалась. В их планах любая российская государственность исключалась. Так называемая «третья сила», якобы боровшаяся во время Второй мировой войны за национальное возрождение России, находилась под полным контролем немецкой разведки и пропаганды.

Глава шестая

АЙН, ЦВАЙ, ПОЛИЦАЙ

Функции и деятельность «службы порядка». —Формы и методы работы. — Требования к полицейским

На оккупированной территории России действовали многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти немецкие органы активно использовали местную «русскую вспомогательную полицию». Формально вспомогательная полиция подчинялась сельскому старосте или бургомистру, а в городах и крупных населенных пунктах — городской управе. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под контролем германских комендатур, гестапо и других нацистских органов.

Вспомогательная полиция — «стража порядка», «служба порядка» или «организация самозащиты» — занималась наведением внешнего порядка, надзором за выполнением различных запрещений, ограничений и приказов, слежкой за антинемецкими элементами, участвовала в борьбе против партизан, в проведении репрессий и погромов. Немецко-фашистские захватчики отлично осознавали, что только при активном взаимодействии с людьми, вставшими на путь измены родине, можно максимально использовать потенциал оккупированных территорий.

На Северо-Западе РСФСР германские вооруженные силы начали создавать «службу порядка» уже в августе 1941 года. В ее задачи, как следовало из устава службы, входило «поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие [оккупантам] при выполнении уголовно-полицейских поручений, в особенности информирование СД и полиции безопасности о всех фактах противогосударственной деятельности».

Городское полицейское управление имело следующие отделения: паспортное, уголовно-следственное,

политическое, охраны порядка, пожарное. В городах, имеющих районное деление, городскому полицейскому управлению подчинялись районные полицейские управления. Последним подчинялись полицейские участки, имеющие в своем составе квартальных полицейских. Полицейские функции возлагались также на домоуправов, комендантов домов или домовых уполномоченных. Так, в Смоленске домовые уполномоченные выполняли следующие обязанности: сбор квартплаты, наблюдение за приходом и уходом квартиросъемщиков, за выявлением новых лиц в квартирах, за пропиской жильцов, сбор и сдача властям советских листовок, сброшенных с самолетов.

Кроме чисто контрольных функций полицаи (так сразу же стало называть представителей «службы порядка» мирное население) были обязаны оказывать содействие старостам и волостным старшинам в доставке, расклейке и распространении немецких приказов, листовок, газет и плакатов[1].

Из газеты «Кубань»:

«Полиция

В любой стране Земного шара всегда существует определенная прослойка лиц, стремящихся так или иначе нарушить существующие законы. Формы этих нарушений так разнообразны, а способы и средства так многочисленны, что для наблюдения за нормальной жизнью страны, сохранения законности и порядка в ней существует специальное учреждение, в большинстве стран именуемое полицией.

В силу своей своеобразной деятельности, сотрудник полиции должен всегда заметно выделяться из окружающей его среды. Задачи и значение полиции среди населения страны довольно обширны и разнообразны, что накладывает определенные обязательства на сотрудника полиции, и личность его, как проводника и хранителя законности, должна, прежде всего, быть в достаточной степени безупречной, обладать непререкаемым авторитетом и пользоваться в самой широкой степени уважением и доверием населения.

Таким должен быть сотрудник полиции, являющий-

ся помощником, опорой и зачастую судьей для разрешения острых, спорных вопросов в области порядка и права.

Советская власть, как всегда и всё, грубо извратила эту форму, приспособив ее для угнетения населения, придав ей облик душителей, яро ненавидимых населением.

Наша молодая полиция сейчас переживает период своего развития. Развиваться приходится в трудных условиях, осторожно, медленно и твердо усваивая основы нового, справедливого и достойного уважения порядка. В настоящее время в полицию люди идут охотно, и хорошие люди: тщательно и внимательно проверяются и работают поистине не за страх, а за совесть, не считаясь с временем и условиями работы. Уже вырабатываются новые кадры следователей, инспекторов, агентов. Очень трудно работать в новых условиях, глубоко кое-где засела большевистская бацилла. И вот вырисовывается сейчас, по мере накопления опыта и знаний, новый облик сотрудника полиции, обладающего всеми качествами, необходимыми для этой трудной и, порой, неблагодарной работы. Девиз на нарукавной повязке сотрудника полиции "Полицай немецкого Вермахта" — вспомогательная полиция Германских Вооруженных Сил, следовательно, основная идея — проведение в жизнь всех установок Германского Командования и помощь Германским Вооруженным Силам. Второе: справедливое, твердое исполнение всех проводимых мероприятий в смысле сохранения и поддержания порядка в городе и ликвидация всех оставшихся и возникающих вновь нездоровых явлений. И, наконец, третье — вежливое, корректное отношение к гражданам и честное и четкое отношение к своим обязанностям. Во всем этом блестящим примером нам должна служить Германская Армия, и образцом отличного помощника ее в гражданском деле должен быть работник полиции. Самым внимательным образом следить за собой, тщательно анализировать каждый поступок, каждый шаг и даже каждое слово, твердо помня, что даже маленькая ошибка может вызвать серьезные последствия.

Само же население также должно всемерно помогать полиции в ее тяжелой и трудной работе. "Справедливость — основа нового порядка" — следовательно, справедливые и честные указания помогут быстро разобраться в сложнейшей обстановке любого дела и восстановить справедливость в полном объеме.

Взаимопомощь между полицией и населением — одна из основ успешной работы по ликвидации отрицательных явлений в нашей среде. Особенной четкости в работе надо добиваться сейчас, памятуя о напряженной восстановительной работе города после хозяйничанья и ухода большевиков. Как всякий выздоравливающий после тяжелой болезни организм, город требует к себе очень чуткого и внимательного отношения, и всякие, даже маленькие, перебои должны быть мгновенно локализованы.

Население должно само проявлять свою инициативу в деле выявления темных мест, вроде очагов партизанщины, спекуляции и расхищения имущества, оказывая этим самым помощь полиции и помогая скорейшему установлению спокойствия, справедливости и порядка в городе».

<Без автора>

Для выполнения отдельных полицейских функций в принудительном порядке привлекались и мирные жители, не состоящие на постоянной службе в полиции. Так, например, велосипедисты мобилизовывались для сбора листовок, сброшенных с советских самолетов. Сельские жители привлекались для охраны железнодорожных путей и других объектов.

Численность вспомогательной полиции определялась в размере одного процента от жителей данного населенного пункта, а в небольших селах и деревнях — по усмотрению немецких властей.

Изначально представители «службы порядка» не имели права носить оружие (вооружались деревянными палками), форму (знаком отличия была повязка на рукаве) и производить аресты без санкции германских властей. На все просьбы о их вооружении они получали от немцев категорические отказы[2].

В различных регионах оккупированной вермахтом России полицейские подразделения формировались по-разному. Были города, например Локоть, где они создавались по инициативе местного населения. Но в большинстве случаев их образование было связано с деятельностью нацистов. Так, в Старой Руссе немецкий комендант города Мосбах предложил бургомистру Невскому «подобрать на должность начальника городской полиции надежного человека не только в политическом отношении, но и нерусской национальности, например из латышей или эстонцев»[3]. Последнее было вызвано тем, что «русский стал бы сводить счеты со своими недругами».

Было решено использовать для этой работы местного эстонца Александра Карловича Кютта. Арестованный в 1949 году советскими органами государственной безопасности, он так описал процесс вербовки его в полицию: «При беседе интересовались моими политическими убеждениями, национальностью, моим отношением к немцам. Я говорил, что к советской власти и большевикам отношусь враждебно, что я, будучи эстонцем, советской властью притеснялся и к приходу немцев отношусь как к освобождению.

После этого Мосбах вручил мне анкету, которую я должен был заполнить и заверить двумя поручителями, пострадавшими от советской власти. Кроме этого, я должен был написать подробную автобиографию».

После предъявления анкеты, заверенной двумя поручителями, каждый поступавший на службу в полицию давал специальную подписку: обязательство честно служить фашистской Германии и бороться против советской власти.

Кютт и его помощники составили два списка: один — на евреев и другой, общий список, в котором значилось более ста человек политически неблагонадежных, — для немцев.

Старорусская уездная полиция строилась следующим образом: при каждом волостном правлении был урядник, во всех деревнях, входивших в волость, было по одному полицейскому. Урядникам назначался оклад в размере 300 рублей в месяц, а рядовые полицейские,

работая бесплатно, пользовались большими льготами у немецких властей. В частности, с них не брали никаких налогов, им выдавалась лучшая земля, вместе со старостами они являлись фактическими хозяевами в своих деревнях.

К концу декабря 1941 года в аппарате уездной полиции работало около шестидесяти-семидесяти урядников и полицейских[4].

Во главе полицейской службы соседнего со Старой Руссой Новгорода был поставлен Никита Яковлевич Расторгуев, до революции служивший полицейским в Санкт-Петербурге. Задержанный советскими органами государственной безопасности, на допросе 16 ноября 1947 года он показал: «Отправившись в городскую управу, я предложил свои услуги для работы там. Тут же я предъявил им свою справку о том, что я был при советской власти репрессирован, осужден и отбывал наказание на 10 лет. Заявил, что я был обижен советской властью. Меня тут же назначили начальником охраны города Новгорода, передав мне в мое непосредственное подчинение 10 человек полицейских»[5].

К октябрю 1941 года оккупантам стало очевидно, что собственными силами осуществлять тотальный контроль за населением, эффективно бороться с силами сопротивления они не в состоянии. В начале ноября 1941 года в горуправе состоялось собрание, на котором выступил с речью немецкий городской комендант и предложил реорганизовать полицию, подчинив ее непосредственно оккупационным властям. После этого собрания немецкой комендатурой всем полицейским были выданы специальные удостоверения за подписью коменданта.

Полицейские должны были усилить несение службы по обеспечению безопасности германских войск, расположенных в городе, то есть вести борьбу с нежелательными немцам лицами. Для этой цели Расторгуев получил девять боевых винтовок. Горуправа стала постоянно охраняться, а всех полицейских вооружили наганами. На рукаве они обязательно носили повязки с надписью «полицейский».

В новые функции «охраны города» вошли следующие: несение охраны города и поддержание порядка,

установленного немцами, аресты коммунистов и советского актива, обыски на квартирах, изъятие у населения продовольствия, вещей и ценностей.

Сразу по назначении на должность начальника полиции Расторгуев приступил к созданию полицейского аппарата. Им были подобраны 20 человек полицейских и штат тюрьмы. Начальником тюрьмы был назначен Барташевич, до августа 1941 года отбывавший наказание на торфоразработках около Новгорода. Первое время полиция располагалась в подвалах городской управы, а потом переехала в Дом культуры, и там же была образована тюрьма. В тюрьме находились арестованные советские граждане — бывшие партийцы и советский актив, кроме того, там сидели люди, уличенные в воровстве, а также отказывавшиеся работать на немцев. Начальник полиции имел право выдавать санкции на обыск и арест, и без них никого нельзя было арестовывать и отправлять в тюрьму. При допросах полицейские систематически применяли физическую силу и избивали арестованных.

Будучи допрошенной в качестве свидетеля о преступной деятельности своего мужа, второго бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 года, Раиса Морозова 15 ноября 1947 года показала: «В октябре 1941 года, числа 11—12, Расторгуев пришел к нам на квартиру и говорит: "Нужно организовать арест Силантьева Василия". На второй день после этого Силантьев был арестован и в деревне Григорово расстрелян. Кроме того, Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, наконец, он дожил до времени, когда можно жить по-настоящему и есть возможность лично, собственными руками отомстить большевикам-паразитам. Мне также известно, что он обирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование»[6].

Первым помощником Расторгуева являлся Иван Сергеевич Обтемперанский. Он сам пришел в городскую управу, где отрекомендовался как бывший штабс-капитан, имеющий награды (георгиевское золотое оружие и офицерские ордена), а также высшее образование. В подтверждение этих слов им были предъявлены доре-

волюционные фотографии. «И я, — сказал он, — очень хочу устроиться на службу в полицию для более активной борьбы с большевиками и их пособниками».

Полицейские работали в тесном сотрудничестве с гестапо. Русским сотрудником гестапо с сентября 1941 года стал Борис Филистинский. Предполагалось, что все лица, заподозренные в связях с советским подпольем, относятся к ведению только тайной государственной полиции рейха. При выявлении полицейскими таких людей о них докладывалось Филистинскому. Последний выделял нескольких вооруженных немецких солдат, и люди, выражавшие недовольство нацистским оккупационным режимом, арестовывались и доставлялись в немецкую комендатуру для разбирательства. Многие арестованные после этого бесследно исчезали.

Наибольшее рвение в борьбе с просоветскими настроениями проявлял Обтемперанский. Выступая перед полицейскими и дворниками, он неоднократно говорил о том, что «нужно активизировать выявление коммунистов и передавать их на расправу немцам. Нечего их жалеть».

Рядовых полицейских мог принимать на работу как городской голова, так и представитель гестапо. Брали только тех, кто мог доказать, что у него есть причины ненавидеть советскую власть: был репрессирован, пострадал после революции или во время коллективизации и т. п.

Полиция, получая указания от немецкой комендатуры или Филистинского, занималась не только арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и конфискацией вещей, оставшихся без хозяев в городе. Собирались они на одном складе, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Частично вещи отправляли в Германию.

В сентябре 1941 года в городе начались восстановительные работы. Они были направлены в первую очередь на обустройство германских частей. Кроме этого, к первоочередным объектам были отнесены тюрьма и Софийский собор. Работы эти проводились силами советских граждан, насильно согнанных полицейскими. Использовались здесь также и арестованные.

Полиция в Новгороде делилась на городскую, состоящую из семи участков во главе с участковыми «стражами порядка», и на районную, в которую входило два участка: Панковский и Ракомский. На этих участках было по два-три полицейских во главе с начальником. Вначале они подчинялись начальнику полиции, а затем непосредственно немецкой полицейской комендатуре.

В самом городе русская полиция функционировала только на Софийской стороне. На Торговую сторону их деятельность не распространялась, так как она полностью находилась в управлении немцев. Во главе каждого участка стояли участковый полицейский и надзиратель, который имел в своем ведении контору с вывеской и штат дворников, обычно три-четыре человека. За свое официальное сотрудничество с полицией дворники получали жалованье. Предполагалось, что они смогут оперативно выявлять лиц без документов или людей, заподозренных в связях с подпольем или партизанами.

Немалое содействие полиции оказывали добровольные помощники из числа обывателей. Многие из них, обиженные советской властью или желавшие выслужиться перед оккупантами, добровольно приходили в городскую управу, гестапо или полицию и доносили на членов ВКП(б) и комсомола, не успевших эвакуироваться, а также на лиц еврейской национальности.

Все полицейские ежедневно в девять часов являлись на доклад к начальнику полиции и сообщали о всех происшествиях на их участках за ночь. Тот давал им указания, полученные от немецкой комендатуры. После получения информации о положении в городе начальник полиции отчитывался перед немецким военным комендантом.

Номинально считалось, что полиция находится в двойном подчинении: как член управы Расторгуев подчинялся городскому голове, а как начальник полиции — военному коменданту. Но на практике реальная власть была лишь в руках германских оккупационных служб. Так, пропуски на право круглосуточного хождения по городу сами полицейские и члены управы получали в немецкой комендатуре[7].

Всего в новгородской городской полиции к ноябрю 1941 года числилось свыше тридцати человек.

В сельской местности, удаленной от линии фронта, представители русской коллаборационистской администрации пользовались бóльшими правами, чем в городе. Они обеспечивали порядок, собирали налоги, выступали посредниками между гражданским населением и немецкими оккупационными службами. Так, в Новгородском районе для свободного передвижения между деревнями требовалось наличие справки, подписанной старостой или полицейским. За единовременный пропуск взималась плата три рубля советскими деньгами[8].

Места заключения создавались в самих деревнях. Повсеместно они получили название «бункер». В бункеры забирались люди за невыполнение распоряжений немецкой и русской администраций, за грубое обращение со старостой, за несвоевременную поставку продуктов[9].

Так, в приказе № 185 по Локотьскому управлению от 23 июня 1942 года говорилось о том, что при распределении бывшего колхозного имущества его должны отдавать «в первую очередь... работникам полиции, раскулаченным, пострадавшим от партизан, сотрудникам (управы)...»[10].

Несмотря на все эти льготы, не во всех сельских районах оккупантам удалось оперативно создать полицейскую службу. Иногда вербовка в полицию проводилась обманными путями. В некоторых населенных пунктах к несению охраны привлекались все крестьяне по очереди. Через некоторое время «добровольной охране» давались одна-две винтовки на населенный пункт, как говорилось, «для порядка».

Постепенно «временных» полицейских делали постоянными. Иногда их внезапно забирали для участия в различных акциях: облавах на партизан, расстрелах евреев и коммунистов. Расстрелы проходили публично. «Крещение кровью» подкреплялось продуктовыми пайками, самогоном, вещами, награбленными во время арестов.

Пленных красноармейцев принуждали вступать в полицию, угрожая отправкой в концлагеря и расстрелом[11].

Следует отметить, что практически везде оккупанты стремились переложить расходы на содержание полиции на мирных жителей. Так, командование группы армий «Центр» обязывало русскую администрацию в каждой деревне до пятидесяти семей иметь как минимум одного полицейского. Каждый полицейский получал рубль в месяц с каждого дома[12].

Руководство и контроль за деятельностью полицейских участков возлагались на городскую полицию. По указанию немецкого коменданта городская полиция должна была иметь: начальника, двух его заместителей — по политической части и по хозяйственным вопросам, следственный и паспортный отделы.

Предполагалось, что после двух-трех месяцев работы хорошо зарекомендовавшие себя полицейские будут отправлены учиться на специальные курсы по повышению квалификации. Наиболее крупный «центр по подготовке стражей порядка» действовал в Смоленске. Обучение в нем (в течение трех месяцев) проходили полицейские города и округа.

Кроме бывших уголовников среди полицейских были люди, пострадавшие во время коллективизации и репрессий 1937—1938 годов. Так, заместителем начальника полиции в Таганроге был бывший полковник царской армии Степанов, в Феодосии в полиции служил грузинский меньшевик Барамидзе, начальником полиции в Белгороде стал бывший инженер маслозавода Белых, пострадавший от советской власти в конце 1930-х годов[13].

Функции полиции были весьма разнообразны — от поддержания порядка на улицах и выявления уголовных преступников до борьбы с «подрывными элементами». На начальников участков возлагался систематический контроль за санитарным состоянием города, чистотой улиц, благоустройством дорог, фасадов домов, заборов и т. д. Но все-таки главная задача полиции заключалась в том, чтобы выявлять всех коммунистов, комсомольцев, активистов, просоветски настроенных людей и арестовывать их, вести беспощадную борьбу со всеми нарушителями режима, установленного немецким военным комендантом в городе и уезде, и обеспечивать

условия, исключающие всякую возможность проникновения в расположение немецких войск партизан, советских разведчиков и других подозрительных оккупантам лиц[14].

В каждом населенном пункте немцы поручали сельскому старосте или бургомистру через полицейских составить два списка местных жителей. В первый список заносились лица, прибывшие после начала войны (беженцы, сезонные рабочие и т. п.). При этом туда вносились только те люди, которые имели исправные личные документы и за благонадежность которых бургомистр или его ближайшее окружение могли поручиться.

Выявленных среди пришлого населения командиров и красноармейцев, отставших от своих частей, партизан и их помощников, советских разведчиков и парашютистов немцы отправляли в лагеря военнопленных или расстреливали. Прочих людей, которые не вызывали у них доверия, оккупанты отправляли в лагеря.

Во втором списке полицией регистрировались постоянные жители данной местности. В него вносились только те лица, которые не вызывали у бургомистра и немецкой комендатуры каких-либо подозрений. Но были и исключения. Так, после взятия Севастополя всё оставшееся в городе гражданское население было объявлено военнопленными.

Жители, занесенные в списки, получали удостоверения личности сроком на два-три месяца, после чего удостоверение могло быть продлено только в том населенном пункте, где оно выдавалось. За несвоевременный обмен удостоверения виновные штрафовались. Удостоверения составлялись на русском и немецком языках, имели фотокарточку владельца и немецкую печать; вторая фотокарточка оставалась у бургомистра или у начальника полиции. В удостоверении отмечались внешние данные владельца: телосложение, рост, цвет волос, глаз, особые приметы.

На удостоверениях лиц, прибывших в данный пункт после начала войны, ставилась буква «F» («Fremdling») или русская буква «Ч» («Чужой»).

Вместо выдачи удостоверений иногда производилась вклейка в советский паспорт дополнительного

листка с описанием примет владельца документа; эти данные также заверялись подписью коллаборационистского чиновника или немецкого офицера и печатью. В некоторых сельских местностях немецкие власти присваивали каждому жителю номер и обязывали носить на шее бирку с этим номером. При выезде из деревни на лошади этот же номер писался на дуге. Кроме того, список жителей с указанием присвоенных им номеров должен был быть вывешен на воротах каждого дома.

В городах вводились домовые книги и обязательная прописка вновь прибывающих. Повсеместно запрещалось предоставление кому бы то ни было ночлега без разрешения бургомистра. За нарушение накладывались денежные штрафы до 500 рублей. Чтобы выявить людей, поддерживающих связь с партизанскими отрядами и снабжающих их продовольствием, одеждой и т. п., немцы систематически проводили обыски и облавы. В тех районах, где партизаны действовали наиболее активно, подобные мероприятия проводились регулярно, каждый раз в иное время суток. В Пскове, например, летом 1943 года облавы проводились 10—12 раз в день.

Немецкая пропаганда всячески подчеркивала, что «уголовники-урки» являются лучшими друзьями большевиков, поэтому борьба с ними есть «выжигание каленым железом еще одного порочного пятна большевистского прошлого»[15].

Из газеты «Кубань»:

«Четвертое отделение

В ноябре на одной из улиц Краснодара стояла грузовая машина. Шофера в ней не было. Около машины с самым независимым видом расхаживал какой-то юноша лет 17-ти. Улучив момент, юноша нырнул в кабину на одно мгновение, а затем, вынырнув оттуда, с прежним спокойным видом отправился на базар.

Между тем в 4-е отделение полиции одним немецким шофером было заявлено о пропаже у него из кармана пиджака, лежавшего в кабине машины, 300 марок.

Несмотря на то, что полиции ничего не было известно о воре, он, тем не менее, быстро был обнаружен: оказывается, в доме, около которого стояла машина,

жил известный карманный вор Д. Немедленно он был задержан, а деньги доставлены в управление полиции для вручения немецкому шоферу.

А вот другой характерный случай, показывающий, как умело и оперативно работают сотрудники 4-го отделения. В нескольких домах были совершены кражи домашних вещей. Воры были опытные, и следов не оставалось никаких. Но преступление раскрыть было нужно, и оно было раскрыто путем долгих наблюдений, благодаря какому-то особому чутью, присущему работникам уголовного розыска.

Как объяснить это чутье? Опыт, сноровка вырабатывают это чутье. Как объяснить, почему опытный репортер успевает на пожар вместе с пожарными? Почему капитан, сгущая непроницаемый туман клубами своей никогда не потухающей трубки, тычет просмоленным пальцем в эту смесь и говорит, что здесь пристань? Почему житель тайги находит среди леса верный путь, хотя кругом все елки одинаковые? Почему? Да мало ли можно привести подобных примеров.

Иногда эти кражи раскрываются по самому незначительному признаку. Вот как было раскрыто это преступление. В один ясный осенний денек по улице шла девушка в красной шапочке, блондинка с чубчиком. Словом, самая обыкновенная девушка, каких в Краснодаре очень много. Девушка держала в руке платочек, вероятно, с семечками. Одновременно по этой же улице проходил инспектор 4-го отделения полиции Турчанинов. Турчанинову нужно было разыскать воровку, некую С., о которой ему было только известно, что она ведет широкий образ жизни, занимается организацией выпивок и вообще поддерживает знакомство с "темной публикой", что эта С. не старше 20 лет, блондинка и с чубчиком. Турчанинов заметил девушку. И у него явилось на счет ее подозрение, не воровка ли? Сознание говорило ему, что совпадение возраста, чубчик, блондинка — доказательства слабые, но чутье работника уголовного розыска толкало его пойти за этой девушкой. Так боролись в человеке холодный разум и чутье. Чутье побороло. Турчанинов поспешил догнать девушку, но это ему не удавалось: девушка шла все быстрее

и быстрее. Тогда он обошел квартал и пошел девушке навстречу. Девушка попыталась еще раз ускользнуть, перейдя улицу, но Турчанинов остановил ее. Она оказалась той самой С., которую он разыскивал, в платочке же были не семечки, а 2500 рублей.

Позже выяснилось, что эта С. была тесно связана с теми ворами, которые совершили эти домашние кражи, и в этот ясный осенний денек она занималась разноской денег, вырученных от продажи краденых вещей.

Вот только два преступления, которые говорят о стиле и способах работы работников 20-го отделения.

Искусство розыска — великая вещь. Это как раз то, что называется — успеть на пожар и даже немного раньше.

И. Штарк».

Полицейская служба также занималась и вопросами злоупотреблений в приобретении объектов недвижимости. В первые недели оккупации нашлись предприимчивые люди, которые решили, что заявления немцев о возрождении «Новой России без жидов и коммунистов», а также частной инициативы соответствуют действительности. Начался процесс «приватизации», в котором активное участие приняли сотрудники «новой русской администрации» и их ближайшее окружение. Через некоторое время встал вопрос о переделе собственности. К его решению были привлечены следователи полиции.

Так, всего за месяц (с 3 сентября до 11 октября 1941 года) городской управой города Старая Русса были проданы частным лицам городские строения, имеющие производственное значение, всего — 36 строений на общую сумму 18 тысяч 400 рублей. Строения продавались в большинстве случаев без осмотра и, соответственно, без составления технических расчетов, по приблизительной оценке работников управы. В результате этих действий некая госпожа Аксенова стала владелицей электростанции со всем оборудованием, а господин Васильев получил во владение гончарный завод[16].

Следственная комиссия, куда вошли представитель полиции и контролер городской управы, проверила правильность оценки двадцати пяти строений. Их осмотрели и установили действительную стоимость, с учетом размера износа и сохранности отдельных элементов зданий, по техническим нормам и ценникам 1932—1940 годов. При этом оказалось, что действительная стоимость этих объектов исчислялась в сумме 75 400 рублей.

Следствие установило случаи прямого злоупотребления со стороны должностных лиц, участвующих в совершении сделок. Выяснилось, что инженеры Дробницкий и Захаров произвели продажу городского имущества не по его действительной стоимости, а по приблизительной, явно заниженной. Все это стало возможным при активном участии городского головы Быкова, его заместителя Чурилова и завотделом снабжения Жуковского. Все они к началу этого разбирательства были освобождены от занимаемых должностей как не справившиеся с работой. Новоявленными капиталистами стали в большинстве случаев их родственники или друзья. Новый состав управы такое положение дел не устраивало.

По представлению полиции были признаны надлежащими аннулированию шесть сделок. 21 сделка оставлена в силе как неподдающаяся проверке из-за уничтожения объектов, по семи сделкам предлагалось потребовать доплату от покупателей по действительной стоимости незаконно приобретенных новыми русскими предпринимателями объектов.

Но заключение по этому делу было следующим: «Учитывая сложную обстановку военного времени, при которой протекала работа управы в первые месяцы после реорганизации, и принимая во внимание объяснение выше перечисленных работников о том, что они руководствовались стремлением предотвратить расхищение построек населением, полагаю нецелесообразным применять суровые меры взыскания. Оставляю данный вопрос на рассмотрение начальника округа. Вместе с тем нахожу, что, во всяком случае, материальный ущерб должен быть возмещен лицами, причинившими вред интересам города»[17].

Голод и нехватка продовольствия порождали страшные преступления. Так, бывший начальник Ржевской городской полиции Анисим Мироньков на допросе показал, что в декабре 1942 года его вместе с бургомистром Ржева Кузьминым вызвали в СД. На совещании присутствовал военный комендант города, который указал главе полиции, что его подчиненные плохо ведут наблюдение за базаром: только что задержана женщина, которая похищала детей, убивала их, а мясо продавала.

Преступницу помог разоблачить четырнадцатилетний подросток: «Он ходил по базару. Там женщина продавала конфеты-леденцы в виде трубочки, которые назывались "бом-бом". 10 марок штука. Он собирался уже купить, а женщина говорит: "Пойдем, мальчик, ко мне домой. Там продам дешевле". Пошли.

Пришли в дом у аптеки. Поднялись на второй этаж. Женщина сразу закрыла дверь. В этом он почувствовал что-то неладное. Увидел под кроватью куски мяса. Начал кричать. Немецкие патрули услышали его крик. Ворвались в комнату. Женщина бежала, но ее поймали...»[18]

После проведенного полицией расследования была задержана сообщница людоедки. Обеих женщин повесили на базаре. Казнь проводили заместитель начальника полиции И. М. Смирнов, который связывал преступницам руки веревкой, и начальник полиции А. Ф. Мироньков, который надевал петли. Кроме того, на экзекуции присутствовали бургомистр Кузьмин и представители немецкой комендатуры. Перед началом церемонии бургомистр произнес речь с призывом к населению выявлять лиц, подобных этих двум женщинам.

Разумеется, голод толкал людей на отчаянные поиски продовольствия. Но лишь окончательно потерявшие человеческий облик люди решались на людоедство[19].

К 1942 году оккупанты наладили поставку в полицейские участки различных бланков, отпечатанных в типографии. Это облегчало ведение их практической деятельности. Так, в бланке протокола допроса имелись следующие графы: фамилия, имя, отчество, национальность, пол, возраст, образование, партийность, отношение к воинской службе, репрессировался ли советской властью, словесный портрет, особые приметы.

Активизация партизанского движения заставила оккупантов искать новые формы организации полицейской службы, в первую очередь в деревнях. Весной 1942 года в центральных областях России публикуется «Положение о работе сельских дружин мира и порядка». В «дружину» призывали вступать всех мужчин старше восемнадцати лет, коренных жителей села. Основной целью данной организации было содействие тому, «чтобы каждая крестьянская семья добросовестно и с наилучшим результатом трудилась на своем земельном наделе, так как только упорный и разумный труд является основой благосостояния каждого семейства. Дружинники укрепляют в русских людях уверенность в будущем и сплачивают крестьян в их совместной работе под германским управлением»[20].

Достичь этой цели, по мнению оккупантов, можно было, оказывая активное содействие «доблестной германской армии», борясь с «подлыми сторонниками сталинской колхозной системы» — партизанами, охраняя свои села от проникновения в них «жидо-большевистских агентов» и «осуществляя общественный контроль за тем, чтобы все распоряжения германского управления и местных гражданских властей выполнялись точно, добросовестно и к сроку».

В дружину не могли приниматься «пьяницы, лентяи, взяточники, а также члены и кандидаты коммунистической партии и комсомола».

Одной из основных задач, поставленных оккупационными властями перед русской полицией, была поголовная паспортизация населения. Военный комендант Старой Руссы указывал, что «путем проведения поголовной паспортизации и регистрации населения будут дополнительно выявлены нежелательные элементы немцам, а также это облегчит работу полиции и жандармерии по розыску подозрительных лиц — партизан и советских разведчиков»[21].

В октябре 1942 года население Новгородского района получило от немцев годичные паспорта, называвшиеся временным удостоверением. Выдача проводилась согласно спискам, предоставляемым старостами деревень. Паспорта имели параллельные русские и немец-

кие тексты. Советские паспорта было приказано сдать. За выполнением этого приказа следили полицейские, и за его нарушение налагалось наказание в семь месяцев принудительных работ.

Начальники полицейских участков получили указание в кратчайшие сроки создать сеть доверительных людей, с помощью которых они должны были выявлять лиц, враждебно настроенных против немецких оккупантов. Для этой работы рекомендовалось привлекать родственников и знакомых[22].

В целом контроль за настроением населения и проведение различных пропагандистских акций осуществлялись немецкой администрацией по двум направлениям: через официальных служащих — полицейских, старост, агрономов, волостных старшин, учителей, сочувствующих им священнослужителей — и через тайных агентов-осведомителей. Последние официально не занимали никаких постов, и в их функции входил сбор информации о наличии и деятельности партизан и подпольщиков, а также «пропаганда шепотом»[23].

Тайные агенты, становясь секретными сотрудниками полиции, давали специальную подписку о своей будущей работе. Текст ее гласил: «Я... даю подписку русской полиции в том, что я добровольно обязуюсь давать сведения, направленные против германского командования и русского самоуправления, хранить в строжайшем секрете военную тайну, нести ответственность по законам военного времени»[24].

После выявления лиц, заподозренных в нелояльности нацистскому оккупационному режиму, полицейские производили их аресты и обыски и препровождали в жандармерию и военную комендатуру, предварительно проводя расследования по поступившим материалам. Для этих целей был создан следственный отдел горполиции. Комендатура и жандармерия, получив арестованного и материалы на него, решали его судьбу: его или расстреливали, или отправляли в лагерь, или освобождали[25].

О своей текущей работе руководство полиции ежедневно отчитывалось перед военной комендатурой, гестапо и бургомистром.

Гитлеровцы организовывали и другие вспомогательные полицейские силы под различными кодовыми названиями. На оккупированной территории Северного Кавказа существовали полицейские группы: «Гиви» (добровольная помощь), «Оди» (внутренняя служба), «Шума» (полицейские). Задача этих групп состояла в оказании содействия оккупационным органам. Группы «Гиви» следовали вместе с войсковыми частями, «Оди» использовались для охраны объектов на местах, «Шума» — для охраны хозяйственных объектов. Солдаты и офицеры вермахта не любили русских полицейских, чинили им всевозможные препятствия. Германское командование вынуждено было издать 8 февраля 1942 года специальный приказ, где указывалось: «Служащие регулярных германских вооруженных сил, виновные в проявлении несправедливых действий против "Гиви", "Оди" и "Шума", будут строго наказаны»[26].

Все эти группы были небольшими по численности и носили временный характер. На службу сюда никто не шел, задачи, поставленные перед полицейскими, выполнялись плохо. Гитлеровцы были вынуждены эти подразделения распустить.

В 1943 году, в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне, нацисты решили создать новую форму организации полицейских служб на оккупированной территории России. Согласно «Особому постановлению по полицейскому делу» структура и организационная работа полиции теперь должны были строиться следующим образом:

1. *Gemaind politcai* (волостная полиция).
2. *Ordnungedinst* (стража).
3. *Hifsordnngasdinst* (деревенская стража)[27].

К функциям волостной полиции было отнесено проведение в жизнь распоряжений районных начальников либо бургомистров, таких как взыскание установленных ими административных штрафов, надзор по делу регистрации и явки в волостях и пр. В ее личный состав входили один или два полицейских на каждую волость.

На городскую и сельскую стражу (службу охраны порядка) оккупанты возлагали следующие задачи:

а) уголовно-полицейские — пресечение и преследование всех уголовных проступков, а также охрана производственных объектов и складов;

б) государственно-полицейские — раскрытие и преследование всех действий и замыслов, направленных против германских интересов;

в) по охране общественного порядка — надзор за дисциплиной дорожного и уличного движения, охрана от пожаров, охрана дорог и населенных пунктов от нападений партизан, обеспечение проведения в жизнь хозяйственных задач, надзор за содержанием в чистоте улиц; в пределах более крупных населенных пунктов — караульная служба;

г) особые задачи — содействие войскам охранения либо непосредственная активная борьба против бандитов, воздушно-десантных войск и парашютистов под руководством местной комендатуры.

По мере расширения партизанского движения использование полицейских в борьбе с ними становилось все более неэффективным. Из-за участившихся случаев переходов на сторону участников сопротивления оккупантам и низкого боевого духа «полицаев» в 1943 году использовали в основном для проведения различных реквизиций у мирного населения. Так, 26 сотрудников солецкой гражданской полиции (Ленинградская область) за июль выполнили следующую работу: «Произведено санитарных обходов дворов и улиц — 2, изъято крупного рогатого скота от населения по распоряжению хозкомендатуры — 67 голов. Рассмотрено различных заявлений — 27, по мелким кражам, спорам об имуществе, подвергнуто аресту от 3 до 10 дней за кражи и драки 5 человек»[28].

Оккупанты перекладывали на русских полицейских выполнение самой грязной работы, в частности насильственных реквизиций у мирного населения. На выражение протеста представители тыловых служб вермахта «невинно» и возмущенно отвечали: «Вам нечего обижаться на немцев. Мы ничего не берем, а если у вас что забирают, так это ваши же русские»[29].

Городская полиция состояла из нескольких отделов с различными сферами деятельности. Так, во время ок-

купации города Орла в русскую полицию входило четыре отдела:

отдел «А» курировал полицейские участки, полицию при театре, при ремесленных производствах, следил за санитарным состоянием в городе, наблюдал за ценами на рынках;

в ведении отдела «Б» находились уголовные дела, проверка политической благонадежности. Он вел следствия по делам о растратах городскими служащими или рабочими;

паспортно-адресный стол носил название «Отдел "В"». К области его работы относились составление списков жителей, выдача временных удостоверений личности, свидетельств о поведении, паспортизация, контроль за приезжими и иногородними;

отдел «Г» занимался вопросами пожарной охраны[30].

Из газеты «Кубань»:

«Приказ № 95

Предупреждаю, что за пользование неисправными и незаконными измерительными приборами виновные лица будут привлекаться к ответственности — денежному штрафу до 5000 рублей или лишению свободы сроком до одного месяца.

Наблюдение за выполнением настоящего приказа возлагается на Управление мер и измерительных приборов и Городскую полицию.

Бургомистр города Краснодара Ляшевский».

Каждый день полицмейстер подавал рапорт о проделанной работе в военную комендатуру, гестапо и бургомистру. Так, например, согласно отчету за 15 февраля 1942 года, городская полиция Орла проделала следующую работу:

«1. Отправлено на трудовые работы 527 мужчин и 1010 женщин.

2. Выявление безработных мужчин и женщин и вручение повесток на штрафы за невыход на работы по снегоочистке.

3. Производился учет и регистрация телег и экипажей на колесах.

4. Общее наблюдение за соответствующим содержанием в чистоте улиц и домов.

5. Наблюдение за вывозкой мусора и разных нечистот с берега реки Оки.

6. Разбор жалоб граждан г. Орла по имущественно-бытовым вопросам.

7. Производилось дознание по делу Евсеева, обвиняемого в выписке заведомо неверных нарядов на работы в магазины №№ 1 и 2. По делу допрошены свидетели — Романов М. А., проживающий по Георгиевской улице, д. 43, и Савин И. В., проживающий по Ширококузнечной улице, д. 26.

8. Направлены в комендатуру 6 женщин, уклоняющихся от работ по снегоочистке.

9. Обычная утренняя регистрация работающих по снегоочистке.

10. Общее несение постовой службы»[31].

По распоряжению нацистов в полицейские органы в 1943 году принимались «в политическом смысле надежные добровольцы из числа мужчин коренного местного населения либо из числа отпущенных военнопленных». Набирались по возможности более молодые и холостые мужчины не моложе семнадцати лет. Практически во всех положениях о приеме на службу в полицию говорилось о том, что «бывшие комсомольцы и члены коммунистической партии не могут с оружием в руках защищать Россию в рядах русской полиции».

При вовлечении в полицейские формирования делалась ставка на тех людей, которые на протяжении длительного времени демонстрировали свою лояльность к немцам. Так, в характеристике, данной старшиной деревни Соловьевым гражданину Мечтанову, поступающему на работу в полицию, писалось: «Мечтанов Алексей, бывший военнопленный, два года работал кучером в немецкой части, нареканий не имел, в порочащих связях не замечен, и поэтому считаю, что может работать в Волотовской жандармерии, и любое поручение им будет выполнено»[32].

Полицейские формирования действовали на протяжении всего времени оккупации западных районов нашей страны. Их функции были весьма разнопла-

выми, но основой их деятельности являлась активная помощь вермахту и гестапо.

Советское сопротивление отлично понимало, что вооруженный полицейский, пользующийся доверием со стороны оккупационных властей, представляет серьезную опасность. Поэтому делалось все, чтобы наиболее активных пособников врага физически уничтожить или дискредитировать в глазах нацистов. Кроме этого, чекисты внедряли свою агентуру в полицейские аппараты, а также способствовали продвижению наших разведчиков к руководству в этих органах[33].

Среди работников полиции (особенно в 1943 году) широко распространялись листовки, отпечатанные типографским способом, с призывами переходить на сторону партизан. И под Псковом, и под Орлом текст их был почти одинаков: «Полицейские! Красная Армия скоро будет здесь. Смывайте с себя позорное пятно, искупайте вину перед Родиной, не бойтесь партизан, а бойтесь немцев. Они вас обманут. Не давайте немцам угонять ваш народ в Германию и увозить добро, срывайте мобилизацию, помогайте населению укрываться от нее, организуйте население — вы вооружены, защищайте население от расправ немецких, перебейте немецких холуев, вместе с населением и обозами приходите к нам, к партизанам. Если не сможете связаться с нами, действуйте самостоятельно. Смелее на подвиги во имя советской Родины!»[34]

Материалы, адресованные конкретным представителям «службы порядка», часто писались от руки, они обычно были обращены к жителям конкретных деревень и районов. В их написании принимали участие бывшие полицейские, перешедшие на сторону партизан. Их результативность была очень высока. Содержание данных прокламаций наиболее характерно выражено в воззвании «К молодежи Уторгошского района, поступившей в немецкую полицию». В начале ее полицаям напоминали о том, что и они когда-то были советскими людьми: «...Только поэтому мы в последний раз обращаемся к тебе». Далее писалось о том, что настоящий русский человек и патриот не может помогать грабить свою землю чужеземным захватчикам. Но «если тебе это нравится, то радуйся каждому прожитому тобой

дню: их осталось немного. Красная Армия и партизаны не щадят предателей!»[35].

Все листовки, обращенные к полицейским, обычно заканчивались словами: «Иди же к партизанам! Иди смело! Принеси оружие. Родина простит тебя, если сам придешь к ней!» Кроме этого, в конце прокламаций народные мстители часто публиковали списки казненных ими полицейских, активно сотрудничавших с фашистами.

Как позднее вспоминал комиссар пятой партизанской бригады Герой Советского Союза И. И. Сергунин, «с этими листовками к нам пришли сотни юношей, чтобы с оружием в руках вместе с нами бить фашистских извергов»[36].

По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны личный состав русской полиции оказался расколот. Часть сотрудников с оружием в руках перешла на сторону партизан, убежденные же противники советской власти вошли в состав РОА.

Оккупанты возлагали на создававшиеся полицейские службы весьма широкий круг задач. На первый взгляд некоторые из них — борьба с уголовными преступлениями, надзор за дисциплиной дорожного и уличного движения, обеспечение пожарной безопасности и некоторые другие — отвечали интересам мирного русского населения. Именно об этом писали многие члены «службы порядка» в последнее десятилетие XX века, объявляя себя «жертвами сталинского режима», добиваясь своей реабилитации.

Но нельзя забывать о том, что все эти функции, с одной стороны, являлись второстепенными в их деятельности, а с другой — в них были также заинтересованы и нацистские оккупационные службы.

При этом главным в работе полиции признавалось раскрытие и преследование всех действий и замыслов, направленных против германских интересов. Сотрудники полиции с оружием в руках принимали непосредственное участие в борьбе с партизанами и подпольщиками, помогали немецким военным комендатурам в охране производственных объектов и складов.

Большинство полицейских никак нельзя назвать идейными противниками советской власти. Некоторые люди были вовлечены обманом, но многие согласились надеть полицейские знаки отличия из-за сиюминутных, корыстных побуждений. Именно поэтому, как только наметился перелом в войне в пользу Советского Союза, они стали в массовом порядке переходить на сторону партизан, пытаясь таким образом искупить свою вину перед родиной.

Глава седьмая
А СУДЬИ КТО?

Виды судов. — Преступления и наказания. — Новые законы

Следует отметить, что в первые месяцы войны, рассчитывая на то, что план молниеносной войны с Советским Союзом будет в ближайшее время успешно доведен до конца, немецкие оккупанты не особо считались с мирным населением. Но если в прифронтовой полосе расправы над жителями совершались без какого-либо юридического оформления, то в более глубоком тылу оккупанты создали судебную систему. Гитлеровские суды носили чисто формальный характер, так как ими выносились приговоры, заранее намеченные нацистами.

В августе 1941 года рейхсминистр Восточных областей Альфред Розенберг издал указ о вынесении приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся оккупационным властям. В этом указе, в частности, говорилось: «Местное население обязано вести себя в соответствии с немецкими законами и приказами, изданными для них немецкими властями. Поскольку местные жители не являются немецкими подданными или лицами немецкой национальности, они подлежат... особому положению о наказаниях». В большинстве случаев наказанием могла быть либо смерть, либо каторга.

Указом устанавливалось, что «дела» советских граждан

рассматривают специальные суды. Если же такой «суд» не мог в короткий срок прибыть на место, то «дело» решалось немедленно в военно-полевом суде. В состав последнего, согласно указу, входили: председатель (командир батальона или командир отряда охранной полиции и выше) и два полицейских или эсэсовца. Военно-полевой суд практически выносил только два вида наказаний: смерть или заключение в концлагерь (вместо каторжной тюрьмы).

Уже в первые дни оккупации нацисты выработали свой стиль общения с русским населением. Он был весьма жестким. Военнообязанные, не вставшие на учет, объявлялись партизанами и подлежали расстрелу. Жителей сел и городов обязывали сдавать все оружие, а также «...имущество Красной Армии, поскольку оно является военным трофеем, кто похитит военное или чужое имущество, будет, как грабитель, тяжело наказан». В случае необнаружения виновных отвечали перед оккупантами все жители данной местности[1].

За хищение продовольствия и имущества, принадлежащего германской армии, обвиняемые присуждались к каторжным работам или к смертной казни. За прослушивание советских или английских радиопередач виновные приговаривались к трем—пяти годам каторги. За хранение оружия или боеприпасов «особые германские суды» приговаривали к казни и лишь в отдельных случаях — к каторжным работам.

В своих приказах и распоряжениях, обращенных к русскому населению в первые дни оккупации, нацисты прямо указывали, что за отсутствием судебных органов все споры решают представители «русской администрации» — старосты и бургомистры. Они должны были решать все дела, опираясь на свои собственные представления о справедливости. Но при совершении опасных преступлений староста вместе с понятыми был обязан доставлять виновного на расправу немецким властям.

Размах партизанского движения, неожиданный для агрессоров, а также неудачные попытки сломить его в первые месяцы жестоким массовым террором сделались для фашистских оккупационных органов, особенно после провала молниеносной войны, предметом величайшей заботы.

Некоторые представители немецких военных сил стали требовать изменения политико-пропагандистской тактики в отношении советского населения. Уже 13 декабря 1941 года начальник тыла сухопутных войск писал Розенбергу о том, что военное положение требует активного привлечения населения оккупированных советских областей на немецкую сторону[2].

С этим был полностью согласен рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс. В своем дневнике в середине 1942 года он сделал запись о том, что «в отдельных областях России целесообразно образовать марионеточные правительства, которые стали бы проводить в жизнь наиболее неприятные и непопулярные мероприятия. Тем самым был бы создан фасад, за которым стало бы легче маскировать свою политику».

В сложившихся условиях командование ряда частей вермахта, заинтересованное в стабильности своего тыла, зачастую стало проводить свою собственную оккупационную политику под ширмой «новых русских судов». При этом в распоряжениях Розенберга специально оговаривалось, что действительное руководство во всех вопросах должно находиться только в руках немцев.

Судьи, прокуроры, следователи, адвокаты и нотариусы допускались к работе исключительно после утверждения их кандидатур немецким командованием. Все они давали подписку о том, что «повинуются установленному порядку управления». Местный суд не вправе был судить немцев и не мог разбирать дела «по преступлениям, затрагивающим интересы германской империи».

Гражданские иски, в которых хотя бы одной из сторон являлся немец, местные суды могли рассматривать только при условии, что он давал на это согласие.

В крупных населенных пунктах суды находились в ведении городской управы. К функциям ее общего отдела, согласно немецкой инструкции, относились: «право, суд, адвокатура, нотариат, подданство, загс, снабжение населения продуктами питания...»[3]

Бургомистр, возглавлявший ее, являлся должностным и административным руководителем всех подчи-

ненных ему чиновников, организаций и учреждений. Он имел право накладывать административные взыскания на население подведомственного ему района. На допросе в НКГБ бургомистр Пскова В. М. Черепенькин заявил: «Да, я был председателем суда, председателем общества взаимопомощи, директором музея. Но на все эти работы я шел только из любви к русскому народу.

Занимая все эти должности, я был только русским для русских. Законы наши русские распространялись только на русских, немцы, проживавшие до этого в России, под эти законы не подпадали, и их судить мы не имели права. Председателем суда меня никто не избирал, я сам был назначен на эту должность согласно выпущенному немцами положению о судах. В суде рассматривались дела, за которые полагалось не более 3000 рублей штрафа. О принудительных работах, тюремном заключении наш суд не имел права выносить решения»[4].

Слова Черепенькина не соответствуют действительности. Уже в конце 1941 года в его распоряжение были предоставлены бланки «Распоряжений о наложении административного наказания». Заполнялись они на двух языках: немецком и русском. В них имелись следующие графы, касающиеся лиц, привлеченных к административной ответственности: фамилия и имя, профессия, адрес проживания, год и место рождения. Налагал административное наказание, согласно этим документам, городской голова (бургомистр) или волостной староста. Утверждал его местный военный комендант.

В качестве возможных наказаний указывались денежный штраф, арест и принудительные работы. Из сохранившихся «распоряжений», заверенных подписью Черепенькина, видно, что он налагал все возможные и разрешенные оккупантами наказания.

В соответствии с распоряжениями о наложении административных наказаний штрафы налагались по очень широкому кругу дел: за кражи, драки, нарушение комендантского часа, нарушение светомаскировки, задержку в выплате налогов, опоздание на совещание или собрание, проводившееся немцами и их пособниками, и за многое другое[5]. Но что считалось наиболее опасным?

Так, Ефросинья Павлова, рабочая, 26 февраля 1942 года была наказана денежным штрафом в размере двух тысяч рублей и принудительными работами на срок в четыре недели за то, что «дала своей сестре для продажи военные брюки галифе немецкого производства»[6]. Домохозяйка Анна Поташова отправилась на десять дней в тюрьму, предварительно заплатив штраф в 200 рублей за то, что без разрешения пользовалась электричеством[7]. Предприниматель Михаил Панков выложил три тысячи рублей за торговлю сахарином, а швея Екатерина Фомина— 300 рублей за покупку на рынке немецкого одеяла. Штрафы в 100 рублей полагались за «нарушение постановления городского управления об очистке», «продажу в небазарный день молока» и даже за «нарушение постановления комендатуры о пребывании в чужих квартирах в запрещенные часы». В качестве доказательства вины обычно выступало собственное признание. Как видно, наиболее сурово нацисты и их пособники наказывали за административные правонарушения, связанные со сделками по продаже немецкого военного имущества.

Следует отметить, что немцы, устанавливая в оккупированных ими городах и селах свой режим, особое внимание уделяли осуществлению контроля за населением.

Одной из функций общего отдела являлась перепись населения. Здесь его чиновники работали в тесном и постоянном контакте с полицией, как русской, так и немецкой. Так, в Феодосии был вывешен приказ за подписью руководства городской управы, в котором говорилось о том, что «за сокрытие и уничтожение домовых книг с целью сокрытия военнослужащих, работников органов НКВД и милиции виновные будут привлекаться к ответственности гестапо»[8].

Согласно инструкции № 184, изданной немецкой военной комендатурой Брянска, во всех оккупированных населенных пунктах вводился порядок, при котором:

«1. Местные органы власти обязаны доводить до сведения немецких комендатур списки всех лиц, не проживавших до 22 июня 1941 года в данной общине, о всех приезжих и обо всех, кто будет прибывать.

2. Городской голова, волостные старшины назнача-

ют в каждом доме доверенное лицо, в обязанности которого входит следить, чтобы в доме не проживали бы лица, о которых не заявлено.

3. Жители, желающие дать приют приезжающим, обязаны заявлять об этом городскому голове, а в селах — волостному старшине, указывая причины приезда.

4. Лица, дающие приют причастным к Красной Армии, или лицам, являющимся агентами советской разведки, подлежат расстрелу.

5. Все жители, до сведения которых дошли вести о заговорах против немецкой армии и распоряжениях, издаваемых немецкими властями о вредительских актах, саботаже, в особенности и о всякого рода покушениях, обязаны немедленно заявлять об этом в ближайшую немецкую воинскую часть. Упущение такого заявления карается смертной казнью. Имущество таких жителей уничтожается. Тем, кто сообщает о таких случаях, обещается вознаграждение в размере 5000 рублей»[9].

Таким образом, все действия, связанные с сопротивлением нацистскому оккупационному режиму, особо тяжкие уголовные преступления находились в ведении немецких военных властей и наказывались самым жесточайшим образом.

Следовательно, к ведению судов, находящихся под контролем русской коллаборационистской администрации, относились гражданские и маловажные уголовные дела. Как говорилось в положении о суде города Орла (1941 год), «суд призван служить интересам населения, защищать имущество и личность от всяких незаконных посягательств и гарантировать правопорядок в общении и бытовых отношениях»[10]. Так, Смоленский городской суд, начавший свою деятельность 29 октября 1941 года, за два месяца своей работы провел 12 судебных заседаний. За это время в суд поступило 39 дел. В процентном отношении эти дела разделялись следующим образом: об установлении отцовства и алиментах — 31 процент, о возвращении расхищенных вещей — 25,2 процента, о выселении из квартир —12,4 процента, о праве на спорное имущество — 7,6 процента, о взыскании квартирной платы — 7,6 процента, о заработной плате — 5 процентов[11].

Из газеты «Новый путь»:

«Чего хотела "левая нога" торговца Петрова

Для русского госпиталя у него купили три килограмма каустической соли, плату хозяин потребовал только немецкими деньгами, и врачам буквально по пфеннигам пришлось собирать нужные марки. Во второй раз госпиталю понадобились 29 килограммов той же соли. Но на этот раз у врачей не оказалось ни одного пфеннига. Маленький хозяин был неумолим.

— Никаких червонцев, хочу только марки!

Здесь будут опущены взывания к совести, морали, долгу русского человека по отношению к народу. Напрасно!

Врачи ушли ни с чем.

А когда появился представитель охраны и напомнил, что такое ведение торговли противоречит правилам, Петров спокойно уверял, что никаких, собственно, противоречий нет, а поскольку советская система (в том числе денежная) не авторитетна у населения, — прошу марки. В заключение эта беседа так разволновала марколюба, что он нанес ряд оскорблений в адрес охраны и посчитал разговор оконченным.

Но не считал этот разговор оконченным следователь, не мог считать оконченным потому, что: частная торговля не есть этакая автономия — "чего хочет моя левая нога". Извините, гражданин торговец, — прежде всего, интересы общие, интересы государства, а потом — свои.

Никому не позволено в служебное время оскорблять представителей охраны. Ведь перед этой организацией стоят огромные задачи создания порядка и борьбы со всякими нарушениями прав населения. Тот, кто не хочет или не может этого понять, мешает жить и работать своему городу, — должен быть сурово наказан.

И Петрова наказали.

И как бывает с маленькими детьми, которые нашалили и которых за это ведут в угол, — взрослый дядя Миша расплакался и, чтобы не встать коленками на горох, написал челобитную. В ней он всё объяснил "моей неопытностью в ведении торговых правил торговли",

об оскорблении охраны наивно сообщил: "Не понял, что это был помощник начальника охраны" и челобитную окончил словами: "Прошу извинить".

...Решительным почерком, синим карандашом, на последней странице этого дела значится резолюция:

— За нарушение правил торговли Петрова М. Д. оштрафовать на 1000 рублей.

Получил по заслугам!

В. Маноцков».

Для помощи населению в юридических вопросах образовывалась адвокатура. Особое предпочтение здесь отдавалось людям, получившим юридическое образование до революции.

Создавая новый суд, коллаборационисты всячески подчеркивали его гуманность по сравнению с советским судом. Как писала газета «Речь», выходившая в оккупированном немцами Орле, «этот суд резко отличается от судебной системы большевиков, имевшей целью создание многомиллионной армии заключенных в лагерях, бесплатных рабов, которыми жиды и коммунисты пользовались, как им хотелось... Санкция же статей, выработанных для нашего суда, имеет пределом 6 месяцев тюрьмы и 1000 рублей штрафа... Дела об убийствах, разбоях и ряд других политических дел неподсудны суду и регулируются положением военного времени»[12].

Ряд дел рассматривался одновременно в порядке и гражданского, и уголовного судопроизводства.

Материалы о работе судов широко и регулярно публиковались в коллаборационистской печати. Практически в каждом номере газеты имелась рубрика «Из зала суда». Так, например, в № 4 «Смоленского вестника» за 1941 год в корреспонденции «Получили по заслугам» сообщалось о супругах Варфоломеевых, укравших чужие вещи и понесших за это со стороны охраны города наказание в виде принудительных работ. По искам пострадавших было рассмотрено дело в порядке гражданского судопроизводства. Смоленский городской суд обязал Варфоломеевых похищенные вещи вернуть, а при невозможности возвращения их в натуре уплатить

пострадавшим стоимость этих вещей с возмещением понесенных последними судебных расходов[13].

Наиболее сурово наказывались деяния, прямо или косвенно связанные с невыполнением распоряжений немецких властей и их пособников. Так, в смоленской газете «Новый путь» за 7 декабря 1941 года в рубрике «Происшествия» сообщалось о том, что два гражданина были приговорены к 14 дням принудительных работ за самовольное оставление работы, на которую они были определены биржей труда. Здесь же давался материал о штрафе в 100 рублей (минимальная сумма для штрафа) за продажу мяса лошади, скончавшейся от болезни[14].

В прифронтовых районах, где была высокая концентрация войск противника, все без исключения уголовные дела находились в ведении германской военной администрации. Что касается гражданских дел, то, например, в городе Гатчине и Гатчинском районе (Ленинградская область) были созданы суды и примирительные камеры при городском голове и старшине волости. Судьи назначались военным комендантом, членов суда назначало городское военное управление. Постановления судебной коллегии по наиболее серьезным делам утверждались комендатурой, некоторые из них решением суда передавались для разбора в СД.

В условиях активизации партизанского движения нацисты стали широко привлекать к борьбе с народными мстителями различные коллаборационистские вооруженные подразделения. Не доверяя «русским полицейским» и желая держать их под жестким контролем, в мае 1942 года немецкие оккупационные власти издали приказ по группе армий «Центр», согласно которому «верховное командование германских вооруженных сил решило, чтобы всё местное население, выступившее на борьбу против большевиков с оружием, рассматривалось как войско, и в целях поддержания дисциплины было подчинено подсудности германскому военному суду. Одновременно подлежит подсудности военного суда германского командования и вся полиция. При совершении ими каких-либо преступлений судиться они будут по германским военным законам»[15].

Что касается законодательной базы, то в ряде мест-

ностей в судах использовались советские законы (если они не противоречили распоряжениям немецких властей). Те управы, которые имели штат юристов (или людей себя таковыми считавшими), издавали собственные кодексы. На оккупированной территории Северо-Запада РСФСР действовал «Псковский гражданский кодекс», сочиненный бургомистром Пскова Черепенькиным в 1942 году[16]. Заместитель начальника Смоленского окружного управления Н. Г. Никитин, выступая на торжественном собрании, посвященном «двухлетию освобождения Смоленского округа от большевиков», 15 июля 1943 года заявил: «...У нас уже утверждено положение о семейном праве. Утверждается уголовный кодекс»[17].

Из газеты «Новый путь»:

«Совещание районных мировых судей Смоленского района

8 октября состоялось совещание районных мировых судей Смоленского округа.

Совещание открыл заместитель начальника окружного управления Н. Г. Никитин. Он сказал, что по предложению немецкого командования у нас создано русское правосудие — мировое посредничество или, как население называет, мировые суды. От мировых судей требуется честная, добросовестная работа, чтобы народ был доволен правдивостью и беспристрастностью вынесенного решения. У нас должна торжествовать правда. Чтобы наши законы всюду были справедливыми, необходима помощь самих мировых судей в их создании и создании правил суда.

Выступивший затем начальник юридическо-правового отдела А. Н. Колесников отметил, что настоящее совещание мировых судей должно послужить своеобразным краткосрочным юридическим факультетом.

— Письменного закона пока еще нет, — говорит он, — поэтому мы должны соблюдать справедливость, отыскивая ее в своей душе. Мною составлен "Устав о наказаниях за преступление" и "Семейное право", но это лишь начало. Судьям необходимо руководствоваться своим чутким отношением к людям, судить правдой и справедливостью и помнить, что от этого зависит процветание отдельной личности и всего народа.

— Немецким командованием уже предложено урегулировать судебное производство, то есть организовать окружной суд, что сделано в Белоруссии. Отсюда видно, что наша работа имеет полную поддержку со стороны германского командования и что наше совещание пойдет на пользу.

Далее г. Колесников остановился на разборе распоряжения германского командования от 16 октября 1941 года о мировых посредничествах.

— Это распоряжение, — подчеркнул он, — должны знать все мировые судьи и применять его в жизнь.

На совещании был рассмотрен также ряд практически разрешенных и неразрешенных дел в том или ином решении ввиду запутанности имущественных вопросов, оставшихся в наследие от большевиков.

Далее г. Колесников дал исчерпывающие ответы на возбужденные судьями интересующие их моменты судопроизводства.

Выступившие мировые судьи отметили большое внимание к суду со стороны местных немецких властей — комендантов.

На этом первое совещание мировых судей Смоленского округа было закрыто.

Н. Васильев».

Некоторые коллаборационисты выдвигали предложения о возрождении российских дореволюционных законов.

В 1943 году, в условиях коренного перелома в войне и активизации сопротивления на оккупированных территориях России, нацисты предприняли попытку представить себя защитниками «Великих судебных уставов 1864 года». Жесточайшей критике с их стороны подверглась советская судебная система. При этом жителей запугивали тем, что в случае прихода Красной армии все население, «видевшее свободу», будет репрессировано. Служащие геббельсовского министерства пропаганды писали, что «большевистская система, система террора и насилия в области судопроизводства, создала ряд законов и положений, направленных исключительно на укрепление жидо-большевистского режима, на укреп-

ление власти кучки преступников, засевших в Кремле и распоряжающихся судьбами миллионов людей.

Большевистская юриспруденция ни в коей мере не защищает интересов народа. Наоборот, она направлена против них. Советский суд представляет собой учреждение насилия над человеческой личностью...»[18].

Рассматривая и анализируя организацию политических процессов в Советском Союзе в предвоенные годы, нацисты напоминали русскому населению о том, что в «СССР вопрос по обвинению в так называемой измене, контрреволюции и т. д. решался не в суде, а в управлениях НКВД или в партийных органах. Если в этих случаях и допускался разбор дела в суде, то суд выносил заранее приготовленный и санкционированный соответствующими инстанциями приговор.

Многие дела решались за закрытыми дверьми, без соблюдения судебно-процессуальных правил и положений.

Роль адвоката была фальсифицирована, и адвокат на суде из защитника превращался в обвинителя. Большая часть дел решалась вообще без адвоката».

Основной целью в деле реформы суда нацисты и русские коллаборационисты провозгласили «истинное привлечение всех честных граждан к суду»[19]. Во многом это делалось для расширения социальной базы противников советской власти. В конце 1941 года в Смоленске немецкое командование издало распоряжение об организации в городах и районах мирового посредничества или мировых судов.

Из газеты «Новый путь»:

«Организация мирового посредничества в районах

Еще в ноябре прошлого года Германским командованием издано распоряжение об организации в городах и районах мирового посредничества (мировых судов). Однако фактически посредническое разбирательство имущественных споров граждан было организовано только в небольшой части районов. В большинстве же районов имущественные споры граждан разрешал начальник района или даже волостной старшина в административном порядке, т. е. без всяких гаран-

тий, обеспечивающих интересы спорящих сторон: без затребования достаточных доказательств, иногда без вызова другой стороны, нередко наспех и т. д. Результатом такого разбирательства были часто необоснованность, а иногда даже несправедливость в разрешении спора, что могло вызвать законное недовольство населения.

В настоящее время, когда в г. Смоленске организовано и приступило к работе русское управление Смоленского округа, одним из первых его шагов явилось приведение в исполнение указанного выше распоряжения Германского командования об организации во всех районах округа мировых посреднических судов. Эти суды будут разбирать все имущественные споры граждан, а именно: споры, вытекающие из семейных отношений, из договоров займа, найма, купли-продажи, жилищные споры и т. д. Конечно, разработанных гражданских законов мы сейчас не имеем. Но в состав посреднического установления, кроме квалифицированного и опытного юриста, входят два солидных и благонадежных представителя местного населения. Им ставится в обязанность судить, руководствуясь их народным представлением о праве и справедливости.

Заявления о мировом посредничестве надо подавать в управление начальника района — лично или через волостную почту.

На разбирательство дела обе стороны будут вызываться повестками также через волостную почту. Дела будут разбираться публично и устно. В заседание надо представлять необходимые документы или свидетелей. Размер пошлины будет определяться председателем при вынесении решения. Жалобы на решения надо подавать через установление, вынесшее решение. Последнее должно направлять жалобы через Смоленское окружное управление в Смоленскую комендатуру.

Введение районных мировых посредничеств, конечно, не лишает волостных старшин права рассматривать имущественные споры между гражданами путем приведения сторон к мирному соглашению. Но если к

такому соглашению стороны привести не удается, волостной старшина должен тогда предложить им обратиться в районное управление».

<Без автора>

Каждый претендующий на должность мирового судьи был обязан заручиться рекомендациями от русских коллаборационистских, а лучше — немецких оккупационных властей и заполнить анкету. В ней должны были быть представлены следующие данные о:

1) фамилия, имя, отчество;
2) год и место рождения;
3) полученное образование;
4) характер работы до войны;
5) занимаемые должности после войны.

Кандидат должен был «являться благонадежным, иметь достаточное образование и возраст не моложе 30 лет». Особое предпочтение отдавалось учителям как людям, «хорошо знающим местную жизнь». Так, в Солецком районе Ленинградской области на эту должность был назначен 77-летний педагог (1865 года рождения), при нем числилось два заседателя, 66 и 68 лет[20].

Судье устанавливался оклад содержания размером тысяча рублей в месяц[21]. С 1 января 1943 года начали свою деятельность местные суды. Они создавались в каждом районе. Суд состоял из председателя и двух заседателей. Предполагалось, что председатель должен быть юристом по образованию. В роли заседателей выступали доверенные лица из населения. Рекомендовалось, чтобы заседателям было более пятидесяти лет, так как «люди старшего поколения сформировались до 1917 года и знают, что такое настоящая справедливость»[22].

Разбору и решению в местных судах подлежали гражданские дела, касающиеся трудовых взаимоотношений граждан, споров, вытекающих из различных договоров, наследственные и семейные дела. Там же рассматривались и мелкие уголовные преступления, но при условии, что они не направлены против интересов германской армии.

Специально оговаривалось, что ведению судов не подлежало рассмотрение претензий лиц, у которых

советскими властями было конфисковано какое-либо имущество. Обычно подобные проблемы возникали у эмигрантов, которые требовали вернуть имущество, конфискованное у них после 1917 года, в первую очередь земли. Эти вопросы подлежали рассмотрению германскими военными властями, «поскольку речь здесь идет не о правовых спорах, а об административных действиях большевистского правительства»[23].

Судебные сборы по гражданским делам составляли 5 процентов от исковой суммы, независимо от ее размера. За каждую выданную гражданам копию с документов, находящихся в судебных делах, бралось по два рубля[24].

Особое место в немецкой оккупационной политике играл Локотьский автономный округ, объединявший восемь районов Орловской и Курской областей с общим населением 581 тысяча человек. Созданный по инициативе командующего 2-й танковой армией вермахта генерал-полковника Рудольфа Шмидта, он обладал определенным «суверенитетом». Вся полнота исполнительной власти в округе была целиком возложена на русское самоуправление, а все немецкие войска были выведены за его пределы.

Данную политику немецкого генерала можно объяснить тем, что в этом районе активно действовали советские партизаны. Против них вермахтом использовались силы коллаборационистской РОНА под командованием Бронислава Каминского, который в Локотьском округе фактически был диктатором. Пытаясь провести в жизнь амбициозные мечты о своей особой роли в будущей «Новой России», он провел ряд реформ, в том числе и судебную.

Судебная система Локотьского округа была двухступенчатой. В качестве первой ступени выступали мировые суды. Они функционировали при волостных управах. К сфере их деятельности относились мелкие дела, связанные с взаимными тяжбами, самогоноварением и хулиганством. Выносимые судом наказания обычно предусматривали лишение свободы с исправительными работами сроком до шести месяцев и денежные штрафы до тысячи рублей. В качестве суда второй инстанции выступали уездные (районные) суды[25].

Судебные дела были открытыми, а нормативную базу составляли приказы обер-бургомистра Каминского и инструкции окружного юридического отдела.

Политические преступления находились в ведении военной коллегии Локотьского округа. К ним относились любые формы борьбы с оккупационным режимом, а также дезертирство из рядов РОНА.

Применялись следующие виды наказаний: смертная казнь через повешение или расстрел (для партизан), от трех до десяти лет тюрьмы — для лиц, оказывавших содействие народным мстителям, три года тюрьмы с конфискацией имущества или без нее — для дезертиров. Приговоренные к срокам заключения отбывали наказание в Локотьской окружной тюрьме. Особенно много было там отказавшихся служить в РОНА и «народной милиции». К ним также применялись и внесудебные репрессии — выселение из дома, взятие из семьи заложников и др.

К особо опасным преступлениям относилось и самогоноварение. Так, согласно приказу Б. Каминского «О борьбе с пьянством» (1942 год) полагалось:

1) все дела по пьянкам и самогонокурению рассматривать в трехдневный срок;

2) лиц, виновных в изготовлении самогона, и лиц, употребляющих его при исполнении служебных обязанностей, судить по статье 45, через военно-полевые суды, вплоть до расстрела виновных.

Пытаясь удержать население округа в повиновении и вместе с тем показать всем свою приверженность закону, каминцы провели несколько открытых судебных процессов над партизанами и подпольщиками. Так, в марте 1943 года были арестованы члены антифашистской организации Брасовского района Орловской области «За Родину». До июня 1943 года шло следствие. По некоторым архивным данным, для этого судебного процесса были подобраны двенадцать присяжных заседателей (естественно, из числа наиболее антисоветски настроенных граждан). На протяжении всех дней, пока шел процесс, коллаборационистская газета «Голос народа» публиковала отчеты о нем.

В газетах, а также партизанских донесениях в штаб партизанского движения, в частности, сообщалось:

«...Все подсудимые вели себя на суде исключительно гордо и достойно. Никто из них не просил пощады. Тон для всех подсудимых задал подпольной командир группы С. В. Васильев. В своем выступлении он говорил: "Русский народ до глубины души возмущает та обстановка, которую создали здесь немцы. Они покрыли всю Европу и оккупированные районы нашей страны концлагерями и виселицами. Мы боролись за свободу и независимость, мы боролись за свой народ и не просим у вас пощады". Героически вел себя на суде также Фирсов Анатолий Андреевич, которому Каминский задал вопрос: "За что вы боролись?" Фирсов ответил: "За русский народ, за нашу Родину". Тогда Каминский в ярости закричал: "Дурак, твоя Родина село Заловкино, вот иди туда и борись!" Товарищ Фирсов на это громогласно объявил: "Сам ты ни черта не разбираешься, что такое Родина. Твоя родина — Польша. Вот туда иди сам и борись, а здесь нечего околачиваться!" Через некоторое время задал еще вопрос. Фирсов, не оборачиваясь, начал на него отвечать членам суда. Судья сделал замечание, говоря, чтобы Фирсов отвечал, и обернулся в зал к Каминскому. Фирсов махнул рукой в сторону зала и говорит: "Подумаешь, всякие тут будут задавать вопросы, а я им должен отвечать. Я подсудимый и отвечаю суду"»[26].

Всего по делу подпольной организации «За Родину» было арестовано около двухсот человек. Многих из них каминцы расстреляли. Но их мужественное поведение на суде оказало огромное влияние на настроение мирного населения, солдат «русско-немецких войск» округа.

Создавая судебную систему при «новой русской администрации», оккупанты преследовали в немалой степени пропагандистские цели. Нацисты рассчитывали таким образом добиться стабильности в своем тылу, переложив часть репрессивных функций непосредственно на само русское население. Рассуждения о негуманности советских правоохранительных органов противопоставлялись «немецкому порядку».

Однако попытки представить гитлеровцев наследниками «Великих судебных Уставов 1864 года» были изначально обречены на провал. Население на оккупированной территории России отлично видело, что

наказания за наиболее серьезные, с нацистской точки зрения, преступления целиком и полностью находятся в компетенции захватчиков. В ведении судов, формально подчинявшихся коллаборационистской администрации, находились лишь маловажные преступления и проступки.

Там же, где предпринимались попытки изобразить полную независимость «русских судей» (и даже «судов присяжных») от немецкой администрации, приговоры представителям советского сопротивления были предопределены изначально. Мирное население не верило в справедливость этих судебных учреждений, считая их марионетками нацистских оккупационных властей.

Глава восьмая

АРИЙЦЫ И УНТЕРМЕНШИ

Нацистская национальная политика. — Школа «чистоты нации». — Холокост. — Жители Прибалтики, славяне и татары

Проблемам расовой чистоты и необходимости бороться за нее посвящена одиннадцатая глава первой части «Mein Kampf» Адольфа Гитлера. Она называется «Народ и раса». «Вершина человеческой культуры» — арийцы противопоставлялись «стае голодных крыс» — евреям. Все остальные народы занимали в этой расистской пирамиде различное место. В зависимости от него кого-то предполагалось ассимилировать, а кто-то подлежал частичному или полному уничтожению.

20 июня 1941 года Альфред Розенберг заявил: «Россия никогда не была национальным государством, а всегда являлась государством многонациональным... Все народы оставались враждебными русским... Задача нашей внешней политики представляется мне следующей: в разумном и целенаправленном виде учесть стремление к свободе всех этих народов и облечь их в определенную форму государственности. Это значит: на огромной территории Советского Союза органически на-

резать государственные образования и настроить их против Москвы, чтобы на ближайшие столетия освободить германский рейх от дурного давления с Востока»[1]. Однако большинство нацистских бонз отрицательно относились к идеям о каких-либо независимых национальных государствах на территории покоренного Третьим рейхом Советского Союза.

Многонациональный характер населения Советского Союза в предвоенных планах нацистов оценивался чаще всего лишь с той точки зрения, что межнациональные противоречия в СССР настолько велики, что он представляет собой «колосс на глиняных ногах». В условиях подготовки плана молниеносной войны никакой серьезной и продуманной политики по отношению к различным народам России не планировалось. Если и готовились какие-либо планы, то они касались полного или частичного уничтожения «недочеловеков», в первую очередь евреев и цыган.

Одной из форм деятельности немецко-фашистской оккупационной политики было разделение населения по национальному признаку. Исходя из теории расового превосходства немцев над другими народами, в Третьем рейхе сформировалась своего рода школа «чистоты нации». Но она не была постоянной. По мере изменения военной и политической конъюнктуры ту или иную нацию могли признать «расово чистой» и наоборот. В целом, эта политика была подчинена успешному исполнению планов германского командования на каком-либо конкретном этапе войны. Деятельность пропагандистских служб осложнялась тем, что интересы народов Европы, с одной стороны, расходились с интересами Германии, а с другой — с интересами жителей определенных государств. Ведомство Геббельса на протяжении всей войны пыталось использовать малейший повод для разъединения борющихся с нацизмом сил по «национальным квартирам».

Общеизвестно, что в национал-социалистической идеологии многие народы относились к категории «Untermensch» (недочеловек). Впервые в Германии этот термин употребил 6 августа 1941 года Густав Херберт в нацистском официозе «Volkischer Beobachter». Пропа-

гандистская машина рейха описывала «недочеловеков» как «ненавидящих европейскую цивилизацию славяно-монгольскую смесь народов».

Вершиной этого «крестового похода цивилизованной Европы за чистоту нации» стало издание образовательным отделом СС в 1942 году иллюстрированной брошюры «Унтерменш». Эта расистская брошюра была направлена на разжигание ненависти ко всем народам на востоке. Рассуждения о «славяно-татарской гидре с еврейскими головами», о «гуннских ордах», о «раскосых глазах, которые горят жаждой убийства» вызывали негативную реакцию не только среди прагматично настроенных немецких пропагандистов (последние возмущались, что после ознакомления русских с подобной печатной продукцией результат их работы сводится к нулю), но и у крупнейшего азиатского союзника рейха — Японии.

Шеф имперской безопасности Гейдрих 17 июля 1941 года подписал так называемый «Оперативный приказ № 8», в котором предусматривались «чистки от нежелательного элемента». Их должны были проводить «айнзатцкоманды» — группы из четырех—шести человек, состоящие из представителей службы безопасности и гестапо. Под «нежелательным элементом» имелись в виду евреи, политические и административные работники.

На специальных построениях в лагерях военнопленных спрашивали о их национальности. Русских выстраивали в одну колонну, украинцев — в другую, татар и кавказцев — в третью и т. д. Евреи в первые же дни были отделены от основной массы пленных и уничтожены — расстреляны, замучены[2].

В сентябре 1941 года на одном из совещаний военного руководства, которое рассматривало вопросы обращения с военнопленными, Отто Бройтигам, офицер связи Восточного министерства при Верховном главнокомандовании вермахта, жаловался, что «айнзатцкоманды» часто уничтожали всех «обрезанных» военнопленных, принимая их за евреев. Присутствующий при этом небезызвестный шеф гестапо Генрих Мюллер заявил, что он впервые слышит, что мусульмане практикуют обычай обрезания[3].

С лета 1941 года на оккупированной территории России начался процесс создания немецких структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков», но при этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», то есть Прибалтики и Украины[4]. Немецкие пропагандистские службы отмечали, что люди со стороны, не имеющие никаких связей в данном регионе, смогут более успешно проводить политику установления «нового порядка». Кадры обычно набирались путем освобождения военнопленных из национальных меньшинств. Предварительно все они подвергались тщательной проверке на лояльность нацистам.

Игра на национальных чувствах местного населения была присуща не только нацистам, но и их союзникам. Так, в газете «Острогожский листок» (Воронежская область) был помещен материал за подписью «венгерского поручика С. Степановича» под названием «Братья — русские!». Автор аргументировал тезис о «братстве» мадьярских оккупантов с русским народом так: «Мы, венгры, родом из Азии. Наши народные обычаи, песни, танцы — сходны с вашими. Мы понимаем вас»[5].

Одна из трагических страниц Великой Отечественной войны — судьба еврейского населения. Адольф Гитлер, у которого ненависть к евреям носила патологический характер, видел в евреях особый класс, который фактически господствовал в СССР. Он утверждал, что коммунистическая идеология и Советский Союз как объект реализации данной идеологии являются лишь орудием в руках евреев, готовящихся к захвату всего мира.

30 января 1939 года, за полгода до начала Второй мировой войны, Гитлер в одной из своих речей говорил: «Если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»[6]. Здесь — основа взглядов Гитлера: большевизм и еврейство есть одно целое. И то и другое является врагом Германии и подлежит уничтожению.

Летне-осенняя военная кампания 1941 года не внесла каких-либо серьезных изменений в формулировки оккупационных средств массовой информации по национальному вопросу. Перспектива «возрождения» как России, так и русского народа связывалась лишь с победой Германии в этой войне[7]. Один из лозунгов 1941 года, обращенных нацистами и к населению занятых областей России, гласил: «Жиды — это наше несчастье!»

Еврейскую нацию обвиняли в том, что:

1) эта война была развязана по ее инициативе;

2) она является нацией-паразитом, живущей за счет других;

3) евреи, захватив власть в России, создали советскую тюрьму народов.

Вывод из всего этого однозначно делался следующий: «Конец жидам — это будет конец войне»[8].

Геноцид против евреев нацисты могли осуществлять лишь при содействии или хотя бы при сочувственном отношении к этим акциям со стороны местного населения. Поэтому не было ни одного направления в идеологическом воздействии на жителей России, оказавшихся под немецкой оккупацией, в котором бы не присутствовали антисемитские сюжеты. Основная задача этой политики заключалась в том, чтобы доказать: у немцев и русских есть общий враг — евреи. В псковской газете «За Родину» в течение всех лет оккупации существовала рубрика «Беседы с Домной Евстигнеевной», где носителем исконной народной мудрости выступала деревенская богобоязненная старушка. Из номера в номер в ее уста коллаборационистскими журналистами вкладывались следующие мысли: «Потерял народ наш разум, когда жидовских вшей себе за шиворот пустил. Вот они его и объели. Ну, да война выучит, жидовскую храбрость мы знаем. Немец ему в печенку въелся, вот он русский народ и гонит на убой за свои жидовские интересы»[9].

Истребление еврейского населения на оккупированной территории России началось с первого дня прихода немцев и не прекращалось вплоть до их изгнания. Рассматривая «еврейский вопрос» с немецкой пунктуальностью, нацисты выработали целый комплекс различных законов, распространив их действие с террито-

рии Третьего рейха на все оккупированные вермахтом территории.

До начала XX века в большинстве европейских стран евреем считался человек, исповедовавший иудаизм. Такое правило было и в Российской империи. При крещении иудеи приобретали все права, которыми обладали христиане. Против такой практики в «Mein Kampf» гневно выступил Гитлер: «Еврей охотно пойдет на это. Представители церкви будут радоваться по поводу нового завоеванного сына церкви, а сам этот "сын" — об удавшемся гешефте».

В первые дни оккупации для населения вышло специальное распоряжение, согласно которому евреем считался тот, кто происходил, по меньшей мере, от трех дедушек или бабушек, которые в расовом отношении являлись чистокровными евреями. К евреям относились и те, кто происходил от одного или двух дедушек или бабушек, чистокровных евреев, а также тот, кто а) принадлежал к еврейской религиозной общине; б) на 22 июня 1941 года или позже состоял в зарегистрированном или незарегистрированном браке с евреем или еврейкой.

В случае сомнения нацисты сами решали по своему усмотрению, кто является евреем, опираясь на эти директивы.

Немецкое военное командование при участии союзного населения должно было немедленно обеспечить следующее:

«а) евреи в соответствии с приказом должны зарегистрироваться: сообщить фамилию, пол, возраст и адрес. Источником сведений для регистрации могут служить записи еврейской общины, а также сообщения надежных местных жителей;

б) должно быть издано распоряжение о ношении евреями постоянных и ясно различимых опознавательных знаков — желтых шестиконечных звезд, по меньшей мере 10 см в поперечнике, на левой стороне груди и на середине спины;

в) евреям запрещается:

1. Выезжать из своей местности или менять место жительства без разрешения гебитскомиссара или штадтскомиссара.

2. Пользоваться тротуарами, общественным транспортом, автомобилями.

3. Пользоваться местами и заведениями отдыха (курорты и плавательные бассейны, парки и парковые зоны, игровые и спортивные площадки).

4. Посещать театры, кинотеатры, библиотеки и музеи.

5. Посещать школы любого типа.

6. Владеть автомобилями и радиоприемниками.

7. Производить кошерный забой скота»[10].

Согласно новым распоряжениям еврейские врачи и дантисты могли лечить или консультировать только еврейских пациентов. Еврейским аптекарям разрешалось заниматься своей профессией только в гетто и лагерях в той мере, в какой в них ощущалась потребность. Еврейским ветеринарам запрещалось заниматься своей профессией.

Также был издан список «запрета на профессии для лиц еврейской национальности». К ним относились:

1) адвокатура;

2) банковская деятельность и обменные операции, ростовщичество;

3) посредничество и организация агентств;

4) торговля недвижимостью;

5) торговля вразнос.

Имущество, принадлежащее евреям, подлежало конфискации. В первую очередь изымались:

а) местные денежные знаки и иностранная валюта;

б) ценные бумаги;

в) ценности всякого рода (монеты, золотые и серебряные слитки, другие драгоценные металлы, ювелирные изделия, драгоценные камни и т. п.).

Для поддержания своего существования еврейское население могло сохранить предметы домашнего обихода для удовлетворения минимальных потребностей (мебель, одежда, постельное белье); сумму денег из расчета 0,2 рейхсмарки (2 рубля) на каждого еврея — члена семьи в день.

Для обеспечения жесткого контроля за еврейским населением в директивах германского командования выдвигались следующие требования:

а) сельская местность должна быть очищена от евреев;

б) евреи должны быть удалены из всех видов торговли, особенно из торговли сельскохозяйственными продуктами и продовольствием;

в) евреям должно быть запрещено проживание в местностях, имеющих экономическое, военное или идеологическое значение, а также в курортных местностях;

г) насколько возможно, евреи должны быть сконцентрированы в городах или в районах больших городов, население которых и прежде было преимущественно еврейским. В них должны быть созданы гетто, и евреям должно быть запрещено покидать эти гетто.

На оккупированной территории России наиболее крупное гетто было образовано в Смоленске. В некоторых городах, например в Орле, евреев поселяли в дома, находящиеся в разных районах города. Но во всех случаях они находились под постоянным контролем со стороны нацистов и их пособников.

Находившиеся в гетто люди могли получать лишь столько продуктов, сколько могло им выделить остальное население, но не более, чем было необходимо для поддержания их существования. Жители гетто улаживали свои внутренние дела при помощи собственных органов управления. Всякий, желавший пройти на территорию гетто, предварительно получал на это разрешение от германских властей.

В первое время трудоспособные евреи привлекались к принудительным работам. При этом специально оговаривалось, что «оплата труда не должна соответствовать выработке, но лишь поддерживать существование работника и нетрудоспособных членов его семьи с учетом и других средств, имеющихся в его распоряжении».

Полная изоляция гетто обеспечивалась русской полицией, набранной из местного населения. Часто именно полицейские по приказу нацистов выполняли самую грязную работу. Так как город Старая Русса в 1941 году находился в прифронтовой зоне, «окончательное решение еврейского вопроса» планировалось провести в самые сжатые сроки. Евреи, жители города Старая Рус-

са, в октябре были все одновременно арестованы. Аресты проводила немецкая жандармерия при активном участии русской полиции. В декабре все арестованные были расстреляны. Все их вещи конфисковывались в пользу оккупантов, однако часть из них была позднее передана городской управе для поощрения наиболее активных работников[11].

Помня слова фюрера о том, что «евреи являются крысами», в некоторых местах их уничтожали под видом «дезинфекции». Так, в сентябре 1941 года в гетто Невеля немецкие врачи установили вспышку чесотки. Во избежание дальнейшего заражения были расстреляны 640 евреев, а их дома сожжены[12].

В Смоленске в конце июля 1941 года комендант города фон Швец издал распоряжение о создании гетто. Для этого выделялся район «Садки». Все русское население, проживавшее там, должно было переселиться в другие части города. На их место под конвоем немецких жандармов пригоняли евреев. Люди при этом подвергались всяческим оскорблениям и унижениям. Им не давали транспорта, и они должны были перевозить на ручных тележках и переносить на руках свой скарб. На переселение выделялся только один день — 3 августа 1941 года.

Старостой (или старшиной гетто) комендатура назначила известного в Смоленске дантиста доктора Пайсона. В беседах с русскими людьми, которые хоть как-то пытались помочь попавшим в беду землякам, он неоднократно жаловался на то, что осознает малую вероятность благополучного исхода для узников гетто.

Но не все смоляне сочувственно относились к узникам гетто. Так, главный врач при Смоленском городском управлении К. Е. Ефимов издал приказ, согласно которому все медицинские работники при осмотре больных должны были указывать в карточках: «наличествует крайняя плоть» или «отсутствует крайняя плоть». Второй диагноз означал, что обследуемый человек является евреем. Об этом факте следовало немедленно сообщать в соответствующие немецкие органы[13].

Доносили и рядовые граждане. Так, доктор В. С. Раевский рассказывал своим знакомым: «Видя, что от меня

может ускользнуть перспективная должность врача-венеролога, я, будучи у штабного врача немецкой комендатуры Дезе, проинформировал его о своих познаниях в области венерологии и тогда же отрицательно отозвался о заведующей кожно-венерологическим диспансером Анне Захаревич, сказал Дезе, что она еврейка». Врача А. И. Захаревич после этого отстранили от работы и отправили в гетто, где она вскоре была расстреляна. Арестованный летом 1944 года советскими органами государственной безопасности Раевский заявил на допросе: «Рассказав Дезе о Захаревич как о еврейке, я цели предательства Захаревич не преследовал. В данном случае я просто хотел обеспечить себе работу по специальности»[14].

На гетто нацисты наложили специальные налоги. По ним еврейское население должно было снабжать солдат вермахта теплой, особенно меховой, одеждой. Поборы велись немецкими жандармами и русскими полицейскими с неописуемой грубостью. Очень часто одежда срывалась прямо с людей, которых избивали. Причем фашистов и их пособников нисколько не интересовало, кто перед ними — женщина, старик или ребенок.

Ни один из узников гетто не имел права на продовольственный паек. На вопрос доктора Пайсона: «Как нам кормить наши семьи?» — комендант города ответил, что подобные мелочи его не интересуют[15].

Что касается работоспособных, то они, занятые на разборке и уборке улиц, с ноября 1941 года стали получать скудный хлебный паек — 200 граммов хлеба. Иногда им давали баланду. Все евреи носили на рукавах желтые звезды Давида. За разговоры с русскими их жестоко избивали. В июне 1942 года бургомистр города Меньшагин приказал евреям принести в городскую управу семь тысяч рублей золотом[16].

Акции по уничтожению еврейского населения обычно начинались с широкомасштабной пропагандистской обработки населения. Людям внушалась мысль, что евреи являются абсолютным злом, что они паразиты на теле других народов, что они на протяжении последних десятилетий унижали и порабощали простого русского человека.

Из газеты «Новый путь»:

«Жид правит в Москве

"Когда начнется, так сказать, всеобщее окисление, прибудет много жида и начнется жидовское царство" (Ф. М. Достоевский).

Поздняя осень в Москве. 1940 год. Я иду по Страстному бульвару. Резкий ветер срывает с лип последние листья и гонит их по улице. В наступающих сумерках особенно грязными кажутся давно не ремонтированные уродливые кубы домов. Невысокие клочкообразные облака наводят тоску и уныние.

Около памятника Пушкина сворачиваю на Тверскую и иду по направлению к "Гастроному № 1". На минуту задерживаюсь около газетного киоска и спрашиваю, была или нет "Вечерка". "Вечерки" часто не было. Киоскерша настойчиво предлагает купить "Большевик", "Спутник агитатора" или, по крайней мере, журнал "Партийное строительство", кипами валяющиеся на прилавке. Я быстро спрашиваю, кому нужны эти грязные, рекордно лживые листки?

Около "Гастронома № 1" я вижу женщину в старом, заплатанном крестьянском полушубке с грудным ребенком на руках; рядом с ним сиротливо жмется к стене мальчик лет восьми в драном, вероятно, отцовском, пиджачишке, с длинными космами давно не мытых и не чесаных волос, красными от холода маленькими ушами. У ног мальчика лежит грязная кепка и в ней несколько медяков. Мальчик плачет, дрожа от холода. Сквозь частую зубную дрожь до меня доносятся слова:

— Граждане, пожертвуйте, кто сколько может.

В этот момент из дверей магазина медленно выплывает жирная жидовка в дорогом каракулевом манто, держащая в руках пакет, перевязанный розовой ленточкой. За Хайкой семенит кривыми ножками десятилетний Мойша. На ходу Мойша чистит апельсин. Увлеченный процедурой чистки апельсина, Мойша натыкается на крестьянского мальчика, падает и топчет ногами его кепку: медяки со звоном рассыпаются по грязному тротуару. Хайка истерически взвизгивает:

— Мишель, иди сюда. Дай, я тебя отряхну. Сколько раз я тебе говорила: будь осторожен, ведь от соприкосновения с этими грязными мальчишками можно получить любую заразу. Ой, не дай бог, на тебя нападет чесотка или лишай!

Пока Хайка старательно отряхивает пальто Мойши, он медленно жует толстыми губами апельсиновую дольку, роняя на тротуар корки. Затем Хайка и Мойша удаляются.

Мальчик-нищий, успевший подобрать медяки, наклоняется, схватывает апельсинную корку, разрывает ее пополам, засовывая одну половину себе в рот, а другую отдавая матери. Женщина автоматически откусывает кусок апельсинной корки, жует ее, смотря на прохожих своими глубокими, полными скорби и отчаяния глазами. О, эти глаза русской женщины, в которых читаешь и боль, и мучение, и страдание, и покорность жестокой судьбе.

Сердце мое наполняется страшной горечью и обидой, кровь стучит в жилах. Вот она передо мной, растерзанная и нищая, разоренная колхозами — дьявольской жидовской выдумкой — русская женщина, обреченная со своими малолетними детьми на голод и нужду. И кто же выбросил ее на улицу, кто заставил ее подбирать апельсинные корки, роняемые прохожими, чтобы не умереть от голода в социалистическом раю рабочих и крестьян.

Милая русская женщина! Я знаю, что сердце твое чует правду; ты знаешь, что виновником всех твоих бед и несчастий является жид, завладевший Россией, жид, разоривший деревню и обрекший ее на вымирание, жид, сковавший рабочих сатанинской стахановской цепью, жид, обрекший служащих на вечное дрожание перед часовой стрелкой. Но ты, как и я, не можешь сказать ни слова громко о жиде, ибо тотчас налетят всякие Мойши и Борухи, схватят тебя, разлучат с детьми и сгноят вас в сибирской тайге.

Великим провидцем был Федор Михайлович Достоевский, когда писал следующие строки:

"Ну, что, если бы это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы восемьдесят мил-

лионов — ну, во что превратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они сравняться им с собой в правах? Дали бы молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем?" ("Дневник писателя", стр. 93).

И вот на наших глазах произошло страшное дело. Кучка жидов, воспользовавшись смутой в октябре 1917 года, захватила в России власть, выпустила своих соплеменников из тюрем и, омочив белые полотнища в крови русских рабочих и крестьян, стала беспощадно истреблять мирных русских граждан. Жидовские громилы, распевавшие песню "Швобода, швобода для всего народа", врывались в квартиры ничем не повинных русских людей и вырезали целые семьи.

В столице советской Иудеи — Москве к 1941 году количество жидов увеличилось в пять раз против 1926 года и превысило полмиллиона человек. За 45 лет количество жидовского населения в Москве возросло почти в 80 раз. Завладев сердцем России, жиды превратили первопрестольную столицу в город грязных гешефтмахеров. Они осквернили русскую святыню — Кремль, воздвигнув на башнях кровавые звезды — символ жидовского владычества над миром.

Величайший памятник русского религиозного зодчества — Храм Христа Спасителя был снесен по жидовскому приказу с тем, чтобы на его месте построить дворец советов — вавилонскую башню, к которой, по мысли жидов, должны были стекаться "гои" со всего мира для поклонения статуе Ленина.

Кто сидит сейчас в кремлевских дворцах? Кто посылает миллионы русских рабочих и крестьян на верную линию гибели, организованную германским командованием? Кто заинтересован в дальнейшем продолжении войны и пролитии русской крови?

Жиды и только жиды! Безумный Джугашвили-Сталин, задумавший со своим тестем Лазарем Кагановичем и другими жидами — Мехлисом, Литвиновым, Финкельштейном и с Молотовым, женатым на еврейке Жемчужиной — покорить весь мир, мобилизует всех лиц мужского пола от 14 до 55 лет и посылает их в кровавую мясорубку. Им наплевать на то, что в совет-

ской России народ гибнет от голода, что сотни тысяч бездомных и лишенных крова русских женщин и детей умирают в снежных степях Поволжья и Урала. Для непокорных и сопротивляющихся ожидовевший НКВД имеет свинец и тюрьмы. Жиды, напротив того, радуются, чем больше гибнет на фронтах русских людей, тем для них лучше: ведь своих Мойш и Хаймов они приберегают в тылу. Спросите пленных, видели ли они когда-нибудь хоть одного жида в окопе? Таких случаев почти не бывало. Правда, встречаются жиды-политкомиссары, но те никогда не появляются на передовых позициях, а чинят суд и расправу за несколько километров от линии огня.

В то время, как русские люди, подстегиваемые плеткой жида-политкомиссара, умирают "за швободу для всего народа", Мойши и Хаимы спокойно сидят в московских ресторанах и поднимают бокалы с шампанским "за победу великого русского оружия".

И. Горский».

15 июля 1942 года Смоленское гетто было ликвидировано. Этой акцией руководил заместитель бургомистра Гандзюк (член партии НТСНП). 1200 человек (по другим данным — две тысячи)[17] были уничтожены различными способами — расстреляны, забиты насмерть, отравлены газами. Детей сажали в автомашины отдельно от родителей и увозили, применяя к ним газы. Взрослых отвозили в деревню Магдаленщина Смоленского района, где заранее были вырыты ямы. Людей в них толкали живыми, затем расстреливали. Наибольшую активность при этом проявлял полицейский Тимофей Тищенко. Он возил узников гетто на расстрел, снимал с них одежду и распределял ее среди своих работников. За одежду, снятую с убитых, получал водку и продукты. Через месяц газета «Новый путь» поместила о нем материал «Образцовый страж порядка»[18].

Всех жителей города потрясло это варварство. Многие из тех, кто относился к немцам без ненависти и изначально поддался антисемитской пропаганде, сделались убежденными противниками фашистских порядков.

Как уже отмечалось, на советской территории оккупационные немецкие власти считали евреем и уничтожали тех, у кого один из родителей был евреем. Детей, родившихся от смешанных браков, силой отбирали у матерей и уничтожали. В Смоленском округе в марте—апреле 1943 года была проведена акция против детей, родившихся от смешанных браков. Русских матерей уничтожали вместе с детьми. Местному населению объяснялось, что смешение славянской и еврейской крови дает «самые ядовитые и опасные всходы»[19].

В 1942 году немецкая армия, захватив территории на юге России и в Крыму, немедленно уничтожила местных евреев, а также беженцев из западных районов, не успевших эвакуироваться. Приказом военного коменданта города Кисловодска от 9 сентября 1942 года две тысячи евреев были вывезены поездом на станцию Минеральные Воды и расстреляны. Там же ликвидировали доставленных поездами евреев из Пятигорска и Ессентуков. Всего в Минеральных Водах было убито шесть тысяч евреев. В Ростове-на-Дону, захваченном немцами вторично в конце июля 1942 года, 11 августа 1942 года было уничтожено все еврейское население города. По данным горсовета, за время оккупации, по 13 февраля 1943 года, в Ростове-на-Дону было убито 15—16 тысяч евреев. После 11 августа 1942 года немцы при ликвидации ростовских евреев иногда применяли душегубки. Евреи Ставрополья были убиты 15 августа 1942 года. Керчь была оккупирована 15 мая 1942 года, и спустя несколько дней там было расстреляно около двух тысяч евреев. В Крыму немцы убивали не только евреев, но и крымчаков, которых отождествляли с евреями, однако не трогали караимов, полагая, что по расовому происхождению они не евреи. На Северном Кавказе пострадали лишь немногие из проживавших там горских евреев, ибо оккупация продолжалась считаные месяцы. Немцы колебались, считать ли горских евреев с расовой точки зрения евреями, но прежде чем пришли к решению, были изгнаны из этого района Советской армией.

В Феодосии евреев в морозную погоду вывезли в поле, приказали всем раздеться донага и несколько десятков человек заставили лечь на дно земляного рва. Затем

их расстреляли, засыпали трупы слоем земли, поверх него вновь уложили нагих людей и вновь открыли огонь из автоматов. Так продолжалось до тех пор, пока ров не был заполнен. В Курске евреев расстреливали немецкие солдаты, переодетые в красноармейское обмундирование. Расстрелы фотографировались офицерами. 10 января 1942 года в Ивне Курской области немцы публично расстреляли 36 еврейских женщин и детей[20].

Развивая в 1942 году свой тезис о том, что евреи являются виновниками войны, фашисты повсеместно развернули погромную антисемитскую агитацию и пропаганду. По решению военных властей в гетто выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, при этом за малейшую провинность изымалось и это. В Пскове, городах Дно и Остров были полностью уничтожены (расстреляны и повешены) все мужчины, юноши и мальчики еврейской национальности[21].

В Порхове весной 1942 года было забито насмерть палкой больше двадцати человек из местного гетто карателем «Васей-скобарем». Под этой кличкой скрывался Василий Васильевич Васильев. После войны он смог эмигрировать в Канаду, в Торонто. Там успешно занимался бизнесом. Не исключено, что его первоначальный капитал составили вещи, которые он награбил у мирных советских граждан. Скончался преуспевающий предприниматель в 1989 году[22].

Лишь незначительное число из узников гетто удалось спасти советским подпольщикам путем отправки их из городов и населенных пунктов в партизанские отряды.

Такому же массовому истреблению, согласно установкам нацистского руководства, подлежали и цыгане. Уже с конца лета 1941 года на них начинается охота. Зондеркомандам рекомендовалось уничтожать их сразу, «не засоряя тюрьмы».

Эта политика велась целенаправленно. На протяжении всего периода оккупации районные управления получали распоряжения от немецких оккупационных властей, в которых, в частности, говорилось: «Если на территории вашей волости будут обнаружены кочующие цыгане, то вы обязаны лошадей отобрать и пере-

дать их гражданам селений, нуждающимся в лошадях, а цыган направить в ближайшую комендатуру для привлечения их к работе». Но в комендатуре арестованные цыгане долго не задерживались. Их уничтожение мотивировалось нежеланием и неспособностью последних выполнять любую работу[23].

Официально нацистское руководство в качестве «союзного населения» в 1941 году рассматривало только граждан бывших прибалтийских государств: эстонцев, латышей и литовцев. Немецкие спецслужбы уже с 1940 года наладили тесные связи с различными националистическими организациями Прибалтики, находившимися после присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в подполье.

В донесении командира оперативной группы «А» бригаденфюрера СС Штальекера о деятельности группы в прифронтовой зоне Северо-Запада России и прибалтийских республиках говорилось: «Мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей, в первую очередь евреев и коммунистов»[24].

Любимой идеей Альфреда Розенберга в 1941 году было удвоение территорий прибалтийских республик, которые после войны должны были стать составной частью рейха, за счет России и Белоруссии и депортации подавляющей части прибалтов во вновь захваченные области. В них предполагалось переселить около 50 процентов эстонцев, всех латгальцев, свыше 50 процентов латышей и 85 процентов литовцев[25].

Но эти планы держались в строжайшем секрете, так как население Прибалтики рассматривалось в качестве потенциального союзника, поддержка которого в антибольшевистской борьбе являлась весьма желательной для немецких властей. Представители германского командования в «неофициальных» беседах заявляли, что они приветствуют идею создания «Великой Эстонии» или «Великой Латвии» с включением в них части территории России.

После поражения вермахта под Москвой оккупанты начали открыто заигрывать с прибалтийскими народами. «Новая национальная политика» нацистов объясня-

лась их небеспочвенной надеждой использовать местные человеческие ресурсы в военных целях, то есть в качестве «пушечного мяса». С этой целью поддерживались и всячески насаждались антирусские настроения среди местного населения.

Несмотря на достаточно высокую мононациональность сельских районов Северо-Запада РСФСР, все без исключения старосты и коменданты в августе—сентябре 1941 года получили распоряжение, из которого следовало, что они обязаны в кратчайший срок известить германское командование о наличии в районах их проживания «иностранцев и жидов»[26].

Задачу по очищению территории от «нежелательного национального элемента» офицеры вермахта возложили на карательные отряды, находящиеся при военных комендантах. Все они были сформированы из жителей Эстонии и Латвии. Привлечение к этим акциям граждан прибалтийских республик захватчики объясняли тем, что они не хотят допустить повторения 1937—1938 годов, когда «сосед сводил счеты с соседом из корыстных побуждений»[27].

После выявления евреев, коммунистов и комиссаров в первые месяцы войны к концу осени 1941 года немцы на некоторое время прекратили разделять попавших в плен красноармейцев на отдельные национальные группы. Но в декабре 1941 года нацисты вновь активизировали работу по усилению национальной розни среди пленных. Ю. В. Галь вспоминал: «Украинцев стали размещать в отдельном бараке, их не гоняли на работу и обещали, что из них будут вскоре комплектовать отряды полиции для оккупированных городов, в частности для Пскова. Казаки в лагере имели привилегированную работу — на бойне. Они были сыты, а излишками мяса спекулировали в лагере. Балтийские народы также получили привилегии. Они употреблялись только на внутрилагерных работах, а весной 1942 года их отпустили домой — в Эстонию, Латвию и Литву. Русских использовали на самых тяжелых работах: погрузка снарядов на железной дороге, рытье канав, строительство укреплений»[28].

Стабилизация советско-германского фронта на се-

вере и в центре весной 1942 года и последовавший за этим отвод немецких частей в тыл на отдых и переформирование на некоторое время снизили накал сопротивления оккупантам. Нацисты, в свою очередь, не доверяя во многом русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников как среди жителей Прибалтики, так и в финских и эстонских деревнях на территории Северо-Запада РСФСР. Оккупационная администрация издала распоряжение, из которого следовало, что представители национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов, облагаются сниженным налогом. На сараях эстонских и финских дворов вывешивались объявления на немецком языке: «Реквизировать следующим отрядам строго воспрещается!»[29] Поскольку план поставок обычно распределялся по районам, вся тяжесть дополнительных реквизиций перекладывалась на соседние русские хозяйства.

С весны 1942 года немцы начали процесс вербовки бывших репрессированных, особенно среди финского, латышского и эстонского населения Ленинградской области, для борьбы с подпольщиками. В ряде районов захватчики пошли на вооружение групп эстонской молодежи для борьбы с партизанским движением. Подобные «силы самообороны» были обязаны задерживать подразделения народных мстителей до подхода немецких подкреплений[30].

В 1942 году Гитлер был решительно против призыва в армию жителей Прибалтики для использования их на Восточном фронте. В феврале из Берлина в Ригу пришла депеша следующего содержания: «Фюрер не желает никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Кроме этого, для этих целей нет оружия. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения службы на оккупированной русской территории»[31].

После неудачной попытки создать карательные отряды из русского населения для очистки лесов от партизан немцы для этой же цели стали использовать финнов и эстонцев, которые оказывали им активное

содействие. Как признавали сами участники антифашистской борьбы, «партизанам появляться в деревнях, где есть хоть один финн или эстонец, рискованно».

В некоторые населенные пункты немцы приезжали со списком, составленным эстонцами из местных жителей, в который были включены все коммунисты и ушедшие в партизаны. В 1942 году в Кингисеппском районе Ленинградской области действовал специальный карательный отряд эстонцев — кайтселитовцев из Нарвы численностью до двух тысяч человек. Отряды из местных эстонцев были меньше, в них входило 60—80 человек. Они обычно действовали в районе своего постоянного проживания.

Работая с финно-угорским населением, представители фашистских пропагандистских служб разъясняли, что видят в нем потенциального союзника. Эстонцам было обещано, что после войны Кингисеппский и Псковский районы войдут в состав «Великой Эстонии»[32].

Конечно, далеко не все представители прибалтийских национальностей встали на путь активного сотрудничества с нацистами. Но сам факт, что именно их гитлеровцы рассматривали в качестве «союзного населения» на Северо-Западе России, можно объяснить рядом причин.

Во-первых, необоснованными массовыми репрессиями, которые проводились в Советском Союзе в 1930-е годы. Эстонцы и латыши жили в Прибалтике многие сотни лет. Кроме этого, количество местного населения несколько увеличилось в результате переселенческой политики П. А. Столыпина. В 1920-х годах активно работали эстонские и латвийские школы и клубы, имелись национальные сельсоветы. Однако во второй половине 1930-х годов практически все они были закрыты, а многие активисты арестованы как «буржуазные националисты».

Во-вторых, Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР только в 1940 году. Многие их граждане в потере своей государственной независимости обвиняли Сталина. Поэтому немецкие войска встречались ими как освободители.

В-третьих, немецкие разведывательные и пропагандистские службы имели здесь хорошо подготовленную агентурную сеть из местного населения.

В городах имели место факты предоставления преимуществ украинцам перед русскими. В основном они выражались в обещаниях и подачках во время вербовки в карательные отряды. Нацисты усиленно распускали слух о том, что на Украине создается национальное украинское правительство и что в скором времени все желающие будут отправлены домой для «установления жизни по-новому»[33]. При этом заявлялось, что «первым долгом каждого честного украинца является беспощадная борьба с жидо-большевизмом и московским империализмом — главными врагами независимого украинского государства». Эта «борьба» часто сводилась к участию в самых жестоких карательных акциях. Иногда даже члены СС брезговали выполнять такую «работу» (например, уничтожение женщин и детей в гетто), которой не гнушались «украинские шуцманы»[34].

20 июня 1942 года, выступая перед своими подчиненными, рейхсляйтер Альфред Розенберг заявил: «Надо прилагать все усилия, чтобы вызвать национальное сознание украинцев. Надо способствовать появлению литературы о борьбе украинцев. Также следует поддерживать культ их вождей — гетмана Хмельницкого, Мазепы. И, наконец, на более позднее время можно иметь в виду и организацию политического движения, что-нибудь вроде "Свободного украинского казачества"»[35].

Немецкая пропаганда, вовлекая украинцев для участия в карательных акциях на территории России, не скупилась на обещания, описывая будущие границы независимого Украинского государства. В него должны были войти Крым, Курск, Воронеж, Тамбов и Саратов.

В марте 1942 года в Берлине под покровительством министерства Розенберга состоялась конференция «Задачи науки на Востоке». На этой конференции с большим докладом на тему «Проблемы народностей Востока» выступил профессор Герхард фон Менде. Он заявил, что война против Советского Союза поставила перед германской наукой совершенно новые задачи, поскольку армия и германские гражданские власти на

оккупированной территории столкнулись с населением, которое до войны оценивалось как абстрактный противник, и можно было отвлеченно судить о его военном или экономическом потенциале, а не о национальном составе. Он также отметил следующую общегерманскую тенденцию: как до войны, так и в ее первые месяцы в Германии господствовали весьма смутные представления о народах Советского Союза, который виделся страной с единым русским населением или же, напротив, страной с глубокими национальными противоречиями[36].

В том же 1942 году в Германии начала издаваться книжная серия «Библиотека восточных территорий», в которой выходили не только брошюры, посвященные отдельным районам и областям СССР, но и отдельным народам, в частности книга «Народы восточных территорий» под редакцией Г. Ляйббрандта.

С 1942 года восточные и тюркские народы в национал-социалистической пропаганде постепенно «реабилитируются». А. Даллин считает, что все началось с того, что Гитлер в своей речи от 26 апреля 1942 года причислил восточные народы к борющимся с мировым врагом — большевизмом[37]. Подобный ход нацистского руководства можно объяснить, с одной стороны, стремлением найти новых союзников в затянувшейся войне с Советским Союзом, а с другой — планами наступления вермахта весной и летом 1942 года на его южной территории.

Германское командование по мере продвижения вермахта к Кавказу летом 1942 года, стремясь внести раскол в советское общество по национальному признаку, издало ряд распоряжений и инструкций по общению немцев с местным нерусским населением. В одном из приказов командования группы армий «Юг» предписывалось следующее:

1) уважать собственность горских народов. Изъятия проводить только за плату;

2) все мероприятия, обусловленные войной и касающиеся горцев, следует обосновывать;

3) уважать честь кавказских женщин.

По всему Северному Кавказу нацисты распростра-

няли листовки, обращенные к черкесам, ингушам, карачаевцам, чеченцам. В одной из этих прокламаций, обращенных к «свободолюбивым народам Кавказа», говорилось: «Горец! У тебя теперь есть своя власть. Твои права охраняет доблестная германская армия. Люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел снеговые горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев. Живи счастливо, хозяин гор! Пусть благословен будет твой труд и твоя сакля»[38].

Параллельно началось формирование вспомогательных войск из лиц татарского и кавказского происхождения. Кроме военной важное место занимала идеологическая работа с новобранцами. На учебных курсах обсуждались следующие темы:

1. Национал-социализм рассматривает нацию как творение Бога, а большевики стремятся к национальной неразберихе.

2. Германия обеспечит татарскому (или чеченскому, или карачаевскому, или калмыкскому — в отличие от национальной принадлежности возможных потенциальных немецких союзников. — *Б. К.*) народу свободное развитие собственной культуры, не посягает на старинные обычаи и привычки.

3. Германия обеспечивает полную религиозную свободу.

4. Советская система за время своего существования постоянно лишала татарский народ лучших его сил.

5. С Турцией Германию связывает старое братство по оружию со времен мировой войны. И сегодня Турция своими политическими и хозяйственными интересами привязана к Германии[39].

Пропагандистские службы вермахта получили из Берлина специальное указание, в котором говорилось: «Бессмысленно обращаться с пропагандой ко многим племенам сразу. Смешанный добровольческий корпус тогда не будет боеспособным. Нужно сформировать отдельные подразделения грузин, армян, черкесов, кабардинцев и т. д.».

В Крыму во всех горных деревнях немецким командованием создавались из татарских добровольцев отряды по борьбе с партизанами во главе с немецки-

ми и румынскими инструкторами. Всем состоящим в этих отрядах выдавали румынскую и немецкую форму и оружие, захваченные немцами при отходе Красной армии. Члены отрядов получали зарплату, продовольствие, лучшие наделы садов, виноградников, табачных плантаций, полностью или частично освобождались от налогов. При наделении татарских «дружинников» участками садов, виноградников и другим имуществом немцы обычно отбирали его у нетатарского населения, в первую очередь у русских и греков[40].

Орган крымско-татарских националистов газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым»), выходившая два раза в неделю в Симферополе, призывала местное население активизировать борьбу с большевиками и евреями, которые «разрушили нашу прекрасную родину, растоптали всю нашу культуру, резали и вешали наши национальные кадры...».

Нацисты не возражали против тезиса о том, что первоочередной задачей крымских татар является возрождение их нации. При содействии немецкого командования стали организовываться мусульманские комитеты в городах и районных центрах Крыма.

На собраниях населения ставились вопросы о создании добровольческих дружин для борьбы с партизанами, а также о помощи бедноте, старикам и семьям красноармейцев, многодетным семьям. Газета «Азат Крым» называла эти собрания «проявлением симпатии крымско-татарского народа к новому порядку».

...Еще в феврале 1942 года рейхсминистерство по делам восточных оккупированных территорий разработало проект организации Национального союза за свободу отчизны с отделениями в наиболее крупных городах Центральной России: Орле, Смоленске и Брянске[41]. Но нацистское руководство в тех условиях не посчитало необходимым использование русского населения в качестве вооруженного союзника. Оно пока еще рассчитывало в основном на свои собственные силы. Даже на пропагандистских курсах для коллаборационистов лекторам не рекомендовалось употреблять слово «Россия». Дело касалось и мелочей. Мотивируя тот факт, что на берегах Волги проживают многие на-

роды, в песне «Волга, Волга, мать родная, Волга — русская река» слово «русская» в песеннике, изданном для населения оккупированных районов, было заменено на «мощная»[42].

С весны 1943 года, в условиях коренного перелома в войне, изменился национальный состав сил, используемых нацистами в борьбе против партизан. В ходе вербовки в добровольческие вспомогательные отряды и Русскую освободительную армию в рядах карателей стали доминировать русские и украинцы при офицерском составе из немцев[43].

В условиях, когда нацисты предприняли попытку развязать на оккупированной территории гражданскую войну, особое значение приобрело сплочение всех наций в борьбе против фашизма и его идеологии.

Основную тяжесть в противостоянии оккупационных служб силам антигитлеровского сопротивления нацисты в 1943 году переложили на власовцев. В апреле генерал А. А. Власов сделал «Заявление по национальному вопросу»[44]. Оно послужило основой для всех выступлений коллаборационистских пропагандистов по проблеме межнациональных отношений в России. *Ostpropzug*, курирующий соответствующие структуры в РОА, разработал основные тезисы, на которых должна была базироваться «новая русская национальная политика». Она содержала следующие утверждения:

1) дореволюционная царская Россия строилась по принципу угнетения национальностей и была тюрьмой народов;

2) власть в СССР ничем не отличается от своего предшественника, более того, главным угнетенным теперь стал сам русский народ;

3) новая Россия, союзная Германии, уничтожит любые проявления национального гнета над населяющими страну народами;

4) каждый народ получит национальную свободу, вплоть до права самоопределения[45].

Осуществление этих планов связывалось с победой Германии и уничтожением власти Сталина, «без чего немыслимо счастье любого из народов страны».

Движение РОА было построено, согласно заявлениям

ее функционеров, на принципах интернационализма и антибольшевизма[46]. В условиях активизации партизанского движения и успешных наступательных операций Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны подобная политика легко разоблачалась силами сопротивления, которые резонно отмечали невозможность сосуществования фашизма и интернационализма[47].

Летом 1943 года на оккупированной территории Ленинградской области появились листовки и воззвания РОД — Русского освободительного движения. В отличие от РОА оно объявило себя «носителем национализма и русского национального сознания»[48]. РОД ставило перед собой следующие задачи:

1) возрождение мононационального Русского государства;

2) борьба с интернационалистскими элементами внутри народа.

В связи с тем, что после победы советских войск под Курском и Белгородом на Северо-Западе РСФСР началась подготовка к всенародному вооруженному восстанию в тылу врага, пропагандисты РОА и тем более РОД не смогли вести свою подрывную деятельность на значительной части территории. Все их попытки выйти за пределы крупных фашистских гарнизонов пресекались партизанами в самом начале.

Дефицит сил заставил службы вермахта активно привлекать к борьбе с партизанами так называемые «национальные подразделения». Против народных мстителей были выставлены, кроме немцев и РОА, части, сформированные в Прибалтике, а также из бывших военнопленных — украинцев, азербайджанцев, армян и представителей других национальностей[49].

Коллаборационистские воинские формирования строились, как правило, по национальному признаку. Хотя Украинский легион, который находился в деревне Старь Орловской области и городе Рославль Смоленской области, и состоял из русских. Но их фамилии переделывались на украинский лад. Так, легионеры Иванов и Васильев, перешедшие на сторону партизан, сообщили, что, находясь на немецкой службе, они носили фамилии Иваненко и Василенко[50].

К этому периоду практически все партизанские бригады обладали полиграфической базой. Это позволило им оперативно начать выпуск листовок к представителям тех национальностей, вооруженные формирования которых находились в сфере их вооруженной борьбы. Посильную помощь в работе над ними оказали перебежчики. В сентябре — декабре были выпущены воззвания как на русском языке, так и на языках легионеров (в том числе написанные от руки из-за отсутствия подходящего шрифта): «К братьям-латышам», «К армянам в легионе "Армения"», «К азербайджанцам, состоящим на службе у немецких захватчиков», «К русским, украинцам, белорусам, казахам, татарам, азербайджанцам, состоящим на службе у немецких разбойников»[51].

Работа по разложению союзных вермахту формирований на Северо-Западе РСФСР курировалась Ленинградским штабом партизанского движения, и ей придавалось большое значение.

В октябре в бригадных типографиях был отпечатан приказ штаба партизанского движения «Всем русским, украинцам, белорусам, латышам, эстонцам, литовцам, азербайджанцам и другим, состоящим на службе в немецкой армии». Он призывал «перебить немецких офицеров, разгромить военные объекты Пскова, Луги, Порхова, вывести из строя промышленные предприятия и средства транспорта, захватить оружие и, выполняя это задание, перейти к партизанам».

За осень 1943 года только в партизанские бригады Ленинградской области явилось с оружием более четырех тысяч бойцов и офицеров из национальных легионов[52].

Реальный успех советской пропаганды можно объяснить рядом причин:

а) военными успехами Красной армии и партизан;

б) неверием в мощь фашистской Германии;

в) разоблачением самими же перебежчиками нацистского утверждения о том, что «всех предателей партизаны уничтожают»;

г) тем, что большинство легионеров были набраны в лагерях военнопленных и служба Гитлеру виделась им тогда как единственная альтернатива голодной смерти;

д) показом в советских прокламациях интернацио-

нального характера борьбы народов СССР против общего врага с призывами, подобными этому: «Гитлер думал посеять вражду между народами и проглотить их поодиночке. В дружбе народов нашей страны — наша непобедимость!»

...Национальный вопрос с самого начала занял видное место в идеологии германского фашизма. Крайний национализм, согласно положениям которого исключительными правами обладает лишь немецкая нация, способствовал циничному подходу нацистов к решению проблемы межнациональных отношений на оккупированной территории. Оккупировав часть территории СССР, нацисты стремились посеять раздор между представителями различных наций. Это делалось, с одной стороны, для ослабления сопротивления захватчикам, а с другой — с целью физического уничтожения части местного населения. Всё это, по замыслу фашистов, должно было способствовать освобождению жизненного пространства «Великой Германии» от нежелательного национального элемента.

Глава девятая

«КОЛХОЗ» ГОТИЧЕСКИМ ШРИФТОМ

Аграрная политика оккупантов. — Положение русского крестьянства. — Земельные реформы: от колхоза к частной собственности на землю

Одним из центральных пунктов нацистской экономической и политической программы являлся тезис об «избыточном населении» Германии. Предполагалось, что немцы получат на Востоке в собственность земельные наделы и непритязательных славянских сельскохозяйственных рабочих. В первую очередь землей в оккупированных областях предполагалось наделять немцев, переселенных перед войной из СССР в Германию, затем участников войны и активистов национал-социалистической партии. Таким образом, различные категории немецких граждан должны были составить,

по замыслу нацистского руководства, основу для будущей колонизации на Востоке. Некоторые территории России, в частности ее северо-западные области, должны были войти непосредственно в состав Третьего рейха. Что касается остальных районов нашей страны, то там предполагалось создать несколько марионеточных государств, целиком и полностью зависящих от «Великой Германии». Им отводилась роль аграрно-сырьевого придатка «Новой Европы».

Еще до нападения Германии на Советский Союз, 2 мая 1941 года, в секретариате Адольфа Гитлера были разработаны рекомендации для Альфреда Розенберга как будущего верховного правителя оккупированных Восточных областей:

«1. Войну следует продолжать только в том случае, если на третьем году ее ведения весь вермахт будет снабжаться продовольствием из России.

2. При этом, несомненно, десятки миллионов человек умрут от голода, если мы будем вывозить из страны все крайне необходимое нам»[1].

Совершенно другое обещалось населению районов, оказавшемуся под гитлеровской оккупацией. Немецкая пропаганда твердила о том, что «германский солдат несет в Россию землю и волю»[2].

Пропагандистский натиск принес свои результаты: в ряде деревень немцев встречали хлебом-солью, как освободителей от колхозов, налогов и репрессий.

«В целом, общество оказалось расколото. Часть населения, как обиженное советской властью, так и растерявшееся, разуверившееся в успехах Красной Армии, поверила в победу фашистской Германии и надеялась получить всё то, что немцы обещали в своих прокламациях. Большинство заняло выжидательную позицию, но и оно, согласно партизанским разведывательным сводкам, считало, что лучше все-таки, если бы было единоличное хозяйство»[3], — писали в своих донесениях в Центр советские партизаны на Северо-Западе России в начале осени 1941 года.

Но заблуждение об истинных намерениях оккупантов недолго дезориентировало российское крестьянство. Именно в сельском хозяйстве раньше, чем в других

областях экономики, реально проявилось подлинное лицо нацистской оккупационной политики. Безудержное ограбление русского населения со стороны германских солдат началось с первых дней войны, что было засвидетельствовано даже в немецких официальных документах. Например, этому вопросу был посвящен приказ по 112-й пехотной дивизии от 5 августа 1941 года, в котором, в частности, указывалось: «Сельские бригадиры заявили серьезные и обоснованные жалобы на поведение солдат, которое в перспективе может привести к катастрофическому голоду. Имеется в виду следующее:

1. Увод скота и лошадей без всякой оплаты, причем к хозяевам применяются угрозы оружием.

2. Бессмысленное уничтожение картофеля на грядах, хотя легко можно было бы убедиться в том, что картофель еще совершенно непригоден в пищу.

3. Увоз с полей необмолоченных снопов, видимо, для использования в качестве подстилки.

4. Увоз сельскохозяйственного инвентаря (кос, серпов), чем осложняется уборка урожая.

5. Взлом запертых дверей и унос домашних вещей у крестьян.

Часть жителей не решается уходить на полевые работы, опасаясь, что во время отсутствия хозяев исчезнет их последнее имущество»[4].

Запрещая в своих приказах самовольное единоличное мародерство, германское командование на самом деле не наказывало своих солдат за нарушение этих запрещений.

Подобные приказы не имели никакого практического значения, и они были нужны германскому командованию только для того, чтобы с их помощью доказать соблюдение вермахтом международных правил ведения войны. Но самое главное — мародеры мешали организации государственной системы ограбления захваченных территорий.

Вместе с тем германское руководство издавало множество приказов о снабжении своих войск из местных ресурсов через организацию захвата сельскохозяйственных продуктов. Чтобы обеспечить бесперебойное

снабжение армии за счет мирных жителей, немцы требовали сохранять уцелевшие после военных действий сельскохозяйственные машины, постройки, инвентарь, рабочий скот, горючее.

Захват элеваторов, продовольственных складов, совхозных усадеб, МТС выполняли отряды экономической разведки, технические батальоны или непосредственно действующие части. В дивизиях, полках и батальонах выделялись специальные офицеры — уполномоченные по сельскому хозяйству.

Советские организационные формы в сельском хозяйстве в первый период оккупации сохранялись, но руководители совхозов, колхозов, МТС, противодействующие оккупантам, немедленно заменялись немецкими ставленниками. Действуя с их помощью, офицеры — уполномоченные по сельскому хозяйству выполняли следующие задачи:

1) выявляли запасы хлеба, картофеля, овощей и других продуктов, наличие скота, мельниц, пекарен, молочных ферм и т. п. Обеспечивали охрану обнаруженных запасов и объектов и доносили о них в штаб дивизии;

2) организовывали снабжение своей части картофелем, мясом, овощами, молоком и молочными продуктами до полного удовлетворения потребности;

3) обеспечивали бесперебойное выполнение полевых и огородных работ, заготовку сена. Проводили репрессии в случае, если крестьяне саботировали сельскохозяйственные работы;

4) вели учет лошадей и рабочего скота, оставшегося после эвакуации их владельцев.

В начальный период войны нацистские экономисты считали сохранение колхозов и совхозов совершенно необходимым. Они отлично понимали, что производственный процесс в крупных хозяйствах легче держать под контролем, проще изымать произведенную продукцию. Восточный штаб экономического руководства предупреждал своих чиновников, что при разделении колхозов и совхозов на несколько миллионов крестьянских хозяйств влияние немцев на производство сводится к утопии: «Поэтому со всякой попыткой ликвидиро-

вать крупные предприятия надлежит бороться самыми жестокими мерами».

Как видно, колхозно-совхозная система полностью устраивала оккупантов как наиболее оптимальный аграрный придаток тыловых служб вермахта. Именно на ее базе и предполагалось в будущем проводить политику германской колонизации. Все промышленные структуры, имевшиеся в наличии (заводы в городах, технические службы железных дорог, машинно-тракторные станции), с августа 1941 года официально переходили под контроль и в руки немецких властей[5].

В качестве руководящей установки офицеры — уполномоченные по сельскому хозяйству уже с конца лета 1941 года получили указание о том, чтобы «все излишки хлеба и картофеля (сверх потребности армии) в возможно большем количестве отправлять в Германию, так как в этих продуктах там ощущается крайняя нужда».

Сохранение старой системы землепользования летом 1941 года объяснялось немцами тем, что массовое перераспределение земли может привести к голоду, а также привычкой русского крестьянина к колхозу или общине[6]. 27 августа 1941 года это состояние дел было законодательно закреплено в «Положении об общем дворе». Кроме утверждения о том, что «немцы признают исключительно частное имущество, а колхозы придуманы коммунистами, чтобы погубить русское крестьянство», из него следовало, что:

«1) возвращение царской реакции и помещиков не состоится;

2) приусадебный участок и дом остаются в личной собственности владельцев;

3) право на собственное хозяйство приобретает тот, кто своей работой доказывает способность к сельскому хозяйству;

4) тот, кто самовольно присвоит себе чужую землю, будет строго наказан, а сверх того, он будет лишен своего личного хозяйства;

5) за порядок в колхозе отвечает не только председатель, а и всякий его член;

6) объем сданной сельхозпродукции должен быть по всем показателям не ниже прошлогоднего»[7].

Из кого же предполагалось подбирать кадры для оккупационных органов в русских деревнях? На этот вопрос отвечает инструкция, подготовленная перед началом нападения на Советский Союз трудовым штабом особого назначения. Для работы в центральных хозяйственных управлениях были призваны чиновники германского министерства продовольствия и сельского хозяйства, а также подчиненных ему управлений и организаций. На должности окружных и районных «сельскохозяйственных вождей», местных помещиков-латифундистов намечались зажиточные немецкие крестьяне. Предполагалось привлекать на эту работу не только немцев, живших когда-либо в России и знающих «славянский характер», советских граждан немецкого происхождения, но и сельских жителей из Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии.

Но это — в перспективе. На практике управление хозяйствами обычно возлагалось на лиц, имевших немецкое происхождение, «обиженных советской властью» и прежних председателей — при условии, что они не допустят падения производства сельхозпродукции. Иногда на эти должности оккупанты назначали местных агрономов. К осени 1941 года немцы не смогли подобрать нужного им количества управляющих. В некоторых местах руководство сельскохозяйственными делами осуществлялось непосредственно воинскими частями и комендатурами.

Наиболее крупные хозяйства возглавляли представители тыловых служб вермахта. По мере продвижения германской армии на восток офицеров—уполномоченных по сельскому хозяйству заменяли в тыловых районах немецкие управляющие при колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях. Они подчинялись хозяйственным управлениям и командам. Сельскохозяйственными руководителями в отдельных случаях назначались и бывшие помещики, если они по национальности были немцами. Так, в Лужском районе Ленинградской области немецкими управляющими оказались бывшие здешние землевладельцы: барон Бильдерлинг и барон фон Розен.

Составив представление о положении дел в вверен-

ном ему хозяйстве, новый руководитель должен был обратиться к подведомственному русскому населению с такой речью: «Люди! С сегодняшнего дня вы находитесь под защитой немецкого военного управления. Мы пришли к вам не как враги. Мы принесли вам порядок и безопасность. В течение двух десятилетий вас угнетали и эксплуатировали, теперь вы снова являетесь свободными людьми. Вы снова будете получать вашу законную заработную плату, которой вы были обманным путем лишены в течение десятилетий. Для того чтобы быстро и прочно улучшить свое положение, вы должны точно выполнять наши постановления и распоряжения. Больше не должно быть бездельников. Если вы не будете продолжать работать, вы вынуждены будете голодать. Кто будет сопротивляться, тот, несмотря на его положение, будет предан самому строгому военному суду»[8].

В первых опубликованных приказах немецкие военные власти регулярно подчеркивали, что в деревне «теперешняя форма хозяйства не должна быть заменена». Затем последовали специальные приказы на этот счет. Из них следовало, что:

«1. Во всех колхозах необходимо строго соблюдать трудовую дисциплину, ранее учрежденные общими собраниями правила внутреннего распорядка и нормы выработки. Все без исключения члены сельхозартели должны беспрекословно выполнять приказания председателей и бригадиров, направленные на пользу работы в колхозах.

2. На работу выходить всем безоговорочно, в том числе служащим, единоличникам и беженцам, работать добросовестно.

3. Бригадирам и счетоводам строго ежедневно учитывать работу каждого в отдельности лица и записывать выработанные трудодни.

4. Подготовку почвы к осеннему севу и проведение осеннего сева производить строго коллективно.

5. Распределение всего собранного урожая 1941 года производить только по выработанным трудодням, о чем будет дано отдельное распоряжение.

6. Строго соблюдать неприкосновенность от посягательства к расхищению государственного колхозно-

го (то есть принадлежащее Третьему рейху. — *Б. К.*) и личного имущества частных лиц».

Практически во всех оккупированных районах России захватчики запрещали русским сельским жителям использовать земельные угодья в своих интересах, приказывали им оберегать животноводческие фермы от разрушения и повреждений, оказывать содействие войскам вермахта, предоставляя транспорт, фураж и продовольствие.

Главная роль в организации сбора урожая отводилась окружным «сельскохозяйственным фюрерам». Они подчинялись непосредственно хозяйственной команде. От ее начальника окружной «сельскохозяйственный фюрер» получал все указания и приказы. Связь между ними поддерживалась через полевую или местную комендатуру. Полученные приказания окружные «фюреры» были обязаны передавать районным «сельскохозяйственным фюрерам» и руководителям сельскохозяйственных предприятий. В обязанности окружных «фюреров» также входило составление донесений, предназначенных для хозяйственных команд. Всю свою работу они проводили совместно с местными комендатурами и специалистами по сельскому хозяйству при полевой комендатуре.

В период боевых действий резиденция окружного «сельскохозяйственного фюрера» должна была располагаться в месте дислокации хозяйственной команды. Там же должны были находиться районные «сельскохозяйственные фюреры» и руководители сельскохозяйственных предприятий.

Подобные предосторожности не являлись случайными. Русское крестьянство и партизаны активно боролись с нацистским ограблением российской деревни и теми, кто осуществлял эту политику на практике. В августе 1942 года на совещании у Геринга было доложено, что в России к этому времени было убито более 1500 старост[9].

Полных сведений о количестве хлеба, собранного в 1941 году на оккупированной территории, нет. По оценке английского министерства экономической войны, «урожай 1941 года в оккупированных областях

СССР был на 40% ниже нормального... В Прибалтийских странах он составлял около 80—90% нормального»[10].

Оккупанты использовали все средства для того, чтобы побудить крестьян сдавать крупный рогатый скот, лошадей, свиней, кур. Так, в Смоленской области 18 ноября 1941 года немецкие хозяйственные организации приказали русскому населению сдавать скот на «объединенные скотные дворы», мотивируя это необходимостью сохранить поголовье. Им обещали выдать охранные расписки и возместить полную стоимость павшего на «объединенном скотном дворе» скота. В противном случае оккупационные власти снимали с себя всякую ответственность за реквизицию воинскими частями скота, не сданного на «объединенные скотные дворы».

Зимой 1941/42 года начали свою работу случные пункты. За случку с быками-производителями, жеребцами-производителями взималось деньгами от 25 до 50 рублей, в зависимости от производителя, и пять килограммов фуража-концентрата. Населению в коллаборационистской прессе объявлялось, что на этих пунктах представлены элитные производители из Германии, которые значительно улучшат различные породы скота в России[11].

На этих пунктах оккупанты несколько раз произвели у крестьян конфискацию коров и свиней, мотивируя свои действия тем, что животные якобы больны заразными болезнями и подлежат уничтожению.

Рогатый скот и телят на племя разрешалось продавать только внутри района и при наличии разрешения немецкого начальника сельхозуправления. Забой телят и их продажа на мясо разрешались оккупантами только в исключительных случаях[12].

Немецкие тыловые службы стремились взять под свой контроль все без исключения виды сельскохозяйственной продукции. Так, плодово-ягодные насаждения, такие как яблони, смородина, малина, делились между трудоспособными жителями деревни. При этом оговаривалось, что «земляника остается общественной». Хозяйства, которые отказывались от обработки полевой земли, плодово-ягодными насаждениями не наделялись.

В целях сохранения урожая ягод и прочей продукции, предназначенной для немецких госпиталей, староста деревни должен был организовать наблюдение за проведением правильного и своевременного ухода за ягодниками и садами.

Изъятие продовольствия сопровождалось насилиями на всей оккупированной территории. Пропаганда в печати и по радио требовала от населения «благодарности к немцам-освободителям» и «совместных жертв в борьбе против большевизма». Подавляющая часть собранного хлеба и продовольствия использовалась немецкой армией или отправлялась в Германию и лишь малая доля выдавалась городским жителям, работающим на немцев. Большинство городских жителей вынуждены были самостоятельно добывать продукты питания в деревнях, меняя на продовольствие одежду, имущество и т. п. Делать это было не только очень сложно, но и опасно. Немцы под угрозой самых строгих репрессий и наказаний запрещали крестьянам обменивать или продавать продукты, ибо все продовольственные излишки должны были быть сданы немецким органам. Кроме того, немецкие патрули арестовывали горожан, не имеющих пропусков на хождение между населенными пунктами. Арестованных немцы зачастую расстреливали, считая их партизанами, ведущими разведку. Попавшие в руки к русским полицаям обычно отделывались гораздо легче — у них просто отбирались все вещи и продукты.

В этих условиях процветала подпольная торговля продовольствием по чрезвычайно высоким спекулятивным ценам, что, в свою очередь, обесценивало зарплату, получаемую рабочими и служащими.

Начальник хозяйственной инспекции группы армий «Центр» генерал-лейтенант Вейгант для снабжения крестьян предлагал отправлять в оккупированные области третьесортную и бракованную продукцию европейской промышленности, поскольку не хватало промышленных товаров нормального качества. Кроме того, он считал необходимым развивать на месте кустарное производство.

В некоторых оккупированных областях немцы вве-

ли карточную систему снабжения продовольствием. В различных областях были установлены различные нормы, но даже самые высокие из них не обеспечивали нормального существования. К тому же и по установленным голодным нормам продовольствие выдавалось не полностью и не всем жителям. Лишались права на получение продуктовых карточек лица, не зарегистрированные на бирже труда, семьи коммунистов, семьи военнослужащих Красной армии, евреи и другие элементы, неугодные оккупантам. Во многих оккупированных немцами областях России продукты выдавались только работающим на предприятиях или в учреждениях оккупационной и коллаборационистской администрации.

Так, в захваченных районах Ленинградской области рабочим и служащим выдавалось по 200 граммов хлеба в день и изредка продавалась соль, являвшаяся большим дефицитом, по 100 рублей за килограмм. В Смоленске жителям, работающим на предприятиях и в учреждениях, выдавалось лишь по 200 граммов хлеба. Правда, основной доход служащих в немецких административных органах часто составляли не эти жалкие крохи, а многочисленные взятки и поборы с населения. Они практиковались самым широким образом и иногда — практически легально, с прямого попустительства немецкой администрации[13].

Зимой 1942 года в некоторых городах прифронтовой полосы выдача хлеба была полностью прекращена. Некоторым жителям, у которых оставались коровы и куры, иногда удавалось выменивать у немецких солдат хлеб на молоко и яйца. На втором году оккупации ни скота, ни домашней птицы ни у кого не осталось. Пытаясь спастись от голода, часть жителей стала разводить кроликов, заниматься огородничеством. Многие люди питались отбросами, подбираемыми около немецких кухонь, древесной корой, листьями. Смерть от голода стала заурядным явлением.

Провал плана молниеносной войны заставил оккупантов уже с ноября 1941 года изменить свой подход к решению аграрного вопроса. Газеты и листовки, адресованные населению, заостряли внимание на осужде-

нии колхозных порядков в СССР. Противопоставлялось положение при советской власти города и деревни. Говорилось о тратах Советского Союза на содержание коммунистических партий в Европе и Америке, о превращении коммунистов в новый слой эксплуататоров[14].

В коллаборационистской печати помещались письма русских граждан, считающих, что «если колхозы будут существовать дальше, то этим Германия разобьет все надежды крестьян по эту и ту сторону фронта... Крестьяне надеются на то, что Германия уничтожит колхозное хозяйство и частная собственность будет снова восстановлена». Выражались пожелания, что если это невозможно сделать в данный момент, то желательно осуществить в 1942 году. В тех же газетах печатались и ответы германской администрации. В них, в частности, говорилось, что Адольф Гитлер, узнав о бедах колхозников, заявил: «Существующее до сих пор положение (то есть колхозный строй. — *Б. К.*) немецким правительством будет постепенно изменено так, что русский снова станет хозяином своего куска земли». Но процесс переустройства хозяйства, по заявлению оккупантов, нельзя было начинать, не подготовив тщательно новое. Беспорядок — это голод народа.

Катастрофическое положение дел в сельском хозяйстве открыто признавалось даже пронацистскими газетами. Вот как описывалась жизнь крестьян под Смоленском: «Около сараев, навесов беспризорно валяется различный сельскохозяйственный инвентарь: сбруя, сено и прочее. Где остался скот, он утопает в грязи, мерзнет в полуразрушенных сараях». Правда, все эти факты объяснялись тем, что за годы «владычества большевиков» у населения выработалась привычка к бесхозяйственности и разгильдяйству, «от которого немцы с таким трудом русских отучают»[15].

Учитывая провал уборочных и осенних посевных работ в 1941 году, немцы заблаговременно начали готовиться к весеннему севу 1942 года. В качестве главного организационно-политического мероприятия в условиях затянувшейся войны рассматривалось введение так называемого «нового аграрного порядка».

В январе 1942 года нацистские отделы агитации и пропаганды оповестили граждан о том, что при распределении земли лучшие участки должны получить те, кто активно участвует в построении «Новой Европы» — волостные руководители, старосты, полицейские, представители «групп самообороны».

Одним из главных пунктов фашистской пропаганды стало обещание ликвидировать колхозы. «Старательным и прилежным» крестьянам было обещано сохранение за ними усадеб, скота и построек на правах частной собственности, без уплаты каких-либо налогов. Однако немецкие власти и их ставленники наталкивались почти повсеместно на пассивное сопротивление или активные выступления крестьянства, имевшие целью сорвать снабжение германских войск хлебом и продовольствием. Немецким управляющим пришлось применять всяческое принуждение и репрессии, чтобы заставить крестьян выходить на различные работы.

27 февраля 1942 года «рейхминистерством освобожденных областей» Альфреда Розенберга было опубликовано постановление о новом порядке землепользования. Коллаборационистская пресса восторженно нарекла его «Дар Адольфа Гитлера русскому крестьянству». Он распространялся на оккупированную Германией территорию Советского Союза к востоку от государственной границы СССР 1939 года.

В первой его части отменялись все декреты, законы и постановления советской власти о коллективных хозяйствах. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» объявлялся утратившим силу, а колхозный строй — ликвидированным.

Конечной целью нового аграрного порядка объявлялась замена колхозов частнособственническими крестьянскими хозяйствами. Однако этот переход предполагалось провести постепенно. На первом этапе реформы колхоз превращался в общинное хозяйство, к которому целиком переходили вся земля, скот и имущество колхоза. Крестьяне не получали индивидуальных земельных наделов и были обязаны обрабатывать земли общинного хозяйства под надзором управляю-

щего, назначаемого немецкими властями и действовавшего по их директивам.

Весь урожай должен был поступать в распоряжение немецких властей, а крестьяне за свою работу получали плату. Размеры и формы оплаты при опубликовании данного распоряжения объявлены не были. Постановление Розенберга объявляло частной собственностью крестьян только приусадебные участки. Они могли быть увеличены по усмотрению германских властей. В своем приусадебном хозяйстве крестьянам разрешалось без каких-либо ограничений разводить скот. Земля приусадебного участка освобождалась от налогов, но при этом налогами облагались разводимый на приусадебных участках скот, постройки, домашние промыслы.

На втором этапе реформы общинные хозяйства предполагалось преобразовывать в сельскохозяйственные кооперативы. Пахота и посев там должны были производиться всеми членами кооператива на едином земельном массиве, но уход за посевами и уборка урожая должны были осуществляться каждым двором на своем закрепленном участке, который предоставлялся данному двору из года в год.

Все крестьянские дворы должны были получить одинаковые по размеру участки, независимо от числа едоков или трудоспособных членов. Каждый двор нес ответственность за выполнение агрономических мероприятий, за уборку урожая, за обмолот и хранение хлеба. Правление сельскохозяйственного кооператива составляло планы севооборота, проводило агрономические и хозяйственные мероприятия по указанию или с разрешения германской администрации.

Было объявлено, что при переходе от общинного хозяйства к кооперативу рабочий скот и сельскохозяйственные орудия будут распределены между группами крестьян или отдельными членами кооператива. С кооператива будет взыскиваться натуральный налог, исчисляемый с общей земельной площади. Правление будет распределять налог между членами кооператива, которые несут коллективную ответственность за взнос всего налога. Размеры налога в указе не определялись. Членам сельскохозяйственного кооператива никакой

зарплаты не полагалось, но предполагалось, что им будут принадлежать сельскохозяйственные продукты, оставшиеся у них после взноса натурального налога. Приусадебные участки членов кооператива, как и при общинном хозяйстве, не облагались налогами, скотоводство не ограничивалось.

Переход от общинного хозяйства к сельскохозяйственному кооперативу мог произойти только с разрешения немецких властей. Разрешение давалось лишь тем общинным хозяйствам, которые аккуратно выполняли все обязательства по поставкам, правильно (с немецкой точки зрения) вели хозяйство и исполняли распоряжения оккупационной администрации. Политически неблагонадежным членам общинного хозяйства, а также тем, кто не зарекомендовал себя способным к индивидуальному землепользованию, запрещалось вступать в сельскохозяйственный кооператив.

Третьим и конечным этапом аграрной реформы должно было быть расчленение сельскохозяйственных кооперативов на единоличные крестьянские хозяйства. Осуществление этой стадии переносилось на неопределенный срок.

Вслед за «Новым аграрным порядком» 17 марта 1942 года последовало «Распоряжение № 1 об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах». Первый раздел «Распоряжения» включал основные положения по созданию общинных хозяйств. Все сельские населенные пункты с их земельными угодьями, животноводческой базой и сельхозинвентарем объявлялись «общинными хозяйствами». С этого момента крестьяне считались наделенными приусадебными участками. Селяне получали звание «хозяева-крестьяне», а члены их семей — «участники общинного хозяйства».

«Распоряжение» обязывало крестьян осуществлять обработку приусадебных участков собственными силами, но общинные земли крестьяне должны были обрабатывать коллективно, с использованием орудий производства, находившихся как в их личном пользовании, так и принадлежащих общине. Общиной руководило правление, состоявшее из старшего общинного

хозяйства и его заместителя. При правлении вводилась должность бухгалтера или счетовода, отвечавшего за состояние бухгалтерского учета.

В порядке исключения «Распоряжение № 1» допускало создание единоличных хозяйств. Но этот процесс был весьма сложным и запутанным и допускался лишь там, где нацисты считали это нужным для себя.

Во втором разделе «Распоряжения № 1» разъяснялось, что пашни и другие основные угодья бывших колхозов относились к «общей земле». Сельскохозяйственный инвентарь делился на «общий инвентарь» (бывшая колхозная усадьба с помещениями и постройками, скот и машины) и «крестьянский инвентарь» (крестьянские дворы, личный скот, мелкий сельхозинвентарь).

Одновременно был опубликован и «Приказ № 2», который потребовал от крестьян в течение семи дней проведения во всех бывших колхозах собраний и создания «общинных хозяйств». Собрания были обязаны проводить бывшие председатели колхозов (где они сохранили свои посты) или сельские старосты. На собрании обязаны были присутствовать представители от каждого двора — главы семей. Крестьяне должны были познакомиться с «новым порядком землепользования», распоряжениями германского командования по этому вопросу, а также выбрать правление и дать новое название «общинному хозяйству», если оно до этого носило советское название.

Выборы правления «общинного хозяйства» проводились открытым голосованием. Кандидатуры в члены правления заранее подбирались из числа тех людей, которые за что-либо могли ненавидеть советскую власть или по своим личным качествам заслуживали доверия оккупантов. Правление приступало к исполнению своих обязанностей только после утверждения решения собрания земельным районным управлением.

Выполнение своих приказов оккупационные власти пытались ускорить с помощью приказа № 3 германского главного земельного управления, опубликованного, как и два предыдущих, 23 марта 1942 года. На основании этого приказа осуществлялся раздел колхозной земли и колхозного сельскохозяйственного инвентаря по

«общинным хозяйствам». Согласно ему «общинные хозяйства» создавались в пределах старых границ деревни и принадлежащих ей земель. Колхозные постройки и инвентарь на время переходили в собственность «общинного двора», который нес ответственность за его сохранность до того времени, пока земельное управление не примет приказа о его разделе.

Стремясь придать характер равного распределения инвентаря между «общинными хозяйствами», оккупанты разрешали передавать часть инвентаря из более обеспеченных сел менее обеспеченным. Делалось это, как правило, без учета желаний законных владельцев.

Приказом № 4 от 23 марта 1942 года германское главное земельное управление запретило крестьянам проводить самовольный раздел пастбищ, пустырей, садов, питомников и огородов крупного размера. Разделу также не подлежали школьные участки и леса. Уход и контроль за этими сельскохозяйственными угодьями и их обработку приказывалось проводить сообща.

Приказом № 5 от того же числа вводилась единая система сельскохозяйственных поставок — так называемый «натуральный военный сбор». Его крестьяне должны были выполнять с 1 апреля 1942 года по 31 марта 1943 года. Размер поставок для общинных хозяйств устанавливался земельным управлением. «Общины», в свою очередь, распределяли общую сумму сбора по крестьянским дворам.

В этом приказе нормы сдачи сельскохозяйственной продукции и их цены не были точно установлены. Крестьянам только обещали оставить для собственного потребления или продажи всё, что они произведут сверх «военного сбора». Поскольку не были известны размеры и формы оплаты за работу в общинном хозяйстве, единственным определенным источником существования крестьянина оставались приусадебный участок и немногочисленный скот, который мог быть прокормлен на этом участке. Но и этот источник существования фактически ничем не был защищен от конфискации и поборов. С марта 1942 года начались официальное преобразование колхозов в общинные хозяйства, массовое назначение немецких управляющих и торжественное

вручение грамот о передаче приусадебных участков в единоличную собственность. К лету 1942 года эти мероприятия на Северо-Западе и в Центральной части РСФСР были в основном закончены.

Весь этот комплекс документов трактовался как «конец колхозной системы, начало свободного и здорового сельского хозяйства». Населению разъяснялось, «почему государство ждет от каждого своего крестьянина прежде всего крайне высокой требовательности к самому же себе. Требовательность к себе, личная инициатива, прилежание необходимы нам для того, чтобы получить в будущем времени от государства право на землю. Кто трудится с прилежанием, тот сам доказывает, что он может достигнуть большего, т. е. что его можно наделить большим имуществом и облечь большей ответственностью»[16].

Весной 1942 года активизировалась нацистская пропаганда, направленная на сельское население. Стало выходить гораздо больше наименований печатной продукции. В разнообразных «сельскохозяйственных календарях» портреты Адольфа Гитлера и биографии национал-социалистических бонз соседствовали с рекомендациями по повышению урожайности различных агрокультур.

С 22 марта начала выходить газета «Колокол» для крестьян оккупированных областей России. Новая газета простым и примитивным, часто — псевдорусским, языком рассказывала сельским жителям о событиях на фронтах и во всем мире, а также о «строительстве новой жизни в освобожденных областях России».

Поскольку хвалебные материалы о «героях вермахта» мало интересовали жителей русской глубинки, объявлялось, что «опытные агрономы, привлеченные к участию в газете, будут помогать крестьянам советами по сельскому хозяйству».

«Звучи, как колокол, правдивое слово» — так заканчивалось обращение к читателям, помещенное в первом номере этой газеты. «Колокол» выходил в течение 1942 года два раза в месяц тиражом, в первое время, 150 тысяч экземпляров[17].

Во всех захваченных областях немцы награждали зе-

мельными наделами местных жителей, участвующих в борьбе против партизан. Предателям давали наделы земли от 11 гектаров (в Орловской области) до 25 гектаров (в Псковском уезде). В отдельных случаях немцы обещали еще более высокие земельные награды. Так, например, за поимку командиров партизанских отрядов, действовавших в Обоянском и Кривцовском районах Курской области, в марте 1942 года было обещано по четыре тысячи марок и до 100 гектаров земли. Отдельно оплачивалась любая информация о народных мстителях[18].

В оккупированных районах РСФСР порядок землепользования, размеры полевых и приусадебных участков, распределения урожая отличались большой пестротой. Поскольку на этой территории не было единой гражданской администрации, каждая местная комендатура вводила свои произвольные порядки.

В феврале 1942 года газеты и листовки, которые выходили в оккупированном нацистами Орле, призывали сельское население повышать производительность труда, серьезно, ответственно и с пониманием относиться ко всем требованиям германского командования. Лишь при неукоснительном соблюдении всех этих условий, писали коллаборационистские журналисты, русские крестьяне в недалеком будущем смогут получить право на частное обладание землей. Крестьян призывали соревноваться друг с другом: кто сможет больше произвести сельхозпродуктов. «Передовикам» обещалось предоставить бóльший надел и дать определенные льготы[19].

Из газеты «Кубань»:

«Премии передовикам

За образцовую работу на полях и окончание озимого сева Выселковская сельскохозяйственная комендатура и районное правление премировали деньгами, мукой и пшеницей многих руководителей общин, бригадиров и общинников.

По Бейсужской общине № 25 премировано 15 человек. Староста общины Калашников премирован 5-ю центнерами муки. По 5 центнеров пшеницы в качестве премии получили староста общины № 13 Нудный,

Никитенко (община № 12), Корновой (община № 10), Скирда (община № 5).

Районный агроном г-н Спасский, староста станицы Бейсужок-2 Черненко премированы месячным окладом жалования».

<Без автора>

В Центральной России оккупанты предложили создать два вида крестьянского землепользования: единоличное землепользование и общинное землевладение. Предусматривалось, что каждый крестьянский двор должен быть обеспечен «исключительно в зависимости от трудолюбия и способности своих владельцев, плодами своей индивидуальной работы».

Единоличное землепользование предусматривало общую обработку земли и общий сев на больших объединенных земельных участках. Уход за этими участками, сбор урожая и реализация его передавались в руки отдельных семейств. Для этой цели производилось разделение участков на отдельные полосы. Предполагалось, что эти полосы из года в год будут выделяться одним и тем же семействам. После совместной обработки и посева семья должна была брать на себя ответственность за выделенный участок земли.

Немецкие пропагандистские службы утверждали, что переход от общинных землевладений к единоличному землепользованию может совершиться только постепенно, «так как коммунистический период в России привел очень многие колхозы в такое состояние, что немедленный переход всех дворов невозможен. В таких случаях община обрабатывает свои земли совместно, всеми своими трудоспособными членами».

Возможность получения русскими крестьянами права частной собственности на землю оккупантами не отрицалась. Но она оговаривалась множеством условий:

1) должно быть подано соответствующее заявление германскому управлению от конкретного крестьянина;

2) согласие могло быть получено только в тех случаях, когда вся община добросовестно исполнила свои обязательства по отношению к германскому управлению;

3) политически неблагонадежные и неспособные члены общины не могли получить право на земельный надел[20].

При этом все налоги и сборы определялись исключительно немецкой стороной.

Осуществляя свою политику в сельском хозяйстве, оккупанты стремились создать такую систему, которая позволила бы накормить как солдат вермахта, так и значительную часть гражданского населения в Германии, а также создать стратегические запасы продовольствия.

Для осуществления этих планов в Псковском уезде каждому двору передавались в единоличную собственность полосы размером от 0,75 до 2,5 гектара в зависимости от числа едоков.

Во Всходском районе Смоленской области весь урожай ссыпался в общие амбары якобы с целью спасения его «от разбазаривания», а крестьянам выдавалось лишь по 3,5 килограмма зерна в месяц на едока.

В оккупированных районах Ленинградской области была введена индивидуальная форма землепользования, но в одних районах земля нарезалась по числу едоков (Сланцевский район), а в других — на все дворы выделялись одинаковые участки (Гдовский район). Незначительная часть колхозного инвентаря и скота раздавалась в этих районах крестьянам, но большая часть реквизировалась воинскими частями. На Северном Кавказе (в Майкопском, Гиагинском, Пашковском и других районах) немцы создавали так называемые «десятидворки» для совместной обработки земли. На каждую десятидворку они оставляли одну-две лошади, на каждую семью — по одному пуду муки и зерна, а весь остальной скот и продовольствие конфисковывали.

В Белгородском и Ивнянском районах Курской области было выделено по 0,25 гектара на каждый двор в качестве приусадебного участка и полевые наделы по 0,08 гектара на каждого трудоспособного члена семьи. Остальная земля оставалась за общинным хозяйством, которое именовалось здесь «экономией». Крестьяне обязаны были три дня в неделю работать на земле экономии, а остальное время могли использовать для обработки своих наделов. Хлеб на землях экономии был

поделен на корню пропорционально числу трудоспособных членов каждой семьи. В других районах Курской и Орловской областей хлеб также делился на корню, но всем дворам выделялись равные доли, независимо от числа трудоспособных членов. Наконец, в отдельных селах Курской области крестьянам было выдано по 20 килограммов зерна, а весь остальной хлеб предназначался для сдачи немцам. Семьям красноармейцев и членов ВКП(б) хлеб не выдавался.

Репрессированные при советской власти, вернувшиеся после оккупации на старое местожительство, получали повышенный продовольственный паек. Кроме того, немцы вернули, где это было возможно, лицам, пострадавшим после 1917 года, их прежние усадьбы или обязывали односельчан строить для них новые дома. Наиболее радикально этот вопрос был решен в Локотьском округе. 23 июня 1942 года Бронислав Каминский издал специальный приказ. В нем говорилось о том, что при раскулачивании у крестьян с нечеловеческой жестокостью производилось изъятие построек, скота, сельхозинвентаря и другого имущества. «В целях восстановления справедливости» всем категориям репрессированных (к ним относились раскулаченные, твердозаданцы и другие обиженные советской властью) безвозмездно возвращались принадлежавшие им ранее постройки всех видов: жилые дома, сараи, риги и прочее, сельхозинвентарь: молотилки, веялки, жатки, сеялки, а также подсобно-промышленные предприятия: мельницы всех видов, шерстобойки, крупорушки, просорушки и пр. Если ранее отобранные постройки были уничтожены, то репрессированным советской властью предоставлялись взамен равноценные — из бывших колхозных строений, в целом виде или частично. Если же дома были проданы, перестроены или использованы для общественно полезных нужд: на постройку школ, больниц, нужных для общества складов и бань, — то им отпускался бесплатно лесоматериал с вырубкой и вывозкой за общественный счет.

Особо жестоким преследованиям подвергались семьи красноармейцев, партизан, коммунистов, советских активистов. Немецкая пропаганда объясняла это

тем, что «любой грех, совершенный против своего народа, должен быть наказан»[21].

Машинно-тракторные станции и совхозы объявлялись на всей оккупированной территории России собственностью германского государства. МТС перестраивались в опорные пункты или базы, возглавляемые немецкими управляющими. К каждой базе прикреплялось до пятнадцати общинных хозяйств. Базы должны были обрабатывать уцелевшими тракторами и машинами земли общинных хозяйств, осуществлять агрономический надзор, внедрять улучшенные методы хозяйства, заготовлять посевное зерно, разводить племенной скот и вести образцовое хозяйство на собственных полевых участках. Базам поручалось также агрономическое обучение крестьян и политическая пропаганда. Совхозы переименовывались в государственные имения. Некоторые из них прикреплялись для обслуживания определенных немецких тыловых гарнизонов. Вместе с тем в русской пронацистской прессе писалось о том, что «правительство Германии не остается в стороне от посевной. Оно оказывает усиленную помощь, завозятся семена даже из Европы... Из германской армии отпускается много лошадей для сельского хозяйства. Поступила большая партия горючего для эксплуатации тракторов в посевной кампании: бензин, дизельные масла, заменяющие керосин, а также запасные части»[22].

Нельзя сказать, что это была чисто пропагандистская акция. Немецкие тыловые службы делали все, чтобы обеспечить вермахт необходимым объемом продовольствия. Часть скота, конфискованная у крестьян, передавалась в «государственные имения». В качестве рабочей силы туда привлекались крестьяне окрестных деревень. Прием, учет и хранение сельскохозяйственных продуктов, поступающих по обязательным поставкам и в результате реквизиций, а также доведение этого продовольствия до военных и гражданских органов снабжения, находящихся как в Германии, так и на оккупированной территории, были возложены на Центральное торговое общество «Восток». Этому же обществу поручался ввоз в оккупированные области сельскохозяйственных машин, инвентаря и товаров

широкого потребления для сельского рынка. Общество тесно сотрудничало с Восточным штабом экономического руководства. Правление общества находилось в Берлине; во всех оккупированных областях имелись его представительства и конторы, которых насчитывалось на захваченной нацистами территории нашей страны более четырехсот.

Немецкая пропаганда весной 1942 года выдвинула на оккупированной территории России лозунг «Судьба этого года войны находится в Ваших руках — русские крестьяне!».

Так как активная идеологическая обработка сельского населения не принесла тех результатов, на которые рассчитывали немецкие пропагандисты, решающую роль стал играть силовой фактор. Как мобилизованные, так и местные жители работали в сельском хозяйстве под надзором полиции и немецких управляющих. Последних к лету 1942 года во всех оккупированных областях насчитывалось от 13 до 16 тысяч человек[23].

Для надзора за проведением уборочных работ на места регулярно выезжали окружные генеральные комиссары и все чиновники их аппаратов. Так, в Курской области рабочий день в поле продолжался с пяти-шести часов утра до шести-семи часов вечера. Для обработки приусадебных участков отводилось два дня в неделю, остальное время каждый должен был трудиться на земле общинного хозяйства. За невыход на работу в первый раз накладывался штраф — до 500 рублей, во второй раз виновный отправлялся в лагерь военнопленных и у него конфисковывалось все его имущество. Там, где уклонение от работ принимало регулярный и организованный характер, применялись телесные наказания и расстрелы. Между русскими крестьянами и немецкими управляющими неоднократно происходили кровавые столкновения. По сообщениям немецких газет, «многие сельскохозяйственные руководители, честно исполнявшие свой долг, погибли на своем посту»[24].

Во многих районах хлеб в счет обязательных поставок увозился немцами на свои склады прямо с полей. За утайку хлеба, несвоевременную его сдачу, за всякое сопротивление германским солдатам и чиновникам

при насильственном изъятии хлеба население подвергалось штрафам, физическим наказаниям, заключению в тюрьмы и смертным казням. Так, например, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу хлеба накладывался штраф от 500 до 1000 рублей, а если это не давало результата, виновный подвергался телесному наказанию. В Смоленской области немцы объявили крестьян, уклоняющихся от сдачи хлеба, саботажниками, отбирали у них коров и кур, подвергали порке и другим физическим наказаниям, вплоть до расстрела.

Гитлеровцы иногда применяли и такой способ «заготовки» продуктов: оцепляли рынок и изымали все сельскохозяйственные продукты и вещи, а трудоспособное население отправляли в Германию на работы. Такой случай произошел, в частности, в Курске. 4 декабря об этом сообщалось в Берлин следующее: «Большое недовольство вызвало последнее официальное мероприятие по конфискации всех продуктов, которые сельское население привезло в Курск на рынок»[25].

Особенно жестокие формы приняли реквизиции в прифронтовой полосе, превращаемой немцами в «зону пустыни». Угоняя из этой зоны население, немцы реквизировали весь хлеб, скот, фураж и другие сельскохозяйственные продукты, абсолютно не считаясь с ранее установленными нормами и выполнением обязательных поставок. Реквизиции сопровождались сжиганием дотла деревень и массовым уничтожением мирного населения.

За ходом введения «нового аграрного порядка» следили не только тыловые службы вермахта, но и СД. Нацистские спецслужбы интересовали многие вопросы, связанные с реакцией русского населения на «Закон Розенберга». Они требовали от различных оккупационных чиновников и своей агентуры предоставления им подробной информации, не реже двух раз в месяц, о ходе аграрной реформы, а также сведений о реакции русского населения на мероприятия по ее осуществлению. Обязательным в отчетах было наличие цифрового материала и сравнение его с прежними показателями.

Представители советского сопротивления, находив-

шиеся на временно оккупированных территориях, подвергли немецкий закон «О твердом и трудолюбивом крестьянине» жесточайшей критике. Согласно этому закону, любой хозяин, систематически не выплачивающий налоги, мог лишиться всего своего имущества. Партизаны писали: «В этом году у тебя выйдет, но будет случай, когда тебе не под силу будет выплатить налог, и твое имущество с землей будет отобрано. Ты станешь батраком. Таким образом будут создаваться кадры для будущих немецких помещиков»[26].

Анализ документов полностью подтверждает правоту партизанского донесения о том, что к лету 1942 года «крестьяне поняли, что немцы — не друзья им. Они ждали родную Красную Армию, ждали советскую власть». Но при этом отмечалось, что «частнособственническую психологию крестьянина немцы разбудили. При оккупации она несколько проснулась. Население нам постоянно говорило: "Как бы что другое, а не колхоз"»[27]. Уже с лета 1942 года упоминания о колхозах и их восстановлении в партизанских заявлениях встречаются всё реже и реже. Форма обращения к населению меняется, вместо «колхозник» обычно используется «крестьянин». Основное содержание листовок этого периода: «Граждане, не работайте на немцев, саботируйте их приказы, прячьте имущество!» Партизанские агитаторы давали советы мирным жителям, как лучше уклониться от уплаты налогов. Некоторые пропагандисты по собственной инициативе говорили о том, что «после войны колхозов не будет, если разобьем немца, народу послабление выйдет»[28].

Боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны и обострение ситуации в тылу у вермахта заставили германскую администрацию к концу 1942 года приступить ко «второй ступени реформы». В ней предполагалось перейти к иной форме землепользования — к единоличному хозяйству на основе земледельческого товарищества. Закон предусматривал раздел между группами крестьян или отдельными крестьянскими хозяйствами производственного и тяглового скота и сельскохозяйственных машин и давал право единоличной обработки и сбора урожая. Было предус-

мотрено, что животноводство при этом порядке землепользования ведется исключительно единолично и не подлежит никаким ограничениям.

С 1943 года начался третий этап аграрной политики оккупантов. В этот период нацисты намеревались осуществить переход от «общинных хозяйств» к «товариществам по обработке земли», а в северо-западных районах РСФСР — ввести отрубную и хуторскую систему и осуществить попытку перехода на единоличное владение землей.

В условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне 3 июня 1943 года немцами была обнародована декларация «О частной собственности на землю». Объявлялось о том, что «в освобожденных областях начался переход на хутора и отруба. Отруб и хутор — это та форма землепользования и землевладения, которая займет преимущественное место в сельском хозяйстве будущей новой свободной России»[29]. Нацисты рассчитывали, что этот закон сможет повернуть ход войны. Для этого готовились крупномасштабные акции по распространению информации о нем по обе стороны линии фронта.

Указ о формах землепользования на Востоке, подписанный Альфредом Розенбергом, декларировал «поощрение и защиту частной собственности». Объявлялось, что земля переходит в личное пользование крестьян. При этом отмечалось, что «право на землю имеют все, кто обрабатывает ее своим трудом... в том числе лица, временно отсутствующие: находящиеся на военной службе как в вермахте, РОА, так и в Красной Армии, эвакуированные или увезенные большевиками, а также занятые в настоящий момент на работах в Германии или находящиеся в плену...»[30].

Намеченные оккупантами пропагандистские мероприятия и директивные указания на 1943 год были направлены на дальнейшую эксплуатацию сельского населения, получение бесплатной сельскохозяйственной продукции для вермахта и населения Германии. Но значительно изменился тон, которым нацисты говорили с русским крестьянином. На смену приказам, угрозам и презрительным рассуждениям о «миссионерской роли

немцев среди славян» пришли заигрывание и призывы «стать верным союзником в борьбе с жидо-большевизмом». Теперь в декларациях, обращенных к сельскому населению, появились такие выражения: «крестьянство как передовой слой населения», «русский крестьянин должен быть достоин великой чести — работать на собственной земле». Жителей деревень запугивали не только тем, что «большевики возродят колхозы», но и ссылкой в Сибирь и сталинскими лагерями.

Однако немецкая пропаганда не имела никакой реальной основы. На практике захватчики стремились всячески увеличить все виды поборов с крестьян. Так, в приказе по Смоленской области от 28 апреля 1943 года оккупационные власти писали: «Если в 1943 году военный сбор по птицеводству исчислялся в зависимости от поголовья птицы в хозяйстве, то с 1 сентября 1943 года сдача птицы и яиц будет производиться каждым крестьянским двором независимо от того, имеется ли птица в хозяйстве или нет»[31]. В другом приказе отмечалось: «План мясопоставок с 1 сентября 1943 года по 31 августа 1944 года будет доведен до каждого двора, таким образом, участвовать в нем будут не отдельные лица, а все члены общин независимо от того, имеют ли они животных или нет». В этих условиях все шире практиковалась коллективная ответственность деревенских жителей при сдаче оккупационным властям различных продуктов питания. Но, несмотря на все усилия оккупантов, объем сельскохозяйственных заготовок продолжал сокращаться.

Указ «О трудовой повинности и назначении трудящихся на работу в оперативной зоне занятых восточных областей» заставил население более активно приступить к созданию «лесных лагерей», о необходимости которых говорили и писали партизаны.

Последним этапом в противостоянии советской и немецкой сторон в социально-экономической сфере была эвакуация населения из прифронтовой полосы. Так, в конце 1943 года в районе действий группы армий «Север» оккупанты заявили, что хотя уходить они не собираются, но обеспечить полную защиту крестьян от «бандитов» они не в состоянии. Для «спасения» личного

имущества было издано постановление конференции северных комендатур от 23 декабря 1943 года. По нему весь скот и сельхозинвентарь изымался под защиту германской армии. Предполагалось повесить бирки и весной всё вернуть владельцам[32].

Начавшаяся депортация гражданских лиц и реквизиции в пользу вермахта заставили последних сомневающихся последовать советам партизан. В одном из их донесений сообщалось: «Грабеж немцев-солдат был при наступлении, затем немецкое командование начало с этим бороться. 1942 год — самый благоприятный в этом отношении. Фашисты играли с нашим населением до движения фронтов. Как стало ясно, что территорию придется оставлять, начался ничем не прикрытый разбой»[33]. Это было явным симптомом провала нацистской оккупационной политики в сельском хозяйстве.

Глава десятая

«НОВЫЕ РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ» И ИХ ХОЗЯЕВА

Нацистская политика в экономике и промышленности. — Приватизация 1941 года. — Налоги и сборы. — Заработная плата. — Банковская политика. — Магазины и снабжение. — Рынки. — На работу в Европу

С целью привлечения к войне против СССР стран-сателлитов в нацистских средствах массовой информации богатства России объявлялись общеевропейским достоянием. Экономистами Третьего рейха рассматривались варианты использования в интересах Германии денежных, материальных и людских ресурсов побежденных государств.

В немецкой публицистике активно муссировался тезис о том, что само существование Германии как мировой державы и будущее благосостояние немецкого народа в основном зависят от удержания и освоения оккупированных областей на Востоке.

Военно-экономический аппарат еще до начала войны против СССР начал накапливать разведывательный материал о точном размещении, характере и мощности промышленных предприятий и сельскохозяйственных районов на предполагаемом театре военных действий.

Хозяйственные управления и команды, а также управления и команды по снаряжению не охватывали все населенные пункты на оккупированной территории нашей страны. В некоторых сельскохозяйственных районах функции этих органов выполняли местные военные комендатуры, которые организовывались непосредственно штабами действующих частей. Местные комендатуры в первый период оккупации осуществляли административное управление, организовывали борьбу с партизанами и подпольщиками, выявляли коммунистов и евреев, назначали сельских старост и бургомистров, организовывали вспомогательную полицию и гражданские административные управления.

Комендатуры в городах возглавлялись старшими офицерами, а в наиболее крупных из них — генералами. Например, комендантом города Орла был назначен генерал Гаманн.

Комендатура поддерживала тесную связь с гестапо и имела в своем составе агентурную сеть, помещение для арестованных и команду по охране, а также отделы: военный, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных и финчасть[1].

В небольших населенных пунктах комендатуры имели меньший личный состав и упрощенную организацию.

Уже в первые дни оккупации, в соответствии с директивами Восточного штаба экономического руководства, германские военные службы полностью реквизировали на всех фабриках, заводах и складах различные виды жидкого топлива, смазочные вещества, сырье, полуфабрикаты и готовую продукцию.

В марте и апреле 1942 года проводилась конфискация растительных, животных и искусственных жиров, олифы, глицерина, стеарина, нефти, мазута, авиационного бензина, минеральных масел и смол. На предприятиях были даже изъяты кожаные приводные ремни.

Стремясь захватить полностью все запасы дефицитного сырья, немцы запретили производство товаров первой необходимости для снабжения местного населения. К ним относились мыло, обувь, кожевенные изделия. Ремесленники в этих условиях наладили выпуск обуви из дерева. Широкое распространение получило плетение лаптей.

В ближайших к фронту тыловых районах восстановление промышленных и коммунальных предприятий производилось техническими батальонами и отрядами технической помощи. Для руководства предприятиями назначались управляющие, действовавшие как уполномоченные германского государства. Кроме того, в 1941—1942 годах на оккупированной территории России было создано около пятидесяти обществ и компаний по эксплуатации отдельных отраслей промышленности.

С июля 1941 года в Германии стали образовываться так называемые «восточные компании». Обычно они являлись филиалами крупных акционерных обществ и фирм, при помощи которых германский капитал стремился к непосредственному осуществлению собственных экономических целей. В этих условиях возникла целая система «подшефных фирм» и «опекунов», через которые крупнейшие немецкие монополии попытались взять под контроль наиболее ценные отрасли и предприятия советской промышленности. Так, например, металлургический завод в Таганроге стал опекаться фирмой «Маннесман — Рёренверке»[2].

Еще в указаниях Геринга от 27 июля 1941 года относительно управления экономикой в оккупированных советских областях в связи с образованием восточных компаний говорилось, что первоначальное использование немецких предприятий в качестве отдельных опекунов следует рассматривать лишь как временную переходную меру. Рекомендовалось как можно быстрее организовать «сдачу восточных объектов в аренду» этим немецким предприятиям.

Уже в первые недели оккупации в городах и крупных населенных пунктах восстанавливались объекты, обеспечивавшие их нормальную жизнедеятельность. В пер-

вую очередь восстанавливались некоторые коммунальные предприятия в городах, где размещались большие гарнизоны, штабы и военные учреждения. На начало 1942 года имеются сведения о пуске следующих коммунальных предприятий в крупных русских городах: Смоленск — электростанция «Смолэнерго», водопровод; Орел — электростанция, водопровод, баня. Брянская ГЭС снабжала током города Брянск и Карачев. При этом электрический ток подавался только в дома, занятые немцами, а также на оборонные предприятия.

Оккупанты стремились пустить в ход предприятия по производству строительных материалов, продукция которых использовалась для постройки полевых укреплений, мостов, дорог, казарм и т. п. Так, к 1942 году начали успешно функционировать лесопильные заводы в Лисино, Луге (Ленинградская область) и в Карачеве (Орловская область). На них широко применялся труд военнопленных. В Смоленске предприниматель С. Б. Владимиров организовал «литейно-механический завод». Об этом с пафосом писал в статье «Создатели капитальных ценностей», опубликованной в газете «Новый путь», журналист В. Александров. В ней говорилось о том, что «частная инициатива, освобожденная из-под семи замков ненавистной большевистской опеки, бьет живительным ключом, создавая фундамент новой жизни»[3]. Но на практике этот «завод» являлся небольшой ремонтной мастерской, работавшей на немецком оборудовании и в основном по заказам вермахта[4].

Машиностроительные, металлообрабатывающие и химические заводы и мастерские приспосабливались немцами главным образом для среднего и капитального ремонта автомашин, танков, артиллерийского вооружения и самолетов. Так, в районе Смоленска летом 1942 года действовало шесть мастерских по ремонту танков[5]. Иногда ремонтные базы оборудовались в уцелевших промышленных зданиях независимо от того, какое производство размещалось здесь прежде. Недостающие станки, инструменты, оборудование, технические кадры и часть рабочих доставлялись из Германии, а также из стран, находившихся под нацистской оккупацией. На базе некоторых советских заводов

немцы организовали производство авиабомб, боеприпасов и боевых химических веществ. На отдельных металлообрабатывающих заводах немцы наладили ремонт тракторов и производство граблей, серпов, вил и т. п. Кроме экономической выгоды подобные предприятия по замыслу оккупантов должны были приносить и определенные пропагандистские результаты. В коллаборационистских газетах регулярно публиковались материалы «об успешной помощи возрождающейся русской промышленности, возрождающемуся русскому сельскому хозяйству и крестьянству»[6].

Из газеты «Новый путь»:

«Первый патент

Еще дымились развалины разрушенных зданий, орудийная канонада не смолкала в окрестностях города, притаившиеся жиды-поджигатели уничтожали один дом за другим, и разбежавшиеся жители, наблюдая издали за своим городом, боялись возвращаться на пепелище... Не было ни продовольственных магазинов, ни рынка. Голодные детишки толпились возле походных немецких кухонь, гремя пустыми котелками. Городское самоуправление только что создалось. Чем оно может помочь обездоленным жителям? В его распоряжении — ни запасов продовольствия, ни транспорта, ни гроша денег.

Дмитрий Петрович Новиков идет в городское управление и дает первую заявку на открытие овощного магазина. Его инициативу горячо приветствуют все члены городской управы, хотя и выражают сомнение в благоприятных результатах благородного начинания.

— Где вы добудете транспорт? Из каких источников будете снабжать свой магазин овощами?

— Как-нибудь обернусь... Дайте только разрешение.

Новикову выдают патент № 1.

Это была первая ласточка, прилетевшая на дымящиеся развалины.

Первую вывеску на ларьке у Молоховской площади "Торговля овощами Д. Новикова" все созерцали, как вестницу возрождающейся жизни.

С большой радостью брали покупатели картофель, огурцы, помидоры и от всего сердца благодарили хозяина и его обходительную хозяйку Анастасию Андреевну.

Много хлопот свалилось на Дмитрия Петровича. Единственный овощной ларек на весь город! Уже это обстоятельство обязывало ко многому: нужно было так распределять время, чтобы его хватало на всё: и на поездки по деревням на приобретенной старенькой лошаденке, и на подвоз овощей, за которыми с утра выстраивалась огромная очередь. Приходилось недосыпать ночей, за хлопотами некогда было поесть.

До поздней осени снабжал Д. П. Новиков овощами жителей Смоленска. Потом его овощной ларек был превращен в комиссионный магазин по Годуновской, 11. Весной временно пришлось перебраться в подвальное помещение на Молоховской площади, а теперь городское управление предоставило Новикову удобное светлое помещение по Главной улице, 5.

Всего в Смоленске семь комиссионных магазинов. В каком из них больше всего покупателей? В магазине Новикова. Чем это объясняется? Многими причинами. Большой ассортимент товара, внимательность хозяина, доступность цен — вот что заставляет потребителей идти к Новикову.

Пожелаем этому деятелю на поприще восстановления жизни больших успехов на благо возрождающейся родины.

Поздравляем его со славной годовщиной неутомимой деятельности.

Дмитрий Березов».

Наибольшее количество промышленных предприятий на оккупированной территории России успешно функционировало в городе Орле. Здесь достаточно стабильно работали два авторемонтных завода, танкоремонтные мастерские и завод боеприпасов. Газета «Речь» неоднократно писала о том, что «скромные и честные орловские труженики находятся на переднем крае борьбы с проклятым жидо-большевизмом».

На юге, в Таганроге, в 1942 году начал работу завод

Вербовка населения в ряды защитников «Новой Европы»

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

водится до всеобщего сведения граждан города Трубчевска и его района, что Управлением ГОМИСТРА Трубчевского района в г. Трубчевске

С 27-ГО ДЕКАБРЯ С. Г.

ПРОИЗВОДИТСЯ НАБОР

ОТРЯД ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДА И РАЙОНА,

сроком на шесть месяцев на условиях:

1. Зарплата 300 рублей в месяц
2. Полное бесплатное довольствие бойцам
3. Обеспечивается общежитием.
4. Семья бойца обеспечивается бесплатным пайком еда по 400 грамм муки на каждого члена его семья день.
5. Освобождается, как сам боец, так и вся его семья всех видов налога и повинностей.
6. Предоставление лучших участков земли с полной обработкой и закреплением за ними в первую очередь, как в городе, так и в деревне.
7. Полное обеспечение семья топливом, а также предоставлением других преимуществ.

Лица, желающие поступить в отряд охраны общественной безопасности, должны обращаться в СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ—К СТАРОСТЕ по месту своего жительства, а в ГОРОДЕ В РАЙУПРАВЛЕНИЕ.

27 декабря 1941 г.
г. Трубчевск.

РАЙУПРАВЛЕНИЕ.

В любой стране есть предатели

Добровольцы пишут Адольфу Гитлеру

Отклоняя из принципиальных соображений все просьбы чужестранцев сражаться под германскими знаменами, германское командование все же не находит возможным противиться все более и более горячим и настойчивым желаниям несметных тысяч добровольцев, просящих отправить их на Восточный фронт, в качестве верных союзников, в собственных национальных соединениях. Верные сыны своей родины, они добровольно идут сражаться в рядах освободительных армий против большевизма, за благо своей родины и народа. Их благодарность и жертвенная готовность искренно выражаются в бесчисленных письмах, ежедневно направляемых на имя германского командования. Как образец, мы приводим здесь одно из таких писем, направленное одиннадцатью добровольцами Фюреру Великогермании, Адольфу Гитлеру:

Приветственная грамота Фюреру Великогерманского народа, господину Адольфу Гитлеру.

Господин Канцлер Великогермании, примите от нас наше искреннее пожелание быстрейшей победы над врагом человечества — большевизмом.

В нашей стране, освобожденной от кабалы жидовско-большевицкого режима, вновь расцветет жизнь, за которую люди возвадут славу Вам и Вашим соратникам, помогающим Вам делом и советом.

Мы, бывшие военнопленные, в настоящее время добровольцы, находясь в распоряжении германского командования, видим хорошо, за что благодарим Вас, Фюрера Великогерманского народа, и желаем Вам здравствовать многие лета. В любой момент, когда от нас потребуется защита общих с нами интересов германского народа — мы всегда готовы выступить во всеоружии.

Подписи: Леонтьев, Краснальников, Ванышев, Емельянов, Шаршавин, Сидоров, Турчин, Чухлявцев, Никитин, Ататдманов, Блинов.

Это письмо характеризует настроение среди добровольцев, — их боевую готовность. Если будет нужно, они готовы в борьбе против большевизма пожертвовать своей жизнью. Но это письмо говорит также и о том, что изо дня в день чувствуют и переживают десятки и сотни тысяч добровольцев: они выражают горячую благодарность Германии, позволившей им рассчитаться с большевиками кровавым счетом за гибель своих родителей, детей и братьев. Вместе с тем оно является и обязательством, добровольно взятым на себя во имя свободы и счастья родной русской земли.

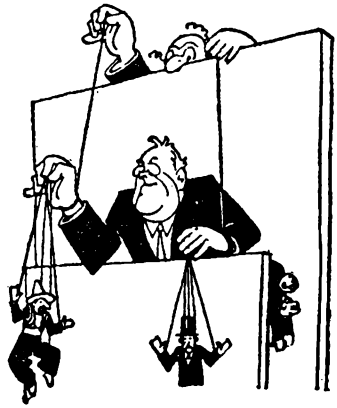

Коллаборационистские газеты

Такими нацистская пропаганда представляла действия англо-американской авиации

В РУКАХ У РЕЖИССЕРА

Рузвельт очень долго стукал
Друг о друга этих кукол
И за нитки дергал их,
Как сотрудников своих.

Сам же он, в виде актера,
Был в руках у режиссера, —
Режиссер, хотя и скрыт,
Но его нос здесь торчит.

...а такими – образы Рузвельта...

...и Черчилля

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Черчилль решил ввести в структуру английской армии политруков. (Из газет.)

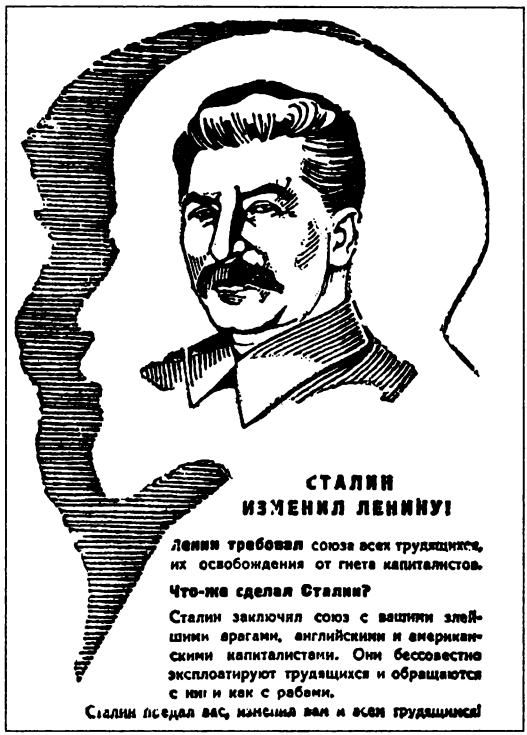

Лавры Сталина не дают покоя Черчиллю

Антисемитизм и антикоммунизм –
стержень нацистской пропаганды

Нацизм
за «чистоту
ленинизма»

Фальшивая
листовка,
выпущенная
гитлеровцами

Подобострастное признание

Адольф Гитлер

В складках губ, в его лучистом взоре
Непреклонность, воля и борьба.
Знает он, что значит жизни горе,
Подневолье бедного раба.
Он прошел через года лишений,
Он познал и горе и нужду,
Коммунизма жуткое похмелье,
Подчиненье подлому жиду.
И борьбой великой, неустанной
Своему народу Гитлер дал
Радость жизни, бодрый труд желанный
И свободу он завоевал.
Но томятся многие народы
Под жидовской страшною пятой,
Захлебнувшись горем и невзгодой,
Океаном крови пролитой.
И — во имя мира, состраданья —
За свободу, счастье, бодрый труд,
Строить нашей новой жизни зданье
К нам полки германские идут.
Это он их двинул нам навстречу,
Чтобы нас освободить навек,
Чтобы русские, свои расправив плечи,
Вновь познали слово «человек».
В складках губ, в его открытом взоре
Видим мы и радость и привет.
Знаем мы, что засияет вскоре
Долгожданной лучшей жизни свет.

Алексей Сиверский.

Коллаборационистская листовка

ГИТЛЕР-

ОСВОБОДИТЕЛЬ
от сталинского колхозного ярма!

ЗНАЧИТ
— Гитлер друг крестьянина!

Чего-же ждать?

ПОЙДУ К ГИТЛЕРУ!

Первая беседа деда-всеведа

Здравствуйте, дорогие крестьяне и крестьянки! Не любили вы советские газеты-шарманки. Были в них только брехня да сказки, а сейчас мы правду говорим без опаски. Подходи соседка, подходи сосед—послушайте, что расскажет правдивый дед!

Двадцать четыре года мы коровкой были, большевики нас в дырявый подойник доили. Сталин и Каганович были главные доярки. Жидовью всего света посылали подарки, выжимали из нас и кровь и пот, готовили великий военный поход. Хотел Сталин по жидовскому заданию покорить им для дойки Германию. Но Германия не только себя защитила, а и нас от большевистского ига освободила. Пришла для нас желанная пора—открыт широкий путь на хутора!

Но послушайте дедов разумный совет. Сейчас бежать на хутора неслед. Нужно старательно, толково и умело подготовиться для такого дела, чтобы на хуторе не волком выть, а по-хозяйски приготовиться зажить.

Родная ты наша, матушка-землица! Мне от радости не дремлется, не спится! Вижу, как мой рожь на моих нивах колосится! Коров да овец на дворе вереница! Роет землю копытом вороная кобылица! И полною чашей стоит мой дом, и жене и детям привольно в нем! Телегу на железном ходу подмажу—повезу из хозяйства излишки на продажу. Продам, пройдусь по магазинам и складам—вот это мне надо и то мне надо. Большевики нам заграничного товара не возили и за всякую дрянь с нас три шкуры лупили. А сейчас я германские товары выбираю, по дешевой цене, что хочу, то покупаю.

Вот какая жизнь действительно хороша! Вот к какой жизни лежит душа!

А вы, крестьяне и крестьянки, скажите,—разве такой вы жизни не хотите? А если имеете к ней стремление, так приложите к этому все старанье и уменье!

Не бывать уж никогда колхозу, но не спешите на хутор босиком по морозу! Берегите постройки, инвентарь и скот—все это к вам на хутор пойдет!

Будем спокойно по-хозяйски трудиться, это нам сторицей вознаградится. Великая справедливая Германия удовлетворит наши желания.

«Беседы деда-всеведа» — одно из средств идеологической обработки населения

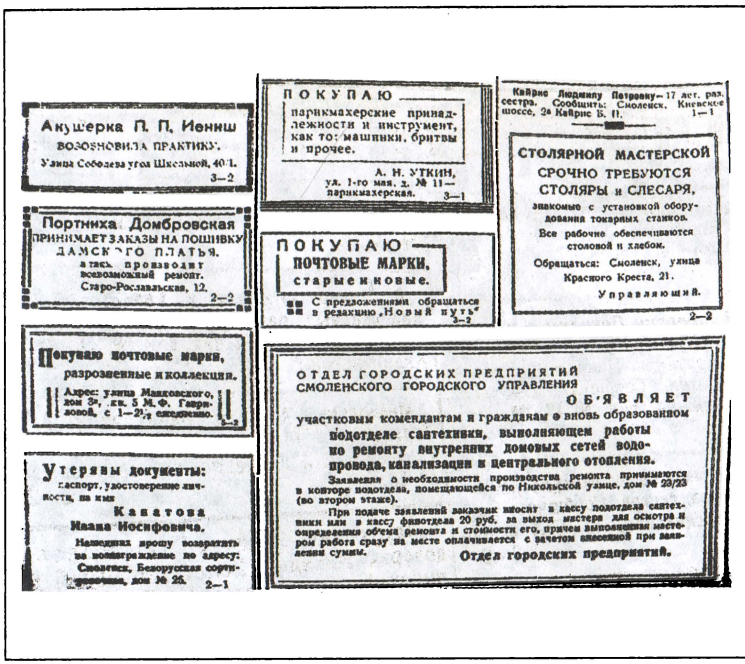
ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ.

К новому аграрному порядку

Германия во время нынешней войны стала центром снабжения Европы. Рабочие всех наций, участвующих в строительстве Новой Европы, стекаются сюда, чтобы усердным трудом помочь своей родине.

Радужные обещания – на плакатах, рабский труд – в реальности

Акушерка П. П. Иенш
возобновила практику.
Улица Соболева угол Шкельной, 40/1.
3—2

Портниха Домбровская
принимает заказы на пошивку дамского платья,
а также производит всевозможный ремонт.
Старо-Рославльская, 12.
2—2

Покупаю почтовые марки,
разрозненные и коллекции.
Адрес: улица Маяковского, дом 3а, кв. 5 М. Ф. Гавриловой, с 1—2½ ежедневно.
5—3

Утеряны документы:
паспорт, удостоверение личности, на имя
Каратова
Ивана Иосифовича.
Нашедших прошу возвратить за вознаграждение по адресу:
Смоленск, Белорусская сортировка, дом № 26.
2—1

ПОКУПАЮ
парикмахерские принадлежности и инструмент, как то: машинки, бритвы и прочее.
А. Н. УТКИН,
ул. 1-го мая, д. № 11—
парикмахерская.
3—1

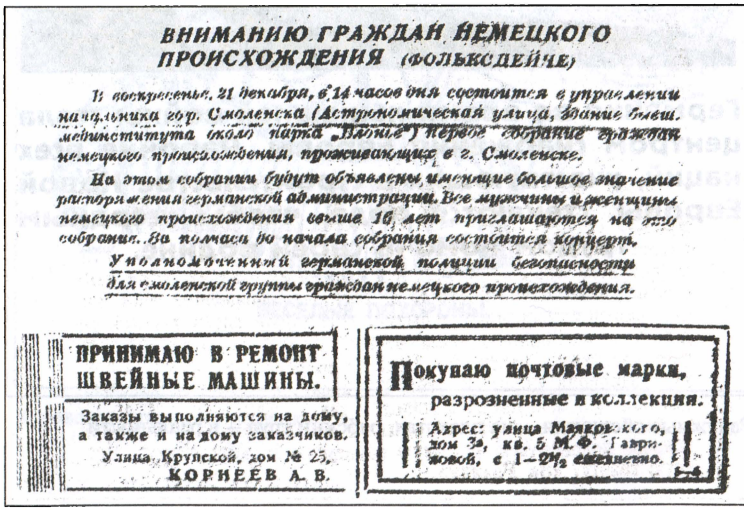
ПОКУПАЮ
ПОЧТОВЫЕ МАРКИ,
старые и новые.
С предложениями обращаться в редакцию „Новый путь"
3—2

Кайрис Людмилу Патровну—17 лет, рас. сестра. Сообщить: Смоленск, Киевское шоссе, 2а Кайрис Б. П.
1—1

СТОЛЯРНОЙ МАСТЕРСКОЙ
СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ
СТОЛЯРЫ и СЛЕСАРЬ,
знакомые с установкой оборудования токарных станков.
Все рабочие обеспечиваются столовой и хлебом.
Обращаться: Смоленск, улица Красного Креста, 21.
Управляющий.
2—2

ОТДЕЛ ГОРОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ОБЪЯВЛЯЕТ
участковым комендантам и гражданам о вновь образованном
подотделе сантехники, выполняющем работы по ремонту внутренних домовых сетей водопровода, канализации и центрального отопления.
Заявления о необходимости производства ремонта принимаются в конторе подотдела, помещающейся по Никольской улице, дом № 29/23 (во втором этаже).
При подаче заявлений заказчик вносит в кассу подотдела сантехники или в кассу финотдела 20 руб. за выход мастера для осмотра и определения объема ремонта и стоимости его, причем выполнением мастером работа сразу на месте оплачивается с зачетом внесенной при заявлении суммы.
Отдел городских предприятий.

Характер газетных объявлений

ВНИМАНИЮ ГРАЖДАН НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (ФОЛЬКСДЕЙЧЕ)

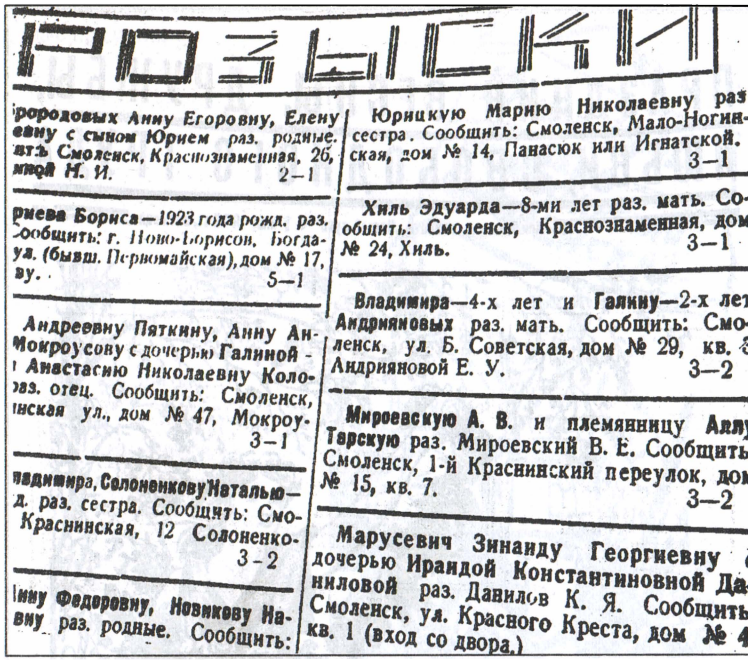
В воскресенье, 21 декабря, в 14 часов дня состоится в управлении начальника гор. Смоленска (Астрономическая улица, здание бывш. мединститута около парка „Блонье") первое собрание граждан немецкого происхождения, проживающих в г. Смоленске.

На этом собрании будут объявлены имеющие большое значение распоряжения германской администрации. Все мужчины и женщины немецкого происхождения свыше 16 лет приглашаются на это собрание. Во время до начала собрания состоится концерт.

Уполномоченный германской полиции безопасности для смоленской группы граждан немецкого происхождения.

ПРИНИМАЮ В РЕМОНТ ШВЕЙНЫЕ МАШИНЫ.
Заказы выполняются на дому, а также и на дому заказчиков.
Улица Крупской, дом № 25,
КОРИЕЕВ А. В.

Покупаю почтовые марки,
разрозненные и коллекции.
Адрес: улица Маяковского, дом 3а, кв. 5 М. Ф. Гавриловой, с 1—2½ ежедневно.
5—3

РОЗЫСКИ

ородовых Анну Егоровну, Елену евну с сыном Юрием раз. родные. ать Смоленск, Краснознаменная, 2б, мей Н. И. 2—1

риева Бориса—1923 года рожд. раз. Сообщить: г. Ново-Борисов, Богда- уа. (бывш. Первомайская), дом № 17, ву. 5—1

Андреевну Пяткину, Анну Ан- Мокроусову с дочерью Галиной - Анастасию Николаевну Коло- раз. отец. Сообщить: Смоленск, нская ул., дом № 47, Мокроу- 3—1

ладимира, Солоненкову Наталью— д. раз. сестра. Сообщить: Смо- Краснинская, 12 Солоненко- 3—2

ину Федоровну, Новикову На- раз. родные. Сообщить:

Юрицкую Марию Николаевну раз сестра. Сообщить: Смоленск, Мало-Ногин- ская, дом № 14, Панасюк или Игнатской. 3—1

Хиль Эдуарда—8-ми лет раз. мать. Со- общить: Смоленск, Краснознаменная, дом № 24, Хиль. 3—1

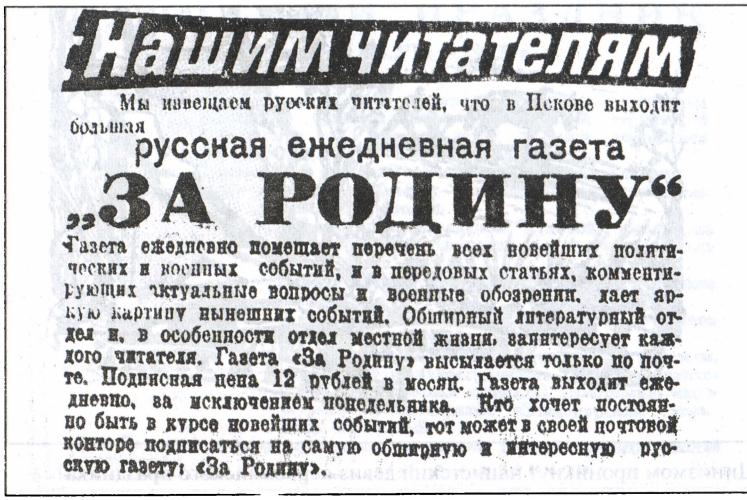
Владимира—4-х лет и **Галину**—2-х лет **Андрияновых** раз. мать. Сообщить: Смо- ленск, ул. Б. Советская, дом № 29, кв. 3 Андрияновой Е. У. 3—2

Мироевскую А. В. и племянницу **Аллу Тарскую** раз. Мироевский В. Е. Сообщить: Смоленск, 1-й Краснинский переулок, дом № 15, кв. 7. 3—2

Марусевич Зинаиду Георгиевну с дочерью **Ирандой Константиновной Да- ниловой** раз. Данилов К. Я. Сообщить Смоленск, ул. Красного Креста, дом № 4, кв. 1 (вход со двора.)

Объявление о розыске восьмилетнего Эдуарда Хиля – будущего народного артиста РСФСР

Анонс в газете псковских коллаборационистов

Нашим читателям

Мы извещаем русских читателей, что в Пскове выходит большая

русская ежедневная газета

„ЗА РОДИНУ“

Газета ежедневно помещает перечень всех новейших политических и военных событий, и в передовых статьях, комментирующих актуальные вопросы и военные обозрения, дает яркую картину нынешних событий. Обширный литературный отдел и, в особенности отдел местной жизни, заинтересует каждого читателя. Газета «За Родину» высылается только по почте. Подписная цена 12 рублей в месяц. Газета выходит ежедневно, за исключением понедельника. Кто хочет постоянно быть в курсе новейших событий, тот может в своей почтовой конторе подписаться на самую обширную и интересную русскую газету: «За Родину».

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ, ДРУЖБЫ, ЛЮБВИ, СВОБОДНОГО ТРУДА

Приложение к газете „Новый путь" • 1 мая 1942 г., пятница

Цинизмом проникнут нацистский девиз первомайского праздника

Новая власть –
новые праздники

16 ИЮЛЯ с. г., ПО СЛУЧАЮ ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЫ
ОСВОБОЖДЕНИЯ Г. СМОЛЕНСКА
ОТ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОИТСЯ

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК

Программа 16.VII – 1943 г.

10 час. – молебен в Соборе.
12 час. – парад стражи, гор. пожарной команды с участием военного оркестра авиационных частей германской ар ии на ул. Глинки, перед зданием городского управления.
12 ч. 30 м. концерт военного оркестра у памятника Глинки.
15 – 20 час. – народное гулянье в Наполеоновском саду со следующей программой:

1. Танцы под городской духовой оркестр на волейбольной площадке и др. местах сада под баян.
2. Выступление хора Народного театра – русские песни.
3. Эстрадное выступление артистов Бобруйского ансамбля и группы Лукашева.
4. Спортивное состязание футбольной команды.

В 4 и 7 часов – киносеансы в недостроенном здании кинематографа (Молоховская площадь). Программа: киножурнал и кинофильм «Эшнапурский тигр». Вход свободный.

Начальник города приглашает население города принять участие в торжествах.

ТРЕБУЮТСЯ

православные священники

В освобожденных областях православные храмы открываются один за другим, но многие церкви еще не могут открыть своих дверей из-за отсутствия духовенства. Чтобы получить сведения о количестве подходящих к духовному сану лиц в каждой отдельной области, кандидатов на духовные должности просят зарегистрироваться в редакции газеты своей области или района. Из числа зарегистрировавшихся кандидатов экзархиат православной церкви изберет нужных священников.

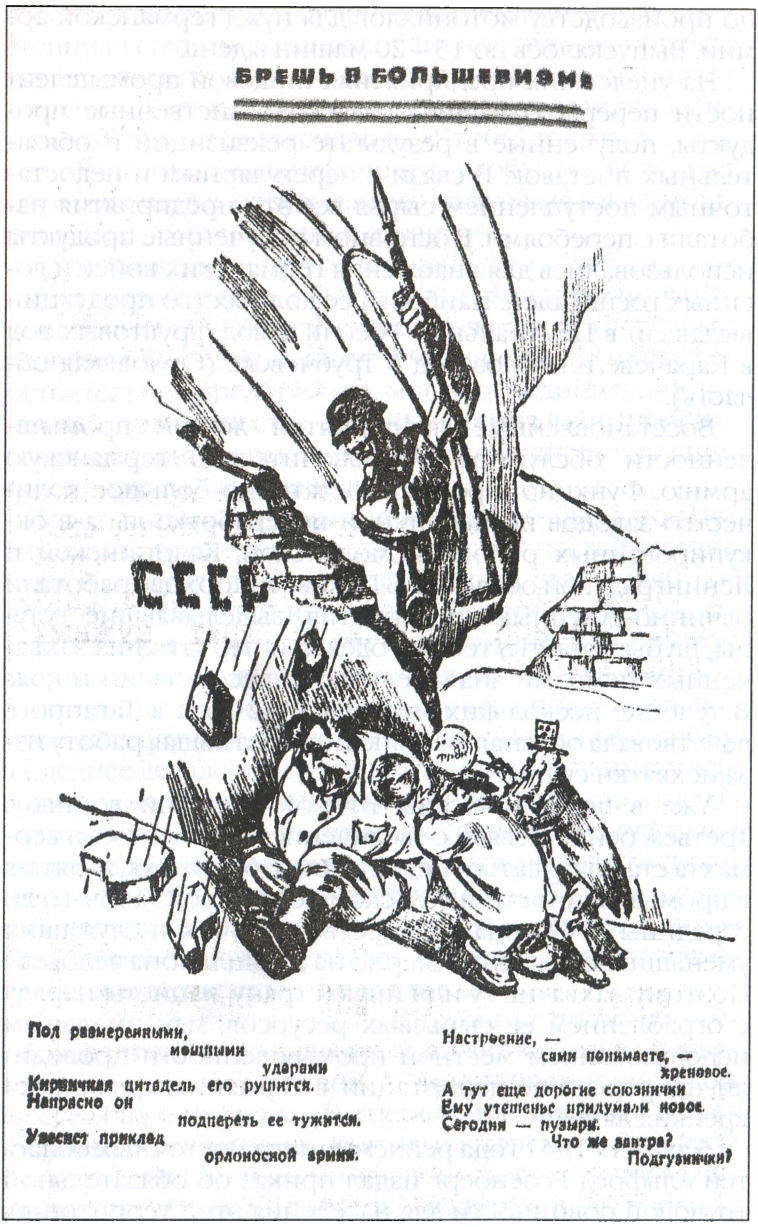
По ускоренной программе

КУРСЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СВЯЩЕННИКОВ

с 1-го июня 1943 г. открывает Смоленское епархиальное управление.

На курсы принимаются лица в возрасте не моложе 18 ти лет и с образованием не ниже 7-ми классов. Курсанты будут обеспечены квартирой, обедом в столовой и общегражданским пайком. Заявления направлять в г. Смоленск, Епископу.

2—1

Дальше бреши дело не пошло

по производству мотоциклов для нужд германской армии. Выпускалось по 15—20 машин в день.

На уцелевших предприятиях пищевой промышленности перерабатывались сельскохозяйственные продукты, полученные в результате реквизиций и обязательных поставок. В связи с нерегулярным и недостаточным поступлением сырья все эти предприятия работали с перебоями. В основном полученные продукты использовались для снабжения германских войск и военных госпиталей. Наибольшее количество продукции выдавали в Центральной России завод фруктовых вод в Карачеве и маслозавод в Трубчевске (Орловская область).

Восстановленные предприятия легкой промышленности обслуживали исключительно германскую армию. Функционировало достаточно большое количество заводов по первичной переработке льна в оккупированных районах Смоленской, Калининской и Ленинградской областей. В Пскове и Порхове работали овчинно-тулупные предприятия, выделывавшие тулупы, шубы, жилеты, теплые одеяла и перчатки из захваченных немцами значительных запасов овчин и кож. В течение нескольких месяцев 1942 года в Таганроге действовала обувная фабрика, прекратившая работу из-за нехватки сырья.

Уже в первые месяцы Второй мировой войны в Третьем рейхе в связи с увеличением численности вермахта стал ощущаться недостаток рабочих рук, занятых в промышленности и сельском хозяйстве. С 1939-го до середины 1941 года количество рабочих и служащих уменьшилось здесь примерно на 2,7 миллиона человек[7]. Поэтому, захватив ту или иную страну, нацисты наряду с ограблением ее сырьевых ресурсов, максимальным использованием местной промышленности проводили непрерывные депортации в Германию физически крепких людей.

5 августа 1941 года рейхсминистр Восточных областей Альфред Розенберг издал приказ об обязательной трудовой повинности для населения этих территорий. Уклонение от нее каралось тюрьмой.

Но при этом гитлеровцы отлично понимали, что для

относительно полного использования экономического потенциала оккупированных районов нужно добиться хотя бы минимальной поддержки со стороны местного населения. В документах командования немецко-фашистской армии разъяснялось: «Чтобы добиться здесь наивысшей производительности, необходимы добрая воля и готовность к труду самого населения как помощника в деле восстановления страны»[8].

Существовавшие при советской власти артели и союзы кустарей были объявлены ликвидированными. Провозглашалось восстановление частных кустарных предприятий. Кустари, не получившие права иметь самостоятельное предприятие, могли объединиться в артели или товарищества. Для их организации требовалось разрешение оккупационных властей. Вступление евреев в артели было запрещено.

Перед кустарной промышленностью была поставлена задача осуществлять для воинских частей ремонт обуви и обмундирования, изготовлять различный военно-хозяйственный инвентарь. Помимо военных заказов кустари должны были снабжать местный рынок товарами широкого потребления, используя местное сырье и остатки военных материалов, иногда, в исключительных случаях, выделяемых германскими властями. Последнее делалось по инициативе нацистских пропагандистских служб, а также некоторых представителей оккупационной администрации. Таким путем оккупанты намеревались хотя бы отчасти удовлетворить спрос крестьян на предметы повседневного обихода, повысить покупательную способность денег и стимулировать добровольную продажу русскими крестьянами сельскохозяйственных продуктов.

Восстановлению кустарной промышленности в «освобожденных от большевиков областях» было посвящено немало материалов в коллаборационистской прессе. Так, в журнале «На переломе» писалось о «непрерывном росте ремесленных мастерских». В качестве образца приводился Симферополь, где «96 промышленных предприятий работают на германское военное командование и население, вырабатывая ежемесячно продукции на 1 300 000 рублей»[9].

В Орле функционировали мастерские по обработке металла, хозяевами которых являлись новоявленные капиталисты Сиротский, Васильев и Ноздрунов. Они изготавливали по заказам германского командования ведра, тазы, кастрюли, кофейники, железные печи.

Однако из-за отсутствия сырья, топлива, недостатка квалифицированных кадров кустарная промышленность не оправдала надежд германских властей. Те кустарные предприятия, которые не получали германских заказов, находились в жалком состоянии или полностью бездействовали. Характерно, что в качестве образцового кустарного предприятия, ориентированного исключительно на «культурные запросы русского населения», коллаборационистская газета «Речь» превозносила «небольшую конвертную мастерскую А. А. Кожиной». По случаю годовщины этого «предприятия» вышла большая статья. Очевидно, коллаборационистские журналисты этой газеты не смогли найти более внушительного примера восстановительной работы в сфере кустарной промышленности[10]. Уничижительной критике на страницах оккупационной прессы так же подвергалась жизнь в СССР в предвоенные годы.

Из газеты «Новый путь»:

«Два примера

23 года население Смоленска и всей России жило в тяжелых материальных условиях. Вместо описываемого в литературе и показанного в фильмах расцвета и "рая земного" в действительности мы во многом видели нищету и упадок. Заработной платы хватало на самое примитивное существование.

Развитие кустарных промыслов всячески тормозилось, частная торговля и личная инициатива в ней были вырваны с корнем, несмотря на существенную потребность в них населения.

Смоленск до войны имел 165 тысяч жителей; в 1939 году в городе было 239 кустарей, в 1940 году — 184, а на 20 июня 1941 года — 136.

Свертывание частной инициативы происходило на 25% ежегодно.

Посмотрите, что в этом направлении произошло

только за пять месяцев после освобождения Смоленска. В городе с 40 тысячами жителей в сентябре было 94 кустарных промысла, в октябре — 161, в ноябре — 214. Прибавьте к этому 15 уже организованных торговых предприятий. А ведь это только начало!

Богатство и зажиточная жизнь населения есть отражение общего благосостояния страны. Вести государство к нищете и уничтожению частной инициативы могла лишь клика коммунистических безумцев. Теперь народу дана возможность поистине широко применить "русский размах", и наш народ без партийных вожаков и понукателей приведет себя в ближайшие годы к подлинно человеческой жизни.

М.».

Но так хорошо дела складывались лишь на страницах коллаборационистской прессы. Например, в Пскове начальник района Горожанский в своем докладе 22 марта 1943 года в связи с годовщиной работы Псковского районного управления, говоря о развитии промышленности, смог отметить только такой факт: «Организуем выработку гонта, деревянного кровельного материала, в котором ощущается большая нужда как в городе, так и деревне. Гонторезный станок уже приобретен»[11].

Систематические заявления в пронацистской прессе о том, что на подконтрольной немцам территории России создан благоприятный климат для предпринимательской деятельности, не соответствовали действительности. На практике в первые недели и месяцы оккупации многие предприятия городскими управами были проданы или переданы в частные руки. Так, в Феодосии заместитель директора хлебозавода Нестеренко стал его хозяином. Новый владелец феодосийской табачной фабрики, ее бывший главный бухгалтер Булатович, стал налаживать там выпуск махорки и папирос. В частные руки также перешел Дом крестьянина, где начал свою работу ресторан.

Но после того как на этих предприятиях был запущен производственный процесс, все они оказались под полным немецким контролем. Всех русских рабочих с хлебокомбината уволили и заменили их на немецких

солдат, которые стали снабжать хлебом исключительно вермахт. Табачная фабрика, имевшая значительный запас сырья, оставшегося с довоенного времени, тоже стала использоваться для нужд германской армии. На ресторан поместили вывеску с надписью «Только для немцев». Новоявленным хозяевам было объявлено, что «частная собственность, безусловно, незыблема... Но русские предприниматели смогут полностью воспользоваться плодами своих трудов только после победы над большевизмом»[12].

Однако на страницах коллаборационистской печати все выглядело по-другому.

Из газеты «Новый путь»:

«Создатели материальных ценностей

Из развалин, оставленных большевиками, постепенно, один за другим начинают вырастать построенные на новых принципах предприятия, которым предстоит сыграть важную роль в возрождении нашего края. К массе кустарных производств теперь добавляются один за другим всевозможные мастерские, механические мельницы, наконец, заводы. Частная инициатива, освобожденная из-под семи замков ненавистной большевистской опеки, бьет живительным ключом, создавая фундамент новой жизни, так как для русского населения открыта дорога к подлинно деловому творчеству, к личному и общественному благополучию. При этом в основу всей работы ставится лишь один принцип: "общественная польза превыше личной".

Во главе новых производств стоят энергичные, деловые люди, которые смело взяли на себя инициативу создания из развалин новых предприятий, новых капитальных ценностей. Начиная буквально из ничего, они, благодаря своей настойчивости и непреклонной воле к труду, достигают сказочных успехов. Действия каждого из них являются ударом по врагу, способствуют возрождению родины. Благодаря их трудам выше поднимаются головы освобожденных от большевизма людей. Личный пример этих людей нагляден и заразителен. Он вливает новую силу в русских людей, выявляет возможности, которые заложены в русском человеке,

освобожденном от большевистского гнета и издевательства.

К числу этих энергичных людей принадлежит владелец первого в Смоленске литейно-механического завода Сергей Борисович Владимиров.

Немного больше года тому назад этого предприимчивого человека можно было увидеть с топором в руках вместе с лесорубами, грузчиком при разгрузке транспорта, токарем у станка и слесарем у верстака. Везде успевали его умелые, не брезгающие никаким тяжелым трудом руки.

Так, имея голову, руки и твердое решение создать свое предприятие, начал работу этот настойчивый человек, поддержанный немецким командованием, которое, видя предприимчивость С. Б., охотно пошло ему навстречу.

Теперь в результате его упорных трудов мы имеем в Смоленске новый завод. Часть цехов уже готова, часть — в периоде оборудования, но работа идет на два фронта: по заказам и для себя. Характерной особенностью всей громадной работы является ее широкий размах, начиная от вагранки и кончая своими лесозаготовками. Везде мы видим серьезную постановку дела, причем проявляется большая забота и о людях: завод имеет уже свою неплохую столовую, где все работающие аккуратно получают питательный обед. Ставится задача не только построить завод, но и сделать его образцовым.

С. Б. еще молодой, полный инициативы и силы человек. Он — механик по профессии. Трудно узнать в нем владельца этого большого завода; так скромен он в одежде и во всем, хотя достигнутые успехи, блестящие перспективы и сознание громадной пользы для русских людей, для нашей родины окрыляют его и дают ему силы для дальнейшей плодотворной работы.

Мы ходим по заводу, где кипит работа. Я с радостью и удивлением смотрю на движущиеся станки и машины. Сколько нужно было труда, чтобы восстановить здание, создать и установить все машины, набрать людей и пустить всё дело в ход. Но все главные трудности уже позади.

Молодой хозяин с гордостью показывает восстановленные здания, различные цеха, мощный пневматический молот, вагранку, которая в ближайшее время будет пущена в ход. С особым удовольствием он показывает набор очень нужного прекрасного механического инструмента — удачный подарок заводу от германского командования. Он благодарен германской промышленности, прославшей также прекрасные инструменты, которые будут образцом и для его инструментального цеха.

В. Александров».

В коллаборационистских газетах, особенно в начальный период войны, понятие «частная собственность» встречается очень часто. Населению оккупированных областей обещалась и «частная собственность на землю», и «частная собственность на промышленные предприятия». При этом обычно оговаривалось, что активно данный процесс «превращения простого русского человека в собственника» пойдет после победы над «жидо-большевизмом». На деле, очень часто местные власти не допускали частной собственности граждан даже в отношении собственного жилья.

В условиях нехватки продовольствия многие горожане пытались искать спасение от голода у своих деревенских родственников. Но когда они возвращались домой, часто оказывалось, что там живут другие люди. Причем на совершенно законных основаниях.

Из газеты «Новый путь»:

«"Ни себе, ни другим"

Иногда нас, комендантов, в той или иной квартире встречает... замок или, бывают и такие случаи, гражданин, не значащийся квартиросъемщиком. Узнаем, что сам хозяин комнаты "уехал на несколько дней", но проходит много дней, а картина остается без изменений.

Часто квартиросъемщики, не предупредив коменданта, уходят надолго в деревню, вешая на квартиру замок или временно передавая ее кому-либо. По истечении десяти дней такую жилплощадь комендант вправе передать в жилищный отдел как свободную.

Вот факт: по улице Дзержинского, № 52, гражданка Н. в течение двух месяцев посетила свою комнату два раза, и даже квартплату за нее вносили соседи. Ясно, что она потеряла право на свою площадь.

Граждане должны понять, что при острой нехватке жилплощади нельзя иметь две квартиры: в городе и в деревне. Надо раз и навсегда решить, на чем же она остановится. Может быть, многие из таких квартиросъемщиков решили остаться где-нибудь за чертой города, тогда они должны заявить об освобождающейся квартире своим комендантам, а не консервировать ее — "ни себе, ни другим".

Григорьев, комендант 22 участка».

Уже на второй месяц войны, 28 июля 1941 года, вышел приказ рейхсминистра Тодта об использовании труда советских граждан на самых тяжелых физических работах. В нем, в частности, писалось: «На русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Использование рабочей силы нужно главным образом осуществлять в порядке трудовой и гужевой повинности без какого-либо вознаграждения».

Гитлеровцы разработали особо жестокий метод эксплуатации населения захваченной советской территории. В циркуляре хозяйственного штаба германского командования от 4 декабря 1941 года говорилось: «Немецкие квалифицированные рабочие должны трудиться в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существуют русские»[13].

Этот циркуляр предписывал использовать труд «унтерменшей» в горном деле, на строительстве дорог, различных подземных сооружений, шахтах, вредном производстве. По распоряжению Германа Геринга создавались «трудовые колонны» из местного населения. Когда эти колонны использовались в оперативном тылу вермахта, на них в принудительном порядке возлагались строительство железных и автомобильных дорог, обезвреживание минных полей и т. д.

Для выполнения трудоемких физических работ по

постройке и расчистке дорог, строительству мостов, укреплений, противотанковых сооружений немецкие военные власти мобилизовывали местное население, как мужчин, так и женщин в возрасте от 14 до 60 лет, а иногда и старше. От работ не освобождались даже многодетные матери, высококвалифицированные специалисты, если они не были в данный момент использованы на производстве, больные. Продолжительность рабочего дня иногда доходила до четырнадцати часов. Работы осуществлялись под постоянным надзором русских полицейских и немецких солдат. Работавшие медленно или неаккуратно подвергались различным наказаниям, вплоть до расстрела. Все это в назидание другим делалось публично. Снабжение продуктами не обеспечивало даже полуголодного существования людей. В связи с этим в рабочих колоннах и лагерях была большая смертность. Например, жители Оредежского и Тосненского районов Ленинградской области работали на ремонте дорог, на торфоразработках и лесозаготовках с шести часов утра до наступления темноты и получали за это только по 200 граммов хлеба в день[14].

На предприятиях ряда оккупированных городов РСФСР (Брянск, Орел, Смоленск) каждому рабочему присваивался номер; как правило, фамилия и имя при обращении к ним со стороны представителей оккупантов уже не упоминались. Населению подобные правила объяснялись стремлением немецких властей к порядку и нежеланием немецких мастеров «неправильно произносить русские имена и фамилии».

Режим, существовавший на предприятиях, естественно, исключал создание каких-либо легальных рабочих организаций или подобия профсоюза. Они запрещались. Нацистская пропаганда демагогически заявляла, что их роль берет на себя немецкое руководство предприятия. Рассуждая об особом отношении к рабочему человеку в «истинно народном немецком государстве», русских оповещали о том, что «на работу принимаются только политически безупречные люди, то есть те, которые не вели никакой активной политической работы, а также не занимали никаких руководящих политических постов. Убежденные сторонники коммунизма не

могут быть приняты на работу. Каждый член заводского коллектива, который заметит какую-либо коммунистическую деятельность, подпольную работу или саботаж членов заводского коллектива, должен немедленно сообщить об этом руководству завода, в противном случае следует наказание... Акты саботажа или намерение к этому будут караться смертью»[15]. Естественно, любое проявление предательства своих товарищей всячески поощрялось как морально, так и материально.

Несмотря на все широкомасштабные репрессии со стороны оккупантов, на многих промышленных предприятиях успешно действовало советское сопротивление, всячески вредившее врагу. Люди, вставшие на путь борьбы с нацизмом, становились бойцами единого антифашистского фронта. Например, в Лужском районе Ленинградской области шерстоваляльный завод выпускал вполне добротные на вид валенки, которые через две-три недели расползались.

Рабочие Думиничского чугунолитейного завода, узнав о намерениях немцев запустить их предприятие, под видом получения заработной платы разобрали с заводских складов всё имеющееся там оборудование. Таким образом, планы оккупантов были сорваны.

В Ростове-на-Дону группа подпольщиков, работавших на шорно-обувной фабрике, испортила шесть тысяч штук свиных кож, 480 кавалерийских седел, предназначенных для немецкой армии, и 13 бочек красителей для обработки кож. Подпольщики Ялты сожгли лесопилку, готовившую материал для строительства военных укреплений. В одной из автоколонн было уничтожено 83 автомашины[16].

В тыловых районах оккупантами вводилась всеобщая трудовая повинность. В порядке трудовой повинности гражданские власти широко привлекали население на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т. п.

В качестве характерного примера можно сослаться на приказ по 20-й пехотной дивизии вермахта от 17 сентября 1941 года, содержавший обращение к жителям Шлиссельбурга. В нем было сказано, что все мужчины в возрасте от 15 до 55 лет должны собраться у комендатуры к 13.00 для направления на работы.

Жителям, уклонявшимся от работ, объявлялось о том, что тот, «...кто отказывается от работы, считается врагом германского государства и будет расстрелян»[17].

При этом населению постоянно внушалась мысль, что все эти трудности являются временными, поскольку все они вызваны войной.

Но к лету 1942 года даже многие немецкие чиновники признавали исключительно тяжелое положение, в котором находились русские рабочие. В одном из докладов, адресованных в Генеральный штаб, говорилось: «Растущие рыночные цены находятся в резком контрасте с получаемой рабочими зарплатой. Недельного заработка не хватает, чтобы удовлетворить самые необходимые потребности в продуктах питания. И если глава семьи еще кое-что получает, то остальные члены семьи буквально голодают. Они вынуждены обменивать на продукты питания последнюю одежду и домашнюю утварь». Даже те рабочие, которые регулярно получали продовольственный паек, постепенно приходили в состояние крайнего истощения. В апреле 1942 года в одном из докладов в Берлин сообщалось: «Часто бывает, что рабочие должны бросать тяжелые работы вследствие истощения от недоедания. Производительность рабочих, которые применяют физическую силу, сильно падает».

Говоря о будущем государственном устройстве России как независимого, союзного Германии государства, нацистская и коллаборационистская пропаганда утверждала, что «возрождение национальной жизни России будет, безусловно, сопровождаться и быстрым возрождением экономической жизни. Народы России обретут благосостояние, вообще немыслимое при большевиках. Каждый человек получит право пользоваться результатами своих трудов, повышать, если он будет честно работать, материальный уровень своей жизни»[18].

Обычно уже в первые дни оккупации в каждом населенном пункте проводился тщательный учет рабочей силы по профессиям, стажу, возрасту. В сельской местности учет проводили волостные старшины, старосты и писари, а в городах — биржи труда. Они, как и различ-

ные «отделы по трудоустройству» и «управления труда», занимались отнюдь не свободным наймом на работу. В обязанности этих организаций входило налаживание системы принудительного труда.

Немецкое командование требовало от коллаборационистской администрации регулярных отчетов о количестве работоспособного населения в подконтрольных им районах. Так, начальник Солецкого района Ленинградской области с раздражением писал своим подчиненным в ноябре 1942 года: «Числится работоспособных 12 600 человек, кроме того, женщин с детьми 4100 человек, работающих для германской армии 6000 человек, а дома на сельхозработах 6600 человек, дома сидят с детьми 3500 человек. Итого: трудоспособных дома 10 000 человек. Обозначенные цифры говорят, что волостные старшины неправы, когда говорят, что нет рабочих для нужд германского командования»[19].

По требованию оккупантов все зарегистрированные работоспособные граждане, проживавшие в городах, обязывались ежедневно утром приходить на биржу труда, уведомлять о смене места жительства, не оставлять и не менять работу без разрешения[20].

При регистрации на бирже труда каждому явившемуся выдавалась трудовая книжка. Не имеющие трудовой книжки лишались права на получение продовольственных карточек. Таким образом, регистрация на бирже труда являлась фактически принудительной. Через биржи труда проходило привлечение рабочих и служащих в учреждения и предприятия, а также мобилизация в порядке всеобщей трудовой повинности на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т. п. В качестве самого легкого наказания за уклонение от трудовой повинности одним из указов Розенберга предусматривалось заключение в трудовой лагерь[21].

Кроме организации работ на оккупированной территории биржи труда производили совместно с прибывающими из Германии вербовочными комиссиями отбор и отправку русских рабочих в Третий рейх. Всего из СССР оккупационные власти отправили 4 миллиона 978 тысяч советских граждан.

Массовая насильственная депортация советских граждан была отнесена Международным военным трибуналом в Нюрнберге к разряду военных преступлений и преступлений против человечества. Угон граждан СССР нацисты рассматривали не как временную кампанию, а как одну из важных функций и неотъемлемое условие деятельности оккупационных властей. При этом полностью игнорировалось международное право. Массовый угон людей на положение рабов в Третьем рейхе противоречил международным конвенциям, в частности, 46-й и 52-й статьям Гаагской конвенции, общим принципам уголовного права всех цивилизованных стран и внутреннему уголовному праву стран, на территориях которых совершались эти преступления[22].

В течение зимы 1942/43 года, особенно после объявления в Германии «тотальной мобилизации», в оккупированных областях прошел переучет всего трудоспособного населения и развернулась массовая принудительная отправка рабочей силы в Германию. От отправки освобождались лица, мобилизованные или вступившие добровольно в антисоветские воинские части, в полицию или в «рабочие батальоны», которые использовались на строительстве укреплений и других военных объектов.

О способах набора рабочих, применявшихся в оккупированных районах РСФСР, дают представление следующие примеры. В Таганроге и его окрестностях была проведена регистрация мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет под предлогом выдачи хлебных карточек. Фактически регистрация имела целью выявить квалифицированных рабочих, которые и были отправлены на работу в Германию. Остальные жители были увезены в Донбасс и на правобережье Днепра на строительство различных военных сооружений, а также для восстановления разрушенных при отступлении Красной армии предприятий.

Летом и осенью 1942 года на территории Смоленской области захватчики развернули широкую кампанию по вербовке населения якобы для поездки на

полевые работы на Украину. Особенно усиленно вербовали девушек и одиноких женщин. Всех изъявивших желание поехать на Украину отправили в Германию на принудительные работы как «добровольцев». В Гдовском и Сланцевском районах Ленинградской области германские комендатуры издали приказы, согласно которым каждый сельский староста должен был назначить определенное число физически здоровых мужчин и женщин для отправки в рейх. Ответственность за явку людей на железнодорожную станцию возлагалась на сельских старост и волостных старшин. За уклонение от поездки в Германию виновные арестовывались и отправлялись в концентрационные лагеря. Из Красногвардейска, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до шестидесяти тысяч человек. Некоторым из них было объявлено, что они переселяются на «родину», так как они будто бы являются потомками немцев, переселившихся в окрестности Петербурга при Екатерине II. При этом им обещались особые льготы в «фатерлянде»[23].

Из-за частых побегов эшелоны с рабочими первоначально охранялись в пути вооруженными полицейскими. Так как их сил было явно недостаточно, оккупационные власти были вынуждены привлекать немецких военнослужащих. Так, комендант тылового армейского района 580, находившегося в районе Курска, 16 мая 1942 года издал распоряжение, из которого следовало, что «на 1 тысячу перевозимых русских рабочих должна выделяться охрана. Численность ее: 1 офицер, 20 унтер-офицеров и караульных. Для выделения охраны в распоряжение комендатуры регулярно поступают находящиеся в их районах воинские подразделения»[24].

Тяжелые условия работы и жизни в Германии скрывались от населения оккупированных областей. Объявления немецких вербовочных комиссий всячески рекламировали работу в Германии. Так, молодым людям обещалось, что они смогут получить любую интересующую их профессию на германских предприятиях и даже в будущем поступить в университет.

Из газеты «Новый путь»:

«Подруги

После окончания школы все трое мечтали стать балеринами или путешественницами.

Первое — беспочвенная фантазия. Но второе, если бы не война, могло бы и осуществиться. С небольшим только уточнением: могли бы стать путешественницами в виде проводниц в трамвайных или железнодорожных вагонах.

— Ах, — часто щебетали они, — как хорошо бы проехать хотя бы на метра полтора за границу СССР. Хоть одним глазком взглянуть бы, как другие люди живут!..

— Да там бы и остаться насовсем, — оглядываясь по сторонам, говорила Лида.

— Ш-ш-ш! — с ужасом взмахивали руками Настя и Оля.

— Молчи, а то НКВД загребет!..

Такие беседы у них были два с лишним года тому назад. А на днях на ту же самую тему о путешествиях у них произошел такой разговор:

— Ну, Лидочка, поздравь нас! — весело закричали Настя и Оля, вбегая в комнату Лиды. — Мы едем на работу в Германию, — и замолчали на полуслове, пораженные видом Лиды. Волосы у нее разметались, лицо всё в слезах, нос обратился в созревший помидор.

— Лидочка, что с тобою?

— Да, вам хорошо радоваться, — сквозь слезы проговорила Лида, — а меня не берут на работу в Германию».

<Без автора>

Добровольно записавшимся обещали заботиться об остающихся семьях, обеспечить питание по существующим в Германии нормам, отдельную комнату, медицинское и культурное обслуживание. Орловская газета «Речь» поместила 9 сентября 1942 года объявление о том, что семьям рабочих, уехавших в Германию, будут выдаваться пенсия и талоны на получение три раза в месяц молока.

Практически все газеты, издаваемые немцами в оккупированных областях, публиковали письма, якобы на-

писанные находящимися в Германии рабочими, которые призывали своих земляков следовать их примеру. Однако до населения доходили известия о непосильном труде, голоде и издевательствах, которым подвергались в Германии советские люди. Вот что говорилось в одном из немецких отчетов о секретной перлюстрации: «Особенно отрицательно воспринимается то, что в результате принудительных вербовок женщин отрывают от маленьких детей, а детей школьного возраста — от семей. Те, кого пытаются завербовать, всеми способами стараются уклониться от вывоза в Германию».

Для того чтобы усилить контроль за контактами между людьми, отправленными в Германию, и их родственниками, на территории России массовыми тиражами стали выходить брошюры «Как писать письма в Германию». «Восточным рабочим» в рейхе предоставлялись уже готовые бланки с текстами писем на родину, куда предлагалось вписать только имена тех, кому они будут адресованы[25].

Из газеты «Новый путь»:

«Мечты Галины

Как не радоваться всем нам, когда из попугайской клетки, где нужно было без конца повторять благодарность Сталину за "счастливое детство", наша молодежь вылетает на простор многовековой европейской культуры.

— Как только изучу в совершенстве язык, примусь за Гёте и Шиллера, — поделилась с нами своей мечтой Галина, — а во время путешествия по Германии осмотрю ее достопримечательности. Пусть мать увидит, какой стала ее Галька, деревенская несмышленая девчонка!

Не бахвальство и пустомельство заставило Галину говорить так уверенно. Перед нами был высокий образец молодой девушки двадцатого столетия. Всем своим существом она тянется к культуре. Как пчела, порхая по цветам, жадно впитывает сладкий нектар, так эта девушка хочет прикоснуться ко всем граням жизни, хочет всё узнать, всё постигнуть, чтобы потом отдать все свои знания своему народу, своей воскресающей родине. Ее не смущает, что она, окончив

семилетку, должна находиться в услужении, должна быть няней. Она знает, что нет неблагородного труда. А быть всегда возле любознательного, послушного ребенка — какое это счастье!

Мы верим, что все ваши мечты и планы исполнятся. Германия обогатит вас знаниями, культурой, раздвинет ваш умственный кругозор. С открытыми глазами будете вы шагать по дорогам жизни. Не в трясину бедствий и мрака приведут вас эти дороги, а к вершинам ничем не омраченных радостей.

Но мы верим также, что, полюбив Германию, вы не забудете о своей родине. Родина будет терпеливо ждать вас. Всех, кто сейчас проходит школу жизни в Германии, родина встретит с распростертыми объятиями».

<Без автора>

Сопротивление вербовке и угону в немецкий тыл для использования в качестве рабочей силы в Третьем рейхе было в России гораздо более активным, чем на оккупированных территориях других стран. Вопрос о том, что больше содействовало этому — политическая зрелость, вера в советские идеалы или же осознание той горькой истины, что немцы пришли в качестве колониальных господ, обращавшихся с русскими, согласно одному образному выражению, «как с белыми неграми», — остается дискуссионным. Но можно сказать, что все эти факторы в большей или меньшей степени сыграли свою роль.

Многочисленные публикации в коллаборационистской прессе о «возрождающемся русском хозяине промышленности» не соответствовали истине. Даже когда во главе предприятия номинально находился местный житель, фактически оно находилось в полной зависимости от немецких тыловых служб. Ни о каком «свободном труде», базирующемся на «материальной заинтересованности работника», о чем также утверждали немецкие пропагандисты, говорить не приходится.

В первые недели войны германские воинские части, реквизируя у крестьян сельскохозяйственные продукты, в отдельных случаях «расплачивались» зануме-

рованными расписками с гербовой печатью, имевшей надпись «Германские вооруженные силы». Бланки расписок были изготовлены типографским способом, на простой бумаге и могли быть заполнены и подписаны любым офицером. В расписках было указано, что реквизированные продукты будут в ближайшее время оплачены командованием вермахта. Фактически же никакой оплаты так и не было произведено.

Позднее на всей оккупированной территории платежным средством были объявлены билеты германских кредитных касс (*Reichskreditkassenschein* — оккупационные марки). Внешне они имели вид денежных знаков, но по существу являлись денежным суррогатом, не имеющим никакого реального обеспечения. Расчеты же в рейхсмарках, имевших золотое обеспечение, были на оккупированной советской территории категорически запрещены. Это делалось для того, чтобы избежать их накопления в руках местного населения. С этой же целью даже жалованье солдатам на Восточном фронте выплачивалось не в рейхсмарках, а в имперских кредитных банковских билетах.

Между тем в первые дни оккупации рыночные торговцы в чисто спекулятивных целях использовали германские марки как единственные законные платежные знаки, отказываясь от приема русских денег. В крупных городах даже возникали «черные валютные биржи», где покупались и продавались немецкие марки, золото и дефицитные лекарства.

Самый широкий размах приобрел бартер: натуральный обмен продуктами и предметами первой необходимости, а также различные формы спекуляции.

Из газеты «Новый путь»:

«Базарный буян

Каждый живет, как ему нравится. Например, Мишленкова интересовали дела базарные. И по этой причине контролеры рынка вынуждены были задержать Мишленкова. Словом, однажды за ним гнались, он не смутился и "неволи избежал". Но место... невольно влекло его к своим берегам.

И он пришел сюда, рыцарь базарных афер, принес с

собою бидон керосина, быстро установил контакт с клиентурой, и керосин полился из горлышка по четыре марки за литр. Но на этот раз Мишленков не успел убежать: контролер Удрина и рабочий охраны задержали спекулянта. Правда, Мишленков не растерялся, не смутился, и длинные потоки угроз и ругательств понеслись над базарной площадью. В конце концов, ему пришлось уплатить 100 рублей штрафа».

< Без автора >

В этих условиях немецкие власти выпустили распоряжение, в котором говорилось, что советские рубли являются законным платежным средством. Официальный курс обмена между немецкой маркой и рублем был установлен 1:10.

Военно-хозяйственные инспекции для «организации торговли на здоровых началах денежного обращения» открывали в городах магазины, имеющие в ассортименте товары для городского и сельского потребителя. Торговля в этих магазинах велась только на рубли. Предвидя, что товары в этих торговых точках очень быстро закончатся, немцы издали дополнительное распоряжение: «Открывать магазины для отдельных товаров не следует. Такие магазины в связи со слабой возможностью пополнения товарами очень быстро опустошались бы, в то время как универсальные магазины всё же имеют возможность предлагать какой-либо товар»[26].

«Новые русские предприниматели» (и не только русские) часто пытались заниматься обыкновенной перепродажей по завышенным ценам.

Из газеты «Кубань»:

«"Торгуем, как все"

Абортцум Сапогосян о кулинарии имел крайне смутное представление. Когда его жена Ануш подавала обед, то способность критики вкусовых качеств его у Абортцума ограничивалась только солью. Зато в сапожных кремах и ваксе Сапогосян был непревзойденным знатоком.

— Чистить сапоги хорошо, но делать шашлык —

теперь лучше, — сказал Сапогосян и, не меняя "мундира", "открыл" свою бродячую шашлычную.

Он покупает баранину на килограммы. Зачем ему целый баран? Он берет 4 килограмма и платит за них 280 рублей. Делает 70 грязных шашлыков и продает их за 1050 рублей.

За вычетом расходов, Сапогосян приносит вечером домой 700 рублей чистого барыша...

Сегодня у Сапогосяна произошло маленькое несчастье. Он забрел в привозной ряд и, поставив на землю свою шашлычную, хотел купить подарок для Ануш. И надо же было глупому быку оступиться и толкнуть ногой именно его шашлычную.

Крохотные куски мяса на очень маленьких палочках рассыпались по унавоженной мостовой. Правда, Абортцум Сапогосян не растерялся. Он собрал свое достояние и, смахнув полой грязного пиджака прилипшие к шашлыкам комья навоза, через 15 минут кричал: "Свежи, настоящи, кавказки шашлик".

— А почему ваш шашлык такой дорогой? — спрашивают у него.

— Дорого? Пятнадцать рублей — зачем дорого? Ми торгуем, как и все...

Ив. Волгарь и Вас. Кубанец».

Описанный в газете случай не был чем-то уникальным. В экстремальных условиях оккупации у человека проявлялись не только лучшие, но и самые худшие черты: жадность, обман, стремление жить за счет других.

Из газеты «Кубань»:

«"Предприниматели"

Еще многие жители нашего города не имеют правильных представлений о новом порядке и строят на этот счет всевозможные, иной раз крайне нелепые, предположения.

Особенно много кривотолков в вопросе о частнопредпринимательской деятельности. Некоторые представляют себе, что в основе нового порядка лежит бесшабашный частно-капиталистический ажиотаж под лозунгом: "Обогащайтесь, проявляйте смелую част-

ную инициативу!", а известно, что эта частная, смелая инициатива имеет очень широкий диапазон, начиная с того, когда один господин по своей смелой частной инициативе останавливает в темном углу другого и делает ему любезное предложение: "Кошелек или жизнь", и кончая организацией по смелой частной инициативе громадных фабрик и заводов, на которых трудятся тысячи людей, получая средства к существованию.

Инициаторов-"предпринимателей" первой категории награждают наручниками и решеткой, а предпринимателям второй категории воздвигают памятники. Смелая частная инициатива вполне допустима (конечно, исключая ее первый вариант). Но нужно твердо помнить, что в основе нового порядка лежит упорный, созидательный труд. Теперь люди должны прежде всего трудиться. Почетен тот человек, который при новом порядке, в результате частной предприимчивости, смелой инициативы и личного труда, именно труда, разбогател в 10—15 лет.

Но частный "предприниматель", который богатеет за 2—3 месяца, очень смахивает на инициатора темного угла, но не с названием бандит, а с более благозвучным, но по существу равнозначным: спекулянт.

Еще слышна была канонада боев за наш город, а уже по улицам Краснодара шныряли какие-то чумазые "элементы", перетаскивая из складов и магазинов к себе на квартиры и в укромные места продукты, товары, ценное сырье.

Едва успели появиться написанные от руки на клочках бумаги объявления о начале работы органов городского самоуправления, как уже эти "чумазые", но уже в новеньких костюмах, начали с боем брать двери кабинетов, откуда они появлялись с сияющими физиономиями, произнося только два слова: "Патент получил".

По городу запестрели вывески с экзотическими названиями: "Кавказ", "Эльбрус", "Ялта", "Специаль", "Якорь", "Кубань", "Прима". Это не заводы, это не фабрики, нет, это рестораны, кафе, закусочные, шашлыч-

ные. Весь город наводнен ими. Оно и понятно, иудо-большевики разрушили экономику города, его снабжение. В городе ощущается недостаток многих продуктов первой необходимости. Вот тут-то и начали показывать себя носители "частной инициативы" — "предприниматели". Тут-то они и начали показывать свои способности, как из пятидесяти рублей за полчаса сделать 200—300 и более рублей.

Инициатива очень проста. Покупается кило мяса за 50 рублей, а бифштекс, в котором, как они утверждают (надо сказать, без достаточных оснований), сто граммов мяса, стоит у этих господ 35 рублей. Вот вам и всё проявление частной инициативы, вот и вся изобретательность и предприимчивость. Такими и подобными делами сейчас занялись почти все эти "предприниматели".

Это в то время, когда льется кровь, когда полыхает пожарище войны, когда немцы и лучшие русские люди, не щадя жизни, в тяжелых боях с иудо-большевизмом добывают этот новый порядок, при котором люди будут счастливы.

Эти "предприниматели" обогащаются на крови и страданиях немцев и русских. Мы знаем, что за их спинами иной раз стоят и иудо-большевики.

Мы — за частную инициативу.

Мы — за честных предпринимателей, но за тех, кто в основу своего благополучия кладет свой труд и ум.

А все другие "предприниматели" — спекулянты, враги нового порядка, наши враги. И пусть они всегда помнят слова великого Гитлера, вдохновителя нового порядка: "Мы позаботимся о том, чтобы в то время как порядочный человек умирает на фронте, преступный, недостойный человек не пережил бы его дома ни при каких обстоятельствах".

Б. Сидоров».

Со спекуляцией пытались бороться. Она дестабилизировала и без того тяжелое экономическое положение горожан. Власти объясняли это явление как своего рода «пережиток жидо-коммунизма».

Из газеты «Кубань»:

«Спекулянты — враги нового порядка

Случайности войны по-разному отражаются на судьбах освобожденных городов. Одни превращаются в груду развалин, другие остаются целыми и невредимыми. В одних случаях убегающие большевистские войска причиняют много вреда городам: взрывают заводы, угоняют транспорт, скот, вывозят продовольствие. В других случаях натиск германских войск настолько стремителен, что красные варвары не успевают сделать свое гнусное дело. Нашему родному городу не повезло: крупнейшие заводы взорваны, весь городской транспорт угнан. Население города, об участи которого меньше всего заботились "свободолюбивые" и "гуманные" коммунисты, оказалось в очень трудном положении. Городское финансовое Управление приступило к работе, не имея ни одного рубля, так как весь денежный запас был предусмотрительно вывезен. Много жителей еще не имеют работы; во многих домах нужда стоит у порога.

Городская Управа при полной поддержке Германских властей изо дня в день проводит большую работу с целью восстановить и пустить в ход всё новые и новые производства. С каждым днем всё большее количество людей получает работу. Разоренный и разграбленный город понемногу начинает приобретать нормальный вид; жизнь постепенно входит в более нормальную колею.

Широкое поле деятельности предоставило Германское Командование частной инициативе. Различные мастерские, промыслы, всевозможные торговые товарищества вырастают, как грибы. Много здорового делового духа вносят в городскую жизнь частные предприниматели, много делают они для того, чтобы снабдить население необходимейшими товарами.

Но наряду с этим, пользуясь тем, что еще недостаточно окрепла местная городская власть, что не везде и не в полном объеме осуществляется соответствующий контроль, многие темные личности лихорадочно "удят рыбку в мутной воде". В первые дни прихода Германских войск, в дни "безвластия", эти люди громили и

грабили магазины, склады, мастерские. Когда установился известный порядок и грабить стало уже невозможно, эти же люди начали легальный грабеж — это то, чем занимаются сейчас некоторые товарищества и предприниматели. Это — стремление получить большие прибыли в кратчайший срок, с минимальными затратами труда и энергии. Это — комиссионные магазины, взвинчивающие цены в целях получения наибольшей разницы в свою пользу; это, наконец, большое "сословие" спекулянтов, единственной профессией которых является купить подешевле, продать подороже. Эти люди не создают ничего нового. Они даже не привозят в город ничего нового. Они только покупают и продают, беря за свое, подчас совершенно ненужное посредничество колоссальные деньги.

Эти люди — паразиты, носители худших свойств самой грязной жидовской натуры. Эти люди в огромной степени являются виновниками того трудного положения, в котором находится сейчас часть городского населения. Они диктуют цены на рынке, они вынуждают обнищавших за время правления большевизма людей выносить на базар последние тряпки, лишают бедных матерей возможности купить литр молока для больного ребенка.

Спекулянты — величайшие враги нового порядка, враги тех великих идей, тех благородных принципов, на которых должно быть создано счастье и благополучие народа. С этими людьми германские военные власти и Городская Управа будут вести самую жестокую и беспощадную борьбу.

В условиях нового порядка нет места жидовствующим паразитам.

Вплоть до расстрелов, вплоть до виселиц!!!

Честные труженики должны понять, какое зло для народа спекуляция. Особенно сейчас, когда происходит беспримерная в истории великая война за освобождение народов от гнета и террора жидовского коммунизма, когда крайне напряжены и ограничены все экономические возможности, когда так много нуждающихся людей, на плечи которых давит вся тяжесть проклятого советского наследия.

Борьба со спекуляцией во всех ее многогранных проявлениях — одна из важнейших задач сегодняшнего дня. Без содействия широких масс городского населения не смогут быстро и с корнем истребить это зло.

Не только должностные лица Управы, не только облеченные полным доверием участковые старосты, но все, кому дорого благополучие городского населения, кому дороги интересы родного города, должны выявлять и сообщать в Районные отделения Городской Управы и участки Полиции о всех темных личностях, наживающихся за счет ухудшения жизненных условий честных людей.

Только дружными, совместными усилиями можно искоренить спекуляцию — это огромное зло, наследие ужасного недавнего прошлого, наследие большевизма, который не только сделал нищими подавляющее большинство людей, но разложил их моральное существо, извратил элементарнейшие понятия о чести и обязанностях в отношении окружающих.

Объявляется беспощадная борьба со спекуляцией!»

<Без автора>

Но не надо особо верить этим громким заявлениям. «Новые русские предприниматели» делились своей прибылью с чиновниками коллаборационистской администрации. Да и, честно говоря, делать что-либо без соизволения настоящих хозяев — немцев было невозможно.

В первые дни оккупации нацисты использовали такие приемы, как демонстративное, широко разрекламированное освобождение крестьян от налогов, роспуск отдельных колхозов и бесплатная раздача населению товаров из магазинов. Правда, через несколько месяцев в «условиях труднейшего военного времени» налоги обычно восстанавливались в прежнем масштабе.

К концу лета 1941 года нацистское руководство решило, что разгром Советского Союза неизбежен, а следовательно, от политики заигрывания с русским населением можно перейти к политике его ограбления. Но все это должно было осуществляться по строго оговоренной в Берлине схеме. 28 октября 1941 года началь-

ник группы Абвер II при командующем группой армий «Юг» предупреждал своих подчиненных: «Реквизиция последней курицы является... таким же неумным действием, как и забой близкой к опоросу свиньи и последнего теленка... Здесь мы саботируем меры нашей собственной сельскохозяйственной администрации. Никто не думает о том, что и без того сильно разрушенное хозяйство этой страны является нашим хозяйством, которое обязательно нужно восстановить, и со всеми вспомогательными средствами и запасами которого необходимо обращаться экономно, если мы хотим, чтобы это хозяйство в следующем году кормило армию и отправляло значительные излишки на нашу Родину»[27].

Жители оккупированных районов России были поставлены в известность немецкой администрацией о том, что «во избежание голода каждый должен оставаться при своей работе... Кто запустит свою работу, будет наказан. Налоги временно не будут взиматься, но старосты для выполнения своих задач могут потребовать налоги от местных жителей, в первую очередь от жидов». Утверждение относительно налогов совершенно не соответствовало действительности. Созданная «новая русская администрация» должна была представить немцам довоенные данные об уровне сбора налогов на подконтрольной им территории. Именно в таком объеме предполагалось обложить поборами русское население и в 1941 году.

В конце октября командование вермахта издало «Временное распоряжение о взимании налогов и сборов», согласованное с гражданскими оккупационными органами, которое явилось для населения тяжелым финансовым бременем.

Количество налогов с различных категорий хозяйств было разным. Оккупанты не скрывали, более того, они постоянно подчеркивали, что к налогообложению местного населения они подходят дифференцированно.

Льготами пользовались лица, активно сотрудничавшие с нацистами, пострадавшие от советской власти, и представители некоторых национальных групп (в первую очередь из Прибалтики). В Орловской области от всех видов налогов и сборов были освобождены православные храмы.

В 1941—1942 годах наиболее активные коллаборационисты поощрялись как морально (грамоты от оккупационных властей, статьи в профашистской прессе под рубрикой «Они помогают строить Новую Европу», благодарности), так и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря).

Весной 1942 года в зоне действий группы армий «Север» оккупационной администрацией было издано распоряжение, согласно которому для лиц, находившихся на службе у германского командования и в русских учреждениях (волостные старшины, писари, агрономы, учителя, землемеры и врачи), а также добровольно поступивших на службу в русскую полицию, все государственные натуральные налоги по сравнению с остальным населением снижались на 50 процентов. В тех случаях, если хозяйства указанных лиц пострадали от нападения партизан, они освобождались от натуральных государственных налогов полностью[28].

Особыми льготами пользовались те, кто с оружием в руках боролся с партизанами, — каратели и бойцы так называемых «сил самообороны». Не только они, но и члены их семей освобождались от всех видов налогов и сборов.

Массовое возвращение из Синявинских поселений под Ленинградом кулаков, выселенных туда в 1931—1934 годах, с одной стороны, способствовало расширению и укреплению пронемецки настроенного слоя граждан, но с другой — ухудшало положение их односельчан, так как все расходы по обустройству «пострадавших от жидо-большевистской власти» на местах были возложены на последних.

В условиях срыва плана молниеносной войны нацисты, не доверяя русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников. На Северо-Западе РСФСР эту роль играли жители Прибалтики — эстонцы и латыши, а также финны, на юге — крымские татары и чеченцы.

В Крыму во многих горных татарских деревнях немецким командованием были созданы из добровольцев отряды по борьбе с партизанами во главе с немецкими и румынскими инструкторами. Все лица, входящие в

отряды, получали зарплату, продовольствие, лучшие садовые участки, наделы виноградников, табачных плантаций, полностью или частично освобождались от налогов. Сельскохозяйственные угодья немцы обычно отбирали у нетатарского населения, в первую очередь у русских и греков[29].

С 1942 года на оккупированной территории России взимались следующие налоги с населения: а) подушный; б) земельный; в) с построек; г) с собак. Изначально они собирались как деньгами, так и продуктами питания.

Особое внимание уделялось сельскохозяйственной продукции. Так, сбор земельного налога проводился непосредственно немецкой комендатурой через земельное военное управление и старшин волостей, минуя самоуправление района.

Основным в сельской местности являлся подушный налог. Его сумма была фиксированной —120 рублей в год с человека. Лица, использовавшиеся немцами на вспомогательных работах для нужд германской армии, выплачивали более высокую сумму — 180 рублей в год. Налогом облагались все граждане от 18 до 60 лет. Собирался он в конце года. От этого налога могли быть освобождены инвалиды, имеющие соответствующее заключение медицинской комиссии (согласно немецкой инструкции для получения льгот ее нужно было проходить ежегодно), беженцы, не имеющие никаких источников дохода, безработные, а также фольксдойчи — лица немецкого происхождения. Все собранные налоги сдавались в районную кассу. За их неуплату несли уголовную ответственность как сами налогоплательщики, так и старосты.

С 1943 года количество налогоплательщиков было расширено и подушный налог стал взиматься с лиц от 14 до 65 лет. По представлению волостных старшин начальник района мог освободить от налога неплатежеспособных граждан, но это решение вступало в законную силу только с письменного разрешения немецкого коменданта.

Каждое хозяйство облагалось налогом в 100 рублей в год. Волостным старшинам предоставлялось право по согласованию с сельскими старостами увеличивать или

уменьшать размер налога в зависимости от рентабельности хозяйства. 10 процентов от суммы собранного налога поступало в распоряжение волости.

С 1942 года немцы предоставили право «новой русской администрации» вводить дополнительные налоги, которые предназначались для нужд коллаборационистов. Однако это разрешалось лишь при условии полной сдачи всех налогов и сборов для нужд германской армии.

В условиях, когда план молниеносной войны Германии против Советского Союза был сорван, основной упор в налоговой политике стал делаться на различные натуральные сборы, в первую очередь продуктов питания. Они были гораздо ценнее, чем быстро обесценивающиеся деньги. В донесении из немецкого тыла в Центральный штаб партизанского движения осенью 1942 года говорилось о следующих налогах на русское население Смоленщины за год:

1. Хлебопоставки — 3 центнера с гектара.
2. Подушный налог — 120 рублей с взрослого, 60 рублей с ребенка (до 16 лет).
3. Поставка молока — 360 литров молока с коровы.
4. Поставка яиц — 30 яиц с одной курицы.
5. Поставка шерсти — 475 граммов с овцы.
6. Налог на собак — 200 рублей с собаки[30].

В некоторых тыловых районах все взрослое население ежемесячно облагалось налогом «за обеспечение безопасности». Оккупационные власти взимали в ряде случаев даже особые налоги за окна, двери и «излишнюю» мебель.

Кроме официальных налогов существовали и различные виды замаскированных поборов. Так, в Смоленской области оккупантами через средства массовой информации было объявлено о том, что на всех мельницах отменяется взимание денег за помол. Но при этом было издано ведомственное распоряжение об обязательной бесплатной сдаче 10 процентов полученной муки в фонд германской армии.

По предписаниям немецких властей население было обязано сдавать мясо или скот, причем количество в каждом конкретном случае указывалось немцами. При-

гоняя скот, иногда за десятки километров, крестьяне были обязаны доставлять и фураж. Например, в Невельском районе Калининской области было приказано доставлять до 30 килограммов сена на одну корову.

В конце 1941 года оккупанты начали кампанию по сбору теплых вещей для германской армии. У мирных жителей зачастую отбиралась последняя одежда. При этом в некоторых городах, например в Орле, население оповещалось о том, что собранная теплая одежда предназначается для пленных красноармейцев. Сбор одежды проводился следующим образом: городская управа по приказу германской комендатуры устанавливала, сколько теплых вещей должно быть собрано в каждом доме. Управдомы доводили эти сведения до жильцов, а затем путем поквартирного обхода собирали «добровольные пожертвования».

Во всех оккупированных областях немецкие власти при помощи русской полиции проводили реквизицию кроватей, постельных принадлежностей, посуды и мебели для военных госпиталей. В Таганроге, например, населению было объявлено о том, что эти вещи собираются для детских приютов и инвалидных домов, разрушенных Красной армией и восстанавливаемых немцами.

Летом 1942 года немцы начали повсеместное изъятие домашней утвари и посуды из цветных металлов. В Курске был издан приказ о том, что за сокрытие цветных металлов виновные подлежат публичной казни через повешение, а сдавшие наибольшее число медных вещей получат особые справки «об активном участии в борьбе против большевизма».

Сбор цветных металлов в оккупированных областях СССР являлся составной частью немецкого плана, согласно которому предполагалось получить к 1943 году во всех оккупированных странах Европы 200 тысяч тонн медного лома.

Другим средством разграбления населения оккупированных территорий явилось установление чрезвычайно низких цен на подлежащие обязательной сдаче сельскохозяйственные продукты. С помощью соответствующей наценки для дальнейшей продажи в Германию общество торговли с Востоком создавало особую кате-

горию цен — «шлюзовые цены». Это являлось еще одним способом свалить на население России часть военных и особенно оккупационных расходов. При обязательной «продаже» русскими крестьянами собранных сельскохозяйственных продуктов хозяйственная инспекция центральной группы армий установила в 1942 году следующие расценки (за 1 килограмм): рожь и овес — 2 рубля 50 копеек, пшеница — 3 рубля 40 копеек, ячмень — 2 рубля 30 копеек — 2 рубля 70 копеек, горох — 3 рубля, картофель — 60 копеек[31].

К лету 1942 года в большинстве оккупированных областей были введены нормы обязательных поставок, объявлены заготовительные цены, за выполнение норм были обещаны боны на закупку промтоваров. Однако, как доносила советская агентура, «нормы назначаются в каждой области по произволу местных властей, а плата настолько низка, что не имеет никакого значения. Во многих же областях ни деньги, ни боны вообще не выдаются».

Если оккупанты за что-то иногда и платили, то это была сумма, значительно отличающаяся от рыночной стоимости. Например, за корову представители тыловых служб выплачивали 400—500 рублей. В то же время на рынке она стоила около 25 тысяч рублей[32].

В феврале 1942 года русскому населению было объявлено о том, что все приусадебные участки крестьян полностью освобождаются от налогов. Но через шесть месяцев было принято другое решение: «В связи с войной и тем, что крестьяне не выполнили план весеннего сева, по согласованию с германскими военными властями, районными хозяйственными комендатурами отдельных местностей разрешено временно облагать налогами и приусадебные участки»[33]. Хотя решение это действовало на всей оккупированной немцами территории России, оккупационная пресса об этом ничего не писала.

Очень часто налоги на крестьянские хозяйства устанавливались без всякой связи с их материальным состоянием. Летом 1942 года германское земельное управление потребовало от крестьян Смоленского района сдать 500 тысяч кур, хотя было хорошо известно,

что в районе имелось всего 27 тысяч кур. Когда об этом было доложено немецкому представителю, он ответил, что военный налог все равно нужно выполнить.

Во время оккупации Северного Кавказа летом и осенью 1942 года оккупанты практиковали обязательные сборы с граждан, занимающихся торговлей на рынках.

В 1941—1942 годах большинство налогов и сборов осуществлялось руками представителей «новой русской администрации». Но с 1943 года оккупанты перешли к политике ничем не прикрытого ограбления населения. Предвидя, что наступление Красной армии может быть успешным, они стали изымать у сельского населения практически все продукты, которые производились в хозяйствах.

В начале войны русскому населению давались обещания, что налоги будут меньше, чем при советской власти, а в дальнейшем они еще больше сократятся. При этом оговаривалось, что в условиях военного времени за неуплату предусматривается штраф или тюрьма. В некоторых районах широко практиковалось изъятие скота и домашней птицы у лиц, не выплативших в срок налоги и сборы[34].

На втором году войны за несвоевременную уплату налогов или уклонение от них русское население подвергалось штрафам, физическим наказаниям, заключению в тюрьму. Так, например, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу налогов накладывался штраф от 500 до 1000 рублей, а если это не давало результата, виновный подвергался телесному наказанию. В Смоленской области немцы объявляли крестьян, уклонявшихся от уплаты налогов и сборов, саботажниками, отбирали у них коров и кур, подвергали порке и другим физическим наказаниям[35].

В 1943 году жителям, которые уклонялись от выплаты налогов или платили их с опозданием, объявлялось, что «злостные неплательщики могут быть объявлены врагом германского государства и расстреляны»[36]. И это не было пустой угрозой. Арестованный в мае 1945 года ленинградскими чекистами за активное пособничество врагу Н. И. Степанов на допросе показал: «В 1943 году я был полицейским. Меня вызвали в немец-

кую комендатуру и спросили, кто является злостным неплательщиком налогов... Их было 15 человек, среди которых были и женщины. После чего немцы всех 15 человек расстреляли»[37].

Во многих оккупированных районах сбор налогов стал возможен только при проведении различных карательных акций. Так, в одном из приказов по оперативному тылу группы армий «Центр» говорилось о том, что при проведении операций по «умиротворению» солдаты вермахта и «русские добровольцы» (каратели) должны выявлять запасы, собирать в полном объеме налоги, а также отбирать рабочую силу для направления ее в Германию.

Количество взысканных налогов с сельского населения на Северо-Западе РСФСР составило 90 процентов от плана сборов в 1941 году, 50 процентов — от плана в 1942 году и всего 30 процентов — в 1943 году[38]. При этом следует отметить, что к 1943 году оккупанты перешли к политике открытого ограбления русского крестьянства. В этих условиях тысячи сельских жителей бежали в леса, где были созданы специальные убежища, пополнили ряды партизан.

Кроме налогов, за различные проступки и нарушение распоряжений немцев и коллаборационистов население выплачивало штрафы. Их назначала и собирала русская гражданская полиция. Так, например, в июле 1943 года в Солецком районе Ленинградской области штрафы составили более половины суммы, полученной с населения. В полицейской сводке говорилось о том, что за отчетный период «взыскано с населения налогов, сборов и штрафов в пользу городского управления 5171 рубль, в том числе штрафов за несвоевременную регистрацию велосипедов — с шести человек (600 руб.), за лесонарушения — с одного человека (396 руб.), за утрату личного документа — с семи человек (625 руб.), за самогоноварение — с двух человек (1000 руб.), за хулиганство — с двух человек (150 руб.), за нарушение уличного движения — с одного человека (100 руб.), за кражи с пяти человек (2300 руб.)»[39].

В городах местные управления определяли самые различные виды налогов и сборов с населения. Их не-

обходимость объяснялась потребностью «покрывать расходы при восстановлении разрушенного большевиками хозяйства». К коммунальным сборам относилась плата за воду (канализацию, колонку или водопровод) и за электроэнергию. При этом для граждан и промышленных предприятий устанавливались различные расценки. Так, в Пскове с сентября 1941 года за 1 киловатт-час частные квартиры платили 40 копеек, учреждения, индустриальные и ремесленные предприятия — 80 копеек, а торговые предприятия — 1 рубль 20 копеек.

Плата за воду принималась в кассе городского управления, за электроэнергию — в кассе электростанции.

Подробно регламентировалась квартирная плата. Все жилье было разделено на четыре категории: квартиры в хорошо оборудованных домах в центре города с водопроводом и канализацией; дома без водопровода и канализации; квартиры, находящиеся в предместьях города; квартиры в подвальных и полуподвальных помещениях. Оплата варьировалась от 3 рублей до 50 копеек в месяц за квадратный метр.

Однако основные платежи приходились на подоходный налог, промысловый налог (патенты) и плату за аренду промышленных помещений.

Подоходный налог взимался с рабочих и служащих, а также с лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Он принимался в городской кассе, и его сумма зависела от месячного заработка. Так, доход до 100 рублей в месяц данным видом налога не облагался. Со 101 по 300 рублей он составлял 6 процентов, с 301 по 600 рублей — 8 процентов, а свыше 600 рублей — 10 процентов суммы заработной платы.

Что касается промыслового налога, то плательщиками являлись торговцы, ремесленники, портные, сапожники, часовщики, столяры, жестянщики, хозяева промышленных предприятий. Его сумма зависела от прибыльности того или иного вида профессиональной деятельности.

Недвижимость делилась на три основные категории: торговые предприятия; фабрики и ремесленные предприятия; склады. С магазинов в центре города ежемесячно взималось 15 рублей налога и плюс 3 рубля за каж-

дый квадратный метр, на окраинах — 10 рублей и плюс 2 рубля 50 копеек за каждый квадратный метр. Владельцы ларьков, вне зависимости от их нахождения, выплачивали 25 рублей в месяц. Владельцы фабрик и складов платили от одного до двух рублей за каждый квадратный метр своих производственных площадей[40].

Также в отдельных районах были введены еще и местные налоги: с торгового оборота, налог на здания в размере 1 процента их стоимости.

Перечень всех видов налогов на русское население вносился бургомистром на утверждение немецким комендантом.

Об общем размере денежных налогов, которые взимались с городского населения, можно судить по официальному отчету Псковского финансового отдела. С 1 августа 1941 года по 1 марта 1942 года с населения было получено свыше миллиона рублей.

Для того чтобы понять, насколько эти налоги были обременительны для населения, можно привести следующие факты. Как уже указывалось, одна германская марка была приравнена к десяти советским рублям. Но и в оккупационных марках, и в советских рублях практически все товары народного потребления абсолютному большинству населения были недоступны из-за их цен. Так, стоимость буханки хлеба доходила до 300 рублей.

Иногда городские управы вводили на рынках фиксированные цены. Например, в Курске, согласно распоряжению коллаборационистской администрации, они должны были быть такими: килограмм ржаной муки — 55 рублей, пшеничной (в зависимости от сорта) — 70—100, килограмм масла — 300, сахара — 200, пачка махорки (самый ходовой товар. — *Б. К.*) — 30, дамские туфли — до трех тысяч, мужские сапоги — до четырех тысяч рублей[41]. Но фактически эти товары продавали гораздо дороже.

В частных столовых и ресторанах чай без сахара стоил 2 рубля, второе блюдо, приготовленное из 50 граммов мяса, — 12 рублей.

Наибольшую зарплату среди «новой русской администрации» получал бургомистр. Его месячное содержание составляло 1500 рублей. Заработная плата мел-

ких служащих варьировалась от 300 до 700 рублей. Но небольшая официальная заработная плата коллаборационистов с лихвой компенсировалась взятками и поборами с населения. Что же касается рядовых граждан, то для них выплата этих налогов являлась непосильным бременем. Для русского населения, привлеченного оккупантами для выполнения различных работ, с конца 1942 года практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Ни о каких денежных выплатах здесь речь не шла, более того, за невыполнение заданий в качестве наказания люди могли лишиться и этого продовольствия.

Деньги, получаемые населением, быстро обесценивались. Вследствие недостатка промышленных и продовольственных товаров на оккупированной территории господствовала инфляция. Например, по данным Смоленской городской управы за год, с лета 1942-го по лето 1943 года цены на рынках выросли: на хлеб — в четыре раза, на сало — в два с половиной раза, на туфли дамские — в два раза, на мужское пальто — в пять раз[42].

Производительность труда рабочих не удовлетворяла немецкую администрацию. Ее стремились повысить не материальным стимулированием, а в первую очередь при помощи различных репрессивных мер. Так, в Ивановском районе Курской области за невыход на работу были расстреляны рабочие Звягинцев и Дорохов. Немцы повесили их трупы на столбы и прикрепили надписи «Расстреляны за невыход на работу». Трупы было запрещено снимать в течение трех дней. В Смоленске в апреле 1942 года на пивоваренном заводе были подвергнуты порке пять рабочих за то, что они самовольно выпили по кружке пива.

Служащие предприятий получали месячное жалованье в таких размерах: машинистки, чертежники, завхозы и т. п. — 400 рублей, бухгалтеры — 500 рублей, служащие на ответственных должностях — 650 рублей, служащие на руководящих должностях и специалисты — 900 рублей, руководители предприятий — 1200—1500 рублей.

В сельской местности денежное содержание старост зависело от количества дворов в деревнях. Так, в селе до

10 хозяйств оно составляло 30 рублей в месяц, от 11 до 20 — 50 рублей, от 21 до 30 — 80 рублей, от 31 до 40 — 100 рублей, от 41 до 60 — 150 рублей, от 60 дворов и выше — 180 рублей. Деньги сельские старосты получали от своих односельчан. Зарплата волостных старшин составляла 400 рублей, писарей — 250, полицейских — 250 рублей в месяц. Волостные старшины получали зарплату из бюджета управления, писари и полицейские — из бюджета волости за счет 10-процентных отчислений из собранных налогов с населения[43].

До середины 1942 года расчеты между германскими органами и местными предприятиями и учреждениями производились через германские кредитные кассы, которые открывались в городах и имели филиалы в сельской местности. С лета 1942 года инкассация всех средств налоговых и коммунальных органов проходила только через кассы так называемых «государственных банков», отделения которых открывались во всех крупных населенных пунктах, расположенных на захваченной немцами территории России. Они принимали участие в общем регулировании финансового бюджета оккупационных органов, а также в кредитовании различных мероприятий по экономическому ограблению оккупированных районов. Наиболее крупным из банков был Эмиссионный банк Восточных областей.

Первые банки на захваченной территории России стали открываться по инициативе и при непосредственном участии оккупантов в начале 1942 года. Так, с 1 января начал функционировать Государственный банк в Смоленске. «Заботу» о его быстрейшей организации взяли на себя немецкие чиновники фон Тапфейц, доктор Роннер и Мертенс. По заявлению управляющего А. А. Обрядина, задача банка заключалась в «содействии скорейшему восстановлению экономики города и области». Предполагалось, что в кассе Госбанка будут накапливаться свободные средства предприятий, учреждений и граждан. Населению обещалось, что «собственник вклада будет гарантирован в полной мере всеми средствами банка и сможет распоряжаться своими деньгами без всяких ограничений»[44].

В перспективе, как обещал управляющий банком,

коллаборационисты собирались вводить коммерческое краткосрочное кредитование промышленных предприятий и торговых организаций путем учета векселей и выдачи подтоварных ссуд, а также распространить кредитование и на другие виды хозяйств: городские коммунальные предприятия, сельскую предпринимательскую деятельность и т. д.

К февралю 1942 года основной капитал банка составил солидную сумму — 825 893 рубля. Этого накопления удалось достичь в первую очередь за счет налогов и различных сборов с населения.

Банк города Орла, открывший свои двери для клиентов 17 мая 1942 года, производил выдачу различного рода ссуд под 4,5 процента в год. Официально ссуды выдавались «на ремонт, покупку и постройку домов, оборудования, расширение всякого рода предприятий, восстановление разрушенных большевиками промышленных объектов, а также ремесленникам»[45]. Объявлялось, что «выдача ссуд производится немедленно и без ограничений, а организации и предприятия обязаны открыть текущие счета в банке для быстрейшего восстановления разрушенного большевиками хозяйства». Но на практике получить ссуды без знакомств и связей среди оккупантов или сотрудников коллаборационистской администрации было практически невозможно. В качестве «лиц, пострадавших от большевистских бомбардировок и крайне нуждающихся в строительстве нового дома», обычно выступали ближайшие родственники и приятели бургомистра или его заместителей[46].

У населения вклады принимались под 2,5 процента годовых. Поскольку большинство работников получали заработную плату, которая не обеспечивала даже прожиточного минимума, мало кто добровольно нес свои деньги в банк. Спекулянтам это было невыгодно из-за инфляции. Однако профашистская печать с возмущением писала о том, что недоверие к банкам есть «пережиток темного большевистского прошлого, страх за свои вклады, которые при Сталине регулярно прикарманивались коммунистическим режимом».

В целом, работа «русских банков» весьма широко освещалась в пронацистских средствах массовой ин-

формации. Только за первую половину 1942 года на страницах смоленской газеты «Новый путь» появились материалы: «Об открытии банка в Смоленске», «Сберегательная касса», «Отчетные данные по операциям банка», «Режим экономии», «Об ограблении большевиками ценностей в Смоленске» и др.

Из газеты «Новый путь»:

«Кредит и производство

Банковский кредит неуклонно и всё возрастающими темпами проникает во все поры хозяйственной жизни города и области.

Путем бесперебойного финансирования банка восстанавливаются жизненно необходимые предприятия города: кожевенный, чугунолитейный, кирпичный и мыловаренный заводы.

Всем этим заводам обеспечена блестящая будущность, потому что они будут работать на базе местного сырья и рабочей силы. На основе выпускаемой продукции заводами уже сейчас открываются и работают подсобные предприятия — сапожно-шорная и пошивочная мастерские.

Особенное значение для экономики области, как области сельскохозяйственной, будут иметь заводы чугунолитейный с задачей снабжения сельского хозяйства несложными машинами и сельскохозяйственным инвентарем и льнозавод, на базе которого, помимо первичной обработки льна, может быть организовано прядильно-ткацкое производство.

Финансовые банки позволяют также расширить трикотажную мастерскую, которая недавно открыла новый цех — ткацкий. Качество выпускаемой продукции ткацким цехом не оставляет желать ничего лучшего. Недавно делался отбор экспонатов мастерской на берлинскую выставку.

Наряду с предприятиями города, банковским кредитом постепенно охватываются и предприятия районов. В частности, отпущены большие средства на восстановление и расширение кожевенного завода и торфяных предприятий.

Не забыты и кустарные предприятия и сельское хо-

зяйство. Последние обзаводятся путем кредита необходимым оборудованием, сырьем и сельскохозяйственным инвентарем.

Здесь, однако, уместно сказать, что распространенный в области гончарный промысел до сих пор не вошел в орбиту банковского кредитования. За кредитом в банк гончары не обращаются, вероятно, по незнанию, что им будет оказана банком денежная помощь.

Не так давно открыт кредит сельскохозяйственной общине Возновской волости на приобретение живой тягловой силы — лошадей.

Неизменно благожелательное отношение немецкого командования к делу поднятия сельского хозяйства, выразившееся в немедленном открытии кредита, вызвало у представителей общины чувство глубокой благодарности.

Со своей стороны банк делает всё возможное для упрощения форм кредитования и быстроты совершения операций. Общая сумма открытых кредитов достигает цифры свыше одного миллиона рублей. Наряду с ростом кредитов заметно увеличились и вкладные операции банка.

В последнее время сельскохозяйственный отдел перевел на текущие счета сельскохозяйственных общин свыше двух миллионов рублей, подводя тем самым солидную финансовую базу под операции общин. Однако некоторые сельскохозяйственные общины недооценивают роли банка в поднятии общинного хозяйства. Нужно думать, что им до настоящего времени неизвестно, что нужду в денежных средствах они легко могут восполнить в банке, что все расчеты с сельскохозяйственным отделом за отпускаемый им со склада инвентарь, оборудование или минеральные удобрения они могут делать через банк гораздо проще, удобнее и без всяких трудностей для себя.

Несомненно, однако, что в ближайшем будущем и сельскохозяйственные общины в банке будут не случайными, а постоянными клиентами.

Отрадное явление представляет из себя заметное расширение кассовых операций. В банк несут свою трудовую копейку не только для целей сохранения де-

нег на всякий случай, но и с целью накопления для приобретения домашнего инвентаря, обуви и одежды. Разнообразен социальный состав вкладчиков: служащие, рабочие, крестьяне, лица духовного звания.

Стараясь расширить и углубить операции, банк в то же время строго относится к вопросам финансовой дисциплины. В этом случае видное место, конечно, занимает и сознание самого клиента быть постоянно аккуратным и добросовестным в платежах банку, так как совершенно понятно, что всякая просрочка платежа банку есть своего рода клеймо, несмываемое для последующих операций клиента не только с банком, но и с другими организациями.

Потерять доверие банка — значит раз и навсегда лишиться финансовой помощи банка. В цепи общих отрадных дел по восстановлению экономики города и области стоит и открытие пока четырех филиалов банка. Настоятельная необходимость открытия районных филиалов вытекает из необходимости сближения операций банка и района. Открытие филиалов банка вольет новую кровь во все отрасли хозяйственной деятельности районов, окажет финансовую помощь по восстановлению разрушенных предприятий, расширит сохранившиеся и вызовет к жизни новые предприятия и кустарные промыслы.

А. Обрядин, управляющий банком в Смоленске».

С 1943 года банки стали открывать специальные счета, на которые бургомистры и старосты были обязаны переводить деньги за различные немецкие пропагандистские материалы: книги, плакаты, листовки и газеты. До этого они распространялись по районным библиотекам бесплатно.

При первой угрозе советского наступления сберкассы и банки оперативно закрывались, а их фонды вывозились на Запад.

Для точного определения количества налогоплательщиков в течение 1942—1943 годов оккупанты предприняли попытку провести перепись населения. Она была осуществлена в виде обязательной паспортизации всех категорий населения с четырнадцати лет.

При замене документов взимался особый денежный налог. С лиц моложе восемнадцати лет он составлял три рубля, с опекаемых и малоимущих — три рубля, с остальных категорий граждан — 18 рублей. Неисполнение приказа об обязательной паспортизации влекло за собой строгое наказание, вплоть до расстрела человека, предъявляющего при проверке документы старого образца.

Налоговая политика была одной из важнейших составных частей нацистского оккупационного режима в России. Следует признать, что вначале она дезориентировала некоторую часть населения. Обещания об отмене или значительном сокращении поборов с населения после окончания боевых действий позволили захватчикам собрать значительное количество налогов с минимальными затратами. В своей политике нацисты делали ставку на разжигание частнособственнических интересов среди мирных жителей, их разложение по социальному и национальному признаку. Но срыв плана молниеносной войны заставил нацистов перейти к политике открытого ограбления оккупированной территории России. И если в первый период оккупации сбором налогов в основном занимались представители «новой русской администрации», то впоследствии оккупанты отказались и от этой ширмы.

Глава одиннадцатая
ИСКУШЕНИЕ СЛОВОМ

Содержание и организация нацистской пропаганды. — Газеты и журналы на оккупированной территории России, их содержание и оформление. — Работа редакций и издательств. — Журналист-коллаборационист

Советская военная доктрина выдвигала тезисы о том, что в будущей войне Красная армия будет воевать на чужой территории не только благодаря военному, но и идеологическому превосходству. Личный состав западных армий, в большинстве своем состоявший из

промышленных рабочих, утверждала она, не захочет сражаться против первого в мире социалистического государства. Что касается конкретно Германии, то после подписания Пакта о ненападении Сталин и его окружение начали вести крайне осторожную политику, чтобы не дать немцам повод начать войну.

Ряд немецких коммунистов, эмигрировавших в СССР, был депортирован в рейх. В печати и по радио прекратились какие-либо антигерманские выступления. События начавшейся Второй мировой войны трактовались средствами массовой пропаганды в пользу Германии. И хотя высшее советское военное руководство осознавало неизбежность вооруженного столкновения Советского Союза и фашистской Германии, подобная политика в значительной степени дезориентировала гражданское население СССР.

Процесс становления фашистской идеологии в Германии шел параллельно со становлением геббельсовской системы манипулирования сознанием масс.

Важной чертой нацистской идеологии была ее особая приверженность к примитивизации, рассчитанной на эффектное воздействие на пассивные, политически неопытные и малообразованные слои населения. С этим было связано и характерное для идеологии фашизма подразделение на идеологию масс и идеологию элиты. Подобная градация изначально закладывала в нее систему двойной морали — для рабов и для господ[1].

Немцам внушалась мысль, что они, являясь представителями высшей расы, несут в себе все человеческие добродетели, в то время как низшие расы, которыми были объявлены все «цветные народы», евреи, славяне, изображались носителями всевозможных пороков. Нацистские военные и пропагандистские службы, разрабатывая план нападения на Советский Союз, руководствовались иезуитским принципом «Цель оправдывает средства». В области идеологического воздействия руководство НСДАП (Национал-социалистической рабочей партии Германии) сформулировало главную задачу пропаганды на Востоке как «тотальное воздействие на народ, обеспечение единой реакции на события».

Накануне Великой Отечественной войны органы

пропаганды в фашистской Германии являлись одними из самых эффективных в мире. Сотрудники министерства пропаганды до 1939 года оттачивали свое мастерство на жителях Третьего рейха. Во многом благодаря их усилиям Германия к началу Второй мировой войны имела весьма консолидированное общество. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживавшим на оккупированных нацистами территориях.

Уже весной — летом 1941 года нацистская военная машина стала активно перестраиваться для войны против СССР. Немецкие пропагандисты в своей работе пользовались большой свободой и могли оперативно реагировать на любые действия противника. В инструкции Геббельса от 5 июня 1941 года были определены специфические особенности пропаганды на Россию: «...Никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля — крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий...»[2]

Следовательно, основные тезисы, на которых базировалась немецко-фашистская пропаганда после 22 июня 1941 года, были разработаны еще до начала военных действий против Советского Союза. На протяжении второй половины 1941 года немецкие пропагандисты вносили лишь незначительные коррективы в эти положения. Населению занятых территорий и бойцам РККА начавшуюся войну представляли как освободительную миссию Германии, борющейся против большевизма. Средства массовой пропаганды оккупантов внушали жителям Советского Союза, что Гитлер и его соратники не в состоянии были больше спокойно смотреть на варварство Сталина и коммунистов в отношении своего народа. Успехи вермахта неизбежны не только потому, что он является сильнейшим в мире, но и потому, что Красная армия не хочет и не может вое-

вать за интересы англо-американских капиталистов и ВКП(б).

За несколько дней до нападения на СССР в директиве, обращенной к вермахту, Альфред Розенберг заявил о том, что «применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии обещает больший успех, чем в борьбе со всеми прежними противниками Германии»[3].

Кроме материалов, распространяемых от лица германского командования и коллаборационистской «новой русской администрации», нацисты также выпускали и фальшивки — сфабрикованные обращения от лица политорганов РККА и руководства ВКП(б).

С первых дней войны на бойцов и командиров Красной армии, мирных жителей обрушился поток фашистской пропагандистской продукции. В своем стремлении расколоть советское общество фашисты не останавливались ни перед чем — в ход шла оголтелая пропаганда успехов Германии и ее вооруженных сил, делались попытки разжигания национальной розни, критике подвергался сам ход истории России после 1917 года.

Начало военных действий против Советского Союза ими объяснялось следующими причинами:

1) у немецкой стороны появились неопровержимые доказательства того, что Москва собиралась атаковать европейские государства;

2) СССР и Германия имели договор, по которому балтийские страны останутся независимыми, но СССР присоединил не только их, но и Буковину;

3) Германия всегда была противником демонического варварства большевиков, поэтому Гитлер является освободителем России.

Из газеты «Новый путь»:

«План уничтожения Европы

Осло, 14 апреля. Газета "Афтен Постен" публикует выдержки из книги, опубликованной в Англии и Северной Америке сталинским лейб-журналистом евреем Ильей Эренбургом под заглавием "Трест уничтожения Европы". Злобный иудей набрасывает в этой книге план полного уничтожения всей Европы. По его мнению, вся

Европа должна превратиться в пустыню. Берлин, Вена, Париж, Стокгольм и Рим должны быть обращены в развалины и пепел. Европа должна исчезнуть, заявляет Эренбург и описывает следующим образом штурм Берлина большевиками: "Чудовищные танки в 10 метров вышиной беспощадно сокрушают Берлин, разрушают дома, давят мужчин, женщин и детей". Разрушение Европы описывается этим евреем таким образом: "В Копенгагене не остается ни одного уцелевшего дома, в Стокгольме тихо, как в раю. В то время, как тучи газов спускаются над Парижем, население спасается в метро. Но всё напрасно. Большевизм наносит свой удар. Париж и вся Франция гибнут".

Эти высказывания еврея Эренбурга пышут такой бездонной ненавистью против всей европейской культуры, на которую способен только еврей».

<Без автора>

Илья Эренбург вызывал у нацистских пропагандистов настоящую ненависть и изображался как некое вселенское зло. Нацистская пропаганда дала Эренбургу прозвище «Домашний еврей Сталина».

Его роман «Трест Д. Е. История гибели Европы» был впервые опубликован в берлинском издательстве «Геликон» в мае 1923 года. В этой фантастической сатире шла речь о том, что в 1940 году Европейский континент был уничтожен специально созданным американским трестом.

Для обоснования тезиса «Гитлер — освободитель» значительная часть газетных статей, листовок, радиопередач строилась на следующих положениях:

а) что имел русский народ до большевиков;

б) что ему дала советская власть;

в) что ему дадут немцы;

г) чем он должен заниматься сейчас.

Нисколько не идеализируя жизнь русской деревни до 1917 года (захватчики даже пугали население тем, что англо-американские капиталисты везут в своем обозе представителей династии Романовых и А. Ф. Керенского для занятия ими ключевых постов в государстве), прокламации отмечали преимущества свободного ве-

дения единоличного хозяйства до революции. В условиях, когда оккупанты собирались в основном сохранить колхозную систему, в их листовках писалось «о хорошей жизни до коммунистов, когда любой человек за час мог бесплатно достать себе не менее пуда хлеба»[4].

О дальнейшей судьбе России в периодической печати оккупантов в начальный период войны ничего не говорилось. В ходе осуществления плана молниеносной войны нацисты требовали от населения лишь спокойствия и экономической поддержки. «Оружием германцы борются за вас на фронте. Вы же должны быть не борцами, а помощниками, предоставляющими свою рабочую силу... Не штыками, своей работой помогите нам на службе за вашу Родину и будущее ваших детей!» — писалось в обращении командования группы армий «Север» к жителям «освобожденных районов»[5].

На страницах оккупационной печати помещались рассказы о примерах добросовестного отношения русских крестьян к своему труду. Население призывали брать с них пример. В прокламациях оккупантов постоянно проводилась мысль о том, что активная работа сельских жителей косвенно приближает конец войны и немцы вернутся обратно в Германию, полностью выполнив свою задачу — освобождение России от большевиков.

В понятие «патриотизм» оккупационные средства массовой агитации вкладывали следующий смысл: «Русский патриот — это тот, кто осознаёт свою большую благодарность немецким солдатам. Честно работая в тылу под защитой германских войск, он понимает, что если в этой войне окончательно не избавиться от жидо-коммунистической власти, то она, как бич божий, навеки повиснет над его Родиной».

Важной задачей всех подразделений нацистских пропагандистских служб летом и осенью 1941 года было внушение населению уверенности в непобедимости германского оружия и скорое окончание войны. Для этого использовались радиорепродукторы, установленные во всех крупных населенных пунктах, газеты, листовки и карты СССР, на которых был отражен «крестовый поход против ига жидо-коммунистической власти»[6].

Как отмечали позднее представители советского сопротивления, фашисты пытались убить в людях — жителях оккупированных районов веру в возможность победы Красной армии и парализовать волю к борьбе с фашизмом. Для этого нацистская пропаганда стремилась показать лавинообразный характер победного шествия вермахта по Советскому Союзу.

Вплоть до начала битвы под Москвой коллаборационистская печать публиковала материалы, подтверждающие тезис о непобедимости германской армии и ее успехах на Восточном фронте. Издававшаяся в Риге газета «Правда» свои материалы главным образом заимствовала из фашистской периодической печати, предназначенной для жителей рейха. Это можно объяснить тем, что редакция была представлена в основном русскоговорящими сотрудниками Геббельса. Статьи в подобных изданиях носили описательно-аналитический характер:

11 сентября — «Германская армия под Петербургом», «Красный Балтийский флот без моря»;

18 сентября — «Бои в вооруженной зоне Ленинграда», «Советское правительство взывает о помощи», «Боевые трофеи финской армии»;

18 октября — «Разгром красных сил на путях к Москве и у Азовского моря», «Уже более трех миллионов красноармейцев взято в плен», «Дни Москвы сочтены»;

25 октября — «65 миллионов русского населения освобождены за четыре месяца военных действий».

Успешное продвижение немецких войск позволило работникам Геббельса достаточно точно комментировать ход военных действий. Но при этом они использовали и некоторые формы дезинформации. Так, в середине октября 1941 года во всех крупных населенных пунктах Ленинградской области нацистами были вывешены плакаты «Немецкие войска освободили Москву». Данный текст был набран крупным шрифтом. Под ним очень мелко было напечатано о том, что фашистские солдаты вошли в деревню с таким названием. Эта акция вызвала среди населения упорные слухи о падении столицы нашей Родины[7].

Характеристики оккупантов, подготовленные на-

цистскими пропагандистами, пестрили рассказами о благородстве и гуманности немецких солдат. Население извещалось о том, что немецкие солдаты пришли в Россию на время, лишь для того, чтобы бороться с большевизмом. Подчеркивалось, что для русского народа они гораздо ближе, чем коммунисты. В сентябре 1941 года средствами массовой агитации была предпринята пропагандистская акция, из которой следовало, что «большевики хотели сжечь святые для каждого русского человека пушкинские места. Германские офицеры, предотвратившие это, оставили свои имена в книге почетных посетителей»[8].

Сотрудниками Геббельса всячески распространялась информация о разброде и беспорядках в рядах Красной армии.

Анализируя ход военных действий, немецкая пропаганда подчеркивала не только бессмысленность, но и преступность какой-либо борьбы с Германией. Фотографии пленных или сдающихся в плен предварялись надписью «В плену у освободителей».

Нацисты пытались использовать в своих целях и внешний вид красноармейцев, при этом вся вина перекладывалась на советскую сторону. В статье «Несчастные и счастливые» писалось о том, что «с каждым днем увеличивается число русских военнопленных. Большими партиями проходят они по городу под охраной немецких солдат. Жалко смотреть на них... Что сделали с русским народом большевики?».

Подобные акции должны были, по замыслу авторов, нейтрализовать негативные эмоции мирного населения по вопросу отношения захватчиков к бойцам и командирам РККА, попавшим к ним в плен.

Особое внимание уделялось деморализации Красной армии. Из номера в номер публиковалась информация об ошибках советского командования. В качестве примера могут служить статьи: «Как взяли в плен советского генерала», «Советские бомбовозы против своих же частей».

Специально анализировалась политика репрессий как предвоенных лет, так и в начале Великой Отечественной войны. Она объяснялась тем, что «Сталину нуж-

но показать народу, мол, не вся система гнилая, а есть какие-то вредители, виновные в отступлении армии».

Как в периодической печати, так и на плакатах печатались карикатуры на советских полководцев. В них оккупанты пытались отобразить бесперспективность и аморальность любой борьбы с фашизмом. Наиболее характерными можно назвать следующие: «Тень Суворова» (Суворов возвышался над Тимошенко, Буденным и Ворошиловым и говорил им: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в полководцы не годитесь») и «Последний поход красных маршалов» (Тимошенко и Буденный у ворот тюрьмы. Смерть с надписью на косе «НКВД» говорит: «Добро пожаловать, товарищи!» На колючей проволоке фуражки на них написано: Егоров, Блюхер, Тухачевский)[9].

С осени 1941 года нацистские пропагандистские службы были вынуждены обратить внимание на зарождающееся партизанское движение. Русскому населению внушалась мысль: те, кто называет себя партизанами, на самом деле таковыми не являются. «Партизаны — это те, кто вооружается против армии, враждебной народу, а не освобождающей его». Следовательно, делался вывод, это не народные мстители, а обыкновенные бандиты. Бороться с ними нужно путем своевременного оповещения о их появлении германской администрации. Жестокость, с которой оккупанты расправлялись с любым проявлением недовольства «новой политикой», объяснялась тем, что «партизанская борьба — это борьба за большевизм, и, следовательно, она не является народным движением... Поэтому правильно действует тот, кто наносит по ним удар безоговорочно и беспощадно»[10].

Начинать борьбу с нацистским оккупационным режимом партизанам и подпольщикам приходилось в исключительно тяжелых условиях. Отсутствие информации о положении на фронтах, засилье немецких газет и листовок привели к тому, что некоторые районы (например, Лядский в Ленинградской области) стали называть «братской партизанской могилой»[11]. Часть населения стала повторять то, что твердилось фашистскими пропагандистами, называвшими партизан «сталинскими бандитами».

Отсутствие заранее подготовленных баз с продовольствием заставляло партизан на начальном этапе войны заниматься насильственными реквизициями. Оккупанты использовали каждый факт подобных изъятий для своих пропагандистских целей. Была подготовлена серия радиопередач о том, как немецкие солдаты помогли русским крестьянам вернуть им имущество (скот, хлеб, картофель), отнятое у них «красными бандитами».

Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах, умелой пропаганде, но и из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, конфликта государства с Церковью.

В этих условиях для людей, связанных с советским подпольем, ситуация осложнялась еще и тем, что они почти не имели никакой информации о состоянии дел на фронтах. Часто для них единственным средством информации была та же оккупационная печать.

В июне 1941 года Геббельс писал в своем дневнике: «Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого — троцкистская, второго — сепаратистская и третьего — националистически русская. Все три — резко против сталинского режима... Около 50 млн. листовок для Красной Армии уже отпечатано, разослано и будет разбросано нашей авиацией... Нас упрекают в Москве в том, что мы будто бы снова хотим ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро»[12].

Первая радиостанция называлась «Старая гвардия Ленина». В ее передачах часто приводились выдержки из знаменитого ленинского «Письма к съезду», в которых осуждался Сталин.

В работе этих радиопередатчиков принимали участие известные в СССР люди. Среди них были Эрнст Торглер (в прошлом один из руководящих деятелей Коммунистической партии Германии, председатель ее фракции в рейхстаге. Он был ложно обвинен нацистами в поджоге рейхстага 27 февраля 1933 года. Но на

Лейпцигском процессе проводил линию своей личной невиновности, оставив в стороне политические мотивы. После оправдания Имперским судом стал активно сотрудничать с гитлеровцами) и Карл Альбрехт (бывший коммунист, в начале 1930-х годов возглавлял Наркомат лесной промышленности СССР. В середине 1930-х годов был репрессирован. Смог перебраться в Германию в конце 1939 года, автор книги «В подвалах ГПУ»). Последний подробно рассказывал «о всех кругах ада», которые он прошел в застенках НКВД, при этом он акцентировал внимание слушателей на том, что его соседями по нарам часто были сами старые чекисты, еще знавшие Ленина и Дзержинского, или «следователи, которые только вчера допрашивали людей, с которыми сегодня они оказались в одной камере»[13].

Поскольку радиоприемники у большинства советских граждан были изъяты в первые дни войны, можно предположить, что эти передачи были адресованы достаточно узкому кругу слушателей. К ним сотрудники ведомства Геббельса относили сотрудников органов государственной безопасности и партийно-советскую верхушку.

Деятельность сталинского руководства в 1920—1930-х годах считалась нацистами богатым материалом для критики советских порядков. Предполагалось, что немецкая пропаганда, ведущаяся от лица антисталинской оппозиции, вызовет новый вал репрессий в Советском Союзе, в том числе и в органах государственной безопасности. Также не исключалась возможность провоцирования в советском тылу антиправительственных выступлений.

Невозможность дальнейшего существования советской власти наиболее полно обосновывалась в подготовленном геббельсовскими пропагандистами письме генеральному секретарю ВКП(б) «Советы русского крестьянина Сталину». Анализируя вероятность победы в войне СССР и Сталина, автор допускал возможность такого исхода только при претворении в жизнь ряда условий, изначально невыполнимых и фантастических, — воскрешении всех убитых после 1917 года, освобождении заключенных из тюрем и лагерей, лик-

видации колхозов, примирении с Церковью, покаянии всех коммунистов.

Специфическим средством разложения населения России являлись немецкие листовки-провокации, писавшиеся в виде обращений командиров и комиссаров РККА к своим бойцам и мирному населению. Некоторые из них были построены на подлинных цитатах вождей Коммунистической партии и Советского государства[14]. Обычно они адресовались тем людям, которые, искренне сражаясь за идеи социализма, не могли не видеть порочные черты сталинского режима. В них говорилось, что «сам Ленин не желал, чтобы Сталин стал его преемником. Ленин не доверял Сталину и чувствовал, что при нем Советский Союз погибнет... Но мы унаследовали храбрость и отвагу Александра Невского, Петра Великого и М. Кутузова... В наших руках оружие, и мы сбросим проклятое сталинское иго!»[15].

Согласно партизанским донесениям, подобные акции способствовали расколу в некоторых группах, оставленных для подпольной работы.

Другой формой провокаций являлись доведенные до абсурда фальшивки от имени Главного политического управления Красной армии. Листовки этой группы сообщали населению о том, что война была начата по инициативе СССР для экспорта мировой революции, вестись она будет до последней капли крови, а «в крайнем случае наши вожди с нашим имуществом могут уйти за границу».

Основной поток информационного воздействия был направлен на слушателя, находившегося на оккупированных территориях. И первые месяцы войны советская сторона не смогла организовать какого-либо существенного противодействия пропаганде противника.

Деятельность нацистских пропагандистских служб осуществлялась по нескольким направлениям: через печать (газеты и листовки); аудиовыступления (передачи проводного радио, налаженные во многих населенных пунктах уже через несколько недель оккупации, через репродукторы и рупоры); активные акции (экскурсии для населения в тюрьмы и торжественные по-

хороны «жертв НКВД»); передвижные выставки «Кровавые злодеяния ЧК — ГПУ — НКВД», «Красный "рай"», «Так живут рабочие и крестьяне в Германии» (обычно для нее использовался специально оформленный автобус, который в воскресные дни парковался на базарных площадях областных и районных центров); кино (все художественные фильмы в обязательном порядке начинались просмотром немецкой хроники о положении в Германии, на Восточном фронте и в «освобожденных областях); театральные и художественные постановки; адресно-тематическая подготовка для определенных категорий населения (занятия для функционеров коллаборационистской администрации, учителей школ, полицейских, карателей).

Из газеты «Новый путь»:

«На выставке "Содействуй возрождению родины"

Около автовагона, в котором разместилась передвижная выставка "Содействуй возрождению родины", — шумно и весело. Несмотря на свой внушительный размер (22 метра в длину), автовагон не может вместить сразу всех желающих посетить выставку. Возле входных дверей выстроилась очередь. Играет радио. Мощные рупоры разносят слова новой русской песни про незадачливого советского маршала Буденного:

Эх-ма, сел на коня,
Да давай бог ноги!
Бедный свой народ
Бросаем средь дороги!

Кончается очередной киносеанс. Двери вагона-выставки гостеприимно распахиваются, чтобы принять новых посетителей. В кассе каждый посетитель выставки получает свежий, еще пахнущий типографской краской журнал или брошюру, рассказывающую простым и ясным языком о жизни трудящихся в Германии.

В автовагон входят две крестьянки и останавливаются у витрины, изображающей немецкий хутор

в Вестфалии. Они внимательно рассматривают макеты силосных башни и ямы, комбайна, молотилки с двойной очисткой зерна от мякины и соломы. Их резко поражают чистые и светлые помещения, в которых живут немецкие крестьяне.

— Смотри, Манька, — шепчет одна другой на ухо, — телефон в хате, а в коровнике электрическое освещение!

— Дура, может быть, всё это нарочно сделано? Видимое ли дело, чтобы такие хаты у мужиков были?

Между бабами протискивается босоногий паренек лет десяти, уже, видимо, не один раз побывавший на выставке и изучивший ее подробно. Услышав разговор баб, он деловитым баском изрекает свое заключение:

— А вот не нарочно! Вы до конца выставку посмотрите да в кино сходите, тогда узнаете, нарочно это сделано или нет!

Крестьянки проходят дальше и с недоверием начинают рассматривать снимки, рассказывающие о пребывании делегации крестьян Смоленской, Витебской, Могилевской и Вяземской областей в Германии.

Их внимание привлекает снимок, показывающий стадо германского крестьянина. Табличка поясняет: немецкая крестьянская корова дает в год 3000 литров молока, в то время как в Советском Союзе колхозники получали от коровы не более 980 литров в год.

— Нет, нам такой жизни, наверное, не видать, как у них, — вздыхает крестьянка, рассматривая вторую таблицу, указывающую, сколько собирает с 1 гектара земли урожая крестьянин в Германии. Если в СССР один гектар земли дает 950 кг пшеницы, то в Германии крестьянин с этого же количества земли получает 2170 кг.

— Будем самостоятельными хозяевами, так и у нас будет много скота и машин, — степенно рассуждают крестьянки, — гляди, чего немцы придумали!

Внимание крестьян останавливает макет будущего русского крестьянского двора. Как не похожи эти светлые, просторные жилища, окруженные садами, на те ужасные клетушки, в которых ютились колхозники при кровавом сталинском режиме!

"То, что отнял Сталин, вернет Адольф Гитлер".

Этот лозунг по-настоящему чувствуют русские крестьяне, когда своими глазами на выставке видят, как живет немецкий крестьянин и как смогут жить они в будущем, если будут честно и добросовестно работать».

<Без автора>

Наиболее активно сотрудники ведомства Геббельса занимались печатной пропагандой. В первые месяцы оккупации газеты русскому населению раздавались бесплатно. Тематика номеров утверждалась министерством пропаганды Третьего рейха. Массовые тиражи изданий позволяли распространять их практически во всех населенных пунктах.

При составлении листовок и прокламаций за основу брался конкретный материал, который мог быть известен местным жителям и из других источников информации. Это могли быть партизанская акция, связанная с реквизициями, с человеческими жертвами, или факт какого-либо «благодеяния» со стороны оккупантов (открытие церкви, школы или кинотеатра, освобождение военнопленных из числа «честных хлеборобов»).

Следует признать, что в начальный, самый тяжелый период войны для советской стороны была характерна недооценка органов пропаганды противника.

Главную цель своей работы среди населения оккупированных районов советские политорганы видели в том, чтобы поднять народные массы на всенародную борьбу против фашистских захватчиков. Для этого предполагалось постоянно и своевременно информировать население о ходе Великой Отечественной войны, о действиях РККА, о героизме бойцов и командиров, партизан, тружеников советского тыла, укреплять в людях веру в неизбежность полного разгрома фашистской Германии.

При этом недооценивалась такая форма борьбы с врагом, как контрпропаганда. Так, в ноябре 1941 года начальник политического управления Северо-Западного фронта писал в Главное политическое управление РККА: «В провокационном и авантюристическом

характере, в лживости враждебной пропаганды — ее главная слабость... Поэтому-то фашистская пропаганда и не доходит до населения, на которое рассчитана. Поэтому-то в нашей пропаганде нет необходимости даже опровергать содержание вражеских газет и листовок, ибо их опровергают сами фашисты своими делами: убийствами, грабежами, насилием, которые они чинят в оккупированных районах»[16]. Это была явная попытка выдать желаемое за действительное.

К этому времени фашистам удалось полностью развернуть свои пропагандистские подразделения на оккупированной территории. Недооценка их деятельности негативно отражалась на всем комплексе советских пропагандистских акций: распространении советских газет и листовок, прокламаций, обращенных к солдатам противника, беседах и встречах с мирным населением.

Партизаны и подпольщики в первые месяцы войны оказались совершенно не готовы к активной контрпропагандистской деятельности. В большинстве своем приемники, способные принимать радиопередачи с большого расстояния, были изъяты у населения советскими органами еще в конце июня 1941 года. В условиях начавшейся вражеской оккупации возможность организовать сопротивление врагу с помощью радиопередач из Москвы и Ленинграда сократилась до минимума. Находясь в информационной блокаде, народные мстители опасались самостоятельно начинать пропагандистскую работу, так как изначально предполагалось, что все материалы будут доставляться из Центра.

Однако 1941 год принес и позитивные результаты: Советский Союз сорвал планы молниеносной войны, и поэтому оккупанты были вынуждены перестраивать свою пропагандистскую работу. Партизаны и подпольщики получили первоначальный опыт в проведении идеологических акций.

Реально начало всесторонней борьбы с немецко-фашистской идеологией можно отнести к концу осени 1941 года. Оно связано в первую очередь с партизанскими рейдами из-за линии фронта. Народные мстители обнаружили, что советской литературы — газет, листовок — поступает явно недостаточно. Жители некоторых

деревень не видели ее с начала оккупации. Население высказывало жалобы, что ограниченное количество советской прессы разбрасывалось самолетами в прифронтовой зоне, откуда местные жители обычно выселялись[17].

Первые месяцы войны вскрыли важнейшие недостатки советской пропаганды: ее абстрактность и неоперативность. Это было связано с отсутствием у пропагандистов практического опыта ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником в предвоенные годы, а также страхом допустить при самостоятельной работе политическую ошибку. Партизаны и подпольщики не имели опыта практической контрпропагандистской работы, а предвоенные наработки и штампы оказались не только ненужными, но и нанесли заметный вред в процессе организации пропагандистской деятельности. Отсутствие у народных мстителей постоянной связи с Центром мешало им организовывать акции по разоблачению деятельности нацистских служб.

Кроме этого, на эффективность и успехи нацистской пропаганды на первом этапе войны оказывали большое влияние три фактора:

1) дезориентация значительной части населения на оккупированной территории;

2) обеспечение относительной монополии в области информации;

3) подкрепление пропагандистских акций практическими успехами на фронтах.

На начальном этапе войны немецко-фашистская пропаганда была неразрывно связана с осуществлением плана молниеносного разгрома советских войск. Хотя ей удалось через местную администрацию и свои подразделения охватить значительную часть населения оккупированных областей России (разовый тираж коллаборационистских газет насчитывал сотни тысяч экземпляров), оно стало быстро разочаровываться в формах и методах проведения оккупационной политики. Изменившийся характер войны требовал от нацистов перестройки их деятельности. Зима 1941/42 года, стабилизация линии фронта и, как следствие этого,

частичный отвод подразделений вермахта в тыл значительно усложнили положение сил сопротивления.

К весне 1942 года оккупантами разрабатывается новая программа пропагандистского воздействия на население. Она предусматривала следующие направления. Предполагалось внушить населению мысль, что русский народ сможет получить свободу и благосостояние только после победы Германии, которая предрешена — это только вопрос времени. Резко активизировалась реклама жизненного уровня в Германии. В ней обещалось, что после войны русские крестьяне и рабочие будут жить не хуже. Жителей предупреждали, что поскольку бандиты-партизаны продлевают войну и являются врагами мирного труда, любая связь с ними приведет к расстрелу виновных и сожжению их домов.

Новые задачи требовали расширения пропагандистской и осведомительной сети, в первую очередь за счет привлечения коренного населения. На него оккупанты собирались переложить как пропагандистские, так и полицейско-карательные функции. Патриотизм в 1942 году провозглашался коллаборационистской печатью как противостояние русского народа Сталину, «развалившему страну, армию репрессиями, а теперь призывающему бороться с немцами, которые помогают крестьянам семенами, инвентарем и т. д., когда комиссары при отступлении поджигали поля... Патриотизм — это славная борьба с большевизмом»[18].

По-прежнему из номера в номер шли публикации о непобедимости немецкой армии и ее союзников. Затянувшуюся войну объясняли тем, что коммунисты, не жалея свой народ, без конца бросают его в эту бессмысленную мясорубку.

Министерство пропаганды подготовило «Предложения по составлению листовок для войск противника», в которых говорилось о том, что «пропаганда разложения — грязное дело, не имеющее ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является только сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть в души солдат противни-

ка, заронить в них разлагающие их лозунги, — совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действенны!»[19].

Безусловно, эти рекомендации нельзя воспринимать буквально. Геббельс просто напоминал своим подчиненным, что для пропагандиста в его работе подходят все методы, если они способствуют достижению цели. В своих прокламациях нацисты писали о Гитлере, национал-социализме и Германии в восторженных тонах.

Несмотря на возросшее качество, немецко-фашистские пропагандистские акции во многом нейтрализовывались деятельностью партизан и подпольщиков.

Вести свою работу народные мстители реально могли лишь вдали от крупных населенных пунктов и расположенных там вражеских гарнизонов. В тех местах, где их появление было невозможно, пропагандистские функции перекладывались на патриотически настроенную сельскую интеллигенцию и старост, сочувствующих народной борьбе с фашизмом. Ими расклеивались рукописные листовки о положении дел на фронтах, о том, что Красная армия не разбита, и о том, что не надо верить фашистской пропаганде.

Подобное положение вещей заставило нацистов решать задачу, которая заключалась в том, чтобы лишить пропаганду противника всякой почвы раньше, чем его сообщения смогут достичь слушателей или читателей. Для этого оккупационная печать стала ссылаться не только на сводки германского командования, но и на Совинформбюро. При этом советские материалы подавались только с критической точки зрения. Их обвиняли в предвзятости и неоперативности в освещении хода военных действий. Коллаборационистские журналисты насмехались над «бессмысленно-лживым описанием несуществующих немецких зверств», убожеством описаний «героических» подвигов красноармейцев, единолично уничтожающих «целые колонны немецких танков»[20].

Анализируя заявления советской стороны об «экономической депрессии Германии и ее союзников», оккупационные средства массовой информации не только

опровергали это, но и утверждали, что «все случаи краха экономики явно списаны с каких-нибудь предприятий на Урале или в Средней Азии».

Но поскольку все же советские листовки стали реальной силой, с которой нацистским пропагандистам приходилось считаться, они организовали выпуск поддельных «Вестей с советской Родины». Сделаны они были исключительно качественно: бумага, шрифты, лексика, выходные данные полностью соответствовали советским изданиям. В тексте отсутствовали малейшие проявления антикоммунизма и антисемитизма. Приводились подлинные цитаты из сводок Совинформбюро, выступлений И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова. Разница заключалась лишь в публикации завышенного числа советских потерь. Предполагалось, что «эти факты (потерь) должны распространять главным образом члены партии, а то разочарование в том, что Красная Армия не продвигается вперед, будет слишком велико»[21].

Советская власть, коммунистическая партия и ее руководство, силы сопротивления нацистскому режиму подвергались в немецкой пропаганде уничижающей критике. Во многих российских проблемах обвинялись евреи. Но к одним из наиболее опасных своих противников нацисты относили сотрудников советских органов государственной безопасности. Советские чекисты противопоставлялись всему остальному населению СССР. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан пошел еще дальше. В своей брошюре «Евреи и большевики», которая была выпущена ко дню рождения Адольфа Гитлера 20 апреля 1942 года, он утверждал, что «так называемое ГПУ — НКВД на самом деле является марионеткой в руках мировой закулисы — еврейского заговора, цель которого — порабощение народов Европы»[22].

Одним из направлений нацистской пропаганды было использование советских литературных произведений или советских литературных штампов. Когда говорилось об арестах и репрессиях против неповинных граждан, всячески подчеркивалось, что совершались и совершаются они «карающим мечом пролетарской революции — НКВД»[23].

Некоторые пропагандистские документы оформля-

лись нацистами в виде трофейных документов НКВД. Причем имели место как фальшивки, так и подлинные документы. Так, широко распространялось «Дело № 18», построенное на трофейных докладных записках и спецсообщениях по особому отделу НКВД 4-го стрелкового корпуса Красной армии. Это «Дело» было оформлено как подлинный документ НКВД. Во введении рассказывалось, каким образом оно оказалось в руках нацистских пропагандистов: «Дребезжали стекла от грохота орудий. Чекисты с посеревшими лицами, трясущимися руками вытаскивали из шкафов кипы дел, тащили во двор, где среди грязи полыхал костер... Чекисты бежали. Папка осталась. На ней следы шипов от сапога немецкого солдата. Должно быть, он ногой гасил тлеющую бумагу»[24].

Для немецкой пропаганды были характерны так называемые «лозунги дня», помещавшиеся на первых страницах всех газет. В них резюмировались основные тактические цели и задачи, стоящие перед Третьим рейхом. «Дело № 18» рассматривалось как «капля, но в этой капле отражается весь злобный мир большевизма с его террором, слежкой, доносами и предательством».

Определяя место органов государственной безопасности в советском обществе, нацисты писали: «За советскую родину идут бесславно умирать гонимые под огонь немецких пулеметов толпы красноармейцев. Они знают, что где-то там, в тылу, притаились с пулеметами чекисты из "заградительных отрядов", что в Красной Армии есть уполномоченные НКВД и это, пожалуй, все, что им известно о кровавой сталинской охранке... Но они не знают, какой густой чекистской паутиной опутан каждый из них...»

Чекистская сеть нужна для того, чтобы вылавливать красноармейцев и командиров, которые после этого исчезают из части, «пропадают в тюрьмах, концлагерях, либо в ямах, наспех вырытых на месте торопливого расстрела».

У многих людей, оказавшихся на оккупированных немцами территориях, родственники и знакомые служили в Красной армии. Им необходимо было внушить мысль, что красноармейцы продолжают вооруженную

борьбу с вермахтом только потому, что они оболванены советской пропагандой, и за каждым их шагом и словом следят сотни и тысячи доносчиков. Что касается штатных сотрудников НКВД, то их задача «не только руководить сворой доносчиков, но и следить за следящими, доносить на доносчиков, предавать предателей». На вершине же этой лестницы, согласно немецкой пропаганде, стояли «жирные и звероподобные майоры и капитаны госбезопасности иудейского происхождения».

Немецко-фашистская печатная пропаганда рассматривала членов верхушки большевистской партии, евреев и сотрудников органов государственной безопасности в качестве примера абсолютного зла. Все они, как утверждали немцы, патологически ненавидят русский народ и являются абсолютно чужеродной силой для России. «Каждый, опутанный тенетами доносов, погубленный русский человек — это возможность чекисту получить награду, повышение в чине, быть отмеченным в приказе. На муках сосланных в концлагеря, на крови расстрелянных зиждется шкурное благополучие и карьера любого чекиста»[25].

Одной из форм печатной пропаганды была публикация выдержек из советских газет (иногда и из довоенных), которые сопровождались соответствующим комментарием. Так, информация о награждении ряда сотрудников органов государственной безопасности орденами СССР завершалась следующими словами: «"Социалистический рай" Сталина — это единственное в мире государство, где доносчики, тюремщики, шпики и палачи перед лицом всего народа украшаются наивысшими наградами и орденами за свои "мокрые" дела. С каждого "ордена Ленина", повешенного на грудь лейтенанта госбезопасности, сочится кровь расстрелянных рабочих и крестьян»[26].

При подборе лексического ряда для своих материалов сотрудники пропагандистских служб рейха стремились выбрать слова, которые могли бы вызвать подсознательную негативную реакцию у русского населения. Очень часто это были слова и штампы, использовавшиеся в советской довоенной пропаганде. Так, серия статей, опубликованная в 1942—1943 годах в ряде колла-

борационистских изданий, получила название «В кольце шпиков». В статьях использовалась терминология, которая активно употреблялась в советских фильмах о Ленине. При этом понятие «царская охранка» заменялось словосочетанием «сталинская охранка», а чекисты именовались «сталинскими жандармами».

В нацистской пропаганде наблюдалось двоякое отношение к антисоветской борьбе в довоенные годы. С одной стороны, усиленно прославлялись люди, павшие «в борьбе с проклятым жидо-большевизмом», с другой — утверждалось, что «из кровавой истории ОГПУ мы хорошо знаем, что организаторами и, вероятно, вдохновителями многих антисоветских групп и заговоров чаще всего были сами чекисты»[27].

Практически все немецкие газеты и листовки заканчивались воззваниями, обращенными к русскому населению. В них обычно говорилось, что «благодаря немецкому солдату рушатся застенки "Всесоюзной тюрьмы народов", кончается власть шпиков и агентов НКВД, которые почти четверть века держали вас днем и ночью в страхе»[28].

Кроме газетных публикаций на оккупированной территории России распространялось огромное количество книг о советских органах государственной безопасности. Это были как «научные исследования», так и воспоминания бывших узников ГУЛАГа. В 1942 году берлинское издательство «Бера» опубликовало на нескольких языках, в том числе и на русском, ужасную книгу о содержании заключенных в трудовых лагерях системы ГПУ — НКВД. Книга была написана Кайтаном Клюгом и называлась «Самое величайшее рабство в мировой истории». Издатели пообещали, что это произведение будет продаваться во всех магазинах и станет сенсацией во всем мире. Тираж дóстиг нескольких миллионов экземпляров. Как вспоминали партизаны и подпольщики, большой популярностью данная литература пользовалась в немецкой контрразведке. Она являлась необходимой составляющей в обработке задержанных с целью привлечения их к сотрудничеству с немецкими спецслужбами[29].

Особо можно отметить акции, с помощью которых

нацисты апеллировали к международному общественному мнению и привлекали к сотрудничеству граждан нейтральных стран. Так, весьма активно освещались события, связанные с катынским делом. Члены международной комиссии в мае 1943 года ознакомились с «преступлениями цепного пса жидо-большевистского режима НКВД»[30].

Из газеты «Новый путь»:
«Евреи — убийцы польских офицеров

Смоленск, 16 апреля. Данные следствия дают основание утверждать, что убийство пленных польских офицеров произведено еврейскими работниками — ГПУ. В добавление к этим данным выяснились еще следующие подробности.

Согласно показаниям бывших служащих ГПУ в Смоленске, массовым расстрелом 12.000 польских офицеров в марте и апреле 1940 года в Катынском лесу руководило несколько крупных работников минского ГПУ. Согласно показаниям этих служащих, смоленское ГПУ выдвинуло в качестве участников расстрела польских офицеров также несколько своих работников. Из четырех названных смоленских работников ГПУ три, бесспорно, евреи. Им было поручено встречать на вокзале прибывавших пленных и сопровождать их на место расстрела. Дававшие показания агенты ГПУ сообщили об оргиях в так называемом "Днепровском замке Борок", знаменитом доме отдыха ГПУ, вблизи Катынского леса, такие страшные подробности, что невозможно передать их на бумаге. Они характеризуют беспримерное бесстыдство и порочность еврейских палачей».

<Без автора>

«Останки 12 тысяч польских офицеров, попавших в плен к советским войскам в 1939 году и позднее расстрелянных войсками НКВД», демонстрировались в кинохронике, этой теме посвящались книги и международные конференции. Широко распространялась книга «Массовые казни в Катынском лесу: документальный отчет». Наибольшее значение в ней имел прото-

кол, подписанный европейскими экспертами из двенадцати европейских стран. В конце апреля 1943 года они посетили место, где производились расстрелы, и их доклад подтвердил обоснованность немецких обвинений в адрес органов НКВД. Нацисты со злорадством повествовали о евреях, сотрудниках НКВД, которые «с садистским удовольствием приканчивали польских патриотов своим излюбленным приемом — выстрелом в затылок»[31]. На место трагедии были приглашены и представители польской общественности, которые прилетели в Смоленск на специальном самолете, предоставленном люфтваффе.

Из газеты «Новый путь»:

«Ужас польского населения перед Катынским массовым убийством

Краков, 16 апреля. Польское население генерал-губернаторства сначала по радио узнало о катынском массовом убийстве. Тысячи поляков до сих пор ничего не знали о судьбе своих родственников мужского пола. После первой короткой радиопередачи, сообщающей только фактические данные и возбудившей понятное внимание, последовало следующее сообщение, которое ожидалось с возрастающим интересом, так что в 13 часов у громкоговорителей собрались большие толпы народа, оживленно и взволнованно обсуждавшие услышанное. Польская дневная пресса сенсационно опубликовала на первых страницах первое сообщение об открытии массовых могил, которые польская комиссия видела собственными глазами.

Краковская газета "Гоньец краковский" публикует сообщение под следующими заголовками: "По следам большевистского преступления. — Открытие массовых могил польских офицеров. — Смоленск — свидетель страшной трагедии. — Польская комиссия прибыла на место преступления".

Газета не комментирует страшного преступления, которое само за себя говорит. Называются имена отдельных членов комиссии, по приглашению германских военных властей прибывших на самолетах в Смоленск, в присутствии которых было опознано 50

убитых и сброшенных в могилу офицеров. Газеты публикуют дальнейшие данные на основании сообщений польской комиссии.

К. Долгоненков».

На протяжении всей войны нацисты критиковали союз СССР с Великобританией и США. Одним из утверждений гитлеровской пропаганды было то, что эта война для русского народа является войной за чужие интересы. Газетные «лозунги дня» регулярно провозглашали, что «англо-американские плутократы и жидовствующие капиталисты — это злейшие враги всех трудящихся!»[32].

Все мероприятия союзников, как утверждали немцы, были направлены на расчленение России и превращение ее в англо-американскую колонию. Публиковались документы, из которых следовало, что Великобритания и США уже пытаются сделать из Владивостока второй Сингапур, что «Англия как вредитель Европы уже в 1917 году работала для распада России». При этом коллаборационистская пресса писала о том, что СССР не получает от союзников военные материалы и боеприпасы не потому, что они не в состоянии это сделать, а «по утверждению Черчилля, США не думают помогать Советам». Подобное двуличие объясняли тем, что «президент США, бывший торговец валютой, связан с капиталистами, грабит американский народ. Нельзя удивляться, что и сейчас он всячески старается подкрепить буржуев и ненавидит борющийся с ним германский национальный социализм».

Одной из причин, породивших дефицит ряда товаров, корреспонденты профашистских изданий называли убыточную для СССР торговлю со странами антигитлеровской коалиции. Все факты якобы имевшей место антинациональной политики объяснялись тем, что «вот уже 23 года интернациональная банда преступников, именующая себя III Интернационалом, при посредстве жидов-капиталистов эксплуатирует русский народ».

Население целенаправленно подводили к мысли о том, что коммунистическое руководство является наднациональным и надгосударственным образованием,

для которого его личные интересы и интересы его капиталистических союзников неизмеримо важнее нужд и проблем русского народа.

Критиковались и спецслужбы стран-союзников. Так, в материале «Английское ГПУ» говорилось: «Подобно советской системе, английская имеет нечто вроде собственного ГПУ. Разница заключается лишь в том, что английское ГПУ, именуемое Сикрет сервис, не служит для внутригосударственного потребления, но систематически работает вне пределов Британских островов всякий раз, как появляется опасность разрушения устоев Британской империи». Далее в материале шло перечисление многочисленных преступлений против национально-освободительного движения в колониях Англии — «верной подруги НКВД» и делался вывод: «Все эти инциденты доказывают, что между гнилой английской плутократией и кровавыми диктаторами, засевшими в Кремле, существует несомненное внутреннее сходство. Не будь ГПУ, Ленину и Сталину не удалось бы так долго удержаться у власти в "советском раю". И лондонские империалисты держали и держат в подчинении свои народы во всех частях света главным образом при помощи Сикрет сервис»[33].

Вопросом взаимоотношений СССР с западными демократиями немецкие пропагандистские службы занимались до конца войны, хотя количество публикаций к 1943 году несколько сократилось. Это можно объяснить, с одной стороны, провалом пропагандистских акций, которые вызывали недоверие (желание союзников по антигитлеровской коалиции расчленить СССР, полное отсутствие с их стороны какой-либо помощи), а с другой — обострением отношений на оккупированной территории. Но при этом после освобождения, согласно донесениям агентуры в райотделы НКГБ, некоторые граждане все-таки считали союз СССР с США и Великобританией временной и вынужденной мерой. По их мнению, союз мог быть расторгнут:

а) войной СССР со своими вчерашними союзниками за мировое господство;

б) оккупацией СССР западными демократиями, ликвидацией коммунистического режима[34].

Подобные слухи усилились в послевоенные годы, в условиях начавшейся холодной войны.

С середины 1942 года нацисты усиленно подчеркивали, что так называемая «свободная русская пресса в освобожденных областях» полностью независима в своих суждениях. Коллаборационистские выступления строились на противопоставлении русского народа и коммунистов. Население пытались подвести к выводу, что большевики, призывающие народ к защите национальных завоеваний, на самом деле стремятся лишь к сохранению своего господства[35].

Все публикации в пронацистских средствах массовой пропаганды преследовали одну цель — не допустить развертывания советского вооруженного и пассивного сопротивления нацистскому режиму в западных областях России.

Для ведения пропаганды среди населения временно оккупированных районов фашисты создали специальный аппарат. Общее руководство идеологической пропагандой осуществляло министерство пропаганды, во главе которого стоял И. Геббельс. При министерстве были созданы два отдела: отдел борьбы против Коминтерна и Восточный отдел («Винета»). Восточный отдел имел подотделы активной пропаганды (в нем были отделения по выпуску брошюр и листовок, газет, плакатов, по организации выставок, использованию передвижных громкоговорителей), кино-, радиопропаганды, культуры, книжной связи, комиссаров по особым поручениям. Параллельно действовала система организации пропаганды в аппарате А. Розенберга, имперского министра восточных территорий. При Генеральном штабе фашистской армии работало специальное управление по ведению пропаганды среди населения оккупированных областей.

В каждой армии имелись взводы и роты пропаганды. В крупных городах и населенных пунктах при военно-полевых комендатурах, в городских управах действовали отделы пропаганды (иногда они назывались отделами культуры и просвещения).

К моменту нападения на СССР в войсках, предназначенных к войне на советско-германском фронте, было

19 рот пропаганды (12 — в сухопутных войсках, 4 — в военно-воздушных силах, 3 — в военно-морских силах) и, кроме того, насчитывалось 6 взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, фото-, кино- и радиорепортеры, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей и киноустановок, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок, сотрудники фронтовых газет, переводчики.

Помимо этих сил для работы с местным советским населением каждая из трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») имела специальный батальон пропаганды, который занимался изданиями газет на языках оккупированных народов.

К апрелю 1943 года численность подразделений пропаганды вермахта достигла пятнадцати тысяч человек[36].

На начальном этапе войны роты пропаганды в основном занимались идейной обработкой своих войск, по мере же развития событий на Восточном фронте в их деятельности все больше начала преобладать пропаганда, нацеленная на войска и население Советского Союза.

Роте пропаганды непосредственно подчинялся *Ostpropzug* — «взвод пропаганды на Востоке». Его сотрудники, занимаясь пропагандистской и контрпропагандистской деятельностью, активно создавали школы пропагандистов, предназначенные для русского населения. Так, на Северо-Западе России в 1941—1942 годах они открылись в городе Дно, в Порхове, Пскове, Луге. Данные школы, имевшие штат из пяти-шести преподавателей и десяти-двадцати слушателей, занимались решением первоочередной задачи оккупантов — вербовкой и подготовкой пропагандистских кадров из числа интеллигенции или хотя бы идеологической обработкой ее в фашистском духе.

Эти «специальные образовательные учреждения» функционировали круглый год. Для обеспечения учебного процесса имелись специальные помещения с оборудованными залами, комнаты для занятий, библиотеки. Посещение лекций считалось обязательным для учителей, врачей, служащих оккупационной админис-

трации. На лекциях, единый цикл которых занимал от одной до трех недель, слушателей (в зависимости от их профессиональной принадлежности) знакомили с организацией здравоохранения, системы народного образования, государственного управления в Германии. На остальных занятиях критиковались ВКП(б) и государственный и политический строй России после 1917 года, советская культура, быт, наука и искусство. Порядки в Советском Союзе противопоставлялись «счастливой жизни простых тружеников в Третьем рейхе»[37].

Школами руководили офицеры-пропагандисты вермахта. К чтению лекций, кроме русскоговорящих немцев, привлекались и русские послереволюционные эмигранты, проживающие в Германии (местные, наиболее проверенные пропагандисты стали использоваться в этой роли только с середины 1943 года).

Во время обучения слушатели жили на казарменном положении. Их бесплатно кормили, им выдавали книги, а с 1943 года — форму РОА.

В 1941—1942 годах интеллигенция составляла от 20 до 30 процентов общего числа обучавшихся в пропагандистских школах. С 1943 года школы практически полностью формировались за счет русских сотрудников «взвода пропаганды на Востоке» и добровольцев из числа полицейских, старост, а также военнопленных и перемещенных лиц, согласившихся сотрудничать с оккупантами.

Методика обучения сводилась к записи под диктовку основных положений лекций. Предполагалось, что эти конспекты смогут помочь в работе с населением. В конце курса учащийся был обязан выбрать какую-либо рекомендованную тему, разработать ее при помощи преподавателя и выступить с ней перед своей группой.

С 1943 года школы стали специализироваться по различным направлениям — отдельно готовились пропагандисты для личного состава РОА, для работы на линии фронта, с эвакуированными, женщинами, молодежью. Для лучшего решения этой задачи с 1943 года обучение мужчин и женщин стало производиться раздельно.

В 1941—1942 годах для районных и волостных про-

пагандистов читались лекции по истории национал-социализма, изучались биографии Адольфа Гитлера и его соратников. Значительное место в процессе обучения занимала обработка слушателей в антисоветском, пронемецком и антисемитском духе. По окончании курса в их обязанности входили проведение нацистской агитации и пропаганды, распространение полученной в школе литературы среди населения волости или района. Все они были обязаны доносить вышестоящему начальству (обычно из немцев) о настроении жителей вверенных им районов, о коммунистах, комсомольцах и просоветски настроенных гражданах.

В 1941—1942 годах наиболее активные пропагандисты поощрялись как морально (грамота от оккупационных властей, статья в коллаборационистской прессе под рубрикой «Они помогают строить Новую Европу», благодарность), так и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря). С 1943 года каждое выступление перед населением стало оплачиваться — пропагандист получал по 25 оккупационных марок. Материальное поощрение было связано с усилением партизанского движения и участившимися фактами физического уничтожения коллаборационистов.

Руководство пропагандистских школ рекомендовало своим выпускникам сравнивать положение населения при оккупантах и в предвоенные годы. Темы докладов утверждались следующие: «Пороки колхозной системы и достоинства ведения хозяйства единолично»; «Налоги в Советском Союзе и при немцах»; «Почему Русская освободительная армия борется с большевизмом»; «Кто победит в этой войне». Населению зачитывались выдержки из коллаборационистской прессы и объяснялась необходимость эвакуации в немецкий тыл[38].

Женские школы обучали пропагандисток работе с личным составом РОА и эвакуируемыми. При поступлении в них требовались высшее или среднее образование, общая развитость, верность идеям национал-социализма. Возраст курсанток варьировался от 16 до 40 лет. На занятиях, которые продолжались одну-две недели, освещались следующие вопросы: что такое национал-социализм, расовая теория, советская и не-

мецкая женщины, манифесты генерала Власова. Еще в ходе обучения слушательницы были обязаны ходить на железнодорожные станции и пункты сбора эвакуируемых: среди направлявшихся в немецкий тыл советских граждан распространялась нацистская литература на русском языке, насильственно эвакуированным внушалась мысль, что все остающиеся будут уничтожены Красной армией и ее комиссарами, потому что они «видели свободу»[39].

При посещении госпиталей для солдат РОА и карателей с ранеными и больными, кроме распространения среди них газет и листовок, разучивались популярные советские музыкальные произведения с новыми словами. Так, «три танкиста, три веселых друга» стали служить в РОА, а смысл «Марша веселых ребят» («Легко на сердце от песни веселой...») сводился к благодарности русского крестьянства немцам и Гитлеру за то, что оно стало хозяином на своей земле.

Молодежные школы (туда принимались юноши 16—20 лет) помимо участия в решении общепропагандистских задач занимались подготовкой вербовщиков в РОА. Курсантам читались лекции по методикам вербовки, о воспитании молодежи в Германии, о задачах РОА и о роли пропаганды среди советского гражданского населения, находящегося в тылу у немецких войск.

Во время учебы в школе курсанты по заданию немцев ходили на железнодорожные станции (проводили там работу с эвакуируемыми), посещали лагеря военнопленных (для этого им выдавался специальный пропуск) и организовывали встречи с молодежью. В ходе этих мероприятий распространялись газеты «Доброволец», «Заря», журнал «Блокнот солдата РОА», различные антисоветские плакаты, прокламации с выступлениями генерала Власова, биографические сведения о нем. Основной целью, которая ставилась перед курсантами фашистским руководством, было вовлечение в РОА добровольцев и обеспечение очередного набора в пропагандистские школы[40].

В 1943—1944 годах по мере успешного наступления Красной армии все школы были эвакуированы на территорию Прибалтики, а затем в Германию. Занятия в

них постепенно сворачивались из-за отсутствия базы и контингента учащихся. Все выпускники стали использоваться в качестве штатных сотрудников РОА.

К преподаванию в школах РОА привлекались эмигранты и политработники РККА из военнопленных, согласившиеся сотрудничать с врагом. Курсантам читались лекции по истории России и Советского Союза, на которых анализировалась внутрипартийная борьба в ВКП(б) с 1903 года, жизнь в СССР противопоставлялась жизни в фашистской Германии. Слушателей знакомили с основными аспектами нацистского национального социализма и темпами роста промышленности и сельского хозяйства рейха за десять лет, с 1933 по 1943 год[41]. К основным задачам РОА преподаватели школ относили совместную борьбу с германской армией против большевизма и построение после войны «Новой России» — без евреев и коммунистов.

Поступавший на курсы пропагандистов заполнял анкеты, где должен был ответить на ряд вопросов: что привело его в ряды РОА, был ли он обижен советской властью, и если обижен, то как. На этот вопрос положительно ответило 60 процентов опрошенных. В большинстве своем они писали о том, что были осуждены в 1937—1938 годах и в начале войны. Многие курсанты специально объявляли себя репрессированными для того, чтобы немецкая администрация им больше доверяла.

Значительную часть будущих пропагандистов составляли лица, всеми путями стремившиеся вырваться из фашистского плена. Некоторые из них заняли выжидательную позицию, но были и попытки создания в школах подпольных большевистских организаций. За первые два месяца деятельности этих школ (март—апрель 1943 года) гестапо арестовало 90 человек из 450.

Ужесточив требования к поступающим, руководство курсов оказалось не в состоянии обеспечить выпуск, требуемый «взводом пропаганды на Востоке». Несмотря на расширение сети школ, в августе 1943 года удостоверения пропагандистов получили вместо 1500 всего 300 человек[42].

Даже среди той группы лиц, которая искренне шла

на сотрудничество с нацистами, не было единодушия. Многие не верили, что Германия в случае своего военного успеха пойдет на создание независимой русской администрации[43].

Ход боевых действий в 1943 году внес коррективы в основную задачу, которую ставили перед выпускниками школ. Если в начале года это была консолидация всех русских в борьбе против советской власти, то со второй половины года основным объектом стали эвакуируемые, которым внушалась мысль, что сдача немцами части территории СССР является временной мерой и проводится для выравнивания линии фронта.

По замыслу оккупантов пропагандисты низшего звена: волостные пропагандисты, старосты, письмоносцы — должны были обеспечить тотальное идеологическое воздействие на гражданское население в условиях неудач вермахта на фронтах Великой Отечественной войны.

В нацистских инструкциях по работе с населением предполагалось, что представители русской администрации, кроме распространения печатной продукции, будут выступать перед населением с докладами на следующие темы: «Победа Германии обеспечена, поражение большевиков предрешено», «Положение дел на фронтах», «Германия для России — пример для подражания», «Партизаны — это бандиты», «Поддержка банд — это предательство, которое будет жестоко наказано»[44].

«Пропаганда шепотом», проводимая тайными агентами, включала в себя рассказы о конкретных фактах гуманности немцев, тяжелой жизни в предвоенных колхозах. В инструкции специально оговаривалась важность использования в разговорах с людьми, подозреваемыми в сотрудничестве с партизанами и подпольщиками, разногласий между Сталиным и оппозицией внутри коммунистической партии, которая в 1920-х годах упрекала советского вождя в измене ленинизму.

Все выступления, как функционеров, так и агентов, предлагалось заканчивать выводом о том, что «Сталин, коммунисты и евреи являются виновниками этой войны, а Германия выступает как освободительница от их режима. Все трудности краткосрочны и временны, и

после войны русское население сможет в полной мере оценить те блага, которые принес ему немецкий солдат».

Вторым подразделением «взвода пропаганды на Востоке» являлся отдел печати. Его основные структуры сформировались еще до нападения Германии на Советский Союз. Кроме газет, листовок и брошюр для русского населения там издавался и солдатский боевой листок для служащих вермахта. Общее руководство отделом обеспечивал немецкий офицер, обязательно в совершенстве владевший русским языком[45]. В его ведении также находились все типографии подведомственного ему района.

На оккупированной территории России нацистами распространялись газеты и листовки как отпечатанные в Германии (особенно в 1941 году, до развертывания ими полиграфической базы) и Прибалтике, так и непосредственно на местах, в местных типографиях. Восстановление типографий считалось одной из первоочередных задач.

Наиболее крупными региональными газетами для Северо-Запада РСФСР были издававшиеся газеты: в Риге — «Правда», в Ревеле — «Северное слово» и в Пскове — «За Родину». В Центральной России широко распространялась смоленская газета «Новый путь». Наибольший тираж на всей оккупированной территории имела выходившая в Орле «Речь».

В штате редакций обязательно были представлены профессиональные немецкие пропагандисты, а также русские эмигранты, имевшие довоенный стаж сотрудничества с ведомством Геббельса[46]. Но ставка все же делалась на бывших сотрудников советских газет, изъявивших желание сотрудничать с оккупантами, то есть на людей, которые на практике знали все советские реалии и могли их успешно критиковать.

При этом особым доверием оккупантов пользовались те люди, которые могли доказать, что у них есть повод ненавидеть советскую власть. Именно они в первую очередь привлекались к пропагандистской работе. Очень часто эти авторы публиковали на страницах газет свои воспоминания о сталинских лагерях, ужасах

коллективизации и прочие «разоблачительные материалы».

Кроме журналистов и писателей на особом контроле находились печатники. В условиях наступления гитлеровских войск летом — осенью 1941 года советская сторона не успела вывезти или уничтожить значительные материальные ценности, и они достались в качестве трофея врагу. Это касалось и полиграфического оборудования. Так, в Смоленске типография, которая находилась в ведении городской управы, начала свою работу 12 августа 1941 года. Работающие там получали достаточно большое для оккупированной территории жалованье: от 450 до 1200 рублей в месяц. Первоначально типография, в которой на различных должностях работало свыше двухсот русских сотрудников, обслуживала нужды коллаборационистской администрации. В ней печатались различные бланки, квитанции, распоряжения, объявления[47].

По инициативе немецких властей в начале октября начался выпуск газеты «Смоленский вестник», которая в конце 1941 года была переименована в «Новый путь». Ее главным редактором стал профессиональный журналист К. А. Долгоненков. При редакции функционировало издательство, выпускавшее книги, календари и брошюры.

В феврале 1942 года типография перешла в ведение отдела пропаганды немецкой армии. Теперь она обеспечивала коллаборационистской прессой почти всю территорию оккупированных областей Центральной России. В ней массовыми тиражами выходили многополосные газеты «Новый путь», «Колокол», «Речь», «Возрождение», «Доброволец», журналы «Школьник», «Школа и воспитание», листовки.

Из газеты «Новый путь»:

«Новый журнал

Поступил в продажу иллюстрированный журнал "Новая жизнь" № 5. Прекрасно оформленный, отпечатанный на хорошей бумаге, он наглядно посвящает читателя в фронтовую жизнь, в чудеса немецкой техники, показывает заботу германских врачей о

здоровье русского народа, восстановительную работу в освобожденных областях, знакомит с немецкими киноартистами, фильмами. Многочисленные снимки сопровождаются сжатым пояснительным текстом. Журнал "Новая жизнь" документальными фото опровергает советские басни о зверствах немцев и мифических страданиях русского народа под "фашистской пятой", о тяжелой жизни в стране Адольфа Гитлера. И бывшие советские люди, убедившись в клевете большевистской пропаганды, говорят: "Дай бог каждому так жить"».

<Без автора >

Вся деятельность смоленской типографии контролировалась немецким отделом пропаганды. Возглавляли ее исключительно представители германских оккупационных служб. За время работы типографии (1941—1943 годы) на посту ее руководителя последовательно сменились лейтенант Шулле, лейтенант Кордес, унтер-офицер Зелькомлен, унтер-офицер Фелипс, а также белоэмигрант, долго проживший в Берлине, князь Тарковский.

Каждый сотрудник смоленского отдела пропаганды курировал какой-то определенный вопрос. Практически все они свободно владели русским языком. Начальником отдела был майор Кост, который в этой должности находился с августа 1941 года. Лейтенант Ремпе редактировал листовки для мирного населения, оберлейтенант Эбенгю являлся цензором всех гражданских газет. Всего в этом отделе числилось 20 сотрудников[48]. Они (как и их коллеги в других русских городах) занимались проведением антисоветской пропаганды среди мирного населения и в лагерях военнопленных, распространяли нацистскую литературу, а с лета 1943 года издавали газеты и брошюры от имени Русской освободительной армии. Одновременно пропагандисты принимали участие в вербовке русского населения в РОА, систематически выезжали на передний край обороны, где через микрофон обращались к красноармейцам с предложениями переходить на сторону вермахта, а также занимались разведывательной и контрразведы-

вательной деятельностью в пользу немцев. Работа оккупационных органов тесно переплеталась с деятельностью коллаборационистского «Русского комитета» и эмигрантского НТС[49].

На Северо-Западе России наиболее крупный отдел германской пропаганды размещался в Пскове. Первоначально его возглавлял капитан Мореншильд, а затем, с начала 1943 года, капитан Кельбрант. В состав отдела входили «группа культуры», «группа активной пропаганды», «группа прессы» и «группа фильмов» с подчиненными ей киномастерскими. Группе активной пропаганды, в свою очередь, были подчинены ансамбль «РОА» (с лета 1943 года), группа цензуры, подотдел по оформлению фотовитрин и склад антисоветской литературы. На службе в группе активной пропаганды состояло более двадцати русских агентов-пропагандистов, окончивших пропагандистские школы в Германии (в Дабендорфе и Вустрау). Эти пропагандисты имели специально отработанные лекции, с которыми выступали перед мирным населением. Также они участвовали в организации пропаганды, направленной на бойцов Красной армии и партизан.

В контакте с отделом пропаганды работало местное отделение «Остланд-прессе-фертриб» (Восточное производство печати), занимавшееся распространением антикоммунистической и антисемитской литературы, газет и журналов через сеть киосков и магазинов.

По своему оформлению и манере подачи материала коллаборационистские издания изначально являлись копиями с газет фашистской Германии. Все номера обязательно начинались «лозунгом дня» — кратко сформулированной информацией о характере подачи материала на текущий день. Подобная практика была введена в 1940 году заместителем Йозефа Геббельса Отто Дитрихом и неукоснительно соблюдалась журналистами коллаборационистских газет[50].

В первое время работа редакции зачастую сводилась к компиляции немецких газет и адаптации статей из них для русского читателя. Но после срыва плана «молниеносной войны» этого стало явно недостаточно. Для успешной организации пропагандистской и контр-

пропагандистской работы возникла необходимость в принципиально новом подходе к работе с читателями. От редакций коллаборационистских газет оккупанты потребовали «наличия собственного стиля в подаче материалов, который вызывает доверие у русского населения»[51]. Особой поддержкой со стороны нацистов стали пользоваться издания сатирического характера, такие как «Бич» и «Жидомор».

Из газеты «Новый путь»:

«Журнал "Бич"

Большевики отметили свой 25-летний юбилей. Не прошел мимо этого факта и первый сатирический журнал в освобожденных областях "Бич", пятый номер которого посвящен годовщине "октябрьской революции". На обложке журнала нарисован несущийся на всех парах в пропасть "локомотив мировой революции" с машинистом Сталиным и его еврейским кагалом. Художник Ю. Еремеев блестяще справился со своей задачей, его карикатуры в журнале бьют, как говорят, не в бровь, а в глаз.

Заслуженный комментатор Авдей Авдеевич Авдеев, "идя навстречу" Сталину, привыкшему повторять как попугай речи по чужому тексту, написал "комментарии" для доклада "отца народов" в день 25-летия октября. Они напоминают кремлевскому владыке о некоторых "достижениях" советской власти, столь хорошо известных русскому народу, но о которых умалчивает Сталин.

Журнал "Бич" едко и беспощадно, фактами, взятыми из жизни, разоблачает черные проделки ненавистных врагов. Отточенное перо сатирика и юмориста делает большое дело. "Бич" пользуется и будет пользоваться большой популярностью у читателей».

<Без автора >

Привлекая к сотрудничеству представителей местного населения, оккупационная администрация провозглашала необходимость возрождения местной печати. К работе по ее организации привлекались добровольцы из числа антисоветски настроенной интеллигенции.

Практически во всех крупных населенных пунктах, оккупированных нацистами, был начат выпуск газет. Так, только на Северо-Западе России выходили: в Пскове — «Псковские известия», «Псковский вестник», «За Родину» и «Доброволец» (с 1943 года), в городе Дно — «За Родину», в Луге — «Лужский вестник», в Острове — «Островской вестник», в Гатчине — «Труд и отдых», в Порхове — «Порховский вестник». Периодичность изданий была от одного до пяти номеров в неделю, тираж от нескольких сот до нескольких десятков тысяч экземпляров[52]. Такое явление наблюдалось и в других регионах нашей страны, оказавшихся на оккупированной территории.

Как уже отмечалось, многие журналисты местных газет имели опыт или навыки работы в советской периодической печати, и это наложило определенный отпечаток на манеру подачи материалов в них: они во многом напоминали предвоенные, только с противоположным знаком[53].

Одной из задач редакций было поддержание связи со своими корреспондентами на местах. В роли поставщиков информации выступали полицейские, старосты и в первую очередь районные и волостные пропагандисты. Для них с 1942 года при редакторах стали функционировать краткосрочные курсы «Что и как писать в газету». Сотрудники газеты читали для сельских пропагандистов лекции: «Критика основ марксизма», «Что такое Родина и наше отношение к ней», «Русская поэзия до и после революции», «Русская литература», «Для чего нужна газета», «Как нужно готовить материал для газеты».

В 1941 году на титульном листе обычно указывалось, что газеты выходят «для рабочих и крестьян». В 1942 году эта формулировка несколько изменилась — в ней исчез предлог «для» и издания стали именоваться газетами «рабочих и крестьян». С конца 1943 года к ним прибавились газеты и журналы, издаваемые от лица РОА. Но поскольку и редакции, и типографии находились в ведении «взвода пропаганды на Востоке», все попытки оккупантов изобразить «новую русскую прессу» как некое самостоятельное и независимое образование являлись чисто пропагандистскими уловками.

До 1942 года большинство газет распространялось бесплатно. В конце августа 1941 года вышло распоряжение германского командования, согласно которому все находящиеся на оккупированной территории письмоносцы должны были приступить к исполнению своих обязанностей. В тех деревнях, где их не было, эти функции перекладывались на старост. В обязанности почтальонов входили получение в комендатурах или управах свежих номеров газет или листовок и расклейка их на специальных стендах, установленных в каждой деревне. Кроме пропагандистского материала — газет, листовок, плакатов — там вывешивались распоряжения и приказы оккупационных властей[54].

В городах, кроме расклейки на стендах, газеты распространяли через специальные ящики, где их мог взять каждый желающий. Редакция на страницах газеты объявляла, в какие дни недели можно получить свежий номер. Читателей просили брать только по одному экземпляру («ваш сосед тоже хочет читать»), а прочитанную газету не выбрасывать или уничтожать, а передать друзьям или знакомым[55].

С 1942 года получение газет стало платным (хотя они по-прежнему регулярно вывешивались на стендах). Представители оккупационной администрации требовали, чтобы все русские служащие, как аппарата управления, так и врачи, учителя, агрономы, в обязательном порядке оформили подписку хотя бы на одно издание. Старостам и письмоносцам домов просветителей спускался план, согласно которому они должны были охватить подпиской определенное количество лиц в своих районах[56].

В конце 1942 года при райуправлениях стали создаваться газетно-журнальные киоски, в которых ежедневно продавались газеты, журналы, брошюры, а также художественная литература[57].

Все официальные помещения в обязательном порядке «украшались» плакатами и портретами. Так, в помещении Радченского районного старостата (Воронежская область) были вывешены большие художественно исполненные портреты Гитлера и Муссолини[58].

До 1943 года немецко-фашистская печатная про-

дукция играла важную роль в системе идеологического воздействия на население. Активизация партизанского движения значительно ослабила возможности распространителей коллаборационистской печати, а в ряде районов полностью изолировала местное население от их проникновения (за исключением тех населенных пунктов, где стояли фашистские гарнизоны). Представители сопротивления через сеть своих агентов забирали у письмоносцев коллаборационистские издания и заменяли их на свои. Изъятый материал уничтожался (кроме номеров, доставлявшихся в политические и особые отделы партизанских соединений)[59].

Распространение нацистской печатной продукции, включавшей в себя издание региональных и местных газет, листовок, обращений и плакатов, являлось одной из основных задач, стоящих перед структурами фашистских пропагандистских служб. Наибольшее влияние на население оккупированных территорий они оказывали на начальном этапе войны, когда успехи вермахта на фронте и отсутствие реального противодействия немецкой армии со стороны сил сопротивления, популистские обещания фашистской прессы дезориентировали значительную часть мирных жителей. В 1942 году, после срыва плана молниеносной войны, сотрудники оккупационной печати делали все, чтобы закрепить свои первоначальные успехи, изолировать усиливающееся сопротивление. В течение 1943 года советские партизаны и подпольщики при поддержке большинства населения смогли сорвать практически все фашистские акции, связанные с распространением коллаборационистской прессы.

Общий контроль за осуществлением пропагандистских функций на местах «взвод пропаганды на Востоке» осуществлял через сеть домов просветителей, которые являлись центрами идеологической работы в районах. В его задачи входили контроль за работой школ и за штатными пропагандистами, организация киносеансов, пропаганда посредством громкоговорителей и радиопередач[60].

В августе 1941 года оккупантами было заявлено, что, кроме выполнения административных функций, старо-

сты обязаны доводить до населения все распоряжения нацистской администрации, способствовать активному распространению среди односельчан идей «Великой Германии и национал-социалистического учения»[61].

С лета 1943 года сфера деятельности фашистских пропагандистских служб была ограничена лишь крупными населенными пунктами. Часть домов просветителей в районных центрах была ликвидирована, а их кадры рассредоточены по тем населенным пунктам, где стояли крупные немецкие гарнизоны.

В процессе создания структур Русской освободительной армии оккупанты всячески подчеркивали, что ее организация идет исключительно по инициативе «русского национального антибольшевистского движения»[62]. Для придания ему большего авторитета в глазах населения оставшиеся дома просветителей были слиты с четвертым и пятым подразделениями *Ostpropzug*'а — библиотекой при доме просветителей и театральным отделом (исполнявшим до этого не только пропагандистские, но и культурно-просветительские функции).

Новая служба получила название «отдел пропаганды и просвещения». Коллаборационистские журналисты приступили к выпуску печатного органа отдела — журнала «Блокнот солдата РОА». В функции отдела пропаганды и просвещения входила организация антисоветских и антипартизанских выступлений пропагандистов перед населением. Предполагалось создать на местах (в том числе и там, где ранее существовали дома просветителей) «уголки просвещения», снабженные нацистскими газетами, брошюрами и плакатами. По замыслу организаторов уголки должны были сплотить вокруг себя «всех лиц, разделяющих идеи русского освободительного движения». Кроме проведения пропагандистских и культурных мероприятий отдел активно занимался вербовкой волонтеров в РОА и помогал семьям «добровольцев».

Из Прибалтики, а также из Финляндии, союзной фашистской Германии, при помощи разветвленной сети радиостанций на территорию, освобожденную Красной армией, было организовано радиовещание[63]. На

Россию были ориентированы следующие радиостанции противника, находившиеся на территории Германии и ее союзников: «Висла-Варшава», «Голос народа», «Старая гвардия Ленина», «Лахти»[64].

Наиболее активно среди них работала «Лахти» (Финляндия), чьи передатчики ориентировались как на население советской Карелии, так и Ленинграда. В течение 1943 года она приняла участие в крупномасштабной операции нацистских спецслужб — акции «Власов». В антисоветских передачах на русском языке регулярно сообщалось о Русской освободительной армии, созданной якобы весной 1942 года (хотя первые упоминания о данной структуре появляются в немецкой пропаганде весной 1943 года. — *Б. К.*). При этом бывший генерал-лейтенант Красной армии А. А. Власов, вставший на путь предательства и сотрудничества с нацистами, именовался «вождем русского освободительного движения» и «руководителем Русской освободительной армии».

После Сталинградской битвы руководство Германии стало осознавать, что оно может и не выиграть эту войну. Министерство пропаганды предприняло так называемую «союзную инициативу». Теперь немецкие пропагандистские службы получили указания в своей деятельности представлять эту войну для русского населения как гражданскую, то есть утверждать, что «Россия объявила войну СССР», а Германия лишь выступает в качестве союзницы первой[65].

На встрече представителей немецких комендатур в Пскове в апреле 1943 года было заявлено, что их работа должна учитывать реальность того, что «Сталину удалось превратить войну за сохранение своей системы в священную Отечественную войну и тем самым вызвать патриотическое и религиозное самопожертвование, способность к которому издавна была одним из самых сильных свойств русского человека». В итоговом документе отмечалась возросшая роль задачи привлечения населения на немецкую сторону. Делался вывод, что «военной оккупацией нельзя покорить революционный народ, напротив, этим только начинается его покорение»[66].

Причины неудач на идеологическом фронте нацис-

ты объясняли тем, что некоторая часть их солдат и офицеров не понимает значения пропаганды и даже противодействует проведению пропагандистских акций. К ошибкам и просчетам делегаты отнесли:

1) болтовню о колониальном народе;

2) перегибы в национальном вопросе;

3) плохое обращение с пленными.

Сознавая крах своей политики, немецкие пропагандистские службы предприняли попытку ее анализа. Успех партизанского движения они объясняли:

1) победами Красной армии;

2) ухудшением для Германии международного положения, в частности выход из войны Италии;

3) отсутствием у коллаборационистов регулярных занятий по международному положению («а в партизанском районе ежедневно слушают радиопередачи, которые комментируются комиссарами»);

4) ошибками при проведении вербовки на работу в Германию;

5) пораженческими разговорами немецких солдат;

6) неумением немцев пить водку и, как следствие этого, неуважение к ним со стороны населения[67].

Поскольку оккупанты признавались, что «мы имеем в России только две возможности: или уничтожить всех русских, или включить их, связать с политикой Бисмарка», было принято решение, что официально акции будут проводиться «через Власова и новейшую русскую пропаганду»[68].

12 апреля 1943 года состоялась первая антибольшевистская конференция бывших бойцов и командиров Красной армии. На ней была провозглашена необходимость создания боевых подразделений РОА. Объявлялось, что «РОА — армия ни красная, ни белая. Просто русская армия».

Участниками этого совещания было декларировано, что перед русским народом сейчас стоят три главные задачи: уничтожение большевизма, заключение почетного мира с Германией, строительство «Новой России» без большевиков и капиталистов.

В апреле—мае на оккупированной территории РСФСР было распространено открытое письмо Власова

«Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?». В нем бывший командующий 2-й ударной армии рассказывал о своем жизненном пути. Специально оговаривая, что советская власть его лично ничем не обидела, первой причиной, заставившей его пойти на сотрудничество с немцами, Власов назвал несовпадение тех идеалов, за которые он воевал на стороне красных в Гражданской войне, с результатами первых десятилетий правления большевиков: коллективизацией, репрессиями 1937—1938 годов.

В ходе войны с Германией он, по его словам, честно исполнял свой долг солдата и верного сына родины. Причины поражений 1941 года виделись ему в нежелании русского народа защищать большевистскую власть, в системе насилия и безответственном руководстве армией со стороны больших и малых комиссаров.

Всё это заставило его задуматься: «Да полно, родину ли я защищаю, за родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем родины, проливает кровь русский народ?»

Выводы «открытого письма» были следующие: задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германией. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за «Новую Россию» в рядах антибольшевистского движения[69].

«Открытое письмо генерала Власова» было крупномасштабной пропагандистской акцией нацистов, направленной как на население оккупированных районов, так и на бойцов и командиров РККА, жителей тыловых районов Советского Союза.

Акция «Власов» была направлена не только на создание активного русского коллаборационистского движения в зоне немецкой оккупации, но и на то, чтобы вызвать в советском тылу рецидив массовых репрессий образца 1937—1938 годов. С этой целью Власов (или, более точно, немецкая пропаганда, использовавшая предателя как ширму) заявлял о том, что в Советском Союзе всегда была активная антикоммунистическая оппозиция: «В Красной Армии, в ее высших кругах, были русские люди, истинные борцы за русский народ. Они не

хотели большевизма, и мы, представители этих людей, хотели эту власть уничтожить и создать русскую власть. Но... в 1937 году лучший цвет комсостава Красной Армии был уничтожен». Выступая перед сотрудниками псковской коллаборационистской газеты «За Родину», Власов сообщил о том, что «сейчас по ту сторону фронта людям живется тяжело. Там трудно организовать восстание против сталинской клики. Но все же наши люди по ту сторону фронта не дремлют. Они соединяются между собой и готовятся к свержению ненавистного ига жидо-большевизма»[70].

Весной 1943 года Власов совершил поездку по оккупированным районам Ленинградской области. Он посетил города Псков, Лугу, станцию Толмачево. Его выступления сводились к пропаганде так называемой «национальной идеи» и «задач русского народа», которые он противопоставлял борьбе советского народа с германским фашизмом. «Русская национальная идея» трактовалась им как «идея, поднявшая весь русский народ на борьбу против большевизма. Сталин по требованию обстоятельств схватился за русскую национальную идею. Он использует ее для того, чтобы отсрочить свою гибель, а затем уничтожить русскую национальную идею, заставляя ее служить целям большевистской пропаганды»[71].

«Задачи» мирного русского населения оккупированных немцами областей определялись следующим образом: «Сейчас мы, мирное население освобожденных областей, ведем эту борьбу против большевизма, засевая поля, открывая магазины, приступая к ремеслам, службе в учреждениях. Мы включаемся в тотальную войну против жидовско-сталинской банды и тем создаем новую жизнь. Это идея русских. Русские идут в Русскую Освободительную Армию и ради нее несут трудности тотальной войны»[72].

Для каждой категории граждан дополнительно готовились специальные листовки и прокламации. Для «русских в освобожденных германскими войсками областях» это были воззвания, призывающие записываться добровольцами в РОА генерала Власова в ближайшей местной комендатуре[73].

В одном из первых приказов Власова заявлялось, что священный долг каждого честного человека — стать добровольцем и участвовать в общей русско-германской борьбе против большевиков.

Из газеты «За Родину»:

«Генерал Власов посетил редакцию газеты "За Родину"

Беседа генерала с сотрудниками газеты

Псков. В конце своей поездки по освобожденным областям генерал Власов воспользовался случаем посетить редакцию газеты "За Родину", по какому поводу в стенах редакции состоялся торжественный акт при участии редакционного персонала и многих приглашенных гостей.

Генерал Власов выразил особую радость быть в среде сотрудников газеты "За Родину", которую он рассматривает как лучший и самый активный печатный орган в освобожденных областях.

Выразив похвалу и признательность всем сотрудникам и редакционному персоналу нашей газеты и призвав их к новой неустанной пропагандистской работе за Национальную Русскую Идею и к борьбе против чуждого русскому народу большевизма, генерал Власов взял слово с целью еще раз в обширной речи ясно и отчетливо сформулировать сущность этой великой идеи.

"Дорогие друзья! Почему наша Национальная Идея сейчас приобретает такие обширные права гражданства? Многим кажется, что за 25 лет большевистского господства должны были бы быть уничтожены вообще все русские идеи, что они должны были бы быть вырваны с корнем. На самом деле это не так. Мы, русские, никогда не хотели большевизма и боролись с ним до последней возможности. После того, как народ наш был жестоко обманут выдвинутыми большевиками лозунгами, большевизм создал себе могучий аппарат насилия и воздвиг непроницаемую стену между Западом и Востоком, которая исключила всякую возможность для сотрудничества с народами Европы. Знаменитая 'китайская' стена — это чепуха по сравнению с той стеной, которая была воздвигнута Сталиным.

Запад не знал, как живет Восток, а Восток не знал, как живет Запад.

Русский человек никогда не хотел большевизма. Он боролся против него. Это можно сказать с уверенностью. Иначе зачем Сталину нужно было погубить миллионы русских крестьян? Почему в 1937 году нужно было уничтожить цвет русской интеллигенции? Почему в том же году Сталин приказал расстрелять лучших представителей Красной армии? И все же, несмотря на то, что он погубил сотни тысяч русских людей, русский народ не стал безвольным.

Сейчас по ту сторону фронта людям живется тяжело, но там трудно организовать восстание против Сталина. И все же наши товарищи по ту сторону фронта не дремлют. Они соединяются, и народные массы готовятся к свержению ненавистного им большевизма. И когда мне задают вопрос, на чем основаны мои надежды, я отвечаю: на русских людях по ту сторону фронта. Я знаю их любовь к свободе.

Вы все должны бороться за то, чтобы победить большевизм. Здесь, в освобожденных областях, нужно положить начало этому делу. Только тогда нашему примеру последуют наши товарищи по ту сторону фронта. Весь русский народ ждет светлого часа освобождения от большевизма".

Затем генерал Власов коснулся своей личной жизни и, между прочим, сказал: "Я был заместителем Тимошенко и лично со мною знаком Сталин. Он знает меня как крепкого, волевого человека. В тяжелую минуту я лежал больной с 40-градусной температурой, но я все же встал, присоединился к моим солдатам и защитил, как мне было приказано, нашу столицу — Москву. Это сделало меня известным человеком. Обо мне писали в газетах, всюду помещали мои портреты, меня показывали в кино. И все же я ненавидел большевизм и ненавидел его потому, что в угоду жидовству и их интернационалу он уничтожает всё русское. Я прожил 25 лет с большевиками и видел всё, что происходит в СССР. Поэтому я сейчас борюсь за национальную русскую идею, за свободу нашего народа.

Не надо забывать, что Сталин хитер и умен. Он по-

нял, что, если он будет опираться только на жидов, он достигнет очень немногого. Он возлагает свои главные надежды на отсталость народных масс. Сталин — очень ловкий и хитрый политик. Если бы пять лет тому назад кто-нибудь заговорил о каком бы то ни было 'русском' деле, это вызвало бы бешенство в советских кругах. Я сам сказал однажды, что Петр Великий был большой революционер. За эти слова мое имя склоняли на всех собраниях, причем говорили: вот-де в нашей красной армии есть люди, считающие царей революционерами. Можно было говорить только о 'советских' людях, слово 'русский' упоминать не полагалось.

Сейчас Сталин понял, что так не может продолжаться. Поэтому сейчас он совершает величайший обман. Он хочет одурачить наш народ, уверив его, что происходит 'отечественная война'. В действительности же он борется исключительно за интересы интернациональной жидовской клики. Большевизм заключил союз с англо-американскими капиталистами. Это не случайность. Сталин заявляет, что большевизм — прогрессивное, передовое учение, но почему же это якобы прогрессивное учение заключило союз с прогнившим капитализмом? Действительный ход событий доказывает, как никогда, что большевизм является самым регрессивным и отсталым движением.

В теперешней развернувшейся борьбе народов силы разделились надвое: темные силы борются против прогрессивных сил. Сталин понимает, что победа останется за тем, на чьей стороне народ.

Я не сдался в плен, я всегда боролся со своими солдатами. С ними я испил чашу страданий до дна. И солдаты знают меня. Сражаясь под Ленинградом, я узнал, что Сталин приказал обыскать мою квартиру. Я запросил по радио, почему обыскали мою квартиру? И вскоре понял, что обратный путь для меня отрезан. Когда за мною прислали самолет, меня он уже не нашел.

Некоторые, может быть, подумают, что я так говорю, потому что меня взяли в плен. Нет, я борюсь честно и смело за тесное содружество, за Национальную Русскую Идею: у меня достаточный военный и поли-

тический опыт, так как я принимал участие в трех войнах.

Сталин расстрелял миллионы людей, но он не может уничтожить весь русский народ. Сегодня он может меня обвинить 'врагом народа'. Я знаю свой родной русский народ и всегда защищал и буду защищать его интересы. Сейчас в Советском Союзе обо мне пишут всевозможные небылицы. По некоторым сведениям я лечусь в Сибири, по другим — я убит. Наконец, выдумали даже дикую небылицу, будто бы немцы сделали мне 'вспрыскивание' и вот-де я говорю не то, что думаю. Нет, я живой и здоровый человек и открыто, сознательно высказываю свои идеи!

В чем смысл нашей идеи? Мы стоим за честный, на равных началах союз между великим германским и великим русским народом. Объединение принесет нам общую пользу. У нас нет никаких враждебных чувств к немцам. И у них не должно быть никаких враждебных чувств к нам.

Мы, прежде всего, стоим за прекращение войны. Женщинам нужно вернуть их мужей, детям — их отцов, матерям — сыновей. Наступил момент осушить слезы великой русской женщины. Мы за прекращение теперешней войны. И, тем не менее, мы и сейчас отдаем себе отчет в том, что настоящая война только начинается. Нужно уничтожить навсегда большевиков и добиться почетного мира с Германией.

Чего мы желаем для своего народа?

Прежде всего, нужно добиться дружеского сотрудничества всех слоев населения. Стародавнее стремление русского крестьянина стать собственником земли должно, наконец, осуществиться. Крестьянин сможет работать на своей земле и богатеть. Если будет богатеть крестьянин, то от этого разбогатеет и все государство.

Рабочим должна быть дана возможность работать свободно на лучших фабриках, на лучших заводах. Нужно широко развить кустарные промыслы. Каждый рабочий пойдет работать на тот завод, где будут наилучшие условия труда. В этом отношении решительную роль должна сыграть конкуренция. Мы стоим

за народное обогащение, так как основным стимулом в жизни человека является частная собственность. За последние двадцать пять лет наш народ убедился, что прогрессивное движение может развиться только на основах частной собственности.

Мы хотим создать Россию, в которой не будет произвола, в которой каждому будет гарантирована личная свобода.

Таковы, вкратце, основные идеи нашей борьбы. На этих основах мы честно, без задней мысли, заключаем союз с Германией. Русский человек — великий человек. У него нет никакой ненависти к Германии, а потому мы будем бороться в союзе с великой и культурной Германией.

Сталин хочет еще раз обмануть русский народ, но это ему не удастся. Россия не нуждается в Сталине. Я знаю: нам принадлежит прошлое русского народа, нам будет принадлежать также и его будущее, так как мы, русские патриоты, боремся за него кровью своего сердца!"

Речь генерала Власова неоднократно прерывалась взрывами аплодисментов. После своего выступления генерал вел продолжительную беседу с редактором и сотрудниками нашей газеты. Он дал им ценные советы и указания относительно будущей работы. Служащие и рабочие устроили генералу Власову шумные овации и провожали его возгласами: "До скорого свидания, господин генерал!"

Покинув редакцию, он отправился в другие места и города, чтобы продолжить борьбу за национальную Русскую Идею. Ему мы шлем наши горячие пожелания и обещаем принять совместно с ним самое активное участие в этой священной борьбе и еще интенсивнее работать за свободу и счастье нашей Родины».

<Без автора>

Из этого материала очень хорошо видно, что Власов говорит штампами геббельсовской пропаганды. В его речах, окрашенных манией величия (это было добавлено явно самостоятельно. — *Б.К.*), присутствует всё: и жиды, управляющие Россией, и Сталин, который борется

«за интересы интернациональной жидовской клики», так как «большевизм заключил союз с англо-американскими капиталистами». Власов обещает всё и всем, призывая русское население «бороться в союзе с великой и культурной Германией».

Хотя власовцы пытались создать иллюзию, что их организация имеет широкоразветвленную боевую и пропагандистскую сеть на всей территории Советского Союза, реально она могла действовать лишь на оккупированной территории, проводя свои акции в отношении мирного населения и особенно партизан. На силы сопротивления пытались воздействовать по двум направлениям пропаганды: экономическому и нравственно-политическому.

Народных мстителей коллаборационистская печать убеждала в том, что пока они воюют за якобы правое дело, их жены и дети голодают. При этом «завмаги и политруки имеют положительно всё, вдобавок ваших жен». Им также пытались доказать, что «весь русский народ, кроме замкнутой частицы в районе ваших боевых действий, уже объединился с германской армией и победа будет за ним». Поэтому, говорилось во власовских прокламациях, «нужно понять, что так называемая партизанская борьба велась и ведется не за дело русского народа, а против него»[74].

Партизанам внушалась мысль о том, что когда они воевали с иностранными солдатами, у советского руководства как будто было основание говорить им, что они ведут борьбу против захватчиков русской земли. Теперь же они сталкиваются с подразделениями Русской освободительной армии, которая является защитницей интересов русского народа, а не одних евреев и коммунистов. Народных мстителей призывали переходить на сторону РОА, в противном же случае «они будут прокляты всем народом за те страдания, которые принес России Сталин и его большевизм».

Реакция советской стороны на этот комплекс пропагандистских материалов была весьма болезненной. Только этим можно объяснить опубликование листовки «К русским людям, обманутым немцами». (По некоторым источникам, ее текст был написан И. В. Сталиным

и Л. З. Мехлисом[75].) В ней Власов обвинялся в том, что он в 1937—1938 годах был активным участником контрреволюционных троцкистских организаций и вместе с другими врагами народа пытался погубить нашу родину. Далее из текста следует, что его неоднократно прощали и даже повышали в должности. Летом 1941 года под Киевом он сдался немцам в плен и завербовался к ним «как шпион и провокатор». После этого он вернулся в расположение Красной армии и получил возможность со стороны советского командования «доказать свою невиновность». Власов последовательно сдал немцам свои армии под Киевом, Москвой и Ленинградом, после чего окончательно перебежал к своим хозяевам летом 1942 года[76].

Подобные публикации вызывали недоверие у русского населения на оккупированных территориях. Фашистские и власовские пропагандисты предприняли ряд шагов для закрепления этой реакции. Были отпечатаны листовки, факсимильно воспроизводившие те номера советской «Правды» и «Красной звезды» за 1941—1942 годы, где генерал Власов в числе других назывался одним из героев московской битвы.

Усиленная пропаганда «власовского движения» осуществлялась для привлечения на его сторону как можно большего числа людей. При этом средства немецкой пропаганды пытались убедить общественное мнение в том, что в течение нескольких месяцев к Власову пришло более миллиона человек. Так, радиостанция «Лахти» в своей программе от 21 мая 1943 года сообщила, что численность РОА достигает 750 тысяч человек. А уже 10 июля того же года утверждалось, что «на территории, освобожденной от большевиков России, создана миллионная Русская Освободительная Армия»[77]. К сожалению, последняя цифра и по сей день время от времени приводится в работах некоторых недобросовестных историков.

Но в целом идеологическая атака фашистов и их союзников, несмотря на определенные ошибки советской пропаганды, не достигла своей цели. В 1943 году вся инициатива была в руках советской стороны.

Активная боевая и массово-разъяснительная работа

среди населения убеждала людей в том, что Советский Союз ведет справедливую борьбу и советский народ победит в этой войне. Разоблачались заверения немецких пропагандистов в непобедимости вермахта, прочности его завоеваний. Жителям убедительно доказывали, что немецкая оккупация — явление временное и Красная армия скоро освободит всю территорию страны.

Процесс реорганизации нацистских пропагандистских служб совпал с завершением коренного перелома в Великой Отечественной войне — успешным наступлением Красной армии под Орлом и Белгородом. В сентябре 1943 года был освобожден Смоленск. Параллельно с этим партизанские соединения Северо-Запада РСФСР под руководством Ленинградского штаба партизанского движения летом—осенью 1943 года приступили к подготовке всенародного вооруженного восстания в тылу врага. В этих условиях работа нацистских пропагандистов, которые теперь пытались внушить населению, что они являются подразделением Русской освободительной армии, могла вестись лишь в самых крупных населенных пунктах — городах Пскове, Луге, Дно. Юго-Восточные районы области, где силы советского сопротивления были наиболее сильны, оказались полностью очищены от оккупационных пропагандистских служб.

Во второй половине 1943 года коллаборационистская печать оказалась доступной лишь для жителей тех населенных пунктов, где находились фашистские гарнизоны. Недостаток информации с мест газеты компенсировали перепечатками сводок германского командования, своими комментариями этих сводок, а также регулярными публикациями русской классики. Иногда рассказы А. П. Чехова, И. С. Тургенева, стихотворения А. С. Пушкина занимали до двух полос из четырех.

Подобную подборку можно объяснить не только декларированной любовью власовцев к национальному наследию, но и катастрофическим положением фашистов на фронте и в тылу. Кроме этого, нужно учитывать тот факт, что партизаны полностью разрушили связь редакций этих изданий со своими корреспондентами на местах. Вместо какой-либо информации, интересу-

ющей коллаборационистов, им присылались из районов партизанские листовки и письма нецензурного содержания[78].

На страницах коллаборационистской прессы все чаще стали появляться откровенные фальсификации. Так, газета «Новый путь» уверяла своих читателей в том, что одним из наиболее активных пропагандистов в Советском Союзе якобы стал прощенный Сталиным Карл Радек[79].

Из газеты «Новый путь»:

«Предатель снова действует

В последних номерах московской "Правды" красуется под гнусными статьями забытая за последние годы подпись К. Радек. Оказывается, что в поисках союзников Сталин привлекает в свой агитпроп, как в Ноев ковчег, парами чистых и нечистых животных.

Если выступление в качестве агитатора большевизма престарелого митрополита Сергия (Старгородского) расценивается православной паствой как беспримерное "падение праведника", то появление на сцене обезьяноподобной фигуры К. Радека, развязно выскочившего из политизолятора после 5-летнего заключения в редакцию "Правды", не удивляет внимательных исследователей большевизма.

Один вдумчивый и принципиальный иностранец, долго живший в Москве, верно заметил: "В Радеке воплощена вся сущность иудейства". Это очень точное замечание: по Радеку можно изучать иудаизм в отвратительных изгибах психологии.

Местечковый иудей Зобельзон, бежавший из Галиции в Германию от явки к отбыванию воинской повинности, нашел пристанище в социал-демократических кружках; бойкое перо доставляет ему известность, которая возросла при скандальном инциденте.

Один его партийный товарищ уличает юного журналиста в краже осеннего пальто. Зобельзон на "товарищеском суде" остроумно защищает себя каламбурами: для коммуниста, не имеющего пальто, не грех в осеннюю пору стащить у более обеспеченного однопартийца его пальто, раз товарищи не догадались

одеть его на зиму. Спор о краже пальто был поднят на принципиальную высоту, и вор заявил, что свою кражу, давшую ему успех, он увековечит в литературном псевдониме, который останется в истории, а пострадавший собственник пальто будет забыт. "К. Радек" — от русского глагола "красть" — действительно приобрел известность.

После ряда темных похождений Радек появляется в Москве в годы октябрьской революции, а оттуда отправляется на подпольную работу в Германию, но быстро попадает в тюрьму Моабит. Оттуда в порядке обмена он возвращается в Москву и является одним из основателей третьего интернационала; вместе с Апельбаумом-Зиновьевым, Фрейтагом Пятницким и Пиккелем он руководит подпольной работой всех коммунистических партий мира. Однако в 1924 году он просчитался, выступив в качестве зачинщика "заявления 42-х" в Коминтерн с жалобами на Сталина; в качестве соратника Троцкого он потерпел поражение и испытал горькую судьбу обанкротившихся оппозиционеров. В продолжение ряда лет он кается перед Сталиным униженно и подло и снова выплывает в качестве журналиста. Несмотря на его лесть и унижение, ему не доверяют. В 1936 году он попадает в тюрьму, где пытается на допросах резко отмежеваться от всех своих друзей. Он подло топит всех, наговаривает как в ходе допросов, так и на "показательном процессе" троцкистского "параллельного центра" в январе 1937 года.

Однако жизнь ему надо купить ценой оговора Бухарина. Он выступает на суде с сенсационным заявлением, обвиняя с обезьяньими ужимками Бухарина в государственной измене и шпионаже, при этом лицемерно уверяет, что ему тяжело оговаривать своего многолетнего друга.

После оглашения судом смертного приговора всем участникам процесса, кроме двух иудеев, Радека и Бриллиант-Сокольникова, и двух проходимцев, Строилова и Арнольда, Радек с обезьяньей ужимкой посылает прощальный привет смертникам: он со смехом прощается с ними. Иудейский писатель Лион Фейхтван-

гер в своей книге "Москва в 1937 году" недоумевает, как психологически объяснить этот циничный смех Радека? Мне объяснение кажется простым: негодяй смеется, что обрек их на смерть, а сам купил свою гаденькую жизнь, уготовив казнь своему лучшему, по его же словам, другу — Бухарину.

Таков "новый" советский журналист — новый рупор Сталина. Его появление на страницах печати — лучшее доказательство сталинского трюка с роспуском коминтерна: распуская коминтерн, Сталин выдвигает на страницы печати самого гнусного из его основателей и многолетних работников.

Советскому читателю, которого пытается убедить в истине сталинской пропаганды воскресший Карл Радек, можно дать простой совет, которым Пушкин закончил свою эпиграмму "Жив Курилка".

"Как угасить вонючую лучину? Как уморить Курилку моего?

Дай мне совет. — Да плюнуть на него!"».

<Без автора>

Уже к концу 1942 года советской пропаганде удалось наладить работу на оккупированной территории России. Большой резонанс среди населения имели листовки, подписанные иерархами Русской православной церкви, известными деятелями культуры, находившимися до войны в определенной оппозиции к советской власти. Эти факты стали подтверждением того, что война с немецко-фашистскими захватчиками является Отечественной для всех русских людей.

В 1943 году большинство областей РСФСР были освобождены от немецко-фашистских захватчиков. В условиях успешного наступления Красной армии под Новгородом и Ленинградом зимой — весной 1944 года все нацистские службы, занимающиеся пропагандой на Северо-Западе РСФСР и в Прибалтике, были эвакуированы в немецкий тыл и стали одним из отделов военно-разведывательного органа «Цеппелин».

Основные направления в деятельности нацистской пропаганды были отработаны заранее. Это позволило на первом этапе захватить инициативу. Работа облег-

чалась отсутствием у партизан и подпольщиков возможности оперативно противодействовать вражеским акциям. Первые успехи вермахта на Восточном фронте подорвали у части населения веру в возможность победы над Германией. Разгром нацистов под Москвой, срыв планов «молниеносной войны», оккупационная политика по отношению к населению позволили партизанам и подпольщикам развернуть активную боевую и политическую деятельность. С 1943 года наступил коренной перелом в идеологической борьбе противоборствующих сторон — силам сопротивления оккупантам удалось не только захватить инициативу в свои руки, но и сорвать план по массовому вовлечению граждан в коллаборационистские формирования.

Глава двенадцатая
ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

«Новые русские праздники» на оккупированной территории. — Организация торжеств. — Награды и поощрения

Оккупанты не возражали, если русское население отмечало различные религиозные праздники, в первую очередь Рождество и Пасху. Обязательные торжественные заседания проводились в день рождения Гитлера, но два события считались особыми. 1 Мая — День освобожденного труда и «День освобождения от ига жидобольшевизма». В эти дни устраивались торжественные митинги и народные демонстрации.

С особой помпой «День освобождения» проходил в Орле. Нерабочими объявлялись два дня — 3 и 4 октября. В первый день на всех предприятиях города проводились торжественные собрания рабочих. В городском театре перед местным руководством и наиболее активными коллаборационистами выступал местный комендант генерал-майор Гаманн. После этого там же собирались служащие городской управы, учителя, врачи. На этом собрании опять выступали генерал-майор Гаманн

и бургомистр города Старов. За речами ораторов следовали выступления симфонического оркестра, что еще больше усиливало настроение торжественности. Каждый сотрудник городской управы находил особо теплые слова в адрес Третьего рейха и его фюрера.

Жена бургомистра от имени женщин города благодарила немецких солдат за освобождение русских женщин от ужасов НКВД, начальник отдела искусств рассказывал о расцвете искусства в Орле после бегства из него большевиков, начальник полиции рапортовал о резком снижении преступности, поскольку большевики «всегда заигрывали с уголовниками, считали их социально близким элементом»[1]. 4 октября проводилась демонстрация. Город украшался зеленью, цветами и, конечно, нацистскими знаменами и портретами Адольфа Гитлера. Впереди шествия располагался оркестр. За ним в украшенной пролетке ехал бургомистр Орла Старов со своей супругой. Они приветствовали народ. За ними шли дети, размахивавшие флажками со свастикой. Шествие должно было показать возрождение города и села при оккупантах. На повозках везли продукты нового урожая: овощи, яблоки, снопы ржи и пшеницы. На других повозках демонстрировались «возрождающаяся промышленность и частная инициатива свободного города: пекарь у своей печи с дымящейся трубой, кузнец с молотом в руках у наковальни, сапожники, слесари и даже трубочисты»[2]. После того как все население собиралось на площади, подъезжал на легковой автомашине военный комендант. Произносились речи на русском и немецком языках. Наиболее отличившиеся в «строительстве Новой Европы» жители получали ценные подарки.

В других районах области в этот день «пропагандистам, старостам, учителям рекомендовалось организовать разумные культурные развлечения, вечера, концерты, игры, танцы, физкультурные выступления и т. п.».

Из газеты «Новый путь»:

«Граждане города Смоленска!

1 Мая 1943 года мы празднуем день труда. Сейчас на полях сражений решаются судьбы народов всего

мира. Льется народная кровь за национальную независимость и свободу всех народов не только Европы, но и других стран света.

Мы знаем, что немецкий народ, ставший во главе этой борьбы за национальную независимость, воюет не в интересах только своей страны, не в интересах одной нации, он ведет борьбу и проливает кровь своих лучших сынов за благо и счастье народов всего мира.

Мы знаем, что кровожадный большевизм и его иудо-плутократические союзники угрожают порабощением всему миру, и задача окончательного уничтожения жидовско-большевистской власти является первоочередной задачей нашего времени.

Мы, русские люди, на себе испытавшие всю тяжесть и варварство большевистского управления, прекрасно понимаем цели, которые поставил себе немецкий народ в деле спасения народов от грозящей им опасности. В его борьбе за благо и счастье всех народов мы стоим рядом с немецким народом.

В день 1 Мая мы еще теснее сплотимся с немецкой армией, принесшей уже нашему городу избавление от гнета и террора большевиков.

Я призываю вас, граждане, вместе с немецкой армией принять участие в торжественном праздновании дня 1 Мая и демонстрировать этим участием свою солидарность с ее высокими задачами.

1 Мая в 9 часов 30 минут утра в Наполеоновском саду (бывшем Лопатинском) состоится парад городской стражи совместно с трудящимся населением города.

Я надеюсь видеть вас, граждане, во время этого парада в Наполеоновском саду.

Да здравствует 1 Мая — Праздник национального труда!

Начальник города Б. Меньшагин».

Программа празднеств доводилась до населения. На торжественные гулянья приглашались все, на банкеты — избранные. Почетными гостями на подобных мероприятиях являлись немецкие военные коменданты. Им обязательно предоставлялось слово для выступления.

Из газеты «Новый путь»:

«Наш общий лозунг — победа!

Речь генерала, коменданта города Смоленска на торжественном параде

Господин начальник города! Господа!

Сегодня мы совместно празднуем годовщину освобождения города Смоленска. Мне нет надобности напоминать Вам о днях тяжелых боев в Вашем историческом городе. Вы, господин Начальник города, и жители Смоленска сами переживали это тяжелое время. Вы сами знаете, с какой ожесточенностью бились тут советские войска, с какой беспощадностью они всё еще обстреливали город и тогда, когда участь Смоленска была уже решена, решена храбростью немецких солдат и качеством немецкого оружия.

Этот исход принес Вам освобождение от долголетнего большевистского ига, кровавого режима, подобного которому не бывало в истории народов. Не стану Вам напоминать об этих тяжелых годах. Вы сами не забудете пережитого! Мы гордимся, что в лице Германской армии мы принесли Вам эту долгожданную Вами свободу.

Два истекших года доказали, что Вы сумели использовать предоставленную Вам свободу. Вы уже начали восстановительную работу, когда советские войска с соседних холмов еще обстреливали город. Вы заботливо и беспрерывно восстанавливали то, что разрушила свирепая война. Ответственные сотрудники городского, районного и окружного управлений своей работой доказали, что они хотели и были способны участвовать в создании предпосылок для свержения большевизма. Германия пока еще ведет войну на всех фронтах и поэтому не в состоянии оказывать ту помощь, которая является необходимой и желательной для восстановления страны. Но одно Германия уже может сделать — признать Вашу восстановительную работу.

Фюрер, наш верховный командующий, учредил орден для особых заслуг. Я как комендант Смоленской области имею честь вручить Вам, господа, стоящим передо мной, пожалованные Вам высокие знаки отличия.

При этом я еще раз обращаюсь к Вам: продолжайте Вашу работу так же, как Вы выполняли до сих пор!

Решение близится! Вы, господа, своей работой тоже отвечаете за исход дела!

Наш общий лозунг — победа!

Комендант города Смоленска».

На торжественном банкете ему ответил бургомистр Меньшагин.

Из газеты «Новый путь»:

«Мы строим жизнь по нашему свободному желанию.

Речь начальника города Смоленска на торжественном обеде

Благодарю Вас, господин генерал, от имени всех сотрудников, а также от моего имени за оказанную нам честь и признание нашей работы до сего времени.

Мы сознаем, что нам не следует останавливаться на нашей работе, пока не будет достигнута окончательная победа, которая безвозвратно повергнет большевизм, и не только нам здесь, но и всей России принесет долгожданную свободу.

Что значит свободно распоряжаться своими силами, это нам показали последние два года. Позволю себе вкратце указать на то бедственное положение, которое мы приняли в наследство от большевизма: наш исторический Смоленск был превращен в груду развалин; население разбежалось в разные стороны; наше незначительное имущество было уничтожено пожаром и разграблено.

Везде царствовали голод и разруха!

С того времени прошло всего лишь два года. Но, я полагаю, мы можем гордиться переменой жизни в нашем городе, вызванной нашей совместной работой.

Город вновь населен живыми людьми, и эти люди опять заняты работой. Из их заработка поступают в нашу кассу налоги, на средства которых основано наше городское управление. Это управление заботит-

ся о предоставлении населению продовольствия, оно следит за чистотой и порядком в городе.

Вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру слава!

Борис Меньшагин».

18 июля 1943 года газета «Новый путь» опубликовала подробный отчет о проведенном мероприятии. Журналисты были приглашены не только на заслушивание торжественных речей, но и на банкет.

Из газеты «Новый путь»:

«День радости в Смоленске

Сегодня, после продолжительного ненастья, на небе сияет желанное солнце. Шесть часов утра. Город в движении. В этот день два года тому назад была приподнята надгробная плита, под которой были погребены надежды русских людей на светлое будущее. Но

"Камень тяжелый отвалился,

Душный свод тюрьмы раскрылся".

Воскресли надежды и радости. Величием наполнен сегодняшний праздник.

Шесть утра. У здания комендатуры, в присутствии стражи ОД, торжественно поднимается флаг. Прохожие останавливаются. Голубое небо, цветы в сквере и этот символ славы германского оружия — поднимающийся флаг — всё окрыляет души людей.

В шесть пятнадцать русский хор перед зданием комендатуры исполняет народные песни.

Генерал, комендант города Смоленска, приветствует певцов.

В девять в историческом древнем соборе, гордости русского зодчества, служится благодарственный молебен. Его служат семь священников в золоченых ризах.

На молебне присутствует всё начальство города, много представителей германского командования и тысячи граждан города Смоленска и окрестностей.

Горячие молитвы возносят они Богу за избавление от большевистского ига.

В 12 часов на бульваре имени великого русского композитора Глинки, перед зданием городского управления, генерал принимает парад смоленской стражи ОД

и пожарной команды. Играет военный оркестр авиационных частей Германской армии. Тысячи смолян стекаются к этому месту. Генерал говорит торжественную речь.

Организаторы городского управления, бессменно проработавшие два года, награждаются орденами.

Парад закончен. Начинается концерт военного оркестра. В такт красивой музыке бьются сердца слушателей.

В большом зале городского управления дается почетный обед на 250 персон. Обедов в такой торжественной обстановке не помнят смоляне. Начальник города и генерал Германской армии обмениваются приветственными речами.

Во время роскошно сервированного обеда все время играет музыка. Юные очаровательные танцовщицы Смоленской балетной студии с большим мастерством исполняют разнообразные танцы, доставляя всем гостям огромную радость. С большим темпераментом играет пианист Кузьмин.

В 15 часов 30 минут открывается народное гулянье в Наполеоновском саду. Выступают хоры, эстрадные ансамбли, гремит музыка, звучат баяны. Всюду мелькают танцующие пары.

Через озера перекинуты мостики. В гротах продаются пирожные, конфеты, лимонад. Веселье завладело городом. Таких радостных минут давно не переживал Смоленск.

На стадионе состоялась встреча футбольных команд — русской и немецкой.

Вечером у памятника Глинке выступают солдатские хоры — немецкие и русские. Выступление продолжается почти три часа и доставляет много радости тысячам слушателей.

Солнце весь день борется с набегающими тучами и льет потоки света на город, который празднует вторую годовщину освобождения от красного рабства.

Вечером всходит полная луна. Ночью город спит спокойно. Под охраной могучего оружия Германской армии он может не беспокоиться за свое будущее».

<Без автора>

Какими хотели видеть оккупанты русские детские праздники, лучше всего дает представление материал «Школьный праздник», опубликованный в Орловской газете «Речь» 29 июля 1942 года. В ней сообщалось о том, что 25 июля директором орловской начальной школы № 1 был устроен детский праздник, на котором присутствовали представитель германского командования генерал Гаманн, бургомистр Старов, завотделом просвещения г-н Ищенко и другие гости. «Праздник прошел весьма оживленно, — удовлетворенно сообщал автор статьи читателям. — Зал был украшен гирляндами и цветами. Под бодрящие звуки марша дети выстроились в зале, ожидая почетных гостей. Гости собрались точно к 3 часам дня. Под звуки оркестра гости направились в зал, где их радостно приветствовали поднятием руки (немецкое приветствие) дети, расположившиеся полукругом. Приятное впечатление производила передняя шеренга детей с букетами цветов в руках. Эта группа выделилась для приветствия генералу и другим гостям, проявившим большое внимание к школе».

Подчеркивая внимание немцев к образовательному процессу в оккупированных областях России, статья отмечала, что среди гостей дети видели и постоянных посетителей школы, с отеческой заботой относящихся к ним. «Гости заняли места. С приветственными словами на немецком языке выступала ученица 3-го класса Цыплакова. Держа огромный букет в руках, она передавала то, что чувствовали все дети: "Мы, ученики начальной школы № 1, — говорила она, — приветствуем германское командование и выражаем большую благодарность за открытие нашей школы, за постоянную заботу о нас. Мы обещаем быть достойными учениками новой школы". Она очень трогательно поднесла букет генералу, который встал и пожал ее тоненькую ручку. Ее слова были переведены на русский язык ученицей 1-го класса А. Журавлевой.

Генерал Гаманн, как самый почетный гость, встал и передал привет от главнокомандующего, выразил благодарность директору школы и всем учителям за проделанную работу, поблагодарил всех детей и особенно Цыплакову, ученицу 3-го класса "а" и Журавлеву, учени-

цу 1-го класса "а". Генерал говорил об открытии двух новых школ в г. Орле и просил всех детей передать своим товарищам об этом. Генерал пожелал детям хорошо отдохнуть, набраться сил для работы с 1-го сентября, а главное, быть всегда послушными и дисциплинированными.

После того все дети начали подносить букеты присутствующим гостям. Вступительная часть окончена, дети вернулись в ряды своих классов и перед гостями выступили шеренги мальчиков 3—4-х классов, которые четко, под музыку выполнили вольные упражнения. Появляются девочки 1-го класса в сарафанчиках и косынках, а часть одета бабочками и стрекозами. Они пляшут и поют народную песню "Как у наших у ворот". Легко разлетаются бабочки и стрекозы под польку Штрауса и выполняют танец бабочек. По окончании строем идут на свои места, на середину же выбегают мальчики 1—2-х классов с пляской и песней "Земелюшка-чернозем", эту группу ребятишек сменила группа мальчиков того же класса, которые очень удачно в костюмах моряков выполнили народный танец "Яблочко".

Занимательно было смотреть, писал педагог, на пляшущих и поющих детей, на быстроту движения ног, рук и грациозность плавных движений. Вот в белых платьях появились среди зала девочки 2-го класса, которые танцуют и поют "На горе, горе петухи поют", а потом очень грациозно выполняют танец лебедей под музыку Бетховена. Девочки, ученицы 3-го класса, в украинских костюмах задорно поют "Калинка-малинка" и пляшут. Пляска растет и переходит без слов в украинский гопак. Как хороши и пластичны были в своих движениях девочки 4-х классов, которые создавали красивые фигуры с гирляндами в руках под музыку Тома из оперы "Раймонда"».

Но, конечно, это мероприятие, в котором принимали участие дети семи—десяти лет, не должно было показывать любовь учащихся к русской, украинской и даже немецкой культуре. Преклонение перед идеями национал-социализма — такой была основная цель этого на первый взгляд безобидного мероприятия: «Утренник заканчивается построением фигур. Одна из них явля-

ется немецкой эмблемой. Всё затихает на миг. Ученица 4-го класса Александрова выступает со словами: "Сегодня нам было очень весело. Большое спасибо за устроенный праздник".

Гости направились в учительскую, а дети становились парами и непрерывным потоком шли в столовую, где их ждал вкусный обед из 3-х блюд. Представители германского командования и здесь наблюдали за детьми, угощали их сластями. Глазки детей сверкали, слегка утомленные, но зато сытые и довольные, они расходились по домам. Недостаток помещения помешал директору пригласить родителей, но ученики новой школы покажут свои достижения и родителям, для которых будет устроен праздник 31 июля.

Каждый родитель увидит, как организованно веселятся дети в новой школе. Они увидят большой труд, большую заботу о детях, которые проявили директор, учительство начальной школы, работая непрерывно под руководством германского командования и местного самоуправления»[3].

Данный материал, подписанный директором начальной школы № 1 Домовой, был разослан по редакциям большинства коллаборационистских газет Центральной России. Его рекомендовалось опубликовать как пример образцового функционирования «новой русской национальной школы под чутким контролем германского командования»[4].

С особой помпой отмечались даты, связанные с «освобождением» того или иного города вермахтом. В эти дни проводились праздничные гулянья, награждались наиболее активные коллаборационисты, подводились итоги. Если верить выступлениям старост и бургомистров, немецкая оккупация способствовала всестороннему расцвету всех сторон жизни.

Из газеты «Новый путь»:

«Два года

Мне кажется справедливым сказать, что эти два года прошли не даром, что Смоленск сегодняшнего дня далеко ушел вперед по сравнению со Смоленском июля — августа 1941 года.

Если в то время Смоленск представлял из себя дымящиеся развалины, среди которых попадались редкие жители, с опаской пробиравшиеся с ведрами в руках к какому-нибудь ручейку за водой, или, гремя колесами, в тишине, казалось, мертвого города проезжала одинокая подвода, увозя в одну из недалеких деревень остатки еще уцелевшего имущества, то сейчас, приезжая в Смоленск, вы на восстановленном после пожара вокзале видите представителя городской полиции, четко и толково дающего справки по интересующим вас в городе вопросам и направляющего уставшего пассажира на отдых в расположенное поблизости общежитие. В городе уже нет грабежей, процветавших в первые дни; имеется вполне налаженный аппарат городского управления; есть полиция, имеющая уже немало заслуг в борьбе с встречающимися пока большевистскими агентами, старающимися так или иначе задержать ход новой жизни; действует суд на основе общепризнанных истин морали и права, разрешающий споры граждан между собой. Уже нет надобности ходить в поисках воды во рвы и овраги, так как городской водопровод действует нормально. Значительная часть населения пользуется электрическим светом. Очень неплохо работают городские больницы и амбулатории, и заболевшие жители не только города, но и прилегающих районов имеют полную возможность получить квалифицированную медицинскую помощь и надлежащий больничный уход.

Обеспечена помощь и больным животным. Восстановлена среди пожарищ на Богословской улице ветеринарная лечебница, которая пользуется известностью как в городе, так и в деревнях.

Успешно пережиты две тяжелых в продовольственном отношении зимы. Трудность их будет очевидна сама собой, если мы вспомним, что при советской власти, даже в мирное время, положение с продовольствием было всегда очень острым, а в такие моменты, как война с Финляндией, несмотря на то, что она проходила далеко от Смоленска, была полная продовольственная разруха, и очереди за хлебом устанавливались чуть ли не с вечера и притом часто бывали безрезультатными.

Большую радость доставляет вид зеленеющих огородов, покрывших, как никогда, густо площадь города. Это является наглядным доказательством того, что мой весенний призыв к населению не поддаваться панике, заняться обработкой огородов дошел по назначению, и я льщу себя надеждой, что не один хозяин, вскоре убирая урожай, помянет этот призыв добрым словом.

Наступило улучшение за эти два года и в жизни детей: значительная часть их уже охвачена школьным учением, проводившимся, несмотря на тяжелые условия и недостаток учебных пособий, всё же неплохо; для воспитания детей, в результате военных обстоятельств лишившихся своих семей, еще в 1941 году был организован детский дом в Волково, а в этом году — второй дом в Смоленске. Имеется детский сад, где 25 детей весело и с пользой для себя ожидают возвращения своих матерей с работы.

Исстари боголюбивый русский народ, насильственно превращенный большевиками в безбожников, только на протяжении этих 2-х лет узнал истинную свободу совести. В праздник Пасхи в этом году, несмотря на отсутствие какого бы то ни было принуждения и на ранний час, все пять церквей Смоленска, в том числе и обширный великолепный Успенский собор, были переполнены народом. Это воочию показывает, что религия близка народному сердцу, что она не опиум для народа, как хлестко выразился глашатай современного еврейства К. Маркс, а является большой моральной опорой на тернистом жизненном пути человека.

Оживление культурной жизни города, несмотря на все тяготы войны, доказывает: всегда переполненный Народный театр, кино, далеко не удовлетворяющее всех желающих попасть в него, вследствие чего предполагается открытие второго кино; два оркестра, хор, музыкальная студия, всё расширяющаяся радиосвязь.

Хозяйственная жизнь города сделала значительный шаг вперед: 41 торговое и 311 ремесленных предприятий показывают, что инициатива человеческой личности, столь гонимая в советское время, а сейчас получившая свободу развития, дает себя знать; прав-

да, здесь мы встречаем очень много следов иудо-большевизма, выражающихся в спекуляции, стремлении обмануть и т. д., но все же наличие этих предприятий, равно как и 3-х городских рынков, свидетельствуют о развитии народного хозяйства.

Изменился к лучшему и внешний вид города: дороги и тротуары подвергаются систематическому ремонту, снег зимой чистится и вывозится на свалки, пострадавшие городские сады мало-помалу начали оживляться цветами, и они вновь делаются местом народных гуляний.

И если, таким образом, мы имеем за эти два года в жизни Смоленска бесспорный прогресс, то этим мы, в первую очередь, обязаны германской армии, изгнавшей от нас большевиков, являющихся врагами истинной культуры, свободной человеческой мысли и инициативы.

Большевизм — наш основной и злейший враг. Напряжем же все наши силы и желания для того, чтобы дружной, единодушной работой на пользу нашему родному городу оказать посильную помощь в деле окончательной победы над большевиками и возрождении нашей многострадальной Родины!

Б. Г. Меньшагин».

В этих восторженных оценках ситуации бургомистру вторил его заместитель.

Из газеты «Новый путь»:

«Двухлетние итоги

Нами проделана большая работа по ремонту школьных зданий. После такой подготовки стали работать и закончили учебный год 365 школ с 34322 учащимися и 1.812 учащими. Работали начальные школы с 4-летним курсом, народные школы — с 7-летним курсом. Работали три учительские семинарии, три сельскохозяйственные школы.

Несмотря на тяжелую обстановку, учебный год прошел вполне удовлетворительно. Теперь на очереди стоит подготовка к новому учебному году и выработка типа полной средней школы.

Наряду со школьным делом проводилась также ра-

бота по восстановлению религии. Большевики двадцать пять лет вели работу по борьбе с религией и духовенством. И надо сказать, что в этом отношении они сделали очень многое. Во-первых, они уничтожили физически почти всех епископов и священников, так что сейчас служители церкви являются редкостью; во-вторых, молодое поколение выросло и воспиталось, не получив никаких понятий о Боге и о религии. Но совсем веру в Бога им не удалось вытравить и, как это ни странно, как только изменились времена и обстоятельства, так сейчас же само население начало поднимать вопрос о церкви, о священниках и т. п. Русское самоуправление не ставило вначале этот вопрос в число своих очередных строительств. Но вопрос выплыл из народных масс и принял довольно широкие размеры. Сейчас по округу восстановлено 34 церкви, где служат 33 священника. Имеется епископ. В данный момент религиозный вопрос принял совершенно правильную и хорошую форму: никто не обязывает никого непременно исповедовать религию, как это было при советах. Теперь это дело совести и желания каждого.

В области здравоохранения также проделана большая работа и теперь по семи районам имеется 19 больниц, 136 врачей и 63 фельдшера.

Также в части ветеринарии создано 17 ветеринарно-врачебных участков и 41 фельдшерский пункт. Всего работает 19 ветврачей и 68 фельдшеров.

Наконец, надо остановиться еще на одном вопросе. Основой всего нашего благосостояния в округе является сельское хозяйство, которое слагается из хлебопашества и скотоводства.

Эта сторона нашей жизни испытала особенно большие потрясения. С одной стороны, ушли из хозяйства главные рабочие руки, так как были призваны в красную армию все работоспособные мужчины. Также были взяты и угнаны лучшие лошади и главная масса тракторов. В деревнях остались только женщины, старики и дети. Сократилось поголовье рогатого скота, отсюда, мало навоза для удобрений. Это — отрицательные факторы для хозяй-

«Колхоз» готическим шрифтом

Мародеры

Крестьянки на рынке в Орле

Рынок в Пскове. *1942 г.*

Перед биржей труда в Смоленске

В качестве тягловой силы

На толкучке в Пскове. *1942 г.*

Распределение нарядов

Русские женщины на дорожных работах

На валке леса

Население угоняют в немецкий тыл

Дети на дорогах войны

Орловский рикша

В Смоленске.
Лето 1942 г.

Офицеры СД «обрабатывают» будущего малолетнего диверсанта

Обещание радости
и счастья

Из немецкой хроники:
русские «добровольцы»
отправляются
в Германию

Нацистский аванс – бутылка водки в дорогу

Русские на работе в Германии: обеденный перерыв. *1943 г.*

В Германию...

Поездка русских учителей в Германию

Начальник «Православной миссии» выражает признательность немецкому генералу

Русские святыни под нацистской свастикой. *Псков*

В Смоленске в день рождения Гитлера

Торжества в Таганроге

Регистрация брака

Любовь за морковь

Танцы в деревне под Смоленском

В поисках золотого гроба Рюрика под Новгородом

Развязка

ства. Но наряду с этим, произошел крупный положительный фактор: прекратили свое существование колхозы, в деревнях образовалось индивидуальное личное землепользование, и люди буквально набрасывались на землю. Приходится только удивляться, когда люди успевают на оставшихся лошадях обработать землю. Работают с утра до ночи. Работают не по-стахановски, а по-настоящему, по-русски и успевают всё сделать. Так было в прошлом году. Еще больше сделано в этом году. Начался процесс увеличения стада, как лошадей, так и коров. Молодняка животных сейчас столько, как не было ни разу в советское время. Можно смело и уверенно сказать, что несмотря на войну и все вытекающие отсюда последствия, экономика нашего округа быстро восстанавливается.

Лучше всяких статистических данных и выкладок говорят те базары, которые бывают ежедневно не только в Смоленске, но и во всех районных центрах. Конечно, цены возросли, но продукты сельского хозяйства имеются в достаточном количестве. Сейчас виды на урожай также хорошие. Можно надеяться, что и дальше округ будет развиваться и в части сельского хозяйства, и в части всех остальных отраслей народного хозяйства.

Н. Г. Никитин, зам. начальника Смоленского окружного Управления».

За этими цифрами и фактами не видно очень многого: и расстрел узников смоленского гетто, и массовые акции устрашения, и насильственный вывоз на работу в Германию.

К середине 1943 года стало понятно, что поводов для праздников у гитлеровцев и их союзников становится все меньше. В этих условиях было решено не церемониться, а облагать всех «организаторов увеселений» дополнительным налогом.

Из газеты «Новый путь»:

«Распоряжение Начальника города Смоленска от 7 июля 1943 года.

"О введении на территории города Смоленска налога с посетителей зрелищных и увеселительных предприятий"

На основании 10 распоряжения об общественных сборах в зоне высшего Командования МИТТЕ от 24 мая 1943 г. и пунктов 55-57 того же распоряжения, о порядке проведения налогов ввести на территории города Смоленска с 1.07. 1943 г. взимание налога с посетителей зрелищных и увеселительных предприятий в следующем порядке:

Налог взимается в виде добавки к цене билета в размерах:

А. Кинопредставлений — 30% к цене билета;

Б. Театра, концертов и др. видов представлений — 10% к цене билета;

В. Танцевальных вечеров — 50% к цене билета.

От налогов освобождаются зрелища и увеселения, устраиваемые с благотворительной целью, на что должно быть в каждом отдельном случае мое распоряжение.

Дирекция кино и театра, а также все устроители зрелищ и увеселений обязаны билетные книжки до начала продажи предъявить в финансовый отдел управления города для соответствующей регистрации.

Налог со зрелищ и увеселений вносится ежедекадно в коммунальную кассу города Смоленска.

Устроители зрелищ и увеселений за несвоевременную и неполную уплату налога, а также непредъявление в финансовый отдел для регистрации билетных книжек привлекаются к ответственности.

Налог с посетителей зрелищ и увеселений является общинным налогом и полностью поступает в бюджет города Смоленска.

При проведении настоящего распоряжения применяется общее постановление Военного Командования МИТТЕ от 24.5. 1943 г. об общественных сборах.

И. о. начальника города Смоленска Гандзюк».

Праздники во время оккупации. Чего в них было больше: «пира во время чумы» или пропаганды? А может, у людей просто возникало желание забыться хоть на мгновение?

Силы советского сопротивления делали всё, чтобы сорвать эти празднества. Разбрасывались и расклеивались листовки и партизанские газеты, а там, где это было возможно, устраивались террористические акции против немцев и их приспешников.

Одной из форм разложения власовских формирований были встречи сельской молодежи с солдатами. Вначале они проходили как танцы, затем девушки начинали петь антифашистские частушки и читать наизусть листовку «К добровольцам — что ждет вас?». Написанная в стихотворной форме, она производила сильное впечатление на военнослужащих, способствовала их переходу на сторону партизан[5].

Народные мстители, в свою очередь, пытались там, где это было возможно, поддерживать советские традиции. Перед 8 Марта, 1 Мая, кроме докладов о текущем моменте и задачах партизанского движения, проводились концерты, в которых принимали участие самодеятельные партизанские артисты и крестьянские дети. Последние обычно завершали выступления исполнением патриотических стихов и песен.

Глава тринадцатая

ТРЕТИЙ РЕЙХ ГЛАЗАМИ РУССКИХ «ДРУЗЕЙ»

Ознакомительные поездки в рейх для активных коллаборационистов. — Образ «Новой Европы» в пропаганде

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга хранится фотоальбом. На его первой странице аккуратными печатными буквами на русском и немецком языках выведено: «Русским учителям на память о поездке в Германию от отдела пропаганды города Пскова». Здесь же надпись, сделанная карандашом: «Фотоснимки о поездке в Германию. Фото русской сволочи — "делегации", которых еще ждет партизанская рука. 15.10.43»...[1]

В 1941—1942 годах наиболее активные коллабора-

ционисты поощрялись как морально (грамоты от оккупационных властей, статьи в профашистской прессе, благодарности), так и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря). С конца 1942 года серьезным поощрением для нацистских пособников стало непосредственное знакомство с жизнью Германии.

Эти путешествия в Третий рейх нельзя было назвать простыми ознакомительными туристическими поездками. Они включали в себя элементы общеобразовательной экскурсии, профессионального практического семинара и, конечно, активной идеологической обработки.

В нацистскую Германию отправлялись группы старост и бургомистров, учителей и врачей, полицейских и крестьян. Представители всех категорий населения, на которых рассчитывали гитлеровцы в проведении своей оккупационной политики, получали возможность посмотреть на «Новую Европу» в течение двух-трех недель своими собственными глазами.

Почти всегда в группе находился русскоязычный журналист. Все подробности поездок описывались в серии репортажей на страницах коллаборационистской печати. Затем эти путевые очерки издавались отдельными иллюстрированными брошюрами: «Русские знакомятся с Германией», «Мы побывали в гостях у германских крестьян», «Русские учителя в Германии».

Печатные материалы, предназначенные для русского населения, должны были вызывать у читателя определенный интерес. Поэтому идеологические выкладки чередовались с бытописательными картинками из жизни немцев. Иван Бородин, староста деревни Псковичи Амосовской волости Псковского района, так описывал свои впечатления от Германии:

«Германия — это страна садов, первоклассных железных и шоссейных дорог, обсаженных фруктовыми деревьями, чистых и светлых заводов и фабрик, утопающих в зелени, зажиточных крестьянских хозяйств и живущих в довольстве рабочих.

До границы Германии мы ехали в вагонах третьего класса, а по всей Германии в вагонах второго класса

скорых поездов. Несмотря на военное время, поезда ходят быстро и точно. На вокзалах сестры милосердия подают пассажирам чай и кофе.

Берлин, столица Великогермании, произвел на меня большое впечатление. Еще за двадцать километров до самого города начинаются предместья города — рабочие поселки и дачные домики, выстроенные самими рабочими для воскресного и летнего отдыха. На вокзале — многолюдно, все так и кипит, но толкотни нет. Во всем виден образцовый порядок. В городе имеются метро, трамваи с 2—3 прицепными вагонами (сиденья в вагонах мягкие), электропоезда, проходящие через каждые две минуты, автобусы, троллейбусы. Город стоит на реке Шпрее, он изрезан каналами. Дома 4—5-этажные. Много магазинов, ресторанов, столовых, парикмахерских и проч. Улицы широкие, обсажены деревьями (клен, ясень, дуб и др.), все асфальтированы. Планировка улиц такая: панель для прохожих, деревья, дорожка для велосипедистов, дорога для автомашин, по которой одновременно могут пройти в ряд 2—3 машины, 2-колейная трамвайная линия, обнесенная железной решеткой и обсаженная цветами и кустарниками. Зелени везде очень много. Посреди города находится огромный парк, а рядом с ним зоологический сад. Стены домов покрыты вьющейся зеленью, под окнами клумбы, палисадники, на окнах и балконах цветы. На реке и каналах плавает множество диких уток и чаек.

Магазины полны самых разнообразных товаров. Нигде вы не увидите очередей.

Немцы — спокойны, вежливы и все очень хорошо одеты. Я ни разу не видел в городе человека в рабочем костюме. Рестораны и столовые полны нарядной публики. Закусывают, пьют пиво, беседуют. Пиво — излюбленный напиток немцев. Его пьют все — от малого до большого.

За две недели вперед распроданы билеты в кино, цирки, театры и т. д.

Рабочий зарабатывает в месяц от 240 до 400 марок. В сравнении с существующими ныне в Германии ценами на товары этот заработок во много раз выше заработка советского рабочего. Вот для примера не-

которые цены: костюмы мужские от 42 до 75 марок, пальто мужское от 46 до 80 марок, ботинки от 14 до 18 марок, хлеб один килограмм — 82 пфеннига, крупа 1 килограмм от 30 до 60 пфеннигов, молоко 1 литр — 10 пфеннигов и т. д.

Большевики врали, что этот город разрушен, Для русских людей происходит православная служба в соборе, издаются русские газеты.

Для рабочих в Германии выстроено множество рабочих поселков. Большинство рабочих имеет свой собственный домик. Домик каменный или кирпичный, оштукатуренный, крыша черепичная. Каждый домик вместе с приусадебным участком обнесен деревянной изгородью или железной решеткой. Перед каждым домиком имеется палисадник, цветочные клумбы. Каждый такой одноэтажный домик состоит из 5—6 комнат: столовой, гостиной, кабинета, спальни, детской комнаты и кухни. Все чисто и красиво: потолки белые, полы крашеные, покрыты коврами, стены раскрашены краской наподобие обоев, столы покрыты красивыми скатертями, мебель мягкая, крытая бархатом, камины кафельные, в некоторых домах имеются рояли, радиоаппараты. Даже не верится, что в таком доме живет простой рабочий! В Советском Союзе и инженеры так не жили. Кроме того, каждый рабочий имеет отдельно выстроенную кладовую, мастерскую, помещение для скота, прачечную и т. д. В каждом доме водопровод. Каждый рабочий имеет свой мелкий скот и домашних птиц: свиней, овец, кроликов, гусей, индюшек, кур. Приусадебный участок рабочего равен примерно 0,10 га. Посажены плодовые яблони, смородина, крыжовник.

Стоит такой домик от 800 до 1000 марок. Эти деньги рабочий уплачивает в рассрочку в течение 8—10 лет»[2].

Особое внимание уделялось посещениям русскими экскурсантами крупных промышленных предприятий. Это делалось по ряду причин. Во-первых, немецкие пропагандистские службы рассчитывали на активизацию

вербовки новой рабочей силы для работы в рейхе; во-вторых, показ новой германской техники должен был убедить русских экскурсантов в неизбежности победы Германии в этой войне. Так, в статье «Что мы видели на заводе "Сименс"» немецкое производство описывается следующим образом:

«Нам была предоставлена возможность побывать на одном из больших заводов, расположенных в районе г. Берлина, и познакомиться как с самим процессом производства, так и бытом рабочих и служащих завода.

Прежде всего, посмотрели жилищные условия рабочих и служащих завода. Приезжаем в поселок, где живут рабочие завода. Все домики по внешнему виду довольно стандартны и несколько похожи на наши подмосковные дачи. Входим в дом, который принадлежит рабочему-механику средней квалификации. В домике три комнаты внизу и одна наверху (мезонин). Бросается в глаза чистота и уют, и, право, завидуешь хозяевам дома, сумевшим создать их. Красивая, прочная, но без всякой вычурности мебель, большой книжный шкаф, письменный стол, и все это расставлено с таким вкусом, что кажется и должно быть тут всегда, в то же время — ничего лишнего. Маленькая кухня, в ней две плиты: газовая и угольная; рядом ванная комната, кладовая, уборная. Около дома несколько грядок огорода, курятник, крольчатник.

Средний заработок механика — 250 марок в месяц; на питание расходуется (при наличии своего огорода) около 40 марок в неделю. Таким образом, у рабочего на одежду, культурные развлечения и пр. остается 50 — 60 марок (при одном трудоспособном члене семьи).

Экспромтом заезжаем в один из заводских домов, где живут служащие завода. Заходим в одну из квартир, где живет один из инженеров завода. В квартире четыре светлых, чистых и хорошо меблированных комнаты. Особенно хороша детская комната, где есть все необходимое как для игр, так и для занятий и отдыха. Кухня, ванная — все поражает чистотой и уютом. Средний заработок инженера — 450 марок в месяц; стоимость квартиры — 90 марок. Учитывая зарабо-

ток других членов семьи и само качество квартиры, это не так уж дорого как может показаться вначале.

Мы на заводе. Входим в зал, где собраны все изобретения основателя завода: здесь и модель первой динамо-машины, первого парохода, проложившего подводный кабель и др.

Идем в цеха. И первое, куда мы попадаем, — это большие светлые комнаты-амбулатории, где происходит прием и медицинский осмотр рабочих, поступающих на завод.

Цеха — чистые большие помещения. Несмотря на то, что станки размещены довольно тесно, нет никакой толкотни и суетни. Рабочий обслуживает 2—8 станков; часть станков работает автоматически. В цехах вредного производства рабочее место защищено специальным колпаком, изолирующим вредную пыль и защищающим рабочего от несчастных случаев. В результате этих и ряда других мероприятий, направленных на охрану труда, несчастных случаев на заводе всего 2 процента в год. Что особенно характерно, так это то, что на заводе нет установленных администрацией норм выработки; есть только норма заработка за ту или иную выработанную деталь. Каждый рабочий поэтому получает столько, сколько он выработал за день. Средний заработок при 10 час. рабочем дне рабочего средней квалификации — 175 мар. в месяц. Столовая обеспечивает рабочих и служащих завода вкусным обедом из 2-х блюд общей стоимостью в 30 пфеннигов.

Вот кратко то, что мы видели на заводе. Из виденного можно сделать такой вывод, что забота о рабочем и служащем поставлена так, что их труд не только обеспечивает им прожиточный минимум, но является составной частью их бытия, воспитывая каждого трудящегося в духе любви к своему народу и родине, в духе выработки сознания, что общественные интересы — прежде всего»[3].

Достижения немецкой техники демонстрировались русским экскурсантам как факт неустанной заботы нацистского руководства о простых немецких гражданах, как «Социальное дело первостепенного значения»:

«"Пока автомобиль остается лишь средством сообщения зажиточных кругов, обидно думать, что миллионы трудолюбивых, хороших и честных людей вообще лишены возможности пользоваться им, хотя именно для этих людей поездка на машине в воскресные, праздничные дни была бы источником нового радостного счастья. Поэтому автомобиль должен стать средством сообщения всех слоев населения. Этими словами Адольф Гитлер в 1934 году положил основу создания германского народного автомобиля.

Когда фюрер отдавал приказ об этом штабу выдающихся инженеров, он был преисполнен желания подарить каждому немцу возможность, пользуясь таким автомобилем, облегчить работу и использовать досуг для радости и отдыха. Так был создан германский народный автомобиль — достижение истинного социализма. С большой основательностью при участии лучших немецких специалистов было начато серийное производство этих машин. В течение непродолжительного времени в средней Германии вырос гигантский завод. Ни разу в мире строительство какого-нибудь типа автомашин не подготовлялось столь тщательно и так основательно не испытывалось.

Два с половиной миллиона километров опытного пробега, проделанные этими машинами во все времена года и при полной нагрузке, служат гарантией высокого качества как самих машин, так и отдельных частей.

Кем бы новая машина ни приобреталась, рабочим ли, ездящим по утрам из пригорода на свою фабрику, инженером, коммивояжером, проезжающим ежедневно несколько сот километров, — все с радостью встретили их появление. Они служат радости и труду. Каждый восхищен стройной, изящной формой и практической конструкцией этого нового автомобиля.

Так как Адольф Гитлер желал, чтобы каждый немец был в состоянии ее купить, то цена машины крайне невелика.

Создание германских автодорог связано с идеей народного автомобиля. Они являются идеальными путями для путешественников.

Эти мероприятия вместе являются высшими социальными достижениями национал-социалистической Германии, — не осуществленные кроме нее ни в одной стране»[4].

На оккупированной нацистами советской территории оказалось немало известных в СССР артистов. Среди них звезда ленинградского балета, первый партнер Галины Улановой по «Лебединому озеру», заслуженный артист РСФСР Михаил Дудко. После организации в Гатчине труппы артистов и многочисленных выступлений перед солдатами вермахта ему была предоставлена возможность на два месяца выехать в Германию. Об этом поведал читателям корреспондент псковской коллаборационистской газеты «За Родину»:

«Молодая группа балетного ансамбля, руководимая Михаилом Андреевичем Дудко, создавалась и совершенствовалась в боевой обстановке прифронтовой полосы. Талантливую молодежь не только не пугало выступление под близкий гул орудий и треск рвущихся снарядов, а наоборот, прибавляло энергии, так как укрепляло их сознанием того, что они своим искусством радуют именно тех, кто больше всего в этом нуждается.

Деятельность труппы была оценена по достоинству и после "экзамена на аттестат зрелости" перед рижской публикой, о котором мы сообщали на столбцах нашей газеты, ансамбль получил возможность отправиться в Великогерманию.

Новая перспектива окрылила труппу, она могла теперь показать себя перед русскими рабочими, занятыми на производстве и выковывающими освобождение нашей Родины от хаоса и разрушений, и познакомиться с новой строящейся Европой. Два месяца путешествия оставили неизгладимое впечатление на участников ансамбля, и все вместе, и каждый в отдельности полны восторженных переживаний.

Первую неделю провели они в Берлине, где и был окончательно установлен состав выезжающих на гастроли труппы. К ней примкнули баритон И. Корнилов, сопрано Э. Богданова и солист на аккордеоне

К. Сакс. В таком составе труппа начала свои гастроли в Вене, где состоялось шестнадцать выступлений перед русскими рабочими, дальше в ее окрестностях Сант-Пельтенс, Сант-Валентине, Кремсе, Винер-Нейерштадте, а потом на юге — Грац, Нюрцушлаг, Лейбниц и в других местах. За тридцать шесть дней дан сорок один концерт. Работа большая, но никто не уставал, и где бы ни приходилось выступать, земляки повсюду принимали гастролеров как родных, гостеприимно встречая их и окружая предупредительностью и заботами: не давая пронести не только чемоданы, но и дамские кошелки, а когда уходил поезд или автобус, еще долго простаивали провожающие, махая вслед платками. Программа повсюду имела успех.

Русских рабочих обслуживает особая организация "Винета", в ее распоряжении находится до пятидесяти русских трупп, и новые гастролеры были не первыми гостями в рабочих лагерях.

Программа труппы была составлена умело, и все номера ее исполнялись чеканно и с большим мастерством. Талантливый и находчивый конферансье неизменно быстро умел находить общий язык с публикой, и сдержанные вначале земляки затем открывали свои сердца и провожали исполнителей дружными аплодисментами, а что, как не они, является мерилом успеха!

Первую весну гастролеры встретили в Вене, вторую — возвращаясь через Берлин, а третью — попав снова в Ригу.

Настроение у всех участников поездки подлинно весеннее и радостное. С восторгом рассказывают они о впечатлениях поездки. "Народ — говорят они, — сумевший сохранить на пятый год войны порядок, организованность и выдержку, которые мы только там наблюдали, побежден быть не может. Уже переезжая границу, вы попадаете в атмосферу деловитости, спокойствия и сознания важности совершающегося. Как все это не похоже на тот хаос, безалаберщину и озлобленность, которые мы еще недавно видели в СССР".

Вот мы в Берлине. Несмотря на разрушения, бесперебойно действует сообщение; во время бомбардировок здесь все предусмотрено, точно исполняется и ли-

шено намека на панику. Это настоящий повседневный героизм, это огромное сознание своего долга перед родиной и фронтом. Нас буквально покорила выдержка и деятельность немцев. О самом городе за неделю пребывания нам судить трудно, тем более что мы следом за этим прожили месяц в Вене. Нет слов, чтобы выразить восторг от всего того, что мы здесь видели! Не только сам город поразил нас, а его сокровища. Мы бывали здесь в музее, в театрах и восхищались, объезжая его окрестности. Один Пратер чего стоит, здесь мы встретили много русских и познакомились с их жизнью. Какое же может быть сравнение с их прежней жизнью в СССР, даже в мирное время. Нормированный труд, прекрасные условия работы на фабрике, доброжелательное отношение администрации просто несравнимы с нашими прежними условиями существования. Тоска по родине тяготит многих, но как-то без слов чувствуется, что пока там хозяйничают насильники — большевики, туда возврата нет, а значит, нужно помогать победе над ними. Жизнь в западной Европе открыла даже маловерным на многое глаза. Она лучше всего другого повлияла на сознание бывших советских граждан. Как хорошие и гигиенические условия и чистота излечивают чесотку, так в новых условиях залечиваются бывшие моральные изъяны и язвы советского воспитания. Русские рабочие в Великогермании — это особый мир. Мы слишком мало среди них пробыли, чтобы обобщать, но вы понимаете нашу радость выступлений для них. Мы как могли старались отблагодарить за радушный и теплый прием!»[5]

Чем больше Красная армия доставляла гитлеровцам неприятностей на фронтах Отечественной войны, чем больше росло и ширилось народное сопротивление в тылу врага, тем активнее нацистские пропагандистские службы заигрывали с теми русскими гражданами, которые пошли на сотрудничество с немцами. Особое внимание при этом стало уделяться педагогам.

Зимой 1943 года Красной армией была прорвана блокада Ленинграда, началось крупномасштабное на-

ступление советских войск под Сталинградом. Казалось, в этих условиях гитлеровцы должны думать только о неудачах на фронте, обеспечивать отступление своих войск. Однако одновременно с этим большая делегация русских учителей с оккупированной территории Северо-Запада России отправилась на экскурсию в Германию:

«22 января, во второй половине дня в Ригу прибыла делегация учителей русских школ, направляющихся в Германию для ознакомления с социально-культурным строительством национал-социалистического государства.

Вечером в отеле "Бельвю" для гостей был устроен ужин.

В своем приветствии представитель Рейхскомиссариата, между прочим, сказал:

— Большинство из вас в первый раз покинуло родную страну, в первый раз путь ведет вас на Запад, в Германию, которую большевистские властелины описывали как страну бедствий и рабства.

Для того чтобы вы воочию убедились в преступной вздорности этой порочной пропаганды, теперь, после освобождения вас от большевистского ига, мы даем вам поездкой по Германии возможность собственными глазами убедиться, говорили ли вам большевики правду. Вы лично познакомитесь с социальным и хозяйственным положением и с достижениями созидательной работы германского народа. Вероятно вас, как педагогов, заинтересует в первую очередь постановка немецкого школьного и воспитательного дела. Вы получите полную возможность обогатить свои познания в этой области достижениями германской культурной жизни.

Вы, как руководители молодежи, должны будете по возвращении на родину рассказать правду о виденном и противопоставить большевистским измышлениям.

Желаю вам в предстоящем пути многообразных впечатлений и всяческого успеха. Надеюсь, что мы по окончании вашей поездки снова увидимся в Риге, услышу от вас, какое впечатление произвела на вас поездка в Германию.

С ответным словом выступил руководитель учительской делегации, попечитель Псковского учебного округа К. И. Заблотский.

"Позвольте мне от имени русских учителей, направляющихся в Германию, — сказал он, — выразить глубочайшую признательность за теплый и радушный прием, который мы здесь встретили, и за ваши пожелания. По возвращении из Германии мы с удовольствием поделимся с вами накопленными впечатлениями"»[6].

Особенностью этой экскурсии для русских учителей была ее профессиональная составляющая. Педагогов знакомили с функционированием нацистской школы:

«Надо знать, что в школьной жизни Германии до 1933 г. существовал сильный раскол. Были области, в которых можно было встретить только школы совместного преподавания, в других местах — только церковные школы. Каждая область издавала свои учебники. Подготовка будущих учителей также не носила общегосударственного характера. Учителя объединялись на почве вероисповедных, политических, хозяйственных и профессиональных интересов. В результате этого в Германии образовалось свыше 200 учительских союзов. Неудивительно, что при таком распаде скоро нашлись учителя, которые стали мечтать о школе другого типа. Они увидели олицетворение своей мечты в идеалах, которые проповедовал Фюрер, в национал-социалистическом движении в Германии. Со временем большая часть германских воспитателей и учителей стала собираться вокруг знамени Адольфа Гитлера.

Из этих первых поборников в наше время вышел целый ряд активных руководителей. Одним из первых реформаторов в области новой школы стал Ганс Шемм, который неустанно пропагандировал идею новой школы в обновленном государстве. В 1929 году Шемм основал национал-социалистический учительский союз. Он смог разъяснить людям, причастным к системе образования, что прежде, чем приступить к воспитанию других, надо начать с собственного перевоспитания. Основываясь на том, что равномерная

подготовка немецких учителей возможна только при наличии сильного центра, он открыл в Байрейте Дом Немецкого Воспитания. Он избрал именно Байрейт для этой цели потому, что там в свое время работало два человека, имевших огромное воспитательное значение для немецкого народа: Рихард Вагнер и Гоустон Чемберлен.

В глубокой нише зала торжеств стоит его бюст, обрамленный венками. Каждый учитель, зайдя в этот зал, на момент останавливается перед изображением поборника единения германской интеллигенции, заслужившего любовь и светлую память.

В доме немецкого воспитания в Байрейте, который был построен исключительно на добровольные пожертвования немецких учителей, находится центр всех руководящих работников отделениями. Отделения Обучения занимаются идеологическим воспитанием учителей.

Национал-социалистический учительский союз издает приблизительно 80 педагогических журналов. Самыми значительными из них являются "Немецкий воспитатель" и "Национал-социалистическое обозрение". Кроме того, государственное управление для поддержания работы школ издает самый большой в мире журнал для молодежи, это "Тетради учебных пособий". Он сообщает об актуально важных вещах, для которых в школьных учебниках не может быть уделено места. Этот ежемесячник издается в 5 миллионах экземпляров.

Дополнительно к нему издаются так называемые наглядные учебные пособия, которые вывешиваются в каждом классе и обсуждаются учителем с учениками. Устраиваемые в связи с этим состязания на темы, как, например, "Общность обороны — общность судьбы", "Мореплавание — необходимо", "Борьба на востоке", опять-таки вводят учителя и школу в центр бьющей ключом жизни германского народа»[7].

Но самым главным в этой поездке была активная идеологическая обработка учителей в нацистском духе. Один из участников группы заявил:

«Я уже полтора года живу за пределами Советского Союза. Тенденциозная пропаганда большевиков давно утратила свою власть надо мной, но и моя объективность оказалась предубежденной по отношению к Германии.

Естественно, рассуждал я, четвертый год войны, после шестилетнего мирного строительства, вероятно, сильно подорвал ее экономику, и народ, физически и морально уставший от бремени войны, испытывает голод и нужду.

Первые дни, проведенные в Великой Германии, рассеяли мое предположение.

Я увидел, если так можно выразиться, две Германии: страну многовековой культуры, запечатленную в народном эпосе, отображенную в творениях Дюрера, Моцарта, Гёте, Шиллера, Бетховена, Вагнера, и молодую национал-социалистическую Германию, в ее монолитном рациональном единении, непоборимом духе, непреклонной воле, готовой до конца защищать свою культуру от посягательств иудейско-большевистских варваров, Германию, священным мечом прокладывающую путь к свободе Европы.

Сущность молодого европейского государства я постиг здесь в Германии, в памятный день 30 января, когда германский народ торжественно отмечал первое десятилетие со дня своего возрождения.

В этот день государственный маршал Геринг произнес обращенную к солдатам речь. Его слова о рыцарской доблести немецких воинов под Сталинградом вселили непоколебимую веру немецкому народу в его победу над большевизмом и плутократией.

Но, быть может, самым ярким знамением грядущей германской победы явилось поведение тех тысяч людей, которые находились в этот день во Дворце Спорта.

В тот момент, когда министр пропаганды доктор Геббельс произнес последние слова воззвания Фюрера к народу о неизбежном торжестве германского оружия, лица присутствующих обозначились фанатичной решимостью, подтверждающей жертвенную готовность немецкого народа бороться до окончательного разгрома большевизма.

Во все последующие дни путешествия по Германии и на обратном пути неизменной была одна картина: по улицам городов по направлению к вокзалам проходили бесчисленные воинские колонны: Германия посылала надежную смену легендарной шестой армии.

Когда мы увидели исторический балкон, с которого 10 лет назад Гитлер поведал германскому народу его судьбу, то были изумлены необычным для нас фактом, говорившим о величии и вместе с тем о скромности германского народа и его Фюрера. По советской аналогии мы надеялись найти здесь памятные доски с высеченным текстом речи или другие какие-либо изображения, но ничего подобного не оказалось, хотя каждый немец помнит об этом дне и знает это место.

Величие и авторитет вождей заключаются не в прижизненных памятниках, навязчиво торчащих повсюду в Советской России, а в самом строе, укладе и уровне созидательной жизни, как мы убеждаемся на примере Германии, которая, несмотря на четвертый год войны, не утратила жизнеутверждающего оптимизма и веры в жизнеспособность своей социальной системы, за короткое время экономически возродившей разоренную страну, объединившей разрозненный народ в монолитную массу, готовую на любые жертвы во имя сохранения нации от губительного вторжения большевиков»[8].

На страницах коллаборационистской прессы фашистская Германия постоянно противопоставляется сталинскому Советскому Союзу: «В Берлине, Мюнхене и Вене мы обстоятельно познакомились с целым рядом организаций гитлеровской молодежи. Каждый германский мальчик, по достижении 10-летнего возраста, вступает в организацию "Гитлеровская молодежь". Прием обыкновенно приурочивается ко дню рождения Фюрера. Принеся присягу, мальчик становится членом организации и несет все возложенные на него обязанности.

Ежедневные послеобеденные сборы, маршировка, гимнастика, спорт, лагерь и другие совместные занятия

способствуют крепкому содружеству, приучают к организации, а сознание обязанностей развивает с детских лет чувство дисциплины.

Нам было наглядно видно принципиальное различие, которое существует между гитлеровской молодежью и молодежью Советского Союза, объединенной в комсомоле. Если германская молодежь воспитывается в духе жертвенного служения своей нации, то советская молодежь воспитывается в духе пресловутого интернационализма, т. е. в духе служения интересам жидовства.

Идейное воспитание в комсомоле не только не прививает любви к родине, к ее героической истории, большой культуре, а наоборот, всячески пытается развенчать ореол прошлого, рисуя его в самых неприглядных тонах. Этим самым иудейские воспитатели опустошают молодежь духовно, растворяя национальный патриотизм в чуждом русскому народу интернационализме»[9].

Прекрасные немецкие города представали перед экскурсантами из России через призму национал-социализма: «За Нюрнбергом издавна упрочилось название города рейхстагов. Ныне это город партийных съездов.

Третья империя оказала Нюрнбергу большую честь, подняв его на высоту, на которой он находился только в Средневековье. Нюрнберг стал одним из главных городов Германии и снова, как в былые времена королей, название этого города связано с именем верховного главы государства. В начале 20-х годов в Нюрнберге особенно заметно обозначилось антибольшевистское движение. Юлиус Штрейхер, неустанный борец против жидовского марксизма и большевизма, вскоре собрал вокруг себя идейных приверженцев, которые не хотели видеть Нюрнберг под красным владычеством.

В 1927 и 1929 годах здесь происходили партийные съезды национал-социалистической рабочей партии, сопровождавшиеся необыкновенным подъемом национально-настроенных слоев народа.

Взгляды и деятельность населения и собственная любовь к старому городу, его истинно германская история побудили Фюрера после победы национал-социалистического движения в 1933 году навсегда назначить Нюрнберг городом съездов государственной партии.

На первых порах Нюрнбергу необходимо было разрешить огромные задачи, которые возникли перед ним в связи с этим почетным назначением. Городу ежегодно необходимо было приготовляться к принятию сотен тысяч гостей. Для этой цели созданы превосходные здания и насаждения на территории съездов государственной партии, которые на многие годы будут представлять собой грандиозные памятники строительства.

На этой территории уже сооружена огромная Арена, рассчитанная на миллион зрителей, с величественной трибуной по сторонам, увенчанной могучими семиметровыми орлами. В состоянии строительства находится грандиозный дворец конгрессов, в котором трижды уместится знаменитый Колизей. Дворец строится по новейшим архитектурным принципам, а его замечательная облицовка будет сделана из камней восьмидесяти разных сортов.

Таким путем органически соединяется древний город рейхстагов с новым городом партийных съездов в соответствии с избранной судьбой этого города, которую Фюрер еще на партийном съезде 1935 года охарактеризовал следующими словами: "Город великолепной германской древней культуры явно развивается в город нового германского роста"»[10].

«Два выдающихся исторических события, запечатленных в памяти германского народа, утвердили за Мюнхеном название колыбели национал-социализма.

В этом городе 24 февраля 1920 года Адольф Гитлер объявил программу национал-социалистической рабочей партии. Это знаменательное событие в жизни германского народа увековечено на мраморной доске, помещенной в Зале Торжеств.

Спустя три года — в памятный день 9 ноября — по улицам Мюнхена шествовали отважные патриоты германского народа, гордо неся перед собой знамя со свастикой, символизирующей возрождение утраченного величия родины.

Шестнадцать отважных борцов пало в этой борьбе, но идея национал-социализма восторжествовала.

1933 годом обозначается победа нового социального порядка в Германии. В день торжества победы

фюрер выступает здесь перед своими старыми партийными соратниками, чтобы подвести итог титанической борьбы и грандиозного строительства молодого государства»[11].

Какие впечатления можно вынести из картинной галереи? Оказывается, при умелой трактовке даже Дюрер может вызывать различные антисоветские мысли и чувства:

«Первое, что отличает современное немецкое искусство от искусства советского, это — творческая свобода художника. Эту характерную черту можно проследить в произведениях всех жанров. То, что на языке советского искусства называлось аполитичностью и долгое время изгонялось, здесь представлено исключительно широко: речь идет о пейзаже, который в Советском Союзе утратил свой смысл.

Вторая отличительная черта немецкого искусства — его традиция. Внимательно всматриваясь в картину, можно установить ее происхождение, отнести если не к живописной школе прошлых веков, то к традиции известного художника. Особенно ярко обозначены традиции ранних корифеев искусств: Дюрера, Гольбейна и более поздних, таких как Менцель и другие.

В советском изобразительном искусстве традиция, в строгом смысле слова, отсутствует. Если она и возможна, то только в ученический период художника, находящегося в сфере влияния старых мастеров. Но когда живописец становится на профессиональный путь, то неизбежно дезориентируется "социальным заказом", — созданием "социалистического реализма", пагубно отражающемся на мастерстве.

В современном немецком искусстве на одном из первых мест стоит графика и скульптура, характеризующиеся простотой, ясностью форм и конкретностью выражения. Не нужно много знать об этих разновидностях искусства, чтобы утверждать за ними первенство.

Для всех видов немецкой станковой живописи, в противовес советской, где метод выражения доходит до плакатности, характерен строгий реализм, чуждый надуманности. В каждом произведении, независимо от

сюжета, чувствуется воплощенная реальность, которой художник добивается благодаря строгому изучению натуры.

Немецкий пейзаж, своим свободным подходом к писанию самых разнообразных сюжетов, лишний раз подчеркивает тенденциозность советского пейзажа, над которым довлела пресловутая идейность. Общеизвестно, что без колхозного стада или тракториста пейзаж не мыслился, не говоря уже о советском портрете, где атрибут всегда преобладал над характером.

Хочется особо отметить военный раздел выставки, посвященный храброму немецкому солдату. Я надолго задержался у картины Рудольфа Вернера "Боевая передышка", поражающей своим глубоким психологизмом. Она воспринимается как символ непобедимости германской армии, сознающей свою историческую миссию спасения цивилизованного мира. По сюжету картина проста: германские войска только что заняли варварски разрушенный большевиками город, на фоне пылающих остовов пылающего города выделяются две фигуры автоматчиков. Боевая задача достигнута, теперь после длинного перехода они могут воспользоваться краткой передышкой. Художник все свое внимание сосредоточил на лицах этих солдат и тем достиг убедительности. Всматриваясь в их мужественные лица, ощущаешь необычайную силу и уверенность; проверяя это впечатление на лицах посетителей, в большинстве своем солдат, улавливаешь те же черты. Наплывающие воспоминания о виденном на фронте еще раз подтверждают правдивость художественного воплощения. В картинах военной тематики есть одно, что роднит их между собой, это — большая любовь к солдату. В какой бы ситуации ни был показан он, чувство любви неизменно сопровождает его. Это впечатление было нами вынесено уже с первых дней пребывания в Германии. Где бы ни появлялся солдат, в магазине, ресторане, театре, ему везде оказывается искреннее уважение. Когда я наблюдал эти тронувшие до глубины души сцены, невольно вспоминалось виденное у себя в Ленинграде. Как-то, в первые дни войны, я стоял в одной магазинной очереди, в этот момент подъехал гру-

зовик и трое солдат, соскочив с машины, направились в магазин. Но едва они приблизились к входу, как раздались вопли: "Вставайте в очередь!"

И когда красноармейцы пытались убедить, что они же фронтовики и время у них ограниченно, в ответ раздались недовольные возгласы: "Мы все теперь военные, все фронтовики!" В конце концов, те были вынуждены уехать ни с чем».

Нельзя забывать, что родная страна этих экскурсантов уже третий год находилась в состоянии войны с Германией. И немецкий солдат, который вызывал их неприкрытый восторг, может быть, только что убил их соседа, друга, родственника.

В июле 1943 года в Пскове демонстрировался кинофильм «Мы видели Германию» — о поездке бургомистров и начальников районов Северо-Запада России в Германию.

В Орле перед показом фильма «Мы видели Германию» выступали участники экскурсии, организованной немецкими пропагандистскими службами, в частности, бургомистр Старов. Разрушенная, разоренная Россия (в этом, конечно, фильм обвинял советское руководство) противопоставлялась жизни в Третьем рейхе. Как писала газета «Речь», «орловцам любопытно следить за каждым шагом экскурсантов: едут ли они по улицам Берлина, посещают ли фабрики, школы, осматривают ли исторические памятники Германии, совершают ли восхождения в горах Силезии. Такие бытовые подробности путешествия по Германии, как обеденный стол в столичном или деревенском ресторане, встреча с завербовавшейся в Германию из Орла Галиной Иноземцевой, ее домашняя работа в германской семье, прогулки экскурсантов по улицам с покупками в руках и прочее приковывают к себе особое внимание орловского зрителя, получающего наглядное представление о путешествии орловцев-экскурсантов и о жизни Германии как она есть во всей ее правде»[12].

По-разному сложилась судьба людей, которые в 1943—1944 годах знакомились с жизнью нацистской

Германии. Кто-то из них вскоре переберется в Европу и Америку на постоянное место жительства. Кто-то будет казнен партизанами или арестован советскими органами государственной безопасности.

Глава четырнадцатая

КУЛЬТУРА В КОРИЧНЕВЫХ ТОНАХ

Дома просветителей. — Писатели и художники, артисты и драматурги. — Газеты и журналы. — Радио, театр и кино

С начала Великой Отечественной войны оккупанты провозгласили себя спасителями русской культуры. Основной целью, стоящей перед ними, они называли очищение ее от скверны коммунизма, большевизма, иудаизма и космополитизма.

В системе «взвода пропаганды на Востоке», кроме отдела печати, вопросами культуры и искусства непосредственно занимались еще три отдела: Дом просветителей, библиотека при Доме просветителей и театральный отдел. Дома просветителей стали функционировать во всех крупных населенных пунктах, в деревнях создавались «уголки просвещения». Коллективы домов просветителей обычно состояли из лекторов по вопросам политики, экономики, различных областей знаний, библиотекарей, киномехаников, художников, книгонош, распространителей газет и журналов. Обязательно присутствовала театральная труппа: актеры, музыканты, акробаты, танцоры. Общее количество сотрудников составляло, в зависимости от количества населения в районе, 40—70 человек[1].

В своей пропагандистской работе оккупанты делали все, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше представителей различных творческих профессий. На страницах коллаборационистской печати регулярно появлялись статьи под характерными названиями «К интеллигенции!», «Освобожденному народу — народное искусство», «О месте русской интеллигенции в

этой войне». В материалах известного коллаборационистского журналиста Михаила Ильинича (литературный псевдоним — Михаил Октан) писалось о пришедшем на смену царизму большевизме, который якобы видел в русской интеллигенции своего врага, не доверял ей. Догмы коммунизма должны были убить всё то, что лелеялось веками в умах лучших людей. Интеллигенция не могла свободно продолжать свою работу. Ее идеи, стремления и благие порывы стеснялись узкими рамками коммунистической пропаганды. «Усилиями непобедимой германской армии большевизм опрокинут, отогнан, — восторженно восклицал Октан, — наши территории очищены, и для сохранившейся интеллигенции снова открыто широкое поле деятельности. Интеллигенция, понявшая важность исторического момента, осознавшая свой долг перед своим народом, полная непреклонной воли к установлению новой жизни, уверенная в своих силах и, идя рука об руку со своим народом, принесет ему счастье, заслужит его благодарность и найдет полное удовлетворение в сознании выполненной ею своей исторической задачи»[2].

Нацистская пропаганда требовала, чтобы русские литераторы и живописцы, театральные артисты и музыканты полностью пересмотрели те художественные позиции, которые «были насильно введены большевиками». Творческих работников призывали «...очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья». При этом специально оговаривалось, что «пересмотру подлежит не одно советское искусство, продукт очевидной лжи, но и дореволюционное, которое служило тонким орудием разложения народа, сея смуты и недовольства, чем с успехом пользовалось еврейство в подготовке революционных взрывов и потрясений»[3].

Практически во всех коллаборационистских изданиях начиная с 1941 года были «уголки культуры». В них печатались произведения русских классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и других крупных писателей. Комментарии обращали внимание читателей на те аспекты их творчества, которые при советской власти замалчивались или при-

нижались: религиозность, великорусский патриотизм, национализм[4]. Из номера в номер публиковались новые тексты к популярным советским песням. В них Катюша уговаривала «бойца на дальнем пограничье» срочно переходить к немцам, а «три танкиста — три веселых друга», убив жида-комиссара, помогали немцам добивать подлинных врагов своей родины — коммунистов-грабителей. Песня «Широка страна моя родная» в новой интерпретации звучала теперь следующим образом:

«Широки страны моей просторы, / Много в ней концлагерей везде, / Где советских граждан миллионы / Гибнут в злой неволе и нужде./ За столом веселья мы не слышим / И не видим счастья от трудов, /От законов сталинских чуть дышим, / От засилья мерзкого жидов. / Широка страна моя родная. / Миллионы в ней душой калек. / Я другой такой страны не знаю, / Где всегда так стонет человек[5]».

В 1942 году начинается выпуск специальных литературно-художественных журналов. В Берлине находилась редакция журнала «Мир» (ежемесячный журнал по вопросам политики, хозяйства и культуры, издавался с ноября 1942 года). В Пскове выходил «Вольный пахарь» (ежеквартальный журнал по вопросам политики и «цивилизованного землепользования»). Еще большее количество периодических изданий было анонсировано на страницах коллаборационистской прессы.

Своеобразной литературной столицей оккупированной территории России стал Смоленск. Здесь выходили журналы «Бич» (сатирический, с антисоветским уклоном, с 1942 года — ежеквартальный), «На переломе» (художественно-публицистический, с 1942 года — ежеквартальный), «Школа и воспитание» (педагогический, с 1942 года — ежеквартальный), «Школьник» (детский, с 1942 года — ежеквартальный), а также газеты «Новый путь» (с 1941 года — четыре полосы, три раза в неделю, тираж 150—200 тысяч экземпляров), «Голос народа» (1941—1943), «За свободу» (1943), «Колокол» (выходил с 22 марта 1942 года два раза в месяц для крестьян оккупированных областей; тираж — 150 тысяч экземпляров).

Пал выбор на Смоленск не случайно. В городе на

Днепре оказались сконцентрированы достаточно сильные творческие силы, в том числе и профессиональные журналисты, и члены Союза писателей СССР.

Из газеты «Новый путь»:

«Оправданные надежды

Год тому назад, 15 октября 1941 года, вышел первый номер газеты, основанной Смоленским городским управлением. Ограничены были в тот момент материальные ресурсы городского управления. Отсутствовала типография, где бы можно было печатать газеты: невелик был запас бумаги. Но велико было желание организаторов этого дела дать населению города возможность после 24-х лет марксистской лжи, которою изо дня в день пичкали русский народ наглые жидовские писаки, услышать правдивое слово; прочитать на газетных страницах вместо опостылевших всем славословий кровопийце Сталину, вместо заведомо ложных сообщений о "достижениях", немногочисленные, но зато соответствующие истине сообщения о жизни на земле, узнать правду о положении на фронте.

В результате — желание победило материальные затруднения. Была в срочном порядке сооружена пристройка к зданию городского управления; на пожарищах и развалинах были собраны уцелевшие машины. Появилась новая типография, неизвестная до этого жителям Смоленска, и вышла газета, носившая скромное название "Смоленский вестник". Оправдала ли эта газета те цели, которые перед нею были поставлены, о которых говорилось в передовой статье первого номера газеты?

Да, оправдала. Другого ответа не может быть на этот вопрос.

Доказательством этого является и успех газеты, рост ее формата, числа ее сотрудников, территория, на которой она распространяется, и то нетерпеливое ожидание, с которым встречает население города выпуск каждого очередного номера.

Достаточно увидеть очереди людей, ожидающих в дни выхода газеты у газетных киосков ее появления, чтобы сказать, что газета имеет своего читателя, что она нужна ему, что она сделалась первой необходимостью в жизни граждан Смоленска.

Итак, первый год существования нашей газеты оправдал надежды ее основателей, оправдал то обещание, которое газета дала в передовой статье первого номера.

Пожелаем же ей существования на многие годы, пожелаем ей в будущем быть светочем правды и борцом с большевистским изуверством и никогда не отступать от тех целей, которые ею были объявлены 15 октября 1941 года в статье "Правдивому слову — широкий простор".

Б. Меньшагин, начальник города Смоленска».

Из газеты «Новый путь»:

«На юбилейном вечере

Большой, празднично украшенный зал наборного цеха в новом помещении издательства "Новый путь" в этот вечер вместил около двухсот человек. За длинными столами сидят работники типографии, издательства, представители городского управления и различных предприятий города Смоленска. Много в зале представителей и германского командования.

— За всю свою жизнь я не видел такой типографии-лилипута, которую я встретил в прошлом году по приезде в Смоленск, — сказал, открывая вечер, руководитель отдела прессы. — Несколько с большим трудом добытых типографских машин, небольшой штат рабочих и всего четыре редакционных работника. Весь этот коллектив приступил к работе, почти не имея материальной базы. В наличии было только горячее желание создать газету и воля к труду. Люди не считались ни с чем, стараясь, чтобы газета выходила вовремя, чтобы она была интересной.

— Прошел год, и смотрите, какие достигнуты результаты. Мы имеем прекрасное помещение, мы выпускаем до десятка различных изданий: "Новый путь", "Колокол", "За Родину", "На переломе", "Бич", "Новая жизнь", "Школьник", брошюры на политические и сельскохозяйственные темы и даже пьесы.

Коллектив издательства — дружная семья. Впереди много работы, но я уверен, что с нею справится и редакция, и типография.

С небольшой, но выразительной речью выступил Константин Акимович Долгоненков.

— На позициях пропаганды мы будем по-прежнему бить врага метким оружием правдивого слова, — сказал он. В заключение своей речи Долгоненков выразил горячую благодарность германскому командованию за постоянную поддержку издательства.

Заведующий типографией А. Н. Прикот рассказал историю создания типографии.

Лучшим работникам были розданы денежные премии.

После этого состоялся концерт. В концерте участвовали артисты Смоленского радиокомитета и народного театра. Каждый номер пользовался неизменным вниманием присутствующих и встречал хороший прием. Особенно хорошо прочла юмористическое стихотворение "В защиту маленьких" артистка Луговая. Большим успехом пользовалась г-жа Мохчинская, исполнившая неаполитанскую песенку.

Душой всего вечера был писатель Дмитрий Васильевич Березов, который выступал и как конферансье, и как певец русских народных песен, и с чтением своего рассказа. Молодой поэт Сергей Широков прочел два своих стихотворения и вместе с Березовым спел донскую песню "Атаман". Песня и ее исполнение оставили самое хорошее воспоминание у присутствующих.

По окончании концерта был небольшой ужин и танцы.

Вечер прошел прекрасно. Этому способствовала дружеская атмосфера вечера: каждый чувствовал себя находящимся в своей семье.

Работники издательства и типографии "Новый путь" еще долго будут помнить этот юбилейный вечер, который послужит новым стимулом в их нужной и полезной работе.

Мосальский».

Практически все лица, сотрудничавшие с нацистами, оказавшись на Западе, скрыли этот период своей жизни. В фундаментальном «Словаре поэтов русского зарубежья», вышедшем в 1999 году в Санкт-Петербур-

ге, в разделе «Вторая волна» почти нет информации о сотрудничестве литераторов, перечисленных в нем, с нацистами. Многие биографии вызывают многочисленные вопросы из-за недосказанности или явной фальсификации фактов. Так, в статье «Березов Родион Михайлович» говорится следующее: «Настоящая фамилия Акульшин (8.4.1894, д. Виловатое, Поволжье — 24.6.1988, Ашфорд, шт. Коннектикут)... До войны в России у писателя вышло 8 книг, особенным успехом пользовалась его "О чем шептала деревня" (1925). В 1941 году попал в немецкий плен и был отправлен в лагерь военнопленных. После войны остался в Германии и в 1949 году эмигрировал в США».

При чтении журнала «На переломе» можно обнаружить несколько литературных произведений Акульшина, подписанных его литературным псевдонимом «Березов». Его повести описывали крестьянскую жизнь в конце XIX века. В аннотациях сообщалось, что известный русский писатель «с 1941 года является сотрудником редакции газеты "Новый путь"»[6]. С 1944 года Акульшин находился в Берлине, где работал в отделе пропаганды РОА. Писатель оказался в США с поддельными документами. В 1951 году он сообщил властям свою настоящую фамилию, правда, утаил факт своего сотрудничества с нацистами. Американские иммиграционные власти приговорили его к депортации. Это дело под названием «Березовская болезнь» (1952—1957) получило большую огласку в русских эмигрантских и американских политических кругах. В условиях холодной войны дело рассматривалось в сенате и было решено в пользу «березовцев», то есть людей, скрывших или изменивших свою биографию перед американскими властями. Это позволило легализоваться многим военным преступникам, в том числе и бывшим карателям.

Из газеты «Новый путь»:

«Первый литературно-художественный вечер

В четверг, 8 октября, в помещении Смоленского народного театра состоялся первый литературно-художественный вечер.

Граждане города тепло встретили участников вечера. Краткая содержательная вступительная речь главного редактора газеты "Новый путь" К. А. Долгоненкова о богатейшей сокровищнице русской классической литературы — гордости русского народа — слушается присутствующими с заслуженным вниманием.

Рассказы Д. Березова "Дорогой подарок" и "Солнечный день" вызвали у слушателей восторг и ободряющее настроение.

При абсолютной тишине, с затаенным дыханием публика слушает поэму Сергея Широкова "Двадцать пять", стихи "Моя мечта" и "Лунная сказка".

Фельетон К. А. Долгоненкова "Комментарии по поводу...", красочно рисующий всю несостоятельность большевистского строя, вызвал у присутствующих должное одобрение.

С большим вниманием заслушивает публика правдивый рассказ побывавшего за границей журналиста И. Горского, показывающий контраст цветущей жизни немецкого народа в сравнении с большевистским "земным раем".

Как радостно сегодня видеть, слушать на освобожденной русской земле творчество первых ростков правдивого художественного русского слова, дающих смелое начало и обещающих внести большой вклад в сокровищницу богатейшей русской литературы... И как обидно вспоминать о жидовско-коммунистическом насилии над русским художественным словом, принужденно воспевающим "мудрость Сталина" и так называемую "счастливую жизнь" народа большевистской России.

Анатолий Вольный».

«Один из наиболее выдающихся литературоведов-русистов в США» Владимир Федорович Марков, согласно биографической справке, «...родился 14 февраля 1920 г. в Петрограде... В 1941 г. пошел добровольцем в ополчение, был тяжело ранен и попал в плен. До окончания войны находился в немецких лагерях для военнопленных... В 1949 гг. эмигрировал из Германии в США. С 1957 г. — профессор русской литературы в Ка-

лифорнийском университете Лос-Анджелеса; в 1990 г. ушел на пенсию»[7].

Судя по всему, читая лекции перед американскими студентами, В. Ф. Марков не вспоминал о своей работе в органах нацистской пропаганды и, в частности, в ансамбле РОА. Нигде после войны он не публиковал свой «Марш РОА»:

«Отступают небосводы, / Книзу клонится трава, / То идут за взводом взводы Добровольцев из "РОА". / Перед нами будь в ответе, / Кто народ в войну втравил! / Разнесем, как тучи ветер, / Большевистских заправил»[8].

Поэт Юрий Павлович Иваск (1(14).9.1907, Москва — 13.2.1986, Амхерст, США) в «Словаре поэтов русского зарубежья» предстает как «литературовед, эссеист, критик, профессор-славист... В 1920 году семья переехала в Эстонию, где Иваск в 1926 году закончил русскую гимназию. Марина Цветаева называла его "стихолюб и архивист" и признавала его одним из лучших истолкователей ее творчества. Война была причиной его переезда в Германию в 1944 году»[9]. В этой статье нет ни слова о том, что во время нацистской оккупации Иваск активно сотрудничал с газетой «Северное слово», издававшейся на русском языке в Таллине, искал для нее новых авторов. Однако это являлось скорее его хобби. Основной работой была служба в эстонской полиции в чине вахмистра[10].

Целую серию художественных статей, рассказывающих о «трагедии русского народа и русской культуры», написал заместитель главного редактора газеты «За Родину» (Рига) Б. А. Филистинский. Этот автор, в 1941—1942 годах возглавлявший в Новгороде так называемое «русское гестапо» и лично повинный в гибели нескольких сот мирных граждан, пленных красноармейцев и пациентов психиатрической больницы, в 1943—1944 годах преуспел на журналистском поприще. В своих материалах Филистинский использовал как собственные воспоминания (с 1936-го по февраль 1941 года он находился в местах заключения), так и материалы, которые ему предоставлялись немецкими пропагандистскими службами.

С конца 1940-х годов он начинает активно публи-

коваться в эмигрантских изданиях: «Грани», «Новое русское слово», «Новый журнал», «Русская мысль» под псевдонимом Борис Филиппов. Всего до своей смерти в 1991 году им было опубликовано более тридцати книг. Наиболее известные — «Ветер свежеет» (стихи и проза — вышли в издательстве «Посев» в 1969 году), «Тусклое солнце» (рассказы, стихи, очерки — вышли в издательстве «Русская книга» в 1967 году), «Статьи о литературе» (вышли в Лондоне в 1981 году). Написал он и беллетризованные воспоминания о Новгороде периода немецкой оккупации. В повествовании, идущем от первого лица, Филистинский представлял себя как вечно голодного служащего больницы, находящего спасение от реалий суровой действительности в философских беседах и общении с друзьями.

В августе 1942 года немецкое командование решило организовать выпуск русскоязычной газеты для гражданского населения на Северном Кавказе. Из трех претендентов на пост главного редактора газеты «Русская правда» (затем она была переименована в «Утро Кавказа») — бывшего корреспондента «Орджоникидзевской правды» Гайдаша, редактора армавирской газеты «Отклики Кавказа» Дороновича и писателя Бориса Ширяева — предпочтение было отдано последнему.

Борис Николаевич Ширяев (1889—1958) — гусарский офицер царской армии, литератор. В 1922 году был приговорен к десятилетнему сроку заключения. Наказание отбывал на Соловецких островах. Там он стал сотрудником лагерной газеты «Перековка», одновременно тайно работал над книгой о соловецкой каторге «Неугасимая лампада». После освобождения был преподавателем литературы в Ворошиловском пединституте. Став главным редактором коллаборационистской газеты, начал активно публиковать на ее страницах свои литературные и публицистические произведения. Его рассказы и статьи «Серая скотинка», «Трагедия русской интеллигенции», «Социалистами не рождаются, социалистами становятся» посвящались трагедии русской интеллигенции в условиях большевистской диктатуры. Из номера в номер Ширяевым готовилась рубрика «Тайны кремлевских владык». Это были главы из книг Ивана

Солоневича «Россия в концлагере» — о Беломорканале и «Измена социализму» бывшего немецкого коммуниста К. И. Альбрехта, которые в газете шли под названием «В подвалах ГПУ»[11].

Борис Ширяев с отступающими немцами ушел в Германию, затем обосновался в небольшом итальянском городке Сан-Ремо. В 1950 году в Нью-Йорке вышла его книга «Неугасимая лампада» — о Соловецком лагере особого назначения. В 1991 году эта книга была переиздана в издательстве «Столица» в Москве.

Один из сотрудников «Утра Кавказа», фельетонист А. Е. Капралов, писавший под псевдонимом «Аспид», специализировался на антисемитских и антисоветских произведениях. До революции он был одноклассником и другом М. А. Булгакова по киевской гимназии. В 1945 году А. Е. Капралов оказался в американской зоне оккупации Германии. Оттуда он выехал в США, где долгое время возглавлял один из отделов «Голоса Америки».

Корреспондентом «Утра Кавказа» являлся бывший сотрудник газеты «Молодой ленинец» Михаил Бойков. В 1937 году он арестовывался органами НКВД, и этому событию в его биографии он посвятил ряд статей. Бойков после войны так же, как и Капралов, оказался в Соединенных Штатах, где сотрудничал со многими американскими газетами и радиостанцией «Голос Америки».

Литературные журналы, выходившие на оккупированной территории России, а также коллаборационистская пресса пытались доказать читателям, что все честные и талантливые русские писатели находились или находятся в оппозиции к большевизму. Вспоминались как репрессированные, так и здравствующие литераторы.

В очерке «Повесть непогашенной луны», опубликованном в газете «Речь», говорилось о том, что НКВД как оружие в руках Сталина повинен в гибели М. В. Фрунзе и Бориса Пильняка — талантливого писателя, не побоявшегося в «Повести непогашенной луны» написать об этом[12].

Газета «Голос народа» 15 января 1943 года сообщала о Сталинских стотысячных премиях, которые по-прежнему и в 1942 году получают Лебедев-Кумач и «про-

чие еврейские патриоты», восхваляющие гениального вождя и дарованную им счастливую жизнь. В Советском Союзе, говорилось в этом издании, теперь замолчали даже некоторые писатели-коммунисты, как, например, Михаил Шолохов. Писателям, не потерявшим стыд и совесть, нечего сказать в защиту сталинского режима, сказать же что-либо против режима они, живя в Советском Союзе, конечно, не могут[13].

Немецкая пропаганда строилась на тезисе о том, что все эти писатели и поэты являются рядовыми заложниками в руках НКВД. Так, в статье «Как напечатали Анну Ахматову» утверждалось, что «под угрозой гибели сына в когтях НКВД Ахматова снова пишет — пишет надутые, фальшивые агитки...Чего не сделаешь для спасения своих детей! Скверно, но понятно».

Уничижающей критике подвергались «официальные советские писаки»: Лебедев-Кумач, Исаковский. О последнем говорилось, что он «продал свой талант за кусок большевистской мацы»[14].

Из газеты «Новый путь»:
«Хищник (Об А. Толстом.)

...Женский сметливый глас графини и способность выторговать хоть копейку очень ценилась маститым графом.

На счастье воронья и несчастье галичан и буковинцев в захваченных землях немедленно была введена советская денежная система. Советский рубль, на который в СССР нельзя было ничего купить, здесь был приравнен к курсу золотого рубля. Это был бессовестный грабеж среди бела дня. За золотые часы знаменитых фирм советские хищники платили 25 ничего не стоящих рублей. Можно себе представить, как у всех разгорались глаза. От жадности на губах у покупателей появлялась пена, голову заволакивал какой-то особенный туман беспредельного блаженства от невиданной поживы. Покупатели, трепеща от жажды стяжательства и от боязни, что могут нагрянуть новые красные орды грабителей, дрожащими руками хватали всё подряд: часы, отрезы бостона, дамские украшения, обувь, шляпы, чулки, перчатки.

— Я наживу на этом целое состояние, когда вернусь в СССР, — думал каждый. — Ведь подумать только: то, за что я плачу здесь 25 рублей, там можно продать за 5—6 тысяч.

Рабоче-крестьянский граф вкупе с графиней, заявившись в "освобожденный" край одним из первых, преуспевали в "заготовках" чужого добра. С утра до вечера посыльные из магазинов доставляли в их четырехкомнатный номер лучшей львовской гостиницы пакеты, свертки, баулы с покупками.

Однажды графа по пути в гостиницу сопровождали четыре носильщика, изнемогавшие от очередной покупки ведущего писателя СССР, члена правления союза советских писателей, депутата верховного совета. На беду графа навстречу шел корреспондент американской газеты. Щелкнув "лейкой", он запечатлел на фотопленке знаменитость в окружении носильщиков. Через некоторое время в одном из американских еженедельников появилось фото с такой подписью: "Рабоче-крестьянский граф А. Толстой скупает за бесценок антикварные ценности в оккупированной стране". Журнал попал в руки Сталина. В это время в Кремле как раз готовились к экстренному совещанию по вопросам литературы. Отдел печати ЦК партии представил хозяину страны список писателей, которые должны были присутствовать на совещании. Первым в списке стоял рабоче-крестьянский граф. Хозяин красным карандашом зачеркнул фамилию "Толстой". На другой же день вся Москва заговорила о том, что беспринципный сановник-пройдоха впал в немилость».

«Один из шакалов

Его имя — Джек Алтаузен. Многие литераторы не могли слышать о нем. А если судьба сталкивала их вместе с юрким, пузатеньким (несмотря на молодые годы) еврейчиком, любившим глядеться в зеркало, они, литераторы, не утратившие порядочности даже в советских условиях, с трудом подавляли брезгливость.

Этот бездарный ловкач вынырнул в 1923 году семнадцатилетним кудлатым мальчиком из Иркут-

ска. За короткое время он сделал блестящую карьеру. В литературном институте имени Брюсова он был членом всех комиссий и бюро. Даже уважаемый поэт Валерий Брюсов должен был считаться с капризами и желаниями этого беззастенчивого молокососа. Своими безграмотными стишками он засорял многие журналы и газеты. Вскоре началось строительство дома для писателей в Камергерском переулке, против художественного театра. Алтаузен устроился председателем комиссии по распределению квартир. Себе он выбрал одну из лучших. Женат он был на русской безропотной девушке, которая преклонялась перед его талантами. А он считал доблестью изменять жене направо и налево. В литературных кругах он хвалился, что его донжуанский список перевалил уже за пятьсот. Грязный развратник, сводник, насильник, он пускал в ход все средства, чтобы заманить в свои сети очередную жертву. Когда у жены Алтаузена спрашивали: "Как вы можете позволять своему мужу так издеваться над собой?", она кротко отвечала: "Все великие люди изменяли своим женам". Наивная, она считала этот зловонный прыщ на теле литературы знаменитостью.

В НКВД Алтаузен был своим человеком. В годы ежовщины он погубил десятки писателей. Василий Наседкин, Петр Орешин, Сергей Клычков, Павел Васильев — жертвы Алтаузена. Оклеветав советского баснописца Ивана Батрака и спровадив его в тюрьму, Алтаузен занимает его квартиру в четыре больших комнаты и обставляет ее с царской роскошью; специальный человек из НКВД ведает созданием уюта для своего работника.

В дни 1 мая и 7 ноября Алтаузен руководит передачами по радио с утра до вечера.

Но вот опубликовывается список писателей, награжденных орденами, и в этот список Алтаузен не попадает. Почему? Список составлялся секретарем союза советских писателей, членом ЦК партии А. Фадеевым, ненавидевшим Алтаузена. Обойденный наградой заболевает от нервного потрясения. А тут еще, как назло, неразлучный друг Алтаузена Жаров, получив "Знак почета", делает фотоснимок со своего ордена и

присылает его мечущемуся в бреду другу. Шутка едва не кончается смертью Алтаузена. Во время финско-советской войны он рвется в одну из прифронтовых газет, чтобы заработать орден, но его заявление отклоняется: в НКВД знали, что условия прифронтовой жизни крайне тяжелы и будут не под силу усердному агенту.

Но вот присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия. Алтаузену разрешена поездка сначала в Белосток, потом во Львов.

— Еду в Белосток, — звонит он по телефону друзьям, — если хотите, чтобы что-нибудь купил, несите больше денег.

Откликнулись десятки желающих. Через две недели Алтаузен привез много вместительных чемоданов. Покупки были разложены по диванам, столам, креслам. Четыре больших комнаты превратились в универмаг. За покупками пришли все те, которые давали деньги. Они суетились, ахали, кричали: "Это мне!"

— Вам придется доплатить, уважаемые, — говорил по-хозяйски поэт. — За эту вещь уплачено столько-то.

— Почему так дорого? Мы слыхали, что там на всё грошовые цены, — удивлялись друзья.

— Это было в первые дни. Экскурсанты из СССР взвинтили цены.

Коммерция с белостокскими джемперами, чулками, шляпами, галстуками, туфлями, дамскими и мужскими костюмами дала возможность Алтаузену подзаработать не одну тысячу рублей.

Что теперь поделывает этот еврейчик, который войдет в историю литературы как позор, как грязная накипь, войдет как торгаш и предатель талантливых поэтов, как кровожадный хищник! Если он не сломал себе шею, то теперь, конечно, заработал не один орден. Животик его стал еще солиднее, развращенность его, конечно, прогрессирует, а бедная жена глядит на него прибитой собачонкой и думает: "У знаменитых людей всегда было по несколько жен. Меня он не бросает, и за то спасибо".

Иван Корсаков».

Но коллаборационистская пресса также давала материалы, в которых была, очевидно, доля действительности. Так, в журнале «На переломе» писалось: «Стихи прославленного казахского народного поэта Джамбула, воспевавшего без конца Сталина, принадлежали вовсе не Джамбулу, они были написаны советским поэтом Константином Алтайским, даже не знавшим казахского языка. Былины о Сталине, Ленине, Ворошилове, приписываемые талантливой народной сказительнице Марфе Крюковой, были "созданы" ею под диктовку писателя Викторина Попова»[15].

В 1942 году берлинские литераторы — доктор Курт Люк и Петр Белик — выпустили сборник антисоветских частушек, песен, поговорок и анекдотов. Во введении составители заявили о том, что все русское народное творчество дышит ненавистью к Сталину, евреям, коммунистам, колхозам и к законам фальшивого народного правительства. Смоленским колхозникам, возмущенным «спровоцированной Сталиным войной» и радующимся приходу «немецких освободителей», приписывалась следующая частушка: «Эх, яблочко, покатилося, / А советская власть — провалилася. / Чего ждали мы — возвратилося». Комментарий был следующий: «Вот оно, истинное отношение русского народа к этой войне!» Это «творчество» трактовалось как проявление «неустанной борьбы двух пропаганд — официальной и народной»[16].

Немецкие пропагандисты отлично понимали, что меткое народное слово обладает большим воздействием на население. Некоторые тексты из их листовок стилизовались под народную речь с широким использованием различных архаизмов. На Северо-Западе России этот жанр назывался «раек» или «раёшник» (рифмованный прозаический рассказ от первого лица). Героями его, как правило, являлись пожилые, умудренные опытом люди. Среди населения широко распространяли как листовки, так и номера дновской и псковской газет «За Родину» с выступлениями «русского крестьянина» и «деда Берендея». Их заметки посвящались анализу дел на фронтах, мероприятиям немецкой администрации, жизни в Советском Союзе.

В Смоленске в феврале 1942 года городская управа объявила конкурс по сбору устного народного творчества: анекдотов, частушек, песен. Его актуальность объяснялась тем, что «народный юмор, остроты русского народа, направленные против еврейского произвола, против руководителей большевиков, широко распространены в массах»[17].

В этом конкурсе приняло участие 42 человека, в основном сотрудники коллаборационистской администрации. Они подали 250 материалов, которые были «удостоены» различных денежных премий от немецкого военного коменданта. Вручая деньги, последний заявил: «Народный юмор — крепкое оружие против евреев и большевиков»[18].

Из газеты «Новый путь»:

«Лицо советской печати

В России никогда не было ни одной подлинно народной газеты, газеты, выражавшей думы и чаяния миллионов людей, газеты, доступной по мыслям и содержанию широким кругам трудящихся. Все газеты, выходившие в России до октябрьской революции 1917 года, ориентировались исключительно на высшие круги и на интеллигенцию.

Существенным злом русской дореволюционной печати было то, что она находилась под сильным влиянием еврейства и тем самым, волей-неволей, подготавливала приход к власти большевиков. Крупнейшие органы "русской" печати, как "Речь", "Биржевые ведомости", "День", издавались целиком и полностью на деньги еврейских банкиров, а сотрудничали в них евреи, прятавшиеся за русскими фамилиями. Самая распространенная до революции газета "Русское слово", выходившая в Москве, также широко открывала свои страницы для еврейских журналистов.

Большевики, захватившие власть в октябре 1917 года, прежде всего наложили свою руку на печать, провозгласив известный лозунг, что большевистская пресса "самое острое и самое сильное оружие нашей партии".

Во главе созданных после октябрьского переворота

большевистских листков стали евреи: Володарский, основавший в Петербурге "Красную газету", Стеклов-Нахамкес, редактировавший "Известия", Кольцов-Фридлянд, создавший лицо "Правды", Грандов в "Бедноте" и т. д.

Впоследствии, после многочисленных "чисток" редакционного аппарата, процент евреев все время возрастал и в 1941 году число сотрудников евреев в советских газетах достигло рекордных цифр. Вот какое количество евреев-журналистов имелось в главнейших советских газетах.

"Вечерняя Москва" — 18 сотрудников евреев.

"Известия" — 17.

"Комсомольская правда" — 22.

"Учительская газета" — 19.

"Труд" — 17.

В основу советской печати евреи положили принцип: лгать, лгать до одурения, чему-нибудь народ да поверит. Специальностью советской печати стало создание массовых легенд. Вся жизнь строилась по газетным "кампаниям". Лишь только какой-нибудь советский "вождь" объявлял очередную кампанию, как на место "задуманного строительства выезжали советские журналисты, и через день-два все газеты начинали заполняться длинными и скучными описаниями, как по воле "великого", "мудрого" и "дорогого" земля изменяет свое лицо.

Так, долгое время большевистская печать кричала о строительстве "зеленого города" под Москвой, подробно описывая несуществующие дворцы, парки, автострады. Потом, после многолетнего шума, проект строительства зеленого города был признан "вредительской выдумкой", и оказалось, что все дворцы, парки и дороги, которые описывали журналисты, были сплошным блефом и что, кроме двух-трех жалких халуп, ничего построено не было.

"Беспринципность — вот наш принцип", — могли с полным правом сказать о себе редакторы советско-еврейских газет. По одному лишь слову "свыше" менялись ориентации и направления газет. То, что вчера считалось "социалистической добродетелью", сегодня

объявлялось чуть ли не вредительством. Человек, превозносившийся в газете до небес, вдруг неожиданно оказывался объявленным на тех же самых страницах "гнусным прохвостом" и вредителем.

Вспомните, как большевистская печать несколько лет назад оплевала всяческим образом "мелкобуржуазное понятие", слово "родина" и вдруг, когда неожиданно в воздухе запахло порохом, все советские газеты начали трубить, как по команде, о "защите нашей дорогой родины".

"Безбожник", со смаком описывавший, как из Александро-Невской лавры выбрасывались "собачьи кости", якобы обнаруженные в гробнице Святого и Благоверного князя Александра Невского, вдруг набрал в рот воды, а "Правда" и "Известия" провозглашали, что Александр Невский — герой русского народа. Народ в конце концов уставал и одуревал от этих поистине жидовских пируэтов советских журналистов и подчас покорно верил всему тому, что ему преподносилось на страницах советских газет.

Еще на чем с успехом играли редакторы советских газет, это была пресловутая "критика и самокритика". Ведь Сталин частенько любил повторять слова, что "газета — коллективный организатор масс". Но для чего, по сути дела, нужно было рабселькоровское "движение" и пресловутая "критика и самокритика"? Только для собирания и выявления кляуз и доносов. Часть из доносов, поступавшая в редакции газет, использовалась на страницах печати, если это, разумеется, было выгодно для поднятия "политического настроения масс". А большая часть писем "рабселькоров" не опубликовывалась, а шла "на расследование" в НКВД, где после принимались "соответствующие меры". Советские газеты, таким образом, служили приводными ремнями карательных органов, а рабселькоровское движение было своеобразной, хитро задуманной, организованной евреями массовой шпионской организацией, которая должна была доносить о народных настроениях.

Когда будет написана печальная история советской печати, несомненно, что в ней будет отведено

должное место тому, какую большую роль сыграла по иронии судьбы советская печать в деле военного поражения Советского Союза. Ведь именно на страницах советской прессы был создан миф о "непобедимости" красной армии, ведь это советская печать превозносила до небес красных генералов и кричала до потери сознания о том, что красная армия будет бить врага на чужой территории.

Война, казалось бы, должна была научить кое-чему советских газетчиков. Но, судя по тому, какие статьи продолжают помещаться сейчас на страницах советской печати, советская пресса осталась неисправимой. По-прежнему на страницах советских газет под шум литавр сообщается об очередных "кампаниях" и "соревнованиях", по-прежнему слышится оглушительный свист и вой по поводу никогда не существовавших "фашистских зверств". Нет, даже жесточайшие военные поражения ничему не научили советско-еврейских журналистов. Да и чему они могли научиться? Какое им дело до судеб России? Они заботятся лишь о том, чтобы сберечь свою собственную шкуру.

Советские газеты ведут себя во время войны так, как избитый еврей в одном известном анекдоте. Этот еврей, получив несколько раз по морде, кричал истошным голосом по адресу своего противника: "Ага! Что, попало? Сейчас я тебе еще покажу! Сейчас тебе придется плохо!"

А кругом все стоят, смотрят и смеются. Впрочем, русским людям, находящимся сейчас на той стороне, не до смеха!

И. Горский».

С конца 1942 года, после поражения немцев и их союзников под Сталинградом, у коллаборационистов возросла потребность в бравурных и торжественных маршах и гимнах. Так, газета «Голос народа» объявила конкурс на национальный гимн «Новой России». Необходимость его создания объяснялась тем, что «нашему освобожденному народу нужны новые песни, такие песни, с которыми народ мог бы жить, работать и бороться. Теперь особенно необходимы русскому народу

песни борьбы — марши и гимны, с которыми он должен идти в бой, разить своих врагов и побеждать»[19]. Для разбора присланных на конкурс произведений при редакции газеты «Голос народа» было создано жюри, куда вошло все руководство Локотьского самоуправления: Б. В. Каминский (председатель), С. В. Мосин, Н. Ф. Вощило, Г. Н. Смирнова, А. В. Воскобойник, Т. К. Чугуева. Лучшие произведения награждались премиями (от 100 до 10 тысяч рублей).

В 1943 году вся нацистская пропагандистская машина активно создавала иллюзию, что в районах, находящихся под германским контролем, растет и ширится «русское освободительное движение». Сотрудники ведомства Геббельса утверждали, что многие тысячи честных русских людей пополняют ряды Русской освободительной армии. Все это проходило под бравурные звуки сочиненных в Берлине «Песен солдат РОА».

Идеи «русского освободительного движения» отображались в словах «Гимна РОА»: «Мы побеждали голые, босые, когда-то в восемнадцатом году — одной лишь верой в Красную Россию, одной любовью к мирному труду. Мы русские, мы верили в судьбу, мы шли за жизнь под вражеские пули, народ наш честно выстрадал борьбу, большевики нас подло обманули... Мы русские, и крепок наш союз, сплотим Россию в грозный час расплаты! Казах, узбек, татарин и тунгус — все добровольцы, храбрые солдаты!»[20] В этом произведении прослеживалась идея необходимости создания широкого антибольшевистского интернационала (за исключением, конечно, евреев). В «Марше добровольцев РОА» звучала надежда: «Скоро сломим красное насилье, / Боевой закончится поход! / Будет строить новую Россию / Закаленный в бедствиях народ»[21].

Подобные произведения нацистская пропаганда называла «проявлением расцвета русской национальной литературы и музыки». По мнению коллаборационистской прессы, это стало возможным только благодаря очистке музыкальных школ от евреев. Так, при выступлении учащихся смоленской музыкальной студии ведущий отмечал, что «до войны играть на скрипках Страдивариуса и Гварнери могли только Гольдштейн,

Даня Шафран, Эмиль Гилельс, Яша Фихтенгольц и множество других штейнов, франов, гольцев. И ни одной русской фамилии, и ни одного русского мальчика и девочки, окончивших музыкальную школу и ставших лауреатами. Что же это такое, — возмущался он, — неужели русский народ, давший миру таких замечательных композиторов, как Чайковский, Глинка, Скрябин, Рахманинов, и таких виртуозов-исполнителей, как Юрий Брюшков, Гусейвицкий и другие, вдруг выдохся, оказался неспособным выделять из своей среды выдающихся музыкантов и добровольно предоставил эту область искусства в монопольное пользование жидам?.. Конечно, это было не так. В русских семьях были очень талантливые дети, которые могли бы получить серьезное музыкальное образование, стать талантливыми музыкантами, выдающимися композиторами. Но вся беда была в том, что они не могли попасть в музыкальные школы».

Беда русских детей, по утверждению коллаборационистской прессы, заключалась в том, что во главе музыкальных школ советской России до войны стояли исключительно евреи, как, например, Столярский, Гольдонвейзер, Ямпольский и другие. «Руководя приемом в музыкальные школы, они заботились о том, чтобы всяческими способами отсеять на экзаменах русских детей и набрать контингент учащихся исключительно из еврейчиков. Германская армия, освободившая русский народ от большевистского ига, широко открыла двери музыкальных школ русским детям. Впервые в музыкальных студиях замелькали русые головки русских детей»[22]. Естественно, в первую очередь в музыкальных школах учащиеся знакомились с такими «выдающимися» произведениями музыкальной культуры, как «Хорст Вессель».

Вопросы о переименовании улиц обычно находились в ведении русской администрации. И если в некоторых населенных пунктах старые названия сохранялись в течение достаточно длительного срока, то в других переименования произошли в первые недели оккупации. Обычно местные власти не отличались особой фантазией. Улица Ленина переименовывалась в проспект Гитлера и т. п. Часто улицам возвращались,

например в Брянске, их старые, дореволюционные названия. Определенную оригинальность проявил в подведомственном ему Локотьском округе Бронислав Каминский. 22 августа 1942 года он издал приказ «О полном искоренении из памяти населения нашего округа бывшего жидо-большевистского владычества». Согласно этому распоряжению все бывшие советские названия населенных пунктов в сельских местностях, а также установленные при советской власти названия улиц в городах, поселках городского типа и крупных селах аннулировались. Временно восстанавливались их прежние дореволюционные наименования. Но в течение ближайшего времени предлагалось присвоить им «новые наименования в русском национальном духе, а еще лучше установить эти названия по фамилиям местных жителей, павших смертью храбрых за укрепление новой власти»[23].

В результате военных действий пострадало немалое количество памятников. С одинаковым удовольствием немецкие солдаты использовали в качестве мишеней изображения Ленина и Сталина, Толстого и Пушкина. Но на полуразрушенные постаменты требовалось возвести «героев новой эпохи». Так, в передовой статье «Путь к расцвету» газеты «Речь» главный редактор Михаил Октан писал: «Нет сомнения, что художники и скульпторы покажут себя достойными сынами освобожденного народа и запечатлеют в своих произведениях бесконечную ненависть народа к большевизму, благодарность Германии и ее армии и непоколебимую веру народа в свое будущее»[24].

Одним из канонизированных героев коллаборационистского движения в Центральной России был К. П. Воскобойников, смертельно раненный партизанами в январе 1942 года. В его честь Каминский переименовал поселок Локоть в город Воскобойник. В годовщину его смерти рассматривался вопрос о сооружении на его могиле памятника «Битва народов» — по образцу «Битвы народов» в Лейпциге[25].

Этот грандиозный замысел осуществить не удалось, но в центре многих оккупированных русских городов на постаментах снесенных советских памятников сто-

яли «символы благодарности русского народа Великой Германии и ее фюреру». Так, в Калинине на площади Революции вместо памятника Ленину была установлена гигантская свастика[26]. Почти такой же памятник оккупанты установили в Пскове. Весной 1942 года заведующий строительно-ремонтным отделом городской управы А. Ф. Сыроватский (член НТСНП) переделал монумент «Жертвам революции». После установления на нем свастики он стал называться «В память освобождения Пскова от большевизма германскими войсками».

На оккупированной территории России существовало несколько видов театров: театральные группы при немецких пропагандистских органах, «народные театры», созданные при участии русской коллаборационистской администрации из состава профессиональных актеров, различные любительские труппы, организованные на базе самодеятельных кружков и художественных студий. Коллаборационистская пресса писала: «Даже в тех городах, где раньше не было постоянных театров, теперь они организуются или местными самодеятельными коллективами, или артистами, заброшенными туда обстоятельствами военного времени»[27]. Из театральных жанров наибольшее предпочтение отдавалось драме и комедии.

Из газеты «Новый путь»:

«Открытие театра в Смоленске

Открытие театра в Смоленске — крупное событие в культурной жизни города. По крупинкам, любовно люди собирают всё развеянное, раскиданное красным смерчем и строят новое свободное искусство.

С большим восторгом зрители встретили выступление офицера, приветствовавшего собравшихся от имени германского командования.

Большая театральная программа началась выступлением салонного оркестра под управлением г-на Вдовенко. Легко и изящно прозвучала увертюра из оперы "Похищение из Сераля" Моцарта.

Несмотря на некоторые затруднения с костюмами и декорациями, безусловно, есть самое главное — желание всех актеров работать, творчески создавая искус-

ство новой освобожденной родины. И уже то, что актеры продемонстрировали на первом представлении, оставляет очень хорошее впечатление. Выступления Танева, Казакова, Мирскова, Е. Волгиной, Луговой оставили очень хорошее и сильное впечатление у зрителей.

В инсценировке рассказа Чехова "Злоумышленник" актеры Казаков и Танев исключительно умело развернули драматический подтекст чеховской пьесы. Даже при отсутствии декорации актеры создали запоминающиеся настоящие человеческие образы.

Уже не в первый раз смоляне видели на сцене актрису Валентину Лин. И с каждым своим новым выступлением она все больше и больше убеждает нас в своем большом актерском таланте. Песенка "О счастье" и песенка Матильды из оперетты "Перикола" в исполнении г-жи Лин были встречены громкими аплодисментами всего зала.

Также заслуженно горячо зрители восприняли выступление музыкальных эксцентриков Валентины и Александра Мезано, продемонстрировавших виртуозную технику игры на ксилофоне. "Чардаш" Монти и особенно фантазии на темы увертюры "Вильгельм Тель" в исполнении Мезано оставили незабываемое впечатление своею необычайной живостью и смелостью исполнения.

Безукоризненно, как всегда, выступал В. П. Мирсков, спевший арию Владимира из оперы Направника "Дубровский" и Неаполитанскую серенаду.

Прекрасным было выступление танцоров Марии и Сергея Викторс. В центре внимания была Мария Викторс, обладающая великолепной пластикой и массой обаяния.

Первый спектакль-концерт в новом Смоленском народном театре оставил очень хорошее впечатление у всех зрителей.

И. Калужский».

Любое открытие «театра для гражданского населения» соответствующим образом обставлялось. На торжество обязательно приглашались представители германского командования, которые выступали со спе-

циальными речами. В них весьма цинично заявлялось, что развлечения для русского населения должны способствовать повышению производительности труда в «освобожденных германскими войсками» областях России. «Никто не может долгое время существовать без минут веселья и удовольствия и прежде всего без веселого смеха, тем более целый народ, иначе он утрачивает свое духовное равновесие, радость труда и тем самым трудоспособность. Потому-то от всего этого сейчас, во время войны и предстоящей большой созидательной работы, мы никак не можем отказаться»[28].

В свою очередь, русские коллаборационисты рассматривали театральные подмостки как место, где будет возрождаться русская культура, «очищенная от скверны жидо-большевизма».

Из газеты «Кубань»:

«Театр "Варьете"

9 октября открылся театр "Варьете". Первое выступление было испорчено отсутствием света. Особенно от этого пострадали номера иллюзиониста и жонглера. Хорошее впечатление у публики оставили певцы Иванова и Мелодьева, к сожалению, не занятые в новой программе.

Живо и весело проходит второй цикл программы, начавшийся 20 октября. Заслуженный успех у публики имеют юмористы Евгений Орлов и Николай Коварский, привлекающие внимание своим остроумием и подвижностью. Тематика Коварского не всегда бывает удачной, не всегда соответствует содержание его песен, куплетов. Нельзя смеяться над тем, что делала советская власть с народом. Это не сатира, а трагедия.

Приятно разнообразит программу свето-пластический номер в исполнении артистки Дишман, хоть он и не нов. Очень хороша балерина Фролова и ее партнеры Шершень и Чернобыльская. Фролова обладает красивым, стройным телом, ее движения грациозны, лишены напряженности и вычурности.

Кордебалет ведет себя на сцене несколько небрежно, буднично.

Господину Кожарро, художественному руководите-

лю театра, дружеский совет: не выступать с вокальными номерами. Артистка Литвинова не совсем удачно подбирает репертуар, не по голосу. Артистка Юнг хорошо передала в водевиле "Ценительницы" тупого и невежественного советского работника, каких мы встречали на каждом шагу в советских условиях. У ее партнера в пьесе "Поздний жених" — игра циркового клоуна.

Изящно и эффектно прошла сценка с художественным свистом "Светлячки" в исполнении артистки Ивановой.

Рена Леопольдовна — исполнительница русских песен выходит на сцену в безвкусном костюме и угощает публику банально-старыми номерами, такими, как "Эх, Самара городок" и "Хороши вы, Жигули". Обидно становится. Неужели нам, русским, нечего больше показать?

Александр Гладилин за последние два-три месяца, бесспорно, стал свистеть еще лучше. Но хочется спросить его, как долго он будет свистеть одно и то же, что за этим последует?

А, в общем, хорошо в "Варьете", весело, живо, непринужденно, и мы надеемся, что дружеская критика не испортит настроения у артистов, а, наоборот, заставит их больше работать над собой и внимательнее относиться к своим выступлениям. Людям, искалеченным советской властью и ужасами войны, очень нужен отдых, приятное, веселое представление без "марксистско-ленинской тенденции" и грубой пошлости.

Ив. Волгарь и Вас. Кубанец».

Бургомистр Орла Старов неоднократно заявлял о том, что работники театра смогут по мере своих сил «оказать помощь германской армии в искоренении партизанского бандитизма, содействовать ей во всех мероприятиях, направленных на скорейшее установление нормальной жизни и утверждение великих идей национал-социализма»[29].

Безусловно, этот чиновник не имел в виду борьбу с оружием в руках. Для этого существовали другие подразделения. Театральное искусство должно было занять

свою нишу в идеологическом противостоянии нацистской Германии и Советского Союза.

Крупные театральные труппы, артисты которых получали продовольственный паек и заработную плату, имелись в Орле, Смоленске, Пскове, Брянске, Ворошиловске, Пятигорске, Вязьме. В большинстве случаев за ними стояли немецкие пропагандистские службы.

Из газеты «Новый путь»:

«Артисты на фронте

Мы уже сообщали нашим читателям о русских артистах, добровольно отдающих свои силы обслуживанию германского фронта. Своей артистической работой они участвуют в создании Новой России и Новой Европы. Они составляют в этом отношении одно целое с артистами Европы, которые у себя на родине показывают свое искусство германским солдатам, как это имеет место во Франции, Бельгии, Дании и других европейских странах.

Участие артистов в этой борьбе наряду с солдатами имеет особенно большое значение. Они являются наследниками и выразителями художественных форм, созданных народом в течение ряда столетий. Свое мастерство, которое они до сих пор демонстрировали на больших европейских сценах, они несут в маленькие залы или бараки на радость солдатам.

В настоящее время на восточном фронте выступает известная румынская танцовщица Юлиана Сандовици. Она приехала из государственной оперы г. Бухареста. Там она выступала перед элегантной публикой, имела много друзей и покровителей. От всего этого она отказалась и добровольно влилась в число артистов, выступающих на фронте».

<Без автора>

Несомненным успехом нацистов была деятельность театра города Гатчины, который отличался хорошо подобранным творческим составом. В нем работал заслуженный артист РСФСР, солист Ленинградского государственного театра оперы и балета им. Кирова, советский орденоносец, бывший партнер Галины Улановой

М. А. Дудко. Тесно сотрудничал с этим коллективом и один из самых популярных советских артистов 1930-х годов, народный артист РСФСР, кавалер ордена Ленина Н. К. Печковский.

Театр был создан по инициативе начальника отдела пропаганды города зондерфюрера Шмидта. Он поручил Дудко с группой молодых людей подготовить несколько эстрадных номеров. Эксперимент удался, и все артисты после просмотра оказались принятыми на новую службу. Шмидт в короткий срок оборудовал и достал всё необходимое для театра: помещение, костюмы, парики, декорации. Дудко был назначен балетмейстером и художественным руководителем концертно-балетной группы. С этого момента работа вокруг театра стала разворачиваться. Принимали в театр всех, кто имел хотя бы небольшое театральное образование.

Через некоторое время театр уже имел несколько трупп разных квалификаций и направлений: две драматические, две просто концертные, одну деревенскую, специально для работы в сельской местности. Концертно-балетная труппа состояла из пятнадцати человек: поэта, музыканта, акробатов, конферансье для русских зрителей, конферансье для немцев, немецкого фокусника и импровизатора для немцев. В программу входили русские, украинские, цыганские, классические танцы и другие номера: исполнение музыкальных произведений, арий из классических русских опер и немецких романсов, художественное чтение произведений Михаила Зощенко[30].

Согласно немецкой инструкции этот коллектив обслуживал немецкие части, гражданское население и добровольческие части, военнопленных и русских рабочих как в городах, так и в деревнях, в тылу и в прифронтовой полосе.

Большинство эстрадных номеров не носило политического характера. Но отдел немецкой пропаганды, которому ансамбль подчинялся, максимально использовал его в своих целях. Арестованный советскими органами государственной безопасности Михаил Дудко показал, что, выступая неоднократно перед немецкими солдатами как в тыловой, так и в боевой обстановке,

артисты его труппы тем самым оказывали желательное для германского командования воздействие на моральное состояние немецких солдат. Немцы неоднократно организовывали выступления руководимого им коллектива и перед так называемыми «добровольцами» — солдатами РОА, оказывая таким образом нужное руководству вермахта и нацистским пропагандистским службам воздействие на их моральное состояние. Дудко признавал, что, «демонстрируя свое искусство перед гражданским населением, мы тем самым служили интересам немецкой пропаганды, так как создавали видимость того, будто немцы не препятствуют развитию русского искусства. Я сознаю и то, что немцы использовали факт моей службы в отделе пропаганды в своих агитационных целях. Они неоднократно подчеркивали то обстоятельство, что я, бывший советский ленинградский артист театра оперы и балета, заслуженный артист-орденоносец, перешел к ним на службу»[31].

В 1992 году в Санкт-Петербурге вышла книга мемуаров Н. К. Печковского «Воспоминания оперного артиста». В ней говорится о том, что «всенародная популярность великого артиста (Печковского. — *Б. К.*) не спасла его от сталинской тирании, бросившей без вины виноватого певца в концлагерь»[32].

Так ли это? Безусловно, Печковский не сражался с оружием в руках против Красной армии или партизан. Во время выступлений на оккупированной территории в его репертуаре не было ничего антисоветского. Но дивиденды немецкой пропаганде он приносил огромные. Это видно из многочисленных материалов в коллаборационистской и немецкой прессе, освещавших его деятельность. Так, орловская газета «Речь» писала 16 октября 1942 года: «Артист Мариинского оперного театра Николай Константинович Печковский на днях дал в Пскове три концерта. Псковичи с нетерпением ждали знаменитого русского артиста и чрезвычайно были рады дорогому гостю, порадовавшему население своими прекрасными песнями. Печковский не пожелал следовать с красной ордой, вожди которой несомненно желали иметь при себе такого крупного деятеля искусства. “Я рад служить своему народу и его освобо-

дителям — германским воинам", — говорит Николай Константинович»[33].

Вместе с продовольственным пайком Печковский получал за каждое свое выступление крупные денежные гонорары, благосклонно принимал различные знаки внимания от немецких офицеров. Когда ему сообщили, что приставленный к нему нацистами для решения бытовых проблем часовой мастер Костюшко является агентом СД, он со смехом ответил: «Что мне от того, что он из СД, благо поит и кормит, а до остального мне дела нет»[34]. Кроме оккупированной территории России, нацистские пропагандистские службы организовали концерты Печковского в Риге, Таллине, Праге, Берлине и Вене. Роль его импресарио в Прибалтике исполнял редактор газеты «Северное слово» фон Медем[35].

В «Воспоминаниях оперного артиста» написано, что «певец вел себя независимо, бесстрашно. Однажды в Гатчине, придя на концерт, он увидел объявление: "Вход только для немцев". Печковский заявил, что в таком случае петь не станет. Никакие угрозы на него не подействовали, и начальству пришлось объявление снять. На концерте смогли присутствовать все желающие»[36]. Многочисленные показания простых гатчинцев, которые они дали следователям Ленинградского УНКГБ после изгнания оккупантов, говорят об обратном. Нечастые конфликты Печковского с немцами были связаны с тем, что последний выражал недовольство по поводу «маленькой платы за выступления»[37].

В 1944 году он, находясь в Риге, вел себя растерянно и не знал, что предпринять. Вернуться на освобожденные от немцев территории он опасался. Ехать в Германию Печковский тоже не был склонен. Народный артист РСФСР хотел отправиться в Прагу и там, как он говорил, «делать европейскую карьеру». Наступление Красной армии помешало его планам.

Ни Печковскому, ни Дудко не нужно было лично заниматься профашистской пропагандой. За них это успешно делали их конферансье. Каждое выступление артистов начиналось с благодарственного слова вождю Германии Адольфу Гитлеру «за возрожденное исконно русское, национальное искусство»[38].

Из других известных ленинградских артистов в Гатчинском театре выступали баритон Иван Корнилов, сопрано Элеонора Богданова и аккордеонист Эдуард Сакс.

В конце лета 1943 года в Гатчине в помещении бывшего Дома Красной армии выступал генерал-лейтенант А. А. Власов. После его речи был показан концерт, в котором Печковский и Дудко также принимали участие: они выступали с сольными номерами. Концерт был торжественно обставлен, публика на него приглашалась по особым билетам. По окончании концерта Власов прошел за кулисы, пожал всем артистам руки и заявил: «Желаю еще больших успехов на пользу русского искусства»[39].

За свои выступления артисты Гатчинского театра получали зарплату. В зависимости от занимаемой должности она весьма разнилась. Так, Дудко за одно выступление получал до тысячи рублей. У Печковского, который в состав театра не входил, а выступал в большинстве случаев с сольными концертами, гонорары доходили до 2500 рублей за часовой концерт. Рядовые актеры имели по 300 рублей в месяц. Кроме того, они получали продукты питания как солдаты вермахта. В суточный паек входило: хлеба — 400—500 граммов, мяса — 35 граммов, крупы — 50 граммов, сахара — 25 граммов, сигарет — три штуки; один раз в месяц — 0,25 литра водки[40].

За время своего существования Гатчинский театр выезжал на гастроли в Ригу, Таллин, Остров, Псков, Лугу и другие населенные пункты района оккупации группы армий «Север».

Из газеты «Новый путь»:

«Артисты Смоленска в Берлине

(От нашего специального корреспондента.)

Берлин. Группа русских артистов совершает поездку по Германии с целью ознакомления с искусством и жизнью страны. Вечером 3 июля по приглашению министерства пропаганды русские артисты дали концерт в зале "Театрального комитета".

В первом отделении концерта выступили с большим успехом пианист В. В. Топилин и вокалист В. П. Мирсков.

Во втором отделении не меньший успех выпал на долю эстрадного ансамбля "До свидания". После концерта был устроен банкет в одном из лучших ресторанов в честь русских артистов.

Русские артисты, кроме Берлина, посетили уже Варшаву, Дрезден, Потсдам. На днях они выезжают в Вену, из Вены — в Мюнхен.

С. Широков».

Из газеты «За Родину»:

«Год работы Псковского театра

Юбилейный отчет

В конце истекшего года Псковский Малый театр отметил годовщину своего существования. За год работы театр добился больших успехов. Он по праву стал культурным центром города, куда псковичи в часы, свободные от их трудовой деятельности, приходят на концерты, спектакли, кино. Нет такого дня, чтобы в Псковском Малом театре не шел какой-нибудь спектакль или же не демонстрировался какой-нибудь фильм.

За год работы театру удалось собрать и объединить количественно и качественно значительные творческие силы. Первое место среди них по праву принадлежит группе солистов, объединенных в так называемую "концертную бригаду". В нее входят многие бывшие артисты ленинградских театров, имена которых хорошо известны всем.

Среди солистов больше певцов: Э. Богданова, И. Корнилов, И. Зариктo, В. Чиколини, М. Боровцова. В последнее время группа вокалистов получила пополнение в лице молодой певицы Е. Белоусовой.

Танцовщиц при театре две: награжденная недавно германским командованием военным орденом Наташа Натова (Н. Юргенс) — исполнительница характерных танцев и Н. Гакуц.

Солисты, объединенные, как сказано выше, в так называемую концертную бригаду, часто выезжали в другие города. Псковских артистов знают уже в Луге, Гатчине, Гдове, Острове, Новгороде, Порхове, Дно, Шимске, Сольцах и во многих других населенных пунктах ос-

вобожденных от большевиков областей. Часть псковских артистов недавно дала несколько концертов в Риге, где была очень тепло принята требовательной публикой.

Большое место в работе Псковского театра занимает драматическая труппа, руководимая режиссером Николаевским. В ней немало профессиональных актеров и много способных любителей. Некоторые из них лишь недавно влились в состав труппы. Из отдельных актеров выделяются, помимо самого Николаевского, Донская, Красиков, Мелентьева, Райхман, Боголюбов, Николаевская, Родионов, Боровцова.

Драматическая труппа — один из самых деятельных творческих коллективов, существующих при театре. За время своего существования участники труппы поставили большое число театральных постановок: "Женитьбу" Гоголя; "Лгунью" Никодими; "На бойком месте", "Не было ни гроша, да вдруг алтын", "Василису Мелентьеву", "Счастливый день" Островского; "Полтавского дядюшку" Рассохина, "Соломенную шляпку" де Лябиша; "Трактирщицу" Гольдони и другие, не считая водевилей. Драматическая труппа тоже побывала во многих городах, а ранней осенью она совершила гастрольную поездку по одному прифронтовому району, где выступала непосредственно в бункерах.

Большую популярность приобрел в последнее время у псковских зрителей ансамбль добровольцев. В его составе немало способных певцов, музыкантов, танцоров, а именно: танцор и акробат Г. Фаддеев, певец Е. Григорьев, музыканты М. Корсунский, К. Соколов, В. Акимов, Ф. Дулин, танцовщицы и танцоры А. Степанова, Г. Васильева, Н. Тарновская, В. Краснов, акробатка Ш. Янбухтина.

Это — основные творческие коллективы театра. Помимо того, в театре часто выступают приезжие артисты. Псковичи видели в своем театре известного русского певца Н. К. Печковского, рижского артиста-юмориста В. Орлова, балетную группу Гатчинского театра, руководимую М. Дудко, прекрасных солистов Гатчинского театра певицу Миловскую, виолончелиста Хохлова, пианистку Данилову, скрипачей Рома-

ненко и Хмельницкого, лужских и гатчинских драматических артистов, а также испанских и немецких мастеров искусств. В спектаклях, устраиваемых для детей, часто выступает Кукольный театр, руководимый Г. Райхманом, и показывают свое искусство юные ученицы балетной школы Верещагиной.

В последнее время в театре проведены значительные работы по переоборудованию зрительного зала, выполненные художниками Г. Кюи и Б. Гайко. Благодаря им зал театра принял более нарядный вид, и все постановки драматической труппы, а также концерты проходят теперь при высоком художественном оформлении.

Особо следует отметить энергичную деятельность неутомимого и способного директора театра Александра Михайловича Мирончeнко, которому театр обязан значительной долей своих успехов. Это человек, отдающий театральной деятельности всё свое время. Опытный и сведущий в театральном деле, он является незаменимым и долголетним руководителем Псковского театра.

Теперь театр вступил во второй год существования. Бесспорно, что дальнейшая его работа принесет ему еще большие успехи. Так пожелаем же всем работникам театра новых преуспеяний в области сценического и музыкального искусства на пользу народной культуры в нашей возрождающейся Родине!

С. Воронов».

Одним из самых больших по численности артистического состава на оккупированной территории России был театр поселка Локоть, созданный по приказу Б. Каминского. Открытый 15 ноября 1942 года, он включал в себя драматическую труппу, состоящую из 38 человек, оркестр в составе 22 человек, хор в 20 человек, а также балетную и физкультурную труппы по 15 участников[41].

В среднем он давал в месяц до шестидесяти спектаклей как для гражданского населения, так и для немецких и венгерских частей. Для русских зрителей предназначались пьесы «Не всё коту масленица», «Праздничный

сон до обеда» Островского, «Женитьба» Гоголя, «Два брата» Лермонтова и драма известного норвежского драматурга Генрика Ибсена «Привидение». Немецких солдат развлекали в основном русскими народными песнями и плясками[42]. Согласно приказу по Локотьскому окружному самоуправлению от 16 января 1943 года, все культурно-просветительные учреждения округа, такие как театры, кинотеатры и клубы, официально передавались в ведение окружного и районных отделов агитации и пропаганды. При районных клубах, где отсутствовали театральные труппы, утверждался штат клубных работников в количестве шести человек. Заведующий деревенским клубом одновременно назначался штатным пропагандистом по своей волости.

В Ставрополе летом 1942 года работали музыкальный театр терских казаков, театр «Варьете», театр кукол, музыкальный театр, цирк, открылось казино. В городе действовало специальное концертно-эстрадное бюро, где давали работу всем артистам и лицам, желающим попробовать себя на сцене. Подобный «расцвет» культуры в одном конкретно взятом городе объяснялся очень просто: немецкое командование считало увеселительные заведения одним из важнейших составляющих факторов, способствующих выздоровлению раненых немецких солдат. А в городе и в его окрестностях в это время находилось несколько десятков госпиталей и санаториев, которые эти художественные коллективы и должны были обслуживать в первую очередь.

Из газеты «Новый путь»:

«Песня — душа народа

В черные годы большевистского владычества русский народ, казалось, навсегда разучился петь, плясать, смеяться. Народ молчал. Вместо песен слышны были только глухие стоны казнимых, умирающих от голода, безнадежно уставших, потерявших веру в свое освобождение.

Но песню нельзя убить!

И сегодня народ снова запел. В этих песнях столько здорового юмора, душевной теплоты, веры в окончательное торжество борющегося за свое освобождение

народа, что нельзя не аплодировать, нельзя не улыбаться, нельзя оставаться холодным и безучастным слушателем.

Концерт ансамбля песни и пляски соединенных войск Русской Народной армии, состоявшийся 17 января в большом зале Смоленского городского управления, это — событие огромного и символического значения. Это — не просто концерт, устроенный для развлечения скучающей публики. Это — первая, весьма знаменательная встреча представителей вооруженных сил Новой России с освобожденным русским народом, борющимся в тылу за возрождение горячо любимой Родины из развалин великой освободительной войны.

Огромный концертный зал переполнен. Среди зрителей особенно много молодежи. Это так естественно! Ведь поет, пляшет и смеется сама молодость, новое, духовно здоровое и сильное поколение великого многострадального народа. У тех, кто поет, пляшет и смеется, и у тех, кто находится в зрительном зале, глаза одинаково горят огнем священной борьбы за освобождение России от ее заклятых врагов, за избавление русского народа от ужасов большевизма.

Когда на эстраде появляются люди в форме бойцов и офицеров Русской Народной армии, весь зал вспыхивает теплыми улыбками и гремит восторженными аплодисментами. Духовой оркестр соединения под управлением П. Турова исполняет марш Бородина "Поход на рассвете". В звуках оркестра слышна победная поступь полков, стремительное движение конницы...

Настанет день, когда выступят в поход против врага полки и дивизии Новой России. Мы знаем: в этот день поднимется на решительную борьбу против своих угнетателей весь многомиллионный русский народ. Это будет день твоей гибели, Сталин! День, когда над твоим звериным логовом потухнет черное знамя большевизма и согретая настоящим солнечным светом, освобожденная русская земля вздохнет легко и радостно!

Дан приказ ему на север, ей в другую сторону.
Уходили добровольцы в бой за Родину свою.
...Молодая девушка, моя соседка, замерла в каком-то

порывистом движении вперед. На ее свежих щеках горит румянец большого, может быть, никогда еще не испытанного настоящего волнения. Ее почти детские губы решительно сжаты, а в серых глазах — теплая, ясная улыбка. О чем она думает? Быть может, завтра и она пойдет вместе с нами в бой за свою Родину, за молодость, за счастье народа.

Каждый номер концертной программы вызывает восторженные аплодисменты зала. Особенно большой успех имеют групповые танцы "Молдаваненску", "Татарский танец", поставленные В. Орловым; шуточная украинская песня с пляской "И шуме, и гуде", исполненная ансамблем под руководством Я. Рудюк; русские народные песни и шуточные частушки в исполнении Т. Сарафанниковой, В. Орлова, Я. Рудюк и ансамбля песни и пляски; буффонадная клоунада (Б. Ковалько и В. Москаленко).

Когда весь ансамбль песни и пляски заканчивает свой прекрасный концерт исполнением гимна соединенных войск Русской Народной армии, многие в зале тихонько подпевают:

От края и до края,
От моря и до моря
Берет винтовки народ трудовой,
Народ боевой,
Готовый на муки,
Готовый на смертный бой.

Владимир Южин».

В Смоленске по инициативе отдела пропаганды в мае 1942 года был создан драматический народный театр. Официально он числился в ведении городской управы. Его артисты, кроме участия в сценических подготовках, активно привлекались к работе в различных агитбригадах, к выступлению на радио. Режиссер этого театра В. В. Либеровская ставила русскую классику — Чехова, Гоголя и Островского, — но центральное место в репертуаре занимали пьесы антисоветского и антисемитского содержания, сочиненные журналистами газеты «Новый путь». Из них наиболее известными

считались пьесы «Волк» и «Голубое небо», которые были поставлены не только в Смоленске, но и в Орле, Пскове, Борисове, Минске, Локте.

«Волк», написанный смоленским журналистом С. С. Широковым, был направлен на дискредитацию антигитлеровского сопротивления. В пьесе рассказывалось о бессмысленности и преступности партизанского движения.

Из газеты «Новый путь»:

«Волк

Благодаря освобождению земли Российской появилась возможность писать правду о жизни, яркой, свободной, интересной. Создано много интересных пьес, одной из которых является пьеса Березина и Сергея Широкова "Волк". Актуальность темы, острота сюжета, большая напряженность всей вещи потрясла актеров, и пьеса была принята к постановке.

Тема пьесы — борьба с "партизанщиной". Коллектив театра под руководством режиссера-постановщика А. Г. Кесс горячо взялся за осуществление постановки. Показать современную деревню со всей ее внутренней ломкой, происходящей в ней сейчас, — вот была задача труппы. Трудность постановки заключалась еще и в том, что после военной разрухи театр располагал исключительно бедными средствами: не было ни костюмов, ни бутафории, ни реквизитов, ни декораций. Всё приходилось создавать и собирать заново. И несмотря ни на что, постановка "Волка" благодаря огромному интересу, проявленному к пьесе и актерами, и администрацией, осуществилась в очень короткий срок. Большую материальную помощь оказал театру и начальник города.

Ровно через два месяца, 28 ноября, состоялась премьера.

В до отказа наполненном зале театра собрались для просмотра представители всех городских организаций.

Центральной фигурой в пьесе является "партизан" Клим Ползунков. Не успев удрать от наступающей германской армии, он, секретарь райкома партии

большевиков, прячется в лесу, где подбирает людей для "партизанского" отряда и восстания. Наглый, самоуверенный, жестокий, стремящийся лишь к одной цели — вернуть свое былое величие, он не останавливается ни перед чем: убийство — вот верный способ заставить подчиниться себе. Иногда в пьяном состоянии в нем пробуждаются какие-то человеческие чувства (его рассказ Егоровне о своей семье), но они сейчас же гасятся другим чувством, чувством большой обиды за свое потерянное место секретаря райкома.

"Прав Григорий: народ не за нас, — говорит он, когда остается один, — главное — веры нет нам. Эх, кабы колхозов этих не было, крестьянин не так бы рассуждал". И тут же жажда мести заставляет его произнести угрозу: "Но ничего, ничего... Время придет, я снова буду на своем месте, им тогда я покручу шеи..."

Актер Крымский, исполнявший роль Клима Ползункова, совершенно правильно акцентирует руководителя "партизанского" отряда. Ползунков — пьяница, и когда пьян, страшен. Сильно Крымский проводит финальную сцену первого акта. Здесь уже не тот Ползунков, который тонко и умело агитирует Григория Бывалова, начинающего сомневаться в правоте их дела, а настоящий Клим Ползунков, загнанный, обреченный волк, великолепно сознающий крах "партизанщины".

Актер Крымский мастерски создал правдивый, запоминающийся образ.

Правильную трактовку образа Григория Бывалова нашел и актер Зеленеев. Бывалов сложен, сложен по колоссальной психологической ломке, происходящей в нем на протяжении всей пьесы. Он бросает "партизанщину" не в силу каких-то внешних причин, а в результате глубокого и болезненного анализа действительности. "Эх, Клим, — говорит он Ползункову, — ну, ты борешься... Я понимаю, зачем: ты за власть свою, вернуть ее, вроде, хочешь. Ну а я-то за что? Что я в жизни видел?.." Он все время мучительно думает: "Зачем? Кому служу? Где же в конце концов мое место?" Это место ему помогает найти Надя. Кровавая же расправа Ползункова с Травкиным послужила окончательным толчком к уходу Бывалова из "партизан". И когда Ползунков стоит свя-

занный, он бросает ему в лицо слова: "Ты говоришь — за народ? Нет, народу этому ты нож в спину втыкаешь".

Актер Зеленеев, умело добавляя Бывалову теплых красок, подчеркивая, с одной стороны, твердость характера, с другой — большую лиричность, заставляет зрителя полюбить его и поверить ему.

Хорошо играет старую Егоровну актриса В. В. Либеровская. Примитивную непосредственность Егоровны, человечность, любовь к близким — вот главное, что оттеняет актриса. Егоровна много жила, много видела. Пятерых сыновей и зятьев взяли у нее на фронт. Истинно русская душа, она любит песни, глубоко религиозна. Доброта ее беспредельна. Очень хорошо сделана сцена гаданья.

Одной из крупных ролей является роль Нади. Ее любовь к Григорию очень велика. Несмотря на то, что она с ним не виделась около двух лет, она по-прежнему каждый день вспоминает его и думает о нем.

Актриса Луговая, играя Надю, с большой силой передает это чувство, чувство безграничной и беззаветной любви русской деревенской девушки. Положение Григория, живущего на нелегальных началах, заставляет ее мучиться вместе с ним.

Живо играет актер Казаков Кирюшу Воробья. Всегда веселый, с гармонью через плечо, где бы он ни появлялся, он всегда вносит приятную разрядку в общую трагическую напряженность всех сцен. Шутка Кирюши Воробья, стихи, сочиненные им самим, в подаче Казакова вызывают взрывы хохота в зале. Юмор Казакова легок и умел.

Роль Травкина, отца Нади, старосты деревни, исполняет В. Степанов. Привязанность русского крестьянина к родине, к "родной землице" в этом образе во всю ширь развертывается перед нами. "Эх, кабы война кончилась, — рассуждает он, — как бы крестьянин работать бы стал. Ведь землица-то теперь своя, не колхозная. Рук бы не покладал".

Трогает и его отцовская чуткость к дочери. В разговоре с Ползунковым В. Степанов богато нюансирует общую настороженность Травкина. Здесь Травкин, простой крестьянин, но с неожиданным природным умом ловко разоблачает Клима Ползункова.

Деревенского полицейского Максимова играет актер Собольский. Ревностный служака, пропитанный ненавистью к "партизанам" и большевикам, Максимов готов на месте расстрелять убийцу старосты — Клима Ползункова.

Чувствуется и большая работа режиссера В. В. Либеровской.

Оформление спектакля выполнено художником Ю. Еремеевым, и надо отдать справедливость, при всей материальной затрудненности очень хорошо. Интересная обстановка в первом и особенно во втором акте значительно помогла актерам. Ю. Еремеев проявил себя как талантливый художник-декоратор.

В общем, как театр, так и авторов пьесы можно поздравить с большой победой. Об этом ясно говорит горячо аплодирующий зрительный зал.

Пьеса "Волк" — значительное событие в культурной жизни на освобожденной земле. Она смело и правдиво затрагивает самые животрепещущие вопросы нашего напряженного военного времени. Безусловно, она прочно войдет в репертуары многих театров, тем более что она совсем не сложна к постановке: простые декорации, простое оформление.

"Волк" является этапом в развитии театра.

П. Муравьев».

В «Голубом небе» говорилось о «кровавой вакханалии НКВД, о жертвах русской интеллигенции, растоптанной в подвалах Лубянки». Кульминацией пьесы были слова главного героя Степанова о том, что он «не хочет такой родины, как Советский Союз, он не считает СССР родным домом. Его родина — свободная Россия, за которую он будет биться с проклятым большевизмом». Под «голубым небом» свободы подразумевалось нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Премьера этой пьесы готовилась «ко второй годовщине начала освободительного похода свободных народов Европы против мирового большевизма»[43].

По «Волку» и «Голубому небу» были созданы радиопостановки. Руководитель передачи «Театр у микрофона» перед исполнением любой программы по радио

был обязан явиться в отдел пропаганды для разрешения постановки. Комиссия, как минимум из трех сотрудников, выслушивала текст и давала свои рекомендации. Иногда в пьесы классического содержания вставлялись антисемитские пассажи или фразы, которые можно было расценить как антикоммунистические.

Широков публиковался в Смоленске под псевдонимом Пасхин. Кроме занятий драматургией он активно работал в прессе и на радио. После эвакуации из Смоленска он проживал в Берлине и сотрудничал в отделе пропаганды власовской армии.

В Орловском театре летом 1943 года готовилась к постановке комедия днепропетровского писателя Константина Швейха «Советский калейдоскоп»[44]. В ней высмеивалась процедура выборов в Верховный Совет СССР. Тогда же доброволец РОА Александр Топылев сочинил пьесу «Два брата». В аннотации к тексту отмечалось, что пьеса «может быть поставлена любым драматическим кружком». Ее содержание не отличалось особой сложностью: один из братьев служит в РОА, а другой — в Красной армии. Служивший в Красной армии перебрасывается с парашютным десантом на усиление партизанского отряда. Его захватывает в плен часть РОА, где служит его брат. Последний, встретившись с ним, доказывает свою правоту и склоняет к вступлению в РОА брата-парашютиста[45].

В ряде оккупированных городов Северо-Запада РСФСР — Пскове, Дно, Луге, Острове — при домах просветителей работали так называемые «народные театры». Первоначально ставились лишь пьесы агитационного содержания: «Волк», «Голубое небо», «СССР — смерть Сталина спасет Россию». Последняя, написанная пропагандистом из Дно Василием Ивановым, рассказывала об аресте Сталина солдатами РОА[46]. Популярностью среди населения они не пользовались, поэтому было принято решение сделать все выступления бесплатными и как можно чаще выезжать в деревни. Кроме агиток в концерте использовались произведения русской классики — Н. В. Гоголя и А. П. Чехова[47].

Но даже русские пьесы XIX века должны были нести определенную идеологическую нагрузку. Так, люби-

тельский кружок города Острова (Ленинградская область) поставил старинный водевиль «Жена напрокат» и комедию Канаева «Бабье дело». Газета «За Родину» в своей статье «Спектакль любительского драматического кружка» акцентировала внимание читателей не на содержании этих произведений и не на качестве игры артистов, а на факте, что «50 процентов сбора передано в кассу комитета взаимопомощи при островском районном управлении»[48].

В своей борьбе с антифашистским сопротивлением нацистская пропаганда всячески стремилась доказать населению того или иного города, что попытки бороться с оккупационным режимом имеются не повсеместно, а только в их районе. Для подтверждения этого тезиса активно организовывались гастроли театральных трупп, которые должны были демонстрировать «быстрое возрождение и расцвет русской культуры в тех районах, где жидо-большевики не могут помешать строительству Новой России»[49]. Так, Смоленский эстрадный ансамбль под руководством Г. Гаро выезжал на гастроли в Витебск, Гомель, Борисов и Вязьму.

Помимо русской дореволюционной классики и пьес пропагандистского антисоветского характера, некоторые театральные коллективы пытались поставить произведения, запрещенные в Советском Союзе по морально-этическим соображениям, например «Заза» Симона и Бертена[50].

В сентябре 1942 года в Орле открылся кукольный театр. На его первом представлении художественный руководитель С. Россоловский заявлял, что в отличие от советского театра, где «в сказку Шарля Перро "Красная Шапочка" вводится милиционер, который убивает волка, затем зашивает ему брюхо и тащит его для расправы в НКВД», он будет воспитывать русских детей в духе любви к ближнему, уважения к своим родителям, к старшим[51].

Достигать этой цели предполагалось при помощи таких спектаклей, как «Конек-Горбунок» Ершова, «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, «Иван-царевич и Серый Волк» по Жуковскому, «Садко—богатый гость» (по русским былинам), «Морозко» (по русским сказкам).

Германское командование оказало содействие в деле организации этого театра. Но в репертуаре для детей дошкольного и младшего школьного возраста появились такие произведения, как «Толстый жиденок» (злой еврейский мальчишка обижает русских детей, немецкий солдат наказывает наглеца), «Красные пряники» (хитрый коммунист обманывает Иванушку-дурачка), «Репка» (про колхозные порядки)[52].

Нацисты и их пособники пытались внушить населению, что «тяга к культуре, к театральному искусству является верным признаком того, что дух русского народа жив и начинает возрождаться, что его не смогли умертвить ни двадцать пять лет большевистского господства, ни сегодняшняя война». На практике театральные коллективы являлись одним из подразделений германских пропагандистских служб.

Министерство пропаганды Третьего рейха и его руководство с особым пиететом относились к кинематографу как к новой и весьма действенной форме активной пропаганды. Сам Геббельс лично занимался отбором тем, редактированием и прокатом «Германского еженедельного обозрения» — «Die Deutsche Wochenchau» (DW). Эта серия документальных фильмов, достигшая высот технического и коммерческого успеха между 1940 и 1944 годами, была весьма эффективным средством нацистской пропаганды военного времени.

На всей подконтрольной нацистам территории, в том числе и в захваченных районах Советского Союза, во всех кинотеатрах любой кинофильм обязательно предварялся показом DW. Выпуски «Обозрения» военного времени различались по продолжительности. Если в 1941 году они шли более 40 минут, в 1942—1943 году — около получаса, то с 1944 года — всего 15 минут.

Каждый выпуск строился по определенной схеме. Обязательно должны были присутствовать героические портреты вождей Германии и ее союзников, подробное освещение военных действий (в зависимости от успехов вермахта), несколько трогательных историй, напористые марши и несокрушимая вера в победу.

Документальные фильмы, в которых использовались материалы DW, создавались на многих языках, в

том числе и на русском, и распространялись на всех оккупированных нацистами и их союзниками территориях. Выпуски «Зарубежного звукового обозрения» являлись регулярными и готовились на высоком профессиональном уровне.

В 1941 году, в первые месяцы Великой Отечественной войны, нацистские пропагандистские службы снимали киносюжеты, рассчитанные в первую очередь на солдат вермахта и население Германии. С весны 1942 года начинается процесс открытия в городах и крупных населенных пунктах стационарных кинотеатров для русского населения. Для этого местные руководители, согласно распоряжению германского командования, предоставляли помещение, технический персонал, рабочих и необходимые стройматериалы. Киноаппаратура, фильмы и инструкции «О правильной организации кинопропаганды» поступали из Германии.

Эти мероприятия оккупантов представлялись как «забота германского командования о культурных нуждах русского народа... Жизнерадостность, веселость, хороший здоровый отдых — факторы, способствующие труду. И, открывая зрелищные мероприятия, германское командование заботится именно об этой стороне жизни трудящихся»[53].

При открытии кинотеатра в Смоленске в июле 1942 года было объявлено, что жители города смогут ознакомиться с тремя видами кинопродукции: художественными фильмами, культфильмами и военной хроникой.

Из газеты «Новый путь»:

«Киносеансы

У русского зрителя были очень популярны немецкие картины, демонстрирующиеся у нас до 1933 года. Ныне германское командование принимает меры к организации регулярных киносеансов и широкому ознакомлению нашего зрителя с киноискусством новой Германии. Киносеансы 25 и 26 декабря показали, что огромный интерес у населения к этим фильмам жив до сих пор. В программе была показана хроника — два журнала о военных событиях и один культфильм об олимпиаде в Берлине.

Желание дать возможность большому количеству населения попасть в зрительный зал на первый раз вынудило составить короткую программу. Но и на эти сеансы билеты были распроданы задолго до начала, и многие желающие вовсе не попали в зал.

1 января будет демонстрироваться художественный музыкально-комедийный фильм из жизни германской молодежи "Майская ночь".

В.».

В культфильмах, снимавшихся специально для населения оккупированной нацистами Европы, показывались «жизнь и быт рабочих, крестьян и интеллигенции Германии, стран, освобожденных Германией. Особенно много внимания уделялось в них новой гитлеровской молодежи».

В хронике с фронтов изображалась «героическая борьба» германской армии с большевизмом и капитализмом: «И на необъятных просторах России, и в сожженной солнцем африканской пустыне, и в бушующих волнах Тихого, Атлантического, Ледовитого океанов, и в самолете над фабриками и заводами Англии — всюду сражается германский солдат»[54]. Все фильмы были снабжены синхронным переводом на русский язык. На каждом сеансе демонстрировались по очереди три фильма: культфильм, хроника с фронта и художественный фильм.

В Орле открытие кинотеатра было приурочено к дню рождения Адольфа Гитлера. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан заявил на этом мероприятии: «Киноискусство для нас является одним из самых важных культурных средств нашей борьбы с большевиками»[55].

Из газеты «Новый путь»:

«Фильм "Волк"

Писатели Дмитрий Березов и Сергей Широков написали сценарий по пьесе "Волк", которая идет в Смоленском народном театре. Сценарий утвержден и принят отделом пропаганды.

Фильм будет делаться силами русского коллектива. Некоторые актеры Смоленского театра, играющие в

пьесе "Волк", будут сниматься и в фильме. Натурные съемки будут производиться под Смоленском и в Смоленске. Павильонные — в Киеве и Риге.

Это — первый художественный фильм после военной разрухи на освобожденной земле».

<Без автора>

Для организации кинопросмотров каждая семья в обязательном порядке сдавала в городскую управу по одному стулу. Для посещения киносеансов выдавали специальные пригласительные билеты. Перед кинопоказом зрители могли посмотреть выступление художественного ансамбля театра «Пестрая сцена», основу репертуара которого составляли антисоветские «злободневные куплеты», а также заслушать выступления штатных пропагандистов.

Художественные фильмы — почти все наиболее известные произведения кинематографистов Третьего рейха — демонстрировались на немецком языке, но предварительно зрителям давались пояснения о содержании картины. Широко практиковались коллективные просмотры некоторых документальных и художественных кинофильмов. Они устраивались в первую очередь для сотрудников управы и учителей.

Немецкие художественные фильмы военных лет обычно были так нашпигованы национал-социалистической идеологией, что назвать их чисто развлекательными, безусловно, нельзя. Вне зависимости от того, о чем шла речь в кинокартине, вне зависимости от жанра (музыкальный фильм, исторический фильм, комедия или мелодрама) главным являлась пропаганда нацистской идеологии.

В фильме-мелодраме «Возвращение» («Heimkehr») рассказывалось о страданиях этнических немцев в Польше весной — летом 1939 года. Нападение Германии на своего восточного соседа трактовалось как «законное средство самообороны против агрессивной 300-тысячной армии польских унтерменшей»[56].

Особое место в кинопрокате занимали антисемитские фильмы. Дублированные версии кинокартин «Вечный жид» («Der Eweige Jude») и «Еврей Зюсс» («Jud

Zuss») показывались в кинотеатрах на протяжении нескольких месяцев. На страницах газет «Речь» и «Новый путь» помещались хвалебные рецензии. Отделы просвещения настоятельно рекомендовали всем учащимся посмотреть эти фильмы и написать по этому поводу сочинение.

«Вечный жид» подавался зрителям как документальный фильм о роли евреев в мировой истории. Евреи изображались в нем как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах, как лица, которым чужды все высшие духовные ценности, как совратители мира. Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле усиливали до гротеска впечатление от «садизма еврейской религии»[57].

Фильм не завершался прямыми призывами к уничтожению евреев, но его смысл был достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев.

«Еврей Зюсс» (на оккупированной территории России он показывался под названием «Жид Зюсс») являлся одним из самых дорогих по затратам на его производство фильмов Третьего рейха. Исторический сюжет, изображавший жизнь Вюртембергского герцогства в начале XVIII века, был круто замешен на антисемитизме. Вывод фильма очевиден: евреи — паразиты на теле общества, и их следует уничтожить.

Из газеты «Новый путь»:

«Фильм, который должны видеть все

Среди многих хороших фильмов, демонстрировавшихся в последнее время на экране Смоленского кинотеатра, значительное место занимает фильм "Жид Зюсс" производства берлинской кинофабрики "Уфа". После просмотра этой картины люди выходят из зрительного зала с сжатыми кулаками — и справедливо, ибо фильм вскрывает гнусные душонки иудеев и честно, без назойливого акцентирования на отрицательных моментах обобщает в лице звероподобного Зюсса всё жидовское племя со всеми его характерными качествами: хитростью, честолюбием, любовью к деньгам, кровожадностью, трусостью и продажностью.

В герцогстве Вюртембергском жид Зюсс самыми отвратительными методами добивается власти. Жажда к наживе так велика, что он не останавливается ни перед чем: он устанавливает непосильные для народа пошлины, он зверски расправляется со всеми, кто пытается противостоять ему и его действиям. Не завоевав симпатии у девушки, он достигает своей цели другим путем: он насилует ее. Не перенеся позора, девушка кончает жизнь самоубийством. Он входит в доверие герцога Вюртембергского и добивается самого страшного: он открывает двери в город для своих соплеменников-иудеев. Тысячи ему подобных мерзавцев устремляются в город и начинают устраивать свои гешефты. Все дороги Зюсс прибирает к своим рукам, на каждом перекрестке устанавливаются за провоз пошлины.

Но в результате справедливость торжествует. Возмущенный народ сбрасывает гнусного властелина.

Фильм сделан режиссером Файтом Харланом. Каждая сцена, каждый кадр продуманы им, и все оправданно. Нет ни натяжек, ни дешевых эффектов. Правда, действительность — вот путеводные звезды в работе Харлана. Мастерский монтаж фильма в значительной степени усиливает впечатление от некоторых эпизодов.

Исключительно хорошо играет главную роль Зюсса актер Оскар Мариан. Он идет в создании образа не от сценического эффекта, а от внутреннего состояния, от "подтекста". Он умело, не переигрывая, подчеркивает всё внешне-характерное для иудея: жесты, мимику, манеры держаться и разговаривать в зависимости от того, с кем имеет дело. С герцогом — один Зюсс, с народом — другой, с девушкой — третий. Зюсс — одна из лучших ролей Оскара Мариана.

Известный по старым фильмам, случайно просочившимся в Советский Союз в 1925—27 гг., актер Вернер Краус и в этом фильме создал сильные, запоминающиеся образы. Он играет три роли в этом фильме, трех иудеев, и в каждом он нашел характерное, свое.

Неплоха и актриса Кристина Зедербаум. Ее мягкая, эмоциональная игра оставляет впечатление.

Этот фильм — нужный фильм. Он — еще один вклад в борьбу с самой чудовищной из диктатур, диктатурой жидо-большевизма. Он вскрывает всю гаденькую сущность сынов Израиля.

Голос зрителя

Под лапой жидов изнывал когда-то и германский народ.

Полно и правдиво кинофильм "Жид Зюсс" раскрывает черную страницу истории злодеяний жидовства в Германии.

Замечательная игра артистов ярко отображает стремление жидов поработить деньгами весь мир. В лапах иудея — герцог, город и целая область, его щупальца простираются дальше и дальше. Столицу заполняет бесчисленный кагал. Народ изнемогает от тирании и коварства этого кагала.

Просмотрев фильм, каждый вспоминает ловкачество жидов, бывших господами положения в России.

В штабе нашей бригады появился горбоносый черный писарь. Через некоторое время он стал старшим писарем. В том же месяце появился приказ начальника штаба (начальник штаба — еврей), который гласил: "Старшим писарям присвоить звание техника-интенданта 2-го ранга". Власть писаря-еврея интенсивно росла. Ему уже подчинялись отдельные начальники служб. Среди них был капитан Воронин, прослуживший 15 лет в красной армии. Небольшое "пререкание" с писарем послужило причиной ареста капитана Воронина. Особый отдел был целиком в руках евреев.

Немало эпизодов из нашей жизни связано с жидовской чумой.

Замечательный кинофильм "Жид Зюсс" показывает, на какие злодеяния способны жиды.

И. Сибирский».

В других фильмах: «Семь лет несчастья», «Шахматная деревня», «Нанетта», «Решающая игра», «Кельнерша Анна», «Ура, я стал отцом» — за кажущейся пустотой содержания и сюжета изображался образ нового германского национального государства, являющегося образцом для всех остальных народов. Почти каждый кинопоказ

отмечался рецензиями в русской коллаборационистской прессе. Даже самые мещанские сюжеты позволяли делать глубокие антисоветские выводы. Так, в статье орловского журналиста А. Веснина рассматривался фильм Эриха Энгеля «Любовь математика», рассказывающий о жизни немецкой школы. После идиллического и восторженного описания жизни учащихся и учителей в Германии автор делал следующий вывод: «Какое колоссальное отличие от жизни советской школы: хулиганство, грубость, нежелание работать со стороны учеников. Очковтирательство, панибратство в самом худшем смысле этого слова или чванство со стороны учителей. Даже в фильме "Учитель" большевики при всем желании показать лучшие стороны советской школы не смогли этого сделать. И в этом явно искаженном изображении школьной жизни остались все те же ее порочные черты. Чего стоят, например, сцены ухаживания советского учителя за своей ученицей. Фильм "Любовь математика" полезен тем, что дает нам представление о том, какой должна быть настоящая современная школа, и показывает, что такая школа существует, что здоровый национальный организм создает и здоровую прогрессивную школу. Он делает это без малейшей тени принуждения и навязчивости. Этот фильм дает прекрасный отдых зрителям»[58].

Но некоторые кинопоказы заканчивались для немецких пропагандистских служб провалом. Так было с фильмом «Костомолка» («Die Knochenmuhle»), который изображал стахановскую систему труда в Советском Союзе. Русские зрители резко критиковали его за неправдоподобность содержания, фальшивое освещение советских условий жизни, неграмотность режиссера и автора сценария[59].

Русское население и немецкие солдаты ходили в разные кинотеатры. Так, в Ворошиловске (Ставрополь) два кинотеатра («Октябрь» и «Гигант») были переименованы в «Освобождение» и «Солдатское кино». Первый предназначался для гражданских лиц. Кроме немецких кинохроники и художественных фильмов здесь показывались такие советские фильмы, как «Дети капитана Гранта», «Дубровский», «Волга-Волга». На каждом сеансе

демонстрировался фильм «Одна ложь», который показывал зверства сталинского режима. Хотя он имел явно пропагандистский характер и в значительной степени был фальсифицирован, фильм достаточно сильно воздействовал на зрителей[60].

Одной из наиболее крупномасштабных акций министерства пропаганды рейха являлись съемки под Смоленском полнометражного псевдодокументального фильма «Наши друзья» об успехах нацистского «нового порядка» в оккупированных областях России. К съемкам в нем привлекались многие артисты смоленского театра. Гитлеровцы в фильме выступали как спасающие русский народ от международного еврейского заговора[61].

В прифронтовых районах обычно использовались кинопередвижки. Так, в мае 1942 года в Невель прибыло специальное подразделение «Панцер-фауст» («Бронированный кулак»). Его сотрудники (в большинстве своем послереволюционные эмигранты) во время показа кинофильмов не только синхронно их переводили, но и комментировали соответствующим образом: прославляли нацистский режим, противопоставляли его порядкам в Советском Союзе.

После Сталинградской битвы влияние и качество немецкой кинопропаганды стали падать. Так, в «Германском еженедельном обозрении» зимой 1943 года ничего не говорилось об окружении германской армии на южном участке фронта. Вся информация ограничивалась сообщениями с северного, относительно стабильного театра военных действий. Для того чтобы как-то заполнять образовавшуюся брешь, в кинотеатрах стали демонстрироваться советские довоенные комедии — «Антон Иванович сердится», «Музыкальная история» и др.[62]

С появлением киноаппаратуры у сил советского сопротивления появилась возможность приступить к показу художественных и документальных фильмов для партизан и мирного населения. Для просмотра предлагались военная хроника и фильмы исторической и историко-революционной тематики: «Александр Невский», «Пугачев», «Чапаев».

Хотя на партизанских сеансах смогло побывать меньшее количество зрителей, чем в контролируемых немцами кинотеатрах, сила их воздействия была гораздо больше. Это можно объяснить выбором партизанами репертуара, который был направлен на подъем патриотических чувств. Германские же фильмы чаще всего базировались на хронике, снятой в первую очередь для немцев. В них обычно подчеркивалась исключительная роль германской нации, что для русского населения было во многом оскорбительно. Даже безобидные советские комедии у большинства граждан будили тоску по мирной, предвоенной жизни, заставляли воспринимать ее несколько идеализированно. К началу 1944 года работа «русских кинотеатров», выполнявших важный пропагандистский заказ оккупантов, была полностью свернута.

Гораздо больший контроль, чем над прессой и кино, ведомство Йозефа Геббельса осуществляло над средствами радиовещания. Причиной этого была уверенность, что радио — важнейшее средство пропаганды. Вскоре после прихода нацистов к власти Геббельс заявил: «То, чем пресса стала для века девятнадцатого, радио стало для двадцатого. Радио есть первейший и влиятельнейший посредник между движением и нацией, между идеей и человеком»[63].

22 июня 1941 года нацистское радио начало антибольшевистский крестовый поход. Теперь маршевая музыка гремела на фоне артиллерийской канонады и рева пикирующих бомбардировщиков. Для организации радиовещания на население гитлеровцы при домах просветителей создавали мощные радиоузлы, использовали радиотрансляционную сеть, громкоговорители. В «Указаниях о применении пропаганды по плану "Барбаросса"» громкоговорители рекомендовалось использовать «для пропагандистского воздействия на население оккупированных местностей»[64].

Рупоры устанавливались в местах сосредоточения граждан: на рынках, площадях, у церквей. Через них велись передачи для жителей городов и районных центров. В деревнях оккупанты разрешали слушать радиоприемники полицейским и старостам, которые затем в

устных беседах с населением должны были пересказывать содержание передач[65].

Радиоузлы и радиосети действовали во многих городах и населенных пунктах России. Так, в Пскове фашистам через месяц после взятия города удалось восстановить радиоузел и городскую трансляционную сеть, выведенную из строя при отступлении Красной армии. Программа радиопередач строилась следующим образом: до шести раз в день передавались «последние и фронтовые известия», статьи из газеты «Псковский вестник» и рижской «Правды», до трех-четырех раз в день транслировались концерты и записи на грампластинках, в репертуар включались русские народные песни, рассказы, музыка и т. п.[66] Иногда на мелодии советских песен исполнялись произведения фашистского содержания. С 1942 года сотрудники псковского Дома просветителей стали организовывать по радио выступления лиц, «пострадавших от бандитов-партизан», и «раскаявшихся в своих преступлениях партизан»[67].

Основной задачей всех подразделений пропагандистских служб летом — осенью 1941 года было внушение населению уверенности в непобедимости германского оружия и скором окончании войны. Тематические радиопередачи рассматривали следующие вопросы: что имел русский народ до большевиков; что ему дала советская власть; что ему дадут немцы; что он должен делать в новых условиях. Вывод всех этих программ был один: Гитлер является освободителем русского народа. За свое освобождение русские должны отблагодарить немцев честным и усердным трудом на своем рабочем месте.

Крупный радиоузел был оборудован зимой 1941/42 года в Смоленске. Кроме рупоров в общественных местах коллаборационистской администрации удалось организовать в городе 845 радиоточек. Их могли одновременно слушать несколько тысяч человек[68]. Все передачи делились на несколько категорий: программы литературно-музыкальные, публицистические и политические. Регулярно шли информация с фронта, полученная от сотрудников нацистских пропагандистских органов, и городская хроника. При помощи и непос-

редственном участии смоленских артистов была организована регулярная передача «Театр у микрофона». Ею руководила В. В. Либеровская. Перед выходом любой постановки она обращалась за получением разрешения в отдел немецкой пропаганды, где все тексты проходили цензуру. Работавшим на радио артистам платили за каждое выступление от 6 до 10 марок, а режиссеру — 50 марок в месяц[69].

Из газеты «Новый путь»:

Говорит смоленский радиоузел...

— Внимание! Говорит смоленский радиоузел. Передаем последние известия на русском языке...

Этими словами начинаются очередные радиопередачи смоленского радиоузла, даваемые ежедневно в 12.15 и 19.30.

Еще месяц тому назад передачи известий по радио происходили нерегулярно, от случая к случаю, в неопределенные часы. С конца января уже было установлено определенное время передач: утром — в 12.15 и вечером — в 19.30. Первое время передавались только военные сводки и изредка отдельные политические новости. Начиная с первых дней февраля, во время вечерних передач, кроме военных сводок, радиоузел начал проводить литературные и музыкальные передачи, главным образом, составленные из произведений русских композиторов, писателей и поэтов.

За первую декаду февраля было проведено несколько концертов из произведений Чайковского (романсы, оперные отрывки, фортепианные произведения), Глинки, Римского-Корсакова и литературных передач из произведений Пушкина, Чехова, Сергея Есенина и других.

Сейчас к участию в концертах и литературных передачах привлекаются местные артистические силы, находящиеся в ведении смоленского отдела искусств (ансамбль струнных народных инструментов, певцы, пианисты, мастера художественного слова и другие). Это даст возможность радиоузлу сделать программу передач многогранной и содержательной.

В ближайшее время намечается ряд литературных

передач, посвященных творчеству Лермонтова, Гоголя, Бунина, Н. Гумилева и других писателей и поэтов.

В части проведения музыкальных передач намечается исполнение произведений Бетховена, Моцарта, Грига, Шуберта, Шопена, Рахманинова и, конечно, опять-таки Чайковского, Глинки и Римского-Корсакова.

При составлении программ хотелось бы иметь пожелания радиослушателей в части будущего подбора программы (темы литературных и музыкальных передач; указание литературных и музыкальных произведений, из которых желательно составление концертных программ).

Кроме того, радиоузлу весьма полезно будет иметь отзывы слушателей об уже проведенных передачах, опять-таки затрагивающие как программную часть концерта или литературной передачи, так и качество исполнения этой программы.

Имея тесный контакт, живой обмен мнениями между слушателями, составителями программ и исполнительскими силами, можно будет добиться весьма интересных, содержательных и высоких по качеству радиопередач.

Жуковский».

Из газеты «Новый путь»:

«Музыка, литература, публицистика

Уже третий месяц жители нашего города слушают литературно-музыкальные и публицистические радиопередачи на русском языке.

План радиопередач предусматривает систематическое и широкое ознакомление с лучшими произведениями русской и иностранной классической литературы и музыки. В раздел публицистики входит передача важнейших политических сообщений, интересных статей и очерков.

Помимо различных музыкальных передач, жители города в марте слушали в грамзаписи оперы: "Евгений Онегин", "Кармен", "Князь Игорь". Это начинание встретило доброжелательные отклики слушателей. В апреле узел передаст "Пиковую даму" Чайковского в исполнении артистов Большого театра. Отдел ис-

кусств предложил провести передачу по радио оперы Даргомыжского "Русалка" в исполнении оперных артистов, находящихся сейчас в Смоленске.

Из литературных передач большой интерес представляют отрывки из романа Льва Толстого "Воскресение", "Моцарт и Сальери" Пушкина с музыкальным сопровождением из произведений Моцарта, "Вертер" Гёте, с участием чтеца, скрипача и вокалиста, литературная композиция "Детство поэта" по Пушкину, "Алые паруса" Грина, "Песня про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова" Лермонтова.

Кроме того, в апреле будут проведены передачи в исполнении драматических артистов отрывков из лучших произведений русской драматургии: "Горе от ума" Грибоедова (сцены из третьего и четвертого актов), "Доходное место" Островского (второй акт), радиоспектакль "Цыганы" Пушкина с музыкальным сопровождением из произведений Бетховена, Чайковского, Рахманинова.

Чтобы как можно более разнообразить в жанровом отношении передачи, каждую субботу будет передаваться веселый концерт, составленный из пародий, шуток, песенок легкого жанра.

К выступлениям у микрофона должны быть привлечены самые разнообразные артистические силы. Если сейчас в передачах достаточно представлены драматические актеры, певцы, оркестр народных инструментов, то до сих пор совершенно отсутствовали скрипки, виолончель и т. д. Находящиеся в Смоленске в немецких частях известный германский скрипач и пианист будут участвовать в русских передачах.

Смоленский радиоузел может стать в дальнейшем организующим центром будущих художественных предприятий города.

Дело ближайшего времени — непременно создать русский народный хор. Для детских же передач желательна организация детской самостоятельной группы, принявшей бы участие в передачах для детей. Все желающие должны прийти в радиокомитет и свое умение, талант отдать важнейшему делу культурного обслуживания населения.

Желательно было бы расширить передачу последних известий сообщениями о жизни города и района. Сейчас в Смоленске 845 радиоточек. Это значит, что несколько тысяч людей ежедневно подходят к репродукторам, и чем полнее и разнообразнее будут радиопередачи, тем большее значение будет приобретать работа смоленского радиоузла.

Радиопередачи на русском языке, составленные из классических произведений литературы и музыки, — дело большой культурной и политической важности и представляет собой знаменательное событие для русской общественности. Поэтому нужно неустанно бороться за то, чтобы поднять качество передач на большой художественный уровень.

Олег Михайлов».

Как мы видим, репертуар радиопрограмм достаточно разнообразный. Здесь присутствуют русская и немецкая классика, советский писатель-романтик Александр Грин и даже произведение о людях, которые на оккупированной территории массово уничтожались, — «Цыганы» Пушкина.

Подобные публикации в прессе должны были привлекать к прослушиванию радиопередач как можно большее количество людей. Нужно учитывать, что значительную часть эфирного времени занимали пропагандистские программы пронацистского содержания.

В конце сентября 1941 года по инициативе немецкого отдела пропаганды была организована труппа «Гаро» (по фамилии руководителя Георгия Гаро, до войны актера одного из московских театров). Ее артисты выступали в немецких воинских частях и обслуживали ряд районов Смоленской области. Факт гибели пяти русских артистов из этой труппы в июле 1943 года в Краснинском районе во время перестрелки с партизанами был использован немцами в качестве предлога для крупномасштабной пропагандистской антисоветской кампании. Торжественно прошли не только похороны, но и траурный концерт. Он транслировался по радио.

Концерт открылся выступлением начальника города Меньшагина. Бургомистр заявил, что «убийство

мирных людей, творческих работников является диким зверством, а виноваты в нем — большевики. Только они могут нападать на беззащитных людей». После выступления Меньшагина каждый из принимавших участие в концерте артистов исполнял какое-либо любимое произведение одного из погибших, а потом в краткой речи рассказывал о его жизни. Сергей Широков прочитал свои новые стихи.

Из газеты «Новый путь»:
«Памяти друзей

Колыхались высокие травы,
Отшумели листвой тополя.
Приняла горечь новой отравы
Терпеливая наша земля.
Тихо таяли волны заката,
Май кадил ароматом ветвей...
В этот день кто-то бросил гранату
В беззащитных и мирных людей.
И тогда автоматы бандитов
Полыхнули из леса огнем,
И предсмертные стоны убитых
Захлебнулись свинцовым дождем.
Захлестали горячие плети,
Задрожали пугливо кусты,
Зашептался взволнованный ветер
Меж зеленой весенней листвы.
По телам неповинно-убитых
Растекался кровавый узор.
Пятерых расстреляли бандиты,
Пятерых расстреляли в упор.
Колыхались высокие травы,
И шумели листвой тополя.
Приняла горечь новой отравы
Терпеливая наша земля.

Сергей Широков».

Закончился траурный концерт гневным выступлением Либеровской, которая, проклиная партизан и называя их шайкой озверевших бандитов, призвала смолян «сплотиться в борьбе с общим врагом — большевизмом»[70].

Особое внимание уделялось распространению немецкой культуры. Правда, хотя в средствах массовой информации неоднократно говорилось о «приобщении русского народа к классической германской музыке», на практике это часто сводилось к исполнению солдатских песенок и военных маршей.

Но все-таки абсолютное большинство времени занимали различные пропагандистские передачи. Это видно из типичной программы орловского радиоузла с 19 по 25 июля 1942 года:

Воскресенье, 19 июля.

13.00 — Политинформация.

13.30 — Сказка для детей.

15.00 — Лекция по древней литературе, лекция 4. Лектор Д. И. Весновский.

18.00 — Передача из Орловского городского театра — «Поздняя любовь» Островского.

Понедельник, 20 июля.

13.00 — Политинформация.

17.00 — Концерт, цыганские романсы, колоратурное сопрано, солист-гармонист.

19.00 — Политинформация.

19.15 — Инсценировка рассказа А. П. Чехова «Хирургия».

Вторник, 21 июля.

13.00 — Политинформация.

19.00 — Политинформация.

19.15 — Политобозрение.

Среда, 22 июля.

13.00 — Политинформация.

17.00 — Концерт, меццо-сопрано, бас, балалайка.

19.00 — Политинформация.

19.15 — Литературная передача. «Театр у микрофона». «Волк». Радиопьеса из современной жизни.

Четверг, 23 июля.

13.00 — Политинформация.

19.00 — Политинформация.

19.15 — Рассказы Чехова и музыка. Граммофонная запись немецких композиторов.

Пятница, 24 июля.

13.00 — Политинформация.

19.00 — Политинформация.

19.15 — Политобозрение.
Суббота, 25 июля.
13.00 — Политинформация.
17.00 — Концерт: тенор, скрипка, виолончель, рояль, песенки. В промежутках трансляции передачи имперских радиостанций[71].

После изгнания за пределы России нацисты из Прибалтики при помощи разветвленной сети радиостанций, вещающих на территорию, освобожденную Красной армией, также организовывали регулярные передачи.

Сотрудники министерства пропаганды Третьего рейха и их руководитель Геббельс отлично осознавали ту роль, которую могут играть в идеологической обработке населения различные произведения культуры и искусства. К российской же интеллигенции отношение со стороны гитлеровцев было самое циничное и прагматичное. За редким исключением, нацисты считали ее сохранение в России временным явлением — до конца войны Германии против Советского Союза. Те представители российской интеллигенции, которые были привлечены нацистами для работы в школах, учреждениях культуры, административных структурах, не представляли самостоятельной политической силы. Под жестким контролем нацистских оккупационных властей они выполняли поставленные захватчиками задачи.

Глава пятнадцатая

«ГОСПОДИ, НИСПОШЛИ АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ СИЛУ!»

Православная церковь на оккупированной территории. — Коллаборационизм или духовное возрождение? — Миссионерство. — Подвиги и предательство

Своего негативного отношения к Церкви и ее служителям большевики никогда не скрывали. На протяжении 1920—1930-х годов шел процесс тотальной

атеизации населения. Хотя Конституция СССР 1936 года гарантировала свободу совести, в повседневной жизни это практически никогда не соблюдалось. Борьба с «религиозными пережитками» проводилась самыми жесткими и безнравственными способами. В стране осуществлялась планомерная политика физического и морального уничтожения как религиозных памятников, так и религиозного духа.

Большинство российских городов и сел оказались в числе пострадавших от такой политики. Немногочисленные действующие храмы душились непосильными налогами. Советское и партийное начальство во всеуслышание неоднократно заявляло, что водка и драки — это несоизмеримо меньшее зло, чем религия.

Перед войной в Пскове не осталось ни одного действующего храма. Последнее прибежище верующих, маленькую кладбищенскую Дмитриевскую церковь, располагавшуюся за городом, закрыли в апреле 1941 года и передали под склад[1].

К 1941 году подавляющее большинство священников Русской православной церкви были репрессированы. Их начали арестовывать еще в 1920-е годы. Советская власть видела в них своих потенциальных противников. Немногие оставшиеся на свободе были вынуждены работать конюхами, счетоводами, сторожами. Но даже смена деятельности бывших духовных лиц не являлась для НКВД препятствием для репрессий против них.

Закрытие храмов часто сопровождалось действиями, которые должны были преднамеренно оскорбить и унизить чувства верующих. Церкви приспосабливались для складов, конюшен и хлевов, иконы и другие предметы культа сжигались.

Нередко бывало так, что под одной крышей одновременно проходили религиозные службы и занятия Союза воинствующих безбожников. В книге известного немецкого генерала Хайнца Гудериана «Воспоминания солдата» так описывается Смоленский кафедральный собор в первые часы оккупации города нацистами: «При входе посетителю бросался в глаза антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора... Во внутренней части помещения

стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и угнетает пролетариат. Правая половина церкви была отведена для богослужения»[2].

Русское население, в особенности проживающее в сельской местности, к 1941 году оставалось в большинстве своем религиозным. Начавшаяся война еще сильнее обострила это чувство.

Гитлеровцы рассматривали Церковь и священнослужителей как своих потенциальных союзников. Они рассчитывали на всестороннюю помощь со стороны духовенства при осуществлении своей оккупационной политики на территории СССР. Интересно, что еще в 1921 году Альфред Розенберг во время встречи с русскими монархистами обсуждал план создания кадров священников для будущей России[3].

После того как национал-социалисты пришли к власти, они потребовали, чтобы во главе православной епархии в Германии стоял немец. Таковой нашелся в лице архиепископа Серафима (Ладе). После начала Второй мировой войны он был возведен в сан митрополита. Нацисты называли его «вождем всех православных в третьей империи и во всех контролируемых ею территориях». Но Серафим не смог сыграть сколь-нибудь активной роли в церковной жизни оккупированных районов Советского Союза. Во многом это можно объяснить позицией рейхсминистра Восточных областей Розенберга. К этому времени он стал воинствующим атеистом, ненавидящим христианство. Его книга «Миф XX века» была в числе запрещенных католической церковью. Он презирал все русское и славянское до такой степени, что православие считал всего лишь «красочным этнографическим ритуалом». Поэтому, по его мнению, германская администрация должна была относиться к таким обрядам терпимо и даже поощрять их как средство, обеспечивающее повиновение покоренного славянского населения.

Что касается других руководителей Третьего рейха, то у них отношение к христианской религии было двойственное. С одной стороны, на пряжках немецких солдат было выбито: «С нами Бог», существовал инсти-

тут военных священников. Но с другой — в фашистской Германии предпринимались попытки определенной реанимации древних языческих культов. Рассуждая со своими приближенными о религии, Гитлер обычно заканчивал дискуссии следующим выводом: «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву во славу отечества? Да и магометанская вера подошла бы нам куда больше, чем христианство с его тряпичной терпимостью»[4].

В декабре 1941 года Гитлер в кругу подчиненных рассуждал о необходимости уничтожения христианства: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее.

...Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...»[5]

Отношение к православию у Гитлера и его ближайших сподвижников было еще более агрессивным. Не отрицая необходимости активного использования в пропагандистских целях открытие храмов, он возражал против единой православной церкви в России. В одной из своих застольных бесед он заявил: «Церковь — это всегда государственная объединительная идея. В наших же интересах лучше всего было бы, если бы в каждой русской деревне была своя собственная секта со своим собственным представлением о Боге. Если у них там начнут возникать всякие колдовские или сатанинские культы, как у негров или у индейцев, то это будет заслуживать всяческой поддержки. Чем больше моментов, разрывающих на части СССР, тем лучше»[6].

С позиций воинствующего антисемитизма Гитлер и национал-социалистическая идеология видели в евреях связующее звено между христианством и большевизмом. А оба эти движения, по мнению нацистов, отличаются уравнительным характером и направлены против исключительной расы и отдельных личностей. Они возбуждают в массах брожение и недовольство,

уничтожают все великое и выдающееся именем жалости и равенства. «Самый тяжелый удар прогрессу человечества нанесло христианство. Большевизм — это незаконнорожденное дитя христианства. У истоков обоих этих движений стояли евреи», — заявил Гитлер в июле 1941 года[7].

Руководство пропагандистских служб фашистской Германии признавало, что использование религиозных христианских лозунгов со стороны нацистов звучит несколько фальшиво. Так, Йозеф Геббельс писал в своем дневнике 23 июня 1941 года: «В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо это использовать. Но не слишком напирая на лозунг: "За христианство". Это было бы все-таки чересчур лицемерно...»[8] Летом 1941 года в вермахте были запрещены христианские издания для солдат. Геббельс по этому поводу заявил: «Это бесхребетное учение самым худшим образом может повлиять на наших солдат»[9].

Но, несмотря на это, при нападении на СССР фашисты активно использовали религиозную пропаганду в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики как в Германии, так и на оккупированных ими территориях. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный церковный отдел. В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и прихожан, внедрение агентуры в церковные управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей. Практически во всех странах Европы действовала разветвленная агентурная сеть этого отдела. Он также обеспечивал продвижение «своих» людей на различные должности[10].

В циркуляре Главного управления имперской безопасности от 16 августа 1941 года «О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза» перед нацистскими спецслужбами ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения (как враждебного большевизму), дробление его на отдельные течения во избежание возможной консо-

лидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях.

Более долгосрочные цели религиозной политики фашистской Германии в случае поражения Советского Союза указывались в другой директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 года: «Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что в особенности относится к старшему поколению... Поэтому крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого, обучения толковать населению свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение "избранного Богом народа" в гетто и искоренение этого народа не должно нарушаться духовенством».

Ничем не прикрытый расизм этой директивы откровенно характеризует подлинное отношение нацистов к православию, из которого они собирались выхолостить многие христианские догматы.

Большое внимание со стороны оккупационных властей уделялось использованию религиозной темы в своей идеологической и пропагандистской работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво рекомендовалось в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к Гитлеру и Третьему рейху. Активно распространялась соответствующая литература, к примеру, такая листовка-молитва: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле...»[11]

Многие русские священники-эмигранты, проживавшие в Германии, с радостью восприняли сообщение о начале войны рейха против Советского Союза. Прото-

иерей Александр Киселев (будущий духовник генерала Власова и его окружения), вспоминая 1941 год, писал: «Сколько новых страданий принесет эта война... и как встречная волна моего сознания: но ведь только этой кровью может прийти освобождение от того моря крови и мук, которые претерпевал народ наш под безбожной коммунистической властью»[12].

Стихийное массовое открытие церквей на оккупированных территориях, иногда с финансовой поддержкой со стороны военных властей, религиозный подъем среди широких слоев русского населения заставили Розенберга как министра Восточных областей пересмотреть свое отношение к православной церкви. Розенберг составил в июне 1942 года эдикт о терпимости, в котором определялась немецкая церковная политика в оккупированных областях. Из-за вмешательства Мартина Бормана этот эдикт в России так и не вышел, а Кох (Украина) и Лозе (Прибалтика) опубликовали его сокращенные версии. В опубликованных распоряжениях провозглашались религиозная свобода и право верующих организовывать религиозные объединения. Но в то же время, как и в советском законодательстве, подчеркивалось, что отдельные религиозные объединения являются автономными, чем ограничивалась административная власть епископов. Это было направлено на недопущение возрождения сильной единой Русской православной церкви[13].

В условиях подготовки к войне немецкие разведывательные и пропагандистские службы определили тот круг лиц, который, по их мнению, мог бы стать потенциальным союзником вермахта в условиях начавшихся боевых действий. К ним они, безусловно, относили верующих. В популярном немецком солдатском журнале «Сигнал» публиковались фотографии германских военных священников, совершающих обряд крещения русских женщин и детей. Капелланы, кроме совершения религиозных обрядов, раздавали населению нательные кресты и листовки с текстами православных молитв.

Немецкие пропагандистские службы объясняли солдатам вермахта, что «православие — есть религия по-

корности властям», поэтому им со священниками нужно обращаться вежливо.

Немецкие плакаты и листовки на церковную тему, выпущенные в первые дни оккупации, строились в основном на контрасте, с активным использованием фотоматериалов. На одном листе изображались красноармейцы, «выносящие по приказу Е. Ярославского церковную утварь из храма», и «германские солдаты, помогающие жителям тушить их подожженные дома». На всех уровнях населению внушалась мысль, что религия, нравственность и советская власть — понятия несовместимые. Торжества по поводу открытия новых храмов начинались следующими словами священников: «Или есть Бог, тогда должны быть уничтожены злодеи-большевики, или есть большевики, и будут уничтожены храмы»[14]. На всех мероприятиях такого рода обязательно присутствовали представители немецких пропагандистских служб.

Особенно сильное впечатление в этих условиях на русское население произвел факт открытия кафедрального собора в Псковском кремле, где до этого размещался музей безбожников. Если верить официальному сообщению немецких пропагандистских служб, солдаты германской армии во время трудного боя вынесли с риском для жизни из церкви Вознесения Богоматери в Тихвинском монастыре знаменитую икону Тихвинской Богородицы. 22 марта 1942 года эта икона при огромном стечении народа была торжественно (с вполне определенными пропагандистскими целями) передана в Пскове православной церкви. После этого основным местонахождением этой иконы стала хорошо охраняемая оружейная комната псковской военной комендатуры. Ежедневно в 9 часов икону отвозили в Троицкий собор, а в 18 часов возвращали оттуда назад[15].

О месте религии в своих оккупационных планах в своем открытом отчете «Об отношении к русскому гражданскому населению» от 26 ноября 1941 года командующий тыловой армией северных областей сообщал: «Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение. С успехом и усердием трудится население над восстановлением церквей. Церковная

утварь, припрятанная от ГПУ, вновь начинает находить свое место. Старое поколение через церковную жизнь входит в сношение со старыми привычками и обычаями, с реальностью, которая, само собой разумеется, присуща русским в религиозных вещах. Молодое поколение, выросшее при большевизме, относится к старому поколению с любопытством. Различие между старым поколением (до мировой войны) и молодым (послевоенное поколение и позже) очень резкое»[16].

Так, с первых дней своего пребывания на ленинградской земле захватчики осуществляли свой план по возрождению религиозных культов. Только на территории Новгородчины было открыто 40 новых церквей, на территории Псковщины — более 60. В самом Пскове стали действовать шесть храмов[17].

Назначаемые священники подвергались тщательной проверке, их кандидатуры согласовывались с СД. Многих из них служба безопасности вербовала[18].

На Северо-Западе России была образована так называемая «Православная миссия в освобожденных областях России». В своем первом обращении к верующим она призвала всех «возрадоваться своему освобождению». Одной из первых задач данной пропагандистской структуры стала подготовка и рекомендация тем для проповедей церковнослужителей. Наиболее частыми летом 1941 года были выступления, посвященные «надругательству большевиков над церковью, о несправедливости коммунистического режима, о том, что теперь русский народ сможет спокойно жить, работать и молиться Богу».

Органы СД, подчинив всю практическую деятельность «Православной миссии» интересам своей контрразведывательной работы, вели через Церковь активную борьбу против Советского Союза. С этой целью СД проводила широкую вербовку как среди руководства «миссии», так и среди подчиненного «миссии» духовенства. Так, К. И. Зайц перед его назначением на должность начальника «Православной миссии» был вызван в органы СД в Риге, завербован в качестве секретного агента и получил задание вести через «миссию» пропаганду и контрразведывательную работу в пользу немцев.

О своей вербовке органами СД и полученных заданиях Зайц показал: «...В беседе с начальником отдела СД последний поставил передо мной вопрос о необходимости полного контакта в работе "миссии" с СД и неуклонном выполнении "миссией" всех указаний СД по беспощадной борьбе с большевизмом».

Говоря о задачах «миссии», начальник отдела СД указал, что она обязана:

а) всяческими путями оказывать помощь немецкой армии в ее «освободительной» миссии против большевистского ига;

б) развернуть через членов «миссии» активную пропагандистскую работу, направленную против советской власти и на восхваление фашистского порядка;

в) через священнослужителей Псковской, Новгородской и Ленинградской губерний выявлять из местного населения лиц неблагонадежных и враждебно настроенных против немцев и немедленно сообщать о них в СД.

В конце беседы начальник отдела СД предложил подписать обязательство о сотрудничестве с СД, содержание которого было примерно следующим: «Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевизмом. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне мою связь с СД».

К. И. Зайц подтвердил, что предложенное ему обязательство о сотрудничестве с СД он подписал. Показания К. И. Зайца по вопросам связи «миссии» с органами «полиции безопасности» — СД и ведения контрразведывательной работы были подтверждены показаниями ряда других арестованных органами НКГБ членов «Православной миссии»[19].

С целью активизации контрразведывательной и пропагандистской деятельности «миссии» против советской власти органы СД созывали совещания духовенства, на которых обсуждались вопросы усиления антисоветской работы. В частности, об одном из таких совещаний арестованный К. И. Зайц показал: «...На этом совещании я выступил с большим докладом, в котором призывал членов "миссии" и всех священнослужителей

развернуть активную пропагандистскую деятельность против советской власти, призывать население оказывать всяческую помощь германскому командованию в проведении работ по строительству оборонительных сооружений.

Я также предложил проводить среди верующих разъяснительную работу о необходимости сдачи для нужд немецкой армии хлеба и другого продовольствия, предложил установить на местах тесное сотрудничество с СД и всячески содействовать СД в выявлении неблагонадежных для немцев лиц.

В конце моего доклада на совещании выступил представитель СД, который призвал духовенство к более тесному сотрудничеству с немецкими органами безопасности».

Бывший сотрудник германских спецслужб Д. Каров признавал: «Вообще говоря, абвер пришел к выводу, что всех лиц, прикасавшихся или участвующих в религиозно-духовной жизни населения, более целесообразно использовать в качестве источников информации, чем как штатных агентов. Там они оказывали ценные услуги, часто даже не отдавая себе отчета в этом. Как правило, некоторые стороны работы агента в контрразведке противоречили их религиозным и нравственным убеждениям, а потому их и не использовали в качестве агентов»[20].

Помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о политическом и экономическом состоянии районов, «Православная миссия», по предварительным данным, передала в руки немецких контрразведывательных органов 144 партизана и советских патриотов, проводивших активную борьбу против немцев.

Согласно показаниям секретаря управления «миссии» Н. Жунды, в июне 1942 года он впервые посетил по вызову псковскую СД, где ему сказали, что «миссия» должна проводить работу по выявлению партизан, главным образом в Псковском, Карамышевском и Середкинском районах: «На мои наивные возражения, что она не подходит для священников, сотрудник СД не обратил внимания и просил передать начальнику и другим членам “миссии”, что если священники сами не в состоянии

выполнить эту работу, то пусть порекомендуют светских лиц, с которыми СД могла бы вступить в связь»[21].

Этот разговор был обсужден в «миссии» только в конце июля и вызвал неоднозначную реакцию. В результате управление «миссии» не решилось идти на прямой конфликт с немцами, но и не стало открыто отвергать требование СД. Было решено не издавать циркуляра, а вызывать священников и благочинных лично в канцелярию «миссии» и информировать их о предложении СД. В итоге дело затянулось на месяцы и не дало почти никаких результатов.

Среди миссионеров нашелся один (псаломщик Виталий Караваев), недовольный таким решением. Он написал донос митрополиту Сергию, что управление «миссии» отказалось сообщать сведения о партизанах и «вообще подвергает критике действия экзарха». Митрополит, получив это сообщение, объявил строгий выговор руководству «миссии», а специальным циркуляром от 15 сентября 1942 года даже временно распустил ее управление.

Тем не менее прибывших по вызову в Псков в общей сложности 18 священнослужителей лишь проинформировали о задании СД и предложили действовать в отношении его выполнения «по личному усмотрению без всяких письменных обязательств».

11—14 декабря 1942 года экзарх приехал в Псков, и после его бесед с представителями СД они уже больше не требовали от «миссии» представлять сведения о появлении партизан и других неблагонадежных лиц. Митрополиту удалось убедить оккупационные власти, что более целесообразно поступление письменных отчетов священников о встречах с партизанами непосредственно к самому экзарху.

Практически в каждом городе и населенном пункте, где имелись церковные здания, население при помощи листовок и плакатов созывалось немцами «на открытие Божьего храма». Все проходило под контролем оккупантов. Под Брянском церковь, открытая местными жителями без согласования с немцами, была закрыта. Свои действия оккупанты объяснили тем, что «большевики в этом храме имели склад, а местные жители его

разграбили. Нельзя начинать святое дело, возрождение храма, с тяжкого греха воровства!»[22].

Данная политика проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она мало затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, церковный амвон был идеальным местом для проведения пропаганды и, в-третьих, это была хорошо задуманная контрпропагандистская акция, ибо в первые месяцы войны советская сторона по инерции считала Церковь своим злейшим врагом.

В сентябре 1941 года вышло распоряжение немецкого командования, по которому все материальные затраты на содержание культовых зданий ложились на плечи местного населения. Оккупанты ограничились лишь демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей, таких, как, например, икона Тихвинской Божьей Матери.

Одним из немногих православных монастырей России, никогда не прекращавших своей деятельности, является Псково-Печерский. Он находится на той территории, которая с 1920 по 1940 год входила в состав буржуазной Эстонской республики. Большинство монахов были настроены крайне антисоветски, и приход немецких войск в июле 1941 года ими был встречен с большой радостью и воодушевлением. Это объяснялось тем, что с первых дней восстановления советской власти в Печерском районе они почувствовали крайне негативное отношение к себе. Многие из них были арестованы советскими органами государственной безопасности.

Вскоре после прихода немцев настоятеля Печерского монастыря вызвали в военную полицию, где представитель абвера заявил ему, что монахи обязаны помогать Германии в борьбе против общего врага — большевизма. К врагам были отнесены коммунисты, партизаны и все недовольные «новым порядком». Сразу же немецкой разведке были предоставлены списки печерских коммунистов[23].

Настоятель монастыря имел широкую сеть осведомителей из числа наиболее активных прихожан. Во время одной из исповедей он узнал о том, что жители

нескольких близлежащих деревень, недовольные немецкими порядками, ушли в лес, где устроили себе лагерь. Монахи стали агитировать родственников партизан, чтобы они призвали своих родных «вернуться к честному труду и подчиняться справедливым немецким законам».

При Печерском монастыре со дня прихода немцев и до дня их ухода, то есть до августа 1944 года, в киоске продавались журнал «Православный христианин» и календари, издаваемые «Православной миссией», где печатались антисоветские статьи. Если эта литература «залеживалась», то ее бесплатно распространяли среди прихожан. Она также отправлялась в трудовые лагеря, где содержалось русское население, мобилизованное оккупантами для строительства оборонительных сооружений и дорог.

В Печерском монастыре издавалась и своя газета для прихожан. В ней помещались материалы чисто религиозного содержания.

Советская разведка несколько раз пыталась использовать Псково-Печерский монастырь как свое прикрытие. Но все попытки внедрить туда свою агентуру под видом монахов оканчивались провалом. Настоятель монастыря П. М. Горшков (монашеское имя Павел) регулярно информировал германское командование о всех посторонних и подозрительных лицах. По его информации немцы несколько раз устраивали засады и аресты.

22 июня 1942 года гебитскомиссар Псковского округа получил из Печерского монастыря письмо следующего содержания: «Почтительнейше имею честь Вам доложить, что 21 сего июня было совершено молебствие о даровании нашим освободителям окончательной победы над богопротивным большевизмом.

Да поможет Господь Бог победоносной Великогерманской армии и ее великому вождю Адольфу Гитлеру в окончательном уничтожении безбожного коммунизма». Оно было подписано настоятелем монастыря. Также монастырь торжественным богослужением и крестным ходом отмечал день захвата Печер германской армией[24].

Немецкие власти высоко ценили активное содействие в проведении своей политики со стороны монахов монастыря. Одна из многочисленных благодарностей была получена Печерским монастырем и от канцелярии фюрера за подарки Гитлеру ко дню его рождения.

Особое доверие оккупантов к Псково-Печерскому монастырю можно во многом объяснить особым отношением нацистов к православному духовенству прибалтийских республик, которые в 1940 году были присоединены к Советскому Союзу. В январе 1941 года экзархом Прибалтики был назначен митрополит Сергий (Воскресенский), который до этого являлся полномочным представителем Московской патриархии в этом регионе. При приближении германских войск к Риге представителями советской власти ему было рекомендовано эвакуироваться. Вместо этого он скрылся. 12 сентября 1941 года экзарх Сергий обратился к германским властям с докладной запиской, в которой доказывал оккупантам, что Московская патриархия никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и что поэтому он, Сергий, имеет моральное право призвать русский народ к восстанию[25].

Но, несмотря на все эти заявления, к рижскому митрополиту Сергию немцы все же испытывали определенное недоверие. Так, настоятель Псково-Печерского монастыря П. М. Горшков несколько раз вызывался в гестапо, в Псков, где его подробно расспрашивали о политических настроениях экзарха. Немецкие власти не скрывали от настоятеля того, что они подозревают Сергия в том, что он советский агент. Всегда, когда Сергий приезжал в Печерский монастырь, немецкая полиция посылала туда своих тайных агентов, которые следили за ним и за теми людьми, с которыми он общался.

С инициативой православного духовенства из Прибалтики и, в частности, экзарха Сергия и были во многом связаны создание и организация деятельности «Православной миссии». В начале июля 1941 года тот вступил в переговоры с германским командованием, предложив отправить миссионеров «в большевистские области России». Активное содействие он получил со стороны СД, и уже 18 августа первые посланники при-

были в Псков. Всего их было 14 человек, в основном священников. Изначально они не получали никакой поддержки ни со стороны немецкой, ни со стороны русской коллаборационистской администрации. Дело дошло до того, что вновь прибывшие священники даже не получили продовольственных карточек. Ситуация кардинально изменилась после вмешательства отдела пропаганды и СД. Последние увидели в «миссии» надежного проводника своей политики. По требованию немцев миссионеры должны были не только (и не столько) налаживать церковную жизнь, но и «объяснять и указывать населению преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни»[26].

Все миссионеры, прибывшие из Прибалтики, стали считаться членами «Православной миссии». Из их числа постепенно образовалось управление. Во главе ее стоял начальник, имевший несколько заместителей, курировавших отдельные церковные дела, и ревизора. Все решения, принятые «миссией», утверждались экзархом.

Первым начальником псковской «Православной миссии» стал протоиерей Сергий Ефимов. В октябре 1941 года его сменил протоиерей Николай Коливерский, а после его смерти в октябре 1942 года новым начальником был назначен протопресвитер Кирилл Зайц. Его помощником стал священник И. Легкий, членами управления «миссии» — протоиерей Н. Шенрок, священник Г. Бениксен, секретарем — священник Н. Жунда. Для связи с местами и наблюдения за духовенством в Псковском, Новгородском, Порховском, Гдовском, Дновском, Островском, Гатчинском, Славковичском, Солецком, Ушаковском, Карташевском округах в 1942 году был образован институт благочинных. «Миссия» стремилась взять управление в свои руки, она не только наблюдала за храмами, но и назначала новых священников.

Территория, находившаяся в ведении «миссии», включала в себя все районы Ленинградской области, оккупированные немцами (за исключением Ямбургского и Волосовского — они находились под церковной юрисдикцией эстонской Нарвы), а также северную часть Калининской области. На этой территории проживало в 1941 году свыше двух миллионов человек[27].

В условиях войны и, как следствия этого страшного события, обострения религиозных чувств населения церковь пользовалась огромным влиянием. В январе 1942 года в крещенском крестном ходе участвовало 40 процентов (10 из 25 тысяч) оставшегося в Пскове населения[28].

Для верующих создание «Православной миссии» объяснялось не только необходимостью быстрого возрождения в «освобожденных областях» церковной жизни, но и тем, что эти области не имели епископа. Управление «миссией» официально учреждалось «до восстановления непосредственной связи с Патриаршьей церковью». В 1941 году было объявлено, что «высшая церковная власть в Российской Православной Церкви принадлежит Местоблюстителю Патриаршего Престола Блаженнейшему Сергию и состоящему при нем архиерейскому собранию. Но Экзархат, — говорилось далее, — в связи с ходом военных событий оказался по эту сторону фронта и поэтому управляется самостоятельно»[29].

До 1943 года, до нормализации отношений между советской властью и Русской православной церковью, при богослужениях на оккупированной территории возносилось не только имя экзарха, но и Местоблюстителя Патриаршего престола. Потом упоминание патриарха Московского Сергия было запрещено немцами, но в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне многие священники отказывались этот приказ выполнять.

К концу немецкой оккупации число священников на территории Северо-Запада России возросло до 175, а количество приходов — до 200. Так как большая часть оккупированных районов принадлежала Ленинградской епархии, священники должны были возносить во время богослужения имя митрополита Ленинградского Алексия, находящегося по другую сторону фронта. Но когда с советских самолетов начали разбрасывать подписанные Алексием антифашистские листовки, оккупационные власти запретили любое положительное упоминание его имени в храмах[30].

Из газеты «Новый путь»:

«Блаженнейший Сергий, митрополит Московский и Коломенский, согласно сообщению лондонского радио, выступая с докладом о положении святой православной церкви в России, между прочим, якобы сказал, что немцы в освобожденных Восточных областях притесняют православную церковь, уничтожают ее святыни и мучают православный народ. Московский митрополит якобы заключает, что победа большевистского оружия несет спасение православию и вообще христианству всего мира. Большевистские агенты избрали орудием своей лжи Московского митрополита. Мы уверены, что они принудили его так говорить под страхом смерти, а, может быть, попросту лишь использовали его имя.

Митрополит православных церквей Прибалтики и Белоруссии Сергий в своем объяснении против слов Московского митрополита говорит, что Московский митрополит должен знать, как он неправильно представляет в своих публичных заявлениях поведение германцев по отношению к православной церкви. Не говоря уже о том, что подобное выступление Первоиерарха русской церкви произвело очень нехорошее впечатление на пастырей и верующих. Мы в целях установления истины утверждаем перед всем светом то, что нам известно и что мы пережили сами, а именно: во время своего владычества большевики беспрерывно жестоко преследовали нашу церковь. Большевики всеми способами душили всякое проявление религиозного чувства в человеке, самым беспощадным образом преследуя людей, религиозно настроенных. В насмешку над религиозным чувством почти все храмы, в которых совершалось богослужение, были обращены в клубы и разного рода склады. Создавались инсценировки закрытия храмов самими верующими.

Священнослужителям предъявлялись обвинения в контрреволюции и в зависимости от одаренности и талантливости этих лиц их или физически уничтожали, или ссылали.

Когда началась война, большевики не отрешились от своей ненависти к религии. На пути отступления

советских армий остались развалины церквей. Большевистские агенты, большей частью евреи, нападали на маленькие города исключительно с целью поджечь церкви. На это имеются неопровержимые доказательства, которые в случае надобности могут быть представлены. Собор Святой Софии в Новгороде, одна из древнейших достопримечательнейших святынь России, был обстрелян советской артиллерией с целью его разрушения.

Благодаря доблести и жертвам, которых никогда не забудет русский народ, германская армия навсегда освободила нас от преступного владычества большевиков».

<Без автора>

В августе 1942 года священники оккупированных районов Северо-Запада РСФСР получили секретный циркуляр от «Православной миссии», подписанный протоиереем Кириллом Зайцем. В нем давались следующие задания:

1) выявлять партизан и лиц, связанных с ними;

2) среди прихожан выявлять всех тех, кто настроен против немцев и высказывает недовольство немецкими порядками;

3) выявлять всех служителей культа, которые отправляют службы, не имея соответствующего образования, то есть священников-самозванцев;

4) выявлять в своем приходе всех лиц, кто ранее был репрессирован советской властью.

Здесь же указывалось, что все эти сведения должны ежемесячно пересылаться в Псков, в «Православную миссию». В этом же циркуляре были и задания по церковным делам, в том числе по сборам прихожан на бедных детей, ремонт храмов и т. д. 10 процентов от всех сборов должны были посылаться на содержание миссии и экзархата.

В других циркулярах, рассылаемых миссией за подписями ее руководителей Зайца, Жунды и Шенрока, священникам разъяснялся порядок богослужения, предписывалось представлять сведения о количестве молящихся, мужчин, женщин и детей, о количестве крещеных и умерших.

Немецкие власти стремились максимально использовать работу «миссии» для своих целей. Ее руководство регулярно получало распоряжения от нацистов о содействии оккупационным властям. Они принимались к исполнению. Представители различных германских служб — военных, экономических, разведывательных — рассчитывали на то, что через «Православную миссию» они смогут получать значительное количество информации.

Интересы немцев находились в различных областях, часто весьма далеких от религиозных проблем. Служащие тыловых подразделений вермахта хотели знать подробные сведения и о собранной сельскохозяйственной продукции, и о перспективах увеличения поставок продовольствия для нужд германской армии. В инструкции по работе с русскими священниками, которая была подготовлена в районе действия группы армий «Север» летом 1942 года, говорилось о том, что русские крестьяне могут лгать соседу, старосте. Они с недоверием относятся к немцам, как к пришельцам, но они никогда не рискнут обманывать своего местного священника.

Абвер постоянно рассчитывал на помощь «Православной миссии» при подготовке агентуры для работы как на оккупированной территории, так и для заброски в советский тыл.

В 1943 году «Православная миссия» получила задание от германского командования всячески популяризировать власовское движение. В циркуляре № 714 от 9 июня 1943 года управление «миссии» предписывало всем благочинным представить сведения следующего характера: «Охарактеризовать популярность власовского движения, отношение к нему местного населения; сделать сопоставление отношения населения к власовскому движению и к партизанам; указать, на чьей стороне находятся симпатии населения, какое из них пользуется большим доверием и сочувствием»[31].

Финансовые ресурсы «миссии» пополнялись из двух основных источников: прибылей, поступавших из хозяйственного отдела, и от десятипроцентных отчислений приходов.

Хозяйственный отдел «миссии» включал в себя свечной завод, магазин церковных принадлежностей и иконописную мастерскую. В последней работало свыше двадцати человек: мастера-живописцы, золотошвейки, резчики по дереву и столяры. В мастерской создавались не только новые предметы культа, но и реставрировались старые, в том числе переданные из новгородских и псковских музеев.

Все подразделения хозяйственного отдела приносили среднемесячную чистую прибыль до четырех тысяч рейхсмарок. Они шли на выплату жалованья сотрудникам, ремонт помещений и канцелярские расходы. Немалое количество средств тратилось и на содержание двухгодичных богословских курсов в Вильнюсе. Там готовились священники для всех оккупированных областей СССР. Все воспитанники курсов проживали, питались и обучались бесплатно[32].

Широкий масштаб приобрела и издательская деятельность «миссии». Об этом свидетельствует тираж выпущенных изданий. Так, в 1942 году были изданы 100 тысяч экземпляров молитвенников и два номера журнала «Православный христианин», каждый тиражом в 30 тысяч экземпляров. В 1943 году вышли в свет 30 тысяч экземпляров Православного календаря и 14 номеров «Православного христианина», с тиражом каждого номера в 20 тысяч экземпляров.

Даже благие дела «Православной миссии» носили определенный идеологический уклон. Так, в Пскове, при церкви Дмитрия Солунского, в 1942 году стал действовать приют для сирот на 15 человек. В него принимались дети от восьми до пятнадцати лет. Для этой цели был отремонтирован дом, принадлежавший Дмитриевской церкви. Через прихожан собиралась вся необходимая обстановка: кровати, мебель, постельное белье, столовая и кухонная посуда. Продукты частично приобретались на средства, пожертвованные прихожанами, частично приютские дети сами выращивали для себя овощи. Предполагалось, что приютские дети будут воспитываться как христианские миссионеры для религиозно-нравственной работы среди своих сверстников. Псковский священник Георгий Бениксен по предложению псковского

отдела пропаганды с сентября 1942 года стал заведовать отделом детских передач псковского радиоузла. В этих передачах принимали участие не только священники, но и воспитанники церковной школы. Что касается взрослых, то для них еженедельно выходил специальный «Религиозный час». По средам шли серии передач «Ученые и религия» и «Святые русской земли».

1 октября 1942 года при церкви Дмитрия Солунского открылись церковный детский сад и церковная школа. В сад принимались дети дошкольного возраста, в школу — дети, имевшие начальное образование.

В Псковской художественной школе обучались 60 юношей и девушек в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет. Закон Божий являлся одним из основных предметов. Это можно объяснить тем, что учащихся готовили в основном для церковных мастерских.

Тесные связи наладились между профашистски настроенным русским духовенством и непосредственно самим генералом А. А. Власовым. Последний в мае 1943 года посетил Псково-Печерский монастырь. В своем выступлении перед монахами он заявил о том, что идет воевать за свободную Россию без большевиков, и попросил настоятеля благословить его. Настоятель не только благословил его «на крестовый поход против жидо-большевизма», но и, земно поклонившись, подарил ему икону. После этого монастырь несколько раз посещали представители РОА. Перед власовцами, выстроенными возле Успенского собора, выступал настоятель. Он благословлял их «на бой с большевиками до победы»[33].

При отступлении немецких войск из Печерского района офицер немецкой разведки Шифер пришел в монастырь и дал задание монахам всячески помогать Германии в условиях «временного отступления ее армии». Он попросил собирать сведения о передвижениях частей Красной армии, о настроениях красноармейцев. Также им предлагалось проводить активную пропаганду совершенства немецкой техники и гуманизма нацистского оккупационного режима. Тогда же настоятель по собственной инициативе упаковал все ценности, находившиеся в монастыре, на сумму пять

миллионов рублей золотом, в четыре больших ящика и сдал их немецким властям на хранение.

Что касается деятельности рядовых приходов на Северо-Западе России, то оккупанты предполагали, что все они будут неукоснительно соблюдать распоряжения «миссии». Согласно специальному циркуляру № 5 от 10 февраля 1942 года, структура церковных учреждений сводилась к следующей схеме:

1. Глава Русской православной церкви на «освобожденных» территориях России — патриарший экзарх митрополит Сергий Воскресенский.
2. Управление «Православной миссией» в Пскове.
3. Благочиния.
4. Приходы во главе с настоятелями[34].

Руководителем всей духовной и хозяйственной жизни прихода и лицом, ответственным за приходскую жизнь, являлся настоятель прихода.

Эта форма церковной организации была весьма удобной для оккупационных властей. Она исключала возможность конфликтов между настоятелем и приходом, обеспечивала в приходской жизни единство церковно-политической работы, упрощала надзор за настроениями прихода со стороны гражданских властей, позволяла в случае надобности свернуть приходскую деятельность или быстро развернуть ее в желаемом направлении.

Назначение всех священников производилось «миссией» после их тщательной проверки и главным образом из числа лиц, враждебно настроенных к советской власти и репрессированных за контрреволюционную деятельность. Допрошенный 25 февраля 1944 года по этому вопросу советскими органами государственной безопасности священник Заблоцкий показал, что духовенство брали в основном из приезжих. Это были священники, бежавшие из ссылки. Они подавали заявления, и им разрешалось благочинным района совершать службу с последующим их оформлением в управлении «Православной миссии».

По поводу необходимости тщательного отбора назначаемых настоятелей приходов и проверки всех претендентов в священнослужители «миссия» издала

целый ряд циркуляров. Так, циркуляр управления «миссии» за № 67 от 6 февраля 1943 года предписывал: «Согласно распоряжению высокопреосвященнейшего экзарха митрополита Сергия к проверке прав и прошлого местных священнослужителей (особенно прибывших из других областей) или оставивших служение при советской власти надлежит относиться с чрезвычайным вниманием. Ни в коем случае не оказывать им преждевременного доверия и отнюдь не торопиться с выдачей им разрешения на священнослужение».

Циркуляр № 694 гласил: «Настоящим доводится до вашего сведения, что экзархом Сергием дано категорическое распоряжение о недопущении служения в храмах, вверенных вам для обслуживания приходов, посторонних священнослужителей, не имеющих на то специального письменного распоряжения, выданного управлением Православной миссии».

В своем интервью газете «Северное слово» благочинный Гатчинского округа Амозов заявил: «По распоряжению экзарха митрополита Сергия в монастыри принимаются монахи, которые при большевиках находились в гонении».

Подобную политику можно объяснить опасениями, что среди служителей церкви могли оказаться не только советские агенты, но и авантюристы, которые в условиях стихийного открытия церквей выдавали себя за священников. Коллаборационистские газеты регулярно публиковали материалы о разоблачении лжесвященников. Последние, даже не зная молитв, безбедно жили за счет местного населения несколько недель, а то и месяцев.

Из газеты «Новый путь»:

«"Лжесвященник"

В деревне Мошевой Починковского района с давних времен была церковь. При большевиках ее, конечно, закрыли и превратили в склад. Когда деревню заняли немцы и наступили другие времена, верующие начали восстанавливать церковь. Было потрачено много труда и времени, чтобы из склада сделать опять церковь. Но всё было устроено, нужен был только священник для богослужения.

И вдруг счастье само пришло. В соседнюю деревню зашел один пожилой человек, назвавший себя бывшим священником, которого большевики 15 лет держали в лагерях.

Крестьяне отнеслись к священнику очень внимательно, радушно, приютили его и предложили ему остаться служить в церкви. Он согласился, принимал некоторое участие в устройстве церкви, а главным образом отдыхал. Но верующие начали обращаться к нему с просьбами окрестить детей. И священник начал совершать таинство крещения, только старался делать это уединенно.

Как ни мало подготовлены крестьяне в богословских вопросах, но и они стали замечать, что священник не так служит, как надо. Тут подоспело 19 декабря (Никола), когда было назначено освящение церкви и первая служба. И вдруг священник сообщает, что он заболел и не может служить. Когда к нему отправились на квартиру и начали говорить с ним, то он сознался, что он не священник и никогда им не был. Публично разоблаченный священник, "яко тать в нощи", позорно ночью бежал из села, захватив хозяйский армяк.

Конечно, для церкви найдется настоящий священник. Но пока обманутые граждане и их дети оказались в нелепом положении. Они сидят и думают: крещены они или надо еще раз креститься?

Об этом жулике можно бы было и не говорить. Здесь необходимо только отметить, как некоторые авантюристы пользуются доверчивостью деревни. Поэтому пускай деревни и села осторожнее приглашают к себе таких "священников".

Н. Никитин».

Некоторые из лжесвященников сумели сытно просуществовать весь период оккупации. Так, благочинный Гатчинского округа Иван Васильевич Амозов, бывший чекист и коммунист, смог сделать духовную карьеру при помощи своей справки об освобождении из заключения. Однако на Колыме в 1936 году он оказался не как «гонимый за веру», а отбывал срок за взяточничество, пьянство и двоеженство.

На деревенского священника оккупанты и коллаборационисты возлагали широкий круг задач. Многие из них никакого отношения к церкви и религии не имели.

По предложениям (фактически, по приказам. — *Б.К.*) нацистов утверждались темы проповедей. Так, в июне 1942 года вышло распоряжение «миссии», в котором говорилось: «...В ночь с 21 на 22 сего месяца исполняется год той освободительной борьбы, которую ведет победоносная германская армия с большевизмом во имя спасения человечества от сатанинской власти поработителей и насильников.

Христианский долг требует от нас искреннего сознания всей важности необходимости продолжающейся освободительной борьбы, а также соответствующего серьезного отношения и к великой дате современной истории, ознаменовавшей собой начало этой борьбы.

В связи с этим предписываем всему духовенству 21 сего июня после Божественной литургии и произнесения соответствующего слова совершить молебствование о даровании Господом сил и крепости Германской армии и ее вождю Адольфу Гитлеру для окончательной победы над проклятым жидо-большевизмом».

Некоторые священнослужители сами проявляли инициативу. Примером антисоветских проповедей могут служить выступления с амвона Казанского собора в Луге Заблоцкого в 1941—1943 годах. В них он регулярно провозглашал: «Благоденственное мирное житие, здравие, во всем благое поспешение на враге, победу и одоление подай, Господи, вождю народа германского Адольфу Гитлеру, освободившему нас от тирании нечестивых людей. Всем начальникам армии германской и сохрани их на многие лета!»[35]

Не ограничиваясь одними проповедями, «миссия» предлагала настоятелям приходов проводить беседы в свободное время по заранее разработанной программе. С этой целью в сентябре 1942 года благочинным была разослана за № 471 такая инструкция: «Согласно распоряжению владыки митрополита предписывается организовывать в благочинческих округах религиозные собеседования, особенно с молодежью и педагогами, чтобы привести ко Христу людей, которые в советских

условиях ничего, кроме лжи о религии, не слышали. Им надо дать радость и свет истинной веры. Предметами собеседования должны быть: а) выяснение слабостей и несостоятельности материализма; б) гибельность для человечества материалистического учения; в) разъяснение тех оснований, на которые указывают большевики; г) выяснение несостоятельности их, ссылки на науку и научные открытия для опровержения религиозных основ жизни; д) согласованность науки с Библией в вопросе о происхождении жизни, мира».

Летом 1942 года на оккупированной территории Северо-Запада России в массовом порядке гитлеровцами и их пособниками проводились различные торжества по поводу «годовщины освобождения от ига большевизма». Так, в Волотовском районе священник Михаил Никитин, выступая перед прихожанами с проповедью, восхвалял немецкую армию, а в конце провозгласил: «Вождю германского народа — освободителю Адольфу Гитлеру — многие лета!»[36]

Его поддержал начальник района Мановский: «Граждане! Благодаря немецкому командованию вы находитесь в церкви. Большевики к церкви относились варварски, разрушали ее, а немецкие власти во всех освобожденных районах открыли церкви. Мы должны идти с германским народом рука в руку».

Никитин ранее имел лишь сан диакона, но благодаря близости к начальнику района Мановскому и немецкой комендатуре, а также к главе «Православной миссии» в Пскове протоиерею Кириллу Зайцу он был направлен в Ригу. Там Сергий (Рижский) рукоположил его в священники[37].

В церкви города Сольцы после религиозных служб регулярно выступал немецкий пропагандист «профессор» Андриевский. В одной из своих речей перед верующими он заявил: «Будет трижды проклят тот, кто ждет прихода красных!»

Однако далеко не все верующие были готовы слушать антисоветские проповеди с церковного амвона. Так, священник-самозванец Амозов, активный пособник гитлеровцев, однажды в приходе Камно получил удар в голову кирпичом за то, что сообщил в СД о не-

благонадежности волостного старшины и церковного старосты. Рассматривая этот случай, руководство псковской «Православной миссии» было вынуждено признать: «Крестьяне, очевидно, ценили этих сельских работников, не изменивших большевизму, о чем они, конечно, знали»[38].

Германское командование пыталось использовать русских священников в оккупированных районах для сбора сведений разведывательного характера, а также информации о настроениях населения. В циркуляре «миссии» от 4 марта 1942 года прямо указывалось: «Предписуется всем согласно распоряжений соответствующих учреждений германской власти возможно часто, не реже чем раз в месяц, доставлять в управление миссии подробный отчет о положении в ваших приходах: о настроениях населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о школьном деле, о нашей деятельности приходско-духовной, просветительской и благотворительной»[39].

В циркуляре № 471 от 2 сентября 1942 года начальника «миссии» Зайца благочинным после проведения бесед с населением предлагалось «о собеседованиях, характере их и о задаваемых слушателями вопросах и об отношении к собеседованиям и религии вообще давать сведения ежемесячные, а в особых случаях доносить немедленно».

Но «духовно-нравственное возрождение на освобожденной от ига жидо-большевизма территории России» меньше всего интересовало оккупантов. С середины 1942 года немецкие тыловые службы рассчитывали на помощь «Православной миссии» при определении количества налогов, которые должно было выплатить русское население. По требованию германского командования 10 августа 1942 года «миссия» издала циркуляр № 383, согласно которому священники на местах должны были в кратчайший срок и с соблюдением строжайшей конспирации собирать сведения о наличии зерна и овощей у населения. Суть данного распоряжения маскировалась следующим образом: «Трудное материальное положение как городского населения, так и беженцев обязывает православную церковь исполнить свой

христианский долг и всеми силами помочь германским учреждениям разрешить очень трудный вопрос обеспечения городского населения и беженцев продуктами питания на наступающую зиму.

Управление "Православной миссии" настоящим просит вас также исполнить свой христианский долг перед исстрадавшимся населением и дать объективные и правдивые сведения о нижеследующем: 1) каков в этом году урожай хлеба с одного гектара — плохой, средний или выше среднего, а также какое количество хлеба можно снять с 1 га при плохом урожае, среднем и выше среднего. Эти сведения нужно дать отдельно об урожае яровом и озимом; 2) сколько зерна надо оставить на семена для 1 гектара; 3) сколько хлеба надо оставить для прокормления одного человека на месяц; 4) сколько хлеба надо бы оставить с 1 га для продажи на свободном рынке; 5) сколько хлеба с 1 га можно сдать хозяйственным учреждениям по официальной цене.

Точно такие же сведения надо дать на все указанные 5 пунктов по картофелю и овощам (таким как капуста, огурцы, морковь, брюква, свекла).

Все эти сведения должны быть подробны и правдивы, чтобы было обеспечено городское население и беженцы и при этом оставались довольны крестьяне.

Все указанные сведения просим вас сообщить лично, никому не объясняя, для кого и для какой цели они собираются, и передать их нам в кратчайший срок через подателя сего письма»[40].

Благочинные округов, получив такие указания, передавали их настоятелям приходов и требовали их неуклонного исполнения.

Как уже указывалось, пронацистская пропаганда активно велась через издаваемые на русском языке газеты и журналы. В частности, большую роль в этом играл журнал «Православный христианин», начавший выходить в июне 1942 года. На первой странице первого номера этого журнала была помещена редакционная статья под заголовком «С нами Бог». В этой статье можно было прочесть: «Год минуло с того момента, как над мечтавшим о мировом владычестве в течение 24 страшных лет, тяготевшим над измученным русским народом

большевизмом был занесен грозный и карающий меч Божьего правосудия. Мы все были очевидцами и свидетелями тому, как под первыми же ударами германского меча потряслась и распалась годами копившаяся, созидавшаяся за счет народных денег, народного пота и крови, загнанная в сталь и железо военная сила.

Освобожденная страна смогла быстро отряхнуться от кошмарного 24-летнего сна, встать на ноги и вступить в новую жизнь. При помощи освободителей она успешно стала залечивать нанесенные большевиками тяжелые раны»[41].

Все номера этого журнала предварительно проходили цензуру со стороны немецких пропагандистских служб. И если в них было «слишком много православия и слишком мало антибольшевистских материалов», их выпуск не разрешался.

На словах «новая русская администрация», безусловно, поддерживала церковь. Но на практике дело иногда доходило до абсурда. Так, в Пушкинском районе Ленинградской области родители были обязаны отправлять своих детей по воскресеньям в церковь. В случае неявки их туда по неуважительной причине начальник района Селезнев брал с родителей значительный денежный штраф.

Дновское городское управление, идя навстречу желаниям приходского совета, помогло последнему насильственно изъять из близлежащих деревенских церквей недостающие облачения и церковную утварь[42].

«Православная миссия» по последнему факту выпустила специальное постановление, в котором говорилось о том, что «при новом порядке роль городского управления в отношении церкви не должна идти дальше материальной помощи. В остальном же церковный приход руководится настоятелем церкви, утвержденным "Православной миссией", совместно с церковным советом. В церковном совете должны быть люди не только истинно преданные религии и церкви, но и знающие свое право и умеющие его защитить, так как в переживаемый момент еще находятся вольнодумцы, воспитанные большевиками, видящие в церкви "народное" достояние».

«Миссия» стремилась контролировать церковную жизнь на всей оккупированной территории Северо-Запада России. Она действовала в тесном контакте с различными службами вермахта и коллаборационистской «новой русской администрацией».

Но в глубинке, удаленной от крупных немецких гарнизонов, отнюдь не все священники выполняли распоряжения германского командования и «Православной миссии». В их деятельности не было ни малейшего проявления духовного коллаборационизма. Так, священник села Рождествено Пушкинского района Ленинградской области Георгий Свиридов активно помогал советским военнопленным.

Высланный, как и все русские мужчины, из Пушкина, он оказался в деревне. Там староста, узнав, что он до 1930 года являлся священнослужителем (11 последующих лет Свиридов работал счетоводом), предложил ему служить в местной церкви. В октябре 1941 года на общем собрании жителей села он был избран священником[43].

Инструкции и наставления по службе от немцев и оккупационных властей он практически не выполнял. Как священник, он по всем праздничным дням совершал богослужения, проводил крещение и погребение, а в будни четыре раза в неделю преподавал в школе Закон Божий. После уборки урожая 1942 года он организовывал сбор вещей и продуктов в помощь военнопленным и другим советским гражданам, находящимся в концлагере села Рождествено.

Игнорирование немецких распоряжений во многом было возможно из-за позиции волостного старосты, который, как выяснилось потом, был связан с партизанами.

Калининские партизаны так оценивали религиозную ситуацию, сложившуюся к осени 1942 года: «Большинство священников на оккупированной территории относится к немецким властям несочувственно, богослужения проводят согласно своим священным книгам, в большинстве случаев не касаясь политической стороны, молятся вообще как русские люди. Проповедей, как правило, не произносят. Они не восхваляют ни немцев, не ругают и советскую власть.

И только один поп в д. Лобок Невельского района в проповедях восхваляет немецких захватчиков, большинство населения к этому немецкому холопу относится с презрением. Эту церковь посещают единицы. Священники церквей деревни Неведро Невельского района, деревни Жуково Невельского района настроены к нам исключительно доброжелательно. Деньги, которые они собирают от богослужений с населения, вносят в партизанские отряды. Священник Жуковской церкви Шемелев И. Я. в беседе с молодежью заявил: "Если вас будут брать немцы на работу или армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите"»[44].

После изгнания оккупантов за пределы России в марте 1944 года в Литве была учреждена так называемая «Внутренняя православная миссия» с центром в городе Шяуляй. Она продолжила деятельность, аналогичную той, которую проводила псковская «Православная миссия». Объектом ее работы стало русское население, насильственно вывезенное немцами при их отступлении на территорию Прибалтики.

В районе действий группы немецких армий «Центр» религиозные вопросы официально относились к ведению коллаборационистской администрации, в первую очередь городских управ. Естественно, они работали в тесном сотрудничестве с немецкими пропагандистскими службами.

Сразу после оккупации Смоленска в июле 1941 года нацистами был открыт здесь кафедральный собор. Немецкое командование собиралось использовать его в качестве своего рода религиозно-идеологического центра.

В городе, где до войны было почти 170 тысяч жителей, была всего лишь одна действующая православная церковь. В 1942 году, когда в городе оставалось менее тридцати тысяч человек, функционировали уже пять церквей и пасторские курсы, которые за первые семь месяцев своего существования выпустили 40 священников[45].

Подбором священников для храмов Смоленска занимался непосредственно сам бургомистр — Б. Г. Меньшагин. Именно он рекомендовал германскому командованию подходящие кандидатуры[46].

Немецкие власти не скрывали того, что они стремятся превратить церкви в трибуны немецкой пропаганды, а духовенство — в ее проводников. Подбор служителей культа проводился за счет тех категорий населения, которые были в чем-либо ущемлены или обижены советской властью, а в связи с этим и недовольны ею. В этих людях оккупанты видели своих союзников, способных выполнять все их задания.

В октябре 1941 года священникам, оказавшимся в оккупированном немцами Смоленске, было предписано явиться в военную комендатуру. Там они заполнили специальные анкеты, состоявшие из нескольких десятков вопросов, таких как фамилия, имя и отчество, год и место рождения, кем были родители, как давно проживает в данной местности, как давно является священником, каким репрессиям подвергался со стороны советской власти.

После заполнения анкет комендант города через переводчика заявил присутствующим: «Вы, священники, выступая перед русским населением, должны всячески поддерживать мероприятия, проводимые немецким командованием. Германия идет навстречу русским и делает все для вашего благодеяния — мы открываем храмы, в которых будет можно свободно отправлять богослужения».

Затем перед священниками выступил представитель абвера. Суть его выступления сводилась к тому, что немцы пришли в Россию не как враги, а как друзья, с целью освобождения русского народа от ига большевизма. Поэтому русские священники обязаны не только вести пропаганду всех немецких мероприятий, но и всячески бороться со всеми коммунистическими проявлениями. «Для этого, — сказал представитель германской военной разведки, — ...все истинно православные люди обязаны доносить германским властям о любых проявлениях неповиновения новым властям».

Не останавливались немцы и перед инсценировками. Так, в ноябре 1941 года, когда Смоленский собор был закрыт для верующих, там прошло богослужение, транслировавшееся по радио. В пустом соборе находились несколько немецких офицеров, священник и хор.

Провозглашались здравицы в честь «великой Германии и ее вождя — Адольфа Гитлера». Русское население на службу не допускалось «во избежание незапланированных действий».

С первых дней оккупации Смоленска в коллаборационистской печати на русском языке, в развешанных по городам и деревням плакатах религиозного содержания, на всевозможных торжествах (в годовщины нападения Германии на Советский Союз, вступления немцев в Смоленск, организации Смоленской горуправы и т. п.) священнослужители заявляли о том, что только с приходом немцев стало возможно свободно молиться.

Однако при этом служба в смоленских церквях могла начаться только с разрешения и по расписанию, утвержденному немецким комендантом города. Последнее делалось каждый месяц. Кроме этого, немецкая комендатура утвердила должность «немецкого представителя при Смоленском соборе». Ему был выделен просторный дом возле храма. Этот представитель оккупационных властей имел ключи от всех помещений, и без его присутствия служба начинаться не могла.

Поздней осенью 1941 года в Смоленске немцами был восстановлен и пущен в ход пивной завод. По этому случаю было организовано его торжественное освящение. Священник поблагодарил немцев за то, что русские рабочие «смогли получить работу и улучшить свое материальное положение даже в условиях войны»[47].

Активно способствуя развитию коллаборационистской печати на занятых вермахтом территориях, нацисты настоятельно рекомендовали, чтобы каждая газета или журнал имели религиозную рубрику. В частности, в смоленской газете «Новый путь» ее вели протоиерей М. Шиловский, профессор Смоленского пединститута А. М. Колесников и писательница Е. В. Домбровская. Для большей убедительности и усиления эффективности пропаганды материалы о «религиозном возрождении в освобожденной Германией России» часто сопровождались сериями фотографий. Открытие церквей, религиозные церемонии, фотографии священников широко публиковались не только на оккупированных территориях, но и в самом Третьем рейхе. Со страниц печати

смоленские священники, сотрудничавшие с оккупантами, неоднократно выступали с призывами к населению о необходимости всячески содействовать германским властям. В 1943 году вышло несколько листовок к партизанам за подписью смоленского епископа Стефана. В них он призывал народных мстителей сложить оружие и перейти на сторону оккупантов. В противном случае, писалось в листовке, «Божья кара, которая скоро вас постигнет, будет страшной»[48]. Кроме пропагандистских материалов широко публиковалась и чисто церковная литература: молитвенники, православные календари, Священное Писание.

С начала 1942 года служба в Смоленском кафедральном соборе стала записываться и затем передаваться по радио во многих оккупированных нацистами районах России и Белоруссии.

По воскресным дням «для борьбы с атеистическим мракобесием» по радио, в газете «Новый путь» выступали как священники, сочувствовавшие немцам, так и представители «новой русской администрации». Профессора Колесников, Сошальский, Абрамович, протоиерей Смоленского собора Шиловский рассказывали не только о Священной истории, но и о безбожии советской власти.

В июле 1942 года, в день годовщины оккупации немцами Смоленска, двое священников Смоленского кафедрального собора Беляев и Глебов выступили по радио с обращением «Ко всем православным христианам». В нем духовенство и верующие России призывались к оказанию всемерной поддержки «наших освободителей — германской армии в ее борьбе с безбожными советами»[49].

С лета 1942 года в оккупированных областях Центральной России немцы стали использовать русских священников в лагерях военнопленных. После молебна священник обязательно выступал с проповедью. В ней говорилось о том, что война послана Богом за грехи большевиков. Пленных красноармейцев призывали молиться «за скорейшее окончание войны, разгром жидо-большевизма и скорейшее возвращение домой». Явка для военнопленных на подобные мероприятия была

обязательной, а на проповеди обязательно присутствовали представители лагерной администрации. За каждую такую проповедь священник и псаломщик получали две-три буханки хлеба и банку повидла. Все темы для проповедей утверждались смоленским епископом Стефаном, поставленным на этот пост немцами.

Колхозники села Марица Льговского района Курской области 28 марта 1943 года так вспоминали о событиях оккупации: «В нашей деревне немцами была открыта церковь. Во время богослужения в марте месяце 1942 года священник Василий в своей проповеди стал проклинать Красную армию и призывать благословение на немецкие войска, величал их освободителями русского православного народа. Не дослушав проповеди, все бывшие в церкви верующие ушли из церкви»[50].

Начальник Брянского штаба партизанского движения, старший майор государственной безопасности Ширяев отмечал в своем донесении весной 1942 года: «Вся деятельность церковников направлена на разжигание ненависти среди населения и усиление антисоветской пропаганды, проведение контрреволюционной работы и прямого активного сотрудничества с немецким командованием и властями»[51].

Из газеты «Новый путь»:

«Кому они служат?

Люди, называющие себя партизанами, имеют наглость заявлять, что они — русские патриоты, защищающие Россию и русский народ. Но о людях надо судить не по их словам, а по их делам. А дела так называемых партизан говорят совсем другое, чем их слова.

Вот сообщает, например, в правовой отдел Смоленского окружного управления начальник Руднянского района: "В местечке Любавичах одна церковь не работает: священник убит партизанами, церковь ограблена и уничтожена вся утварь. В деревне Приволье имелась церковь, но она сожжена партизанами". Разве это русское дело — сжигать церкви? Разве это русские руки убивают несчастных стариков-священников? Разве это проявление русского патриотизма — уничтожать церковную утварь? Нет, не русские руки всё

это делают, и не в интересах России и русского народа всё это совершается. Нетрудно догадаться, кто здесь работает, по чьим повелениям, в угоду кому сжигаются партизанами церкви и убиваются священники.

Дела "партизан" в Руднянском районе ясно и убедительно говорят о том, кому они в действительности служат и чью волю выполняют. Жидовская прислуга — вот, кто эти люди...»

В конце 1942 года при активном участии немецких оккупационных служб была создана Смоленско-Брянская епархия. В ее состав входили Смоленская, Брянская, Витебская, Могилевская и часть Минской области. Во главе ее стоял епископ Стефан. 12—13 мая 1943 года в Смоленске прошел съезд духовенства и мирян этой епархии. На нем присутствовали как священники, так и представители коллаборационистской «новой русской администрации». Всего приехало более пятидесяти человек. Представителей от немецкого командования не было.

Заседание открылось в зале архиерейского дома на соборном дворе пением всеми делегатами православных молитв. Председатель съезда епископ Стефан в своей речи поблагодарил немецкое командование за то, «что оно позволило провести этот съезд, на котором предстоит решить ряд серьезных проблем, связанных с церковной жизнью»[52].

На съезде обсуждались следующие вопросы:

1. Отчетный доклад епископа Стефана о состоянии и деятельности церковной жизни с момента установления немецкой власти в епархии.

2. Преподавание Закона Божьего в школах.

3. О религиозно-нравственном воспитании юношества.

4. Пастырские курсы, их программы и организация.

5. Создание и выборы Смоленско-Брянского епархиального управления и смета расходов на его содержание.

6. Доклад протоиерея Смоленского собора Шиловского о гонении Русской православной церкви советской властью.

7. Разные вопросы:

а) организация благочиний на местах;

б) подбор кадров священнослужителей.

Стефан в своем докладе говорил, что «с момента установления немецкой власти в епархии церковная жизнь стала быстро налаживаться, открываются новые храмы, но еще больше просьб из городов и деревень об открытии новых церквей». Одной из острых проблем он назвал нехватку людей с духовным образованием. Из-за этого приходилось назначать в храмы священников просто из числа верующих, сдавших специальный экзамен. Но, как отмечали многие выступавшие, «преподобные Сергий Радонежский и Серафим Саровский не имели духовного образования, однако обладали большим влиянием в Русской Православной Церкви». Следовательно, делался вывод, можно привлекать простых верующих, желающих стать священнослужителями, к службам в храмах.

Германское командование всячески способствовало изучению Закона Божьего в русских школах. В их заявлениях понятия «антирелигиозная пропаганда» и «пропаганда большевистских идей» часто рассматривались как синонимы. Так, на Смоленском епархиальном съезде в мае 1943 года было принято решение об обязательности преподавания Закона Божьего во всех школах. При каждом храме создавались воскресные школы для работы с детьми и взрослыми. Но не только священники, дьяконы и псаломщики обязывались заниматься религиозным воспитанием. Предполагалось для этой работы привлекать мирян: жен священников, бывших учительниц с дореволюционным образованием, монахинь. По этому поводу смоленский епископ Стефан говорил: «Нужно всячески воздействовать на подрастающее поколение. Наша задача — вырвать его из большевистского плена, в котором оно находится уже 25 лет»[53].

Нацистские оккупационные службы использовали православную церковь для проповедования идей шовинизма и антисемитизма. Так, протоиерей Смоленского собора Шиловский в серии радиопередач на религиозные темы доказывал, что, изучая церковную историю, можно сделать вывод о том, что «евреи — народ крайне

вредный и ненавидимый во всех государствах»[54]. Подобные заявления должны были, по мнению нацистов, объяснить русскому населению причины физического уничтожения узников Смоленского гетто, поскольку расправа над мирным еврейским населением произвела исключительно тягостное впечатление на жителей города.

Из газеты «Новый путь»:

«Непримиримые враги христианства

Еврейство стало врагом христианства не только после возникновения нашей церкви.

Иудеи осмеливались заявить, что мир сотворен только для Израиля. Пророчества о Мессии они толковали как о каком-то царе иудеев, который должен был сделать их властелином над народами.

Не внимая пророкам, иудеи начали создавать свою религию, свои законы. Их религия — это надежда на царство земное, это воплощение насилия, их закон — это закон вражды ко всем другим народам (гоям), оправдывающий всякое зло, содеянное жидами. Они создали для себя свою религию, свое идолопоклонство материальным ценностям сначала в своей личной жизни, а потом запечатлели в своем учении.

Но вот наступило время последнего свободного выбора. Пришел Искупитель, предлагая свои чистые идеалы, Божественное учение, но Он был отвергнут. Он выбрал народ, презираемый всем миром за свою алчность и пороки. Он хотел спасти его. Но разочарованные в своих властолюбивых мечтах, иудеи отвергли Христа, отреклись от Него. Весь путь Христа, всё Его учение — это призыв к покаянию.

Он знает, что Его ожидает крестная смерть, и говорит: "Вы — сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших" (Матф., гл. 23, ст. 31—32). Сурово, но справедливо обращается Он к иудеям: "Змеи, порождение ехиднины, как убежите вы от осуждения в геенну?" (Матф., гл. 23, ст. 33).

Видя, что нельзя исправить их, Христос говорит: "Придут к вере другие народы и будут с праведниками, а сыны царства (иудейского) извержены будут во тьму" (Матф., гл. 8, ст. 1—12).

Христос был распят теми, кого хотел спасти. В безумном гневе евреи кричали: "Распни, распни Его".

Он распят! Кем? — жидами. Они сами произнесли приговор, тяготевший над ними ранее, который логически вытекал из всей их истории. "Кровь Его на нас и на детях наших!"

Если нам скажут о мнимом нарушении заповеди Христовой: "Любите врагов ваших", мы ответим: "Это не враги наши, это непримиримые враги Христовой веры, а таким врагом является сатана. Любить его — значит отречься от Бога. Как с дьяволом, так и с этими сатанистами нужна борьба. Ничего не может изменить их. Были пророки, был Спаситель, но они отвергнуты иудеями. Неужели можно думать, что они могут когда-нибудь чистосердечно признать заповеди Того, кровь которого на них и на детях их? Другие народы могут прийти к вере Христовой, но жидовство — никогда. В них нет духа Божия, у них даже потеряна почва для веры. Могут ли они, отбросив свою алчность, свои надежды на господство, все материальное, свойственное их натуре, приобрести любовь, бескорыстие, самопожертвование своей жизнью для другого народа? Не могут! Так говорит вся их история".

Всю свою злобу они показали нам, жителям многострадальной Руси. Царство их — царство смерти. Сколько крови ими пролито. Верный сын церкви, император-христианин, с наследником и с семьей злодейски умерщвлены жидами Янкелями Свердловым и Юровским и Исааком Голощекиным.

Духовенство уничтожалось жидами — врагами церкви. Храмы осквернялись и закрывались по их плану. Пропаганда атеизма возглавлялась жидом Губельманом. Все, которые могли быть, по их мнению, христианами, уничтожались, подвергались гонениям. Небывалые в истории злодейства проводились жидами. Недавно перед всем миром раскрылось новое злодеяние — массовое убийство в Катынском лесу.

А сколько истинно русских людей полегло от кровавой руки еврейства?

Близится час последнего ответа. Нет, и не может

быть примирения с ними. Смерть еврейства — смерть сатанистов. Жидовство — непримиримый враг христианства.

Н. Шиловский».

Немецкая лагерная администрация приветствовала проведение молебнов с проповедями среди военнопленных красноармейцев и выражала желание, чтобы таких мероприятий проводилось как можно больше.

В день второй годовщины начала немцами войны против Советского Союза, 22 июня 1943 года, в Смоленском кафедральном соборе был организован торжественный молебен. Настоятель собора получил письменные указания о тексте проповеди от начальника Смоленского округа Алексеевского. Выступая перед верующими, священник П. П. Беляев заявил: «Вот уже два года идет война, в результате которой проливается кровь наших родных и близких. Война принесла нам страдания и муки. Но раньше храмы и верующие подвергались поруганию со стороны большевиков. Теперь же мы можем свободно молиться...»[55]

Те священники, в лояльности которых у оккупантов не было никаких сомнений, привлекались к преподаванию Закона Божьего в школах и училищах, а также на пасторских курсах. Последние должны были помóчь в подготовке новых священников. В Смоленске курсы функционировали с мая по сентябрь 1943 года. Их возглавлял судья Смоленского окружного управления А. Н. Колесников. Обучавшиеся проживали на казарменном положении, явка на занятия была строго обязательной. К изучаемым дисциплинам относились следующие: учение о богослужении Русской православной церкви, Священная история Ветхого и Нового Завета, нравственное богословие, основное богословие, история церковная, общая и русская, славянский язык и церковное пение.

С 1943 года в Смоленском округе деятельность священников стала открыто контролироваться отделом пропаганды вермахта. На проповедях стали обязательно присутствовать нацисты, хорошо владевшие русским языком. Часто во время выездов в деревни орга-

низовывались группы из пропагандистов, артистов и священника. Каждому давались конкретные рекомендации по их работе.

Многие из открытых церквей не могли нормально функционировать из-за отсутствия священника. Для решения этой проблемы из городов в деревни и села направлялись служители культа для проведения воскресных богослужений. Темы проповедей утверждались в местной русской администрации, при этом отмечалось, что последняя является лишь передаточным звеном немецких оккупационных служб.

В условиях развернувшегося народного сопротивления на временно оккупированной врагом территории России нацисты всячески стремились дискредитировать советских партизан и подпольщиков. Они изображались как уголовники, мешающие жить и спокойно трудиться. Немецкая пропаганда всячески пыталась доказать, что партизаны воюют не с немецкими солдатами, которых они панически боятся, а с простыми мирными людьми. В начале августа 1943 года в Смоленске с большой помпой прошли похороны пяти русских артистов из группы «Гарро», обслуживавших немецких солдат. Они попали в партизанскую засаду и были уничтожены. Германское командование решило использовать русских священников для широкомасштабной пропагандистской акции.

Гробы с телами убитых были выставлены на два дня в соборе «для всенародного прощания». Рабочих, служащих и учащихся для этого освобождали от работы и учебы. На второй день после обедни состоялось торжественное отпевание с участием всего духовенства. Перед отпеванием епископ Стефан выступил с речью, в которой проклинал партизан и советскую власть, «уничтожающую лучших и образованнейших представителей русского народа». Кроме этого, на кладбище произнесли речи представители «русской администрации» и немецких военных властей.

Все это действо было заснято нацистами на кинопленку. Вскоре после этого вышедший документальный фильм широко показывался в кинотеатрах на оккупированной территории России, Украины и Белоруссии.

Накануне освобождения Смоленска советскими войсками большинство священнослужителей, активно сотрудничавших с оккупантами, выехали из города на запад.

В Орле в 1942—1943 годах вопросами культа со стороны «новой русской администрации» занимался так называемый «Главный отдел просвещения, культуры и культа». Во главе его стоял непосредственно сам бургомистр города Старов. Согласно ведомственной инструкции, функции этого отдела определялись следующим образом: «церковное и религиозное дело, национальные вопросы, область работы — церковные дела, преподавание религии, лица немецкого происхождения и другие национальности»[56].

За первые пять месяцев оккупации в Орле были открыты четыре храма: кафедральный Богоявленский собор, Афанасьевская кладбищенская церковь, Никитская церковь, Крестительская кладбищенская церковь. Председателем Орловского епархиального управления стал протоиерей Иоанн Макковеев. Представители советского сопротивления сообщали в Центр о том, что «основная масса церковников сотрудничает с немцами, используя церковь в целях немецкой пропаганды. Так, протоиерей Александр, обращаясь к верующим, заявил: "Теперь, когда в Орел вступило немецкое командование, оно приказало открыть все менее разрушенные наши храмы, осквернённые и разоренные безбожной советской властью. Возблагодарим Господа Бога за его великие благодеяния и правителя Западной Европы Адольфа Гитлера, который ведет войска, чтобы освободить нашу страну во имя Бога"»[57].

Во многом Александру вторил и преосвященный Алексей — архиепископ Острогожский и Валуйский. В № 8 «Острогожского листка» от 12 сентября 1942 года он писал: «Милосердный Господь в лице благороднейшей личности Адольфа Гитлера дал спасение церкви и избавление от жидовского ига православному русскому народу. Совершилось чудо: сгинула жидовско-сатанинская нечисть, церковь воскресла, зажглись лампады перед ликами святых. Да здравствует благородный Адольф Гитлер! Многие лета его светлой жизни»[58].

Особую роль в религиозной жизни Орловщины играла коллаборационистская пресса. В крупнейшей русскоязычной газете «Речь» регулярно публиковались различные материалы, написанные в том числе и главным редактором этого издания Михаилом Октаном.

В передовой статье «Христос воскрес» «Речь» следующим образом призывала русское население к борьбе против большевиков: «Эта война не только за освобождение русского народа, но и за освобождение ее души от большевистской скверны. Эта война за изгнание проклятых иудо-большевиков, продавших православную веру. Коммунисты не только враги человеческой жизни, но и враги народной души. В такой день святого воскресения возликует в народной душе великая радость освобождения.

Пусть могучим набатом несется по всей стране глас народного гнева против душителей православной веры иудеев и большевиков. И тогда на радостное: "Христос воскрес!" освобожденного народа из тысяч темниц, из концентрационных лагерей, из далекой Сибири, из лачуги маленького страдальца — со всех концов поруганной страны донесется счастливое и радостное "Воистину воскрес!" несчастных людей, не верящих в счастливый путь своего освобождения»[59].

24 мая 1942 года епархиальным управлением было организовано церковное собрание всех священников города Орла и его ближайших окрестностей. Собрание открылось пением молитвы «Царю Небесному» и вступительной речью представителя епархиального управления протоиерея Иоанна Макковеева.

На повестке дня этого собрания стояли проблемы, связанные с организацией и практической деятельностью церкви. Гитлеровцы и их пособники постарались придать этим вопросам максимально антисоветский и профашистский характер.

На первый взгляд предполагалось в первую очередь проводить мероприятия, непосредственно направленные на возрождение церковной жизни Орловщины. Вот перечень некоторых из них:

Установление во всех городских церквях однообразия во времени начала служения и вечерних богослужений, в частности пасхального богослужения.

Разрешение вопроса о настоятельстве в приходах, приходских храмах согласно каноническим правилам и церковным традициям.

Ремонт храмов, участие в ремонте храмов духовенства и освящение храмов.

Материальная помощь духовному монашествующему составу, всему духовенству, нуждающемуся в этой помощи.

Верующим постоянно напоминалось о гонениях на православную церковь со стороны советской власти. Были установлены поминовения о здравии орловских церковнослужителей, монашествующих и верующих мирян, заключенных в тюрьмах и сосланных на каторгу «проклятой большевистской властью». Служились заупокойные литургии по «замученным коммунистами» патриархе Тихоне, а также епископам, священнослужителям и мирянам.

Коллаборационистская пресса широко публиковала материалы о «церковно-духовном возрождении в освобожденных областях». Часто статьи посвящались событиям, происходящим в отдаленных районах (их достоверность было очень сложно проверить). Так, 23 октября 1942 года орловская газета «Речь» перепечатала материал смоленского «Нового пути» «Первые монастыри в освобожденных областях» — об открытии мужского и женского монастырей в Вырице, около Ленинграда[60].

Выход в Смоленске нового молитвенника рассматривался как «яркое доказательство того, что германская армия несет с собой свободу русскому народу в делах веры». При этом отмечалось, что новый молитвенник будет продаваться не только во всех церквях Смоленского округа, но и в школах[61].

Для привлечения новых прихожан организовывались концерты духовной музыки в кинотеатрах, школах, библиотеках.

Очень часто пропаганда христианских идей в газетах вплотную смыкалась с пропагандой антисемитизма. В Орле наиболее активно этим занимался главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан. В своем выступлении перед учителями города в июне 1942 года он,

подробно анализируя «Протоколы сионских мудрецов», заявил: «Евреи стремятся всячески дискредитировать христианскую религию, церковь, духовенство, ослабить его влияние на народ, до последней степени истребив само понятие о Боге. В "Протоколах" говорится, что крушение христианской религии — вопрос времени. Атеизм, как об этом сказано в "Протоколах", для иудаизма неопасен. Он является порождением евреев. Захватив власть во всем мире, иудаизм, говорится в "Протоколах", не допустит никакой другой религии, кроме иудейской»[62].

К священникам-самозванцам у коллаборационистской администрации в Центральной России отношение было гораздо более терпимым, чем на Северо-Западе. Так, в Клинцовском районе Орловской области к концу 1941 года было открыто 45 из имевшихся там 129 православных церквей. На все церкви было всего 35 священников, причем больше половины из них являлись самозванцами. Последних предполагалось высылать в районный центр к старшему священнику округа для сдачи экзамена. Если это испытание проходило успешно, то «в порядке исключения» все желающие работать получали приходы[63]. Для того чтобы хоть как-то смягчить дефицит священников в Орловской епархии, широко организовывались различные ускоренные пасторские курсы и кружки по изучению Закона Божьего для подготовки преподавателей. Так, в феврале 1942 года их регулярно посещало свыше 200 слушателей, 25 человек из них сдали экзамен на звание школьного законоучителя.

Весной 1943 года коллаборационистская пресса сообщила населению оккупированных районов, что православные церкви освобождаются от всех видов налогов. Но на практике это постановление, изданное накануне крупномасштабного наступления Красной армии на Курской дуге, выполнялось очень редко.

В газетах, издававшихся на русском языке в оккупированных областях РСФСР, регулярно публиковались материалы о том, что открытие церквей происходит по инициативе населения, за счет населения, при его непосредственном участии. Так, в брасовской газете

«Голос народа» 15 ноября 1942 года была опубликована статья «Восстановлен храм». В ней говорилось, как в короткий срок в бывшем при большевиках зернохранилище вновь возобновилась церковная служба: «Теперь каждый верующий человек может удовлетворять свои религиозные чувства свободно, без всякого притеснения»[64].

Пытаясь доказать доброе отношение вермахта к русским добровольцам, немецкие пропагандисты иногда допускали ошибки и нелепицы. В конце 1942 года были опубликованы плакаты, на которых изображались русские и немецкие солдаты, вместе отмечающие Рождество. Их авторы не знали о том, что в России этот праздник отмечают на две недели позже, чем в Европе[65].

В условиях начавшегося коренного перелома в Великой Отечественной войне деятельность церкви стала практически полностью контролироваться немецкими властями. «Русская администрация» все больше играла роль ничего не значащей ширмы. В Орле в январе 1943 года для проведения концерта духовной музыки потребовалось согласование с военным комендантом по следующим вопросам: состав хора, репертуар, место и время проведения, предполагаемое количество слушателей.

В новых условиях разрешение требовалось и для проведения любых религиозных мероприятий. Оно давалось немецкими властями через посредничество русской администрации. В январе 1943 года в Орле для разрешения крестного хода старшина церквей епархии обратился к бургомистру со следующим прошением: «19/6 января 1943 года в праздник Богоявления Господня по заранее установленному обычаю освящается вода на реке. Просим вашего ходатайства перед г-ном ортцкомендантом разрешить духовенству всех церквей г. Орла с крестным ходом прибыть в Богоявленский кафедральный собор к 11 часам дня для участия в общем крестном ходе на Иордань на реку Оку»[66]. Подобные прошения подавались и перед другими церковными праздниками.

Представители немецкой военной администрации регулярно отчитывались перед вышестоящими инс-

танциями о состоянии церковных дел на вверенной им территории. В одной из инструкций германского командования группы армий «Центр» говорилось: «Препятствовать богослужению нельзя, но нужно знать, что там происходит».

Германское командование по мере продвижения группы армий «Юг» к Кавказу летом 1942 года стремилось внести раскол среди местных жителей как по национальному признаку, так и по религиозному. Оно издало ряд распоряжений и инструкций по поводу общения немцев с местным населением. В одном из приказов командования группы армий «Юг» говорилось следующее:

1. К кавказским народам следует относиться как к друзьям немецкого народа.

2. Допускать свободу религии[67].

Немецкие пропагандистские службы получили от Й. Геббельса указание насчет того, что в качестве религиозной программы достаточно обещания «свободы исповедания любой религии» и «защиты религиозных обрядов». «Это особенно важно, — отмечал рейхсминистр, — по отношению к исламским народам. При этом не надо ничего говорить об оставлении неприкосновенной современной церковной организации».

В этих условиях в Крыму и на Северном Кавказе оккупанты активно заигрывали с представителями мусульманского духовенства. Так, в Симферополе было создано при националистическом татарском комитете центральное религиозное управление, которое ведало всеми городскими и сельскими мечетями. В начале 1943 года оно провело так называемую аттестацию служителей мусульманской церкви с выдачей им специальных удостоверений на право служения.

По всему Крыму была создана сеть религиозных школ. Руководство ими осуществляло центральное управление. Оно же вырабатывало для этих школ спецпрограммы. Кроме этого, в обычных школах было введено преподавание религии.

Татарские комитеты и управление города Бахчисарая в день рождения Гитлера организовали шествие к могилам погибших немецких солдат для приведения их

в порядок и возложения цветов. Также в день рождения Гитлера бахчисарайское духовенство в ханском дворце организовало большой намаз. Хатип мечети выступил с проповедью, в которой призывал всех усилить борьбу с большевиками. Город в этот день был чист и украшен. В Бахчисарае состоялось большое совещание духовенства, интеллигенции, кустарей и представителей других слоев населения, на котором с речью на татарском языке выступил немецкий офицер Брунс. Тема его выступления: «Наша победа — ваше освобождение».

В ходе немецкого наступления на Северном Кавказе летом 1942 года представители исламского духовенства этого региона провозгласили Гитлера «великим имамом» Кавказа. В ответ на это командующий 1-й танковой армией вермахта генерал Э. Макензен принял ислам[68].

20 августа 1942 года вышел немецкий военный приказ об организации на Северном Кавказе Временного епархиального церковного управления и о назначении его председателем священника О. Н. Польского. Это произошло через две недели после захвата немцами Ставрополя. Перед новой епархией ортцкомендатура поставила следующие задачи: восстановление церквей в городе и крае, учреждение семи благочинных округов, создание шестидесяти новых приходов, запрещение сект, взятие твердого курса на полное снятие раскола между «тихоновцами» и «обновленцами».

При этом, поощряя сепаратизм, нацисты способствовали тому, что на Северном Кавказе активизировали свою работу украинские националисты. В 1942 году русские епископаты Таганрогский и Ростовский вошли в состав Украинской автономной церкви. В Ростове-на-Дону, где к началу войны оставалась только одна действующая церковь, теперь было открыто восемь церквей[69].

В Ворошиловске (ныне Ставрополь) до войны действовал всего один небольшой Успенский храм, находившийся на кладбище. В первые недели оккупации с согласия немецких властей городской управой были открыты еще две церкви — Крестовоздвиженская и Вознесенская, а затем и церковь Апостола Андрея Пер-

возванного. Правда, последняя — по настоянию румынских солдат православного вероисповедания. Из музея атеизма во вновь открывшиеся храмы были переданы иконы и церковные облачения.

В то же время ортцкомендатуры вели тщательный подсчет наличных церковных ценностей и поступавших от населения средств на восстановление храмов. Нацисты собирали, систематизировали, составляли подробные картотеки на церкви, церковную утварь, вели досье на священнослужителей. В этих условиях, по воспоминаниям ставропольчан, переживших оккупацию, многие люди, ходившие в церкви, молили Бога изгнать оккупантов с русской земли, просили о заступничестве и помощи[70].

Заигрывая со всеми конфессиями, имевшими своих представителей на Северном Кавказе, нацисты провозгласили, что теперь каждый народ может вспомнить свою историческую религию. Для этого во всех без исключения учебных заведениях началось «углубленное изучение» христианского (православного), мусульманского и даже буддистского (в Калмыкии) учения[71].

Но серьезных результатов в церковном строительстве на юге России оккупанты не достигли. Это можно объяснить как относительно кратковременным периодом нацистской оккупации этих территорий, так и заметной активизацией в 1942 году патриотической, антифашистской деятельности Русской православной церкви.

Московский митрополит Сергий еще 22 июня 1941 года призвал верующих встать на защиту своей родины от немецких поработителей. В своем послании, датированном 14 октября 1941 года, он с возмущением писал о сотрудничестве русского духовенства на оккупированной территории с немцами и грозил подобным отступникам церковным судом[72].

Силы сопротивления в 1941 году хотя и признавали в своих донесениях в Центр, что церковная политика оккупантов находит поддержку у большинства населения, боролись с ней в основном физическими методами. В ряде населенных пунктов священники, невзирая на степень их вины, были расстреляны[73].

Советские органы государственной безопасности в первые месяцы войны также видели в священнослужителях своих врагов. Все церковные мероприятия находились в поле внимания нашей агентуры. Согласно Указанию НКВД СССР от 18 февраля 1942 года № 64 «О задачах и постановке оперативно-чекистской работы», требовалось выявить состав церковных и сектантских организаций, возникших при немцах, определить, в чем выражается их вражеская работа, установить, как оккупанты используют эти организации в интересах своей захватнической политики, какие мероприятия они проводят по этой линии (открытие церквей и молитвенных домов, принудительные церковные браки, крещение и т. д.), кто из местных жителей является проводником этих мероприятий.

В директиве НКВД СССР от 12 мая 1942 года констатировался факт усиления влияния церкви на оккупированной территории России. В этих условиях было предложено провести ряд мероприятий. Среди них:

1. Разработка плана мероприятий по установлению связи с проверенной агентурой по церковникам и сектантам, оставшейся на территории, временно занятой противником, а также по заброске в тыл противника имеющейся агентуры по церковной линии.

2. Использование агентуры для получения широкой информации о деятельности церковников и сектантов в оккупированных местностях, о месте нахождения церковных и сектантских центров, их персональном составе, методах и мероприятиях немцев по использованию церковников во враждебных нам целях.

3. Распространение в тылу врага листовок патриотического содержания, подписанных руководством православной церкви.

Перед наиболее квалифицированной агентурой из духовенства была поставлена задача проникнуть в церковные центры и внутри их повести борьбу за руководство церковными организациями, склоняя духовенство к признанию церковной власти Московской патриархии.

Данная директива была подписана заместителем наркома внутренних дел СССР.

Хотя перелом во взаимоотношениях Русской православной церкви и советской власти произошел лишь в 1943 году, уже с начала 1942 года партизаны и подпольщики, отрезанные от Центра и не имевшие с ним надежной связи, пытались наладить ее со служителями культа. Первоначально через своих агентов определялся тот круг священников, который в своих проповедях занимал по отношению к немцам нейтральную или негативную позицию. Затем им рассылались письма с разъяснением того, что настоящая война является отечественной и для победы над злейшим врагом православного народа требуется объединение всех, кто любит Россию[74].

По воспоминаниям комиссара 5-й партизанской бригады И. И. Сергунина, трагизм заключался в том, что многие священнослужители, не принимая фашистской идеологии, боялись партизан и не доверяли им, считали их бандитами. Несмотря на это, некоторые священники согласились в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служить молебны за здравие односельчан, находящихся в Красной армии.

После избрания Сергия в патриархи всея Руси в 1943 году немецкие власти пытались сделать все, чтобы этот акт в регионах их влияния был объявлен недействительным. В Берлине прошло церковное собрание, представленное в основном эмигрантами. «Архиерейское совещание иерархов Православной Русской Церкви», как оно себя официально назвало, приняло резолюцию и воззвание. В них утверждалась незаконность избрания патриарха Московского. Этот акт назывался не церковным, а политическим. Сергий и его сподвижники обвинялись в том, что они — простые марионетки безбожной власти, принимающие «дары от сатаны». Воззвание лживо утверждало, что совещание — это честный, правдивый голос «наиболее свободной части русской церкви», никакой внешней силой не продиктованный.

Совещание приняло решение добиваться следующего:

1. Свободного развития православия во всех оккупированных областях и объединения всех сил «под одним

общим церковным возглавлением», то есть под эмигрантским Карловацким синодом.

2. Активизации духовенства в борьбе против коммунизма.

3. Предоставления вывезенным в Германию русским рабочим «свободного удовлетворения всех церковных нужд».

4. Введения института военных священников при всех русских воинских подразделениях в германской армии, с тем чтобы ими ведал тот же Синод, который именовал себя здесь «Русским церковным центром».

...

7. Широкого издания духовной литературы для перевоспитания народа, подвергшегося «растлевающему действию большевистского влияния».

8. Создания миссионерского комитета по борьбе с большевистским безбожием.

9. Организации регулярных религиозных радиопередач.

10. Организации духовных библиотек.

11. Предоставления Церкви права открывать духовные школы, семинарии, пасторские курсы[75].

Однако экзарх Сергий убеждал немцев в том, что необходимо признать избрание патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: допущение патриарха, возрождение Церкви, мол, является доказательством полного банкротства коммунизма.

Практически одновременно с активизацией деятельности православной церкви в Советском Союзе на оккупированной территории России шел процесс становления Русской освободительной армии под командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова.

В конце 1942 года во время своей поездки по оккупированным районам России генерал А. А. Власов встретился с митрополитом Рижским Сергием. Последний выдвинул идею о необходимости создания в занятых немцами областях Святейшего синода во главе с одним из иерархов Русской православной церкви. Сергий выражал опасения из-за активизации эмигрантов-карловчан (Русская зарубежная православная церковь). Он отмечал, что карловчане, давно оторвавшись от рос-

сийской действительности, в работе с населением обнаружили свою полную непригодность и зависимость от немецких властей. Власов в беседе с экзархом Сергием заявил следующее: «Религия — личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить — дело личной совести каждого»[76]. Через несколько дней в Пскове во время выступления перед горожанами им было сказано: «Нет ничего прекраснее обрядов Православной Церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего для нашего многострадального отечества». В августе 1943 года во время встречи с клиром Стругокрасненского района Власов заявил о необходимости создания института полковых священников в РОА[77].

Вскоре после того как в Москве было заключено соглашение между Сталиным и руководством Русской православной церкви, германское руководство инспирировало совещание в Риге православных архиереев Латвии, Эстонии и Литвы. В совещании принимали участие Сергий, митрополит Литовский, экзарх Латвии и Эстонии, архиепископ Иаков Елгавский, Павел, епископ Нарвский и Даниил, епископ Ковенский.

Участники совещания с подачи оккупантов высказали свое мнение по поводу воззвания к русскому народу патриаршего местоблюстителя Сергия, митрополита Московского и Коломенского о сопротивлении германской армии. Они заявили о том, что «высокочтимый иерарх, глава Русской Православной Церкви, не мог составить или по крайней мере добровольно подписать это воззвание. Целый ряд обстоятельств доказывает, что это воззвание сфабриковано кремлевскими властителями и распространяется от лица патриаршего местоблюстителя».

Текст резолюции архиерейского совещания был следующий: «Имея возможность свободно высказаться по церковным делам, мы, участники первого совещания православных архиереев в Риге, считаем своим долгом сделать во всеуслышание следующее заявление:

"Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия. Желая отвратить неотвратимую гибель

и угодить своим лицемерным союзникам, большевики притворяются, будто бы изменили свое отношение к Православной Церкви, вернув ей свободу. Но этому обману никто не поверит. Он опровергается явными фактами. За подписью патриаршего местоблюстителя блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского, большевики распространяют нелепое воззвание, призывающее русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что блаженнейший Сергий, муж великой учености и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе его не подписывал, либо подписал под страшными угрозами, желая спасти вверенное ему духовенство от полного истребления. Для нас это воззвание служит ярким доказательством того, что большевики по-прежнему держат Православную Церковь в своих тисках, удушая ее и фальсифицируя ее голос. Оплакивая участь патриаршего местоблюстителя, мы решительно отмежевываемся от насильно навязанной ему политической установки и молимся Господу о полном и скором освобождении Православной Церкви от проклятого большевистского гнета"»[78].

Осенью 1943 года началась всеобщая депортация населения Северо-Запада России в немецкий тыл, в Прибалтику, за линию «Пантера». Под конвоем, пешком люди проделывали этот путь. Многие роптали, пытались бежать в леса к партизанам. В этих условиях весной 1944 года было принято воззвание так называемого Архиерейского совещания в Риге.

Из газеты «За Родину»:

«Большевизм есть безбожие и бесчеловечность

Воззвание Архиерейского Совещания в Риге

8 апреля в Риге под председательством Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии состоялось Архиерейское Совещание, в котором приняли участие Высокопреосвященнейший Павел, Архиепископ Нарвский и Преосвященнейший Иоанн, Епископ Рижский. В трудах Совещания по приглашению Высокопреосвященнейшего Экзарха приняли также участие наибо-

лее видные и авторитетные служители Литовской, Рижской и Нарвской Эпархий. Преосвященный Даниил, Епископ Ковенский, находящийся в настоящее время в Вильне, не мог прибыть на Совещание по болезни, но присоединил свою подпись к его постановлениям. Схиепископ Макарий, живший на покое в Успенском Псково-Печорском монастыре и также приглашенный на Совещание, не успел отбыть в Ригу и был убит осколком одной из бомб, сброшенных большевиками при недавнем воздушном налете на Печоры.

"Православные обитатели близких к фронту мест! Нам понятна ваша скорбь при расставании с родными святынями, увозимыми от вас в более глубокий тыл. В разлуке с ними вы чувствуете себя как бы осиротелыми, как бы лишенными их покрова, в осязательной близости которого вы так нуждаетесь в нынешние грозные времена. Но не смущайтесь! Они и издали чудотворно вас осеняют, излучая благодать, которой преисполнена объемлющая всех нас, православных, Церковь Христова. Вы не вышли из-под покрова родных святынь, любимых вами с детства, но лишь утратили радостную возможность умиленно созерцать их и благоговейно к ним прикладываться. Вы тоскуете по ним, но и они ждут часа возвращения своего к вам, в тот любезный им край, где они просияли и откуда на время удалились.

Так постарайтесь же приблизить этот радостный час! Направьте все силы ваши на борьбу с безбожным большевизмом, содействуйте отражению его нашествия и победе над ним. Тогда и родные святыни ваши к вам возвратятся.

Большевизм несет с собой не только физическое истребление, не только ужасы огня и меча, пыток и казней. Большевизм несет с собою умерщвление духа. Отвергнув Бога, большевизм отверг и образ божий в человеке. Для большевизма нет ничего святого ни на небесах, ни на земле. Большевизм попирает самое дорогое для человека — его свободу, его религию, его национальность. Большевизм всё приносит в жертву сатанинскому замыслу — мировой революции, которая должна

уничтожить все религии, смешать все народы в одну безликую массу и поработить все человечество.

Русский народ стал оружием и, вместе с тем, первой жертвой большевизма, но большевистским русский народ не стал. Он сохранил любовь к отечеству, к родной Церкви и к человеческой свободе. Все упования свои он возлагает на свержение советского ига.

Борясь за собственное существование, большевики взывают теперь к патриотизму и религиозности русского народа, но если победят, то отомстят ему за такую живучесть его исконного, небольшевистского духа, окончательно догромят Церковь и вытравят из русской жизни все русское.

Православные люди! Мы призываем вас не поддаваться большевистским наущениям и не верить большевистским посулам! Большевизм есть безбожие и бесчеловечность, насилие и ложь.

Можно ли думать, что после двадцати пяти лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками, после двадцати пяти лет террористического попрания свободы вдруг стали ее защитниками, после двадцати пяти лет рабовладельческого издевательства над Россией вдруг прониклись любовью к ней? Было бы безумием поверить этому. Сталин не Савл и Павлом не станет.

С той стороны фронта до нас доходят достоверные сведения о том, что за время войны большевистский террор еще более усилился.

Большевизм всей тяжестью своей по-прежнему давит также и на уцелевшие остатки православного духовенства. Церковь православная задыхается в большевистском плену.

Чтобы жила свободная Россия, большевизм надо уничтожить!

Сознавайте отчетливо, что место ваше — в рядах борцов за новую, свободную, счастливую Россию, в рядах Русской Освободительной Армии, которая сама уже является зародышем этой будущей России — а затем и в рядах других армий, воюющих против большевизма.

Церковь Божия своими святыми молитвами осенит вас на поле брани и на поприще труда.

Господи, спаси и освободи Россию!"».

Но подобные декларации уже не имели особого влияния ни среди населения, ни среди рядовых священников.

29 апреля 1944 года митрополит Сергий (Воскресенский) был убит. Кто был причастен к этому? До сих пор исследователи не пришли к общему мнению. Кто-то объявляет убийцами нацистские спецслужбы, кто-то представителей антигитлеровского сопротивления. Русские коллаборационистские газеты, выходившие в это время уже на территории Прибалтики, давали однозначный ответ: это сделали сталинские наймиты.

Из газеты «За Родину»:

«Убийство Митрополита Сергия

29-го апреля этого года в 11 часов утра по пути на Съезд Духовенства в Риге убит Экзарх православной Церкви Митрополит Сергий. Убийство было совершено на дороге из Вильны в Ковно, приблизительно в пяти километрах от местечка Круонис. Вместе с Митрополитом убита сопровождающая его супружеская чета и водитель машины. Полицейское расследование показало, что машину Митрополита обогнала другая легковая машина, в которой находились, по всей вероятности, два или три бандита. Обогнав машину митрополита, они заставили ее остановиться. Автомобиль бандитов был окрашен в светлый цвет, сами они были одеты в военную форму. Судя по гильзам, обнаруженным на месте преступления, злодеи стреляли из немецкого и русского автоматов.

По показаниям свидетелей, преступники, застрелив еще девушку, находящуюся невдалеке от места первого убийства, уселись в свою машину и полным ходом удалились в направлении на Румшишки. Следует полагать, что преступники преследовали митрополита от самого Вильно. Никто из свидетелей, ехавших в момент преступления или вскоре после совершения его из поселка Румшишки в направлении Круониса, не встретили легкового автомобиля, соответствовавшего описанию. Поэтому полиция предполагает, что преступники проехали в направлении Ковно лишь короткий отрезок пути, до проселочной дороги, ведущей

через поселок Зиделькишки на главное Виленское шоссе, где они снова повернули на Вильно.

Все признаки свидетельствуют о том, что убийство носит политический характер. Митрополит Сергий именно в последнее время резко выступал против большевизма и особенно против церковного лицемерия советского правительства. Совершая свое покушение, большевики снова воспользовались немецкой военной формой.

Командир охранной полиции Литвы объявил награду в десять тысяч рейхсмарок за указание убийц.

Погребение тела убитого митрополита состоится в Риге.

Торжественная панихида в Ковно

Тело зверски убитого митрополита Сергия сперва было доставлено в православную церковь в Ковно, где состоялось его положение в гроб. В сослужении православного духовенства городов Ковно и Вильно состоялась торжественная панихида. Верующие заполнили церковь до предела. Многие вынуждены были остаться на улице в ожидании прощания со своим духовным пастырем. Тело митрополита стояло посредине церкви, по обе стороны от него стояли гробы с телами его спутников, убитых вместе с ним. Это водитель автомобиля митрополита, оперный артист Радикульцев, выступавший в Литве с концертами для русских беженцев, и его супруга.

После окончания торжественной панихиды гроб с останками митрополита был перенесен в автомобиль, доставивший тело покойного в Ригу, где оно будет предано земле.

В Ригу также доставлено тело шофера, а тела зверски убитой четы Радикульцевых будут похоронены на Ковенском православном кладбище».

<Без автора>

В течение 1943 года оккупанты изменили свое отношение к православной церкви. От политики заигрывания они перешли к политике неприкрытого ограбления и осквернения храмов. Так, в бюллетене полиции

безопасности от 5 февраля 1943 года писалось о том, что «русские церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил»[79].

Заслуживают особого внимания показания священника Ломакина о положении в Новгороде в конце 1943 года: «Чего только не устроили немцы и испанцы в домах Божьих, освященных вековыми молитвами, во что только не превращали наши святыни: казармы, уборные общего пользования, склады овощей, кабаре, в немногих случаях глазные лазареты, наблюдательные пункты, конюшни, гаражи, дзоты, штабы военных частей. Все что угодно — только не дома молитвы! А разбросанная в изобилии по храмам порнографическая литература немцев и испанцев, бесстыжие фотоснимки и беззастенчивые акварели на стенах храмов, исторических памятников и общественных зданий, устройство уборных, вонючих овощехранилищ и конюшен в святых алтарях дополняет жуткую картину морального разложения горе-победителей, недавних хозяев в городе.

Попирая чувства верующих, немцы дали распоряжение: "В церковь ходить разрешается только по пропускам, которые даются на несколько человек"»[80].

В целом можно согласиться с утверждением западных исследователей В. Алексеева и Ф. Ставру о том, что «германский фашизм был не менее враждебен христианству и особенно Русской Православной Церкви, чем советский коммунизм».

В марте 1944 года из Ленинграда был отправлен от митрополита Алексия с заданием А. Ф. Шишкин. Ему нужно было выяснить положение дел православной церкви в освобожденных районах. О поведении русских священников в условиях нацистской оккупации он написал следующее: «В ком билось сердце патриота Родины и кому действительно дорога была Русь не профашистской миссией, а Святым Владимиром крещенная... и кровью истинных сынов своих на поле брани напоенная — тот и в немецком плену любил ее паче жизни своей и умер как истинный патриот. Таковыми были, например, священник А. Петров (г. Гатчина) и свя-

щенник И. Суслин (с. Орлино). Оба они расстреляны немцами.

Те же, кто не мог отнести себя к разряду героев, но кто, живя в немецком плену, думал иногда, что за фронтовым кордоном живут их братья и сестры, сыновья и дочери, терпят муки холода и голода и всё во славу Отчизны своей — тот слушался "Миссии", но при этом не порывая молитвенного общения со своими иерархами, молился за православное русское воинство и терпеливо ожидал встречи "со своими", решив не покидать приходского места при эвакуации немцев. Таковыми были, например, протоиерей Красовский, священник Митрофанов, протоиерей Забелин.

Но были и такие, которые, проявляя "ревность не по разуму", молились за Адольфа Гитлера, устраивали торжественные богослужения в "юбилейные" дни захвата немцами селений, чтили власть предержащих, получали от них подарки.

Наконец, были просто предатели Родины, такие, как священник Амозов, которые неистовствовали по отношению к Советской власти и Ленинградскому иерарху.

При наступлении частей Красной армии они бежали с немцами, грабя храмы, забирая священные сосуды и антиминсы. Таковыми были прот. Кудринский из с. Рождествено, о. Лаптев из Орлино»[81].

Безусловно, с самого начала оккупации нацисты относились к русской духовной жизни неоднозначно и крайне непоследовательно. Церковью играли, церковь использовали. Но что все же заставляло русских священнослужителей активно сотрудничать с немецко-фашистскими оккупантами? Многие из них, арестованные советскими органами государственной безопасности, так отвечали на этот вопрос: «Во-первых, это материальная заинтересованность. Мы были обеспечены службой и получали за нее гораздо больше материальных благ, чем при советской власти. Во-вторых, нам нравилось, что мы вновь стали уважаемыми членами общества, ну а в-третьих, практически все из нас подвергались репрессиям со стороны коммунистов»[82].

За многовековую историю нашего отечества православное духовенство не раз способствовало консоли-

дации нации перед угрозой внешнего врага. Пользуясь тем, что церковь в предвоенные годы в СССР оказалась на грани уничтожения, нацисты всячески пытались использовать ее в период оккупации для своих целей: духовного порабощения общества и изоляции сил сопротивления. Церковь рассматривалась ими как филиал министерства пропаганды, а священнослужители — как потенциальные агенты немецких спецслужб.

Пренебрежительное отношение к христианству вообще и к православию в частности скрывалось у нацистских идеологов за лозунгами об «освобождении русской церкви от ига большевизма». Каждый факт сотрудничества православных священников и нацистов широко освещался в коллаборационистской печати.

Советское сопротивление не сразу преодолело свое негативное отношение к Русской православной церкви — на первом этапе войны священники по инерции воспринимались как враги и потенциальные союзники фашистской Германии. Потребовалось время, чтобы в условиях вражеского тыла партизаны, подпольщики и многие православные священники осознали разницу между пастырским служением и сотрудничеством с врагом.

Глава шестнадцатая

СКОРО САМ УЗНАЕШЬ В ШКОЛЕ...

Ребенок и война. — Дети в немецких разведшколах. — Беспризорники. — Организация школьного дела. — Новые учебные программы. — Учителя и ученики

Одними из наиболее пострадавших в условиях нацистской оккупации были дети. Уже в первые недели войны советские органы государственной безопасности выявили факты использования детей и подростков нацистскими спецслужбами. Так, в специальном сообщении УНКВД по Смоленской области в Особый отдел НКВД Западного фронта от 4 сентября 1941 года давалась информация об использовании немецкой разведкой детей и подростков.

В нем говорилось о том, что «за последнее время германская разведка на Западном фронте практикует переброску через линию фронта детей и подростков с заданиями по разведке расположения наших аэродромов и частей Красной Армии, а также для подачи световой сигнализации в местах скопления войск Красной Армии и артиллерийских батарей»[1].

Управлением НКВД по Смоленской области на линии фронта в районе Ярцево был задержан одиннадцатилетний мальчик Иван Петров. В ходе допроса Петрова удалось установить, что он совместно со своим товарищем, односельчанином Михаилом Абраменковым, пятнадцати лет, 16 августа 1941 года в лесу был задержан немецким офицером, который, выяснив их местожительство, предложил сходить за линию фронта и выяснить расположение частей Красной армии, обещая по возвращении выдать им вознаграждение: Петрову — две тысячи рублей, а Абраменкову — пять тысяч рублей, причем тогда же Петрову он подарил ботинки и чулки, а Абраменкову — рубашку.

Получив согласие ребят отправиться в расположение частей Красной армии, немецкий офицер выдал им ракетницу и пять ракет для подачи световых сигналов в ночное время о местонахождении войск Красной армии.

Перейдя линию фронта, Петров и Абраменков 17 и 18 августа беспрепятственно курсировали в расположении частей Красной армии. Абраменков записывал результаты наблюдений. В ночь на 18 августа, расположившись недалеко от одной из воинских частей Красной армии, они выпустили имеющиеся у них сигнальные ракеты.

Начальник Управления НКВД по Смоленской области майор госбезопасности С. Клепов отметил: «Характерно, что на бродивших по линии фронта Петрова и Абраменкова никто внимания не обращал. При отдельных расспросах патрулировавших красноармейцев Петров и Абраменков объясняли, что они местные жители, и их без проверки отпускали.

Собрав нужные сведения, 19 августа с. г. Петров и Абраменков направились в расположение частей не-

мецкой армии, по дороге Петров был задержан, а Абраменкову удалось скрыться. Меры к его розыску и задержанию приняты».

Подобные случаи были не единичными. Так, 3 сентября 1941 года в районе Вязьмы чекистами был задержан тринадцатилетний Николай Шалманов. По его показаниям, он, проживая в Смоленске, совместно со своими сверстниками Леонидом Соловьевым, Николаем Плисовым, Николаем Ивановым четыре раза посылался немцами на разведку в расположение частей Красной армии, за что оккупанты их кормили и поили вином.

Перед этими малолетними преступниками нацисты ставили задачу выявления месторасположения частей Красной армии и аэродромов.

Из показаний Шалманова: «Кроме меня, Плисова, 13 лет, Иванова, 13 лет, и Соловьева, 18 лет, немцы также посылали из Смоленска Козюльского Виктора, 13 лет, его брата Козюльского Леонида, 16 лет, Иванова Евгения (брата Николая), 15 лет. Все они ходили в расположение частей Красной Армии и приносили немцам требуемые разведывательные сведения».

В процессе вербовки немцы в первую очередь обращали внимание на беспризорных и безнадзорных детей. Так, отец задержанного чекистами Николая Шалманова находился в рядах Красной армии, а нерадивая мать его бросила. Из Смоленска в Вязьму он попал в поисках хоть какого-нибудь пропитания.

Вербовкой подростков для выполнения заданий гитлеровцев занимались и представители местной русской коллаборационистской администрации. Так, задержанный Софоновским РО УНКВД 26 августа 1941 года Георгий Макуров из деревни Приселье Ярцевского района показал, что назначенный немцами старшина Александр Лиличкин 10 августа вызвал его к себе вместе с Павлом Фроленковым. Староста предложил им идти к гитлеровцам и выполнить их поручение. Встретившие ребят немцы поручили им разведать, есть ли на реке Вопь переправа и имеются ли там красноармейцы. При попытке ребят отказаться немецкие офицеры угрожали им расстрелом. Макуров и Фроленков ходили в разведку, но по возвращении обманули немцев, заявив, что

переправы и красноармейцев на реке Вопь не видели. За это немцы выдали им табак.

Смоленские чекисты сделали следующий вывод: «Из приведенных фактов усматривается, что немецкая разведка путем подкупа, спаивания и принуждения широко использует в борьбе с Красной Армией малолетних детей и подростков, в связи с чем Управлением НКВД по Смоленской области приняты меры по фронтовым районам к задержанию и тщательной проверке всех проходящих детей и подростков»[2].

Некоторые подростки вовлекались в разведывательные и пропагандистские службы противника помимо их воли. Так, в июле 1941 года под Псковом гитлеровцами был захвачен детский дом, где находились подростки с замедленным психическим развитием. Приставленные к ним соответствующие специалисты сумели внушить своим подопечным, что очень скоро за ними прилетят на самолете мамы. После этого вместе с немецкими агентами, под видом эвакуированных, их отправили в Ленинград. Там больным детям вручили сигнальные ракетницы и расставили около особо важных объектов, в частности, Бадаевских складов. Во время налета немецкой авиации те стали пускать ракеты вверх, так как им было внушено, что за ними прилетели их родители[3].

В 1942 году абвер активизировал свою работу с подростками и детьми. В связи с этим 20 февраля того же года вышло указание НКВД СССР «Об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран»[4]. В нем отмечалось, что «в последнее время в прифронтовой полосе германская разведка организовала сеть разведывательных школ. В них набирались дети и подростки в возрасте от 8 до 14 лет, главным образом из семей репрессированных Советской властью родителей, из уголовно-хулиганского элемента и беспризорных. Такие школы выявлены в городах Мценск, Белгород, Славянск...»[5].

В течение семи—пятнадцати дней дети и подростки обучались в этих школах незаметному проникновению в расположение частей Красной армии. Они должны

были узнавать сведения о количестве войск, выявлять названия и нумерацию частей, фамилии командиров, расположение артиллерии, танков, складов с боеприпасами и горючим. Чекисты сообщали советскому руководству о том, что «12 января 1942 г. Особым отделом Западного фронта при переходе линии фронта со стороны противника в районе ст. Бастеево Тульской обл. был задержан Крутиков Николай, 1930 г. р., сын ветврача, имеющий четыре привода за хулиганство. Он на допросе сознался в том, что был завербован германской разведкой и переброшен на нашу территорию с заданием выяснить расположение частей Красной армии.

Как показал Крутиков, он прошел краткосрочные курсы разведчиков в г. Мценске, на которые немцами набраны дети в возрасте до 14 лет. На этих курсах дети обучаются умению владеть гранатой, советской винтовкой и револьвером, окапыванию и ползанию, обращению с военными картами, усвоению воинских званий комсостава Красной армии и как вести агентурно-военную разведку».

Разведывательные школы для детей и подростков создавались на всей оккупированной территории нашей страны. Так, из показаний арестованной в марте 1942 года Валентины Егоровны Михайловой, тринадцати лет, жительницы города Ржева, было установлено, что в Ржеве дислоцируется немецкий разведывательный орган, при котором имеется школа по подготовке агентуры, забрасываемой в тыл Красной армии, из числа девушек и мальчиков в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Указанную категорию агентуры вражеский разведорган забрасывал в тылы Красной армии под видом нищих с заданиями выявлять дислокацию, численность и вооружение частей.

Ленинградские чекисты выявили, что для вербовки агентов немцы используют в первую очередь следующий контингент:

1. Антисоветски настроенных лиц из местного населения, репрессированных в свое время органами НКВД, или родственников репрессированных.
2. Предателей.
3. Дезертиров из Красной армии.

4. Подростков.

Что касается последних, отмечалось следующее: «Германские разведывательные органы широко использовали подростков, забрасывая их в наши тылы, в частности в г. Ленинград, с задачами сигнализации ракетами в районах расположения частей КА, военных заводов, мостов и т. д.

Так, например: 1) задержанный 10.10.41 г. при переходе зоны заграждения подросток Захаров Н. И. показал, что он завербован немецким офицером и переброшен через линию фронта для подачи сигналов ракетами во время налетов немецкой авиации на Ленинград в районах мостов, Кировского завода, стоянок кораблей Балтийского флота. При задержании у Захарова было обнаружено и изъято 38 ракет и одна ракетница; 2) задержанный 15.11.41 г. при переходе линии зоны заграждения подросток Федоров В. С. показал, что он завербован немецким капитаном и переброшен для подачи сигналов ракетами немецким самолетам в районах расположения воинских частей».

Особым отделом Брянского фронта на основании агентурных и следственных материалов было установлено существование в Мценске разведывательной школы германской разведки. Данное заведение готовило подростков в возрасте одиннадцати—тринадцати лет с последующей засылкой их в тыл Красной армии для сбора шпионских сведений.

Обучающиеся в Мценской разведшколе малолетние разведчики воспитывались в духе преданности германскому фашизму, изучали технику конспирации, способы сбора разведывательных данных, а также технику совершения диверсионных актов.

В ориентировке Управления особых отделов НКВД СССР от 5 июня 1942 года «О действующей в г. Мценске немецкой разведывательной школе, готовящей подростков для совершения шпионских и диверсионных акций в частях Красной Армии» отмечалось: «Арестованный несовершеннолетний германский разведчик "Рославец" — Кузьмичев Н. И., 1929 г. рождения, окончивший германскую разведшколу в г. Мценске, имел задание офицера германской разведки Мореца пробраться в

г. Ефремов, вступить в одну из воинских частей Красной Армии в качестве воспитанника и собирать сведения о наличии в Ефремове войсковых соединений, их численности и вооружении.

На случай задержания при переходе линии фронта Кузьмичев был проинструктирован офицером германской разведки Морецом выдавать себя за сына рабочего Конотопского завода Рославца Тимофея, которого немцы расстреляли как коммуниста, и вместе с отцом немцами также убита его мать. Желая мстить немцам за смерть родителей, он перешел линию фронта с тем, чтобы вступить в одну из действующих частей Красной Армии для осуществления своей цели.

Умело используя легенду, полученную от германской разведки, Кузьмичев при переходе линии фронта арестован не был, сумел устроиться воспитанником 18-го армейского запасного стрелкового полка и лишь впоследствии был разоблачен как агент германской разведки агентурным путем»[6].

К 1943 году военное командование и политическое руководство гитлеровской Германии убедились в том, что ее диверсионные органы не справляются со своими задачами, действуют неэффективно. В частности, им не удается вывести из строя прифронтовые железнодорожные коммуникации Красной армии как одни из самых важных стратегических объектов. Им также не удается преодолеть барьеры советской военной контрразведки «Смерш». А их агенты — диверсанты, завербованные в лагерях советских военнопленных, или проваливаются, или отказываются выполнять задания и приходят с повинной.

В этих условиях руководители абвера ищут новые приемы совершения диверсий, надежные кадры диверсантов, чтобы ударить по самому уязвимому месту Красной армии — железнодорожному транспорту и вывести из строя прежде всего паровозный парк.

Для этого предполагалось широко использовать в качестве диверсантов детей-подростков. Во-первых, как рассуждали оккупанты, их много бродит по дорогам войны, осиротевших и неприкаянных. Во-вторых, используя психологические особенности, возрастную

активность подростков, их можно толкнуть на любые действия, на любую авантюру. Главное — заинтересовать и увлечь. Гитлеровцы рассчитывали, что подростки-диверсанты не привлекут внимания советской контрразведки, а военнослужащие Красной армии, население прифронтовой полосы отнесутся к ним снисходительно. Кому же из взрослых придет в голову, что несчастные дети, которые бродят по вокзалам или станциям, на самом деле закладывают мины под рельсы или минируют склады угля и тендеры паровозов?[7]

В качестве таких диверсантов нацисты начали использовать детей с шести лет. Под видом нищих они должны были побираться около железнодорожных станций, а при первой возможности подбрасывать в угольные кучи тол, замаскированный под уголь. Безусловно, большинство малышей не выполняли заданий немецких спецслужб, но кто-то за конфетку, шоколадку или под воздействием угроз подрывал советские эшелоны. Таких детей было очень мало, но нацистов это нисколько не смущало. Даже если из сотни русских детей один выполнял задание, прямая выгода была налицо: и еды ребенку нужно меньше, и обмануть его было гораздо легче, чем взрослого.

20 июня 1943 года начальник абвергруппы 209 («Буссард») капитан Фридрих Больц подал рапорт своему начальству, в котором говорилось следующее: «Достоверно установлено, что забрасываемая нами агентура нередко задерживается не столько вследствие усиления контрразведки, сколько по причине слабой маскировки агентов и низкого качества их документов прикрытия. Поэтому для усиления диверсионной деятельности предлагается усовершенствовать средства, тактику и способы совершения диверсионных актов, а также скрытность маскировки самих исполнителей.

Гарантии успеха будут обеспечены:

Во-первых, маскировкой заряда (мины) взрывчатого вещества большой мощности (гексанита) под естественные куски каменного угля (разработано лабораторией Абвера-2), а также простотой и доступностью способа применения этого средства путем подбрасыва-

ния его в тендеры паровозов или в неохраняемые склады угля на железнодорожных станциях.

Во-вторых, исполнителями диверсионных актов будут задействованы не взрослые агенты, а специально обученные подростки от 10 до 16 лет. На их подготовку потребуется гораздо меньше средств и времени. В России они не имеют никаких документов, ими забиты все крупные прифронтовые вокзалы и станции, отношение к ним военных и охраны участливое и снисходительное. Поэтому появление их у объектов диверсии не вызывает подозрений.

Вышеназванная категория бездомных подростков, потерявших родителей, в большом количестве скопилась и на занимаемой вермахтом территории, а также в концлагерях, в детских домах, приютах, городах и селах.

Учитывая психологические особенности возраста подростков, повышенную энергию, стремление подражать взрослым и самоутвердиться, а также их идеологическую неустойчивость и внушаемость, предлагается:

1. Под видом воспитанников и службы в Русской освободительной армии мобилизовать физически здоровых подростков и в порядке эксперимента сформировать команду в количестве 30—40 человек, временно дислоцируя ее на базе "Особого лагеря МТС" 203-й абверкоманды.

2. Воспитание и обучение в течение месяца подрывному делу, топографии, прыжкам с парашютом и строевой подготовке организовать на территории Германии, под Касселем, в моем охотничьем имении Гемфурт. Там будут созданы необходимые материальные условия и возможности для идеологической обработки, в том числе путем ознакомительных экскурсий.

3. Из числа штатного состава "Буссарда" создать рабочую группу — 5 единиц — во главе с обер-лейтенантом Ростовым-Беломориным по руководству "Особой командой Гемфурт", а также воспитанию и обучению подростков»[8].

Немецкими спецслужбами было принято решение набирать детей для этой школы из детских домов и деревень, располагавшихся в районе Смоленска.

В плане работы предусматривались три стадии организации и подготовки подростков. На первой — будущие малолетние диверсанты, мобилизованные из детских домов и деревень, должны были находиться в «Особом лагере МТС», где им предстояло адаптироваться и привыкнуть к порядку, который действовал в Русской освободительной армии в отношении воспитанников. Их статус приравнивался к статусу военнослужащего-добровольца этой армии, что предполагало полное обеспечение одеждой, усиленное питание и выплату денежного содержания в 30 немецких марок ежемесячно для приобретения личных вещей и туалетных принадлежностей.

Команды из тридцати подростков разбивались на три отделения для изучения уставов, строевой подготовки, стрелкового оружия и практики его применения. Было предусмотрено, что их бытовое и спальное расположение будет находиться отдельно от взрослых добровольцев, и более того — с максимальной изоляцией от них.

Каждому подростку была выписана персональная солдатская книжка с фотографией и установочными данными на немецком и русском языках. Вся их жизнь и поведение строго регламентировались жестким распорядком дня и режимом пребывания в охраняемой зоне лагеря. Сохранялось в секрете их будущее целевое использование. Увольнение подростков для свидания с родственниками разрешалось только в индивидуальном порядке и только с согласия руководства «Буссарда».

Основная идеологическая обработка и профессиональная подготовка были запланированы на второй стадии — в Германии, под городом Касселем, в местечке Гемфурт, в шпионской школе Вальдек, куда из Смоленска поездом была вывезена вся команда из тридцати человек. Пребывание и обучение в школе Вальдек дополнялись изучением подрывного дела с применением взрывчатых веществ. Здесь же подростки проходили парашютную подготовку, топографию и основы разведки.

Выезд в диверсионную школу маскировался как экскурсионная поездка в Германию для ознакомления с

местными достопримечательностями. В процессе изучения подрывного дела лишь в самом конце обучения подростки посвящались в истинные планы их использования — совершать диверсии на прифронтовых железнодорожных коммуникациях Красной армии.

На третьей стадии обученных и идеологически обработанных подростков планировалось забросить в советский тыл для выполнения заданий германского командования.

Узнавшие об этих планах противника советские органы государственной безопасности отнеслись к ним с полной серьезностью. Наша агентура получила задание внедриться в эту школу. О деятельности «Буссарда» докладывалось лично И. В. Сталину: «1 сентября 1943 г. в Управление контрразведки "Смерш" Брянского фронта (г. Плавок Тульской области) явились два подростка:

Крутиков Михаил, 15 лет, уроженец г. Борисова БССР, русский, образование 3 класса, и Маренков Петр, 13 лет, уроженец Смоленской области, русский, образование 3 класса.

Оба они заявили, что в ночь на 1 сентября с. г. с Оршанского аэродрома на двухмоторном немецком самолете были заброшены на парашютах в район г. Плавска и имели задание немецкой разведки — проникнуть на любую железнодорожную станцию и незаметно подбросить в штабель угля, из которого паровозы заправляются топливом, по три куска взрывчатки, закамуфлированной под обычный каменный уголь. После чего перейти линию фронта на сторону немцев и доложить о выполнении задания.

Одновременно с Крутиковым и Маренковым в наш тыл с аналогичным заданием были заброшены еще 27 диверсантов-подростков в разные районы железнодорожных станций Московской, Тульской, Смоленской, Калининской, Курской и Воронежской областей. Это свидетельствует о том, что немцы пытаются этими диверсиями вывести из строя наш паровозный парк и тем самым нарушить снабжение наступающих войск Западного, Брянского, Калининского и Центрального фронтов.

Выброска на парашютах была произведена попарно с трех самолетов.

Крутиков и Маренков принесли с собой парашюты, по три куска взрывчатки, сумки с продуктами и по 400 рублей денег. Они были одеты в грязные поношенные, красноармейского образца, гимнастерки, гражданские брюки, что придавало им вид беспризорников»[9].

В процессе бесед и опроса подростков чекистами было установлено «наличие диверсионной школы подростков в возрасте 12—16 лет, организованной германской военной разведкой. В течение месяца Крутиков и Маренков вместе с группой из 30 человек обучались в этой школе, которая дислоцируется на охотничьей даче, в 35 км от гор. Кассель (Южная Германия).

Основным контингентом обучаемых являются воспитанники детских домов, не успевших эвакуироваться в 1941 году, а также подростки, семьи которых проживают на временно оккупированной немцами территории.

Отбор подростков ведется под видом службы в Русской освободительной армии (РОА) в качестве воспитанников, с учетом детской психологии и романтических наклонностей этого возраста. Им улучшают жизненные условия, подвергают идеологической обработке в нацистском духе, устраивают экскурсии по городам и поместьям Германии, обещают награды и подарки.

В диверсионной школе установлен строгий режим и распорядок дня, четыре часа отводится на изучение основ топографии, подрывного дела, стрельбе, правилам прыжков с парашютом, строевой подготовке. Все обучающиеся тренировались на местности способам перехода линии фронта и сделали по одному тренировочному прыжку с парашютом.

Опросом Крутикова удалось установить официальных сотрудников школы, приметы и установочные данные на всех заброшенных подростков-диверсантов»[10].

В условиях перелома в войне гитлеровцы и их пособники не гнушались призывать детей в РОА в качестве «воспитанников» и «сыновей полков». Они выполняли различные вспомогательные функции: служили адъютантами, переводчиками, пропагандистами. В. Н. Бурмистров, 1930 года рождения, позднее вспоминал:

«С нами "занимался" переводчик коменданта. Ему было лет 16, не больше, одет он был всегда в форму власовца (немецкая форма с небольшими изменениями). Кто он был по национальности и откуда хорошо знал и русский, и немецкий языки, мы не знали. А главное его занятие с нами было — борьба. Это у него было как болезнь. Естественно, у нас не было никакого желания и физических возможностей составить ему конкуренцию. Он был приземист, широк в плечах и отменно упитан, из нас же каждый был на 4—5 лет моложе его, худ и слабосилен от недоедания, и он без труда поочередно клал нас на лопатки и был очень доволен. Один из мальчишек, лет тринадцати или четырнадцати, не знаю, из какого села, как-то изловчился и положил Пискуна (так переводчика все звали за его визгливый голос) на лопатки. О Боже! Что тут началось! Сначала Пискун не понял, что произошло, долго лежал без движения. Потом вскочил, убежал в дом и выбежал оттуда с нагайкой, с которой он ездил на лошади, сопровождая коменданта, причем комендант всегда ездил на лошади белой масти, а Пискун — на две трети корпуса лошади сзади и сбоку, как привязанный, на лошади темной масти.

Победитель в борцовском поединке был нещадно избит плеткой, кулаками и уже лежащим — ногами»[11].

Война не делала никаких скидок на возраст. Если говорить о детях, оказавшихся в экстремальных условиях оккупации, то они, как и взрослые, вынуждены были переносить все проблемы, лишения и сложности, связанные с ней. «Страх» — вот слово, которое чаще всего встречается в детских воспоминаниях о войне: «Было страшно, когда отец приходил домой и срочно отправлял старших сестер по дворам, где были дети старше шестнадцати лет, чтобы предупредить об облавах, которые периодически устраивали немцы и полицаи с целью угона молодежи в Германию. Страх, что нас выгонят зимой из сарая, где жила наша семья, так как дом занимали немецкие солдаты, страх, что отца расстреляют за связь с партизанами»[12].

Дети наравне со взрослыми вынуждены были бороться за выживание, любыми способами зарабатывать себе на жизнь. И если в сельской местности, в условиях

натурального хозяйства, было больше шансов выжить, не вступая ни в какие контакты с представителями оккупационных властей, в городах это было практически невозможно.

В книге Вяйне Линны «Неизвестный солдат» рассказывается о том, как дети, пытаясь задобрить финских солдат, ругались на их родном языке: «Приближаясь к своей казарме, они встретили ватагу маленьких ребятишек, просивших хлеба или сигарет. Они дали им сигарет, не сомневаясь, что те отнесут их своим отцам. Благодарность детей выразилась в залпе финских ругательств. Очевидно, они научились им у солдат и считали, что это подходящая плата за курево»[13].

В городах и деревнях дети наравне со взрослыми много и тяжело работали. «Время было тяжелое, голодное и холодное. Мы, подростки, как могли, работали: пахали и бороновали землю, в основном на коровах, потому что почти все лошади (тракторов не было вообще) или были "мобилизованы" еще в Красную Армию, или использовались немцами на свои военные нужды. Мы косили сено, пасли скот, который остался, работали со своими родителями на огородах, чтобы как-то прокормиться и не умереть с голоду»[14].

Сельским жителям было в чем-то легче, чем горожанам. И в предвоенные годы многие колхозники жили за счет своих приусадебных участков.

Часть жителей Новгорода и Пскова, не имевшая постоянной работы, привлекалась к снегоочистке железных дорог и другой неквалифицированной деятельности. Неявка на такую работу рассматривалась как саботаж, за который виновный мог быть отправлен в лагерь. Людям, работавшим в порядке трудовой повинности, полагалась ежедневная пайка хлеба, которую выдавала райжилконтора. К работе привлекались и дети. В мае 1942 года в Пскове были организованы юношеские рабочие дружины, состоявшие из детей одиннадцати—двенадцати лет. Они работали на уборке города по четыре часа в день[15].

Среди детей и подростков в городах стала популярна профессия «рикши». «Во время оккупации все неработающие жители, а это старики и дети, старались, как могли, найти пропитание. Детям в этом отношении

было несколько "лучше". Мы, ребята, переделали лошадиную двухколесную повозку под тележку и по очереди использовали ее для перевозки немцам их рюкзачков. Услугами этими не брезговали ни офицеры, ни рядовые. За то мы получали от "освободителей" то кусок эрзац-хлеба, то огрызок маргарина, то одну-другую оккупационную марку»[16].

В условиях каждодневного выживания дети и подростки были поставлены перед дилеммой — пытаться как-то заработать себе на пропитание или эту еду украсть у других. В оккупированных городах России появились группы подростков, готовых на все ради куска хлеба. Не брезговали они ни воровством, ни мелким хулиганством. Так, в газете «Новый путь», которая выходила в 1941—1943 годах в Смоленске, была опубликована статья «Необходимо усмирить хулигана»:

«Пожилой человек с печальным лицом, держа в руках корзинку, зашел в редакцию.

— Вот вы осуждаете в своих газетах тех, которые не обработали землю на своих огородах, а что делать тем, которые отдали все свои силы, чтобы взрастить овощи, а сейчас вынуждены проливать горькие слезы?

— Почему слезы? — удивленно спрашиваем мы.

— Потому что хулиганы-подростки учиняют набеги на огороды и злостно уничтожают и воруют всё, что подвертывается под руки. На нашей Западно-Кольцевой улице целая шайка таких молодчиков. Атаманом у них — 15-летний Юрка Перегонцев. Он зарабатывает большие деньги, подвозя на тележках багаж с вокзала. Но в свободное время ему хочется "поразвлечься", и вот он командует своей шайке:

— Лёнька, сейчас полезешь в тот огород и порубишь ножом тыквы. А ты, Валька, должен поломать подсолнух и стащить картошку в соседнем огороде.

Плачущий человек кладет на редакционный стол несколько зеленых несозревших тыкв и только что отцветших подсолнухов.

— Понимаете ли, как бывает горько, когда бессмысленно гибнет то, что ты взрастил?»[17]

В воспоминаниях некоторых детей, переживших оккупацию, встречается информация о том, как они нена-

видели своих, как им казалось, «богатых» сверстников. Последние имели возможность ходить в школу, посещать киносеансы, над ними не висела угроза голодной смерти. Гарантией «благосостояния» этих детей являлись их родственники, работавшие в различных коллаборационистских структурах или просто занятые на производстве и имевшие возможности «подкармливать» свои семьи.

К началу Великой Отечественной войны поколение, выросшее при советской власти, представляло собой значительную силу. Разведуправление 61-й пехотной дивизии вермахта признавало, что «в отношении молодежи необходимо констатировать очень сильное влияние большевиков. Большевики сознательно уделяли много внимания молодежи, воспитывали и продвигали ее... Они сумели пробудить в ней сознание превосходства большевистской культуры и техники, а также вселили веру в лучшее будущее советского народа»[18].

Для разложения подрастающего поколения в крупных русских городах вводилась специальная должность «представителя министерства пропаганды по школам». Он непосредственно контролировал отдел просвещения городской управы. В качестве первоочередных задач, решаемых этим отделом, нацисты называли следующие:

1. Составление новых учебных планов и программ.
2. Подготовка зданий к учебным занятиям.
3. Регистрация педагогов.
4. Замена советских учебников новыми[19].

Отдел просвещения был обязан по запросам германского командования подготовить справки о школах и вузах, действовавших на данной территории до июня 1941 года. Отдельно брались на учет все преподаватели высших учебных заведений, средних школ, работники дошкольных учреждений и дети школьного возраста.

Одной из главных проблем, которой должна была активно заниматься коллаборационистская администрация, немецкое командование назвало «дебольшевизацию населения и в первую очередь детей». Делать это предполагалось руками педагогов.

В своих «Застольных разговорах» 11 апреля 1942 го-

да Гитлер, рассуждая о будущей судьбе России, заявил своим слушателям: «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Если русские, украинцы, киргизы и прочие научатся читать и писать, нам это только повредит...

Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать покоренным народам об их истории...»[20]

Следовательно, можно сделать вывод, что вся политика оккупантов в сфере народного образования русского населения целиком и полностью относилась к пропагандистской акции и во многом курировалась соответствующими нацистскими службами. Нельзя забывать и о том, что оккупационные службы на местах нуждались в активном содействии со стороны коллаборационистов. «Новая русская школа» должна была воспитывать людей, пронемецки и пронацистски настроенных. В особенности это стало актуальным после срыва плана молниеносной войны Германии против Советского Союза. Для нацистов в этих условиях школа и ее работники должны были стать той силой, которая позволила бы контролировать русскую молодежь, способствовала ослаблению на нее влияния со стороны представителей антифашистского сопротивления. На это постоянно обращалось внимание руководителей «новой русской администрации». Так, в «Наставлении бургомистрам» говорилось о необходимости устройства школ на открытом воздухе: «В населенных пунктах, в которых из-за размещения в них войсковых частей учебная работа невозможна, следует попытаться обеспечить школьную молодежь воспитанием и обучением путем учебной работы в школах на открытом воздухе. Такого рода школы можно соорудить в садах, парках, скверах, под временно оборудованными для этой цели навесами и т. п. Прилагать все усилия к тому, чтобы школьная молодежь находилась бы под присмотром»[21]. Этот документ, составленный на немецком языке с параллельным переводом на рус-

ский, широко распространялся в центральных и северных областях России.

Организация учебного процесса осложнялась отсутствием новых учебников. Временно было решено сохранить старые, довоенные, предварительно уничтожив в них все упоминания и высказывания вождей коммунистической партии и Советского государства. Данную операцию ученики проделывали под жестким контролем учителей. Переживший оккупацию ставропольчанин М. А. Горькавый так вспоминал об этом: «В начале сентября нас, мальчишек, живущих на Подгорных улицах, заставили идти в школу, которую открыли в двухэтажном большом доме. На первом занятии дал напутствие немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем достали мы свои учебники и начали по команде заклеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом появился батюшка в рясе и с крестом, и с того дня мы стали изучать Закон Божий»[22].

При «чистке» учебников не обошлось без курьезов. Нацистская инструкция требовала уничтожения любого упоминания о советской власти, коммунистической партии и произведений еврейских авторов. Следовательно, программа по истории Средних веков осталась без изменений. Но одна из ее тем звучала следующим образом: «Германия XII—XV веков — 3 часа: 1. Немецкая агрессия на восток. Немецкие завоевания полабских и померанских земель, завоевание немцами Прибалтики. Тевтонский орден и захват новых земель. Борьба Литвы и Польши с Орденом. Грюнвальдская битва»[23]. Эта программа в некоторых школах просуществовала до 1943 года, пока уроки истории не были отменены.

В начальной школе рекомендовалось изучать следующие дисциплины: немецкий и русский языки, арифметику, краеведение, естествознание, гимнастику и пение. Основной упор делался на русский язык (по восемь часов в неделю в 1-х и 2-х классах, по семь — в 3-х и 4-х классах), арифметику (по шесть часов) и немецкий язык (по 3 часа в 3-х и 4-х классах). Вся учебная программа составляла 18 часов — в первом классе, 24 — во втором и 30 — в четвертом[24].

Закон Божий первоначально в программах отсутствовал, хотя к преподаванию из-за дефицита учителей

активно привлекались не только священнослужители, но и пожилые люди, изучавшие этот предмет до Октябрьской революции.

В планах воспитательной работы отмечалась необходимость «принимать навыки духовной культуры». От учителей требовалось следить за тем, чтобы дети вежливо и почтительно относились к учителям, родителям, ко всем старшим, а особенно к полицейским, германскому командованию и германским солдатам.

С немецкой педантичностью оккупанты выпускали различные приказы и распоряжения, регламентирующие работу русских школ. Согласно их требованиям, занятия в школе начинались в восемь часов. Перед началом занятий читалась молитва «Царю Небесный», а после занятий — «Достойно есть». Все дети должны были являться в класс за 15 минут до звонка чистыми, в опрятной одежде. Мальчики — с волосами, подстриженными под машинку, а девочки — с заплетенными косичками. В классе дети во время перемены не имели права создавать беспорядка: шуметь, толкаться, бегать по партам. Все перемены проводились на воздухе. За порчу школьного имущества, инвентаря нес ответственность испортивший его. Продолжительность урока — 45 минут. Перерыв между уроками составлял 10 минут. Работники школы, учителя являлись на работу за 20 минут до начала занятий[25].

Деревенские школы, по замыслу их организаторов, должны были давать лишь азы грамотности. Этим объясняется их относительно низкая идеологизация. Определенным исключением являлись учебные заведения, находившиеся в Локотьском самоуправлении. Коллаборационистам во главе с Брониславом Каминским, ведущим активную вооруженную борьбу с брянскими партизанами, необходимо было показывать заботу об образовании подрастающего поколения. Причем это делалось командно-административными методами. В приказе № 155 по Локотьскому окружному самоуправлению от 3 декабря 1942 года Каминский извещал старост, старшин и бургомистров о том, что, несмотря на его приказ по округу № 108 от 25 октября 1942 года об обязательном семилетнем обучении, занятия в 5—7-х

классах в целом ряде школ из-за низкой посещаемости учащихся срываются, а отдельные бургомистры районов, старшины волостей и старосты местных управлений самоустранились от необходимых мероприятий по поднятию посещаемости указанных классов.

В целях реального осуществления приказа № 108 «Об обязательном обучении детей в объеме 7 классов средней школы» он приказывал:

«1. Старостам местных управлений при неослабном контроле со стороны волостных старшин и бургомистров районов в недельный срок со дня опубликования данного приказа привлечь к ответственности в виде денежных штрафов до 500 рублей всех родителей, дети которых без уважительных причин не посещают школы, а также взыскать полностью все недоимки с тех граждан, которые были подвергнуты таким штрафам ранее, но не уплатили их.

2. Всех граждан, которые после уплаты денежного штрафа будут злостно удерживать детей от посещения школ, привлекать к уголовной ответственности.

3. Обязать инспектора государственного контроля усилить проверку на местах исполнения приказа № 108 и обо всех нарушениях докладывать мне для принятия срочных мер необходимого порядка.

4. Бургомистрам районов, старшинам волостей, директорам школ и старостам местных управлений учесть, что если и в дальнейшем приказ № 108 и данный приказ не получат своего полного претворения в жизнь, то к виновным лицам мною будут приняты строгие меры вплоть до снятия с работы и предания суду»[26].

Силы сопротивления с первых дней нацистской оккупации пытались противодействовать немецкой политике в сфере образования. Наиболее успешно это осуществлялось в районах, удаленных от крупных вражеских гарнизонов. В них влияние фашистской пропаганды на систему народного образования было сведено практически к нулю. Однако работа партизан и подпольщиков в крупных населенных пунктах и на железнодорожных станциях значительно осложнялась. Это объяснялось не только наличием здесь вражеских гарнизонов и представителей нацистских пропагандист-

ских служб, но и более жестким контролем со стороны последних за работой школ. На посты директоров обычно назначались люди, пострадавшие от советской власти или из числа бывших белоэмигрантов. Ученики старших, 5—7-х классов, должны были, по замыслу фашистов, составить в будущем руководящее звено «Новой свободной от большевиков России»[27].

Весной 1942 года стабилизация Ленинградского участка фронта и последовавшее за этим немецкое наступление на первый партизанский край значительно ослабили силы сопротивления и, как следствие этого, их влияние на школы. Со стороны же захватчиков эта работа значительно активизировалась. Провал плана молниеносной войны поставил перед службами министерства пропаганды новые задачи. В Риге и Берлине разрабатывались программы, учитывающие изменившиеся реалии. К их подготовке активно привлекались русские эмигранты[28].

Конец учебного года ознаменовался повышенным интересом немецкой администрации к школам. В большинстве районов Ленинградской области, находившихся под контролем оккупантов, прошли встречи учителей и отличившихся учеников с местными комендантами. Детям говорилось о том, что их главная задача состоит «в изучении опыта строительства Новой Германии. Этот опыт пригодится всем нам в строительстве Новой Европы, свободной от жидов и большевиков».

Первый учебный год был во многом импровизационным как для немецкой, так и для советской стороны. Одни и думать не могли, что война не закончится их победой осенью 1941 года, другие же до начала боевых действий даже не предусматривали возможность оккупации. Именно этим объясняется тот факт, что в школах, работавших в зоне партизанского контроля зимой 1941/42 года, использовались лишь довоенные материалы.

Отсутствие новых учебных программ коллаборационисты компенсировали многочисленными методическими указаниями в оккупационной печати. С ее страниц учителей призывали к «живой реакции на все происходящие события» как на занятой немцами тер-

ритории, так и в советском тылу[29]. В феврале 1942 года, вскоре после опубликования в коллаборационистской «Правде», выходившей в Риге, статьи «Марина Цветаева не выдержала советской жизни», по школам Пскова, Порхова, Дна прошли «уроки памяти повесившейся в Москве великой русской поэтессы»[30].

Целенаправленная школьная политика оккупантов началась с весны 1942 года, когда план блицкрига был окончательно сорван Красной армией. В этих условиях предполагалось организовать на базе школ своего рода нацистские пропагандистские пункты.

В сентябре 1942 года в Смоленске начали свою работу семилетние, так называемые «народные школы». Согласно немецким установкам, основная задача русской школы заключалась не в обучении школьников, не в овладении ими знаниями, а исключительно в воспитании дисциплины и послушания. Для достижения этого рекомендовалось использование телесных наказаний. Однако абсолютное большинство учителей всячески саботировало распоряжения немецкой администрации. Там, где это было возможно, сохранялась советская общеобразовательная программа (конечно, с некоторыми коррективами, например, введением Закона Божьего). Заместитель бургомистра Б. В. Базилевский после встречи учителей с представителем немецкой администрации доктором Цигастом, заявившим о допустимости и необходимости в школах телесных наказаний, предупредил педагогов о том, что при первой попытке ударить ученика они будут с позором уволены[31].

Борис Базилевский, человек интересной и сложной судьбы, стремился максимально облегчить положение простых смолян, в первую очередь учителей. Судя по всему, его работа в коллаборационистских органах являлась заданием советских спецслужб.

После занятия немцами Смоленска он был назначен бургомистром, но от этого поста немедленно отказался и стал заместителем начальника города (бургомистра) Б. С. Меньшагина. После открытия Смоленской учительской семинарии ушел на должность ее директора.

На этих постах Борис Базилевский спас многих военнопленных и молодых людей от отправки в Германию.

После освобождения Смоленска дал показания перед советскими комиссиями по расследованию Катынского расстрела, а затем — на Нюрнбергском процессе, свидетельствующие о причастности к расстрелу немцев. Советскими властями не преследовался. Скончался в 1955 году в Новосибирске, где работал профессором Института инженеров геодезии и картографии.

Из газеты «Новый путь»:
«Учительская семинария
(К началу второго учебного года)

Учительская семинария открылась в прошлом году в октябре месяце. Многие встретили это событие недоверием. Какая, казалось бы, могла быть учеба, когда война в самом разгаре, рабочих рук не достаёт, а работы повсюду очень много. И вот они говорили: все равно это не надолго. Проучитесь месяц-два и бросите. Не удастся вам даже окончить учебный год. И, кроме того, вы же сами знаете, какие теперь условия для учебы. В классах холодно, многим учащимся придется помимо занятий в семинарии работать где-нибудь или помогать старшим по дому. Да, условия, действительно, были тяжелые. Классы зимой обогревались чугунками. Дрова были сырые и не горели, но тот, кто хотел учиться, не обращал на это внимания. Учащиеся семинарии сами вставляли стекла в окна и раздобывали сухих щепок для растопки.

Занятия в семинарии были налажены благодаря стараниям директора Бориса Васильевича Базилевского и преподавателей, сумевших привить учащимся любовь к литературе и истории. Еще с самого открытия семинарии все учащиеся были обеспечены хлебными и продовольственными карточками. В середине учебного года наиболее успевающим из семинаристов была выдана стипендия в размере 30—25 марок. Летом семинаристам была предоставлена возможность отдохнуть, отбыв кратковременную трудовую повинность (5—7 дней) по уборке урожая. 1-го сентября начался новый учебный год. В семинарию поступило очень много новых учащихся. Несколько изменился и преподавательский состав. Учащиеся пришли с го-

рячим желанием продолжать занятия с тем, чтобы по окончании семинарии отдать свои силы, знания и способности возрождающейся России и великому русскому народу.

Александров».

Роль связующего звена между русской и немецкой администрациями в сфере образования играл инспектор школ. В Смоленске на эту должность был назначен С. И. Блинов, который по мере сил старался ревностно проводить в жизнь распоряжения германского отдела пропаганды. Он лично развешивал в школах портреты Гитлера, других вождей Третьего рейха и красно-белые полотнища со свастикой.

Рупором профашистских взглядов в вопросах воспитания молодежи стал журнал «Школа и воспитание», издававшийся в Смоленске профессором Д. П. Сошальским (судя по всему, звание «профессор» он присвоил себе сам, так как до войны являлся рядовым преподавателем латинского языка в одном из московских институтов)[32].

Из газеты «Новый путь»:

«Новый педагогический журнал "Школа и воспитание"

В первых числах мая в Смоленске выходит первый номер педагогического и научно-популярного журнала "Школа и воспитание" под редакцией проф. Д. Сошальского.

Совершенно ясно, что происшедшее прошлой осенью возрождение русской начальной и народной школы делает такое издание весьма своевременным. Журнал ставит себе целью ввести читателя в курс проблем переживаемого момента, которые в гораздо большей степени захватывают педагогов, нежели лиц других профессий; естественно, что для воспитания нового молодого поколения педагогу прежде всего необходимо самому разобраться в этих проблемах. Вместе с тем, журнал предоставляет свои страницы читателям для обсуждения всех вопросов, возникающих в связи со строительством школьного дела. Издатели ставят себе целью сделать журнал действительным отраже-

нием жизни новой школы со всеми стоящими на ее пути задачами и трудностями.

Журнал будет выходить раз в два месяца. Он содержит следующие отделы:

Наука — культура — просвещение;

Проблемы преподавания и воспитания;

Жизнь школы;

Письма читателей;

Информация.

Более крупные статьи выпускаемого в свет первого номера посвящены темам: "Ближайшие задачи русской народной школы", "О границах научного познания", "О так называемом литературном чтении", "О советской школе", "Об использовании пришкольных земельных участков".

<Без автора>

При школьных отделах окружных управ создавались методические комиссии из учителей города и села по корректированию программ и пересмотру учебников. Предполагалось, что они будут проводить работу «по очистке программ и учебников от всяческого коммунистического хлама и подбору более ценного материала»[33]. Особое внимание обращалось на общественные дисциплины. Объявлялось, что «на уроках обществоведения будет использован материал газет, брошюр, плакатов, из которых учащиеся узнают о прекрасной жизни народов Германии и вскроют ту жидобольшевистскую ложь, которой отравляли учащихся». Жизнь немцев после прихода Гитлера к власти изображалась как «вечный праздник истинно национального духа».

Нападение на Советский Союз нацисты объясняли не только тем, что они «не в состоянии были больше терпеть демоническое ва́рварство большевиков» по отношению к своему народу, но и стремлением принести в Россию европейскую культуру. В коллаборационистской прессе об этом писалось так: «Еще не унялось зарево войны, еще продолжается борьба с умирающим большевизмом, а германский народ, его вождь Адольф Гитлер уже позаботились о том, чтобы помочь нам

приобщиться к подлинной культуре и современной науке»[34]. Под «приобщением к культуре» захватчики понимали усиленное изучение немецкого языка и воспитание в русских детях чувства преклонения «перед великим германским народом, его победоносной армией и его вождем».

Понимая роль народного учителя в воспитании подрастающего поколения, нацисты создали широкую сеть курсов по переподготовке педагогов, где с ними силами как штатных пропагандистов вермахта, так и различных представителей русской коллаборационистской администрации и средств массовой информации проводились специальные теоретические и практические занятия.

В Смоленске осенью 1941 года учителя не допускались к занятиям, не прослушав обязательные лекции: «Строительство германского государства», «Структура немецких школ», «Еврейский вопрос»[35].

На педагогических конференциях и курсах переподготовки оккупанты всячески демонстрировали свое уважение к русской интеллигенции. Педагогов бесплатно размещали, кормили, обеспечивали их культурной программой, а также пропагандистской продукцией: плакатами, фашистскими газетами, брошюрами и листовками[36].

Продолжительность курсов по переподготовке русских учителей составляла от одной недели до месяца. Так, на двухнедельных курсах в Смоленске во второй половине июля 1942 года присутствовали 84 учителя из города и 48 учителей из районов.

Основной задачей курсов, по замыслу их организаторов, было «сообщение учителям принципиальных установок, касающихся общих вопросов педагогики, в частности, вопроса о воспитании учащихся в духе строгой и разумной дисциплины, об установках методического характера, учитывающих те особые условия, в каких придется вести преподавание в новой школе, создаваемой, по существу, с начала, так как совершенно новыми являются учебные планы и программы новой школы»[37].

Из газеты «Новый путь»:

«На курсах по переподготовке учителей
(заметки и впечатления лектора)

Смоленск, Кардымово, Красный, Починок, Монастырщина, далее Горки, Витебск — вот места нашей работы на учительских курсах в минувших июле и августе.

Нелегка была задача ввести это учительство, в массе своей не знавшее ничего, кроме большевизма и советчины, в круг новых политических и педагогических проблем, вытекающих из происшедших мировых перемен. Политическим темам был посвящен небольшой курс "Новая Европа под руководством Германии", педагогике — беседы на тему "Общие вопросы школьного дела".

Сущность национал-социализма, опровержение марксизма, проблема расы, еврейский вопрос, Новая Европа, путь России к включению в нее — вот основные пункты наших бесед и лекций.

Опыт этих политических лекций показал, до какой степени учительство жаждет слова истины.

Горячее участие принимало учительство и в беседах по педагогике. В предлагавшихся вопросах обнаружились заветные думы русского учительства.

Лектор излагал строение и дух германской школы; ее цель прежде всего воспитание, выращивание из ребенка человека, который в жизни твердо стоял бы на собственных ногах; физическое воспитание как средство выработать волю, мужество, решимость; дисциплина подчинена порядку, чувство собственного достоинства в учениках, уважение к учителю и старшим вообще, воспитание гражданского духа — вот черты, характеризующие германскую школу.

Два вопроса возбуждают особенно острый интерес учительства: совместное обучение и меры физического воздействия на учеников.

В Германии совместное обучение существует только в высшей школе и, как исключение, в начальных школах тех небольших деревень, которые не могут позволить себе роскоши содержать отдельные школы для мальчиков и девочек. Причина та, что в возрасте 16—17 лет мы имеем, с одной стороны, физически вполне,

а духовно почти вполне созревшую девушку, с другой же — еще мальчика, находящего и физически, и духовно в переходном периоде. Прилежание и в особенности отношение к известным вопросам биологии у обоих далеко не одинаково. Нежелательным также является соединение обоих в гимнастических упражнениях. Эти аргументы, а также памятный опыт советской школы оказывают содействие, и вопрос о раздельном или совместном обучении споров не вызывает.

Иначе с вопросом о физических наказаниях. В Германии они применяются в самых крайних случаях исключительной дерзости и распущенности учеников. Хорошему учителю эти наказания и не понадобятся. И всё же?!.. Как трудно прийти к ясности в этом вопросе у нас в России, где благодаря полному искажению жизни школы и семьи большевизмом, благодаря демагогически внедрявшейся в среду детей распущенности, то, что в Германии является исключением, у нас представляет почти правило. Механическое следование германскому принципу повлекло бы за собою ежедневные экзекуции в каждой школе. Это несоответствие отлично чувствует наше учительство, и в то же время оно не может сразу отрешиться от давно воспринятого взгляда на телесное наказание. И поэтому в этом вопросе в его среде нет единства. Замечательно, впрочем, что мнения здесь варьировались по районам. Так, в Красном аудитория большинством высказалась против телесного наказания, в Монастырщине почти единогласно за него. Как бы то ни было, обнаруживаемая новым руководством русской школы общая тенденция к повышению авторитета воспитателя приветствуется учительством и после унижений при советском режиме позволяет ему облегченно вздохнуть.

Интересовалось еще учительство, что и понятно в трудный нынешний момент, материальным положением как германских педагогов, так и своим собственным на будущее время. Разумеется, пока длится война, на этот последний счет особенно блестящих перспектив не открывается. Однако с большим удовлетворением, иногда аплодисментами встречалось сообщение о решении германских властей наделить каждую

школу участком земли в 10—15 га, который служил бы не только для целей преподавателя естествознания и элементов сельского хозяйства, но и материальной опорой работников школы.

Общее впечатление от этой первой встречи с русским учительством на пороге его новой жизни говорит о том, что оно радостно отворачивается от мрачного советского прошлого, чтобы прочно встать на новые рельсы.

Д. Сошальский».

На этих сборах учителя прослушивали как обязательные курсы, так и курсы по выбору. К обязательным относились следующие:

1. Основные вопросы педагогики и задачи новой школы.
2. Задачи физического и художественного воспитания в школах.
3. Общие вопросы школьного дела.
4. Организация школьной работы в современных условиях.
5. Новая Европа под руководством Германии.
6. Новый порядок землепользования в освобожденных областях.

Специальными предметами считались методика преподавания отдельных учебных дисциплин, а также просмотр и критические разборки советских учебников по различным курсам, которыми продолжали пользоваться для преподавания. По окончании курсов учителям рекомендовалось создавать в своих учебных заведениях методические группы.

Из газеты «Новый путь»:

«Новое в школьном деле

После того, как в нашей стране были заложены основы нового воспитания, издаются новые правила организации школьного дела для целесообразного устройства созданных типов школ и для правильного воспитания молодежи. Организация школ исходит из давно существовавшего в России всеобщего обязательного обучения и основывается на созданных для этой

цели четырехклассных начальных школах и семиклассных народных школах. Чтобы удовлетворить существующий в стране спрос на специалистов и чтобы дать возможность местной молодежи достигнуть высших профессий на будущее, установили следующие типы школ:

Специальные школы, посещение которых допускается по окончании семиклассной народной школы.

Низшие и средние сельскохозяйственные специальные школы, открывающие большие возможности образования сельскохозяйственной части населения. Посещение низшей сельскохозяйственной специальной школы допускается по окончании четырехклассной начальной школы. Учащиеся получают тут знания, имеющие большое значение для целесообразного развития своего хозяйства и улучшения своего жизненного уровня.

Учительские семинарии, посещение которых допускается после окончания народной школы и подготавливающие учителей для начальных и народных школ.

Прогимназии, посещение которых допускается после окончания народной школы и подготавливающие учащихся для высших специальностей.

Научные институты, готовящие специалистов необходимых научных профессий. По окончании института учащиеся, успешно выдержавшие выпускной экзамен, получают право после выполнения кратковременной практики работать по полученной специальности.

В дальнейшем на развитии школьного дела, без сомнения, отразится недостаток учителей и учебного материала, являющийся следствием сталинской политики разрушения, но, тем не менее, издание предварительных правил организации школьного дела показывает непреклонную волю германского управления преодолеть все трудности в области дела народного образования и, в пределах возможного, создать основы для нового строительства в нашей стране».

<Без автора>

Учительские курсы в Орле функционировали на постоянной основе. Как заявлял бургомистр города Старов, переобучение должны были пройти все учителя города

и округа. Одним из наиболее активных лекторов на курсах был главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан. Если педагоги приезжали из близлежащих населенных пунктов, их размещали в общежитиях. Все слушатели обеспечивались при содействии немецкой комендатуры регулярным питанием. Лекции на этих курсах были рассчитаны на десять дней и сопровождались показами кинофильмов. Методика преподавания конкретных учебных предметов здесь не рассматривалась. Учителей знакомили «с жизнью новой Германии, школами Германии, с проблемами организации Новой Европы и освобожденной России»[38].

Кроме того, учителей регулярно собирали на различные конференции и семинары. На них вместе с представителями отделов народного просвещения обычно присутствовали и немецкие офицеры, знающие русский язык. Преподавателей призывали к «плодотворной работе в деле обучения и воспитания молодого поколения, которое вместе с германским народом будет строить подлинно счастливую жизнь для всего человечества»[39].

Ожесточенной критике подвергалась советская школа, которая, по мнению коллаборационистов, готовила «совершенно безграмотных, грубых и некультурных людей». После совещания педагоги получали памятку «Права и обязанности учителя в Новой России», книги, плакаты, журналы и просматривали пропагандистские кинофильмы.

Основная цель таких мероприятий была не только в пропаганде идей национал-социализма среди учителей и их воспитанников, но и в активном привлечении их на свою сторону. Для этой цели при городских управах стали создаваться специальные отделы, занимающиеся только проблемами детей и молодежи. Так, в функции Орловского отдела воспитания культуры и просвещения в 1942 году входило следующее: «Образование и воспитание молодежи, социальное обеспечение молодежи, физкультура и спорт, область работы — воспитание и забота о молодежи, охранение молодежи, попечение сирот, организация детских домов и надзор за ними, спортивные площадки и площадки для игр, физкультура»[40].

В большинстве общеобразовательных школ занятия возобновились с октября 1942 года. Непосредственной подготовкой к учебному процессу занималась коллаборационистская русская администрация. Она готовила здания, запасала дрова, обеспечивала учителей пайками. Но все вопросы по открытию новых школ и даже количеству учащихся в них нужно было согласовывать с немецкой комендатурой. Так, военный комендант Орла генерал Гаманн требовал ежемесячные отчеты от отдела народного образования со следующей информацией:

1) количество открытых школ с разрешением на четырехклассные школы, семилетки, специальные школы, техникумы;

2) количество восстановленных, но не открытых школ с указанием причины;

3) число учителей;

4) общее количество школьников;

5) число детей школьного возраста, которые не посещают школы[41].

Особое внимание уделялось школьникам старших классов, в которых видели потенциальные кадры для отправки на работы в Германию.

Обучение в начальных школах по-прежнему оставалось бесплатным, на это в нацистской пропаганде постоянно обращалось внимание, хотя появились и частные школы для местной новоявленной «элиты» (например, в Дно) с углубленным изучением правил хорошего тона, немецкого языка и немецкой культуры[42].

Немецкий язык занимал особое место в учебном процессе. Некоторые нацистские партийные руководители на начальном этапе войны были категорически против его распространения среди населения России. Бытовало мнение, что для унтерменшей, как для скота, достаточно знать несколько десятков приказов, которые им будут отдаваться, как собакам, германскими хозяевами.

После поражения немецких войск под Москвой и срыва плана молниеносной войны особую важность приобрел фактор стабильности в тылу вермахта. В условиях, когда решение многих острых проблем было

переложено на коллаборационистов, возникла значительная потребность в людях, хорошо владеющих немецким языком. При школах стали открываться различные курсы по его изучению. Населению объявлялось о том, что «великий германский народ протянул свою братскую руку, и мы, не медля ни одной минуты, должны приобщиться к подлинной современной западной культуре, восприняв от германского народа его аккуратность, четкость и организованность в работе». Для большинства руководителей различных коллаборационистских служб посещение таких курсов при слабом знании или незнании ими немецкого языка было обязательным. В школах немецкий язык стал одним из основных предметов. Так, в орловских средних учебных заведениях его изучали со второго класса до выпускного, седьмого, четыре-пять часов в неделю.

Одним из направлений нацистской оккупационной политики было «взятие под контроль свидетельств германо-немецкого влияния на культуры местных народов и выявление элементов индо-германского происхождения в духе того или иного народа»[43]. На Северо-Западе России, на территории, которая должна была войти в состав Третьего рейха, немецкие чиновники оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг» опрашивали всех русских учителей, что они знают о наличии в их местности «германских следов». В конечном счете это привело к крупномасштабным археологическим раскопкам. Летом 1942 года под руководством немецких властей в местечке Над-Белье производились раскопки сопок под видом изучения исторических данных этой местности. На самом деле учительница торковичской школы Оредежского района Е. С. Булыго рассказала немцам, что в летописях упоминается о похоронах в этой местности князя Рюрика в золотом гробу. Раскопки, которые, естественно, никаких результатов не дали, продолжались свыше двух месяцев[44].

На 1942/43 учебный год немцами были утверждены следующие праздники и каникулы для русских школьников: 24 декабря — 9 января — зимние каникулы; 19 января — Крещение; 15 февраля — Сретение; 7 апреля — Благовещение; 20 апреля — день рождения Вождя;

22—27 апреля — Пасха; 1 мая — национальный праздник; 3 июня — Вознесение; 12—15 июня — Троица. Учебный год должен был заканчиваться 31 июля, а начинаться 4 октября[45].

Но даже и во время отдыха школьники подвергались определенной идеологической обработке. В дни каникул все учителя обязывались один или два раза в неделю в организованном порядке посетить с учениками ближайшую церковь. Они должны были проводить с учащимися «не только прогулки по окрестностям своей школы и всевозможные игры на свежем воздухе и в классном помещении, но и политические беседы о характере современной войны цивилизованного мира против жидо-большевизма»[46].

Во всех школах обязательно вывешивались портреты Адольфа Гитлера. Занятия начинались с «благодарственного слова фюреру Великогермании»[47]. Все учебники были заменены. На Северо-Западе России для учеников 1—4-х классов за основу брались учебные пособия, изданные в Риге на русском языке в начале 1930-х годов. Те, в свою очередь, во многом являлись перепечатками с дореволюционных изданий, особенно «Родное слово» для первого класса.

Элементы воздействия фашистской пропаганды на учеников усиливались по мере их взросления. В первом классе это были портрет фюрера и статья «Гитлер и дети». Кроме этого, Домом просветителей рекомендовалось перед Рождеством проводить тематический утренник для детей пяти—восьми лет: «Как детей чекист советский чудной елочки лишил, но затем солдат немецкий детям елку возвратил». В образе Бабы-яги представал работник НКВД[48].

В учебнике для второго класса не было ни одного упоминания о Германии или национал-социализме. Учащимся предоставлялась возможность знакомиться с русскими народными сказками, произведениями А. Ахматовой, В. Бианки, А. Блока, А. П. Чехова, К. Чуковского и других писателей. Основные темы книги — ребенок в семье, необходимость трудиться, красота природы, любовь к родному краю.

К третьему классу разница между «старыми» и «но-

выми» учебниками становилась все более заметной. Доминантой в использовании текстов русских писателей стало их отношение к Германии, к ее культуре, искусству, политическим деятелям. Именно этому посвящались отрывки из Д. Мережковского, И. Шмелева, В. Ключевского. Появились заметки о героях национал-социалистического движения — Шлагеттере, Хорсте Весселе, юных гитлеровцах.

Учебник для четвертого класса был разбит по творчеству авторов — А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, Н. Гоголя и других — и включал в себя рассказы о великих русских людях — М. Ломоносове, И. Репине, М. Глинке. По объему учебник был несколько меньше предыдущего. Это можно объяснить тем, что подготовленные программы предполагали знакомство со специальной литературой. Начиная с пятого класса, для этого отводились отдельные часы. Можно выделить три основных направления в содержании этих занятий — юдофобское, национал-социалистическое и антисоветское.

Уже на основе пособия для четвертого класса у учеников складывалось впечатление, что все более или менее известные русские деятели науки, искусства и литературы были антисемитами и германофилами (к их числу относили и здравствующих тогда Валентина Катаева, Михаила Шолохова, Михаила Зощенко).

Главное методическое указание сводилось к разъяснению учащимся всех классов, «кто является первым другом и злейшим врагом русского народа».

Биографии Адольфа Гитлера и истории национал-социализма посвятила свою книгу «Рассказы о германском вожде» Иоганна Гаарер. В ней подробно описывались «жизнь и борьба честного и трудолюбивого народа», деяния «совести нации — национал-социалистов». Всё негативное связывалось с «носатыми людьми с пейсами, картаво и с ошибками говорящими по-немецки».

Следующим этапом, рассчитанным на учеников 6—7-х классов, было ознакомление с «Протоколами сионских мудрецов» и книгой А. Мельского «У истоков великой ненависти (очерки по еврейскому вопросу)». По ним каждый учащийся должен был подготовить доклад.

Наиболее распространенными являлись темы: «Великий обман "отечественной войны"», «Еврейское засилье в современном мире», «Германский бунт и ответ мирового еврейства»[49]. Поощрялось выступление учеников перед представителями как русской, так и немецкой администрации.

Летом 1943 года специально подготовленные учащиеся старших классов выступали перед земляками с лекциями на тему «Два года без большевиков: вместе с германским народом строим новую Россию». В обязательном порядке при этом осуществлялась читка сводок Верховного главнокомандования германской армии и обращения так называемого «Комитета народной помощи», призывающего русское население добровольно сдавать продовольствие и одежду для «могучей нарождающейся антибольшевистской силы — солдат Русской Освободительной Армии».

Важное место в воспитании подрастающего поколения в духе «Новой Европы» занимало изучение истории России после 1917 года с антисоветских и антисемитских позиций. На уроках устраивались читки и обсуждения книг П. Краснова «Понять — простить», сборников «Россия на Голгофе», «В подвалах ГПУ». Все эти печатные издания подвергали ожесточеннейшей критике все действия и мероприятия советской власти и коммунистической партии. Бездумному и бездуховному космополитическому жидо-большевизму противопоставлялся «истинно народный немецкий национальный социализм».

Летом 1943 года оккупантами было объявлено, что в городах, где для этого есть предпосылки, будут открыты 8—10-е классы. В Брянске в связи с этим приступила к работе специальная комиссия. На нее возлагалась задача очистить программы и учебники от «всяческого коммунистического хлама» и подобрать более ценный материал. Учащимся и их родителям объявлялось, что «в следующем учебном году в курс преподавания войдут география, история, естествознание, обществоведение. На уроках обществоведения будут использованы материалы книг, газет, брошюр, плакатов, из которых учащиеся узнают о прекрасной жизни народов Германии

и вскроют ту жидо-большевистскую ложь, которой отравляли учащихся»[50].

Но разговоры о полных средних школах и о гимназиях во многом являлись очередной пропагандистской уловкой нацистов. На страницах коллаборационистской прессы публиковались материалы, доказывающие, что ни один честный русский юноша или девушка не сядут за парту в «тяжелое для своей Родины время». В этих условиях общеобразовательные школы якобы по требованию самих учащихся предлагалось заменить на сельскохозяйственные и ремесленные[51].

Что касается высших учебных заведений, то их на оккупированной территории России практически не было. Единственным исключением являлось открытие в октябре 1942 года по инициативе Б. В. Базилевского в Смоленске учительской семинарии. Обучавшиеся там студенты не подлежали отправке в Германию.

Значительная часть профессоров и доцентов высших учебных заведений Ленинграда (всего 150 преподавателей и около 500 студентов) была эвакуирована накануне в марте 1942 года на северокавказские курорты — Кисловодск, Ессентуки и Пятигорск. Предполагалось, что здесь они пройдут реабилитацию после страшной блокадной зимы 1941/42 года. Но в результате многие оказались под немецкой оккупацией. Среди них были ученые, являвшиеся крупными специалистами в различных отраслях знаний, в том числе и имеющих оборонное значение. Поэтому из Берлина была специально прислана комиссия по использованию их научного потенциала в интересах рейха.

В сентябре 1942 года в Ставрополе был открыт сельскохозяйственный институт, директором которого стал профессор Флоренс. В октябре начались занятия со студентами. Институт даже выпускал свою собственную газету, которую редактировал профессор С. А. Арамян. Преподаватели получали оклады и продовольственные карточки по высшей из возможных категорий. Подобное «заботливое» отношение оккупантов к этому учебному заведению можно объяснить тем, что его преподаватели, оперативно выполняя заказ тыловых служб вермахта, издали книгу «Краткое руководс-

тво по сельскому хозяйству Северного Кавказа», а также подготовили различные рекомендации по более эффективному использованию сельскохозяйственного потенциала региона[52].

На страницах русскоязычной коллаборационистской прессы регулярно появлялись материалы о «расцвете» университетов и институтов в «Новой Европе». Но они мало соответствовали действительности. Например, в газете «Речь» была опубликована серия статей об Одесском университете. Но при этом ничего не писалось о том, что он находился в румынской зоне оккупации, в так называемом генерал-губернаторстве Транснистрия, и считался в Бухаресте румынским учебным заведением. «Успехи» высшей школы на Украине (в частности, в Житомирском сельскохозяйственном институте) объяснялись «изгнанием из числа преподавателей большевистских и еврейских элементов, которые раньше составляли абсолютное большинство в вузах»[53].

В условиях, когда немецкие войска стали терпеть систематические поражения на фронтах, а партизаны и подпольщики все чаще использовали в своих листовках имена выдающихся деятелей русской истории — Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, Суворова, — нацистские оккупационные власти приняли решение о запрещении уроков истории в учебных заведениях. Они заменялись «уроками текущих событий». Директоров школ ставили в известность, что «преподавание истории надо прекратить, так как для этого предмета в настоящее время не существуют материальные и духовные предпосылки». «Уроки текущих событий» считались полноценным предметом, который преподавался в 5—8-х классах не менее двух раз в неделю. Проводились эти «уроки текущих событий» по плану, выработанному немецкими пропагандистскими службами. Для подготовки использовалась различная коллаборационистская пресса. Все учителя истории в обязательном порядке должны были пройти специальные курсы при «политической школе», где они получали специальные брошюры и книги. В библиотечку учителя-пропагандиста входили следующие издания: «Что такое национал-социализм», «Евреи и большевизм»,

«Является ли эта война отечественной для народов России», «Каторжный социализм», «Почему я враг советской власти», «К новой жизни», «Как сталинская шайка угнетала народ», «Что будет после войны», «Кто такой Адольф Гитлер», «Адольф Гитлер и дети», «Адольф Гитлер и трудящиеся», «Сталин говорит», «Всем женщинам и девушкам», «Мы побывали в гостях у германских крестьян», «Галя Заславская едет на работу в Германию», «Привет из Германии», «Война и новый порядок», «Крестьянский календарь на 1943 год»[54].

Тесное сотрудничество с оккупантами называлось «предпосылкой успешного преподавания этого предмета». Оно являлось обязательным для преподавателей. По «урокам текущих событий» предполагалось проводить устные и письменные испытания.

Темы уроков текущих событий сводились к следующей проблематике:

1. Настоящая война: причины этой войны, военные цели большевизма, Англии, США с одной — и держав Оси: Германии, Италии, с другой стороны. Значение этой войны для Европы и, в частности, для России.

2. Большевистское учение: материализм, атеизм, интернационализм, коммунизм, коллективизм. Учение о классовой борьбе. Карл Маркс.

3. Национал-социалистическое учение: национальная и социальная формы жизни, связанные с прошлым, с верой и религией народа. Общее благо перед частным благом. Частная собственность, частная инициатива. Принцип фюрера (вождя) и принцип ответственности.

4. Большевистская революция 1917 года: ход событий и правильное их изложение. Не героическая освободительная борьба, а ужасное, небывалое в истории человечества кровопролитие. Уничтожение лучших слоев населения, ликвидация классов, проповедь ненависти, гражданская война.

5. Национал-социалистическая революция 1933 года: ход событий, бескровный переход власти в руки национал-социалистической партии, устранение классовых противоречий, объединение народа и устранение безработицы, установление порядка и восстановительная работа.

6. Большевистские вожди. Характеристика вождей: Ленин, Сталин, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев и другие. Их национальное происхождение. Еврейский вопрос. Евреи до 1917 года, в 1917 году и при советской власти. Евреи в истории.

7. Национал-социалистические вожди. Адольф Гитлер как рабочий, солдат, художник и государственный деятель. Альфред Розенберг — биография, его борьба против еврейства и большевизма — министр Восточных областей. Константин Гирдт и трудовая повинность — воспитательная школа народа. Фридрих Заукель — иностранные рабочие в Германии. Сотрудничество народов Европы.

8. Большевистская действительность. СССР — положение крестьян, разделение на четыре класса: батраки, бедняки, середняки, кулаки. Уничтожение кулаков как класса. Рабочие — стахановское движение, концентрационные лагеря. НКВД—ЧК—ГПУ. 1937 год. Голодовка в 1921—1922 и 1932—1933 годах. Подготовка к войне. На той стороне советского фронта.

9. Национал-социалистическая действительность (Новая Германия) — крестьянство, рабочие (трудовой фронт), молодежь, партия, народное движение. Картины из Германии.

10. Является ли эта война отечественной для народов России.

Каждую из этих десяти тем нужно было прорабатывать в течение двух уроков. На третьем уроке, куда обычно приглашался сотрудник отдела пропаганды, разбирались вопросы учащихся. После этого учитель резюмировал содержание пройденного материала. Завершалось изучение каждой темы написанием письменной работы.

1942/43 учебный год на оккупированной территории убедительно показал, какое внимание уделяли захватчики моральному разложению подрастающего поколения в духе фашистской идеологии. Их работа до какой-то степени облегчалась тем, что антинацистские силы не могли противопоставить им какие-либо акции в данной сфере, особенно в городах и крупных населенных пунктах.

В мае 1943 года большая группа учителей из Смоленской и Орловской областей отправилась на ознакомительную экскурсию в Германию. Ее возглавил сотрудник смоленского отдела пропаганды по работе со школами доктор Цигаст. Кроме посещения школ в городах Йена, Эрфурт, Вартбург, Зальцбург для педагогов было организовано посещение Расового института в Веймаре. Профессора этого «научного» центра прочитали лекции о расовой теории и необходимости борьбы с мировым еврейством[55]. О том, что славяне являются «недочеловеками», во время этих встреч ничего сказано не было. Сотрудники отдела пропаганды внимательно следили за тем, чтобы никому из экскурсантов не попал в руки журнал «Унтерменш», издававшийся при содействии данного института.

В условиях провала плана молниеносной войны резко осложнилось положение немецкой экономики. Насильственное использование населения оккупированных районов на работах в Германии способствовало активизации антифашистского сопротивления. Для того чтобы нейтрализовать его, нацисты попробовали через школьную сеть организовать пункты вербовки. Русских юношей и девушек 14—16-летнего возраста информировали о том, что им предоставлена широкая возможность поехать в Германию для поступления в ремесленные училища, где они могут получить специальность по их желанию[56].

Директоров школ, средних и неполных средних, обязывали взять на учет всю молодежь этого возраста, проживающую на территории, относящейся к той или иной школе. Материалы, которые предоставлялись районному инспектору народного просвещения, содержали списки желающих выехать в Германию, указывались их специальности. Тот, в свою очередь, докладывал эти сведения дальше по инстанции.

Пропагандистская работа среди юношей и девушек, возложенная на учителей, должна была вестись по следующим направлениям:

1. В Германии русская молодежь сможет получить любую специальность по желанию.

2. Своей честной работой она будет защищать не

только интересы германского государства, но и интересы населения «освобожденных областей России» и таким образом ускорит окончание войны.

3. Хорошо организованный труд, хорошее питание, культурное жилище, веселый отдых — вот условия работы и жизни в Германии.

4. Каждый юноша, каждая девушка, побывавшие в Германии, получат практическое знакомство с порядками и культурой страны, узнают подлинную заботу о человеке, увидят настоящее искусство, воочию убедятся в правдивом социализме, приобретут ценный и полезный опыт в деле строительства новой жизни, в деле формирования нового общества.

5. Каждый русский, вернувшись из Германии, сможет проявить на практике полученные им знания, навыки и способности.

6. Вербовка русской молодежи в Германию заложит крепкий фундамент в деле восстановления русской промышленности, торговли, ремесел и сельского хозяйства. Вербовка русской молодежи в Германию внесет новый вклад в русскую культуру, в русский быт[57].

С середины 1943 года на учительских курсах важное место стала занимать пропаганда идей Русской освободительной армии. Главной задачей, стоящей перед оккупантами и «новой русской администрацией», являлось вовлечение молодых людей в различные коллаборационистские формирования. В первую очередь это были работа в полиции и служба в рядах РОА.

Кроме вербовки добровольцев в вооруженные коллаборационистские формирования учителя по требованию бургомистров и старост должны были сдать определенное количество книг для того, чтобы «помочь членам РОА лучшим образом использовать свои свободные часы и минуты»[58].

Партизаны и подпольщики, воспользовавшись этим, вклеивали в эти книги различные антифашистские листовки и воззвания, адресованные власовцам.

Воздействовать на подрастающее поколение нацисты пытались по-разному: через средства массовой информации, штатных пропагандистов и подпольную агентуру. Не ограничиваясь этим, оккупанты система-

тически стали устраивать для молодежи гулянки. Все они обязательно предварялись выступлениями агитаторов, которые призывали юношей вступать в отряды самообороны, организуемые против партизан, а также в ряды Русской освободительной армии генерала Власова.

Летом 1943 года, в период массового создания структур РОА на местах, власовцами была предпринята попытка использования в своих целях групп из учителей и учеников. Было заявлено, что «воспитывать детей в национальном духе, в новой великой России — есть первейшая задача учительства»[59]. Младших школьников привлекали для выступления перед гражданским населением с антисоветскими рассказами, частушками, песнями, стихами. Из старших учеников и учителей вербовали слушателей школ пропагандистов. Перед началом массовой депортации мирного населения из прифронтовой зоны осенью 1943 года все они были вывезены в Прибалтику и Германию.

Полагая, что молодые люди больше всего доверяют своим ровесникам, власовцы начали активную вербовку юношей и девушек в возрасте шестнадцати—двадцати лет в «молодежные школы». Им читались лекции по методике вербовки в Русскую освободительную армию, о воспитании молодежи в Германии, о задачах РОА и о роли пропаганды среди советского гражданского населения, находящегося в тылу у немцев.

Во время учебы в школе курсанты по заданию немцев ходили на железнодорожные станции к эвакуируемым. Они посещали лагеря военнопленных (для этого им выдавался специальный пропуск), организовывали встречи с молодежью. В ходе этих мероприятий распространялись газеты «Доброволец», «Заря», журнал «Блокнот солдата РОА», прокламации с выступлениями генерала Власова и биографическими материалами о нем. Основной целью, которая ставилась перед курсантами фашистским руководством, было вовлечение в РОА добровольцев и обеспечение очередного набора в пропагандистские школы.

Следует отметить, что в молодежи нацисты видели одновременно и своих потенциальных союзников,

и наиболее опасную силу для своего режима. С одной стороны, захватчики понимали, что люди, выросшие в России после 1917 года, испытали на себе сильнейшее влияние советской пропаганды. Но при этом сотрудники ведомства Геббельса надеялись, что после определенной идеологической обработки из подрастающего поколения на оккупированной территории удастся подготовить покорных проводников «новых порядков». Именно поэтому все образовательные учреждения находились под жестким контролем различных нацистских оккупационных служб.

К 1944 году практически вся территория РСФСР была очищена от немецко-фашистских захватчиков. Но тысячи мирных жителей нацисты смогли насильственно эвакуировать в свой тыл. Германское командование приняло решение использовать учителей в качестве «лагерфюреров». Предполагалось, что они будут исполнять роль уполномоченных министерства по делам Восточных территорий в рабочих лагерях и лагерях военнопленных. На них возлагались обязанности посредников между администрациями промышленных предприятий и находящимися при них рабочими лагерей. В то же время они являлись и штатными пропагандистами. На специальных двухнедельных курсах по подготовке «лагерфюреров» изучались следующие темы:

1. Государственное устройство Германии.
2. Еврейский вопрос.
3. О психологии немцев.
4. Организация беседы с русскими военнопленными.
5. Организация беседы с лицами, находящимися в рабочих лагерях.
6. Немецкий язык.

По окончании занятий всем курсантам выдавались удостоверения[60].

Быстро меняющееся положение на фронтах Великой Отечественной войны, успешное продвижение Красной армии вынуждали фашистов отказываться от какой-либо политики заигрывания с мирным населением. Насильственные мобилизации, выселение и физическое уничтожение затронули многих учителей. Жестокость по отношению к ним не была случайной.

Значительные затраты оккупантов не оправдались. Несмотря на усиленную пропагандистскую работу, тщательно подготовленные планы гитлеровцев по отношению к русской интеллигенции не принесли желаемых для них результатов.

Активизация деятельности партизан и подпольщиков была отмечена более дифференцированным подходом к пропагандистским акциям. Появились листовки, обращенные конкретно к учительству. В них говорилось о том, что «гитлеровцы пытаются вытравить из сознания нашего народа всё русское, опустошают его душу, заливают ядом фашистской пропаганды наших детей...»[61].

Глава семнадцатая
ЛЮБОВЬ ЗА МОРКОВЬ

Регулирование брачно-семейных отношений, оформление браков. — Русские девушки и немецкие солдаты. — Причины сожительства с оккупантами. — Публичные дома

В 1924 году, отбывая пятилетнее заключение (фактически он провел за решеткой всего восемь месяцев. — *Б. К.*) в крепости Ландсберг за участие в «пивном путче», Адольф Гитлер писал свой основной труд, которому предстояло стать библией национал-социализма — «Mein Kampf». Рассматривая вопросы брака и семьи, он утверждал следующее: «Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена...

...Необходимо понять, что брак не является самоцелью, что он должен служить более высокой цели: размножению и сохранению вида и расы. Только в этом заключается действительный смысл брака. Только в этом его великая задача»[1]. Вступать в брак и иметь потомство, по мнению национал-социалистов, могли только представители высшей расы.

В 30-е годы XX века в Советском Союзе был очень популярен фильм «Богатая невеста», где звучала песня,

в которой были такие слова: «И звонкой песнею пускай прославятся среди героев наши имена!» Советская пропаганда создавала образ женщины-патриотки, беззаветно преданной своей родине, готовой на все ради совершения трудового и военного подвига. Простые человеческие взаимоотношения представлялись обыденными, мещанскими и даже не вполне приличными. На большой экран не был выпущен перед самой войной фильм «Сердца четырех». Он показался руководству СССР слишком фривольным и распущенным.

Любая, даже маленькая ошибка противника — благо для противоборствующей стороны. И гитлеровская пропаганда в первые месяцы воспользовалась ею. В статье «Русская женщина — мученица и героиня», адресованной населению оккупированной территории, писалось следующее: «Что же происходило в семейном быту советской семьи? Какие изменения внесла в нее советская жизнь? Под влиянием грубой, жестокой действительности исчезала романтика любви, романтика семейной жизни.

Женщина на практике пресловутого советского равноправия должна была выполнять тяжелую мужскую работу на производстве, нести всевозможные общественные нагрузки и, кроме того, какую-то часть времени отдавать семье и домашнему хозяйству. При отсутствии бытовых хозяйственных приспособлений и технического оборудования одна домашняя работа становилась тяжелой и неблагодарной задачей.

Октябрьская революция и советская власть не выполнили своего торжественного обещания перед русской женщиной. Они не раскрепостили, а еще больше закрепостили ее. И все-таки советская женщина бескорыстно жертвовала временем, своей молодостью, своими нарядами, чтобы поддержать семью и своих детей, чтобы поставить последних на ноги»[2].

Немецкий пропагандист с чувством писал о том, что «тяжела была доля фабричной работницы — этой дешевой рабочей силы, призванной стахановскими темпами выполнять пятилетние планы — гигантские планы милитаризации страны. Жизнь ее становилась все серее и безрадостнее.

Еще безрадостнее была жизнь и еще тяжелее была доля советской женщины-крестьянки, вынужденной от зари до зари выколачивать на колхозной барщине трудодни. Мужественные женщины "раскулаченных" семей переносили невероятные страдания и пили чашу горя до дна.

Тяжела была доля великой мученицы — русской женщины. Но вот пришла спровоцированная большевиками война. Начались новые страдания, усугубились лишения, нужда и голод встали у самого порога. Жена, потерявшая своего мужа в застенках НКВД, провожала на бессмысленную войну своего единственного сына. Сестра сосланного в Сибирь инженера отдавала Молоху войны своего младшего брата. Мать раскулаченной семьи оплакивала гибель на фронте своих сыновей. Невыразимое горе широкой волной залило семьи советских женщин».

Далее автор писал: «Конечно, в семье не без урода. В Советском Союзе мы встретим женщин, пошедших ради легкой жизни и нарядов на содержание к крупным чиновникам, или женщин, которые, пользуясь легкостью развода, выходят замуж в четвертый или пятый раз. Встретим развязных, грубых женщин, ставших агентами НКВД, привыкших к своим мужским профессиям, утративших свою женственность. Некоторые прошли даже школы диверсии и шпионажа, стали парашютистками и находятся в бандах так называемых "партизан". Нет ничего печальнее на свете грубости и распущенности женщины, потерявшей женский облик и подобие».

Выход из всего этого напрашивался один: «Настоящая русская женщина, безропотно несущая все тяготы и унижения, является гордостью и украшением русского народа. Мы преклоняемся перед тайной мужества русской женщины, сумевшей сохранить себя чистой и незапятнанной в этот век грубого материалистического расчета и незаслуженных страданий, выпавших на ее долю.

Мы зовем ее, и она должна идти на совместную борьбу против общего зла, против общего врага, раздирающего нашу несчастную, многострадальную Родину».

В условиях начавшихся боевых действий против Советского Союза нацистская пропаганда стремилась внушить мирному населению России, что немецкий солдат несет им не только «освобождение от проклятого ига жидо-большевизма», но и является защитником «исконных русских ценностей, к которым в первую очередь относится семья».

Критикуя семейные устои в СССР в предвоенные годы, оккупационная пресса писала: «Что происходило в Советском Союзе? Вырастало поколение, развращенное с малых лет, привыкшее с пеленок к шпионажу и лишенное всего святого. Недаром идеалом советского молодого поколения был гнусный и омерзительный тип — пионер Павлик Морозов, донесший на родного отца»[3].

Населению оккупированных областей России внушалось, что «иудо-большевистским властям были на руку такие развращенные семьи: управлять павликами морозовыми было несравненно легче, чем сильными духом крепкими людьми, выросшими в твердых семейных правилах и устоях. Ликвидируя духовное сословие и разрушая крестьянство, большевики уничтожали тем самым биологическую крепость народа».

Из газеты «Новый путь»:

«Их венчали не в церкви

Любовь — замечательное чувство, переживаемое человеком. Даже в тяжелые времена истории она шагает через несчастья и жертвы народов, шагает и зовет людей продолжать жизнь.

Иные женщины и мужчины, встретившись такой суровой порой, создают крепкую, прекрасную семью и проносят ее через все горести и испытания, иные — расходятся через месяц...

Настя и Коля встретились осенью. Мы не знаем, у какого разбитого дома произошла их первая встреча, но любовь возникла, как говорится, с первого взгляда. Коля предложил руку, Настя ее взяла и, захватив с собою 8 пудов картофеля и ведро кислой капусты, перешла к нему на квартиру. Так возникло тихое семейное счастье. Впрочем, может быть, и не тихое...

С ними вместе жил брат суженого — Александр, но это не нарушало супружеского благополучия, и оба брата были искренне рады и Анастасии Захаровне и ее приданому.

В холостой квартире появились заботливая женская рука и ярко-красный патефон коломенского завода. И счастье помчалось под звуки танго и напевы Козина.

Вскоре патефон был продан — счастье уже мчалось без песен...

Но к концу медового месяца продукты были съедены, и "вот здесь начинаются мои мучения, — как пишет Настасья. — Иванов Николай начал применять методы, чтобы я ушла с квартиры. Он начал брать и сживать ранее приобретенные мною вещи...".

Что было дальше?

Кончились песни, окончилась любовь!

Так эта любовная ладья с небольшим скандальчиком разбилась о быт, и о ней забыли бы, если б пострадавшая не вспомнила о суде. И она решила: коль нет любви, пусть будут вещи! И подала в суд такой список: "Опись вещей и продуктов Шеватковой Анастасии Захаровны.

1. Вещи, присвоенные Ивановыми: 1. Кусок мыла 2 руб., брюки бумажные — 40 руб., 3. Носки простые — 4 руб., 4. Кофточка вязаная — 50 руб., 5. Патефон — 600 руб.

2. Продукты питания, уничтоженные в течение месяца семейного счастья: 1. Картофель — 8 мер — 80 руб., 2. Мука ржаная 2 пуда — 80 руб., 3. Буханка хлеба 4 кг — 8 руб., 4. Мука от сестры полпуда — 20 руб., 5. Крупа ячная 6 кг — 12 руб., 6. Капуста кислая одно ведро — 40 руб., 7. Горох 7 кг — 11 руб., 8. Пшено 3 кг — 9 руб.".

Вот и все претензии к когда-то любимому человеку. Всё! Что же это? Ирония судьбы?

Нет, это наглядный пример того, что смогла сделать советская система с психологией молодых еще людей. Он "женился" на картошке, крупе, хлебе и патефоне, она после разрыва требует через суд вернуть ей даже кусок мыла!

Вот к чему у них свелось понятие о женщине, семье, морали! Где уж тут быть мыслям о родине, России...

Страшно подумать: русский народ проливает свою кровь, над страной полыхают пожарища, миллионы пленных русских людей плетутся по холодным дорогам, а где-то на Зеленом Ручье под пошленькие звуки патефона состряпали брючно-патефонный брак.

Их воспитала "социалистическая" страна, их венчал жуткий закон: человек человеку волк, и — все средства хороши в эпоху войны и пролетарских революций.

Бесконечное количество сладеньких фильмов о советской семье, угодливо снятых еврейскими режиссерами, не сходили с экранов страны, а в это самое время муж и жена, окончив тяжелый рабочий день, захватив "авоськи", неслись по всем "бакалеям" в надежде "достать" что-либо или хотя бы узнать, что "дают" завтра.

Настанет время, исчезнут из памяти русских людей воспоминания об "авоськах", "что дают", "кто последний". Залечит народ раны, будет он сыт и богат и забудет тогда о страшных поступках, порожденных законами земли советской.

В. Маноцков».

В русле активной антисемитской пропаганды выдвигался тезис о том, что «одновременно с разрушением русской семьи в Советском Союзе происходило невероятное укрепление еврейских семей. Очень часто евреи женились на русских девушках, а еврейки выходили замуж за русских, но дети, рожденные от этих смешанных браков, не только не были русскими по духу и по культуре, но, наоборот, типичными евреями... Если бы германская армия не пришла на помощь русскому народу и не освободила его от страшного жидо-большевистского ига, можно с полной уверенностью сказать, что через несколько поколений русский народ окончательно и биологически выродился бы, а его место занял бы выросший на соках славянской крови паразитический Израиль»[4].

Официально вопросы брачно-семейного права находились в ведении коллаборационистской «новой

русской администрации». На словах именно от представителей русского населения выдвигались различные предложения, касающиеся брачно-семейных отношений. Но фактически все эти проблемы находились под жестким контролем нацистских оккупационных служб.

При русских городских управлениях создавались юридические отделы. При них действовали столы записи актов гражданского состояния. К функциям последних относилась регистрация браков, рождений и смертей.

В своих действиях юридические отделы руководствовались различными инструкциями и указаниями, исходившими как от немецких, так и коллаборационистских органов власти. В средствах массовой пропаганды эти документы характеризовались как «правила, упорядочивающие брачные отношения и ликвидирующие хаос, вызванный в этой области большевизмом». Они были приняты практически во всех крупных русских городах, оказавшихся под немецко-фашистской оккупацией. Так, в Пскове в начале 1942 года отдел записей актов гражданского состояния получил от городской управы подробную инструкцию о совершении бракосочетания. В ней писалось о том, что «брак не есть обыкновенный договор или просто заявление должностному лицу в обыкновенном смысле. Своим заявлением вступающие в брак обязуются не только жить вместе и поддерживать друг друга, но и основывают совместную жизнь и в духовном отношении. В благоустроенном государстве такая связь не может возникнуть без ведома и содействия государственной власти. А потому здесь необходимо вмешательство государственного учреждения, в данном случае — стола записей актов гражданского состояния»[5].

Отмечалось, что стол загса должен был охватывать все изменения в гражданском состоянии каждого лица в отдельности. Одна из основных его целей формулировалась следующим образом: «В некоторых случаях брак может быть не разрешен, нежелателен или недопустим в интересах отдельных лиц. Поэтому до заключения брака следует точно установить, может ли быть в

данном случае совершено бракосочетание. Если, таким образом, в настоящее время брак является актом выдающегося значения, то и оформление его должно быть совершено соответственно этому значению».

По новым правилам брак признавался действительным только тогда, когда он регистрировался по всем правилам в отделе записей актов гражданского состояния.

Процесс заключения брака предполагал несколько этапов. Прежде всего желающие вступить в брак подавали соответствующее ходатайство. При этом производилась проверка удостоверения личности. Заведующий столом загса должен был получить точные доказательства правильности показаний вступающих в брак. Брак не мог быть надлежащим образом заключен, если они не могли удостоверить свою личность и происхождение. Таким образом, беженцы, лица, не проживавшие постоянно в данной местности до начала военных действий, граждане, не имеющие документов, не имели права вступать в брак. В одной из инструкций Смоленской городской управы говорилось о том, что «данная мера не позволит советским агентам растворяться среди мирного населения нашего округа...»[6].

Воспрещались браки:

между евреями и лицами других групп населения. К евреям относились лица, исповедующие иудаизм или имеющие в своем роду евреев среди родственников до третьего колена;

между единокровными по прямой линии; родными и полуродными братьями и сестрами брачного или внебрачного происхождения;

мужчинам до достижения восемнадцати лет и женщинам до достижения шестнадцати лет;

лицам, уже состоящим в законном браке.

Если вышеперечисленные причины вскрывались уже после заключения брака, то незаконно зарегистрированный брак объявлялся недействительным, а запись об этом уничтожалась.

Если у чиновников не имелось никаких сомнений в законности оформления брака, то жениху с невестой назначалось время для «совершения таинства бракосочетания». Оно должно было состояться не раньше

двух и не позже трех недель после возбуждения ходатайства о разрешении заключить брак. В течение этого срока делалось так называемое «оглашение», которое помещалось в специальном разделе газеты и на специальной доске, вывешенной при городском управлении. Завизированное бургомистром, оно включало в себя информацию как о женихе, так и о невесте: данные о месте рождения, месте проживания и профессии.

Если за эти дни не поступало никакой информации, противоречащей той, которую сообщили о себе граждане, собирающиеся вступить в брак, назначался день «венчания». Жених, невеста и их свидетели были обязаны явиться в определенный час в стол загса в опрятных одеждах.

Инструкция предписывала, чтобы бракосочетание проходило в особой комнате. Она должна была быть празднично обставлена, «необходимо позаботиться о цветах и корзинах...». В инструкции содержались подробные указания о порядке бракосочетания: «Заведующий столом ЗАГСа должен сидеть за красивым столом. Перед ним сидят брачующиеся, по обеим сторонам находятся места для свидетелей. Зав. ЗАГСом оглашает вначале имена: явились сегодня (зачитываются полностью имена, фамилии, место и дата рождения брачующихся и свидетелей). Они по обоюдному согласию заявили о своем желании вступить в брак. Затем все присутствующие приглашаются встать. Чиновник ЗАГСа также встает и продолжает следующим образом: "Я спрашиваю тебя (следует имя жениха), согласна ли здесь присутствующая (следует имя невесты) вступить в брак". После "Да" — жениха и невесты заведующий столом ЗАГСа объявляет брачующимся, что согласно гражданскому праву их брак является заключенным»[7].

При браке невесте присваивалась фамилия мужа. Официально это объяснялось желанием «ликвидировать тот бедлам, который царил при советской власти, когда муж носил одну фамилию, жена другую, а дети зачастую третью, т. е. фамилию первого мужа жены»[8]. Однако на практике это было направлено на то, чтобы воспрепятствовать евреям или людям, носящим похожие на еврейские фамилии, изменять их.

Предполагалось, что молодые супруги после этого должны были получить от городской управы небольшой подарок. Редактор крупной коллаборационистской газеты «Речь», издававшейся в Орле, Михаил Октан выдвинул предложение, чтобы «молодожены получали, как и в Германии, бессмертную книгу Адольфа Гитлера "Моя борьба". Однако такая идея была с возмущением отвергнута представителями нацистских оккупационных служб. Они посчитали недопустимым распространение библии национал-социализма среди "унтерменшей"» (недочеловеков)[9].

Пойти в церковь и обвенчаться там по религиозному обряду можно было только после регистрации брака в отделе записи актов гражданского состояния. В распоряжении Орловской управы священникам Орловской епархии указывалось: «Согласно распоряжению германского командования церковное венчание допускается лишь после оформления брака в ЗАГСе. Священнослужители, совершившие венчание без предварительного оформления брака в ЗАГСе, подлежат наказанию лишением свободы или денежным штрафом»[10]. В Пскове совершение церковного обряда могло было быть осуществлено лишь после регистрации брака в городском управлении. Силу документа имели лишь записи в метрических книгах городского управления. Священнослужителей и мирян предупреждали о том, что «засвидетельствование браков, совершенных в церкви, не заменяет собой указанных записей в столе ЗАГСа».

Расторжение браков на оккупированной немцами территории России было воспрещено. Так, 28 апреля 1943 года Смоленское окружное управление разослало в районные управы бумагу, в которой говорилось о том, что «в настоящее время распоряжением Германского командования разводы запрещены, в исключительных случаях можно только допускать раздел имущества, но без права разошедшихся супругов вступать в новый брак. Неизвестное отсутствие жены или мужа, а также и эвакуация НЕ ДАЮТ ПРАВА (выделено в документе. — *Б. К.*) оставшемуся здесь супругу вступать в новый брак»[11].

Подобные действия можно объяснить желанием оккупантов осуществлять жесткий контроль за населением.

В инструкции для мировых судов Смоленского округа от 2 июля 1943 года отмечалось, что в исключительных случаях при разрешении бракоразводных дел «обоюдное желание супругов не является законным поводом для развода». Предполагалось, что «при разрешении имущественных разделов разводящихся супругов суд должен стоять на стороне интересов правого супруга». Новый брак того супруга, по вине которого был произведен развод (это определял мировой суд), был воспрещен. Поэтому решение суда направлялось в стол загса, где в удостоверении личности ставился штамп о расторжении брака со словами «без вины» или «по вине».

Из газеты «Новый путь»:

«О расторжении браков

До сих пор расторжение браков временно запрещалось. В настоящее время брак может быть расторгнут по заявлению одного из супругов при следующих обстоятельствах: виновен в измене, в грубом обращении со своей четой (побои, увечья и т. п.), болен неизлечимой болезнью, если имеются другие тяжелые пороки, которые исключают возможность дальнейшего пребывания супругов в браке.

Заявление о расторжении брака должно подаваться в мировой суд по месту жительства супруга.

При расторжении брака невиновный или же неизлечимо больной супруг может требовать материальной поддержки со стороны другого. Дети до достижения трудоспособности имеют право на содержание. Оно не должно превышать 50% его денежного пособия».

<Без автора>

В случаях изменения гражданского состояния занесенных в метрические книги заинтересованным лицам выдавались свидетельства в виде выписки из этих книг. Каждое свидетельство облагалось сбором в сумме 20 рублей. Регистрация брака оплачивалась сбором в сумме 100 рублей.

Любой отход от правил, связанных с регистрацией брака, наказывался денежным штрафом до тысячи рублей и принудительными работами. В распоряжении Смоленской управы от 3 апреля 1943 года «О временных

правилах в отношении регистрации актов гражданского состояния» специально оговаривались следующие нарушения: совершение духовным лицом, принадлежащим к духовному сообществу, церковного венчания или удостоверение брака прежде того, как факт заключения брака внесен в реестр браков; умышленное внесение в реестр браков ложных сведений о брачующихся; недостаточно полный сбор информации о женихе и невесте; заключение брака людьми, которым было запрещено регистрироваться[12].

С 27 июля 1936 года в Советском Союзе были запрещены аборты, а женщинам, сделавшим аборт по немедицинским показаниям, грозило лишение свободы на срок до двух лет[13]. На оккупированной нацистами территории делать аборты также не разрешалось. Военные коменданты издавали приказы следующего содержания: «Лица, делающие аборты, и такие, которые занимаются проведением абортов как ремеслом, будут наказываться.

Минимальное наказание для лиц, делающих аборты, — это помещение таких лиц в женский лагерь для принудительных работ сроком на шесть недель и денежный штраф в двойном размере той суммы, которая за сделанный аборт получена.

Аборты делать разрешается только врачам в особенных случаях после того, как каждый такой случай будет точно проверен и получено на это разрешение областного коменданта»[14].

При анализе различных инструкций и распоряжений коллаборационистских администраций, касающихся вопросов брака и семьи в различных городах на оккупированной территории России, видно, что все они весьма похожи друг на друга. Следовательно, данные документы исходили из одного центра, в данном случае — из Берлина. Рассматривая основные черты брачно-семейного права на оккупированной территории России, можно отметить, что все инструкции, указы и распоряжения как немецких оккупационных служб, так и марионеточной «новой русской администрации» были направлены на решение одной глобальной задачи — осуществления тотального контроля за населением.

Но в условиях многомесячной нацистской оккупации России повседневная жизнь складывалась далеко не так, как это виделось берлинским чиновникам. К тому же на оккупированной территории России был явный дефицит русских мужчин. Многие из них воевали в Красной армии и партизанских отрядах. Именно их забирали в первую очередь на работы в Германию. Да и многие немецкие солдаты видели в местных девушках и женщинах в первую очередь не представителей «унтерменшей»-недочеловеков, а именно девушек и женщин.

В одном из номеров коллаборационистской газеты «За Родину», которая распространялась на оккупированной гитлеровцами территории Северо-Запада России, были опубликованы стихи «О пользе изучения языка»:

Всегда пригодится любая наука.
Немецкий и русский — хорошая штука.
Но странен учащихся выбор и вкус:
Все девушки учат — «их либе» и «кус».
Но знанье без практики — дело пустое.
И там, где учащихся встретится двое,
Только и слышишь из девичьих уст:
«Ах, милый, ах, милый, еще один "кус"».
А он отвечает, с досады, хоть плюй:
«О медхен, о медхен, нох айн... поцелуй»[15].

В переводе на русский язык употребляющиеся немецкие слова означают: «их либе» — я люблю, «кус» — поцелуй, «медхен» — девушка.

Как завязывались подобные отношения? Причин этому несколько. Безусловно, во многих случаях немецкие солдаты действовали с позиций силы. Совершенно необязательно, что это было изнасилование. Просто оккупанты путем угроз, запугивания и шантажа могли получить желаемый результат. Немалую роль играло и материальное благополучие. В условиях каждодневной угрозы голодной смерти многие женщины соглашались сожительствовать с немцами за продукты. Еда была также необходима их детям и престарелым родственникам. Кто-то видел в немецком любовнике защиту от приставаний других солдат или русских полицаев.

Были случаи, когда возникали искренние чувства. Конечно, эти романы были обречены на несчастливый

конец. Но в условиях повседневной угрозы смерти и один день радости стоит очень дорого.

Были и такие женщины, которые хотели «пира во время чумы». Об одной такой написал в своей книге «Война» Илья Эренбург: «Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь. А она услаждала палачей своего народа.

Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Позднее раскаяние. Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник — люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной — для себя самой, нет кары тяжелее»[16].

Другой эпизод из этой же книги: «Я сидел в одном доме. Меня удивили глаза хозяйки: они казались сделанными из опалового стекла, в них не было жизни. Хозяйка неохотно отвечала на мои вопросы, а спрашивал я ее, только чтобы разрядить чересчур тяжелую тишину. В углу играл пятилетний мальчуган. Я спросил хозяйку: "Немцы к вам приходили?" Она ответила: "Нет". Я сказал: "Вам повезло". Но тогда мальчик закричал: "Отто приходил", и, упрямо стуча кулаком по стулу, он долго повторял: "Отто приходил". Женщина молча вышла из комнаты. Я больше не мог сидеть в этом доме. Мне показалось, что в комнате нет воздуха. Я выбежал на улицу. Был морозный яркий день. Сотни женщин жмурились и улыбались первому красному флагу на фасаде поврежденного снарядом дома. Мир жил и радовался. Только одна высокая белокурая женщина с пустыми опаловыми глазами не находила себе места в этом мире»[17].

Людмила Джиованни, пережившая оккупацию Новгорода, вспоминала о том, что каждое утро из квартир, где проживали местные жители, как тараканы разбегались немецкие солдаты. Они спешили в казармы от своих русских подруг.

В воспоминаниях шефа новгородского гестапо Бориса Филистинского, которые он издал уже будучи профессором Вашингтонского университета, так описывается жизнь в Приильменье зимой 1942 года: «За стеной

слышалась однообразная игра на гармошке, русско-немецкий говор, взвизги и чмоканье.

— Жируют, — как-то совсем равнодушно кивнул в ту сторону старшина, бывший председатель колхоза "Завет Ильича". И прибавил минуту спустя тем же безразличным тоном, повернувшись к стене и громко стукнув в нее кулаком: — Санька, подь сюды.

Стуча новыми сапогами, в горницу с вызывающим видом вошла старшая дочь старшины, полная красношекая девка лет девятнадцати. Кофточка ее была помята, несколько пуговиц расстегнуто.

— Смотри у меня, не перегуляй. Жируй, да с осторожкой: завтра приезжает твой хауптман. Слышишь? — тем же равнодушным голосом предупредил отец.

— Отвяжись, без тебя знаю, — огрызнулась девка, а глаза ее добавили: сам, смотри, у меня не задирайся: я знаю, чем бы ты был без меня...

— Ну, иди. Нечего твоего гостя томить. Кто у тебя? Вахмистр?»[18]

Кроме немцев пытались найти свою любовь на Новгородской земле и испанские солдаты «Голубой дивизии»: «В двухстах шагах, в единственном уцелевшем домишке, в жарко натопленной горнице сидел за столом испанский поручик. Он был полураздет, перед ним стояло несколько бутылок коньяка и водки, сковорода с недоеденной рыбой и крупно нарезанный лук. Чудесный домашний свежий ржаной хлеб и овсяный кисель, почти нетронутый, придавали пиршеству местный колорит. Вся семья хозяина дома — и сам хозяин с женой, и молоденькие дочери его, и старуха бабка — с раскрасневшимися лицами и мутными глазами сидели за столом. Хозяйский сынишка, парень лет четырнадцати, что есть силы терзал гармонь, а денщик-испанец подыгрывал ему не в тон на гитаре и выл что-то дикое и нечленораздельное. Я предъявил офицеру свой пропуск и свои документы. Он пьяно взглянул на меня и на возницу и сунул нам в руки объемистые кружки с коньяком:

— Пейте! Пейте, вам говорят! — На документы он и не взглянул.

— Они ничего, испанцы-то, щедрые. Все солдаты ихние на девках наших попереженились. По-право-

славному. И в церкву нашу ходют. А девкам в подарок и коров, и свиней подарили. С соседних деревень грабанули. Хороший народ, подходящий, — объяснял мне заплетающимся языком хозяин дома, помощник волостного старосты...

И мы опять на дровнях. Дорога вьется — однообразная и унылая, а возница рассказывает мне:

— В Курицко испанский комендант запретил солдатам с девками гулять... Ну да разве испанцы послушают кого? Поймали комендантские девок и баб с солдатами на гулянке в клубе. Девкам голову наголо сбрили, бабам полголовы выстригли, а солдат выпороли... Смех и грех!»[19]

Нацистское руководство было крайне обеспокоено фактами «морального разложения» своих солдат. 8 июня 1942 года вышла «Памятка солдату о поведении в оккупированных восточных областях». В ней, в частности, говорилось: «В оккупированных областях немецкий воин является представителем германской империи и ее власти. Он должен это чувствовать и соответствующим образом вести себя. Затяжная война, пребывание на гарнизонной службе сопряжены с той опасностью, что отношения с женской половиной гражданского населения становятся более близкими, чем это желательно.

Поддержание престижа вооруженных сил и угроза опасности причинить вред чистоте расы требует того, чтобы этому вопросу было уделено серьезное внимание и чтобы в этом отношении на солдат оказывалось постоянное воздействие.

Командующим издано постановление о запрещении дальнейшего пребывания немецких солдат у местных жителей. Все солдаты без исключения должны размещаться вместе. Поскольку для этого необходимы жилые дома, надлежит выселять из них гражданское население. В таких случаях местные жители переселяются в другие квартиры или эвакуируются.

В районе боевых действий, в условиях развивающихся военных операций, когда место стоянки требуется на короткий срок, нет необходимости в переселении местных жителей»[20].

Нужно отметить, что это распоряжение, несмотря на всю пресловутую любовь и уважение немцев к приказу

и порядку, практически не выполнялось. Скорее всего, местных «отцов-командиров» раздражали подобные требования «берлинских чинуш», которые не могли понять всю сложность жизни простых фронтовиков.

Когда немецкому командованию стало понятно, что исключительно репрессивными мерами данную проблему решить невозможно, оно приняло ряд других мер. В частности, в марте 1943 года принимается решение, согласно которому при рождении ребенка от немецкого солдата русские матери имели право на алименты: «При регистрации внебрачных детей, которые происходят от германских отцов, надо одновременно представить доказательства, которыми подтверждается отцовство германского солдата.

Каждый раз, если мать при регистрации внебрачного ребенка в ЗАГСе указывает, что отцом ребенка является германский солдат, чиновник ЗАГСа должен снять с матери показания, кто является отцом (фамилия, имя, чин или знаки отличия, воинская часть, почтовый номер, в крайнем случае только род войск отца) и что привело к половому сношению (пребывание на квартире, работа матери в воинской части и подобное) и признает ли солдат отцовство. Одновременно надо спросить мать, с какими другими мужчинами она имела еще половое сношение в период зачатия.

Различные находящиеся на руках матери доказательства отцовства (письма, фотокарточки отца или подобное) надо приложить к акту.

Волостной старшина дает заключение, заслуживает ли показание матери доверия, допрашивает еще возможных со стороны матери знакомых свидетелей, берет у матери отпечатки всех 10 пальцев и, как можно скорее, отправляет материалы со своим заключением районному бургомистру.

Содержание детей, относительно которых установлено, что отцом их является германский гражданин, обеспечивается уплатой текущего пособия. Пособие составляет ежемесячно 200 руб. и выплачивается матери районной кассой ежемесячно вперед со дня рождения ребенка.

Если имеются налицо особые обстоятельства, то пособие на содержание по заявлению матери или опекуна

может быть увеличено до 300 руб. ежемесячно. Суммы, которые выплачиваются районами таким детям, должны быть взяты из общего фонда обеспечения, но проведены по особым счетам. Об их возврате в дальнейшем районы получат в ближайшее время указание.

Если отцовство германского гражданина не установлено с достаточной достоверностью, то текущее пособие на содержание не выплачивается. В этом случае матери должны получать помощь от районного Управления из общих средств обеспечения»[21].

Но если ребенок, рожденный от немецкого солдата, в условиях оккупации мог быть определенной формой заработка, ситуация кардинально менялась после прихода советских войск. И здесь речь шла не только о моральном осуждении со стороны соседей. Могла последовать и более строгая кара.

В одном из партизанских воспоминаний описан следующий случай: за три года, пока Северо-Запад России был оккупирован нацистами, местная жительница «прижила» от них двух детей. В первый же день после освобождения своей деревни она вышла на дорогу, положила туда своих малышей и с криком «смерть немецким оккупантам!» убила их булыжником[22].

Для удовлетворения половых потребностей солдат и офицеров на оккупированной территории России открывались публичные дома. Были среди них и фешенебельные: так, в Смоленске в бывшей гостинице действовал бордель исключительно для офицеров-летчиков. В нем работали профессионалки, прибывшие из Польши и Франции. В других русских городах все было «попроще». Так, вскоре после освобождения Пскова от гитлеровцев обком партии получил от чекистов информационную записку о жизни города в условиях оккупации. В ней речь шла и о публичных домах:

«Публичные дома, или "Бордель-хаусы", в Пскове.

В Пскове на Горной и на Детской улицах были созданы крупные публичные дома, или "Бордель-хаусы", как их называли сами немцы. В эти дома зачастую брали девушек даже несовершеннолетнего возраста. Часть девушек шла в эти дома из-за материальной необеспеченности, а часть для того, чтобы своим телом подза-

работать себе лишние "тряпки" и пожить праздной и развратной жизнью. "Бордель-хаусы" у немцев пользовались большим спросом, и были дни, когда перед этими домами выстраивались очереди. Несмотря на еженедельный медицинский осмотр всех женщин этих домов, все же заражение венерическими заболеваниями шло взаимное, и большинство женщин из этих домов возвращалось с венерическими болезнями.

Институт санитарно-поднадзорных.

Так как имевшихся в Пскове публичных домов для немцев не хватало, то они создали так называемый институт санитарно-поднадзорных женщин или, просто говоря, возродили свободных проституток, которые торговали своим телом на улицах города. Периодически они также должны были являться на медосмотр, о чем получали соответствующие отметки в особых билетах, которые получали на руки. Занятие проституцией без специальных билетов немцами юридически запрещалось, но фактически оно процветало, так как немцы своей разнузданностью в разврате способствовали этому.

Списки санитарно-поднадзорных установлены, фотокарточки сотрудников "Бордель-хаусов" имеются»[23].

Илья Эренбург так писал об оккупации Курска: «Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнес речь: "Мы несем веселье в ледяную пустыню".

Они не принесли веселья. Они принесли заразу. Перед войной в Курске совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили»[24].

Последнее утверждение не является выдумкой или преувеличением писателя. В архивах Курской области сохранились регистрационные карточки с именами многочисленных жертв.

Работа публичных домов на оккупированной территории привлекала особое внимание советских органов государственной безопасности. Это можно объяснить

двумя причинами: во-первых, в подобных заведениях можно было вести работу по сбору сведений, которые могли разболтать подвыпившие клиенты. Во-вторых, открытие подобных заведений вызывало крайне негативную реакцию среди русского населения, а это, в свою очередь, было на руку антифашистскому сопротивлению. Так, в докладной записке начальнику Управления НКВД по Калининской области Токареву писалось следующее: «В последних числах октября 1942 г., по заданию фельдкомендатуры, бургомистр города Великие Луки Поморцев приступил к созданию дома терпимости под названием "Дом благородных девиц", который должен "обслуживать" немецких солдат и офицеров.

Оборудование публичного дома было поручено начальнику строительного отдела управы, а обеспечение мебелью — начальнику жилищного отдела Снеготскому. Под помещение, в котором должен размещаться этот дом, было подобрано одноэтажное кирпичное здание, расположенное на улице Ботвина, рядом с 7-й школой. На оборудование дома терпимости и его ремонт городская управа отпустила 50.000 рублей из своего бюджета и выделила необходимое количество стройматериалов. Дом рассчитан был на 20—25 человек. Штат дома терпимости предполагался быть следующим: управляющая домом "благородных девиц", непосредственно подчиняющаяся бургомистру Поморцеву, наставницы и девушки. Кроме того, там должны были быть: доктор, швейцары, маникюрша, массажистка и другой обслуживающий персонал.

По внутреннему устройству дом терпимости должен был представлять следующее: зал ознакомления, в котором должны были находиться буфет, эстрада, столики для закусок. В середине зала танцевальная площадка. Далее были оборудованы кабинеты с отдельными входами и выходами, соединенные между собой только общим коридором. Кабинеты были оборудованы поразному и делились на несколько классов. В кабинете первого класса стояла никелированная кровать, ванна и прочие удобства»[25].

Поморцев и начальник полиции Филиппков по согласованию с фельдкомендатурой управляющей дома

назначили некую Древич, которая в свое время являлась притоносодержательницей в Одессе. Управляющая домом должна была набирать девушек и женщин в это учреждение. Все отобранные ею лица должны были посетить фельдкомендатуру, где они проходили медицинское освидетельствование и внешний осмотр. Желающие «работать» в «доме благородных девиц», то есть в доме терпимости, подавали заявление непосредственно в фельдкомендатуру.

В первую очередь такие заявления подавали лица, ранее занимавшиеся проституцией. Немцы предполагали, что если из добровольно желающих не будет набран нужный им контингент, то они проведут специальную вербовку подходящих для этой цели девушек.

Впечатление у населения об открытии немцами дома терпимости было самым отвратительным. Гражданка Лидия Андреевна Вишнякова, 1890 года рождения, домохозяйка, отзывалась о публичном доме так: «Когда я узнала, что в нашем городе организуется столь гнусное заведение, я сказала, что рада за то, что моя племянница погибла от бомбежки, что она не будет знать об этом ужасном доме и не попадет в него».

Дом терпимости немцам открыть не удалось. Он был разбит снарядом и сгорел. Управляющая Древич, как еврейка, была самими же немцами расстреляна[26].

Но далеко не все русские женщины встречались с оккупантами по своей воле. Были и те, кто, выполняя приказания советского командования, собирали различные разведывательные сведения. Делать это на виду у земляков было очень сложно и тяжело. Абсолютное большинство из них носили кличку «фашистская подстилка». Герой Советского Союза И. И. Сергунин в своих воспоминаниях «Давали клятву партизаны» писал: «Мало кто знает, что только в районах действия нашей бригады к началу 1944 года по заданию партизан работало в фашистских учреждениях, комендатурах, земельных управах, полицейских отрядах около пятисот советских патриотов, из них более восьмидесяти процентов — женщины и девушки. Это значило, что мы в пятьсот пар глаз следили за действиями и передвижениями фашистов и все, что делалось на оккупированной территории

этих районов, уже на второй день было известно партизанскому штабу и советскому командованию.

Тот, кто знаком с подпольной работой, хорошо знает, как это было трудно. Представьте себе: девушку послали работать во вражеское учреждение. Она молодая, миловидная, за ней волочится не один гитлеровский офицер, а ей нужно получить данные для партизан. Преодолевая отвращение, она идет с фашистом за руку, улыбается ему на виду у всех односельчан. А ребятишки вслед кричат ей: "Овчарка немецкая! Подстилка фашистская!" Девушка по ночам плачет. Родители прогоняют ее из дома, подруги отшатнулись от нее. Она никому не может открыть свою тайну. И, собрав все свои силы, молчит, терпит. Во имя того, чтобы выполнить свой гражданский долг. Через эти унижения, обиды и трудности прошли многие славные подпольщицы...»

Но еще страшнее и горше было, когда Центр забывал или терял своих агентов. Так, полковник КГБ Зоя Воскресенская в книге «Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы» описывает одну из своих встреч в Воркуте в 1954 году: «При 2-й шахте действовало дамское ателье, в нем обшивали воркутинских женщин. Возглавляла это ателье расконвоированная заключенная, осужденная на двадцать пять лет "за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами". Звали ее Оля. Спросила, что она натворила такого, что получила высший срок. "О, гражданин начальник. Я вам расскажу, но все равно вы мне не поверите". — "А все же..."

И она поведала мне свою историю. Оля из Орла. Была комсомолкой. Когда началась война, попросилась на фронт. Немцы подходили к городу. В военкомате молодой человек предложил ей остаться в Орле и, поскольку она в какой-то мере владеет немецким языком, постараться заслужить доверие гитлеровцев, выяснить их планы, настроение, потери, в общем, стать разведчицей. Два раза в месяц она должна была являться в условное место и закладывать в тайник свое донесение и вынимать оттуда (из дупла) очередное задание.

Оля дала свое согласие, отправила мать в эвакуацию, сказала ей, что задерживается здесь по комсомольским делам и потом приедет.

После оккупации города Оля быстро и легко вошла в офицерскую среду, вечера проводила в ресторанах, делая вид, что по-немецки она знает лишь несколько слов. Как условились, она ходила к тайнику в определенные и контрольные дни и... находила там свои донесения и никаких заданий.

Она была в отчаянии. Пыталась улизнуть из города, избежать грязных рук оккупантов. Но это ей не удалось.

Орел находился в руках гитлеровцев больше двадцати месяцев, и все это время Оля не теряла надежды, что ее разыщут.

После освобождения Орла от захватчиков советскому командованию посыпались донесения о предательском поведении этой "девки Ольги", которая плясала с эсэсовцами в ресторанах, пила с ними вино и водку, разъезжала в их автомобилях. Она была арестована и, как военный преступник, предстала перед военным трибуналом.

Из ее рассказа по специфическим деталям, знакомым мне как разведчику, я поняла, что она говорит правду, и посоветовала ей подробно описать свои злоключения и просить Верховный Суд пересмотреть ее дело. Олину исповедь я отправила фельдсвязью.

Минуло несколько месяцев, и вот однажды вечером, разбирая почту, я вскрыла правительственный конверт и, к неописуемой своей радости, прочитала постановление о полной реабилитации Оли "за отсутствием состава преступления"»[27].

Но далеко не все подобные истории заканчивались счастливо. И хотя обычно женщину только за половую связь к уголовной ответственности не привлекали, жить с клеймом «фашистская подстилка» было нелегко. Еще хуже приходилось детям, привыкшим с детства к кличкам «фашистенок», «немец» или «испанец».

Если же говорить обо всех женщинах, оказавшихся в тяжелейших условиях вражеской оккупации, то, конечно, не было в действиях подавляющего большинства из них того самого «состава преступления». В Священном Писании сказано: «Не судите — да не судимы будете». Да и нельзя судить женщину, когда она, никого не предавая, хотела накормить своих близких, хотела любви и защиты. А может быть, их собственный суд над собой был гораздо страшнее и строже...

Сейчас в это трудно поверить, но чуть более ста лет назад европейские интеллектуалы искренне заявляли о том, что XX век будет золотым веком для всего человечества. Веком научно-технического прогресса и мира без войн. По поводу развития науки и технологий они, конечно, угадали. Но две мировые войны и огромное количество локальных конфликтов сделали прошедшее столетие самым кровавым за всю историю цивилизации.

Повседневную жизнь человека в условиях оккупации было бы точнее назвать «выживание». Не всем довелось дожить до освобождения от фашистского нашествия. Многие наши сограждане погибли от голода и болезней, были уничтожены во время различных карательных акций.

Для спасения себя и своих родственников от голодной смерти и репрессий кто-то пошел на службу к нацистам. Были люди, для которых коллаборационизм стал осмысленным выбором. Кроме приспособленцев и хапуг, садистов и убийц там были и идейные противники советской власти. Уже после войны вдова уничтоженного партизанами «организатора новой власти» в Локотьской волости, активная участница коллаборационистского движения А. В. Колокольцева-Воскобойник признала: «Главным мотивом всех настроений этого периода была раздвоенность. Это двойственное отношение к немцам: как к врагам родины, русско-

го народа и к союзникам против большевиков. Но еще вначале, когда русский народ и Советское правительство для меня были двумя различными полюсами, это явление не было столь болезненным, так как я считала, что все же это делается для народа.

Но когда ход событий все больше и больше стал доказывать, что этот русский народ и Советское правительство по существу одно и то же, когда стало ясно, что, несмотря на все трудности, на все жертвы, русский народ идет за Советским правительством, тогда часто начинало казаться, что ты зашел в тупик и выхода из этого тупика нет. Ведь когда перед собой и перед людьми ты оправдывала свое сотрудничество с немцами, сотрудничество в момент войны, то единственным оправданием для меня служило то, что так нужно для народа. Когда же это оправдание отпало, то оставался один голый факт — ты — изменник Родины. Это трудно сказать, еще труднее написать, а прожить — еще страшнее.

Если факт, что народ в момент войны, в момент страшного напряжения всей страны, поддержал свое правительство, пошел вместе с ним. Если этот факт был почти ясен для меня уже в последние годы, и только я сама старалась отбросить это от себя, то вполне я это поняла в тот момент, когда я с Власовской дивизией очутилась на территории, занятой частями Красной Армии. Я увидела Красную Армию, я увидела народ, с каким озлоблением, презрением встречали они нас, которые, как я когда-то думала, являлись носителями, выразителями дум и желаний этого народа. Между нами была пропасть. И тут я поняла ясно, что мой муж жестоко ошибся, считая, что с людским настроением, с каким были мы к 41-му году, в России большинство. Он был не прав. Ход войны, история доказали это».

Победа над гитлеровской Германией была одержана не только на фронте и не только в советском тылу. Ее одержали и те, кто долгие месяцы оккупации не потерял себя, не пошел на сотрудничество с врагом, не побоялся угроз и смерти, не поддался на все посулы и обещания, столь щедро раздававшиеся нацистскими пропагандистами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список аббревиатур

АУФСББО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Брянской области.

АУФСБ по Костромской области — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Костромской области.

АУФСБКК — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю.

АУФСБКО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области.

АУФСБНО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области.

АУФСБОО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Орловской области.

АУФСБПО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области.

АУФСБ по Самарской области — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Самарской области.

АУФСБСО — Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Смоленской области.

СРАФ УФСБ СПбЛО — Служба регистрации архивных фондов Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

ГАБО — Государственный архив Брянской области.

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.

ГАКО — Государственный архив Курской области.

ГАНО — Государственный архив Новгородской области.

ГАОО — Государственный архив Орловской области.

ГАПО — Государственный архив Псковской области.

ГАСО — Государственный архив Смоленской области.

ГАОПИКО — Государственный архив общественно-политической истории Курской области.

ГАНИНО — Государственный архив новейшей истории Новгородской области.

ГАНИПО — Государственный архив новейшей истории Псковской области.

ГАНИСО — Государственный архив новейшей истории Смоленской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва.

ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов, Санкт-Петербург.

Введение

[1] *Эренбург И. Г.* Война. М., 2004. С. 131.

[2] Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 287.

[1] Нюрнбергский процесс. Т. 7. М., 1961. С. 122.
[2] Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Берлин, 1994. С. 83.
[3] Речь. 1942. 25 февраля.
[4] Война Германии против Советского Союза 1941—1945. С. 80.
[5] Цит. по: *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 119.
[6] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.
[7] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[8] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19—20 об.
[9] АУФСБКО. Д. 437. Л. 158.
[10] За Родину. 1943. 28 марта.
[11] АУФСБНО. Д. 43689. Л. 38.
[12] Там же. Л. 86.
[13] Там же. Л. 220.
[14] Там же. Л. 60—60 об.
[15] Там же. Д. 42015. Л. 32.
[16] Там же. Д. 1/7188. Л. 12.
[17] Там же. Л. 181.
[18] АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 20.
[19] Там же. Л. 15.
[20] Там же. Д. 9910. Л. 18 об.
[21] Там же. Л. 18 об.
[22] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24; Ф. 159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—5, 21—22.
[23] Там же. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
[24] АУФСБСО. Д. 2231-С. Л. 54 об.
[25] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 об.
[26] Новый путь. 1942. 12 апреля.
[27] Речь. 1943. 25 апреля.
[28] ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[29] Там же. Л. 10.
[30] АУФСБСО. Д. 9910. Л. 8 об.
[31] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
[32] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[33] Новый путь. 1942. 5 февраля.
[34] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 212. Л. 47.
[35] Непокоренная земля Псковская. Л., 1969. С. 34.
[36] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 153. Л. 1.

Глава вторая. **Повседневная неповседневность**

[1] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. М., 2004. С. 273.
[2] Там же.
[3] АУФСБНО. Д. 1/7088. Л. 14.

[4] *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории 1941—1944. М., 1971. С. 85.

[5] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 15.

[6] *Кулик С. В.* Антифашистское движение сопротивления в России. Проблемы политического и идеологического противоборства. 1941—1944. СПб., 2006. С. 146.

[7] *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. С. 435.

[8] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 148.

[9] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб., 2002. С. 429.

[10] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 149.

[11] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. С. 288.

[12] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 152.

[13] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. С. 274.

[14] В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сборник документов. Л., 1981. С. 52.

[15] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 154.

[16] *Петров Ю. П.* Указ. соч. С. 220.

[17] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. С. 274.

[18] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 17. Л. 137.

[19] Там же. Л. 357.

[20] Там же. Л. 360.

[21] ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 373. Л. 9.

[22] РГАСПИ. Ф.625. Оп.1. Д. 11. Л. 259.

[23] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 158—159.

[24] Там же. С. 160.

[25] Отечественная история. 1999. № 3. С. 190.

[26] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 162.

[27] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 17—18 об.

[28] *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 180.

[29] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 183.

[30] История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 2001. С. 174—175.

[31] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 186.

[32] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 18.

[33] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 164.

[34] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 451.

[35] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 165.

[36] ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

[37] Там же. Л. 9.

[38] Там же.

[39] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 19.

[40] Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 309.

[41] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 146.

[42] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 173.

[43] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 13.

[44] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. С. 285.

[45] *Кулик С. В.* Указ. соч. С. 177.

[46] Там же. С. 291.

[1] Преступные цели — преступные средства. М., 1985. С. 48—49.
[2] *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976. S. 26—27.
[3] Голос народа. 1942. 1 декабря.
[4] *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 57—58.
[5] *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 34.
[6] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 37.
[7] АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 41.
[8] *Семиряга М. И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22.
[9] *Дробязко С. И.* Локотский автономный округ и Русская освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 1. С. 33.
[10] ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.
[11] *Дробязко С.* Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С. Дробязко, И. Ермолов. М., 2001. С. 16.
[12] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1695. Л. 1.
[13] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 65.
[14] *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 42.
[15] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 193. Л. 63.
[16] АУФСББО. Д. 21314. Л. 14.
[17] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 65.
[18] АУФСБОО. Ф. 11. Оп. 1, портфель 2. Д. 23. Л. 27.
[19] АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 56.
[20] АУФСБСО. Д. 14432. С. Л. 34.
[21] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 260—261.
[22] *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 46.
[23] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 49956. Л. 12.
[24] АУФСББО. Д. 21314. Л. 42.
[25] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 121. Л. 127—128.
[26] Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. С. 278.
[27] АУФСБПО. Д. 100. Л. 72—73.
[28] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 412.
[29] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 461—462.
[30] *Dallin A.* German rule in Russia 1941—1945: A study of occupation policies. P. 301.
[31] АУФСБПО. Д. 100. Л. 15.
[32] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 462.
[33] Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1966. С. 211—216.
[34] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 462.
[35] *Newland S.* Cossaks in German army 1941—1945. London, 1991. P. 58.
[36] *Дробязко С. И.* Восточные войска и Русская освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941—1945 гг. Вып. 1. С. 27.
[37] Голос народа. 1943. 20 февраля.
[38] Цит. по: *Дробязко С. И.* Локотский автономный округ и Русская

освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 2. М., 1998. С. 207.

[39] *Гелен Р.* Служба. М., 1997. С. 85.

[40] За Родину. 1943. 26 мая.

[41] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[42] АУФСБПО. Д. 43689. Л. 45.

[43] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 195. Л. 14.

[44] *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 50.

[45] *Дробязко С. И.* Восточные войска и Русская Освободительная Армия // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 1. С. 83.

Глава четвертая. **Всевидящее око незримого фронта**

[1] АУФСБПО. Д. 41586. Л. 66.

[2] О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области (докладная записка Кубаткина П. Н.) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 154.

[3] АУФСБПО. Д. 41586. Л. 68.

[4] Там же. Л. 71.

[5] Там же. Л. 45.

[6] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[7] *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 219—220.

[8] АУФСБПО. Д. 41563. Л. 9.

[9] *Штрик-Штрикфельд В.* Указ. соч. С. 222.

[10] АУФСБПО. Д. 41563. Л. 35.

[11] АУФСБНО. Д. 4327. Л. 89.

[12] Речь. 1942. 22 ноября.

[13] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 19344. Л. 3—4.

[14] АУФСБНО. Д. 41586. Л. 62.

[15] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[16] АУФСБПО. Д. 26. Л. 16.

[17] Контрразведка. Псков, 1995. С. 40—42.

[18] АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 56.

[19] *Чернов С. В.* Спецслужбы фашистской Германии в Великой Отечественной войне // Новый часовой. 1995. № 3. С. 60.

[20] Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады Сергуниным И. И. 10 марта 1993 года.

[21] Центр документации новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 2. Д. 356. Л. 45—49.

Глава пятая. **Идейные противники советской власти**

[1] *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. Т. 1. С. 257.

[2] *Ржевская Е. М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 13.

[3] *Казанцев А.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 67.

[4] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.

[5] *Дробязко С. И.* Локотьский автономный округ и Русская освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 2. С. 196—197.

[6] Голос народа. 1942. 15 апреля.

[7] АУФСББО. Д. 11231. Л. 70 об.

[8] *Дробязко С. И.* Указ. соч. С. 205.

[9] Боевой путь. 1944. 16 июня.

[10] *Млечин Л.* Русские националисты и немецкие национал-социалисты // Новое время. 1994. № 10. С. 53.

[11] См.: *Казанцев А.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. С. 62—81.

[12] АУФСБСО. Д. 21655. Л. 41.

[13] АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 87.

[14] *Дробязко С. И.* Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 4. М., 1999. С. 133.

[15] АУФСБСО. Д. 21665. Л. 44.

[16] *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 100—101.

[17] Родина. 1992. № 8, 9. С. 85—86.

[18] *Александров К.* Комбриг Бессонов и десант в ГУЛАГ // Посев. 1997. № 5. С. 42.

[19] *Окороков А. В.* Указ. соч. С. 108.

[20] *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941—1945 гг. Вып. 2. М., 1998. С. 61.

[21] АУФСБПО. Д. 15112-С. Л. 22.

[22] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу 118 // Чекисты на защите Ленинграда. Л. 120—121.

[23] АУФСБПО. Д. 22114. Л. 287.

[24] Там же. Л. 130.

[25] Там же. Л. 131.

[26] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 343.

Глава шестая. **Айн, цвай, полицай**

[1] АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 41.

[2] Там же. Д. 43689. Л. 85.

[3] Там же. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 23.

[4] Там же. Л. 46.

[5] Там же. Д. 43689. Л. 3.

[6] Там же. Л. 87.

[7] Там же. Л. 146 об.

[8] СРАФ УФСБ СПбЛО. Арх. № 19344. Материалы о немецких разрушениях и зверствах, о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 107 об.

[9] Там же. Л. 110.
[10] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
[11] ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
[12] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
[13] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[14] АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 2.
[15] АУФСБСО. Д. 14565. Л. 127.
[16] ГАНО. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
[17] Там же. Л. 7.
[18] Цит. по: *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Русская полиция. М., 2010. С. 92—93.
[19] Там же. С. 93.
[20] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
[21] АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 42.
[22] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 47.
[23] АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 3.
[24] АУФСБОО. Ф. 11. Оп. 1, портфель 2. Об особенностях немецкого военно-административного режима и возможностях нашей агентурной работы в оккупированных районах Орловской области и некоторых районах других областей: Справка. Л. 29.
[25] АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 47.
[26] *Гриднев В. М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941—1944). М., 1976. С. 85.
[27] ГАОО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3д. Л. 2.
[28] ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
[29] ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
[30] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.
[31] Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
[32] ГАНО. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
[33] ГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 356. Л. 30.
[34] ГАОО. Ф. 1283. Оп. 1а. Д. 33а. Л. 16.
[35] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 602. Л. 25.
[36] *Сергунин И. И.* Давали клятву партизаны. С. 307.

Глава седьмая. **А судьи кто?**

[1] АУФСБСО. Д. 14236. Л. 45.
[2] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 255.
[3] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24; Ф. 159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—5, 21—22.
[4] АУФСБПО. Д. 2367. Л. 31.
[5] АУФСБСО. Д. 10345. Л. 24.
[6] АУФСБПО. Д. 2367. Л. 135.
[7] Там же. Л. 140.
[8] АУФСБКО. Д. 437. Л. 183.
[9] АУФСБОО. Ф. 11. Оп. 1, портфель 2. Об особенностях немецкого военно-административного режима и возможностях нашей агентурной работы в оккупированных районах Орловской области и некоторых районах других областей: Справка. Л. 23.

[10] Речь. 1941. 10 декабря.
[11] Новый путь. 1942. 11 января.
[12] Речь. 1941. 10 декабря.
[13] Смоленский вестник. 1941. 12 декабря.
[14] Новый путь. 1941. 7 декабря.
[15] АУФСББО. Д. 1/1242. Л. 56.
[16] АУФСБПО. Д. 2367. Л. 14.
[17] АУФСБСО. Д. 10345. Л. 46.
[18] Речь. 1943. 12 марта.
[19] АУФСБПО. Д. 2343. Л. 53.
[20] ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 34. Л. 23.
[21] Новый путь. 1942. 7 июня.
[22] ГАНО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 18. Л. 35.
[23] Речь. 1943. 12 марта.
[24] ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[25] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
[26] ГАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 633. Л. 6—8.

Глава восьмая. **Арийцы и унтерменши**

[1] Цит. по: *Гилязов И. А.* На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998. С. 18.
[2] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 46436. Л. 15.
[3] *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 147.
[4] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 11.
[5] *Филоненко С. И., Филоненко М. И.* Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. Воронеж, 2006. С. 94.
[6] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Иерусалим, 1992. С. 3.
[7] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 133. Л. 9.
[8] Там же. Д. 131. Л. 14.
[9] За Родину (Псков). 1942. 12 апреля.
[10] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). С. 47—48.
[11] АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 9.
[12] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). С. 102.
[13] АУФСБСО. Д. 17567-С. Л. 260.
[14] Там же.
[15] Там же. Д. 9856-С. Л. 22.
[16] Там же. Л. 23.
[17] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). С. 19.
[18] АУФСБСО. Д. 15342-С. Л. 5.
[19] Там же. Д. 9856-С. Л. 23.
[20] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[21] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 28.

[22] АУФСБНО. Д. 19094. Т. 6. С. 141.

[23] Там же. Д. 16234. Л. 62.

[24] Палачи. Из тайных архивов спецслужб рейха // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 30.

[25] *Рутковский М. А.* Тень свастики над Балтией. Ярославль, 1993. С. 33.

[26] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 50.

[27] АУФСБНО. Д. 2 А/1084. Л. 9.

[28] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 46436. Л. 15.

[29] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.

[30] Там же. Д. 201. С. 81.

[31] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[32] ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 412. Л. 57—58.

[33] Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 40.

[34] См.: *Dean M.* Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941—44. N. Y., 2000.

[35] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[36] *Гилязов И. А.* Указ. соч. С. 11.

[37] *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945: A study of occupation Policies. L., 1957. P. 284.

[38] *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 90.

[39] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[40] Там же.

[41] *Kosyk W.* The Third Reich and Ukraine. N. Y., 1993. P. 202.

[42] *Штрик-Штрикфельд В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 175.

[43] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 196. Л. 55—57.

[44] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 23.

[45] Там же. Л. 2.

[46] АУФСБНО. Д. 1/7241. Л. 64.

[47] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 16—17.

[48] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 18.

[49] ГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 160. Л. 12.

[50] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1743. Л. 11; Д. 1695. Л. 1—3.

[51] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 17.

[52] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1232. Л. 36.

Глава девятая. «Колхоз» готическим шрифтом

[1] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 84.

[2] АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 14.

[3] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 91.

[4] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы госу-

дарственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[5] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 8.

[6] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 135. Л. 15.

[7] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 8—15.

[8] *Гриднев В. М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941—1944). М., 1976. С. 64.

[9] *Безыменский Л. А.* Гитлеровские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964. С. 276.

[10] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[11] Речь. 1942. 18 апреля.

[12] ГАНО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

[13] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[14] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 14.

[15] Новый путь. 1942. 2 января.

[16] Речь. 1942. 25 февраля.

[17] Там же. 10 апреля.

[18] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[19] ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

[20] Там же. Л. 112.

[21] Там же. Л. 1.

[22] Речь. 1942. 8 мая.

[23] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[24] Там же.

[25] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 183.

[26] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 84.

[27] Там же.

[28] АУФСБНО. Д. 1/7221. Л. 3.

[29] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1721. Л. 18.

[30] Там же.

[31] ГАСО. Ф. 2573. Оп. 3. Д. 30. Л. 48.

[32] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 84.

[33] Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

Глава десятая. «Новые русские предприниматели» и их хозяева

[1] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[2] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 156.

[3] Новый путь. 1943. 15 июля.

[4] АУФСБСО. Д. 17214. Л. 56—56 об.

[5] ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 14.

[6] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[7] Промышленность Германии в период войны. 1939—1945 гг. М., 1956. С. 50.

[8] Цит. по: *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 163.

[9] На переломе. 1943. № 3. С. 99.

[10] Речь. 1942. 5 октября.

[11] За Родину. 1942. 28 марта.

[12] АУФСБКО. Д. 437. Л. 182—182 об.

[13] Нюрнбергский процесс. М., 1957. Т. 1. С. 493.

[14] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[15] Цит. по: *Земсков В. Н.* Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941—1944). М., 1986. С. 30.

[16] Советские партизаны. М., 1964. С. 434—435.

[17] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.

[18] Речь. 1942. 6 марта.

[19] ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

[20] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 27.

[21] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[22] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 179.

[23] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 146.

[24] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 376.

[25] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.

[26] Цит. по: *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 173.

[27] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 129.

[28] ГАНО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

[29] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[30] ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 15.

[31] Там же. Л. 21.

[32] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Указ. соч. С. 181.

[33] ГАНО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

[34] АУФСБПО. Д. 2134. Л. 123.

[35] ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 18.

[36] Там же. Л. 21.

[37] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 46—597. Л. 2.

[38] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.

[39] ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
[40] АУФСБПО. Д. 2134. Л. 216.
[41] Там же. С. 183.
[42] ГАСО. Ф. 2573. Оп. 3. Д. 35. Л. 76.
[43] ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 75.
[44] Новый путь. 1942. 15 января.
[45] Речь. 1942. 5 июня.
[46] АУФСБСО. Д. 9910. Л. 10 об.

Глава одиннадцатая. **Искушение словом**

[1] *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1989. С. 271.
[2] *Ржевская Е. М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 13.
[3] История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 318.
[4] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 133. Л. 15.
[5] Там же. Д. 139. Л. 39.
[6] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 191. Л. 17.
[7] Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады Сергуниным И. И. 10 марта 1993 года.
[8] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 133. Л. 22.
[9] Там же. Д. 133. Л. 14, 24.
[10] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
[11] Там же. Д. 201. Л. 62.
[12] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 290.
[13] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 311. Л. 12—13.
[14] АУФСБНО. Д. 1/7258. Л. 56—57.
[15] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 19.
[16] *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944). М., 1971. С. 85.
[17] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 212. Л. 18.
[18] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 648. Л. 3.
[19] *Крысько В. Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 356.
[20] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 195. Л. 11.
[21] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 667. Л. 18.
[22] ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[23] АУФСБНО. Д. 4327. Л. 91.
[24] ГАНО. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
[25] АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 54.
[26] Там же. Л. 47.
[27] Речь. 1942. 25 марта.
[28] За Родину. 1942. 2 сентября.
[29] ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 416. Л. 30.
[30] Речь. 1943. 2 июня.
[31] *Герценштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 445.
[32] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 5.

[53] Речь. 1942. 5 апреля.
[54] ГАНИНО. Ф. 185. Оп. 3. Д. 12. Л. 9.
[55] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 658. Л. 18.
[56] *Крысько В. Г.* Указ. соч. С. 351.
[57] АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 38.
[58] Там же. Д. 1/7174. Л. 62, 98.
[59] Там же. Д. 1/7258. Л. 48—49.
[60] Там же. Д. 1/7271. Л. 3.
[61] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 9. Д. 138. Л. 101.
[62] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 18.
[63] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 104.
[64] Там же. Д. 139. Л. 57.
[65] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
[66] Там же. Д. 1/7096. Л. 68.
[67] АУФСБСО. Д. 7876. Л. 6 об.
[68] Там же.
[69] АУФСБПО. Д. 41586. Л. 21.
[70] *Галкин А. А.* Указ. соч. С. 347.
[71] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 14321. Л. 68.
[72] *Ивлев И. А., Юденков А. Ф.* Оружием контрпропаганды. С. 266—276.
[73] АУФСБНО. Д. 1/7098. Л. 132.
[74] Там же. Д. 1/7236. Л. 14.
[75] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 5.
[76] АУФСБНО. Д. 2А/1086. Л. 73.
[77] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 76.
[78] *Филоненко С. И., Филоненко И. В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 — февраль 1943). Воронеж, 2005. С. 140.
[79] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 71. Л. 12.
[80] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
[81] Там же. Л. 3.
[82] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
[83] АУФСБНО. Д. 2/1084. Л. 14—15.
[84] АУФСБПО. Д. 42583. Л. 37.
[85] ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
[86] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 61.
[87] Там же.
[88] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
[89] Там же. Д. 1297. Л. 18.
[90] АУФСБПО. Д. 44362. Л. 21.
[91] Там же. Л. 24.
[92] Там же. Л. 24 об.
[93] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
[94] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199. Л. 7.
[95] Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады Сергуниным И. И. 10 марта 1993 года.
[96] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1235. Л. 6.
[97] АУФСБНО. Д. 42583. Л. 42.
[98] См.: ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1743. Л. 1.
[99] На самом деле Радек был убит в тюрьме города Верхнеуральска еще в мае 1939 года.

Глава двенадцатая. **Пир во время чумы**

[1] Речь. 1942. 9 октября.
[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.
[3] Речь. 1942. 29 июля.
[4] ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
[5] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

Глава тринадцатая. **Третий рейх глазами русских «друзей»**

[1] Центральный государственный архив историко-политических документов. Санкт-Петербург. Ф. 0-116. Оп. 7. Д. 72.
[2] За Родину (Псков). 1943. 15 января.
[3] Там же. 1943. 12 января.
[4] Там же. 1943. 5 февраля.
[5] За Родину (Рига). 1944. 5 июля.
[6] Там же. 1943. 27 января.
[7] Там же. 1943. 3 марта.
[8] Там же. 1943. 28 февраля.
[9] Там же. 1943. 28 марта.
[10] Там же. 1943. 7 марта.
[11] Там же. 1943. 14 марта.
[12] Речь. 1943. 12 марта.

Глава четырнадцатая. **Культура в коричневых тонах**

[1] АУФСБНО. Д. 1/7242. Л. 65.
[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[3] Речь. 1942. 17 мая.
[4] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 17.
[5] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[6] АУФСБСО. Д. 3792. Л. 108.
[7] Словарь поэтов русского зарубежья. СПб., 1999. С. 314.
[8] АУФСБПО. Д. 4926. Л. 34.
[9] Словарь поэтов русского зарубежья. С. 110.
[10] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 46436. Л. 34 об.
[11] *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 118.
[12] ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.
[13] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
[14] АУФСБСО. Д. 14561. Л. 23.
[15] Там же. Д. 14263. Л. 42.
[16] Там же.
[17] Новый путь. 1942. 22 марта.
[18] Там же.
[19] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.
[20] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 4.
[21] АУФСБПО. Д. 4926. Л. 144.
[22] Новый путь. 1942. 30 сентября.
[23] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[24] АУФБОО. Справки по фашистским газетам, издаваемым на оккупированной немцами территории. Л. 46.

[25] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[26] От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918—1998. Тверь, 1998. С. 242.
[27] АУФСБСО. Д. 3792. Л. 12.
[28] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
[29] Там же.
[30] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 41—314. Л. 16—17.
[31] Там же. Л. 15.
[32] *Печковский Н. К.* Воспоминания оперного артиста. СПб., 1992. С. 3.
[33] Речь. 1942. 16 октября.
[34] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 41—314. Л. 22.
[35] Там же. Д. 46436. Л. 34 об.
[36] *Печковский Н. К.* Воспоминания оперного артиста. С. 342.
[37] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 46436. Л. 34 об.
[38] Там же. Л. 21.
[39] Там же. Л. 55.
[40] Там же. Д. 38429. Л. 55.
[41] АУФСББО. Д. 41587. Л. 43.
[42] Там же. Л. 84.
[43] АУФСБСО. Д. 3792. Л. 111.
[44] АУФСББО. Д. 3442. Л. 14.
[45] АУФСБ Самарской области. Д. 12098. Л. 83.
[46] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 216.
[47] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 65.
[48] АУФСБПО. Д. 2116. Л. 43.
[49] АУФСБСО. Д. 4324. Л. 34.
[50] *Бочкарев А. А.* Критика чистого чувства. Ставрополь, 1996. С. 594.
[51] Речь. 1942. 4 сентября.
[52] АУФСБСО. Д. 1432. Л. 34—35 об.
[53] Новый путь. 1942. 28 июня.
[54] Там же.
[55] Речь. 1942. 22 апреля.
[56] АУФСБСО. Д. 14223. Л. 41.
[57] *Герценштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 375.
[58] Речь. 1942. 14 августа.
[59] *Штрик-Штрикфельд В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 158.
[60] *Беликов Г.* Указ. соч. С. 101.
[61] АУФСБСО. Д. 3792. С. 73.
[62] АУФСБНО. Д. 1/7242. Л. 14.
[63] *Герценштейн Р.* Указ. соч. С. 331.
[64] Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1958. Т. 2. С. 576.
[65] *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944). М., 1971. С. 70.
[66] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 177. Л. 181.
[67] АУФСБНО. Д. 1/1075. Л. 23.
[68] Новый путь. 1942. 9 апреля.
[69] АУФСБСО. Д. 3792. Л. 78.
[70] Там же. Л. 105.
[71] ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

[1] За Родину (Псков). 1942. 7 ноября.
[2] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Ростов н/Д., 1998. С. 160.
[3] *Fireside H.* Icon and Swastika. Cambridge, 1971. P. 59.
[4] *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 150.
[5] *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 50.
[6] Там же. С. 198.
[7] *Герценштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 431.
[8] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. М., 1996. С. 285.
[9] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 275.
[10] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 138—139.
[11] Там же. С. 143.
[12] *Киселев А.* Облик генерала Власова. Нью-Йорк, 1977. С. 63.
[13] *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 204—205.
[14] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 2.
[15] Картотека «Z» оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941—1942). М., 1998. С. 22.
[16] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 69—70.
[17] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 48.
[18] *Кулик С. В.* Антифашистское движение сопротивления в России. 1941—1944 гг. Проблемы политического и идеологического противоборства. СПб., 2006. С. 309.
[19] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. В 2 кн. Кн. 1. СПб., 2002. С. 356.
[20] Там же. С. 372.
[21] *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005. С. 398.
[22] АУФСББО. Д. 2614. Л. 16.
[23] АУФСБПО. Д. 2370. Л. 32.
[24] Там же. Л. 145.
[25] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 206.
[26] ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
[27] Там же. Л. 16.
[28] *Alexeev W., Stawrou T.* The Great Revival. Minneapolis, 1976. P. 100.
[29] ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
[30] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 207.
[31] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 233.
[32] ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Л. 18.
[33] АУФСБПО. Д. 2370. Л. 48.
[34] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
[35] Там же. Л. 228.
[36] АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 18.
[37] Там же. Л. 19.
[38] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 407.
[39] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 233.

[40] Там же. Л. 235.
[41] Там же. Л. 231.
[42] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
[43] Там же. Д. 39—958. Л. 59.
[44] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 571.
[45] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 211.
[46] АУФСБСО. Д. 9335. Л. 36 об.
[47] Там же. Л. 16 об.
[48] Там же.
[49] Там же. Л. 25.
[50] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 550.
[51] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 15.
[52] АУФСБСО. Д. 9335. Л. 27 об.
[53] Там же. Л. 30—30 об.
[54] Там же. Л. 29.
[55] Там же. Л. 16.
[56] ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.
[57] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 12.
[58] *Филоненко С. И., Филоненко М. И.* Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. Воронеж, 2006. С. 91.
[59] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 13.
[60] Речь. 1942. 1 ноября.
[61] Там же. 10 июня.
[62] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 170.
[63] Там же. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
[64] Там же. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 66.
[65] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
[66] Там же. Л. 13.
[67] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[68] *Ибрагимбейли Х. М.* Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе / Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 272.
[69] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 217.
[70] *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 110.
[71] *Бочкарев А. А.* Критика чистого чувства. Ставрополь, 1996. С. 583.
[72] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 207.
[73] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 56.
[74] Там же. 201. Л. 67.
[75] *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 208—209.
[76] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 11.
[77] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 32.
[78] АУФСБОО. Д. 1431. Л. 62.
[79] Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. 1995. № 5. С. 25.
[80] СРАФ УФСБ СПбЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
[81] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 406.
[82] АУФСБСО. Д. 9335. Л. 38 об.

[1] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 18.
[2] Там же.
[3] АУФСБПО. Д. 100. Л. 58.
[4] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 141.
[5] Там же. С. 142.
[6] Там же. С. 527.
[7] *Губернаторов Н. В.* «Смерш» против «Буссарда». М., 2005. С. 6—7.
[8] Там же. С. 98—99.
[9] Там же. С. 15.
[10] Там же. С. 16.
[11] Говорят дети войны. Орел, 2005. С. 27.
[12] Там же. С. 105.
[13] *Линна В.* Неизвестный солдат. М., 1991. С. 76.
[14] Говорят дети войны. С. 53.
[15] Псков. История в фотографиях 20—50-х гг. XX века. Псков, 2004. С. 73.
[16] Говорят дети войны. С. 107.
[17] Новый путь. 1942. 14 августа.
[18] ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 62.
[19] АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 13.
[20] *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 198—199.
[21] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 192.
[22] *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 104.
[23] ГАОО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
[24] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 681. Л. 1.
[25] ГАНО. Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
[26] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
[27] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 20.
[28] Там же. Д. 1/7256. Л. 90.
[29] Там же. Д. 1/7256. Л. 37.
[30] Там же. Л. 39.
[31] АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 16 об.
[32] Там же. Л. 17.
[33] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
[34] Там же. Д. 6. Л. 9.
[35] АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 14 об.
[36] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
[37] Новый путь. 1942. 13 августа.
[38] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.
[39] Там же. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
[40] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
[41] Там же. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
[42] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 13.
[43] Картотека «Z» оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941—1942). М., 1998. С. 18.
[44] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 1464. Л. 115.

[45] ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
[46] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 192.
[47] АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.
[48] Там же. Л. 190.
[49] АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 168.
[50] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
[51] СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 43—508. Л. 78.
[52] Ставропольское слово. 1942. 8 ноября.
[53] Речь. 1942. 3 апреля.
[54] ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.
[55] АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 13 об.
[56] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
[57] Там же. Л. 59.
[58] ГАОО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 32. Л. 46.
[59] АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.
[60] АУФСБСО. Д. 27112. Л. 15.
[61] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1223. Л. 54.

Глава семнадцатая. **Любовь за морковь**

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. Ашхабад, 1992. С. 208—210.
[2] За Родину (Псков). 1942. 8 марта.
[3] Новый путь (Смоленск). 1942. 5 июля.
[4] Там же.
[5] АУФСБПО. Д. 5234. Л. 216.
[6] АУФСБСО. Д. 7634. Л. 47.
[7] АУФСБПО. Д. 5234. Л. 218.
[8] Там же.
[9] Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: Коллекция документов.
[10] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 29. Л. 13.
[11] ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 1. С. 57.
[12] ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. С. 58—61.
[13] *Курицын В. М.* История государства и права России. 1929—1940. М., 1998. С. 53.
[14] ГАНО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 21. Л. 54.
[15] За Родину (Псков). 1943. 18 ноября.
[16] *Эренбург И. Г.* Война 1941—1945. М., 2004. С. 376.
[17] Там же. С. 381—382.
[18] *Филиппов Б.* Избранное. Лондон, 1984. С. 90.
[19] Там же. С. 96.
[20] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 173. Л. 31.
[21] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 29. Л. 28.
[22] АУФСБПО. Д. 100. Л. 114.
[23] Псковские хроники. Вып. 4. Псков, 2004. С. 241.
[24] *Эренбург И. Г.* Указ. соч. С. 375.
[25] АУФСБПО. Д. С-9250. Л. 46.
[26] Там же. Л. 47.
[27] *Воскресенская З.* Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы. М., 1993. С. 216—219.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
6

Глава первая. ОТ РЕЙНА ДО ЕНИСЕЯ...
Планы руководства Третьего рейха относительно будущего России. — «Союзное население». — Новая русская администрация. — Бургомистры и старосты
10

Глава вторая. ПОВСЕДНЕВНАЯ НЕПОВСЕДНЕВНОСТЬ
Антифашистское сопротивление на оккупированной территории
43

Глава третья. ПРИСЯГАЯ ГИТЛЕРУ
Формирование воинских частей из местного населения и военнопленных. — Национальные части. — Мирное население и «добровольцы»
77

Глава четвертая. ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО НЕЗРИМОГО ФРОНТА
Деятельность немецких разведывательных и контрразведывательных служб. — Вербовка местной агентуры. — Разведшколы и их учебные программы
120

Глава пятая. ИДЕЙНЫЕ ПРОТИВНИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
Деятельность антикоммунистических и пронацистских движений на территории России
137

Глава шестая. АЙН, ЦВАЙ, ПОЛИЦАЙ
Функции и деятельность «службы порядка». — Формы и методы работы. — Требования к полицейским
154

Глава седьмая. А СУДЬИ КТО?
Виды судов. — Преступления и наказания. — Новые законы
179

Глава восьмая. АРИЙЦЫ И УНТЕРМЕНШИ
Нацистская национальная политика. — Школа «чистоты нации». — Холокост. — Жители Прибалтики, славяне и татары
196

Глава девятая. «КОЛХОЗ» ГОТИЧЕСКИМ ШРИФТОМ
Аграрная политика оккупантов. — Положение русского крестьянства. — Земельные реформы: от колхоза к частной собственности на землю
223

Глава десятая. «НОВЫЕ РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ» И ИХ ХОЗЯЕВА
Нацистская политика в экономике и промышленности. — Приватизация 1941 года. — Налоги и сборы. — Заработная плата. — Банковская политика. — Магазины и снабжение. — Рынки. — На работу в Европу
251

Глава одиннадцатая. ИСКУШЕНИЕ СЛОВОМ
Содержание и организация нацистской пропаганды. — Газеты и журналы на оккупированной территории России, их содержание и оформление. — Работа редакций и издательств. — Журналист-коллаборационист
313

Глава двенадцатая. ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ
«Новые русские праздники» на оккупированной территории. — Организация торжеств. — Награды и поощрения
371

Глава тринадцатая. ТРЕТИЙ РЕЙХ ГЛАЗАМИ РУССКИХ «ДРУЗЕЙ»
Ознакомительные поездки в рейх для активных коллаборационистов. — Образ «Новой Европы» в пропаганде
387

Глава четырнадцатая. КУЛЬТУРА В КОРИЧНЕВЫХ ТОНАХ
Дома просветителей. — Писатели и художники, артисты и драматурги. — Газеты и журналы. — Радио, театр и кино
407

Глава пятнадцатая. «ГОСПОДИ, НИСПОШЛИ АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ СИЛУ!»
Православная церковь на оккупированной территории. — Коллаборационизм или духовное возрождение? — Миссионерство. — Подвиги и предательство
468

Глава шестнадцатая. СКОРО САМ УЗНАЕШЬ В ШКОЛЕ...
Ребенок и война. — Дети в немецких разведшколах. — Беспризорники. — Организация школьного дела. — Новые учебные программы. — Учителя и ученики
529

Глава семнадцатая. ЛЮБОВЬ ЗА МОРКОВЬ
Регулирование брачно-семейных отношений, оформление браков. — Русские девушки и немецкие солдаты. — Причины сожительства с оккупантами. — Публичные дома
573

Заключение
596

Примечания
598

Ковалев Б. Н.

К 56 Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Борис Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619[5] с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03451-8

Семь десятилетий отделяет нас от того трагического дня, когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Книга профессора Б. Ковалева посвящена сложной, противоречивой и малоисследованной теме, связанной с Великой Отечественной войной. В ней представлен богатый и уникальный материал, раскрывающий панораму реальной жизни и мотивы поведения людей в условиях оккупации: с одной стороны, показаны истоки массового героизма населения, оказавшегося в тылу врага, с другой – причины сотрудничества с оккупантами и предательства.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622,6

Ковалев Борис Николаевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Редактор **А. П. Житнухин**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 27.12.2010. Подписано в печать 03.05.2011. Формат $84x108/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 32,76+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ 11243

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03451-8

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. М. Володихин
ЦАРЬ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

Федор Иванович занимает особое место в ряду русских монархов. Дело не только в том, что он последний представитель династии, правившей Россией более семи столетий. Загадка царя Федора не давала покоя ни его современникам, ни позднейшим историкам. Одни видели в нем слабоумного дурачка, не способного к управлению страной. Для других (и автор книги относится к их числу) царь Федор Иванович — прежде всего святой, канонизированный Русской церковью, а его внешняя отгороженность от власти — свидетельство непрестанного духовного служения России.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://gvardiya.ru dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Д. Балакин
ГЕНРИХ IV

Колоритная фигура короля Франции Генриха IV, основателя династии Бурбонов, знакома многим по романам Александра Дюма и Генриха Манна. Однако подлинная история жизни правителя маленькой Наварры, которому ценой многолетних усилий удалось взойти на французский трон и прекратить гражданскую войну, терзавшую государство, увлекательнее любого романа. Личность Генриха соткана из противоречий: хитрость и беспечность, отвага воина и неистовое сластолюбие, забота о бедняках и циничное равнодушие к близким людям. Автор первой биографии Генриха IV в серии «ЖЗЛ», историк Василий Балакин, доказывает, что король не был ни выдающимся политиком, ни гениальным стратегом. Главные причины его побед — здравый ум, способность к компромиссам и фантастическая удачливость, позволившая ему избегать всех опасностей до последнего рокового покушения и войти в историю героем легенд о «добром короле Анри».

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://gvardiya.ru dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»

В отделе реализации действует гибкая система скидок

Доставка книг по территории Москвы и Московской области БЕСПЛАТНО

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ
8(495) 787-64-20
8(495) 787-62-92
ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА
8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Arbeitsamt
Управление
труда

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

О. Ковалик
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БАЛЕРИН РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА

Ю. Батурин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ КОСМОНАВТОВ

Н. Борисов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

И. Курукин, А. Булычев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

П. Декс
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЮРРЕАЛИСТОВ 1917–1932

ISBN 978-5-235-03451-8

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ